1006 4

Инв. № 1006.

~~№ 1006.~~
25434

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

АНАТОЛІЙ ѲЕДОРОВИЧЪ

КОНИ.

Къ 50-ти лѣтію его литературной и общественной дѣятельности.

Анатолій Ѳедоровичъ Кони.

(Къ 50-лѣтію его литературной и общественной дѣятельности, 30 сентября 1865—1915 гг.).

25434

Съ особымъ смущеніемъ позволяемъ себѣ изложить краткій очеркъ пятидесятилѣтней дѣятельности высокочтимаго сотрудника „Русской Старины“ Анатолія Ѳедоровича Кони въ настоящее, тяжелое, время, когда слова и мысли, не касающіяся текущихъ событій, такъ плохо укладывается въ головѣ. Не считаемъ также умѣстнымъ подробно распространяться въ оцѣнкѣ тѣхъ вдохновенныхъ страницъ высокаго литературнаго творчества Анатолія Ѳедоровича, которыя ужъ столько лѣтъ украшаютъ страницы нашего журнала.

Отецъ А. Ѳ. Ѳедоръ Алексѣевичъ и мать его Ирина Семеновна (повѣсти Юрьевой) несомнѣнно обладали литературными дарованіями, которыя, въ значительной степени, и передали своему сыну. Въ домѣ отца редактора-издателя литературно-художественнаго журнала „Пантеонъ“ даровитый мальчикъ видѣлъ и слышалъ тогдашнихъ выдающихся по уму, образованію и литературнымъ талантамъ, людей, воспринималъ ихъ слова и мысли и получилъ здѣсь свое первоначальное литературное образованіе.

Прямо изъ 6-го класса здѣшней Александровской гимназіи А. Ѳ. поступилъ, по экзамену въ здѣшній университетъ на физико-математическій факультетъ, а затѣмъ и въ Московскій— на юридическій, гдѣ, по окончаніи курса, ему было предложено остаться при университетѣ для подготовки къ профессорской дѣятельности. Однако въ университетѣ не оказалось средствъ для научной командировки, а читать прямо лекціи А. Ѳ. не согласился и ему пришлось поступить на службу сначала въ государственный контроль, затѣмъ въ военное министерство къ Д. А. Милютину для разработки юридическихъ вопросовъ и наконецъ, въ 1866 году въ судебное вѣдомство, гдѣ уже состоялось открытіе новыхъ судебныхъ учрежденій, кореннымъ

образомъ измѣнившихъ строй внутренней жизни Россіи. По судебному вѣдомству ему пришлось быть помощникомъ секретаря разныхъ судебныхъ учрежденій, товарищемъ прокурора и прокуроромъ разныхъ окружныхъ судовъ, вице-директоромъ департамента министерства юстиціи, предсѣдателемъ петербургскаго окружнаго суда, предсѣдателемъ гражданскаго департамента судебной палаты, оберъ-прокуроромъ уголовнаго кассаціоннаго департамента Сената, сенаторомъ и членомъ новаго Государственнаго Совѣта.

А. Ѳ. состоитъ почетнымъ членомъ Императорской академіи наукъ и почетнымъ академикомъ разряда изящной словесности и почетнымъ членомъ Военно-медицинской Академіи. Въ краткомъ перечнѣ судебныхъ должностей, которыя занималъ А. Ѳ., ярко заблисталъ его талантъ оратора, когда онъ былъ товарищемъ прокурора, прокуроромъ и предсѣдателемъ окружнаго суда и оберъ-прокуроромъ уголовнаго кассаціоннаго департамента Сената.

Обладая громаднымъ общимъ и юридическимъ образованіемъ, глубиной мысли, необычайной памятью, будучи проницательнымъ психологомъ, открывающимъ тайники человѣческой души, во всеоружіи своего ораторскаго таланта А. Ѳ. раскрывалъ сильную и потрясающую картину быта и обстановки разсматриваемаго имъ событія, дотого жизненны были возсоздаваемыя характеристики дѣйствующихъ лицъ, что трудно было устоять противъ вліянія такихъ могучихъ средствъ.

Въ этомъ отношеніи онъ неукоснительно выполнилъ завѣтъ Господа пророку: „Глаголомъ жги сердца людей“ и при этомъ онъ высоко держалъ знамя безпристрастнаго судьи. Онъ въ святости выполнялъ идеалъ судьи имъ же самимъ начертанный: „русскій судья“ „обязанъ быть нелицемѣрнымъ слугой, но не прислужникомъ правосудія“. Вотъ почему въ процессахъ Вѣры Засуличъ, милліонера Овсянникова, игуменьи Митрофаніи, Гулакъ-Артемовской, Ландсберга, въ дѣлѣ о поддѣлкѣ серій, игорнаго дома Колемина, Маргариты Жюжанъ и др. онъ стяжалъ такую заслуженную извѣстность.

Вотъ почему онъ такъ мало времени оставался на административныхъ судебныхъ должностяхъ.

Вотъ почему его заключеніямъ оберъ-прокурора кассаціоннаго департамента Сената внимала вся образованная Россія.

Вотъ почему на всѣ его публичныя лекціи и доклады ломились толпы народа; не хватало мѣста, чтобы вмѣщать всѣхъ.

Литературная дѣятельность А. Ѳ. началась въ „Журналѣ

министерства юстиціи", въ „Московскомъ Юридическомъ Вѣстникѣ", а затѣмъ продолжалась въ „Вѣстникѣ Европы", „Русской Старинѣ" и другихъ журналахъ.

Его труды отдѣльными изданіями напечатаны: „Судебныя рѣчи" въ 1888 г, „За послѣдніе годы" въ 1896, „Ѳ. П. Гаазъ" въ 1897 г. „На жизненномъ пути" 2 т. въ 1912 г., „Отцы и дѣти судебной реформы" въ 1914 г.

Воспоминанія судебнаго дѣятеля должны быть настольной книгой для каждаго юриста. Въ нихъ А. Ѳ. указываетъ настоящіе пути мировымъ судьямъ, слѣдователямъ, прокурорамъ, предсѣдателямъ судовъ, какъ надлежитъ въ судѣ обращаться съ обвиняемыми, свидѣтелями, свѣдущими людьми, экспертизой и др. Въ судебныхъ рѣчахъ и въ ст. „Пріемы и задачи обвиненія" приводятся образцы судебнаго краснорѣчія и въ послѣдней даются дивныя указанія, какъ надо произносить рѣчи не только въ судѣ, но и повсюду.

Всю 50-лѣтнюю дѣятельность А. Ѳ. всѣми силами своего таланта отстаивалъ великую судебную реформу, судъ присяжныхъ, несмѣняемость судей и ихъ полную обезпеченность. Въ этомъ отношеніи его рѣчь въ Государственномъ Совѣтѣ 27 іюля 1909 г. оказалась рѣшающей предложеніе по вопросу объ увеличеніи содержанія чинамъ судебнаго вѣдомства.

Въ Государственномъ Совѣтѣ А. Ѳ. ревностно проводилъ жизненные вопросы родины о попечительствахъ народной трезвости, объ упраздненіи тотализатора, объ уравненіи наслѣдственныхъ правъ женщины, объ авторскомъ правѣ и др.

Всѣ его рѣчи, а равно и всѣ литературныя произведенія отличаются такой глубиной мысли, такимъ изящно-прекраснымъ языкомъ, такой массой яркихъ сравненій, что вниманіе читателя и слушателя не ослабѣваетъ ни на минуту. Тутъ ярко сочетаются дарованія художника, поэта, мыслителя, психолога, ученаго и критика.

А слогъ его, этотъ рѣдкій въ настоящее время слогъ-музыка, присущій ему одному, при соединеніи всѣхъ остальныхъ данныхъ его творчества, дастъ ему полныя права „названія" современный Златоустъ.

Всякое описаніе является у него жизненнымъ, яркимъ: будь оно великое событіе или бытовая картинка. Прочитывая ихъ, невольно переносишься мыслями къ творчеству англійскаго художника-писателя и невольно произносишь: да вѣдь это нашъ русскій Диккенсъ!

Въ особенности это ярко сознаетъ тотъ, кому судьба по-

сылаетъ случай пользоваться рѣчами А. Ѳ. какъ собесѣдника. Слушалъ бы ихъ, слушалъ и восхищался бы ими безъ конца.

А. Ѳ., какъ писатель, обнаруживаетъ исключительный даръ къ характеристикѣ тѣхъ лицъ, которыя были къ нему близки, которыхъ онъ зналъ и дѣятельности которыхъ онъ сочувствовалъ. И онъ даетъ намъ дивные образы тѣхъ людей, которые составляютъ гордость Россіи. Невольно проникаешься жизнью этихъ лицъ ихъ горемъ, ихъ радостью. Какъ живые воскрешаются передъ читателемъ яркіе облики: Апухтина, Арсеньева, Гааза, Гончарова, Горбунова, Градовскаго, Грота, Достоевскаго, Великой Княгини Елены Павловны, Великаго Князя Константина Николаевича, Кавелина, Ключевскаго, Милютина, Некрасова, князя Одоевскаго, Плевако, Пирогова, Писемскаго, Соловьева, Ровинскаго, Тургенева, Толстого, Урусова, Чупрова и многихъ другихъ. Великое спасибо А. Ѳ. за эти дивные образы на поученіе настоящихъ и грядущихъ поколѣній. Прочитавъ ихъ, невольно становишься бодрѣе духомъ и проникаешься несокрушимой вѣрой въ Россію, въ ея могучія силы таланта, мысли и гражданскихъ доблестей.

Біографическій очеркъ Гааза былъ однимъ изъ талантливыхъ и популярныхъ. Этотъ очеркъ А. Ѳ. изложилъ съ особой страстностью и любовью потому, что девизъ жизни Гааза „спѣшите дѣлать добро"—былъ девизомъ жизни самого автора. Это, ярко свидѣтельствуетъ масса лекцій и докладовъ А. Ѳ. на дѣлѣ благотворенія.

Сила таланта А. Ѳ. такъ велика, что изъ его литературныхъ произведеній выхватываютъ словечки, которыя становятся крылатыми, общимъ достояніемъ.

Такимъ словомъ А. Ѳ. Кони, сказаннымъ имъ въ академіи наукъ о Гончаровѣ, мы позволимъ себѣ окончить нашу замѣтку про Анатолія Ѳедоровича: „мы благодаримъ судьбу, зажегшую на небѣ русскаго слова и русской мысли свѣточъ его дарованія".

П. Вороновъ.

Открыта подписка на историческій журналъ

„РУССКАЯ СТАРИНА".

на 1916 годъ.

Вступая въ 1916 г. въ сорокъ седьмой годъ своего существованія, ред. журн. „Русская Старина" предполагаетъ напечатать въ этомъ году слѣдующія статьи: **А. Ѳ. Кони.**—«Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля». «Житейскія встрѣчи». **Дневныя записки генерала Патрика Гордона,** сподвижника царей: Алексѣя Михайловича, Ѳеодора Алексѣевича и Петра Великаго **А. С. Лацинскаго.**—Петръ Великій, Императоръ Всероссійскій въ Голландіи и въ Саардамѣ въ 1697 и 1717 годахъ. Сочиненіе Якова Шельтена. **Е. С. Шумигорскаго.**—Донесенія датскаго посланника Гакстгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 г. Изъ записокъ гр. Ѳ. И. Головкина. Разсказы современниковъ объ Императорѣ Павлѣ I. Дневникъ статсъ-секретаря Гр. И. Вилламова. **Записки Н. А. Розенбаха,** бывшаго командира Павловскаго полка, начальника штабовъ гвар. корпуса Петроградскаго округа и туркестанскаго генералъ-губернатора. (Правдивыя и подробныя записки касаются Императоровъ Александра II, Александра III, Вел. Кн. Владиміра Александровича, гр. Милютина, ген. Скобелева, гр. Шувалова, ген. Анненкова, кн. Имеретинскаго, ген.: Ванновскаго, Обручева, Черняева, Бобрикова и др. Эмира Бухарскаго, Хана Хивинскаго, Императоровъ Вильгельма I, Вильгельма II, эрцгерцоговъ Рудольфа, Франца Фердинанда, Мольтке, Каприви и др.). **А. П. Нелова.**—Изъ дальнихъ лѣтъ (три поколѣнія Нѣловыхъ, дворцовые архитектора Царскаго Села. Капризъ Екатерины II и разговоръ ея по этому поводу. Разговоры Импер. Павла I и Александра I. Александръ I разбираетъ чертежи по постройкѣ Александровскаго дворца. Марія Парижская. Импер. Марія Ѳеодоровна ее воспитываетъ въ малыхъ лѣтахъ, отдаетъ въ Смольный и выдаетъ за мужъ за В. Б. Жукова. Табакъ Жукова. Пожаръ дворцовой церкви, въ которой стояло тѣло Александра I. Императоръ Николай I сажаетъ Брюлова на гауптвахту за икону Саваоѳа въ Исаакіевскомъ куполѣ). **Н. Модестова.**—Послѣдніе дни жизни Императора Александра I. **М. И. Сутырина.**—По родной землѣ. Подробный разсказъ очевидца о пребываніи Пугачева въ г. Курмышѣ. **И. Андерсона.**—Дневникъ И. М. Снегирева. **М. Г. Мардарьева.**—Цензура иностранныхъ газетъ и журналовъ. **Н. А. Соловьева.**—Кража книгъ изъ Императорской публичной библіотеки германскимъ ученымъ Пихлеромъ. Записки **Н. В. Исакова.**—Военныя дѣйствія на Кавказѣ при Воронцовѣ, (Характеристика гр. Воронцова, кн. Аргутинскаго, кн. Бебутова, Коцебу, кн. Барятинскаго, Евдокимова и др.). **Е. С. Каменскаго.**—Августѣйшіе кадеты (юные годы Императора Александра III). Записки гр. **Н. П. Игнатьева** о его пребываніи въ Константинополѣ въ 1864—1874 гг. **В. Х. Кондараки.**—Воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ II въ Крыму. (Самыя подробныя воспоминанія, разговоры Императора). **С. Штрайха.**—Неизданныя письма Н. И. Пирогова религіозно-философскаго содержанія, представляющія чрезвычайно важное дополненіе къ его «Дневнику» «Вопросовъ жизни». **Н. Л. Бродскаго.** — 15 неизданныхъ писемъ И. С. Тургенева. **С. М. Шпицера.** Два неизданныхъ стихотворенія А. В. Кольцова. Изъ архивныхъ матеріаловъ: неизданныя письма И. С. Тургенева, Н. Курочкина, П. И. Каратыгина, В. Р. Зотова, Вл. Чуйко, Д. И. Мамина-Сибиряка, Д. Л. Мордовцева. **Н. А. Лашкова.**—Аракчеевскій синодикъ. **А. И. Георгіевскаго.** — Мои воспоминанія и размышленія. **Е. А. Рагозиной.**— Дарданелы и Египетъ при Измаилѣ пашѣ. **П. А. Юдина.**— Нѣмецъ все могитъ. **А. А. Чижевскаго.**—Воспоминанія о студентахъ Кіевской духовной академіи. **П. И. Едельскаго.** Письмо о пребываніи Александра I въ Архангельскѣ. **Т. М. Олейникова.** — Іеромонахъ Юрьева монастыря Платонъ. **В. П.** Замѣтки Петроградскаго обывателя во время русской-нѣмецкой войны. Воспоминанія Чижевскаго, ген. Савельева, Веселовскаго, Андріяшева, Левакоянскаго, Андреевскаго и др.

Въ будущемъ году будетъ обращено особое вниманіе на печатаніе воспоминаній участниковъ русско-нѣмецкой войны.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 10 руб. съ пересылкой, за границу 12 руб.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 5% съ каждаго рубля.

Подписка принимается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. № 18

ПРИ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса".

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ Петроградѣ въ ред. журн. „Русская Старина" (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

„Новаго Времени", Невскій, 40;

„Т-ва М. О. Вольфъ", Гостиный дв., 18 и Невскій, 13 и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи каждаго выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографическій Отчетъ", платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ,

основанное 1-го января 1870 г.

1915.

ОКТЯБРЬ. — НОЯБРЬ. — ДЕКАБРЬ.

СОРОКЪ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

25434.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія П. Усова. Лермонтовскій пр., д. № 28.
1915.

Сборникъ дипломатическихъ документовъ, касающихся событій на Балканскомъ Полуостровѣ [1]).

(Августъ 1912 г.—Іюль 1913 г.).

---

282 [2]).

Посланникъ въ Букарестѣ.

20 іюня 1913 г.

(Телеграмма).

Сегодня утромъ подписанъ Королемъ приказъ о мобилизаціи всей румынской арміи. Въ городѣ большое возбужденіе, повсюду вывѣшены флаги. На вопросъ Болгарскаго Посланника—противъ кого направлена мобилизація Румыніи и какую цѣль она преслѣдуетъ—Г-нъ Маіореско отвѣтилъ, что онъ надѣется, что шагъ этотъ можетъ еще способствовать прекращенію войны, въ противномъ же случаѣ защита румынскихъ интересовъ будетъ должнымъ образомъ обезпечена этою мѣрою.

(Подп.) *Шебеко.*

283.

Посланникъ въ Букарестѣ.

24 іюня 1913 г.

(Телеграмма).

Извѣстіе о мобилизаціи румынской арміи встрѣчено съ энтузіазмомъ. Сочувствіе къ сербамъ и возбужденіе противъ Бол-

---

1) Обращаемъ особое вниманіе нашихъ читателей на этотъ сборникъ, который наглядно разъясняетъ ходъ событій на Балканскомъ полуостровѣ.

2) См. „Русская Старина", сентябрь 1915 г.

гаріи увеличивается съ каждымъ днемъ. Мобилизація протекаетъ весьма успѣшно и въ полномъ порядкѣ. Резервисты являются массами до срока. Много лицъ всѣхъ званій и возрастовъ записалось добровольцами. Никакое Правительство не было бы въ силахъ въ настоящую минуту остановить этотъ порывъ, даже въ случаѣ прекращенія военныхъ дѣйствій между болгарами и сербами, безъ новой значительной территоріальной уступки со стороны Болгаріи и гарантіи относительно удовлетворенія сербскихъ пожеланій въ Македоніи. Теперь вопросъ уже не въ содѣйствіи Румыніи къ прекращенію военныхъ дѣйствій и возвращеніи къ status quo ante bellum, но въ новой ректификаціи румыно-болгарской границы. Отъ этого требованія, на опасность котораго мы неоднократно указывали Болгаріи, Румынія теперь уже ни въ какомъ случаѣ не отступится. Настоящее положеніе является результатомъ близорукой политики Болгаріи, сказавшейся лишній разъ въ несговорчивости болгарскихъ делегатовъ въ послѣдней Силистрійской комиссіи, засѣданія которой не привели ни къ какому положительному результату.

(Подп.) *Шебеко.*

284.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Софіи.

С.-Петербургъ, 25 іюня 1913 г.

(Телеграмма).

По порученію своего Правительства, Болгарскій Посланникъ заявилъ мнѣ, что Болгарское Правительство продолжаетъ держаться взгляда о точномъ соблюденіи договора и готово сразу пріостановить военныя дѣйствія, если другіе воюющіе на это согласятся. Посему поведеніе Болгаріи не оправдываетъ образа дѣйствій Румыніи, съ коей Болгарія стремилась установить дружественныя отношенія, не отказавшись даже отъ тяжелыхъ жертвъ для этой цѣли. Софійскій Кабинетъ обращается къ Великимъ Державамъ во главѣ съ Россіей съ просьбою взять въ свои руки регулированіе вопроса о болгаро-румынскихъ отношеніяхъ.

Въ отвѣтъ на это сообщеніе я повторилъ Г-ну Бобчеву, что говорить теперь о договорѣ, который разорванъ бывшими союз-

никами, не приходится, и что Болгаріи, считаясь съ нынѣшнимъ положеніемъ и грозящими ей впредь новыми опасностями, слѣдовало бы предложить пріемлемыя для Сербіи и Греціи условія, а засимъ постараться придти къ соглашенію съ Бухарестскимъ Кабинетомъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

285.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Букарестѣ. Сообщается въ Софію.

С.-Петербургъ, 26 іюня 1913 г.

(Телеграмма).

Благоволите высказать Румынскому Правительству наше убѣжденіе, что отъ его своевременнаго воздѣйствія на Бѣлградскій и Аѳинскій Кабинеты зависитъ скорѣйшее возстановленіе мира. Румынія сыграетъ первостепенную роль на Балканахъ, не проливъ ни капли крови.

При этомъ обратите вниманіе Букарестскаго Кабинета на то, что, въ виду данныхъ нынѣ намъ Болгарскимъ Правительствомъ полномочій для установленія перемирія и мира, отпадаетъ всякое справедливое основаніе для военныхъ дѣйствій противъ Болгаріи.

(Подп.) *Сазоновъ.*

286.

Посланникъ въ Букарестѣ.

26 іюня 1913 г.

(Телеграмма).

Въ сегодняшней бесѣдѣ со мной Г-нъ Маіореско затронулъ весьма серьезно вопросъ о ликвидаціи настоящаго кризиса. Онъ высказалъ при этомъ желаніе, чтобы Румынія была допущена къ участію въ окончательномъ разрѣшеніи вопроса разграниченія между бывшими союзниками, и чтобы требованіе ея касательно новой стратегической границы съ Болгаріей было признано подлежащимъ удовлетворенію.

(Подп.) *Шебеко.*

287.

Посланникъ въ Букарестѣ.

27 іюня 1913 г.

(Телеграмма).

Букарестскій Кабинетъ сообщилъ Болгарскому Правительству о намѣреніи Румыніи вступить на болгарскую территорію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Князь Гика получилъ предписаніе выѣхать изъ Софіи. Я тутъ же передалъ Г-ну Маіореско содержаніе Вашей телеграммы 26 іюня, прибавивъ, что послѣ сдѣланнаго намъ Болгаріей заявленія, казалось бы, всякое основаніе для военныхъ дѣйствій противъ Болгаріи отпадаетъ.

Повидимому, рѣшеніе Румынскаго Правительства принято имъ для того, чтобы болѣе прочно установить свое право на территоріальное пріобрѣтеніе и на участіе Румыніи въ рѣшеніи Македонскаго вопроса.

(Подп.) *Шебеко.*

288.

Посланникъ въ Букарестѣ.

28 іюня 1913 г.

(Телеграмма).

Министръ-Президентъ заявилъ мнѣ, что, преслѣдуя намѣченную цѣль, о которой Румынія неоднократно заявляла Державамъ и самой Болгаріи, она не намѣрена ее перейти. Въ настоящій моментъ она желаетъ какъ можно скорѣе получить гарантію уступки ей Болгаріей линіи Туртукай—Балчикъ и участія въ разрѣшеніи настоящаго кризиса на Балканахъ.

(Подп.) *Шебеко.*

289.

Посланникъ въ Букарестѣ.

28 іюня 1913 г.

(Телеграмма).

Единственнымъ средствомъ для остановки наступленія румынской арміи, въ виду категорическихъ заявленій Румынскаго Правительства и крайне возбужденнаго и воинственнаго на-

строенія страны,—было бы немедленное заявленіе черезъ насъ о готовности Болгаріи уступить линію Туртукай—Балчикъ и фактическое прекращеніе новыхъ дѣйствій.

(Подп.) *Шебеко.*

290.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Букарестѣ.

С.-Петербургъ, 28 іюня 1913 г.

(Телеграмма).

Благоволите высказать Румынскому Правительству, что въ фактѣ предоставленія намъ Болгарскимъ Правительствомъ полномочій мы усматриваемъ основаніе мирнаго разрѣшенія вопроса территоріальной компенсаціи Румыніи.

Надѣемся поэтому, что, въ цѣляхъ укрѣпленія болѣе тѣсныхъ отношеній между Румыніей и Болгаріей, Букарестскій Кабинетъ признаетъ возможнымъ высказать умѣренность и не продвигать впередъ своихъ войскъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

291.

Посланникъ въ Букарестѣ.

30 іюня 1913 г.

(Телеграмма).

Въ сегодняшней бесѣдѣ со мной Г-нъ Маіореско подтвердилъ, что какую бы болгарскую территорію ни заняла румынская армія, претензіи Румыніи не измѣнятся. Онѣ состоятъ въ линіи Туртукай—Балчикъ, съ отнесеніемъ границы на нѣсколько километровъ къ западу отъ Туртукая и со включеніемъ Добрича. Отъ этого требованія Румынія ни въ какомъ случаѣ не отступится. Желательно было бы получить рѣшеніе Болгаріи какъ можно скорѣе, дабы имѣть возможность сдержать начавшееся сегодня наступленіе румынской арміи.

(Подп.) *Шебеко.*

292.

Посланникъ въ Букарестѣ.

30 іюня 1913 г.

(Телеграмма).

Если до окончанія сосредоточенія войскъ на Дунаѣ, на что потребуется дней пять, Болгарія заявитъ черезъ наше посредство Румыніи объ уступкѣ послѣдней линіи Туртукай—Добричъ—Балчикъ, возможно будетъ удержать Румынію отъ дальнѣйшаго наступленія на Софію. Въ противномъ случаѣ наступательное движеніе румынской арміи неизбѣжно, и претензіи Румыніи легко могутъ увеличиться. Только немедленная уступка линіи Туртукай—Балчикъ и заключеніе перемирія съ Сербіей и Греціей можетъ остановить наступленіе румынъ и спасти болгаръ отъ дальнѣйшихъ потерь и осложненій.

(Подп.) *Шебеко.*

293.

Посланникъ въ Софіи.

1 іюля 1913 г.

(Телеграмма).

Г-нъ Даневъ просилъ меня сегодня ходатайствовать предъ Вами, чтобы Императорское Правительство, коему Болгарія вручила полномочія для установленія перемирія и мира, остановило дальнѣйшее наступленіе румынъ. Я предупредилъ Г-на Данева, что Императорскому Правительству едва-ли возможно остановить движеніе румынъ иначе, какъ обѣщавъ имъ территоріальное приращеніе по линіи Туртукай—Балчикъ.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

294.

Посланникъ въ Букарестѣ.

1 іюля 1913 г.

(Телеграмма).

Г-нъ Маіореско подтвердилъ мнѣ, что Румынія кромѣ линіи Туртукай—Добричъ—Балчикъ и участія въ переговорахъ и

окончательномъ соглашеніи по вопросу о размежеваніи между Балканскими Государствами—ничего не желаетъ. Остановка наступленія румынской арміи должна, по его мнѣнію, быть поставлена въ зависимость отъ заключенія перемирія съ сербами и греками, съ которыми румыны связаны въ настоящую минуту если не соглашеніемъ, то военными дѣйствіями противъ общаго противника. Къ тому же здѣсь получены весьма тревожныя извѣстія изъ Софіи, свидѣтельствующія о военныхъ приготовленіяхъ болгаръ и непрочности положенія нынѣшняго Кабинета; при этихъ условіяхъ говорить объ остановкѣ румынской арміи трудно. Идея воздѣйствія Румыніи въ Бѣлградѣ и Аѳинахъ встрѣчена сочувственно Румынскимъ Правительствомъ.

(Подп.) *Шебеко.*

295.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Букарестѣ.

С.-Петербургъ, 2 іюля 1913 г.

(Телеграмма).

Обратите вниманіе Букарестскаго Кабинета на то, что непрочность внутренняго положенія въ Софіи только усилится въ случаѣ дальнѣйшаго движенія румынскихъ войскъ, которое, какъ мы думаемъ, не вызывается интересами Румыніи.

(Подп.) *Сазоновъ.*

296.

Посланникъ въ Букарестѣ.

2 іюля 1913 г.

(Телеграмма).

Руководствуясь Вашими указаніями, я всѣми силами стремлюсь воздѣйствовать на Румынское Правительство въ смыслѣ остановки наступленія румынской арміи. Бѣлградскій и Аѳинскій Кабинеты, съ которыми Букарестъ теперь находится въ очень близкихъ сношеніяхъ, все время побуждаютъ Румынію ускорить наступленіе, исходя изъ убѣжденія, что, въ случаѣ

возобновленія военныхъ дѣйствій со стороны Болгаріи, что, повидимому, вовсе не исключено, отдаленіе румынской арміи дастъ Болгаріи возможность располагать всѣми своими войсками.

Румынское Правительство считаетъ себя связаннымъ съ Сербіей и Греціей, и кромѣ того чувство собственной безопасности побуждаетъ его, по возможности, приблизиться къ театру военныхъ дѣйствій.

Наилучшимъ средствомъ остановить Румынію было бы немедленное заключеніе перемирія съ Сербіей и Греціей съ уступкой Румыніи линіи Туртукай—Балчикъ.

(Подп.) *Шебеко.*

297.

Посланникъ въ Букарестѣ.

2 іюля 1913 г.

(Телеграмма).

Воздѣйствіе на Румынію для остановки ея наступленія представляется затруднительнымъ въ виду надвигающихся въ Софіи событій. Изъ словъ Г-на Маіореско я вывелъ заключеніе, что Румынское Правительство не хочетъ доводить Болгарію до крайности, не намѣрено двигаться на Софію и занимать линію Рущукъ—Варна. Оно желаетъ утвердиться на правомъ берегу Дуная, на случай новыхъ воинственныхъ замысловъ со стороны Болгаріи.

Единственнымъ средствомъ остановить наступленіе румынской арміи было бы, чтобы Болгарія заявила немедленно Румыніи черезъ насъ объ уступкѣ ей линіи Туртукай—Добричъ—Балчикъ и одновременно заключила съ Сербіей и Греціей перемиріе.

(Подп.) *Шебеко.*

298.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Букарестѣ. Сообщается въ Софію.

С.-Петербургъ, 3 іюля 1913 г.

(Телеграмма).

Уполномочиваемъ Васъ заявить Румынскому Правительству о согласіи Болгаріи на уступку по линіи Туртукай—Добричъ—Балчикъ, со включеніемъ этихъ городовъ въ предѣлы Румыніи.

(Подп.) *Сазоновъ.*

299.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Букарестѣ.

С.-Петербургъ, 3 іюля 1913 г.

(Телеграмма).

Безостановочное движеніе румынской арміи въ направленіи къ Софіи не можетъ не вызывать въ насъ чувства сомнѣнія относительно дѣйствительныхъ намѣреній Румыніи.

Благоволите объясниться въ этомъ смыслѣ съ Правительствомъ, при коемъ Вы аккредитованы, указавъ, что было бы желательно, чтобы Румынское Правительство немедленно остановило движеніе своей арміи.

(Подп.) *Сазоновъ.*

300.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Букарестѣ. Сообщается въ Софію.

С.-Петербургъ, 3 іюля 1913 г.

(Телеграмма).

Я обратилъ вниманіе здѣшняго Румынскаго Посланника на полученныя нами извѣстія о внутреннемъ кризисѣ въ Болгаріи, усугубляющія наши опасенія, связанныя съ дальнѣйшимъ движеніемъ румынскихъ войскъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

301.

Посланникъ въ Букарестѣ.

3 іюля 1913 г.

(Телеграмма).

Во исполненіе полученныхъ отъ Васъ указаній я обратилъ сегодня самое серьезное вниманіе Г.г. Маіореско и Таке-Іонеско на опасность дальнѣйшаго наступленія румынской арміи на Софію. Они оба подтвердили еще разъ, что никакого намѣренія вступить въ Софію Румынское Правительство не имѣетъ. Армія

только-что начала переходить Дунай и сосредоточіе ея далеко не закончено. Г-нъ Таке-Іонеско завѣрилъ меня, что будутъ приняты мѣры, чтобы наступленіе было самое медленное, что всякіе безпорядки и возмущенія въ занятой Румыніей территоріи будутъ немедленно прекращены, что съ этой цѣлью отправленъ туда спеціальный Комиссаръ. Министръ сказалъ мнѣ, что Правительство желало бы какъ можно скорѣе закончить походъ, но заключать отдѣльно соглашенія съ Болгаріей оно не можетъ, такъ какъ главной причиной его выступленія было сохраненіе равновѣсія на Балканахъ и участіе въ разрѣшеніи Балканскаго кризиса. Г-нъ Таке-Іонеско къ этому прибавилъ, что заключеніе отдѣльнаго соглашенія съ Болгаріей послужило бы сигналомъ для посторонняго вмѣшательства съ цѣлью ограниченія сербскихъ требованій. По его мнѣнію, одно только участіе Румыніи въ настоящей войнѣ гарантируетъ Сербію отъ подобнаго выступленія. Въ заключеніе Г-нъ Таке-Іонеско категорически высказался за съѣздъ Представителей пяти Балканскихъ Государствъ для заключенія перемирія.

(Подп.) *Шебеко.*

302.

Посланникъ въ Букарестѣ.

3 іюля 1913 г.

(Телеграмма).

Министръ - Президентъ сегодня заявилъ мнѣ, что для остановки наступленія румынскихъ войскъ необходимо, чтобы Сербія и Греція заявили о прекращеніи ими военныхъ дѣйствій и готовности приступить къ заключенію перемирія съ Болгарскимъ Правительствомъ.

(Подп.) *Шебеко.*

303.

Посланникъ въ Букарестѣ.

5 іюля 1913 г.

(Телеграмма).

Я объяснился по содержанію Вашей телеграммы 3 іюля съ Г.г. Маіореско и Таке-Іонеско. Министръ-Президентъ выразилъ глубокую признательность за дружественное отношеніе

Россіи и за сообщеніе объ уступкѣ Румыніи линіи Туртукай—Балчикъ, которая вполнѣ удовлетворяетъ территоріальныя вожделѣнія Румыніи. Онъ обѣщалъ затѣмъ сдѣлать все отъ него зависящее для ускоренія прекращенія военныхъ дѣйствій. Онъ рѣшилъ также взять на себя инціативу предложить сейчасъ же Бѣлградскому и Аѳинскому Кабинетамъ приступить немедленно къ заключенію перемирія. Оба Министра завѣрили меня, что Румынія отнюдь не желаетъ разгромить Болгарію и вселить анархію въ сосѣднее государство; въ виду этого уже отдано приказаніе о замедленіи наступленія румынской арміи, и вопросъ о полной ея остановкѣ будетъ подвергнутъ обсужденію съ Военнымъ Министромъ. Повидимому, Правительство затрудняется отдать приказъ о немедленной остановкѣ арміи безъ заключенія перемирія, опасаясь впечатлѣнія, которое это произведетъ на крайне возбужденное общественное мнѣніе и войско. Полагаю, что мнѣ удастся уговорить Румынское Правительство не предпринимать вовсе движенія на Софію и пріостановить наступленіе румынской арміи.

(Подп.) *Шебеко.*

304.

Посланникъ въ Букарестѣ.

6 іюля 1913 г.

(Телеграмма).

Букарестскій Кабинетъ принялъ рѣшеніе пріостановить наступательное движеніе румынской арміи на Софію.

(Подп.) *Шебеко.*

305.

Посланникъ въ Букарестѣ.

8 іюля 1913 г.

(Телеграмма).

Сегодня Г-нъ Таке-Іонеско оффиціально сообщилъ мнѣ, что Румынское Правительство заявило Софійскому Кабинету о данномъ румынскимъ войскамъ приказаніи остановить наступленіе на Софію. Идея вступленія въ болгарскую столицу теперь исключена окончательно.

(Подп.) *Шебеко.*

306.

Посланникъ въ Букарестѣ.

17 февраля 1912 г.

(Доносеніе).

Мнѣ неоднократно уже приходилось доносить объ отношеніяхъ Румыніи къ Болгаріи, основанныхъ на чувствахъ опасенія съ румынской стороны. Отношенія эти обострялись при возникновеніи случайныхъ между обоими Королевствами инцидентовъ, но, въ общемъ, за послѣдніе годы носили съ формальной стороны вполнѣ дружественный характеръ.

Въ вопросѣ о роли Румыніи въ случаѣ возникновенія осложненій между Турціей и Болгаріей мною не замѣчается никакой перемѣны во взглядахъ румынскихъ правящихъ сферъ. Онѣ, какъ при пріѣздѣ моемъ въ Румынію 9 лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь, руководствуются не столько желаніемъ сохраненія цѣлости Оттоманской Имперіи, сколько опасеніемъ нарушенія равновѣсія на Балканскомъ полуостровѣ въ ущербъ румынскимъ интересамъ въ случаѣ усиленія Болгаріи. Онѣ мечтаютъ, въ такомъ случаѣ, принудить послѣднюю возстановить равновѣсіе путемъ соотвѣтствующихъ уступокъ въ пользу Румыніи.

До сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, румыны никогда точно не высказывали болгарамъ, въ чемъ будутъ состоять ихъ требованія, тѣмъ болѣе, что размѣръ этихъ требованій будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ.

За послѣдній годъ Румынія неоднократно давала Болгаріи увѣренія въ томъ, что она не связана съ Турціей военною конвенціею. Въ послѣдній разъ подобныя увѣренія были даны въ весьма категорической формѣ какъ въ Софіи, такъ и Болгарскому Представителю въ Букарестѣ около шести недѣль тому назадъ.

Пока Румынія не придетъ къ соглашенію съ Болгаріей, она, несомнѣнно, будетъ упорно отстаивать сохраненіе status quo на Балканахъ. Въ этомъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ желательности сохраненія status quo, Румынское Вѣдомство Иностранныхъ Дѣлъ постоянно высказывается передъ Иностранными Представителями въ Букарестѣ.

(Подп.) *М. Гирсъ.*

307.

Повѣренный въ Дѣлахъ въ Букарестѣ.

Синая, 2 августа 1912 г.

(Донесеніе).

Румынское Правительство очень озабочено возможностью дальнѣйшихъ осложненій на Ближнемъ Востокѣ. Подъ вліяніемъ послѣднихъ извѣстій изъ Софіи здѣсь очень опасаются, что, несмотря на свое благоразуміе, нынѣшнее Болгарское Правительство не въ состояніи будетъ противустоять общественному мнѣнію и вступитъ въ вооруженную борьбу съ Турціей.

Въ предыдущихъ моихъ донесеніяхъ я позволилъ себѣ высказать мысль, что для Румыніи всякое активное выступленіе Болгаріи явится поводомъ къ подобнымъ же дѣйствіямъ. На послѣднемъ дипломатическомъ пріемѣ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ съ настойчивостью повторилъ мнѣ, что Румынія, искренно стремясь къ сохраненію мира и status quo, не предполагаетъ измѣнить пока своей политики, но что она можетъ быть къ тому вынуждена дѣйствіями Болгаріи. „Пока мы, однако, питаемъ надежду“, добавилъ Г-нъ Маіореско, „что, благодаря совѣтамъ Великихъ Державъ, въ особенности Россіи, Болгарія не выступитъ открыто противъ Турціи“. Если здѣсь считаютъ необходимымъ для сохраненія равновѣсія на Ближнемъ Востокѣ соотвѣтственное усиленіе Румыніи въ случаѣ увеличенія Болгаріи, то мирный способъ достиженія этого путемъ сдѣлки съ Болгаріей несомнѣнно болѣе желателенъ. Исходя изъ этого начала, Румынское Правительство быть можетъ и покажетъ въ дѣйствительности на первыхъ порахъ большую рѣшимость и, вѣроятно, будетъ стремиться доказать свою готовность силой защищать свои интересы, дабы затѣмъ получить при переговорахъ съ Болгаріей большую цѣну за свой нейтралитетъ. На практикѣ разговоръ бы шелъ, въ такомъ случаѣ, объ исправленіи Добруджской границы. „Исправленіе“ это могло бы быть болѣе или менѣе значительно въ зависимости отъ обстоятельствъ.

Насколько я могъ заключить изъ разговора, который я имѣлъ на дняхъ съ здѣшнимъ Болгарскимъ Представителемъ, Софійское Правительство уже обсуждало возможность такихъ компенсацій Румыніи и готово было бы идти на этотъ путь.

(Подп.) *Лысаковскій.*

25434
Журнальный фонд

308.

Посланникъ въ Букарестѣ.

23 сентября 1912 г.

(Письмо).

Я получилъ изъ самаго авторитетнаго источника подтвержденіе сдѣланнаго мнѣ на-дняхъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ заявленія о принятомъ Румынскимъ Правительствомъ рѣшеніи не предпринимать никакого шага, могущаго обострить настоящее критическое положеніе и затруднить усилія Державъ помѣшать войнѣ. Мнѣ достовѣрно извѣстно, что на переданную Турецкимъ Посланникомъ просьбу помочь Турціи въ настоящемъ трудномъ ея положеніи, Сефа Бею было отвѣчено категорическимъ отказомъ, при чемъ ему было заявлено, что Румынія не имѣетъ въ настоящее время никакихъ территоріальныхъ вожделѣній, а потому намѣрена оставаться внѣ настоящаго конфликта. Въ случаѣ же измѣненія территоріальнаго status quo въ пользу Болгаріи, она не преминетъ выступить съ требованіемъ соотвѣтственной компенсаціи въ смыслѣ ректификаціи румыно-болгарской границы для возстановленія политическаго равновѣсія на Балканахъ, которое, въ противномъ случаѣ, оказалось бы нарушеннымъ въ ущербъ Румыніи.

Здѣсь высказываютъ горячія пожеланія, чтобы миролюбивыя условія Россіи увѣнчались успѣхомъ, несмотря на громадную трудность предстоящей ей задачи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заявляютъ, что со своей стороны Румынія воздержится отъ всего того, что могло бы затруднить роль Россіи въ настоящемъ кризисѣ.

(Подп.) *Шебеко.*

309.

Посланникъ въ Букарестѣ.

5 октября 1912 г.

(Телеграмма).

Здѣшнему Болгарскому Представителю дано оффиціальное завѣреніе относительно соблюденія Румыніей строгаго нейтралитета въ теченіе всего настоящаго конфликта между Балканскими Государствами и Портою. При этомъ Румынское Пра-

вительство заявило, что только вмѣшательство въ войну Великихъ Державъ, или территоріальное расширеніе Болгаріи по окончаніи войны могутъ измѣнить отношеніе Румыніи къ происходящимъ на Балканахъ событіямъ и заставить ее выступить съ требованіемъ соотвѣтственныхъ компенсацій для себя.

(Подп.) *Шебеко.*

310.

Посланникъ въ Букарестѣ.

20 октября 1912 г.

(Письмо).

Послѣдніе успѣхи болгаръ, которые несомнѣнно окажутъ большое вліяніе на самую ликвидацію войны, вызываютъ въ Румыніи значительную тревогу, выразившуюся усиленными военными приготовленіями. Послѣднія породили въ самой странѣ и за границей упорные слухи о мобилизаціи румынской арміи и, хотя слухи эти были оффиціально опровергнуты и въ дѣйствительности мобилизаціи въ настоящемъ смыслѣ этого слова не происходитъ, но несомнѣнно то, что приняты всѣ мѣры для приведенія арміи въ полную боевую готовность.

Главными побужденіями къ принятію вышеозначенныхъ мѣръ, вызвавшихъ нѣкоторую тревогу не только въ Балканскихъ столицахъ, но также и въ Европѣ, явились, какъ я имѣлъ честь донести Вашему Высокопревосходительству въ телеграфныхъ своихъ сообщеніяхъ, съ одной стороны, опасеніе чрезмѣрнаго усиленія Болгаріи, могущаго стать угрозой для территоріальной неприкосновенности Румыніи, съ другой, боязнь со стороны послѣдней быть отстраненной при окончательной ликвидаціи войны отъ разрѣшенія вопросовъ, задѣвающихъ самые жизненные ея интересы подъ тѣмъ предлогомъ, что не принявшая участіе въ войнѣ Румѣнія этимъ лишила себя права голоса при ея ликвидаціи.

Блестящіе успѣхи болгарскаго оружія, заставившіе, повидимому, Великія Державы измѣнить свой первоначальный взглядъ на возможность сохраненія территоріальнаго status quo на Балканахъ, побудили и Румынію принять въ соображеніе вѣроятное измѣненіе существующаго политическаго положенія и выступить, пока еще неоффиціально, со своими требованіями. По-

слѣднія довольно скромны; они заключаются въ нѣкоторомъ измѣненіи пограничной съ Болгаріей черты и обезпеченіи куцовлахскому населенію Македоніи нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ.

(Подп.) *Шебеко.*

311.

Посланникъ въ Букарестѣ.

27 октября 1912 г.

(Телеграмма).

Сегодня Г-нъ Маіореско просилъ меня передать Императорскому Правительству просьбу Румынскаго Правительства о принятіи Россіей на себя посредничества между Румыніей и Болгаріей для выясненія, путемъ конфиденціальныхъ дружественныхъ переговоровъ, отношенія Болгаріи къ вопросу о возможной ректификаціи румыно-болгарской границы отъ Туртукая до Чернаго моря съ включеніемъ Силистріи.

Опасаясь, что непосредственное оффиціальное обращеніе къ Болгарскому Правительству можетъ, въ случаѣ рѣзкаго отказа, повести къ самымъ нежелательнымъ осложненіямъ, Г-нъ Маіореско рѣшается обратиться къ нашему дружественному посредничеству.

(Подп.) *Шебеко.*

312.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Софіи.

С.-Петербургъ, 30 октября 1912 года.

(Телеграмма).

Я ознакомилъ здѣшняго Болгарскаго Посланника съ просьбою Румыніи о нашемъ посредничествѣ и сказалъ ему, что не дамъ отвѣта Букарестскому Кабинету, пока не узнаю, каково отношеніе къ этому вопросу въ Софіи. Я прибавилъ, что не могу не выразить пожеланія, чтобы Болгарія пришла къ такому соглашенію съ Румыніей, которое не оставило бы чувства неудовлетворенія и недовольства у румынъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

313.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Букарестѣ.

С.-Петербургъ, 1 ноября 1912 г.

(Телеграмма).

Отвѣтъ Болгарскаго Правительстна по общему вопросу о посредничествѣ нами нынѣ полученъ и отвѣчаетъ обращенной къ намъ Румыніей просьбѣ. Какъ только получимъ отъ Болгаріи болѣе ясныя и конкретныя предложенія, сообщимъ послѣднія Румынскому Правительству.

(Подп.) *Сазоновъ.*

314.

Посланникъ въ Букарестѣ.

2 ноября 1912 г.

(Телеграмма).

Ссылаюсь на Вашу телеграмму 1-го ноября.

Немедленно сообщилъ Г-ну Маіореско о согласіи Болгарскаго Правительства на Ваше посредничество. Онъ просилъ меня передать Вамъ искреннюю признательность Румынскаго Правительства за столь благожелательное отношеніе къ просьбѣ Румыніи.

(Подп.) *Шебеко.*

315.

Посланникъ въ Софіи.

2 ноября 1912 г.

(Телеграмма).

Въ виду получаемыхъ изъ Румыніи тровожныхъ извѣстій, я счелъ долгомъ сегодня самымъ серьезнымъ образомъ обратить вниманіе Болгарскаго Правительства на необходимость что-либо предпринять, дабы пойти навстрѣчу желанію Румынскаго Правительства; иначе столь блестяще налаженному дѣлу болгаръ грозитъ опасность, которую мы не въ силахъ отъ нихъ отвратить, ибо они сами навлекаютъ ее на себя своею несго-

ворчивостью. Очень важно было бы предотвратить со стороны Румыніи какое-либо поспѣшное рѣшеніе въ теченіе двухъ или трехъ дней, пока не рѣшится вопросъ о поѣздкѣ Г-на Данева въ Букарестъ.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

316.

Посланникъ въ Софіи. Сообщается въ Букарестъ.

4 ноября 1912 г.

(Телеграмма).

Рѣшеніе Г-на Гешова о посылкѣ Г-на Данева для переговоровъ въ Букарестъ одобрено Королемъ. Г-нъ Даневъ выѣдетъ вѣроятно черезъ два дня.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

317.

Посланникъ въ Букарестѣ.

4 ноября 1912 г.

(Телеграмма).

Ссылаюсь на телеграмму Посланника въ Софіи 4 ноября.

Я тотчасъ же увѣдомилъ Румынское Правительство о предстоящемъ пріѣздѣ Г-на Данева въ Букарестъ. Рѣшеніе это встрѣчено здѣсь съ большимъ удовлетвореніемъ.

(Подп.) *Шебеко.*

318.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Софіи. Сообщается въ Букарестъ.

С.-Петербургъ, 11 ноября 1912 г.

(Телеграмма).

Въ бесѣдѣ съ Болгарскимъ Посланникомъ я обратилъ его вниманіе на то, что промедленіе въ веденіи переговоровъ съ Румыніей и отсрочка поѣздки Г-на Данева въ Букарестъ производятъ тягостное впечатлѣніе на румынъ и создаютъ неблагопріятную обстановку для улаженія пограничнаго вопроса.

Г-нъ Бобчевъ на это сообщилъ мнѣ содержаніе письма Г-на Тодорова, изъ коего видно, что Болгарское Правительство желало бы предоставить намъ иниціативу въ разрѣшеніи ея пререканій съ Румыніей.

Я отвѣтилъ Г-ну Бобчеву, что, въ виду крайней нервозности, проявляемой теперь въ Букарестѣ, мы считаемъ поѣздку Г-на Данева въ Румынію весьма желательной. Болгарамъ уже извѣстна наша готовность помочь имъ въ достиженіи соглашенія съ румынами, но мы можемъ это сдѣлать лишь при условіи доставленія намъ со стороны Болгарскаго Правительства въ письменной формѣ конкретныхъ предложеній, которыя могли бы послужить намъ базою для веденія переговоровъ съ Румынскимъ Правительствомъ.

Поручаемъ Вамъ объясниться въ этомъ смыслѣ съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

319.

Посланникъ въ Софіи.

24 ноября 1912 г.

(Телеграмма).

Сегодня Г-нъ Даневъ выѣхалъ въ Букарестъ.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

320.

Посланникъ въ Софіи.

25 ноября 1912 г.

(Телеграмма).

Вчера Г-нъ Даневъ сообщилъ мнѣ, что по отношенію къ Румыніи Болгарія выкажетъ возможную предупредительность, будутъ даны всѣ ручательства въ безвозбранномъ сохраненіи румынской культуры за Македонскими куцовлахами; Болгарія готова торжественно заявить о неприкосновенности Румынской Добруджи и дать осязательныя заручки въ видѣ дислокаціи своихъ войскъ на сѣверо-восточной границѣ; противъ исправленія своей границы съ уступкой небольшой части болгарской

территоріи Г-нъ Даневъ также не предъявлялъ мнѣ сколько-нибудь настойчивыхъ возраженій, и я полагаю, что мы сами на этихъ уступкахъ можемъ настаивать, не возбуждая противъ себя у болгаръ враждебнаго чувства.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

321.

Посланникъ въ Букарестѣ.

28 ноября 1912 г.

(Телеграмма).

Г-нъ Даневъ провелъ 36 часовъ въ Букарестѣ и вчера утромъ выѣхалъ въ Вѣну. Онъ былъ принятъ Королемъ въ продолжительной аудіенціи и совѣщался съ Г.г. Маіореско и Таке Іонеско. Общее впечатлѣніе, произведенное имъ здѣсь, благопріятное. Относительно защиты интересовъ куцовлаховъ на имѣющей быть присоединенной къ Болгаріи территоріи, Г-нъ Даневъ далъ самыя категорическія завѣренія; менѣе положительными были его завѣренія относительно ректификаціи румыно-болгарской границы, но и тутъ хорошее впечатлѣніе на Румынское Правительство произвело то обстоятельство, что даже вопросъ объ уступкѣ Румыніи Силистріи не вызвалъ со стороны его особеннаго протеста. Онъ обѣщалъ довести о всемъ сказанномъ ему Королемъ и Министрами до свѣдѣнія Короля Фердинанда, при чемъ высказалъ пожеланіе, чтобы весь вопросъ былъ подвергнутъ подробному обсужденію на конференціи Пословъ въ Лондонѣ, куда командируется Г-нъ Мишу, Румынскій Посланникъ въ Константинополѣ.

(Подп.) *Шебеко.*

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Письма съ войны подпоручика Л.-Гв. пѣхотнаго полка къ отцу.

1.

20 іюля 1914 г.

Только сегодня удалось мнѣ найти свободные полчаса, чтобы написать тебѣ. Ты уже знаешь, что у насъ объявлена всеобщая мобилизація. Еще недавно было все спокойно, а на дняхъ подъ проливнымъ дождемъ мы выступили изъ Краснаго Села. Сразу послѣ перехода началась лихорадочная работа приготовленія полка. Настроеніе массъ самое патріотическое; на улицахъ офицеровъ и солдатъ качали, кричали „ура", и передъ собраніемъ полка происходили демонстраціи. Я проѣзжалъ черезъ толпу, люди вскакивали на подножки пролетки и цѣловали мои погоны. Толпа хотѣла меня нести, и только мое заявленіе, что я ѣду въ роту по спѣшному дѣлу, спасло меня отъ тріумфальнаго шествія.

Городскія забастовки, принявшія кровавый оттѣнокъ, прекратились какъ по волшебству. По объявленіи мобилизаціи вся сложная военная машина пришла въ стройное движеніе, и все идетъ плавно, по росписанію. Дѣла масса: нужно закупить необходимыя вещи въ походъ; шелковое бѣлье противъ паразитовъ, предметы снаряженія и обмундированія—все это дѣлается урывками, когда есть свободный часъ.

Крѣпко тебя цѣлую. Не тревожься и не безпокойся обо мнѣ. Богъ милостивъ! Я иду сражаться за правое дѣло. Благослови меня заочно на ратный подвигъ. Иду съ твердой вѣрой въ Бога, въ русскую мощь и въ успѣхъ нашего дѣла! Господь съ тобой!

2.

31 іюля 1914 г.

На дняхъ мы выступаемъ въ походъ. Я подготовился къ нему всячески: всѣ нужныя покупки сдѣланы; сегодня вечеромъ былъ напутственный молебенъ. Гр. Н. Ф. благословила меня образомъ; завтра утромъ я говѣю и тогда вполнѣ буду готовъ къ походу. Прости мнѣ всѣ хлопоты и заботы, которыя тебѣ доставлялъ. Благодарю тебя за все, все. Благодарю за твое желаніе устроить меня въ штабъ, но ты знаешь, что я не согласился бы въ такое время оставить роту. Крѣпко тебя обнимаю. Молитесь за меня.

3.

9 августа 1914 г.

Пользуюсь своей поѣздкой въ В., чтобы дать о себѣ вѣсточку. Телеграмму мою, надѣюсь, ты уже получилъ. Ты не можешь представить себѣ, какъ пріятно было вымыться въ хорошей ваннѣ, послѣ недѣльнаго путешествія, и надѣть чистое бѣлье. В. мнѣ очень нравится. Городъ красивый и чистый съ отпечаткомъ самобытности. Народъ относится къ русскимъ и къ военнымъ въ особенности съ необыкновенной предупредительностью и радушіемъ. Число добровольцевъ очень велико. Всѣ они горятъ желаніемъ сразиться съ „пшеклентными швабами". Я очень хорошо устроился, живу въ палаткѣ съ товарищемъ. У меня имѣется все, что нужно для относительнаго удобства и даже комфорта: походная постель, спальный непромокаемый мѣшокъ, фланелевыя простыни и проч. Жители разсказываютъ о звѣрствахъ нѣмцевъ. Я не ожидалъ, что народъ, который считалъ себя вѣнцомъ цивилизаціи, до такой степени напомнитъ нашествіе гунновъ. Населеніе Польши покидаетъ города и села, гдѣ можно ожидать прибытіе нѣмцевъ, такъ какъ они однихъ разстрѣливаютъ, а другихъ угоняютъ въ Германію на принудительныя работы и даже на франко-бельгійскій театръ военныхъ дѣйствій.

4.

15 августа 1914 г.

Сегодня мы выступаемъ дальше въ походъ, слава Богу! Намъ уже всѣмъ надоѣло стоять на одномъ мѣстѣ. Съ фронта поступаютъ свѣдѣнія о нашихъ повсемѣстныхъ успѣхахъ.

Вчера въ В. видѣлъ раненыхъ изъ-подъ Маріенбурга въ бою 10-го, гдѣ наша дивизія взяла въ штыки укрѣпленную позицію нѣмцевъ, на которой швабы расчитывали долго обороняться. Я здоровъ и чувствую себя прекрасно. Сегодня будемъ въ непосредственной близости отъ врага.

5.

1 сентября 1914 г.

Всѣ эти дни, начиная съ 20-го, не имѣлъ возможности тебѣ написать, такъ какъ участвовалъ въ непрерывныхъ бояхъ съ австрійцами. 19-го подъ вечеръ насъ спѣшно двинули навстрѣчу врагу. На утро другого дня мы уже вступили въ бой. Оказалось, что противникъ рѣшилъ корпусомъ обойти нашъ лѣвый флангъ. Армія наша, уступавшая по численности австрійской, была кромѣ того утомлена боями съ 4-го. Тогда рѣшено было выдвинуть гвардію, и мы оправдали надежды, на насъ возлагавшіяся, и нашу старую славу. Къ 4-мъ часамъ дня центръ вдвое сильнѣйшаго противника былъ нами прорванъ и разбитъ. Весь австрійскій корпусъ обратился въ бѣгство, оставляя въ нашихъ рукахъ трофеи въ видѣ оружія, плѣнныхъ и припасовъ. Съ этого дня начинается наше непрерывное наступленіе и отходъ австрійцевъ, болѣе похожій на бѣгство. Только одинъ разъ мы задержались на 2 дня передъ ихъ укрѣпленной позиціей, но и ту мы взяли приступомъ 22-го. Здѣсь мнѣ удалось забрать въ плѣнъ начальника укрѣпленной позиціи—венгерскаго маіора. Съ 25-го я командую ротой, замѣняя X., который раненъ. Вообще потери въ офицерскомъ составѣ у насъ не малыя.

Теперь стоимъ на австрійской границѣ. Третьяго дня взяли съ боя городъ Я., при чемъ моя рота ворвалась въ него первой на плечахъ отступающихъ нѣмцевъ, пришедшихъ помогать австрійцамъ. Нужно сказать, что какъ тѣ, такъ и другіе „здорово" бѣгаютъ. Въ этомъ бою нѣмцы потеряли весь свой армейскій обозъ—болѣе 1.500 повозокъ. Послѣднія двѣ ночи сплю подъ крышей, а то все подъ чистымъ или не чистымъ небомъ. Бывало всяко: и холодно, и мокро, и голодно, и жарко. За недѣлю я ни разу не мылся! Теперь привыкъ.

6.

4 сентября 1914 г.

Пользуюсь оказіей, чтобы написать тебѣ два слова. По милости Божіей я живъ, здоровъ и невредимъ. Сегодня второй день мы отдыхаемъ. Странно не слышать надъ собой разрывныхъ австрійскихъ шрапнелей и бомбъ и свистъ ихъ пуль часто разрывныхъ. Имѣю къ тому свидѣтельство въ видѣ лентъ пулеметныхъ патроновъ. Мой ротный былъ раненъ такой пулей.

Сегодня я вымылся, переодѣлся и выспался; прошлую ночь пробовалъ спать въ хатѣ. Но меня выгнали оттуда блохи, въ 10 минутъ искусавшія меня такъ, что мое тѣло представляло изъ себя сплошной волдырь. Какъ могутъ въ такой обстановкѣ жить люди?

Стоимъ на самой границѣ Австріи у города К. на рѣкѣ Санѣ. Письмо это везетъ до Питера больной офицеръ.

Боязнь за себя въ бою совершенно отсутствуетъ; боишься за ввѣренныхъ людей. А бывали минуты, когда думалъ, что всѣ тутъ и ляжемъ. Особенно при взятіи высотъ у Кр. 20-го сентября. Къ счастію австрійцы не выдержали и побѣжали.

7.

27 сентября 1914 г.

Получилъ твое письмо № 2. № 1 еще до меня не дошелъ. Но это и не мудрено: мы такъ много разъ мѣняли направленіе, что не удивительно, если письма не доходятъ своевременно.

Здѣсь противники распространили слухъ, что будто Японія объявила войну намъ и Англіи. Въ своихъ прокламаціяхъ они совѣтуютъ бѣжать защищать наши очаги отъ нашествія азіятовъ. Съ 23 числа мы стоимъ на мѣстѣ и караулимъ нѣмцевъ. Ни одинъ воробей не перелетитъ на нашу сторону. Противникъ видимо не знаетъ, что у насъ на этой сторонѣ рѣка. На дняхъ ожидаемъ большихъ боевъ.

Чувствую себя прекрасно. Настроеніе бодрое. Уже начали немного страдать отъ холода по ночамъ, даже въ домахъ. Выписалъ себѣ свои караульные сапоги. Живу въ одномъ домѣ съ батальоннымъ и еще двумя офицерами.

8.

25 октября 1914 г.

Пользуюсь отъѣздомъ въ Питеръ денщика моего раненнаго товарища, чтобы съ нимъ отправить тебѣ это письмо.

Я участвовалъ въ четверодневномъ бою подъ И., гдѣ австрійцы навалились на насъ большими силами и дрались очень упорно. Но съ 10-ое по 13-ое мы сбили ихъ съ двухъ укрѣпленныхъ позицій и погнали. Послѣ этого участвовали еще въ нѣсколькихъ мелкихъ аріергардныхъ бояхъ 20-го и 21-го у поселка Л. и 22-го, когда моей ротѣ удалось обойти лѣвый флангъ противника, выгнать австрійцевъ съ высоты, на которой они держались. Когда мы заняли высоту, только-что брошенную австрійцами, видно было, какъ отовсюду собирались ихъ части и строились въ колонны. Мы дали имъ спокойно собраться и, когда колонна увеличилась человѣкъ до 400, мы ее обстрѣляли залпами. Нужно было видѣть, какъ это на нихъ подѣйствовало! Просто весело было смотрѣть. Послѣ перваго же залпа въ колоннѣ замѣтно было замѣшательство, а послѣ второго они, какъ мыши, стали разбѣгаться. До насъ доходили крики офицеровъ, которымъ удалось собрать нѣсколько десятковъ человѣкъ вокругъ себя, и они стали отвѣчать намъ безпорядочнымъ огнемъ, который не причинилъ намъ ни царапинки. Мы же для устрашенія продолжали катать по нимъ залпами. Дѣло было подъ самый вечеръ, и это спасло австрійцевъ отъ полнаго уничтоженія, такъ какъ быстро наступившая темнота заставила насъ прекратить огонь. Теперь мы уже верстахъ въ 60-ти отъ К. Австрійцы и германцы въ полномъ отступленіи и притомъ безпорядочномъ: они бросаютъ все: повозки, зарядные ящики, патроны сотнями тысячъ и снаряды самыхъ крупныхъ калибровъ.

Только-что до насъ дошелъ манифестъ объ объявленіи войны Турціи. Передъ моими глазами рисуется грандіозное будущее Россіи. Вѣдь эта война можетъ разрѣшить всѣ волновавшіе въ теченіе столѣтій Европу вопросы. Оказывается, что турки напали на насъ вѣроломно. На начинающихъ Богъ. Духъ въ войскахъ самый бодрый и хорошій. Солдатъ чувствуетъ, что чѣмъ мы сильнѣе треплемъ врага, тѣмъ скорѣе кончится эта война—и рвутся въ бой. Во время сраженія приходится все время сдерживать ихъ порывъ, чтобы даромъ не нести потерь. При этомъ надо помнить, что сначала кампаніи мы прошли болѣе 800 верстъ съ боями. Часто по нѣсколько дней мы не

имѣли хлѣба, такъ какъ интендантство не поспѣвало за нами; ночуемъ зачастую въ окопахъ, мерзнемъ, мокнемъ, недосыпаемъ. Но видно, ничто не сломитъ духа нашей арміи. Войска переполнены добровольцами, которые по духу великолѣпны (но, конечно, хуже по боевой подготовкѣ). У меня въ ротѣ три чухонца, не понимаютъ ни слова по-русски, но поразительные по своему хладнокровію и выносливости. Къ намъ прибѣжалъ изъ дому 12-ти лѣтній мальчикъ, котораго нельзя было уговорить отправиться домой.—Подноситъ патроны.

У австрійцевъ же все наоборотъ—славяне толпами сдаются въ плѣнъ нашимъ одиночнымъ развѣдчикамъ. Венгры тоже сдали, и въ нихъ нѣтъ прежняго упорства. Они производятъ страшныя безчинства всюду, гдѣ проходятъ, и обращаются крайне жестоко съ мѣстными жителями и нашими плѣнными. Въ поселкѣ Л—вѣ мною былъ найденъ плѣнный казакъ 52-го полка, которому венгры сожгли сѣномъ руки и лицо. Другой казакъ былъ найденъ товарищами съ перерѣзанными сухожиліями колѣнъ и локтей. Къ этому прибавляется то, что они стрѣляютъ разрывными пулями, которыя наносятъ ужасныя раны. Я видѣлъ, въ какихъ мученіяхъ умеръ одинъ нижній чинъ моей роты, раненный такой пулей; я никогда этого не забуду, какъ не забуду замученнаго казака, изнасилованныхъ женщинъ, избитыхъ дѣтей!

Я, слава Богу, здоровъ. На ночь если не въ окопахъ, мы обыкновенно становимся въ халупахъ, по деревнямъ. Денщики живо выносятъ всякую рухлядь, моютъ и чистятъ, и мы устраиваемся довольно удобно. Въ окопы же нижніе чины всегда на ночь натаскаютъ соломы—хотя и холодно, но терпимо.

9.

31 октября 1914 г.

Насъ всѣхъ порадовало извѣстіе о паденіи крѣпости Циндао, такъ легко взятой японцами. Теперь имъ остается поймать проклятаго „Эмдена", который потопилъ нашего славнаго „Жемчуга". Конечно, съ точки зрѣнія военной этотъ крейсеръ не представляетъ изъ себя чего-либо особенно цѣннаго, будучи старой постройки и со слабымъ артиллерійскимъ вооруженіемъ. Но за него надо отплатить врагу какъ слѣдуетъ.

Сейчасъ мы стоимъ въ 18-ти верстахъ отъ К—скихъ фортовъ. Австрійцы, разбитые подъ И., спрятали тамъ свои деморализованные и составленные изъ всякаго сброда остатки. Обид-

но за польскія святыни—если К. будетъ упорно обороняться, то долженъ неминуемо пострадать отъ артиллерійскаго огня.

У меня все благополучно. Здоровъ и веселъ. Каждый день вспоминаю о васъ.—„Банзай" нашему японскому союзнику!

10.

15 ноября 1914 г.

Сегодня шестой день я лежу въ постели и все еще очень слабъ и едва брожу. Я получилъ довольно серьезную контузію отъ пролетѣвшаго надъ самой моей головой шестидюймоваго снаряда. 9-го ноября австрійцы открыли по нашей ротѣ адскій огонь. Съ 11-ти часовъ утра и до 6-ти вечера безпрерывно засыпали они насъ шестидюймовыми гранатами, меленитовыми бомбами и шрапнелью. Только по милости Божіей рота не несла потерь, такъ какъ поле впереди и сзади линіи нашихъ окоповъ было буквально вспахано непріятельскими снарядами. Всюду зіяли огромныя воронки, валялись стаканы и осколки толщиной въ палецъ. Это былъ сплошной адъ! Послѣдній тяжелый снарядъ пролетѣлъ надъ самой моей головой и разорвался въ землѣ, въ трехъ шагахъ отъ моего окопа. Странно, что сначала я ничего не почувствовалъ, кромѣ легкаго головокруженія и ощущенія, какъ будто голова пухнетъ; но когда я вышелъ изъ окопа и прошелъ нѣсколько шаговъ, то вдругъ упалъ безъ чувствъ. Меня сейчасъ же отнесли въ лазаретъ, гдѣ доктора были очень обезпокоены тѣмъ, что я, придя въ себя, почти не владѣлъ руками и едва могъ говорить. Доктора думали, что у меня сдѣлался параличъ. При всемъ томъ я сохранилъ совершенно ясный разсудокъ и голова была совсѣмъ свѣжа. Вотъ уже шестой день, какъ я лежу; приказанъ полный покой и отдыхъ и, какъ я ни рвался въ роту, меня не пускаютъ. Собирались даже эвакуировать, но я наотрѣзъ отказался. Теперь съ каждымъ днемъ мнѣ все легче и легче.

Сейчасъ полкъ въ трехъ верстахъ отсюда, на позиціяхъ. Окопы наши подходятъ на 300—400 шаговъ къ окопамъ противника, который крѣпко засѣлъ въ заранѣе укрѣпленныхъ позиціяхъ. Мы однако сильно его тѣснимъ и мало-по-малу, несмотря на превосходство ихъ силъ на данномъ фронтѣ, забираемъ все больше и больше пространства.

Наступили холода, доходящіе до 10 градусовъ. Въ окопахъ

было мучительно холодно. Ружейная трескотня идетъ день и ночь, при чемъ ночью австрійцы стрѣляютъ исключительно разрывными пулями.

11.

19 ноября 1914 г.

Хотя я писалъ тебѣ всего нѣсколько дней тому назадъ, но пользуюсь очередной оказіей, чтобы отвѣтить на твое письмо, которое только-что получилъ. Здоровье мое значительно улучшилось, и сегодня я уже совсѣмъ собрался въ окопы, но батальонный командиръ велѣлъ еще посидѣть „дома“, чтобы окончательно окрѣпнуть. Вчера въ мою хижину влетѣла австрійская граната, но бѣдъ не надѣлала! У нихъ тутъ масса шпіоновъ, которые усердно сообщаютъ имъ о нашихъ дѣйствіяхъ. Одного мы поймали, когда онъ по телефону, спрятанному въ погребѣ, сообщалъ о переѣздѣ нашей батареи. Его тутъ же и повѣсили съ телефономъ въ рукахъ. Какая подлость, будучи „некомбатантомъ“ выдавать людей! А этотъ разговоръ по телефону стоилъ жизни одному артиллерійскому офицеру и шести нижнимъ чинамъ, убитымъ на наблюдательномъ пунктѣ.

Сидимъ пока-что на тѣхъ же позиціяхъ вотъ уже третью недѣлю. Мы приковали къ себѣ австро-венгерскую армію. Происходитъ вялая перестрѣлка; иногда австріяки швыряютъ въ насъ двѣнадцатидюймовыми гранатами вѣсомъ пудовъ по 20-ти. Пока онѣ еще не причиняли намъ особаго вреда.

12.

10 декабря 1914 г.

Въ послѣднее время я не имѣлъ возможности давать о себѣ знать часто, такъ какъ мы стояли въ ужаснѣйшихъ условіяхъ и совершенно оторванные отъ какой бы то ни было культуры. Первый разъ съ начала войны насъ взяли въ резервъ, и мы теперь стоимъ недалеко отъ В., куда я ѣду сегодня мыться, чиститься и приводить части своего туалета въ порядокъ. Ты не можешь себѣ представить, въ какихъ я хожу лохмотьяхъ. Штаны грязные, заштопанные и все-таки съ дырками. Китель весь въ заплаткахъ; фуражка едва держится на головѣ. Съ мѣсяцъ, если не болѣе, я хорошенько не мылся. О солдатахъ и не говорю. Нужно надѣяться, что намъ дадутъ болѣе или менѣе продолжительный отпускъ и что мы успѣемъ „подчиниться“. Кто бы узналъ теперь блестящую гвардію по ея внѣшнему

виду? Къ счастію, за насъ говорятъ наши дѣла. Здоровье мое гораздо лучше, и я чувствую себя почти такъ же, какъ и до контузіи.

13.

12 декабря 1914 г.

Поздравляю тебя съ великимъ праздникомъ Рождества Христова, который въ этомъ году провожу еще дальше отъ тебя, чѣмъ въ прошломъ. Нигдѣ, какъ на войнѣ, не чувствуешь такъ сильно всѣ прелести тихой домашней жизни; нигдѣ такъ не ощущаешь своего одиночества. Ревностно занимаюсь службой, приведя роту въ порядокъ. Л. прекрасный начальникъ—ровный, спокойный, отзывчивый, онъ сумѣлъ изъ батальона создать тѣсную, дружную семью. Мы очень его уважаемъ и какъ человѣка, и какъ начальника.

Живемъ въ деревнѣ по халупамъ. У меня очень чистая и со всей возможной уютностью устроенная комната, гдѣ со мной квартируетъ мой субалтернъ и еще одинъ офицеръ. Сейчасъ сижу одинъ, такъ какъ оба „прапора" уѣхали въ В.

Всѣ, кто можетъ и чувствуетъ себя въ силѣ выдержать тягости военно-походной жизни, идутъ и уже теперь отказываютъ добровольцамъ и охотникамъ—такъ ихъ много.

14.

26 декабря 1914 г.

Насъ совершенно неожиданно тронули изъ окрестностей Г. 23-го декабря. На поѣздахъ доставили въ В., гдѣ мы провели 24-е число. Ѣздили въ городъ, гдѣ былъ обѣдъ и устроена была крошечная елка. 25-го утромъ выступили въ походъ.

Здоровье мое совсѣмъ хорошо. Головокруженія почти прошли и только если очень устаю, то голова начинаетъ кружиться. Къ намъ прислали молодыхъ офицеровъ. Я получилъ въ свою роту подпоручика К., сына портъ-артурскаго героя.

15.

4 января 1915 г.

Сейчасъ мы находимся въ резервѣ и обучаемъ молодежь, только-что пришедшую изъ запаснаго батальона, гдѣ они провели очень короткій срокъ. Народный откликъ на страданія родины выразился какъ нельзя лучше на новобранцахъ. Духъ у нихъ прекрасный и они прилагаютъ всѣ старанія къ быстрому усвоенію основъ военной службы.

Здоровье мое совсѣмъ хорошо. Всѣ явленія послѣ контузіи прекратились и болѣе двухъ недѣль уже не повторялись.

Новый годъ встрѣтили довольно весело. Мы даже получили по рюмкѣ шампанскаго, что очень большая роскошь въ виду строгости анти-алкогольныхъ правилъ. Всѣ у насъ поголовно этимъ правиламъ сочувствуютъ—страшно подумать, сколько зла надѣлала бы водка на войнѣ и сколько лишнихъ заботъ и передрягъ, теперь невозможныхъ. Если бы разъ навсегда уничтожить всякую продажу вина, никто, кажется, не былъ бы недоволенъ. Это величайшее событіе послужитъ къ возвеличенію Имени нашего Государя!

Больше писать нечего. Жизнь течетъ такъ однообразно, что каждый день похожъ на предыдущій и на послѣдующій. Времени скучать однако нѣтъ—много занятій, а по вечерамъ слушаемъ музыку — здѣсь на нашу радость нашлась рояль. Рано ложимся спать, рано встаемъ.

16.

21 января 1915 г.

Пользуюсь очередной оказіей, чтобы послать тебѣ письмо. Новостей у насъ никакихъ—все идетъ по-старому. Обучаемъ молодыхъ солдатъ, и мнѣ пріятно видѣть, какъ они мало-помалу шлифуются, выравниваются, дѣлаются болѣе смѣлыми въ отвѣтахъ и движеніяхъ.

На-дняхъ видѣлъ Герцога Михаила Георгіевича; онъ пріѣзжалъ сюда съ корпуснымъ командиромъ производить осмотръ матеріальной части полка. Онъ теперь инспекторъ артиллеріи гвардейскаго корпуса.

Нѣсколько времени тому назадъ ѣздилъ въ Радомъ, гдѣ мылся въ прекрасномъ поѣздѣ-банѣ. Это послужило главной причиной моей простуды, которая три дня продержала меня дома. Сегодня выхожу въ первый разъ.

17.

1 февраля 1915 г.

дер. Рогинице.

Мы стоимъ теперь верстахъ въ 30-ти отъ границы Восточной Пруссіи, и я надѣюсь, что насъ туда поведутъ. Интересно будетъ побывать у нѣмцевъ. Пусть они берегутся — мы слишкомъ хорошо помнимъ горящія польскія села, разстрѣлянныхъ мирныхъ жителей, чтобы наше пребываніе у „пруссака“ сошло для него благополучно. Конечно, мы не нѣмцы, и мирные крестьяне могутъ не бояться за свою жизнь до тѣхъ поръ, пока они сидятъ смирно.

Изъ того, что мы здѣсь, ты видишь, какъ двигаютъ гвардію. Мы заслужили свою славу твердыхъ и непоколебимыхъ полковъ, такъ что даже нѣмцы избѣгаютъ съ нами сталкиваться. Это не пустыя слова, а видно изъ ихъ захваченныхъ приказовъ. Подъ Яновымъ нѣмцы бѣжали передъ нами, какъ куропатки; кромѣ ихъ спинъ мы ничего не видали—при чемъ они бросили корпусный транспортъ въ 1.500 повозокъ.

Настроеніе японцевъ насъ очень интересуетъ: они большіе молодцы и вѣрные союзники.

18.

18 февраля 1915 г.

Пишу тебѣ въ воинственной обстановкѣ — окопа-землянки. Холодъ собачій, и я едва вожу перомъ, но завтра оказія въ Петроградъ, и я хочу написать тебѣ нѣсколько словъ. Съ 3-го февраля мы въ бою. Нѣмцы навалились большими силами и вначалѣ энергично наступали, но теперь ихъ отовсюду отбили и они принуждены убраться во-свояси. За послѣдніе дни наша армія забрала болѣе десяти тысячъ плѣнныхъ и много орудій и матеріальной части; какъ видишь, дѣла идутъ отлично.

На-дняхъ получилъ твое письмо; оно дошло до меня въ мѣсяцъ, что случается въ первый разъ за все время войны. Вообще почта доходитъ теперь много аккуратнѣе, чѣмъ прежде— наладилось дѣло. Изъ Москвы письма доходятъ на восьмой день.

Теперь стоятъ довольно рѣзкіе холода; выпалъ снѣгъ при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ и установилась зима такая, какой до сихъ поръ не было. Въ окопахъ холодно — люди мерзнутъ и, конечно, не мало заболѣваній отъ простудъ. Всѣ ждутъ наступленія весны съ нетерпѣніемъ. Ужъ очень холода эти надоѣли.

19.

1 марта 1915 г.

Была очень холодная ночь, говорятъ до 16 градусовъ мороза, а днемъ стало таять — тоже не особенно пріятно, такъ какъ окопы наполняются водой, бруствера сползаютъ и приходится все время чинить ихъ подъ обстрѣлами. Вчера я подвергся обстрѣлу тяжелой германской артиллеріи въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Было ужасно смотрѣть на разорванныя тѣла, ужасныя раны, слушать раздирающіе душу крики и стоны раненыхъ и не быть въ состояніи чѣмъ-либо помочь. У меня выбыло 20 человѣкъ, изъ нихъ 6 убитыхъ. Ты не можешь себѣ представить, какъ натягиваются нервы, какая безсильная злоба клокочетъ въ груди въ такіе часы.

Отдыха у насъ мало; три дня сидимъ на позиціи, а затѣмъ на сутки уходимъ въ резервъ. Итакъ съ 3-го февраля безъ передышки.

20.

9 марта 1915 г.

Христосъ Воскресе! Желаю тебѣ бодро встрѣтить Свѣтлый праздникъ Христова Воскресенія. Какъ его буду встрѣчать я— не знаю еще. Мы все на позиціяхъ. Сегодня я на короткомъ отдыхѣ и пользуюсь случаемъ, чтобы немного заняться своими письмами. Послѣдніе дни погода выдѣлываетъ съ нами самые невѣроятные фокусы. Все время дуетъ сильный вѣтеръ, временами переходящій въ бурю. По очереди морозъ съ сильнѣйшимъ снѣгомъ или тепло съ пронизывающимъ дождемъ. Земля размокла, грязь по колѣно—ты видишь отсюда картину нашей жизни въ окопахъ. Все время приходится или откапывать снѣгъ или отводить воду! Нѣмцы не проявляютъ никакой дѣятельности. Только нашъ лѣвый батальонный участокъ постоянно подвергается обстрѣлу тяжелой нѣмецкой артиллеріи—чемоданами. Туда-то я иду сегодня вечеромъ. Всюду наши дѣла идутъ успѣшно—черезъ Ломжу провезли 26 тяжелыхъ германскихъ пушекъ и нѣсколько десятковъ пулеметовъ. Я теперь командую ...ой ротой, командиръ которой мой другъ и однокашникъ по лицею убитъ 20-го февраля. Мнѣ было очень грустно уходить изъ роты Е. В., къ которой привыкъ и гдѣ я хорошо зналъ всѣхъ людей. Въ новой же я еще никого не знаю, и мнѣ приходится въ нѣсколько разъ больше провѣрять и распоряжаться, и кромѣ того, у меня вновь назначенные субалтерны.

21.

18 марта 1915 г.

Съ 13-го мы въ резервѣ, но если все пойдетъ благополучно, то Пасху встрѣтимъ на отдыхѣ. Уже теперь идутъ приготовленія — закупаютъ всякую провизію — творогъ, муку, цукаты и т. п. Все это высылается намъ или изъ Варшавы, или даже изъ Петрограда. Стоитъ чудная теплая весна. Сегодня 12 градусовъ тепла на солнцѣ. Многое можно простить неудобствамъ военно-походной жизни изъ-за того, что все время живешь на лонѣ природы, все время любуешься красотами, которыя недоступны кисти самаго геніальнаго художника. Только Богъ можетъ создать такую красоту и велико Его благодѣяніе, что намъ предоставлено любоваться Его твореніемъ.

Паденіе Перемышля и бомбардировка Босфора нашимъ Черноморскимъ флотомъ подняли настроеніе среди насъ до высшей точки. Со временъ Князя Игоря Владиміровича Босфоръ былъ неуязвимъ для нашего оружія, и вотъ, тысячу лѣтъ спустя, русскій стягъ опять направляется туда, куда его зоветъ исторія и завѣтъ нашихъ предковъ.

22.

23 марта 1915 г.

Сегодня мы идемъ на позиціи смѣнять Л. Г. С—ій полкъ. Отдохнули хорошо. Нашъ хозяинъ-помѣщикъ оказался очень гостепріимнымъ и любезнымъ, и мы чувствовали себя какъ дома. Пора и честь знать. Тутъ стоитъ прекрасная весна: птицы поютъ, появились первые жуки и бабочки, тепло и даже иногда жарко. Подарковъ намъ наслали кучу.

23.

3 апрѣля 1915 г.

Вчера и третьяго дня стояли въ резервѣ, но вчера утромъ нѣмецкая тяжелая 8-ми дюймовая батарея стала по указаніямъ своего аэроплана обстрѣливать нашу батарею, стоявшую въ 100 саженяхъ впереди землянокъ, гдѣ помѣщалась часть батальона, и всѣ снаряды падали къ намъ, и мы совсѣмъ зря потеряли 25 человѣкъ, изъ нихъ 5 убитыми, среди послѣднихъ фельдфебель роты, потеря котораго очень чувствительна.

Теперь я стою на позиціи въ резервѣ батальона въ поки-

нутой жителями деревнѣ, и надо мной наша артиллерія обстрѣливаетъ нѣмецкій аэропланъ, который пытается пролетѣть къ нашимъ батареямъ. Если ему это удастся, то онъ выпускаетъ надъ ними особыя змѣйки и этимъ указываетъ расположеніе. Нужно отдать справедливость нѣмецкимъ летчикамъ—они работаютъ необыкновенно смѣло, самоотверженно и хорошо. Однако многіе изъ нихъ погибли.

Тутъ стоитъ весна, которая изрѣдка угощаетъ насъ холодами и непогодой; но все же дѣло идетъ къ лѣту—поля зеленѣютъ, птицы поютъ съ каждымъ днемъ все громче и громче, и, несмотря на тягости войны, у насъ настроеніе весеннее.

24.

12 апрѣля 1915 г.

Пишу тебѣ изъ окоповъ. Моя рота въ батальонномъ резервѣ, и здѣсь относительно спокойно. Намъ, къ сожалѣнію, перемѣнили участокъ, и здѣсь много хуже, чѣмъ тамъ, откуда я тебѣ писалъ прошлый разъ. Но и тутъ не плохо. Завтра смѣняю роту 2-го батальона въ 30-ти верстахъ отъ противника. Придется быть очень осторожнымъ.

Стоитъ чудная весна; на солнцѣ жарко, поля зеленѣютъ, почки набухаютъ; вообще прелестно! Какая это милость Бога, что намъ дано созерцать Его величіе въ природѣ, оживающей подъ ласками весенняго солнца!

Сейчасъ выходилъ смотрѣть на германскій аэропланъ. Это удовольствіе намъ предоставляется даромъ каждый день. Иногда они появляются цѣлыми десятками. Сегодня въ 5 часовъ утра видѣли цеппелина. Онъ летѣлъ въ верстахъ 15-ти отсюда и казался величиной въ большую сигару. Этотъ хищникъ боится и артиллеріи и аэроплановъ и предпочитаетъ дѣйствовать ночью. Я думаю, что сегодняшній возвращается съ какого-нибудь темнаго дѣла и разсвѣтъ застанетъ его на пути домой.

25.

17 апрѣля 1915 г.

Третьяго дня я былъ вновь контуженъ тяжелымъ германскимъ снарядомъ, разорвавшимся въ трехъ шагахъ отъ меня. Такая близость спасла меня отъ осколковъ, но „шокъ“ я получилъ порядочный и легкія ссадины на головѣ и рукахъ. Я, конечно, остался въ строю.

Я занималъ участокъ на правомъ флангѣ, который подходилъ къ нѣмцамъ на 50 шаговъ, а лѣвый отстоялъ на 500—600. Такимъ образомъ у меня съ праваго фланга, гдѣ бросали бомбы, и до лѣваго—были всѣ удовольствія, какія только можно желать на войнѣ,—т.-е. бомбы, пули, пулеметы, шрапнель, полевыя гранаты и чемоданы.

Третьяго дня ночью у нѣмцевъ два раза поднималась паническая стрѣльба и трескъ отъ нея былъ прямо неописуемъ.

Посылаю тебѣ два снимка, сдѣланныхъ моимъ аппаратомъ—раздача пасхальныхъ подарковъ (большія бѣлыя коробки въ рукахъ нижняго чина—бѣлье и фуфайки). Въ центрѣ группы графъ Л., затѣмъ командиръ 16-ой роты поручикъ М., я, а изъ-за меня смотритъ командиръ 14-ой роты поручикъ X. На другомъ снимкѣ я играю въ городки въ лѣсу, въ 1.000 шагахъ отъ нѣмцевъ.

П. М.-М.

Императоръ Александръ въ Голландіи и Саардамѣ въ 1814 г.

Описалъ Яковъ **Шельтема**, членъ Института научныхъ знаній въ Гаарлемѣ.
(Переводъ съ голландскаго).

Пріѣздъ Императора Александра I въ провинцію Брабантъ.

29-го іюня Императоръ Александръ I прибылъ въ Антверпенъ и былъ привѣтствованъ здѣсь чрезъ envoijé при владѣтельномъ принцѣ Оранскомъ—ген.-л. барономъ фонъ-Пфулемъ, который затѣмъ и оставался при особѣ Императора или ѣхалъ впередъ для заблаговременнаго оповѣщенія соотвѣтственныхъ начальственныхъ лицъ о принятомъ Государемъ направленіи пути. Русская свита Монарха состояла только изъ оберъ-гофмаршала графа Толстого, генералъ-квартирмейстера ген.-адъютанта князя Волконскаго, ген.-лейт. Уварова, флигель-адъютанта Брозина и лейбъ-медика Вилье.

Еще задолго до пріѣзда Государя владѣтельный принцъ отдалъ приказъ, чтобы какъ только Императоръ вступитъ на территорію Голландіи—Его Величеству всюду оказывались бы несомнѣннѣйшіе знаки глубокой благодарности и высокаго уваженія, каковыми чувствами проникнуто все населеніе этой страны по отношенію къ Особѣ русскаго Монарха.

Прибытіе Императора Александра I ожидалось уже съ 27 числа и, начиная съ этого дня, губернаторъ провинціи Брабантъ Гюльтманъ (C. G. Hultman), совмѣстно съ ген.-м. вандер-Плаатомъ (van der Plaat), командующимъ 5-мъ военнымъ дивизіономъ, и Изингомъ (Ising), комиссаромъ округа Бреда, находились въ Большомъ Зюндертѣ, чтобы, по прибытіи Импе-

ратора къ границѣ, привѣтствовать Его Величество отъ имени владѣтельнаго принца Оранскаго.

Близъ пограничной линіи, у поселка Вернгоутъ (Wernhout), была сооружена богато украшенная тріумфальная арка, надъ которою развѣвался голландскій флагъ.

Съ наружной стороны поселка, откуда долженъ былъ прибыть Его Величество, виднѣлась на карнизахъ, надъ среднею аркою, латинская надпись: „Alexandro Benedicto“ („Александру Благословенному“), а надъ малыми арками: съ правой стороны— „Liberavit orbem“ („Онъ освободилъ человѣчество“) и съ лѣвой: „Nobis reddidit patriam“ („Онъ возвратилъ намъ отечество“).

Съ внутренней стороны были тѣ же надписи въ переводѣ на нижне-нѣмецкій (нидерландскій) языкъ.

Въ пятницу, 29-го іюня, были получены опредѣленныя свѣдѣнія, что высокій путешественникъ прибылъ на континентъ и на слѣдующій день, утромъ, изъ Антверпена будетъ продолжать путь къ городу Бреда.

Всѣ необходимыя распоряженія были уже своевременно сдѣланы. Отрядъ голландскихъ гусаръ, въ составѣ 40 человѣкъ при одномъ офицерѣ, стоялъ при упомянутой выше тріумфальной аркѣ. Братья гильдіи Св. Яна, въ числѣ болѣе 150 человѣкъ, вооруженные луками и стрѣлами и снабженные древними своими флагами и почетными значками, были направлены туда же.

Весь поселокъ Зюндертъ былъ засаженъ двойнымъ рядомъ деревьевъ и украшенъ гирляндами и вѣнками, что представляло очень живописную картину; наконецъ, по всему поселку расположились шпалерами гильдіи братьевъ Св. Георгія, Св. Урсулы, Св. Себастіана и друг., всѣ со своими щитами, знаменами и древнимъ вооруженіемъ.

Посреди поселка сооружена была зеленая тріумфальная арка, покоившаяся на колоннахъ, которыя были украшены символическими изображеніями мира; на наружной сторонѣ фронтисписа виднѣлась слѣдующая латинская надпись: „Pacificatori Europae Dicatum“ („Умиротворителю Европы“); на внутренней сторонѣ та же надпись на голландскомъ языкѣ.

Наконецъ, около 11 часовъ, прибылъ Императоръ, въ открытой дорожной каретѣ, запряженной въ четверку лошадей. Не пожелавъ, чтобы его сопровождалъ назначенный для него почетный эскортъ изъ гусаръ, онъ прослѣдовалъ къ Зюндерту, гдѣ передъ домомъ бургомистра Шаапа (Schaap) стояли уже приготовленныя для него смѣнныя лошади.

Здѣсь Монархъ былъ привѣтствованъ губернаторомъ Гюльтманомъ (Hultman) слѣдующею рѣчью, произнесенною имъ на французскомъ языкѣ:

„Ваше Величество!“

„Губернаторъ провинціи Брабантъ, на котораго всемилостивѣйшимъ его Государемъ возложено встрѣтить Ваше Императорское Величество на территоріи Голландіи, испрашиваетъ милостиваго разрѣшенія Вашего повергнуть свои чувства почтительнѣйшей преданности и быть выразителемъ тѣхъ чувствъ восхищенія и признательности, которыя весь голландскій народъ питаетъ къ особѣ Вашего Величества.

„Безъ Вашей благородной и великодушной твердости, безпримѣрной храбрости воиновъ Вашихъ и Вашихъ союзниковъ, Европа оставалась бы поднесь погруженною въ слезы, и имя нашего отечества навѣки было бы вычеркнуто изъ списка свободныхъ народовъ. Несправедливое, жестокое и безпримѣрное угнетеніе его ввергало его въ постыдное рабство. Чуждая тираннія осуждала народъ на тяжкія стенанія. Торговля, промышленность—пришли въ упадокъ. И намъ, на развалинахъ отечества оплакивавшимъ его былое процвѣтаніе, не оставалось ничего, кромѣ мучительныхъ воспоминаній. Только Освободителю Европы, Благодѣтелю человѣчества—въ лицѣ Вашего Императорскаго Величества Голландія обязана своимъ возстановленіемъ. Вамъ, Государь, она должна быть благодарна за грядущее для нея счастье: былой блескъ этой страны возродится подъ мудрымъ и отеческимъ правленіемъ нашего Государя изъ того славнаго владѣтельнаго Дома, которому наше Отечество столь многимъ обязано въ прошломъ. Наша сердечная радость, старая голландская честность и правдивость могутъ служить Вашему Величеству порукою въ искренности нашихъ чувствъ. И въ проявленіи этихъ чувствъ вся нація—единодушна. Преисполненная глубокою благодарностью, она носитъ въ своемъ сердцѣ вѣчный памятникъ любви и признательности, воздвигнутый Вашему имени. Она возноситъ къ Небесамъ самыя горячія и искреннія пожеланія славы и счастія Александру Благословенному и благоденствія его народамъ.

„Истинный внукъ Петра Великаго и достославной Екатерины, Ваше Величество завершили созданіе могущественной Россійской Имперіи и упрочили процвѣтаніе ея на будущія времена.

„Мы всепреданнѣйше просимъ Ваше Величество, съ присущею Вамъ благосклонностью, принять эти изліянія нашихъ

сердецъ и вѣрить искренности проявленій всеобщей высокой радости".

Его Величество соизволилъ не только съ большимъ вниманіемъ выслушать это привѣтствіе, но также съ неописуемою добротою отвѣтить на него въ такихъ выраженіяхъ:

„Я тронутъ сердечностью, съ коею былъ привѣтствованъ и принятъ. Не мнѣ, но, вмѣстѣ со мною, единому Богу, Рѣшителю судебъ человѣческихъ, вы должны возносить хвалу и благодареніе за счастливое свое освобожденіе. Я всегда съ сердечнымъ удовольствіемъ буду видѣть счастіе и благоденствіе вашей страны".

Большія толпы собравшагося населенія, видя посреди себя благороднаго Монарха, не могли болѣе сдерживать своихъ чувствъ восторга. Воздухъ скоро огласился громкими радостными восклицаніями: „да здравствуетъ Императоръ Александръ".

Въ то время конректоромъ гимназіи въ Бредѣ Голлингеромъ Пиперсомъ (Hollingerus Pypers) была поднесена Монарху ода на латинскомъ языкѣ, при слѣдующихъ словахъ:

„Прими, Государь, эти строки, продиктованныя любовью, признательностью и восторгомъ".

Произведеніе это было принято съ несомнѣнною благосклонностью.

Такъ какъ Императоръ пожелалъ не дѣлать здѣсь большой остановки и ѣхать прямо въ Бреду, то немедля сдѣланы были распоряженія для дальнѣйшаго пути. Его Величеству угодно было при этомъ сообщить свое желаніе, чтобы никакого военнаго эскорта не слѣдовало за нимъ: „въ этой странѣ я не нуждаюсь ни въ какой охранѣ",—изволилъ милостиво пояснить Государь.

Проѣздомъ черезъ селенія Рисбергенъ и Принценхагенъ Императоръ видѣлъ со стороны жителей проявленія того же усердія и той же радости. Члены разныхъ гильдій и здѣсь явились въ своихъ древнихъ костюмахъ и въ соотвѣтственномъ вооруженіи. Всѣ дома на пути были такъ же разукрашены, какъ и въ Зюндертѣ, въ разныхъ мѣстахъ были воздвигнуты тріумфальныя арки, такъ что весь путь отъ границы до самаго города, на разстояніи четырехъ часовъ, представлялъ изъ себя непрерывную цѣпь разнообразнѣйшихъ украшеній, одухотворенныхъ стекшимися отовсюду громадными толпами радостно-настроеннаго и ликующаго народа.

Въ Бредѣ уже были собраны на предназначенныхъ мѣстахъ и поджидали Императора: мѣстный гарнизонъ, съ комендантомъ

крѣпости Вертхоленомъ (Vertholen) во главѣ, кавалерія, городская національная гвардія и, наконецъ, гильдіи Св. Іорика и Св. Андрея, послѣднія двѣ — въ старинныхъ костюмахъ и въ древнемъ вооруженіи.

Его Величество былъ встрѣченъ комендантомъ города и штабомъ мѣстныхъ войскъ и привѣтствованъ военными почестями.

Передъ ратушею была сооружена тріумфальная арка, а на большой площади—другая такая же арка, очень красиво убранная, гдѣ въ числѣ другихъ флаговъ и вымпеловъ—развѣвались также голландскіе, россійскіе, англійскіе и прусскіе флаги.

Все населеніе города,—взрослые и дѣти,—было на ногахъ; при общемъ проявленіи радости и удовольствія каждый старался занять наилучшее для себя мѣсто и стремился увидѣть предметъ своего почитанія. Императоръ слѣдовалъ въ экипажѣ при громѣ пушекъ, звонѣ колоколовъ, военной музыкѣ и безпрерывныхъ радостныхъ кликахъ народныхъ массъ. У губернаторскаго дома Монархъ былъ встрѣченъ генераломъ ван-дер-Плаатомъ (van der Plaat), служившимъ нѣкоторое время, въ славное царствованіе Екатерины II, въ Россіи и уже тогда удостоившимся получить боевой орденъ Св. Георгія, а за храбрость, оказанную имъ при штурмѣ Измаила, почетную золотую шпагу. Его Величеству, видимо, было пріятно, что нашъ соотечественникъ имѣлъ на себѣ въ этотъ день упомянутыя выше высокія боевыя награды.

При входѣ въ ратушу, у дверей аванзалы, Императоръ былъ почтительно встрѣченъ супругою названнаго генерала. Государь вступилъ въ оживленную бесѣду какъ съ нею, такъ и съ губернаторомъ и съ генераломъ ван-дер-Плаатомъ.

По окончаніи роскошнаго, съ тонкимъ меню, обѣда, Императору было предложено произвести смотръ всѣмъ собраннымъ войскамъ, на что Его Величество соизволилъ. На плацъ-парадѣ передъ Государемъ продефилировали отборныя роты 5-го, 9, 12, 14 и 19 баталіоновъ ландмилиціи, артиллеріи и эскадроны драгунъ и гусаръ. Императоръ выразилъ полное удовольствіе при видѣ хорошей выправки этихъ частей, такъ недавно еще сформированныхъ въ боевые корпуса.

Велико было одушевленіе населенія Бреды, ибо каждый изъ него могъ теперь удовлетворить свое желаніе—лицезрѣть благороднаго россійскаго Монарха; каждый видѣлъ въ его лицѣ привѣтливость, строгость и мужество,—привѣтливость—чтобы нравиться, строгость—чтобы повелѣвать, мужество — чтобы со-

вершать, „три добродѣтели“, говоритъ нашъ поэтъ [1]), „которыми природа такъ рѣдко украшаетъ одного и того же человѣка, что можно бы думать, что онѣ являются скорѣе врагами одна другой, чѣмъ сестрами“.

Возвратившись въ губернаторскій домъ, Монархъ изволилъ выразить супругѣ генерала ван-дер-Плаата свою признательность за оказанное ему въ домѣ ея гостепріимство и въ очень благосклонныхъ выраженіяхъ благодарилъ также губернатора и генерала ванъ-деръ-Плаата; послѣдняго Его Величеству благоугодно было наименовать кавалеромъ Св. Анны I-й степени и пожаловать ему и самые знаки этого ордена.

Сверхъ того, орденскими знаками были награждены слѣдующія лица: комендантъ крѣпости подполковникъ Вертхоленъ и подполковникъ 1-го артиллерійскаго баталіона Штейнмецъ получили тотъ же орденъ 2-ой степени, а капитанъ Шуммелькетель и поручикъ Рюбай (Rubay), адъютанты генерала ван-дер-Плаата, были пожалованы орденомъ Св. Владиміра 4-й степени.

Императоръ, узнавъ, что вслѣдствіе сдѣланнаго владѣтельнымъ принцемъ распоряженія, губернаторъ и генералъ ван-дер-Плаата намѣрены сопровождать Его Величество до самой границы, объявилъ имъ обоимъ рѣшительное свое желаніе, чтобы они не покидали Бреды. На ихъ представленія, что они поступаютъ такъ согласно съ полученнымъ отъ принца приказаніемъ, Государь, съ необыкновенною мягкостью въ голосѣ, отвѣчалъ:

„Каждый, принимающій у себя гостя, первымъ своимъ долгомъ считаетъ исполнить его желанія во всемъ, что можетъ быть пріятно гостю, а я желаю, чтобы вы дальше не провожали меня“.

Вслѣдъ за симъ Государь сѣлъ въ тотъ же открытый экипажъ и поѣхалъ дальше, сопутствуемый радостными восклицаніями народа.

„Никогда никогда, — писалъ одинъ обыватель Бреды, — не изгладится изъ памяти ни у одного изъ насъ этотъ день, который во-истину можетъ быть названъ днемъ радости. Одинъ интимный кружокъ людей сходился съ другими и у всѣхъ былъ одинъ общій разговоръ—объ Александрѣ, этомъ лучшемъ и достойнѣйшемъ удивленія Государѣ“.

Нѣтъ надобности описывать одушевленіе, охватившее жителей селеній Тетерингена и Oостергоута (Oosterhout), чрезъ

---

[1]) Голландскій поэтъ Янъ Фоссъ (Jan Vos).

которыя пролегалъ дальнѣйшій путь Государя. Это было настоящее соревнованіе съ населеніемъ Бреды и Зюндерта.

Вся большая дорога была сплошь усыпана народомъ. На нѣкоторомъ разстояніи отъ Оостергоута была воздвигнута тріумфальная арка съ надписью:

„Александру Великому".

Въ самомъ началѣ селенія высилась другая арка; дорога къ ней, чрезъ роскошныя аллеи деревъ, была разубрана переплетающимися гирляндами изъ цвѣтовъ.

На небольшой возвышенности была построена пирамида, на которой начертаны были слѣдующіе стихи:

„Честь великому Государю, который, прославясь бранными подвигами,
„Нынѣ возвращается въ свое отечество обремененнымъ лаврами и оливами".

Недалеко отъ этой пирамиды высилась другая съ такою надписью:

„Vive diu nostris caesar gratissime terris;
„Per te pax rediit primaque nostra salus".
(„Живи на многія лѣта, о любимѣйшій на землѣ Государь, черезъ тебя миръ и счастье снова возвращены человѣчеству").

Въ селеніи Оостергоутъ были также собраны всѣ гильдіи съ тѣми особыми украшеніями, которыя полагались имъ согласно древнимъ обычаямъ.

Бургомистры и совѣтники, пасторы и проповѣдники расположились у тріумфальной арки. Всѣ учащіеся въ семинаріи также присутствовали здѣсь, группируясь подъ особымъ знаменемъ, на которомъ были начертаны слова: „Отъ учащагося юношества—дань благоговѣнія". Императоръ, видимо, былъ доволенъ оказанною ему встрѣчею.

Послѣ этого Государь продолжалъ дальнѣйшій свой путь къ Слейвику. Вся дорога была покрыта войсками ландштурма и толпами народа, стекавшагося сюда какъ изъ ближайшихъ окрестностей, такъ и изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей.

Встрѣча въ Голландіи.

Баронъ ван-Лейденъ (van Layden), губернаторъ южной части провинціи Голландія, и ван-Зандикъ (van Sandik), командующій

3-мъ военнымъ округомъ, выѣхали къ Слейвику (Sleeuwyk), чтобы на границѣ этой области встрѣтить Императора Александра въ качествѣ представителей владѣтельнаго принца Оранскаго.

Губернаторъ привѣтствовалъ Монарха слѣдующею рѣчью:

„Августѣшій Государь!

„Принося Вашему Императорскому Величеству поздравленіе съ прибытіемъ въ эту область, я исполняю тѣмъ возложенное на меня моимъ Пресвѣтлѣйшимъ Государемъ порученіе, и въ то же время являюсь истолкователемъ чувствъ благоговѣнія и восторга, питаемыхъ всѣмъ населеніемъ Голландіи къ Монарху, котораго благородное мужество и настойчивыя усилія возвратили моему отечеству независимость и миръ.

„Наслѣднику трона Петра Великаго, смѣю думать, будетъ пріятно встрѣтить потомковъ того народа, котораго знаменитый Монархъ нѣкогда удостоилъ своимъ милостивымъ вниманіемъ. Ваше Величество найдете въ этой провинціи жителей, въ одинаковой степени склонныхъ выполнить какъ желаніе своего Государя, такъ и внушеніе своего собственнаго сердца—дать дѣйствительныя доказательства, какъ они цѣнятъ выпавшее имъ счастье привѣтствовать того Государя, который всегда умѣлъ воздавать за обиды своимъ врагамъ, но который не зналъ иного возмездія, какъ великодушіе и милость“.

Императоръ отвѣтилъ на это привѣтствіе въ самыхъ благосклонныхъ выраженіяхъ, послѣ чего, сопровождаемый упомянутыми выше лицами, отправился въ дальнѣйшій путь на Горинхемъ.

Горинхемъ.

Здѣсь въ ожиданіи пріѣзда Императора собрались всѣ судебныя и административныя должностныя лица Горинхема. Тотчасъ по прибытіи Его Величества былъ привѣтствованъ президентомъ судебной палаты ван-Аппельтеромъ (Appeltere) въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Ваше Величество!

„Магистратъ города Горинхема благословляетъ тѣ драгоцѣнныя минуты, посланныя ему судьбою, когда онъ можетъ лицезрѣть великаго Монарха, военную славу котораго единственно превосходитъ еще болѣе благородная и возвышенная слава его добродѣтелей, наиболѣе цѣнимыхъ людьми, какъ явля-

ющихся утѣшеніемъ для всего человѣчества. Мы радостно рукоплещемъ тому постановленію благодарнаго Сената, въ силу котораго Вашему Величеству поднесено высокое наименованіе „Благословеннаго“, и питаемъ самыя горячія пожеланія, чтобы великій Рѣшитель судебъ человѣческихъ непрестанно окружалъ Монарха своими небесными благословеніями, ибо благословенія смертныхъ всюду посылаются на него и сопутствуютъ ему“.

На эту рѣчь, выслушанную также благосклонно и со вниманіемъ, Государь отвѣтилъ:

„Я счелъ бы, господа, большимъ удовлетвореніемъ для себя, если бы, при разрѣшеніи великой международной борьбы, я могъ быть полезенъ Вашему отечеству“.

Послѣ этого Императоръ весьма милостиво принялъ приглашеніе начальствующихъ лицъ оказать честь городу посѣщеніемъ его и направился къ приготовленному уже для него экипажу, запряженному въ 6 лошадей. Онъ соизволилъ разрѣшить сопровождать его тремъ названнымъ выше лицамъ.

Во время поѣздки по городу Государь съ видимымъ интересомъ разспрашивалъ о подробностяхъ осады и бомбардировки, а также о положеніи жителей въ это тяжелое для нихъ время. Продолжая этотъ разговоръ, одинъ изъ сопровождавшихъ Монарха замѣтилъ, что весьма печальный жребій выпалъ также и на долю собственной столицы Его Величества.

Государь отвѣчалъ:

„Да, это было громадное несчастіе, и вначалѣ оно страшнымъ образомъ поразило мое сердце, но въ настоящее время мы можемъ въ меньшей степени оплакивать судьбу столицы, ибо постигшее ее несчастіе подняло въ то же время энтузіазмъ въ войскахъ, который и привелъ насъ къ такому великому и благословенному исходу войны“.

Его Величество разспрашивалъ также съ особымъ участіемъ, довольны ли вообще жители заключеннымъ нынѣ миромъ, и когда бывшія въ свитѣ Государя лица съ увлеченіемъ подтвердили это,—выразилъ большую радость.

Продолжая въ экипажѣ путь и разговаривая съ сопровождавшими его лицами, Императоръ замѣтилъ одного офицера, который, находясь въ толпѣ, окружавшей почтовую карету, очутился слишкомъ близко къ колесу экипажа. Государь прервалъ разговоръ, высунулся черезъ дверцы, тихо дотронулся до плеча офицера и замѣтилъ ему, что онъ можетъ поранить

себя о колесо, — послѣ чего снова продолжалъ прерванный разговоръ.

Императоръ со вниманіемъ разсматривалъ встрѣчавшіяся по дорогѣ тріумфальныя арки, сооруженныя въ честь Его Величества, и разнообразныя украшенія на зданіяхъ. Во время слѣдованія по городу воздухъ безпрерывно оглашался радостными восклицаніями: „да здравствуетъ Императоръ Александръ“, „да здравствуетъ Оранскій владѣтельный Домъ“.

Высокій путешественникъ остановился въ частномъ домѣ, принадлежавшемъ г-жѣ Мандтъ (Mandt), гдѣ для Его Величества былъ приготовленъ тонкій завтракъ.

Послѣ получасовой остановки Императоръ выразилъ желаніе продолжать путь, при чемъ просилъ, чтобы никто—ни губернаторъ, ни военные чины—не сопровождали его въ дальнѣйшемъ пути. Когда же губернаторъ сослался на возложенное на него владѣтельнымъ принцемъ порученіе, Государь весьма ласково все-таки отклонилъ намѣреніе губернатора сопровождать его, на сказанныя же однимъ изъ присутствующихъ слова: „вся голландская нація будетъ эскортомъ для Его Величества“— послѣдовало милостивая улыбка.

Монархъ сѣлъ въ свой открытый экипажъ, давъ еще разъ каждому прекрасный случай лицезрѣть его. Раздались громкія восторженныя восклицанія, всюду слѣдовавшія за нимъ въ пути и возраставшія еще сильнѣе каждый разъ, когда Императоръ съ большою привѣтливостью отвѣчалъ на радостные клики народа.

Необыкновенная привѣтливость Монарха сообщила ликованію жителей Горинхема особую длительность. Радостное настроеніе въ тотъ же вечеръ вылилось въ болѣе открытую форму, именно, въ видѣ добровольной иллюминаціи, отъ участія въ которой не отказались даже наименѣе состоятельные люди. Городская администрація дала роскошный ужинъ, на которомъ присутствовали всѣ знатнѣйшія должностныя лица. Необыкновенное одушевленіе охватило весь городъ.

Дордрехтъ.

На всемъ протяженіи пути къ Папендрехту (Papendrecht) для встрѣчи Императора дѣлались одинаковыя приготовленія: повсюду располагались отряды ландштурма; каждый житель дѣлалъ все, въ чемъ только онъ могъ проявить свою радость; всюду собирались толпы ликующаго и благодарнаго народа; во всѣхъ лежащихъ на пути селеніяхъ звонили въ церковные колокола.

На иныхъ остановкахъ Императоръ былъ привѣтствуемъ со стороны жителей радостными восклицаніями, а въ другихъ пунктахъ — онъ проѣзжалъ совсѣмъ незамѣченный, такъ какъ Государь ѣхалъ быстро, безъ собственной свиты, безъ всякаго военнаго кортежа, сопровождаемый только мѣстными высшими должностными лицами.

Въ Дордрехтѣ въ теченіе двухъ дней ожидали съ нетерпѣніемъ пріѣзда Освободителя Европы. Повсюду дѣлались большія приготовленія для встрѣчи русскаго Монарха, въ особенности готовились къ этому въ домѣ президента-бургомистра, куда предполагалось провезти Императора. Все зданіе было разукрашено съ большимъ вкусомъ; масса флаговъ сообщала всему очень красивую картину.

Комиссаръ округовъ Дордрехта и Горинхема—Донкеръ Курціусъ (Curtius), президентъ-бургомистръ и многочисленная депутація отъ городского совѣта и корпуса офицеровъ мѣстнаго гарнизона направились къ Папендрехту; здѣсь уже находились, кромѣ отряда голландской кавалеріи, также почетная гвардія конная, пѣшая и рѣчная, не задолго сформированная изъ цвѣта городского юношества и облаченная въ одинаковые красные костюмы; при гвардіи состоялъ прекрасный оркестръ музыки. Все было подготовлено къ тому, чтобы въ случаѣ, если бы Государь соизволилъ дать согласіе на это,—перевезти Его Величество въ городъ на великолѣпно убранной яхтѣ, имѣвшей, на случай надобности, русскій флагъ и особыя шлюпки для буксированія почетной гвардіи изъ моряковъ.

Въ 6 часовъ выстрѣлъ изъ артиллерійскаго орудія въ Папендрехтѣ возвѣстилъ о приближеніи русскаго Императора. Толпы народа стремительно двинулись въ городъ, рѣка покрылась множествомъ шлюпокъ, и все это поплыло по направленію къ Папендрехту.

Монархъ прибылъ сюда половина 7-го часа, Донкеръ Курціусъ привѣтствовалъ Государя соотвѣтствующею рѣчью и пригласилъ Его Величество переѣхать на другой берегъ, чтобы посѣтить старѣйшій и нѣкогда первый городъ.

Государь отвѣтилъ на рѣчь весьма привѣтливо, однако сдѣланное ему предложеніе принужденъ былъ отклонить, изъ опасенія, что это могло бы слишкомъ долго задержать его въ этотъ вечеръ.

Когда комиссаръ въ почтительныхъ выраженіяхъ позволилъ себѣ убѣждать Государя изъявить свое согласіе, присовокупивъ, что населеніе города такъ горячо желаетъ и ожидаетъ видѣть

посреди себя избавителя народовъ, освободителя Европы, что, въ случаѣ неосуществленія этихъ ожиданій, онъ, комиссаръ, которому жители довѣрились въ своихъ желаніяхъ, явится, главнымъ образомъ, отвѣтственнымъ передъ ними,—Его Величество соизволилъ на это отвѣтить, что

„ему прискорбно, что онъ не въ состояніи выполнить этихъ желаній; что ему должны извинить, но что онъ проситъ увѣрить жителей, что онъ считаетъ уже себя счастливымъ и за то малое, которое онъ могъ бы сдѣлать для нихъ".

При дальнѣйшемъ разговорѣ Государь уже выражалъ свою готовность переѣхать на другой берегъ при условіи, если на это потребуется не болѣе четверти часа времени, а такъ какъ на это нельзя было разсчитывать, то принуждены были отъ всякихъ дальнѣйшихъ просьбъ воздержаться.

Его Величество благодарилъ за назначенные для него эскорты какъ военные, такъ и другіе почетные, объявивъ въ то же время, что имъ принято за неуклонное правило путешествовать всегда безъ всякаго конвоя.

Послѣ смѣны лошадей, Государь направился къ Роттердаму. Большое число жителей Дордрехта лишилось, такимъ образомъ, случая привѣтствовать Царя-Миротворца и радостными кликами выразить ему чувства глубокой благодарности.

Роттердамъ.

У переправы Иссельмонде Императоръ Александръ былъ встрѣченъ почетнымъ коннымъ эскортомъ, состоявшимъ изъ сыновей важнѣйшихъ жителей Роттердама; но Государь и здѣсь не пожелалъ, чтобы кто-либо сопровождалъ его, и въѣхалъ въ Роттердамъ совершенно одинъ и, такъ какъ день уже клонился къ вечеру, то онъ могъ миновать громадную толпу народа, поджидавшую его пріѣзда съ восточной стороны города, не будучи совершенно узнанъ этою толпою.

Комиссаръ Роттердамскаго округа, бургомистръ и многіе изъ членовъ городского управленія, собравшіеся для встрѣчи Императора также у восточныхъ воротъ города, поспѣшили теперь ко дворцу, гдѣ они и привѣтствовали Государя. Тутъ же Его Величество принялъ благосклонно приглашеніе на балъ, который устраивался городскимъ управленіемъ въ залахъ зданія, принадлежащаго верфи. Но узнавъ, что для него приготовлено тамъ особое кресло подъ императорскимъ балдахиномъ, Государь выразилъ свое рѣшительное желаніе, чтобы всякія наружныя отличія его сана были убраны.

Послѣ этого Императоръ, переодѣвшись, отправился на балъ. Его благородная осанка вызвала всеобщее удивленіе, а необыкновенная привѣтливость его влекла къ нему сердца всѣхъ видѣвшихъ его. Когда во время танцевъ Государь соблаговолилъ принять участіе въ этомъ развлеченіи, общая радость достигла высшаго своего предѣла.

Не желая садиться за столъ во время ужина, Императоръ переходилъ съ мѣста на мѣсто, останавливаясь то здѣсь, то тамъ; когда Государь направлялся въ другой залъ и здѣсь всѣ вставали, Его Величество, со свойственнымъ ему благодушіемъ, говорилъ: „пожалуйста, сидите", „покорно прошу дамъ садиться". Тонкая роскошь, блескъ освѣщенія и богатство костюмовъ очень понравились Государю и вызвали его похвалу.

Въ 2 часа ночи Монархъ возвратился во дворецъ. Онъ не пожелалъ воспользоваться приготовленною здѣсь для него постелью и приказалъ постлать соломенный матрацъ и сверху обычную кожаную подушку.

Ночью весь городъ былъ роскошно иллюминованъ.

Рано утромъ Государь пожелалъ сдѣлать прогулку по городу, но такъ какъ скоро онъ былъ узнанъ, вслѣдствіе чего образовалось большое столпленіе народа, то онъ принужденъ былъ, во избѣжаніе давки и оваций, поспѣшно вернуться обратно во дворецъ.

Около 10 часовъ прибылъ въ городъ его Королевское Высочество наслѣдный принцъ; вскорѣ послѣ этого Монархъ, вмѣстѣ съ принцемъ, отправились на прогулку въ роскошно убранной шлюпкѣ, всѣ гребцы которой были единообразно одѣты въ старинные костюмы, относящіеся къ лучшимъ временамъ морского могущества Нидерландъ.

Такая прогулка давала полную возможность, избѣгая большого столпленія народа, обозрѣть лучшія части Роттердама. Поѣздка была совершена съ большою пріятностью.

Маасъ представлялъ живописнѣйшую картину. Вся рѣка была покрыта множествомъ большихъ судовъ, разукрашенныхъ флагами; съ самаго большого изъ нихъ, также какъ съ городскихъ бастіоновъ—раздавались неумолкаемые салюты. Безчисленное множество разныхъ мелкихъ судовъ заполняли всю остальную свободную площадь рѣки. Отовсюду неслись радостные привѣтственные крики людей.

У верфи Императоръ былъ встрѣченъ вице-адмираломъ Киккертомъ (Kikkert) и важнѣйшими должностными лицами, состоящими во флотѣ.

При общихъ радостныхъ восклицаніяхъ Государь посѣтилъ верфь, послѣ чего зашелъ въ домъ адмирала; здѣсь, съ балкона, Его Величество любовался на чудный видъ, открывавшійся на р. Маасъ, и обратилъ вниманіе на очень благопріятное мѣстоположеніе города для развитія торговли и морскихъ силъ.

Послѣ непродолжительнаго отдыха Императоръ выразилъ свое желаніе осмотрѣть модели судовъ извѣстнаго строителя П. Глафиманса (Glavimans) и отправился съ этою цѣлью въ депо.

Государь, видимо, испыталъ здѣсь большое удовольствіе и осматривалъ все съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, какое можно было бы ожидать развѣ только отъ его великаго предшественника Петра. Коллекція собранныхъ въ депо всевозможнѣйшихъ предметовъ, относящихся до корабельнаго строительства, имѣетъ очень важное значепіе не потому только, что здѣсь сохранены модели судовъ, построенныхъ въ теченіе длиннаго ряда годовъ въ Роттердамѣ, но и потому, что здѣсь собраны въ большомъ количествѣ модели и рисунки всевозможныхъ типовъ судовъ и машинъ, встрѣчающихся у другихъ народовъ.

Монархъ обращался съ разспросами объ интересовавшихъ его предметахъ какъ къ упомянутому уже судовому строителю, такъ и къ его сыну—Корнелію Глафимансу, очень свѣдущему молодому человѣку, который, обладая лучшимъ, чѣмъ его отецъ, знаніемъ французскаго языка, давалъ Императору всѣ требуемыя объясненія. Не было ни одного предмета, на который Его Величество не остановилъ бы своего вниманія; никакая мелочь не ускользала отъ его взора, и онъ дѣлалъ такія солидныя замѣчанія, касавшіяся устройства судовъ, какъ это дѣло поставлено на практикѣ у другихъ народовъ, а также по поводу моделей и чертежей судовъ разныхъ типовъ, что нельзя было не поражаться знаніемъ и опытностью въ спеціальномъ искусствѣ, пріобрѣтенными только изъ любознательности и по расположенію къ этому искусству.

Искусство самого судостроителя, а также способность и рѣдкое природное дарованіе столь многообѣщающаго сына его не остались незамѣченными Государемъ; не ограничившись крайнею привѣтливостью, съ которою онъ удостаивалъ ихъ разговоромъ, Его Величеству благоугодно было, оставляя это учрежденіе, выразить чрезъ сына свое полное удовольствіе слѣдующими словами: „все у васъ прекрасно устроено. Я видѣлъ много хорошаго".

Послѣ этого Императоръ направился снова къ шлюпкѣ, которая къ этому времени была уже переведена отъ верфи къ депо.

Возвратясь обратно во дворецъ, Государь далъ аудіенцію собравшимся въ немъ правительственнымъ лицамъ, представителямъ купечества и другимъ почетнымъ гражданамъ, а затѣмъ соизволилъ отправиться въ дальнѣйшій путь, сопровождаемый оглушительными привѣтственными восклицаніями жителей.

Гага.

Въ тотъ же день къ вечеру Государь прибылъ въ Гагу и тотчасъ же поѣхалъ во дворецъ владѣтельнаго Оранье-Нассаускаго Принца.

Во дворцѣ, съ необыкновенною роскошью убранномъ, были сдѣланы всѣ необходимыя приготовленія для торжественной встрѣчи русскаго Монарха. Всѣ члены Свѣтлѣйшаго Оранье-Нассаускаго Дома, въ сопровожденіи блестящей свиты, собрались во дворецъ.

Наслѣдный принцъ, сопутствуемый своимъ младшимъ сыномъ, встрѣтилъ Императора сердечнымъ привѣтствіемъ, на которое Его Величество отвѣтилъ братскимъ поцѣлуемъ. Принцъ вмѣстѣ съ Императоромъ направились къ лѣстницѣ, гдѣ уже находились три принцессы, чтобы принять Монарха. На почтительныя привѣтствія ихъ Императоръ отвѣтилъ любезнымъ поцѣлуемъ рукъ у принцессъ.

Послѣ этого, съ соизволенія Государя, Его Величеству представились, для выраженія чувствъ преданности и высокопочитанія, всѣ иностранные министры, статсъ-секретари, Государственный совѣтъ, генеральные штаты, верховный судъ, высшіе военные чины, муниципальное управленіе и столичное духовенство. При этомъ Государь пожелалъ познакомиться съ каждымъ изъ представлявшихся ему лицъ въ отдѣльности.

По окончаніи торжественнаго обѣда во дворцѣ Императоръ съ наслѣднымъ принцемъ, сопровождаемымъ всѣмъ Дворомъ, отправились въ театръ, гдѣ назначенъ былъ парадный спектакль. Къ пріѣзду ихъ всѣ мѣста были уже заняты высшимъ обществомъ и, казалось, всѣ дамы составили между собою комплотъ, чтобы всѣ наслѣдственные брилліанты, въ тяжелое время утраты страною своей независимости скрытые въ глубокихъ тайникахъ, были, въ эти счастливыя минуты, вновь извлечены на свѣтъ Все сіяло отъ блеска и великолѣпія.

Ложи, предназначенныя для высокихъ особъ, были убраны съ необыкновенною роскошью. При появленіи ихъ въ залѣ, раздались привѣтственныя восклицанія и громкіе апплодисменты.

Французскою труппою артистовъ была исполнена опера „Aline Reine de Golconde", пьеса эта была выбрана ради великолѣпія въ ней костюмовъ, и въ ней пришлось сдѣлать нѣкоторыя измѣненія для пріуроченія ея ко дню; но какъ много таланта ни вкладывали артисты въ свою игру, чтобы заслужить одобреніе, всѣ присутствующіе въ театрѣ на самую пьесу смотрѣли мало,—каждый изъ нихъ съ умиленіемъ устремлялъ свой взоръ на повелителя и отца многихъ милліоновъ людей, который съ такимъ простодушіемъ отдавался среди нихъ отдыху и развлеченію.

По окончаніи 1-го акта раздались звуки красивой аріи: „Jadis un celèbre Empereur" etc. изъ чудной оперы: „Pierre le Grand". Всѣ зрители, понявъ этотъ намекъ на предка Императора и на его пребываніе въ Голландіи, снова разразились, съ необычайнымъ воодушевленіемъ, радостными восклицаніями. Его Величество, приподнявшись съ кресла, благосклонно отвѣчалъ на эти оваціи поклонами.

Императоръ оставался въ театрѣ до конца оперы, послѣ чего всѣ высокія персоны предприняли, въ двухъ парадныхъ экипажахъ, поѣздку кругомъ Гаги, чтобы полюбоваться общею иллюминаціею. Эта послѣдняя была чрезвычайно красива, особенно выдѣлялись дворцы владѣтельнаго принца, отель англійскаго министра и друг. Различныя тріумфальныя арки были украшены гербами и шифрами, сентенціями и девизами. На одной изъ такихъ арокъ читались слѣдующіе стихи:

„Porteurs du même nom brilleront dans l'histoire,
„Deux Monarques fameux et d'un esprit profond;
„A détroner les Rois, le premier mit la gloire,
„La paix de l'univers fût l'oeuvre du second".

* *
*

„Philantrope Héros, magnanime Alexandre,
„Que ton nom sera grand dans la posterité,
„Les glorieux bienfais, que ta main fait repandir,
„Iront de coeur en coeur à l'inimortalité".
(„Носители одного сана будутъ прославлены въ исторіи,—
„Два знаменитыхъ Монарха съ высокимъ умомъ;
„Славою одного было—низвергать королей,
„Подвигомъ другого—водворять на землѣ миръ".

* * *

„Человѣколюбецъ и Герой, великодушный Александръ,
„Да будетъ имя твое велико въ потомствѣ;
„Славныя дѣла, что творила рука твоя,
„Отъ сердца къ сердцу перейдутъ къ безсмертію).

Нѣсколько часовъ спустя, именно около 8 ч. утра, Императоръ, переодѣтый въ гражданскій костюмъ, сдѣлалъ съ наслѣднымъ принцемъ прогулку по городу верхомъ, вслѣдствіе чего выѣхалъ изъ Гаги позже на часъ.

Катвикъ (Katwyk).

Естественнымъ было желаніе Императора Александра посѣтить шлюзы и другія водяныя сооруженія, какъ замѣчательнѣйшій памятникъ энергіи, ума и искусства, при помощи которыхъ, наперекоръ самой природѣ, удалось, обуздавъ могущественное дѣйствіе моря, открыть вновь старинное, занесенное пескомъ, среднее устье Рейна.

Владѣтельный принцъ, вмѣстѣ со своими сыновьями и съ многочисленною свитою, сопровождалъ Императора.

Оба Катвика и Фалькенбургъ имѣли парадный видъ, благодаря сооруженнымъ здѣсь въ разныхъ мѣстахъ тріумфальнымъ аркамъ, которыя всѣ были богато убраны зеленью и цвѣтами.

Высокія особы были встрѣчены представителями администраціи у главнаго входа и затѣмъ отправились къ мѣсту истеченія Рейна.

Они остановились у паровыхъ машинъ. Императоръ съ величайшимъ вниманіемъ осматривалъ работу этихъ машинъ и, замѣтивъ тутъ же отличіе ихъ отъ подобныхъ же машинъ, видѣнныхъ имъ въ Англіи, сдѣлалъ нѣсколько цѣлесообразныхъ замѣчаній, свидѣтельствовавшихъ объ основательномъ знаніи имъ дѣла.

Послѣ того Высокіе гости, съ ихъ свитою, направились вдоль канала къ наружной шлюзѣ у моря, гдѣ при низкой водѣ, на глазахъ Императора, пять шлюзовыхъ запоровъ, вѣсившихъ каждый 12 дюжинъ фунтовъ, были подняты механически, почти неслышно для зрителей, при помощи всего только четырехъ человѣкъ. Его Величество остался весьма доволенъ всѣмъ видѣннымъ.

Съ неменьшимъ удовольствіемъ Государь наблюдалъ послѣ этого, какъ по открытіи тѣхъ же пяти шлюзовыхъ запоровъ— вода изъ канала стремительно понеслась чрезъ наружную шлюзу, съ высоты около 50 дюймовъ, къ Сѣверному морю.

Монархъ съ большимъ также интересомъ разспрашивалъ о разныхъ подробностяхъ, касающихся устройства и дѣйствія шлюзъ и плотинъ.

Послѣ этого державныя особы, при громкихъ восклицаніяхъ зрителей, направились къ зданію Рейнлянда (Rynland), гдѣ въ двухъ аппартаментахъ былъ уже приготовленъ для нихъ завтракъ.

Главный директоръ управленія государственными гидравлическими сооруженіями представилъ затѣмъ Его Величеству всѣхъ членовъ администраціи, завѣдующей шлюзами и плотинами Рейнлянда, и одинъ изъ нихъ, ван-Гольстъ, имѣлъ честь обратиться къ Его Величеству со слѣдующею привѣтственною рѣчью:

„Ваше Величество!

„Соблаговолите администраціи плотинъ и гидравлическихъ сооруженій Рейнлянда выразить благороднѣйшему Монарху наши чувства высокаго почитанія.

„Всѣ мы преисполнены радостью и благодарностью, что сооруженія Катвика удостоены посѣщенія великимъ Монархомъ, который облагодѣтельствовалъ Европу, вернувъ ей миръ.

„Удостойте, всемилостивѣйшій Государь, принять горячее наше пожеланіе на благо Вашему Императорскому Величеству, чтобы славное царствованіе Ваше и въ будущемъ оставалось такимъ же благословеннымъ, какъ нынѣ благословенно имя Александра".

Императоръ соизволилъ отвѣтить на это слѣдующими словами:

„Господа, я весьма тронутъ тѣмъ пріемомъ, который мнѣ оказанъ былъ при посѣщеніи моемъ гидравлическихъ сооруженій. Я съ удовольствіемъ осмотрѣлъ эти, громадной важности, сооруженія; я нахожу ихъ верхомъ искусства".

Послѣ этого Государь, принявъ поднесенные ему карты и рисунки шлюзъ и плотинъ, смѣшался съ окружавшими его и милостиво вступилъ въ разговоръ съ лицами изъ администраціи.

Около половины 1-го часа высокіе посѣтители направились къ своимъ экипажамъ и передъ домомъ судьи въ Катвикѣ еще разъ были привѣтствованы рѣчами президента администраціи и пастора.

Сообщ. **А. С. Лацинскій.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній Евгенія Ивановича Ламанскаго.

(1840—1890 гг.).

XV. [1])

Причины возникновенія частныхъ учрежденій краткосрочнаго кредита.— С.-Петербургское Общество взаимнаго кредита.—Исторія его образованія.—Дѣятельность общества въ первые годы его существованія.

Ликвидація прежнихъ кредитныхъ установленій и учрежденіе Государственнаго банка имѣло своимъ послѣдствіемъ образованіе въ Россіи не существовавшаго у насъ ранѣе денежнаго рынка. Выпущенные для консолидаціи части вкладовъ упомянутыхъ установленій 5%-ные банковые билеты были по своей формѣ первою бумагою, свободно обращавшеюся на денежномъ рынкѣ по вольной цѣнѣ между покупателями и продавцами. Благодаря этому, ко времени крестьянской реформы, потребовавшей для своего осуществленія выпуска значительнаго количества процентныхъ бумагъ, въ Россіи была уже подготовлена почва для размѣщенія цѣнностей, которыя публика могла бы сознательно пріобрѣтать и которыя могли бы имѣть обращеніе въ большихъ городахъ, гдѣ существовали биржи. Не прошло и десяти лѣтъ со времени преобразованія кредитныхъ учрежденій, какъ финансовую и денежную Россію нельзя было узнать. Весь народъ, даже и неграмотные усвоили себѣ понятіе о процентныхъ бумагахъ, свободно обращающихся на биржахъ, о разныхъ акціяхъ, облигаціяхъ и т. д. Словомъ, постепенно создались условія, при наличности которыхъ правительство, въ случаяхъ нужды въ займахъ, могло находить готовый для себя

[1]) См. „Русская Старина", сентябрь 1915 г.

источникъ въ самой Россіи, не прибѣгая, какъ прежде, исключительно къ услугамъ иностранныхъ капиталистовъ. Первый опытъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ былъ въ 1864 году при выпускѣ займа въ 100 милл. руб., извѣстнаго подъ названіемъ перваго внутренняго съ выигрышами займа, который имѣлъ своею цѣлью произвести расплату Государственнаго казначейства по долгамъ его Государственному банку, и былъ покрытъ съ небольшимъ превышеніемъ по 98 руб. 13 коп. за билетъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1866 году, заключенъ былъ на ту же сумму второй выигрышный заемъ, цѣликомъ переданный Государственному банку въ уплату сдѣланныхъ Государственнымъ казначействомъ изъ банка позаимствованій для выдачи авансовъ желѣзнодорожнымъ компаніямъ въ счетъ будущей реализаціи облигацій. Второй заемъ былъ уже размѣщенъ не заразъ по подпискѣ, а продавался по цѣнамъ, которыя устанавливалъ Государственный банкъ. При самомъ выпускѣ, банкъ началъ продажу по 104 руб. за билетъ, затѣмъ биржевая расцѣнка вскорѣ довела эти билеты до 107 руб., а вслѣдъ за распродажею всѣхъ билетовъ второго займа, цѣна на выигрышные билеты стала быстро подниматься и черезъ годъ уже доходила до 140—150 руб. Однако, помимо долгосрочныхъ займовъ, наблюдавшаяся у насъ въ 60-хъ годахъ повышенная торговая и промышленная дѣятельность, постройка желѣзныхъ дорогъ и развитіе биржевого оборота нуждались и въ значительныхъ краткосрочныхъ кредитахъ. Хотя уставъ Государственнаго банка преслѣдовалъ, между прочимъ, цѣли оживленія торговли и промышленности, тѣмъ не менѣе Государственный банкъ выдавалъ ссуды по общимъ правиламъ подъ залогъ лишь правительственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагъ и на особыхъ основаніяхъ подъ залогъ оплаченныхъ акцій нѣкоторыхъ предпріятій. Между тѣмъ, послѣ образованія въ январѣ 1857 года главнаго общества желѣзныхъ дорогъ для постройки линій: отъ Западной границы на Варшаву до Петербурга, отъ Москвы до Нижняго-Новгорода и отъ Москвы до Ѳеодосіи, начали устраиваться и другія желѣзнодорожныя компаніи. Насколько остра была потребность этихъ предпріятій въ денежныхъ средствахъ свидѣтельствуютъ обстоятельства, сопровождавшія учрежденіе главнаго общества желѣзныхъ дорогъ. Благодаря происшедшему, въ серединѣ 1857 года, пониженію процентовъ на вклады въ кредитныхъ установленіяхъ, акціи главнаго общества были разобраны въ значительной своей части, но большинство ихъ все же осталось на рукахъ у учредителей общества, и по-

этому въ первый же годъ существованія послѣдняго явилась значительная потребность въ ссудахъ подъ залогъ его акцій. Государственный банкъ, при своемъ образованіи, получилъ большое количество этихъ бумагъ отъ бывшаго коммерческаго банка. Такъ какъ цѣны на акціи главнаго общества затѣмъ поколебались на биржѣ, то Государственный банкъ обязанъ былъ принять ихъ на свой счетъ, внеся третій по нимъ взносъ. Акціи эти долгое время оставались послѣ того за Государственнымъ банкомъ. Вслѣдъ за учрежденіемъ главнаго общества образовалось общество Риго-Динабургской желѣзной дороги, которое, несмотря на дарованную ему гарантію акціонернаго капитала, встрѣчало также затрудненія въ полученіи взносовъ по своимъ акціямъ.

Итакъ концессіи на устройство желѣзныхъ дорогъ требовали значительныхъ капиталовъ въ видѣ краткосрочныхъ ссудъ. Выдача этихъ ссудъ, не отвѣчая вообще задачамъ Государственнаго банка, являлась вполнѣ правильною, законною и необходимою операціею въ частныхъ банкахъ, которые могли бы поддержать ее своими капиталами, своимъ кредитомъ. Такимъ образомъ, независимо отъ интереса, представлявшагося банковыми операціями самими по себѣ, сильный толчекъ возникновенію частныхъ банковъ данъ былъ крупными потребностями въ новыхъ ссудахъ, быстро возникавшими съ учрежденіемъ новыхъ компаній.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, поступательное движеніе нашей промышленности и выпускъ перваго выигрышнаго займа не могли не повліять на развитіе въ обществѣ биржевой игры. Поднимавшіяся на акціи и выигрышные билеты цѣны содѣйствовали проявленію у насъ духа спекуляціи, котораго Россія прежде не знала. Спекулятивныя стремленія въ публикѣ еще болѣе усилились съ выпускомъ второго выигрышнаго займа. Не говоря уже о соблазнѣ выигрышей, затаенное желаніе получить которые волновало всѣхъ, самая разница въ цѣнахъ на выигрышные билеты еще болѣе усиливала игру на биржахъ. Съ своей стороны, Государственный банкъ, какъ учрежденіе казенное, будучи ограниченъ въ правѣ выдачи ссудъ подъ процентныя бумаги, съ первыхъ же лѣтъ сталъ нѣсколько сокращать свои операціи въ этомъ направленіи. Я помню, были приняты мѣры къ тому, чтобы не выдавать болѣе извѣстной суммы въ однѣ руки. Слѣдовательно, и въ этой области открывалось широкое поле для дѣятельности частныхъ банковъ.

Наконецъ, даже чисто коммерческая операція, какъ, напри-

мѣръ, учетная, могла получить прочное развитіе лишь при частномъ банковомъ устройствѣ.

Стеченіе всѣхъ приведенныхъ обстоятельствъ и способствовало, главнымъ образомъ, какъ учрежденію частныхъ банковъ, такъ и ихъ большимъ на первыхъ порахъ успѣхамъ.

Первымъ частнымъ кредитнымъ учрежденіемъ явилось С.-Петербургское общество взаимнаго кредита.

Ближайшимъ поводомъ къ возникновенію этого общества послужили событія, происшедшія въ 1862 году.

Еще съ весны этого года въ Петербургѣ стали ходить слухи о предстоящихъ поджогахъ. Начавшіе затѣмъ возникать въ разныхъ частяхъ города пожары, съ предвареніями о нихъ, наводили страхъ и ужасъ на все населеніе столицы. Въ маѣ появилось много анонимныхъ писемъ, повторявшихъ тѣ же слухи, а на стѣнахъ и колоннахъ банка были расклеены кѣмъ-то ночью объявленія о томъ, что банкъ будетъ подожженъ. Предупрежденіе объ этомъ было, кромѣ того, получено въ присланномъ управляющему банкомъ безъимянномъ письмѣ. За отсутствіемъ барона Штиглица, бывшаго тогда заграницею, я свезъ это письмо петербургскому генералъ-губернатору князю Суворову съ просьбою принять мѣры къ огражденію банка отъ угрожавшей ему опасности. Суворовъ, возвративъ мнѣ письмо, сказалъ: „Что я могу сдѣлать; принимайте сами свои мѣры“. Понятно, въ теченіе этого времени настроеніе въ Банкѣ было такое, что всѣ, если и не ожидали навѣрное поджога, то, во всякомъ случаѣ, готовились къ нему.

Передъ Троицынымъ днемъ я собрался ѣхать на дачу къ своимъ старикамъ на станцію Суйда, по Варшавской желѣзной дорогѣ, и имѣлъ намѣреніе провести тамъ два дня праздниковъ. Сдѣлавъ предварительно распоряженіе, чтобы около банка постоянно ходили дежурные сторожа, я уѣхалъ относительно спокойно. Съ субботы на воскресенье я переночевалъ на дачѣ, пробылъ тамъ весь слѣдующій день, но началъ къ вечеру испытывать какое-то неопредѣленное безпокойство и, несмотря на уговоры моихъ стариковъ, въ понедѣльникъ днемъ ихъ покинулъ. Меня влекло какое-то предчувствіе. И дѣйствительно, пріѣхавъ къ 4-мъ часамъ въ Петербургъ, я уже на станціи Варшавской желѣзной дороги увидалъ необыкновенное движеніе: народъ бѣжалъ куда-то. Доѣхавъ до Садовой, мой извозчикъ не могъ пробраться дальше. На вопросъ „что такое случилось“, онъ отвѣтилъ: „горитъ рынокъ и банкъ“. Легко себѣ представить мое состояніе. Я велѣлъ извозчику скакать какъ можно скорѣе; путь по Са-

довой былъ закрытъ, и мы подъѣхали къ банку со стороны канавы. Здѣсь взорамъ моимъ предстала страшная картина. Апраксинъ и Щукинъ были объяты пламенемъ. Цѣлый океанъ огня виденъ былъ у Чернышева переулка. Пожаръ бушевалъ въ зданіи театральной дирекціи и въ домахъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; а на другой сторонѣ Фонтанки горѣлъ какой-то дровяной складъ. Говорили, что пожаръ начался съ театральной площади, перешелъ затѣмъ на дома Министерства и, наконецъ, охватилъ собою рынокъ. Этотъ послѣдній былъ весь объятъ пламенемъ; но банкъ, по счастью, не былъ тронутъ огнемъ, хотя въ угловыхъ зданіяхъ его рамы загорались отъ жара.

Войдя въ банкъ, я распорядился, чтобы всѣ кассы были въ порядкѣ и окружены людьми; дворники были посланы мною на крыши съ водою. Между тѣмъ, изъ лавокъ Апраксина рынка выносили товары и кидали ихъ на дворъ Государственнаго банка. Вѣтра въ нашу сторону не было, тѣмъ не менѣе въ центральномъ зданіи Банка, отдѣленномъ дворомъ и цѣлой улицей отъ рынка, окна накаливались до такой степени, что, во избѣжаніе возгоранія, надо было поливать ихъ водою. Постепенно начиналъ тлѣть и весь фасадъ банка.

Въ это время прибылъ Государь въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ. До Чернышева переулка Онъ доѣхалъ верхомъ, но тутъ жаръ былъ такъ силенъ, что Государь долженъ былъ сойти съ коня и пѣшкомъ, подъ прикрытіемъ вынесенныхъ изъ лавокъ кожъ, которыя образовали собою какъ бы щитъ, поливаемый для охлажденія водою, вступилъ въ большой дворъ Банка. Сложенные здѣсь товары изъ лавокъ рынка заставляли опасаться, что, въ случаѣ ихъ возгоранія, огонь можетъ быстро перейти и на кладовыя Банка. Государь поэтому спросилъ меня, есть ли опасность для кассъ. Я отвѣтилъ, что опасности нѣтъ, что всѣ мѣры приняты и что за кладовыя и кассы Банка я нисколько не боюсь. Суворовъ предложилъ мнѣ, пока есть время, перенести всѣ цѣнности изъ кладовыхъ и кассъ въ другое учрежденіе подъ конвоемъ батальона солдатъ. На это я, однако, не согласился, боясь, что такая перевозка будетъ сопряжена еще съ большими опасностями. Я просилъ только Суворова усилить караулъ. Книги и прочіе документы были въ полной сохранности, и все было приготовлено къ отправкѣ въ случаѣ распространенія огня. Но дѣйствительной опасности для Банка быть не могло, такъ какъ пожаръ простирался въ другую сторону. Къ тому же Апраксинъ рынокъ отдѣлялся отъ Банка улицею и большимъ дворомъ, а инымъ путемъ огонь не могъ

перейти на зданіе Банка. Весь день прошелъ въ волненіи. При этомъ не было, конечно, недостатка и въ любопытныхъ эпизодахъ. Такъ, во время пожара прибѣгаетъ ко мнѣ впопыхахъ одна чиновница и говоритъ:

— Ваше Превосходительство, извольте помѣстить меня куда-нибудь. Мнѣ надо спать.

— Куда же я васъ помѣщу,—отвѣчалъ я. Ищите сами себѣ мѣсто.

— Да, какъ же это, помилуйте. Я жила здѣсь столько времени на казенной квартирѣ.

— Что-жъ вы хотите: раздѣлить со мною кровать.

Всю эту ночь я провелъ на ногахъ, нѣсколько разъ доходилъ до Чернышева переулка и видѣлъ, какъ истомленные пожарные поливались водою, не воспользовавшись даже сдѣланнымъ мною предложеніемъ попить чего-либо или закусить.

Пожаръ продолжался день или два. Когда онъ былъ подавленъ, часть обгорѣвшаго банковскаго павильона надо было разобрать и сломать. Наполнявшіе большой дворъ Банка товары Апраксина и Щукина рынковъ, которые удалось спасти, были перенесены во внутренній дворъ Банка, и затѣмъ изъ погорѣвшихъ торговцевъ образована была особая комиссія для разбора, кому какіе товары принадлежали. Въ теченіе слѣдующихъ полутора дней были провѣрены претензіи и состоялась выдача товаровъ ихъ владѣльцамъ.

Пожаръ этотъ произвелъ страшное бѣдствіе въ мелкой и средней торговлѣ: тысячи народа были лишены крова и пропитанія. Государственный банкъ пришелъ на помощь обездоленнымъ. Въ первомъ же, послѣ пожара, засѣданіи Учетнаго Комитета постановлено было выдать погорѣльцамъ 300.000 р., подлежавшихъ погашенію изъ спеціально назначеннаго на указанную надобность прибавочнаго процента съ учетной операціи. Безспорно, помощь эта была оказана не купечествомъ, а исключительно Государственнымъ банкомъ, который, по моей иниціативѣ, повысилъ учетную норму на $^1/_2$% для покрытія сдѣланнаго пожертвованія. Но, разумѣется, приведенная мѣра не могла вознаградить и одной сотой или даже тысячной доли понесенныхъ торговцами отъ пожара потерь. Не только мелкіе торговцы остались безъ дѣла, но вмѣстѣ съ ними и изъ-за нихъ пострадали и большіе торговые дома. Не надо забывать, что въ то время вся мелкая торговля была въ рукахъ посредниковъ, которые снабжали лавочниковъ рынка товарами и затѣмъ по субботамъ ходили по лавкамъ получать платежи. Такимъ образомъ, мелкая торговля находилась въ зависимости

отъ комиссіонеровъ, крупныхъ купцовъ и разныхъ таможенныхъ экспедиторовъ. Во всякомъ случаѣ, для воспособленія потрясенной пожаромъ торговлѣ нельзя было ограничиться выдачею сравнительно незначительной изъ средствъ банка суммы, а надо было подумать о чемъ-нибудь болѣе обширномъ и существенномъ. Тогда я остановился на мысли придти на помощь торговому сословію устройствомъ кредита, спеціально приспособленнаго для мелкаго люда. Припоминая примѣры коммерческихъ потрясеній, которыя были пережиты въ Бельгіи и Франціи, я пришелъ къ заключенію, что достиженію намѣченной цѣли могъ бы содѣйствовать взаимный кредитъ. Мысль свою я сообщилъ Министру Финансовъ—Рейтерну. Онъ отнесся къ моему предположенію очень сочувственно, просилъ меня не упускать задуманной мѣры изъ виду и непремѣнно привести ее къ осуществленію. Одно изъ главныхъ въ этомъ дѣлѣ препятствій заключалось въ трудности найти лицъ, которыя пожелали бы составить изъ себя общество взаимнаго кредита. Въ этомъ отношеніи я долженъ сказать, что, распространяя мою мысль, я встрѣтилъ особенное сочувствіе со стороны просвѣщенныхъ иностранныхъ купцовъ, Мейера и Моргана, а также нѣкоторыхъ лицъ изъ русскаго купечества, какъ, напримѣръ, Елисѣева. Крупные русскіе банкиры или, какъ я ихъ называлъ, мѣнялы, и среди нихъ одинъ замѣчательный человѣкъ И. И. Смирновъ, также отнеслись сочувственно къ моей мысли. Ободренный этимъ успѣхомъ, я сталъ распространять среди болѣе широкихъ слоевъ купечества, написанную мною, маленькую брошюру о взаимномъ кредитѣ и читалъ лекціи по этому вопросу въ залахъ Городской Думы для того, чтобы ближе ознакомить купцовъ съ принципами устройства общества взаимнаго кредита. Такимъ образомъ, въ 1863 году проектъ устава Петербургскаго общества взаимнаго кредита, построенный, по примѣру однородныхъ обществъ въ Бельгіи, былъ представленъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Въ томъ же 1863 году проектъ этотъ былъ утвержденъ съ нѣкоторыми измѣненіями, введенными въ него Государственнымъ Совѣтомъ чисто по незнанію дѣла, а 17 марта 1864 года общество уже открыло свои дѣйствія. Первоначальный составъ общества опредѣлился въ триста человѣкъ, которые были главными основателями. Членами правленія были избраны лица, имѣвшія наиболѣе вліянія на среднюю торговлю. Въ члены пріемнаго комитета вступили капиталисты и, между прочимъ, многія лица изъ иностраннаго купечества, сочувствовавшія благой цѣли общества. Первона-

чальный капиталъ общества образовался, можно сказать, изъ мѣдныхъ денегъ; для составленія этого капитала всего было внесено 14.000 руб. Такъ какъ общество имѣло своей цѣлью пользу купечества и нисколько не преслѣдовало раздачи огромныхъ дивидендовъ, то участіе каждаго изъ членовъ общества ограничивалось взносомъ отъ 30 р. до 5.000 р.

Государственный Банкъ, операціи котораго были въ ту пору еще довольно малы, располагая свободнымъ помѣщеніемъ, предоставилъ его на первое время обществу. Безспорно, это облегчало надзоръ и за первоначальнымъ управленіемъ, и за правильнымъ веденіемъ дѣла въ обществѣ.

Устройство общества взаимнаго кредита, можно сказать, сразу измѣнило значеніе русской торговли. Не только мелкіе торговцы Апраксина и Щукина дворовъ, но и самый Гостиный Дворъ, въ которомъ торгуютъ купцы средней руки, почувствовали на себѣ вліяніе самостоятельности и независимости отъ иностранныхъ банковъ и экспедиторовъ. На первыхъ же порахъ своихъ дѣйствій общество взаимнаго кредита произвело огромный переломъ въ ходѣ торговли. Прежде, всѣ мелкіе торговцы получали товаръ отъ крупныхъ фирмъ, подъ книжки, по которымъ разсчетъ производился каждую недѣлю и никакихъ при этомъ векселей не выдавали. Все это мелкое купечество было, такимъ образомъ, мало знакомо съ правомъ пользоваться въ банкахъ вексельнымъ кредитомъ. Главная же операція общества взаимнаго кредита состояла въ учетѣ векселей подъ обезпеченіе всего общества. Подобные векселя въ мелкихъ суммахъ, имѣющіе двѣ подписи лицъ, обязывающихся по векселю и гарантированные всѣмъ обществомъ въ совокупности, пріобрѣтали огромное значеніе, какъ обязательства, вполнѣ обезпеченныя въ уплатѣ. Государственный банкъ могъ оказывать такимъ векселямъ полное довѣріе и неограниченный пріемъ. Съ учрежденіемъ общества взаимнаго кредита мелкіе торговцы, принимая товары, стали выдавать векселя на мѣсяцъ, на два, на три, смотря по кредиту; такіе векселя могли немедленно представляться къ учету въ обществѣ взаимнаго кредита. Словомъ, мелкіе торговцы пріобрѣтали себѣ нѣкоторую независимость отъ иностранныхъ посредническихъ конторъ. Даже мелкіе трактиры начали забирать чай, сахаръ и другія принадлежности своей торговли, выдавая векселя въ 30, 40, 50 р. срокомъ на мѣсяцъ, два, три и т. д. Въ результатѣ, для торговли явилось новое орудіе—кредитъ, и русскіе купцы почувствовали себя независимыми, спокойные отъ страха внезапныхъ претензій многочисленныхъ нѣмецкихъ посредниковъ.

При самомъ утвержденіи устава, общество получило отъ правительства право передавать векселя своихъ членовъ за подписью правленія къ учету въ Государственный банкъ, который взималъ съ общества на ½ процента дешевле существовавшей для банковскихъ кліентовъ учетной нормы. Убытки по этой операціи покрывались за счетъ остального купечества, пользовавшагося вексельнымъ кредитомъ въ банкѣ. Находя, однако, не совсѣмъ приличнымъ оказывать льготы вновь народившемуся обществу за счетъ другихъ кліентовъ, банкъ, по моей иниціативѣ, сталъ впослѣдствіи покрывать соотвѣтствующія суммы изъ своихъ прибылей.

Первый операціонный годъ сопровождался для общества прибылью въ размѣрѣ 7% годовыхъ съ оборотнаго капитала. Члены правленія, не получавшіе опредѣленнаго содержанія, пользовались на основаніи устава, 15%-нымъ отчисленіемъ изъ общей прибыли общества. Отчисленіе это, при мелкомъ, въ первое время, размѣрѣ оборотовъ составляло всего около 400 р. на каждаго члена, т.-е. менѣе, чѣмъ получалъ артельщикъ общества. Успѣхъ перваго года и распространившееся въ купечествѣ сознаніе выгодности этой ассоціаціи содѣйствовали значительному увеличенію числа членовъ и размѣра оборотовъ общества въ послѣдующее время. Особенно значительное развитіе въ обществѣ взаимнаго кредита получила операція текущихъ счетовъ. Лица, не нуждавшіяся въ кредитѣ, вносили крупныя суммы на текущій счетъ, по которому общество могло платить по 3—4%. Благодаря этой операціи, черезъ нѣкоторое время касса общества взаимнаго кредита сдѣлалась центральною кассою всѣхъ нашихъ торговыхъ домовъ, многихъ частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій. Но, кромѣ того, общество это оказало большую помощь возникновенію новыхъ предпріятій. Вскорѣ оно сдѣлалось настолько популярнымъ, что всѣ зарождавшіеся тогда банки, компаніи желѣзныхъ дорогъ и т. п. производили подписки на свои акціи и облигаціи чрезъ общество, такъ какъ Государственный банкъ не принималъ комиссій отъ частныхъ лицъ. Словомъ, успѣхъ новаго кредитнаго учрежденія имѣлъ огромное вліяніе на развитіе частной финансовой дѣятельности въ Россіи и въ особенности въ Петербургѣ. Положительно можно сказать, что постройки нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогъ не могли бы состояться безъ посредства общества взаимнаго кредита.

Въ то же время общество это являлось обильнымъ рессурсомъ для Государственнаго банка, который весьма часто страдалъ недостаткомъ въ средствахъ; подкрѣпленіе же кассъ банка

путемъ выпуска пресловутыхъ 4%-ныхъ металлическихъ билетовъ встрѣчало значительныя затрудненія въ томъ, что билеты эти, при повсемѣстной нуждѣ въ наличныхъ деньгахъ, притекали обратно къ банковымъ кассамъ для обмѣна на кредитные билеты. Располагая крупною наличностью, достигавшею иногда 40 милл. руб., общество взаимнаго кредита удѣляло банку часть своихъ свободныхъ средствъ, а банкъ передавалъ ему 4%-ные билеты съ тѣмъ, чтобы общество ихъ отъ себя никому уже не выдавало. Этимъ способомъ было сбережено для казны до 8 мил. руб. Слѣдовательно, не Государственный банкъ снабжалъ общество взаимнаго кредита деньгами, а наоборотъ. На этомъ обстоятельствѣ я останавливаюсь въ виду часто возводившихся на меня обвиненій въ томъ, что я будто снабжалъ общество взаимнаго кредита деньгами изъ суммъ Государственнаго банка. Это совершенная неправда: общество было всегда кредиторомъ Государственнаго банка.

Слѣдуетъ замѣтить, что общество съ самаго основанія стремилось какъ можно менѣе обращаться къ Государственному банку, ведя все дѣло своими собственными средствами и, въ частности, вкладами своихъ членовъ, которымъ оно придало удобное обращеніе въ формѣ текущихъ счетовъ и платежей по чекамъ. Словомъ, система чековъ, благодаря примѣру общества взаимнаго кредита и Государственнаго банка, вошла немедленно въ нравы торговаго сословія и сдѣлалась любимой операціей, дотолѣ неизвѣстной въ Россіи.

Успѣхъ общества взаимнаго кредита былъ полный. Члены общества впервые почувствовали, что они работаютъ у себя дома, что они сами хозяева своего дѣла и могутъ не обращаться съ просьбами о кредитѣ къ учрежденію казенному, гдѣ надо стараться пріобрѣсти благорасположеніе какого-то начальства. Каждый шелъ въ общество взаимнаго кредита какъ къ себѣ, переговаривалъ о своихъ нуждахъ и несъ свои наличныя деньги съ сознаніемъ пользы ихъ употребленія для своихъ товарищей.

Благопріятные результаты дѣятельности общества все болѣе и болѣе усиливали приливъ къ нему новыхъ членовъ. Кромѣ лицъ купеческаго сословія, чиновники, разночинцы и другіе сознавали выгоду въ помѣщеніи своихъ капиталовъ въ формѣ текущихъ счетовъ и въ видѣ вкладовъ или взносовъ, такъ какъ обороты каждаго года давали все большій и большій процентъ на внесенный капиталъ. Третій годъ уже далъ въ результатѣ 15% на внесенный капиталъ, составлявшій только 10% того кредита, которымъ располагалъ каждый членъ общества подъ взаимнымъ ручательствомъ всѣхъ другихъ членовъ. Понятно,

5*

что при такихъ условіяхъ кредитъ общества былъ незыблемъ и что вкладчики не могли имѣть никакого сомнѣнія относительно судьбы своихъ капиталовъ. Такимъ образомъ, общество шло съ каждымъ годомъ къ большему и большему развитію и, наконецъ, прибыль его составляла уже 20, 25 и 30%. Сообразно съ этимъ члены правленія получали уже довольно значительное вознагражденіе. Такъ въ четвертый годъ имъ причиталось по 7 тыс. р. въ слѣдующій годъ—по 12 тыс. р., а затѣмъ и болѣе до 27 тыс. р. Въ это время по инціативѣ самихъ же членовъ правленія, размѣръ вознагражденія былъ уменьшенъ съ 15% до 10% чистой прибыли.

Между тѣмъ, на Петербургскомъ биржевомъ рынкѣ произошло новое явленіе: нѣкоторая удача частныхъ предпріятій, самаго общества взаимнаго кредита и другихъ банковъ, которые начали возникать въ это время, содѣйствовала тому, что всѣ капиталы устремились въ промышленныя предпріятія и акціонерныя компаніи. Словомъ, Петербургъ подпалъ подъ то же вліяніе, которое обнаружилось во всей Европѣ. Въ члены общества взаимнаго кредита начали поступать уже не только лица изъ купеческаго сословія, но и биржевики, и разнаго рода спекулянты, которыхъ размножилось въ нашей столицѣ огромное количество. Сумма взносовъ на текущій счетъ въ обществѣ начала уже превышать торговыя потребности членовъ и должна была искать себѣ новыя помѣщенія. Въ эту пору разные предприниматели и въ особенности строители желѣзныхъ дорогъ, комиссіонеры стали обращаться къ обществу съ требованіями значительныхъ суммъ, которыя общество въ состояніи было ссужать имъ уже не въ видѣ учета, но исключительно подъ залогъ представляемыхъ ими бумагъ.

Положеніе, занятое тогда обществомъ взаимнаго кредита, сдѣлалось первостепеннымъ. Всѣ новые банки, учредившіеся въ то время, не могли бы осуществиться безъ помощи и поддержки со стороны общества взаимнаго кредита. Число членовъ общества дошло тогда до девяти тысячъ, сумма взносовъ на текущій счетъ превышала 40 и болѣе милліоновъ. Нельзя поэтому ставить въ вину обществу, что оно отразило на себѣ общее движеніе торговли и промышленности и что собственно коммерческая часть его членовъ сдѣлалась уже меньшинствомъ.

Сообщ. дочь Е. И. Ламанскаго, **А. фонъ-Таль.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жизнь Императора Александра II-го на южномъ берегу Крыма [1]).

В. Х. Кондараки, члена разныхъ ученыхъ обществъ.

Въ послѣдующемъ 1868 году южнобережскіе жители не удостоились видѣть у себя Императорской фамиліи, но такъ какъ значеніе Ялты уже поднято было минувшими резиденціями Высочайшихъ особъ, то другихъ пріѣзжихъ больныхъ было довольно много. Всѣ денежные люди начали перестроивать дома, заводить садики и вообще улучшать свой бытъ. Татары заводятъ прекрасныя легкія коляски и быстрыхъ иноходцевъ, видя въ этомъ отличныя заработки, сосѣдніе города начали доставлять намъ избытокъ отъ своихъ рынковъ, словомъ, замѣчался прогрессъ и значительное удешевленіе многихъ продуктовъ. Въ слѣдующемъ затѣмъ 1869 г. появились еще новыя дачи, и пустопорожнія земли въ ближайшихъ окрестностяхъ продавались не дешевле рубля за квадратную саженъ. По мѣрѣ приближенія лѣта распускались слухи, что въ столицахъ образовались общества съ большими капиталами, которыя, оцѣнивъ климатическія блага Крыма и желая прекратить выѣздъ соотечественниковъ въ иностранные курорты, положились закупить лучшія мѣста около Ялты и устроить образцовыя заведенія со всевозможными развлеченіями.

Въ концѣ марта въ нашу бухту зашли два англійскихъ паровыхъ судна, изъ которыхъ одно было великолѣпной конструкціи, на которомъ совершилъ до Севастополя поѣздку принцъ

---

[1]) См. „Русская Старина“ сентябрь с. г.

Валлійскій. Пароходы эти прибыли къ намъ гораздо раньше выѣзда высокаго гостя на южный берегъ и простояли у насъ въ ожиданіи его двое сутокъ. Принцъ изъ Севастополя со свитою, въ сопровожденіи главнаго начальника Новороссійскаго края Коцебу направился къ намъ сухимъ путемъ. У Байдарскихъ воротъ августѣйшему путешественнику предложенъ былъ обѣдъ съ мѣстнымъ шашлыкомъ, для приготовленія котораго вызванъ былъ нарочно спеціалистъ изъ аутинскихъ туземцевъ. Его высочество предварительноо становился въ Алупкѣ и затѣмъ уже посѣтилъ Ореанду и Ливадію. Съ балконовъ послѣдней онъ очень долго любовался Ялтою и окружавшими ея горами. Послѣ чего возвратился обратно въ Алупку, куда потребовалъ свои суда и откуда изволилъ отбыть прямо въ Константинополь.

4-го апрѣля мы снова праздновали день спасенія жизни обожаемаго монарха нашего, согласно распоряженію Святѣйшаго Синода, который, желая навсегда сохранить молитвенное воспоминаніе о днѣ великой Божьей милости, явленной къ церкви и державѣ Россійской, отъ покушенія злодѣя, опредѣленіемъ отъ 11-го апрѣля опредѣлилъ: учредить ежегодно въ 4-ый день апрѣля повсемѣстно совершеніе крестнаго хода, въ губернскихъ городахъ изъ каѳедральныхъ соборовъ, а въ уѣздныхъ — изъ соборныхъ или главныхъ церквей, на городскія площади, для принесенія благодарственнаго Господу Богу молебствія съ колѣнопреклоненіемъ и цѣлодневнымъ звономъ за сохраненіе драгоцѣнныхъ дней Августѣйшаго Монарха съ тѣмъ, чтобы 1-е по селеніямъ такое молебствіе отправляемо было въ самыхъ церквахъ, 2-е, въ случаѣ, если 4-ый день апрѣля, встрѣтится на страстной седьмицѣ или въ день св. Пасхи,—такое молебствіе и крестный ходъ совершаемы были въ понедѣльникъ свѣтлыя седьмицы". Буквально исполняя это распоряженіе, мы обыкновенно добавляли къ этому иллюминацію.

Вскорѣ послѣ этого празднества у насъ открылась камера мирового судьи, которая съ первыхъ дней заставила народъ благословлять имя своего августѣйшаго законодателя и сильнѣе жаждать видѣть его.

29-го мая, какъ предвѣстникъ царскаго пріѣзда, прибылъ въ Ялту и поселился на одной изъ лучшихъ окрестныхъ дачъ главный начальникъ края, Коцебу, котораго подъ вліяніемъ, разумѣется, полиціи встрѣтили купцы и мѣщане съ хлѣбомъ-солью. Коцебу дѣйствительно чрезъ нѣсколько дней объявилъ, что Императорское семейство пожалуетъ въ Ливадію въ пер-

выхъ числахъ августа. Заявленіе это въ тотъ же день стало извѣстнымъ народонаселенію города, и на всѣхъ лицахъ читалось не только торжество и радость, но что-то такое, которое выражаетъ гордость и высшую степень самодовольствія. Отрадное настроеніе это нѣсколько потрясено было послѣ полудня 1-го августа съ начатіемъ сильнаго С.-В. вѣтра, который все болѣе и болѣе усиливался, а ночью принялъ такіе размѣры, что мы съ лихорадочнымъ трепетомъ представляли себѣ то непріятное положеніе, которому могла подвергаться Августѣйшая фамилія. Съ разсвѣтомъ порывистый вѣтеръ немного затихъ, и мы, одѣвшись въ формы и праздничные наряды, поспѣшили занять мѣста около пристани. Но, увы, гдѣ дѣвались всѣ тѣ украшенія и разноцвѣтные флаги, обставленные зелеными гирляндами съ такою заботливостію и вкусомъ наканунѣ? Ночной вѣтеръ почти все порвалъ и растрепалъ. Естественно, что представители городского сословія неутомимо работали, чтобы по возможности все привести въ надлежащій видъ. Въ 9-ть ч. изъ Ливадіи прибыли экипажи, музыканты, войско, казаки и часть татарскаго эскадрона. Первые заняли линію слѣва а послѣдніе расположились съ правой стороны полукругомъ отъ пристани къ городскому мосту. Вслѣдъ затѣмъ явились начальствующія лица различныхъ вѣдомствъ края, представители земства и почетные мировые судьи. Всѣ эти лица заняли мѣсто у конца пристани, около столика, на которомъ лежалъ хлѣбъ-соль, приготовленный для поднесенія Царственной четѣ. Дамы, аристократическаго круга, генералъ-адъютанты, камергеры и прочіе чины двора заняли мѣста въ павильонѣ, устроенномъ надъ пристанью. Въ 10 ч. изъ-за Ореандскаго мыса показалась всѣмъ извѣстная яхта „Тигръ". Народъ, видя, что пароходъ этотъ идетъ совершенно безъ поврежденія и нечувствующимъ волненія отъ морской зыби, зашумѣлъ отъ радости и началъ тѣсниться впередъ. Установившись, всѣ успокоились и вперили глаза на судно, которое, какъ и въ былые годы, горделиво и плавно слѣдовало впередъ. Въ половинѣ 11 часа смѣлый и хорошо знающій свое дѣло капитанъ Шмидтъ приказалъ бросить якорь на такомъ разстояніи отъ берега, что у насъ, зрителей, невольно пробѣжалъ трепетъ по кожѣ. Моментательно спущены были шлюпки, а вслѣдъ затѣмъ мы увидѣли нашего Царя-Освободителя, подающаго руку супругѣ и Августѣйшимъ дѣтямъ своимъ, чтобы помочь имъ сойти на катеръ. Въ этотъ моментъ загремѣла на пароходѣ музыка, а нѣсколько минутъ спустя наши державные гости были уже на пристани внѣ всякой опасно-

сти подъ павильономъ и милостиво принимая чистосердечныя привѣтствія, на которыя Его Величество отвѣчалъ: „какъ я радъ, что снова нахожусь между вами“. Затѣмъ Государь Императоръ прошелъ мимо войска, сопровождаемый восторженными криками „ура“ при звукахъ народнаго гимна. Въ $11^1/_2$ ч. Августѣйшая семья отбыла въ открытыхъ экипажахъ въ Ливадію.

Сколько мы могли помнить, Его Величество сравнительно съ прошлымъ мало измѣнился въ наружности, но значительно похудѣлъ. Худоба эта напоминала намъ состояніе его послѣ несчастныхъ событій въ Петербургѣ и Парижѣ, но нашъ цѣлебный воздухъ очень скоро возвратилъ ему и первобытную свѣжесть лица и прежнюю грандіозную форму тѣла. О здоровьи Государыни мы не могли составить точнаго понятія, потому что она казалась утомленною продолжительнымъ путемъ; что касается Великой Княжны Маріи Александровны, которую мы привыкли видѣть маленькою, на этой разъ мы остановили на ней глаза съ горделивымъ восторгомъ: Ея Высочество вдругъ подросла и дѣйствительно представляла большое аналогичное сходство съ едва распутившеюся розою.

По примѣру прежнихъ лѣтъ вечеромъ Ялта иллюминовалась.

Въ настоящій сезонъ въ Крыму были безпрестанные дожди, но къ удовольствію нашему за нѣсколько дней до высочайшаго пріѣзда небо разъяснилось и установилась теплая погода при легкомъ восточномъ вѣтрѣ, предвѣстникѣ наступающихъ засухъ, обыкновенныхъ въ августѣ на югѣ Россіи. Вдобавокъ къ этому, мы заранѣе радовались, что высокіе гости наши будутъ имѣть отличные арбузы и дыни и хорошаго вкуса виноградъ. Относительно татаръ я могу сказать, что въ данное время они гордились тѣмъ, что одинъ изъ нихъ и именно житель нижней масандры Аджи Сеитъ Мустафа Оглу выстроилъ на свой счетъ мечеть за избавленіе Провидѣніемъ драгоцѣнной жизни Государя Императора.

7-го августа въ Ялту прибылъ для привѣтствія Ихъ Величествъ на пароходѣ „Казбекъ“ принцъ Карлъ Румынскій, сопровождаемый княземъ Гикою и г. Филипеско. Намъ было извѣстно, что его высочество предварительно пріѣзда къ намъ осматривалъ Севастополь и Бахчисарай, которые произвели на него сильное впечатлѣніе: первый ужасными руинами, а послѣдній своимъ страннымъ мѣстоположеніемъ и оригинальными постройками ханскихъ дворцовъ.

Предположеніе наше относительно погоды къ сожалѣнію не оправдалось, хотя на южномъ берегу, сколько мнѣ помнилось,

за 15 лѣтъ, до половины сентября почти всегда стояли ровныя неизмѣнчивыя погоды безъ дождей и вѣтровъ, а въ нынѣшнемъ году, какъ на зло народонаселенію, жаждавшему обратить вниманіе Августѣйшихъ особъ на климатъ страны, мы почти не встрѣчали ни одного хорошаго дня: то ужасная жара съ прохладными вечерами, то непріятный восточный вѣтеръ, то мрачныя облака, напоминавшія печальную осень. Однако, несмотря на все это Императорское семейство не прекращало своихъ обычныхъ прогулокъ отъ Ливадіи къ Ореандѣ, Алупкѣ, Масандрѣ и болѣе отдаленныхъ дачъ и имѣній. Прогулки эти чаще всего совершались въ легкихъ экипажахъ безъ всякихъ конвойныхъ; въ сосѣдственныя же съ Ливадіею мѣстности Государь Императоръ по-прежнему предпочиталъ ѣздить верхомъ нерѣдко съ младшими дѣтьми своими.

Тѣмъ временемъ пожаловалъ къ намъ Государь Наслѣдникъ съ супругою Маріею Ѳеодоровною, къ имени которой мы такъ привыкли и жаждали ее видѣть. Ея Высочество всѣмъ безъ исключенія показалась ангеломъ доброты и всѣхъ почти поразила своими прелестными, полными ума глазами. При взглядѣ на наслѣдника престола я не знаю почему, какъ-то невольно вспомнилъ извѣстную всѣмъ почти эллинамъ запись Агаѳангела, въ которой между прочимъ говорится: „въ 10 эндиктіонѣ съ сѣверныхъ странъ отъ русскаго племяни третій Александръ возметъ эпталофонъ (т. е. семи-горный градъ, проще Константинополь).

Тамъ онъ воцарится и будетъ величайшая война [1]).

Его Высочество помѣстился въ вновь выстроенномъ для него дворцѣ. Князь Румынскій, прогостивъ въ Ореандѣ нѣсколько дней со свитою, ежедневно бывалъ въ Ливадіи. Всѣ окружавшіе его сановники удостоились получить наши ордена. Одновременно ожидали прибытіе и Великаго Князя намѣстника Кавказа, но онъ не могъ пріѣхать по случаю болѣзни супруги своей Ольги Ѳеодоровны. По мѣрѣ того, какъ вѣсть о пожалованіи Императора начала распространяться, въ Ялту начали съѣзжаться изъ различныхъ деревень муллы и почтенные старики съ желаніемъ привѣтствовать монарха-освободителя. По словамъ ихъ, народъ думаетъ выслать для той же цѣли депутаціи къ дню коронаціи.

Послѣ отъѣзда принца Карла, по распоряженію начальника края, у насъ устроенъ былъ карантинный надзоръ, имѣющій

---

[1]) Слова эти были сообщены нами въ „Николаевскій вѣстникъ“, гдѣ и напечатаны въ корреспонд. отъ 24 августа 1869 года.

цѣль слѣдить за экипажами прибывающихъ судовъ въ гигіеническомъ отношеніи. Естественно, что эта мѣра признана была всѣми очень важною въ виду обереженія царскаго семейства отъ какихъ-либо несчастныхъ случайностей занесенія эпидеміи. Тѣмъ временемъ нашъ городокъ опять началъ наполняться искавшими пособій и наградъ, а равно и людьми, мечтавшими обогатиться легкими способами. На бульварѣ появились торговцы прохладительными напитками, мороженики, которыхъ раньше мы не видѣли здѣсь, содержатели панорамъ съ сюрпризами, артисты—пѣвцы и пѣвицы, предлагавшіе стрѣльбы въ цѣль, публичные чтецы чужихъ твореній и т. п. авантюристы, которымъ плохо жилось въ большихъ городахъ. Въ числѣ сезонной публики останавливали вниманіе извѣстные художники Боголюбовъ, Айвазовскій и Филипповъ. Представлявшихся Его Величеству татаръ набралось около 200 человѣкъ. Принятые милостиво они съ дѣтскимъ восторгомъ возвратились по домамъ. Съ этого времени въ Ливадіи пошла жизнь обычнымъ чередомъ, но съ нѣкоторыми уже новыми порядками: такъ, напримѣръ, явились сторожевыя будки при въѣздахъ въ царское имѣніе, установлены столбы съ гербами для обозначенія границъ, проведена другая дорога для проѣзжающихъ гораздо дальше дворца, построены роскошныя казармы для солдатъ и музыкантовъ, выведены всѣ торговые балаганы и поставлены были у всѣхъ входовъ и выходовъ часовые. Но при всемъ этомъ никому не воспрещалось ѣздить въ Ливадію на консультаціи къ лейбъ-медикамъ, въ походную канцелярію и къ придворнымъ сановникамъ. Всѣ остальныя лица обязаны были испрашивать позволенія на осмотръ имѣнія, которое давалось безъ всякихъ натяжекъ. Гулявшіе по-прежнему встрѣчали Государя Императора, который нерѣдко милостиво заговаривалъ съ ними, и Великихъ Князей въ сопровожденіи наставниковъ и учителей, рѣзвившихся на чистомъ воздухѣ.

Въ сказанное время французъ Клодъ дотого былъ популяренъ въ Ливадіи, что всѣ придворныя дамы находили удовольствіе поболтать съ этимъ вѣчно улыбающимся бѣднякомъ и поразузнать, что творится въ окрестностяхъ.

— Eh, mesdames, il vaudrait mieux vous boucher les oreilles que d'ecouter de pareilles balivernes—обыкновенно отвѣчалъ онъ, заливаясь звонкимъ смѣхомъ, и начиналъ разсказывать про свои неинтересныя дѣлишки.

При одной изъ подобныхъ встрѣчъ Клодъ началъ плаксивымъ тономъ разсказывать, что его вчерашній день хотѣлъ

мѣстный судья обидѣть въ пользу богатаго сосѣда, вздумавшаго отнять отъ него небольшой клочекъ каменистой земли, которую онъ удобрилъ, нося въ карманахъ перегной, собираемый по дорогамъ.

Въ эту минуту подошла Государыня и съ улыбкою спросила, о чемъ онъ разсуждаетъ съ такимъ чувствомъ.

Клодъ, отскочивъ на шагъ назадъ и снимая измятую фуражку свою, не переставая улыбаться, отвѣчалъ:

— C'est votre majesté une petite tempête dans un verre d'eau, mais comme je suis bon nageur j'espere d'arriver à bon port. При чемъ онъ разсказалъ крайне оригинальнымъ образомъ мельчайшія подробности покупки прибрежнаго песчаннаго клочка земли, на который отыскался хозяинъ только тогда, когда онъ выстроилъ домикъ и удобрилъ его.

— Soyez tranquille, Claude—отвѣтила Государыня—si votre droit est reconnu, personne n'osera vous offenser.

Слова эти, разумѣется, не остались безъ пользы и несмотря на то, что мѣстныя мировыя учрежденія постановили изъять изъ его владѣнія эту землю, самъ истецъ не рѣшился ходатайствовать о приведеніи этого въ исполненіе.

Тѣмъ временемъ вдругъ разнеслись слухи, что Ея Величество опасно заболѣла и всѣ усилія придворныхъ медиковъ оказываются напрасными. Вѣсть эта ужасно смутила окрестныхъ жителей, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали утѣшительныхъ бюллетеней, но ихъ приходилось читать по Петербургскимъ газетамъ, которыя доходили до насъ не скоро. Естественно, что всѣ входы въ Ливадію были закрыты для постороннихъ и не слышно было болѣе ни звука музыки, ни пѣсни солдатъ. Въ это печальное время—говорятъ—по совѣту И. К. Айвазовскаго приглашенъ былъ изъ Ѳеодосіи на консультацію тамошній медикъ Эргардтъ, который прославился на мѣстѣ хорошимъ діагностомъ. По изслѣдованіямъ этого послѣдняго у Ея Величества оказались всѣ симптомы крымской лихорадки. Сообщилъ ли Эргардтъ свои убѣжденія сотоварищамъ своимъ или нѣтъ, намъ неизвѣстно, но, какъ и надо было ожидать, онъ оставилъ за собою обязанность поставить Государыню на ноги. И дѣйствительно, принявъ всевозможныя извѣстныя ему на практикѣ мѣры, онъ въ теченіе непродолжительнаго времени выполнилъ свою миссію и удостоился такого блистательнаго подарка, какимъ рѣдко кто могъ похвастать въ Россіи. Онъ получилъ бриллiантовый перстень, который оцѣнивали въ 7 тысячъ руб. и который много лѣтъ ожидалъ счастливца, достойнаго получить его.

Въ періодъ болѣзни Ея Величества, какъ на зло стояли дурныя погоды, что служило поводомъ роптать пріѣзжимъ на скуку, дороговизну, отсутствіе соединительнаго для общества пункта, библіотеки и т. п. Къ счастію ропотъ этотъ миновалъ съ наступленіемъ опять прекрасныхъ лѣтнихъ дней и появленіемъ экипажей и веселыхъ кавалькадъ. Царская фамилія опять начала ежедневно выѣзжать на прогулки, за исключеніемъ Императрицы. Самая отдаленная поѣздка на этотъ разъ была направлена въ Гурзуфъ и Артекъ, куда за неимѣніемъ удобной дороги Его Величество съ Августѣйшими дѣтьми направился на пароходѣ и провелъ весь почти день. Послѣ этой прогулки Государь Императоръ, по приглашенію Мустафы, не отказался вновь побывать въ Дерекоѣ на татарской свадьбѣ и не только милостиво разговаривать съ распорядителями праздника, но даже не отказался отъ предложеннаго завтрака. Естественно, что новобрачные удостоились получить драгоцѣнные подарки.

20-го сентября, согласно Высочайшей воли, происходила въ виду Ялты гонка шлюпокъ съ военныхъ пароходовъ съ призами, при чемъ участвовали и частные владѣльцы гребныхъ судовъ.

21-го сентября, по случаю рожденія Великаго Князя Павла Александровича, въ Ливадіи былъ праздникъ съ фейерверкомъ, къ которому допущена была и публика. Предположено было устроить и скачку, но почему-то она была отложена на нѣсколько дней.

22-го числа скончался въ Ялтѣ на 48-мъ году отъ рожденія, состоящій при черноморской флотиліи, контръ-адміралъ П. А. Карповъ, одинъ изъ замѣтныхъ героевъ Севастопольской обороны, послѣдній защитникъ Малахова кургана, дѣйствія котораго безъ сомнѣнія отлично были извѣстны Государю Императору. Всѣмъ извѣстно, что штурмъ Малахова кургана въ день 27 августа, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для осажденныхъ, былъ дѣломъ необычайнымъ для непріятеля, которымъ они справедливо гордились и въ то же время отдавали должную дань достоинству защитниковъ. Нашъ малочисленный гарнизонъ почти весь легъ костьми, отстаивая каждый вершокъ родного кургана, и лишь небольшая часть храбрецовъ уцѣлѣла и взята непріятелемъ въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и П. А. Карповъ, который въ бытность свою въ плѣну снова высказалъ твердость характера и качества благороднаго патріотизма. Отправленный французами на Принцевы острова (вблизи Константинополя), куда ссылалась большая часть русскихъ

плѣнниковъ, Карповъ вмѣстѣ съ прочими русскими попалъ подъ надзоръ капитана иностраннаго легіона поляка Стюарта, который различными соблазнами склонялъ нашихъ и преимущественно единоплеменниковъ своихъ къ переходу на французскую службу; но матросы наши, находившіеся подъ вліяніемъ Карпова, Панферова и другихъ, не легко поддавались соблазнамъ. Когда же и находившійся тутъ же въ плѣну нашъ русскій священникъ, взятый въ Кинбургѣ, сталъ увѣщевать нижнихъ чиновъ оставаться вѣрными своей присягѣ и дѣло Стюарта окончательно не двигалось впередъ, то французы рѣшились посадить священника на понтонъ. Тогда наши морскіе офицеры съ Карповымъ во главѣ протестовали противу такого насилія и послѣ этого стали уже въ открытую оппозицію капитану Стюарту. Стюартъ донесъ въ Константинополь генералу Верже о безуспѣшности вербовки, встрѣтившей сильное препятствіе со стороны морскихъ офицеровъ, имѣвшихъ громадное вліяніе на нижнихъ чиновъ. Получивъ донесеніе, генералъ Верже прибылъ немедленно изъ Константинополя съ ротою французскихъ стрѣлковъ и, окруживъ войсками помѣщеніе плѣнниковъ, потребовалъ отъ всѣхъ русскихъ офицеровъ подписки въ томъ, что они будутъ безпрекословно повиноваться французскимъ властямъ. Когда подписной листъ дошелъ до Карпова, то онъ, вмѣсто того, чтобы подписать, какъ того требовали французы, разорвалъ его и при этомъ сталъ рѣзко порицать французскія власти. Послѣ этого французы рѣшились удалить съ Принцевыхъ острововъ капитанъ-лейтенанта Карпова и лейтенанта Панферова и съ этою цѣлью завлекли ихъ на пароходъ „Бертолетъ", по вступленіи на палубу котораго, они объявлены были арестованными. Вскорѣ послѣ этого пароходъ „Бертолетъ" отправился въ Тулонъ и когда бросилъ якорь, то къ нему подошла галера съ прикованными къ банкамъ гребцами-арестантами. На эту галеру посадили нашихъ офицеровъ и перевезли въ крѣпость, гдѣ и продержали ихъ два мѣсяца, т.-е. до времени заключенія мира.

Покойный еще недавно и именно 27 прошлаго мѣсяца при осмотрѣ наслѣдникомъ престола Малахова кургана имѣлъ счастіе на мѣстѣ совершившейся драмы подробно объяснять Его Высочеству весь ходъ дѣла того рокового для Севастополя дня.

Лишь только Государь Императоръ освѣдомился о болѣзни Карпова, онъ въ тотъ же день, при проѣздѣ Ялты, остановился у квартиры больного и послалъ Великаго Князя Алексѣя Александровича навѣстить его; а вслѣдъ затѣмъ, когда донесли Его

Величеству о смерти этого человѣка, послѣдовалъ приказъ перевезти тѣло на казенномъ пароходѣ въ Севастополь и похоронить во Владимірскомъ храмѣ близъ могилы 4-хъ прославившихся адмираловъ. Такой чести немногіе изъ героевъ Севастополя заслужили.

На слѣдующій день Его Величество ѣхалъ верхомъ изъ Ливадіи по крутой тропинкѣ, мимо теперешняго огорода, въ Аутку. При спускѣ онъ неожиданно повстрѣчался съ человѣкомъ, очень невзрачной физіономіи, только-что вышедшимъ изъ густой чащи съ двухствольнымъ ружьемъ. Его Величество какъ-то невольно остановился, такъ какъ сопровождавшій его казакъ отсталъ. Анастасій Цемка (такъ звали этого человѣка), замѣтивъ недовѣріе монарха, какъ бывшій солдатъ Балаклавскаго греческаго батальона, въ свою очередь растерялся и не зналъ, что дѣлалъ съ собою и своимъ оружіемъ, но потомъ, опомнившись, по старой привычкѣ сдѣлалъ пріемъ на плечо и на краулъ. Государь улыбнулся и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ отставному солдату, спросилъ: кто онъ, гдѣ живетъ и куда идетъ? Когда Цемка заявилъ, что собрался на охоту, Государь шутя сказалъ: „только не перестрѣляй всѣхъ козъ, оставь и намъ“.

Невдали теперешняго Кучукъ-сарая, Императоръ, увидѣвъ грека, поправлявшаго свой плетень, предложилъ ему показать кратчайшій выѣздъ на аутинскую дорогу и Ялту.

Павелъ Ѳеодори естественно сочелъ за особенное счастіе оказать какую-нибудь услугу Государю и, бросивъ недоплетенную палку, выступилъ впередъ.

— Ну, нѣтъ, такъ не годится—сказалъ добрый монархъ—ты доплети эту вѣтку, не то она будетъ мѣшать для проѣзда.

Ѳеодори безпрекословно исполнилъ приказаніе и затѣмъ молчаливо безъ фуражки послѣдовалъ за Государемъ.

— Надѣнь шапку: сегодня жарко и, какъ проводникъ, иди впередъ—приказалъ Императоръ.

— Я полагалъ, говорилъ мнѣ скромый по природѣ Павелъ Ѳеодори—что Его Величество не удостоитъ меня ни единымъ болѣе словомъ и навѣрно забудетъ навсегда мою физіономію, но онъ во всю дорогу разспрашивалъ, чѣмъ мы занимаемся, достаточно ли окупаются наши труды, какое я имѣю семейство и т. п., и съ этого времени онъ, какъ только проѣзжалъ мой садикъ и замѣчалъ меня, всегда дѣлалъ какіе-нибудь вопросы, принималъ изъ рукъ моихъ подносимые на листѣ фрукты и хвалилъ ихъ вкусъ.

— А имѣешь ли ты какую-нибудь память о немъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, мнѣ впослѣдствіи раза два офицеры, сопровождавшіе его, предлагали деньги, но я не бралъ ихъ. При этомъ разскащикъ улыбнулся.

— Ты вспомнилъ что-то смѣшное? спросилъ я.

— Мнѣ невольно пришло на память, когда, сопровождая Государя въ первый разъ, мы встрѣтили на берегу рѣчки „Учанъ-су" какую-то старушку, выбѣжавшую изъ дачи М-me Бирнбаумъ и, ставъ на колѣни, ожидавшую насъ съ бумагою, высоко поднятою надъ головою.

— Что это значитъ? спросилъ Императоръ.

— Всеподданнѣйшая просьба.

— Снесите ее въ Ливадію въ канцелярію мою.

— Туда меня не допустили, Ваше Величество.

— Такъ скажите, что я приказалъ васъ допустить.

— Они не повѣрятъ мнѣ, Государь.

— Не повѣрятъ!? возразилъ онъ и, громко захохотавъ, проѣхалъ дальше.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Мои воспоминанія и размышленія [1]).

(Посвящается женѣ и дѣтямъ, внукамъ и внучкамъ).

II.

Сочиненіе на медаль на тему „О логическомъ органѣ Аристотеля".—Заботы объ имущественныхъ дѣлахъ и матеріальныхъ средствахъ.—Мельгуновы.—Львовы.—Интересъ къ политикѣ.—Мысли о февральской революціи 1848 года въ Парижѣ.—Карточная игра.—Супруги Яковлевы.—Холера въ Москвѣ въ 1848 году.—Смерть старшей сестры.—Ея поэтическіе опыты.—Письмо Каткова.—Продажа дома и переѣздъ на частную квартиру.—Смерть матери.

По смерти отца я долго не могъ взяться ни за какое дѣло. По счастію, въ числѣ взятыхъ мною изъ университетской библіотеки книгъ были Шеллинга: Vermischte Schriften и въ ихъ числѣ его великолѣпная рѣчь объ отношеніи природы и искусства: это было первое научное произведеніе, которое я тогда взялъ въ руки и не отложилъ тотчасъ же въ сторону, а все болѣе и болѣе имъ увлекался и прочелъ его до конца, а затѣмъ,—чтобы лучше его себѣ усвоить, рѣшился перевести его на русскій языкъ. Этотъ умственный трудъ, требовавшій значительнаго напряженія, но все-таки не самостоятельный, болѣе или менѣе механическій, возможный и безъ особаго воодушевленія, оказался мнѣ въ это время подъ силу и былъ для меня въ высшей степени благотворенъ: по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ, я все болѣе освобождался отъ давившаго меня горя и унынія и къ концу августа, ко времени вовобновленія лекцій въ университетѣ, уже почти совсѣмъ пришелъ въ себя.

Первымъ моимъ дѣломъ было навѣстить М. Н. Каткова и подѣлиться съ нимъ моимъ горемъ и разсказать о той нравст-

---

[1]) См. „Русская Старина" сентябрь 1915 г.

венной помощи, какую мнѣ оказала рѣчь Шеллинга. Онъ принялъ сердечное участіе въ нашемъ горѣ, очень совѣтовалъ не предаваться ему чрезмѣрно и одобрялъ, что я обратился къ такому серіозному и вмѣстѣ доступному труду, какъ переводъ рѣчи Шеллинга. Еще болѣе серіозный и обширный трудъ имѣетъ онъ въ виду предложить мнѣ и всѣмъ моимъ товарищамъ-студентамъ: въ нынѣшнемъ 1847—48 году впервые за все время существованія Московскаго университета тема для соисканія премій студентами должна быть предложена по каѳедрѣ философіи, и вотъ онъ остановился на темѣ „О логическомъ органѣ Аристотеля", и такъ какъ онъ самъ простудился, не выходилъ изъ дому, и не знаетъ, когда ему можно будетъ выйти и быть въ университетѣ, то онъ просилъ меня отъ его имени объявить всѣмъ студентамъ эту тему и сообщить, какими источниками и пособіями, а также изданіями, они должны пользоватъся въ этой работѣ, и при этомъ передалъ мнѣ списокъ всѣхъ этихъ книгъ: „чѣмъ скорѣе послѣдуетъ это объявленіе, тѣмъ будетъ лучше, если возможно даже сегодня", прибавилъ Михаилъ Никифоровичъ. Не видя въ этомъ никакихъ особыхъ неудобствъ, я охотно взялся за это лестное для меня порученіе и, пріѣхавъ въ тотъ же день въ университетъ, обратился къ нашему субъ-инспектору съ просьбою оповѣстить студентовъ о темѣ, назначенной М. Н. Катковымъ, и о пособіяхъ для ея обработки. Д. Е. Зайковскій взглянулъ на этотъ довольно длинный и не очень разборчиво написанный списокъ книгъ, сказалъ, что студентовъ онъ, пожалуй, созоветъ въ большую словесную аудиторію, насколько можно будетъ ихъ собрать, но что провозгласить тему и прочесть списокъ пособій для нея онъ предоставляетъ мнѣ, но что вообще это едва-ли правильный путь, и Михаилу Никифоровичу слѣдовало бы вести это дѣло черезъ факультетъ и черезъ декана. Я исполнилъ данное мнѣ порученіе и самъ тутъ же списалъ для себя заглавія книгъ, то же сдѣлали и нѣкоторые другіе, и въ концѣ концовъ списокъ этотъ былъ возвращенъ Дмитрію Ефимовичу. Я тотчасъ же отправился въ университетскую библіотеку запасаться этими книгами: многихъ изъ нихъ совсѣмъ въ ней не было, другія были уже взяты, указанное изданіе самого логическаго органа Аристотеля пришлось купить у Дейбнера. Я принялся съ большимъ рвеніемъ за работу; но она плохо спорилась по своей трудности и сухости; но она была мало привлекательна; не выслушавъ даже и полнаго курса логики, мы могли только учиться этому предмету, и притомъ впервые, по великому тво-

ренію Аристотеля, рабски передавая его содержаніе по-русски, и то не безъ большихъ затрудненій, такъ какъ употребительные въ логикѣ соотвѣтственные техническіе термины были намъ мало извѣстны или вовсе неизвѣстны. Притомъ же, такъ какъ работа была на премію, я стѣснялся обращаться къ М. Н. Каткову за разъясненіями, указаніями и наставленіями. Сверхъ того успѣшности моей работы крайне вредило то, что я все время страдалъ безсонницей, приливами крови къ головѣ и къ сердцу и не только на цѣлые дни, но и на цѣлыя недѣли долженъ былъ прерывать работу.

Не мало времени отнимали у меня дѣла семейныя. Отецъ не посвящалъ ни насъ, ни даже maman въ денежныя свои дѣла, и только мало по малу разыскивались въ разныхъ потайныхъ ящикахъ его письменнаго стола заемныя письма разныхъ лицъ. За поступленіемъ братьевъ въ военную службу, взысканіе этихъ долговъ или процентовъ по нимъ лежало на мнѣ, и это не всегда было легкое и простое дѣло. Самою крупною и самою исправною должницей была Наталія Алексѣевна Мельгунова, которая безъ всякихъ напоминаній въ срокъ платила проценты; но далеко не всѣ были таковы. Болѣе всего хлопотъ было съ гусаромъ Вороновымъ, котораго усыновилъ старикъ Петръ Петровичъ Ляпуновъ и которому отецъ далъ взаймы, съ согласія самого старика. Старикъ былъ очень богатъ, но прижимистъ и не любилъ разставаться съ деньгами, а Воронова поймать было не легко: онъ бывалъ въ Москвѣ лишь наѣздами. Пришлось обратиться къ помощи московскаго генералъ-губернатора графа Закревскаго, который былъ родственникомъ Мельгуновыхъ и зналъ моихъ родителей и которому я былъ представленъ въ ихъ домѣ. Его патріархальная и произвольная власть на этотъ разъ какъ нельзя лучше пригодилась: онъ призвалъ къ себѣ Ляпунова, обошелся съ нимъ очень ласково, предъявилъ ему собственныя его письма, въ которыхъ онъ проситъ моего отца одолжить деньги его сыну, убѣдилъ его, что такихъ долговъ своего сына онъ не можетъ не признавать и долженъ ихъ уплатить, имѣя вполнѣ достаточныя для того средства, и взялъ съ него расписку, что деньги эти будутъ ему, графу, уплачены въ самый непродолжительный срокъ. Ляпунову онъ тутъ же отдалъ заемное письмо Воронова: дня черезъ два я получилъ эти деньги сполна со всѣми процентами въ канцеляріи генералъ-губернатора, и старикъ Ляпуновъ сердился на меня немного за то, что я его, старика, потревожилъ, но хвалилъ графа Закревскаго какъ очень умнаго, тонкаго и обходитель-

наго начальника, а съ нами вообще остался въ добрыхъ отношеніяхъ.

Сверхъ того мнѣ приходилось давать уроки уже не ради удовлетворенія тѣмъ или другимъ прихотямъ или пополненія моей библіотеки, а просто для того, чтобы покрыть всѣ расходы, которые шли на меня лично, и восполнить въ случаѣ надобности денежныя средства семьи. Уроки сейчасъ же нашлись прежде всего почти уже взрослымъ дочерямъ Н. А. Мельгуновой—Софіи Степановнѣ (17-и) и Наталіи Степановнѣ (16 л. отъ роду), которыя хорошо говорили по-французски, постоянно имѣя у себя въ домѣ французскую гувернантку, но образованіе которыхъ по всѣмъ другимъ предметамъ было крайне запущено, такъ какъ мать ихъ, сама впрочемъ образованная особа (рожденная княжна Щербатова), хорошо говорившая и по-французски, и понѣмецки и по-англійски, была такого мнѣнія, что для дочерей гораздо важнѣе имѣть хорошіе наряды и хорошее приданое, чѣмъ хорошее образованіе, а главное, постоянно была поглощена имущественными дѣлами, которыя мужъ ея оставилъ очень запутанными, и по безхарактерности никакъ не могла своихъ дѣтей заставить слушаться. Мнѣ было съ ними не мало хлопотъ, особенно съ младшею изъ нихъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ и самому-то шелъ всего 18-ый годъ и что онѣ помнили меня еще совсѣмъ ребенкомъ: урезонивать M-elle Natalie можно было только съ помощью старшей сестры, уже выѣзжавшей въ свѣтъ и весьма разумной—Екатерины Степановны, да и та въ трудныхъ случаяхъ прибѣгала къ какимъ-то таинственнымъ для меня угрозамъ Василисой Даниловной, старшею горничною ихъ матери, очень красивою, высокою и статною дѣвушкой среднихъ лѣтъ, которая, какъ я узналъ потомъ, имѣла огромное вліяніе на свою барыню и была ею употребляема какъ укротительница дѣтей въ тѣхъ случаяхъ, когда уже никакого съ ними не было сладу. А на бѣду M-elle Natalie именно была по временамъ такою, что для нея необходима была укротительница: упрется себѣ и ни слова не отвѣчаетъ ни на одинъ вопросъ, не хочетъ ни писать, ни читать,—словомъ, совсѣмъ не хочетъ учиться. Вотъ тутъ-то приходилось мнѣ обращаться за помощью къ Екатеринѣ Степановнѣ, которая не безъ содѣйствія Василисы Даниловны достигала таки того, что Натали стала мало по малу хорошо и даже охотно учиться. Въ томъ же домѣ внизу съ племянницей Е. А. Мельгуновой, 11 лѣтнею дѣвочкою Екат. Петр. Мельгуновой, бывшей собственно на попеченіи Елизаветы Степановны Левашевой и подъ блажайшимъ руководствомъ Ольги Васильевны

Щепиной, бывшей классной дамы Николаевскаго сиротскаго института, дѣло шло гораздо лучше и успѣшнѣе: дѣвочка была очень рѣзвая, бойкая, большая шалунья, но очень способная и вмѣстѣ съ тѣмъ очень богатая сиротка. Тутъ не нужно было никакой таинственной Василисы Даниловны, и я находилъ, что О. В. Щепина уже черезчуръ мало церемонится съ своею воспитанницей и слишкомъ мало стѣсняется мною. Разъ я прихожу на урокъ и вдругъ слышу отъ Ольги Васильевны: „А ваша ученица совсѣмъ отличилась, и я ее высѣкла и очень больно, до крови". Бѣдная Катринъ вся вспыхнула, а я переконфузился и могъ только пробормотать: „Въ такомъ случаѣ я, быть можетъ, тутъ лишній, и нашъ урокъ сегодня не можетъ состояться".—Что вы, что вы? Да эдакъ она будетъ каждый день добиваться розгъ, чтобы ей совсѣмъ не учиться.—Нѣтъ, Ольга Васильевна, вы уже черезчуръ строги и несправедливы: Катерина Петровна всегда хорошо у меня училась, и я всегда былъ ею доволенъ.—„Какая она Катерина Петровна: ее надо сѣчь да сѣчь".—Тогда, перемѣнивъ тонъ, я сказалъ, что мнѣ надобно съ нею переговорить наединѣ: она отослала дѣвочку наверхъ къ ея кузинамъ, а я очень серіозно и очень рѣшительно заявилъ, что если она когда-либо еще будетъ срамить мою ученицу передо мною, то я принужденъ буду отказаться отъ даванія ей уроковъ: она не можетъ еще учиться только для ученія, только изъ одной живой любознательности; для нея чрезвычайно важно, чтобы ея учителя были о ней хорошаго мнѣнія, чтобы своими успѣхами она все болѣе и болѣе выигрывала въ ихъ мнѣніи такъ же, какъ радовала бы свою тетю, да и васъ, свою воспитательницу. Какъ только она почувствуетъ себя совсѣмъ униженной въ глазахъ своихъ учителей, у нея однимъ побужденіемъ хорошо учиться будетъ меньше, и тогда, Богъ вѣсть, какъ пойдетъ ученье. Притомъ же необходимо щадить самолюбіе дѣтей и чувство стыдливости въ дѣвочкѣ. Зачѣмъ выносить соръ изъ избы? Я не отрицаю, что и въ воспитаніи дѣвочекъ могутъ быть такіе случаи, когда и розги могутъ оказаться необходимыми; но какая же надобность возвѣщать о такихъ случаяхъ каждому встрѣчному или вообще постороннему лицу, да еще другого пола". Ольга Васильевна была хотя не изъ добренькихъ, но несомнѣнно умною особой и въ концѣ концовъ согласилась со мною и обѣщала, что впредь она никогда не будетъ такъ срамить мою ученицу передо мною.

Уроки старшимъ Мельгуновымъ были самые дешевые; уроки ихъ кузинѣ были уже гораздо выгоднѣе; но наиболѣе щедрымъ

плательщикомъ былъ Александръ Николаевичъ Львовъ, который расчитывалъ каждый мой урокъ его сыну Николаю по 4 р. сер., а ихъ было 4 въ недѣлю. Правда, отъ насъ это было цѣлое путешествіе: у нихъ былъ свой домъ близъ Арбата, на Собачьей площадкѣ, у Спасса на Пескахъ.

Это была вообще очень милая и образованная семья. Она— дочь извѣстнаго члена Государственнаго Совѣта графа Мордвинова. Ему очень хотѣлось, между прочимъ, познакомиться съ М. Н. Катковымъ; но онъ не хотѣлъ къ нему ѣхать первый безъ всякаго повода и просилъ меня привезти къ нимъ Михаила Никифоровича. Какъ это ни было трудно, мнѣ все-таки удалось убѣдить Михаила Никифоровича поѣхать къ нимъ со мною, чтобы посмотрѣть, какъ я учу ихъ Колю русскому языку: это былъ главный предметъ моихъ ему уроковъ. Въ интересахъ моихъ уроковъ и самаго дѣла, онъ принесъ мнѣ эту нелегкую для себя жертву, и будучи настоящимъ знатокомъ славяно-русской филологіи (его магистерская диссертація была: „Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка“), и имѣя нѣкоторую опытность въ домашнемъ преподаваніи русскаго языка, просидѣвъ слишкомъ часъ на моемъ урокѣ, онъ далъ мнѣ потомъ не мало полезныхъ совѣтовъ, какъ успѣшнѣе вести эти занятія. Конецъ вечера мы провели очень пріятно въ семьѣ Львовыхъ, старшая дочь которыхъ Марія Александровна была уже помолвлена въ то время за князя Голицына-Прозоровскаго.

Многое и другое отвлекало меня отъ работы надъ логическимъ органомъ Аристотеля и вредило успѣшному ея ходу. Хотя я и неисправно вообще посѣщалъ въ этомъ году университетъ, а въ декабрѣ 1847 г. и вовсе пересталъ посѣщать его, тѣмъ не менѣе я настолько втянулся въ чтеніе иностранныхъ газетъ, что чуть не каждый день ходилъ для этого въ кондитерскую Педотти, пока не нашелъ нѣсколько ближе къ намъ равносильной ей во всѣхъ отношеніяхъ кондитерской Tramblay (на Большой Лубянкѣ). А между тѣмъ событія съ каждымъ днемъ становились интереснѣе, пока наконецъ накопившаяся гроза не разразилась февральскою революціей въ Парижѣ и мартовскими потрясеніями въ Берлинѣ и Вѣнѣ. Я очень внимательно слѣдилъ за всѣми этими событіями по иностраннымъ газетамъ, которыя впрочемъ въ это время очень часто запрещались или же появлялись обезображенныя нашею цензурою съ большими вырѣзками или же съ цѣлыми столбцами, покрытыми черною типографскою краской.

Тѣмъ не менѣе по нимъ все-таки можно было составить себѣ

нѣкоторое приблизительно вѣрное понятіе объ общемъ ходѣ дѣлъ и объ ихъ положеніи въ данное время. Мнѣ пришлось изложить результаты этого моего чтенія въ длинномъ письмѣ къ братьямъ въ полкъ, такъ какъ ихъ и ихъ сослуживцевъ естественно болѣе всѣхъ интересовалъ вопросъ, будетъ ли у насъ война, когда и съ кѣмъ, а походъ на весну 1848 г. къ западнымъ границамъ былъ уже имъ объявленъ. Письмо это отъ 15 марта 1848 г. сохранилось у меня до сихъ поръ. Фактическихъ погрѣшностей оно заключаетъ въ себѣ не много. О государственномъ строѣ вообще, а Франціи въ пору іюльской монархіи въ особенности, я имѣлъ очень смутное и сбивчивое понятіе.

Что касается до оцѣнки событій, то нельзя не принять во вниманіе, что мнѣ не было еще 18-ти лѣтъ отъ роду въ ту пору, что это были первыя крупныя историческія событія, о которыхъ я читалъ и которыя я душевно переживалъ какъ современникъ, значеніе которыхъ поэтому уже не могло не представляться мнѣ въ сильно преувеличенномъ видѣ и что въ ту пору жизни всему вѣрится, всѣмъ восхищаешься, въ чемъ только проявляются великодушныя стремленія къ общему благу, добру, правдѣ и истинѣ и что только соприкасается съ идеями свободы, равенства и братства, и слова, проникнутыя этими идеями, принимаются за дѣла. Такимъ образомъ, по моимъ тогдашнимъ воззрѣніямъ, это былъ „громадный переворотъ, совершившійся въ продолженіе одного только мѣсяца, но подготовленный цѣлыми вѣками, всѣмъ прошедшимъ, и не одной только Франціи, но и цѣлой Европы,—переворотъ, который вызвалъ наружу всѣ сокровенныя стремленія современнаго человѣчества, всѣ недоразумѣнія, сомнѣнія, вопросы, которые могли возникнуть при настоящемъ порядкѣ вещей, и который непремѣнно поведетъ къ полному ихъ рѣшенію... Временное правительство вмѣстѣ съ народомъ провозгласило во Франціи республику съ началами ея liberté, égalité и fraternité, и этимъ началамъ Ламартинъ всѣми силами своей души стремится дать настоящее господство. Вообще поэтъ Ламартинъ играетъ главную роль: его энергія для водворенія порядка безпримѣрна; 60 часовъ сряду, не покидая Hôtel de Ville, онъ работалъ и къ тому же убѣдилъ своихъ коллегъ. Ратуша, въ которой засѣдаетъ временное правительство, постоянно окружена массами народа, которыя не совсѣмъ довѣряютъ правительству, ими же самими избранному, и нерѣдко обнаруживаютъ свою къ нему враждебность; но Ламартинъ своими рѣчами (онъ ихъ

сказалъ 100) всѣхъ успокоилъ... Вся Франція признала республику. Временное правительство и, по убѣжденіямъ его, и народъ руководствуются самыми человѣколюбивыми и въ то же время либеральными идеями. Оно уже уничтожило смертную казнь для политическихъ преступниковъ; оно усыновило себѣ всѣхъ бѣдныхъ; оно печется объ улучшеніи судьбы рабочихъ: для нихъ уменьшено уже число рабочихъ часовъ въ день съ 12 на 10, для нихъ назначена комиссія подъ предсѣдательствомъ Louis Blanc и Albert (ouvrier), которая отнынѣ, совѣщаясь съ рабочими, будетъ охранять ихъ права... Переворотъ, совершившійся во Франціи, произвелъ неслыханное, просто френетическое волненіе во всей Европѣ... Вездѣ требуютъ реформъ, свободныхъ учрежденій, свободы политическихъ сборищъ, народнаго самоуправленія. Нѣтъ ни одного уголка во всей Европѣ (конечно, кромѣ благоденствующей Русской имперіи), куда бы не проникло это движеніе: вездѣ народъ въ разладѣ съ королями... Теперь все шатко, все поставлено въ вопросъ: никто не поручится, что весь прежній порядокъ не рушится. Поддержать его можетъ одна Россія... Всѣ правительства Европы (ничего не знаю о Россіи) объявили, что не вмѣшаются во внутреннія дѣла Франціи, да имъ и некогда... Во Франціи и народъ, и правительство, повидимому, раздѣлены на 2 партіи: одна желала бы силою дать господство республиканскимъ началамъ во всей Европѣ и начать наступательную войну (которая, впрочемъ, при настоящемъ положеніи Франціи, особенно по состоянію ея финансовъ, и невозможна), а другая, и во главѣ ея Ламартинъ, желаетъ сохраненія европейскаго мира и началами всей внѣшней политики (какъ то видно изъ прокламацій и циркуляра, разосланнаго Ламартиномъ ко всѣмъ посламъ и посланникамъ Франціи) признаетъ: 1) братство между всѣми народами; 2) помогать всѣмъ слабымъ народамъ, которые стремятся завоевать себѣ свободу или національную независимость; помогать всякому свободному движенію, не производя народныхъ возстаній; 3) не объявлять наступательной войны и удерживаться отъ завоеваній для блага республики, которая не устоитъ при войнѣ, пораждающей военный деспотизмъ и диктатуру полководца; но Франція съ радостью приметъ всякій вызовъ на войну, которая несомнѣнно ее прославитъ; 4) Франція не признаетъ Вѣнскихъ трактатовъ 1815 г., поддерживающихъ настоящій порядокъ вещей и направленныхъ противъ политической свободы и національной независимости народовъ“.

Если бы дѣйствительно таковы были начала внѣшней политики французскаго правительства и его представителя въ этомъ отношеніи Ламартина, то о немъ, конечно, нельзя было бы сказать, что оно желаетъ сохраненія европейскаго мира, а напротивъ, что оно желаетъ всеобщей войны: въ данномъ случаѣ различнаго рода прокламаціи и рѣчи, обращенныя къ народнымъ массамъ въ Парижѣ, мною были смѣшаны съ такими правительственными актами, какъ циркуляръ Ламартина или его воззваніе (манифестъ) къ Европѣ отъ 3-го марта 1848 г., дѣйствительно проникнутое миролюбіемъ и направленное къ къ тому, чтобы разсѣять опасенія Европы на счетъ политики воинственныхъ приключеній и политики революціонной пропаганды со стороны французской республики,—опасенія, которыя могли возбудить прокламаціи, предназначенныя для народной парижской толпы, и воззванія своихъ и чужихъ анархистовъ и коммунистовъ, нагрянувшихъ въ это время отовсюду въ Парижъ. Впрочемъ, я и самъ чувствовалъ, что въ выставленныхъ мною началахъ внѣшней политики, которыя я приписывалъ Ламартину, очень мало миролюбія, и потому вслѣдъ за ихъ вычисленіемъ я прибавилъ: „Изъ всего этого и изъ всѣхъ обстоятельствъ видно, что миръ Европы виситъ на волоскѣ: вездѣ стремленіе къ свободѣ и къ независимости, а этимъ стремленіямъ Франція вызывается помогать. Запутаннѣе и опаснѣе всего положеніе Австрійской имперіи, которая поглотила въ себѣ совершенно чуждыя ей національности, а именно: славянъ, которыхъ $^5/_7$ въ цѣломъ населеніи имперіи и которые волнуются и стремятся къ независимости; итальянцевъ въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, которые, во всей Италіи видя независимость и свободныя учрежденія (въ нынѣшнемъ году огромныя реформы совершились въ Италіи), сильно возстаютъ противъ зависимости отъ Австріи, опредѣленной Вѣнскимъ трактатомъ, и противъ притѣсненій: для подавленія этихъ возстаній, которыя находятъ сочувствіе даже въ венгерскихъ подданныхъ Австріи, въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ уже теперь до 150 т. австрійскаго войска. Австрійскій императоръ нисколько не хочетъ уступать духу времени, хотя и заявилъ, что не станетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, но въ то же время объявилъ, что всякое возстаніе въ нѣдрахъ имперіи усмиритъ силою. А эти возстанія то и дѣло возгараются то въ Богеміи, то въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, и въ случаѣ усмиренія ихъ силою будутъ поддержаны Франціей, да чуть-ли не цѣлой Европой (?!!) Что выйдетъ изъ всѣхъ

этихъ обстоятельствъ и изъ политики австрійцевъ? Трудно, если не вовсе невозможно, идти противъ духа времени; тяжело также и уступать ему: дѣло идетъ о существованіи австрійской имперіи, нашей союзницы. Выводите сами заключеніе изъ всего этого; предвидьте въ будущемъ все, что угодно; но лучше всего одинъ разъ навсегда и во всемъ положиться на „Провидѣніе Божіе". Упомянувъ о тяжкой болѣзни maman и о томъ горѣ, въ какое она насъ повергаетъ, я прибавилъ: „Но мы должны быть тверды, должны быть приготовлены на все, потому что все можетъ случиться. Можетъ быть, никогда я столько не вѣрилъ Божію Промыслу и Всемогуществу, какъ въ теперешнее смутное для всѣхъ время".

Сочувствіе мое несомнѣно было на сторонѣ народовъ, ищущихъ свободы и національной независимости; но нельзя сказать, чтобы сочувствіе это было несдержанное и необузданное. Оно соединялось съ большимъ сочувствіемъ и уваженіемъ къ такому дѣятелю изъ противоположнаго лагеря, какъ Гизо. Я говорю о немъ, какъ о человѣкѣ „съ превосходными дарованіями, необыкновеннаго ума, необыкновенно твердаго и ровнаго характера", искусномъ правителѣ, глубоко и ясно понимавшемъ дѣло и въ то же время первомъ историкѣ нашего времени. Но онъ слишкомъ мощно и произвольно управлялъ Франціей, и противъ него составилась сильная оппозиція съ Тьеромъ и Одилономъ Барро во главѣ. Несмотря на всѣ обвиненія и нападки оппозиціи, на всѣ усилія уличить его въ участіи въ скандальныхъ исторіяхъ, онъ стоялъ твердо, не унижаясь до оправданій, безстрастно выслушивая всѣ клеветы и злословія противъ него самого и оправдывая только свой политическій образъ мыслей и дѣйствій: онъ вышелъ чистъ изъ всѣхъ грязныхъ исторій, которыми хотѣла запутать его оппозиція и въ которыхъ онъ не былъ виновенъ. Чѣмъ яростнѣе нападала на него оппозиція, тѣмъ равнодушнѣе и спокойнѣе защищался Гизо".

При всей незрѣлости тогдашнихъ политическихъ моихъ сужденій нельзя имъ отказать въ нѣкоторомъ безпристрастіи и въ довольно вѣрномъ пониманіи общаго положенія Европы въ то время. Запутанное положеніе Австріи въ самомъ дѣлѣ прежде всего повело къ войнамъ: въ Италіи (мартъ—августъ 1848 г., 20—26 марта 1849 г. и май—іюль 1859 г.), въ Венгріи (русскія войска въ Венгріи май—августъ 1849 г.) и послѣ ограбленія Даніи Австріей совмѣстно съ Пруссіей въ 1864 г., къ прусско-австрійской войнѣ 1866 г., за которою послѣдовалъ

разгромъ Франціи Германіей въ 1870 и 71 г.г., допущенный Россіей за участіе Франціи заодно съ Турціей, Англіей и Сардиніей въ восточной (Крымской) противъ нея кампаніи (1853—56 г.г.), и сильную поддержку Франціей заодно съ Англіей польскаго противъ Россіи мятежа 1863 г., при чемъ только Турецкой войной 1877 и 1878 г. были окончательно устранены пагубныя для Россіи послѣдствія Крымской кампаніи и возстановлено ея значеніе на Балканскомъ полуостровѣ.

Письмо это я прочиталъ maman и Наденькѣ, и не могу сказать, чтобъ онѣ съ одобреніемъ отнеслись къ самой мысли писать и отправить такое письмо въ полкъ братьямъ: особенно maman опасалась, какъ бы письмо это не повредило имъ и не было истолковано въ худую сторону, попавшись въ руки какого-нибудь недоброжелательнаго начальника: съ русскими нижними чинами, каковы юнкера, да и съ самими офицерами, о революціонныхъ движеніяхъ можно-де безопасно говорить, только порицая ихъ и обличая ихъ безуміе и нечестіе. И maman была совершенно права: наибольшая политическая моя незрѣлость заключалась именно въ томъ, что я не только написалъ, но и послалъ (впрочемъ не по почтѣ, а съ оказіей), подобное письмо къ братьямъ въ полкъ. Этимъ я несомнѣно могъ бы надѣлать не мало бѣдъ и имъ, и себѣ. По счастью на этотъ разъ письмо мое попалось въ руки къ доброжелательному и разумному начальнику дивизіона, и онъ, прочитавъ, возвратилъ его братьямъ, никому о немъ не сказавъ ни слова, и только посовѣтовалъ имъ спрятать его какъ можно подальше въ своемъ чемоданѣ, никому изъ него не сообщать ничего и при первомъ свиданіи возвратить его мнѣ съ просьбою никогда ничего подобнаго впредь не писать имъ въ полкъ.

А. Георгіевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Михаилъ Никифоровичъ Катковъ и графъ Петръ Александровичъ Валуевъ въ ихъ перепискѣ.

(1863—1879 г.г.).

IX [1]).

Москва. 16-го сентября 1863 г.

Милостивый Государь,

Петръ Александровичъ.

Податель сего, добрый знакомый мой, Августъ Матвѣевичъ Гизенъ, желаетъ имѣть честь лично передать вамъ нѣкоторыя сообщенія свои относительно католицизма въ западныхъ губерніяхъ, отчасти сходныя съ тѣми, что были высказаны мною въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ [2]). Онъ очень ревностный католикъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ и хорошій русскій.

Мнѣ очень совѣстно, что до сихъ поръ не могъ я исполнить искреннее и сильное желаніе писать вамъ постоянно, что у меня на умѣ и на душѣ. Въ послѣднее время я былъ особенно измученъ разными экстренными хлопотами и работами. Кое-что набросано мною прежде и не успѣло во время потерять свою свѣжесть и à propos. Но я не покидаю моей мысли и непремѣнно устрою такъ, что вы будете получать довольно регулярно нѣчто въ родѣ дневника, который я буду вести.

---

[1]) См. „Русская Старина“, сентябрь 1915 г.

[2]) Въ „Московскихъ Вѣд.“ за 1863 г. въ № 75 и ранѣе въ № 38 проведена идея о раздѣленіи католицизма и полонизма въ интересахъ возрожденіи въ С.-Зап. краѣ русской народности.

Теперь же, умоляю васъ обратить особое вниманіе на вопросъ о принятіи скорѣйшихъ мѣръ относительно землевладѣнія въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ [1]. Надо бы торопиться, пока дѣло горячо. Тамошніе помѣщики разорились, и сами готовы продавать землю; надобно, чтобы наши капиталы немедленно потянули туда: помѣщики теперь отдаютъ жидамъ въ долгосрочную аренду свои земли; надобно всячески стараться предупредить это и сдѣлать для нихъ вновь болѣе выгодной продажу. Иначе заарендованныя земли будетъ уже трудно скупить. Помѣщики, замѣшанные въ мятежѣ, должны быть принуждены къ продажѣ. Это самая законная и справедливая изъ всѣхъ возможныхъ экспропріацій. Нельзя ли возбудить вопросъ о сообщеніи потомственнаго дворянства дворянамъ личнымъ, потомственнымъ гражданамъ и даже купцамъ, которые пріобрѣтутъ такое-то количество земли въ тѣхъ краяхъ, разумѣется, при извѣстныхъ условіяхъ? Я буду писать объ этомъ подробнѣе. Я имѣю многое, многое сказать вамъ и рвусь до такой степени, что готовъ былъ бы, если бы была только какая-нибудь возможность, прилетѣть къ вамъ, чтобы лично передать вамъ все, что накипѣло у меня на сердцѣ. Теперь могу только выразить вамъ мою искреннюю и глубокую преданность вамъ. Я молю Бога, чтобы въ нынѣшнее смутное время между нами не возникло никакихъ недоразумѣній, которыя могутъ обратиться въ пользу только негодяямъ, находящимся, къ возмутительному скандалу и позору нашему, въ самомъ правительствѣ.

Представительство необходимо, необходимо безъ замедленія. Не какая-либо фальшивая хартія, изданная для эффекта, а постоянное, дѣйствительное, здоровое представительство есть необходимость безотлагательная! Я имѣю свѣдѣніе, что статья въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ [2]. „Что намъ дѣлать съ Польшей“,

---

[1] Въ № 217 „Моск. Вѣд.“ отъ 7 октября, тоже № 252 и 253, порицалось управленіе генералъ-губернатора Анненкова, допустившаго развитіе въ краѣ польскаго революціоннаго движенія и кромѣ того украинофильство; говоря о положеніи дѣлъ въ Ю.-Зап. краѣ, онъ называетъ возмущающимъ и оскорбляющимъ чувство русскаго гражданина.

[2] Вопросу о представительствѣ Катковъ посвящаетъ упомянутую статью „Что намъ дѣлать съ Польшей?“, въ № 3 „Русскаго Вѣстника“ за 1863 г., вторую ея половину, не перепечатанную въ изданномъ затѣмъ Сборникѣ статей изъ „Русскаго Вѣстника“ по польскому вопросу. Въ развитіи взаимнаго довѣрія между верховною властью и народомъ должно заключаться все наше политическое развитіе, все наше будущее благоустройство, говорится въ этой статьѣ. Представительство наше не можетъ

обратила на себя вниманіе en haut lieu и что она понравилась. Значитъ, высказанный въ ней взглядъ находится dans la direction de idées. Въ такомъ случаѣ необходимо развить этотъ взглядъ отчасти печатно, отчасти въ особой запискѣ. Я боюсь, что не все должнымъ образомъ понятно въ этой статьѣ. Я бы счелъ за особое одолженіе себѣ, если бы вы потрудились перечесть двѣ—три послѣднія страницы, гдѣ рѣчь идетъ собственно

быть ничѣмъ инымъ, какъ подтвержденіемъ, раскрытіемъ и оживленіемъ связи между верховною властью и народной жизнью. Съ одной стороны оно не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ правильнымъ заявленіемъ дѣйствительныхъ потребностей, интересовъ, чувствованій страны передъ престоломъ, съ другой—ничѣмъ инымъ, какъ лучшимъ, вѣрнѣйшимъ и надежнѣйшимъ проводникомъ закона въ народную жизнь, лучшимъ выраженіемъ и надежнѣйшимъ блюстителемъ всѣхъ его отправленій; представительство въ этомъ смыслѣ можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ правильно организованною силою общественнаго мнѣнія.

Общественное мнѣніе есть великая сила нашего времени. Но сила эта можетъ хорошо дѣйствовать только тогда, когда она группируется вокругъ какой-либо правильной и законной организаціи, когда обществу будетъ данъ голосъ въ дѣлахъ общаго интереса, когда каждому дозволено будетъ заявлять участіе въ интересахъ своего отечества, когда будетъ допущена свобода въ выраженіи мнѣній о предметахъ политическаго, нравственнаго и религіознаго свойства, печать получитъ право пробуждать—призывать къ дѣятельности общественныя силы;—ближайшею, серьезнѣйшею задачею ея долженъ быть вопросъ: какъ правильно организовать общественныя силы, призываемыя къ дѣятельности?—Безъ правильной организаціи образуется фальшивое и зловредное общественное мнѣніе.—Все, что есть дурнаго, безсмысленнаго и сумасброднаго въ обществѣ, выплываетъ на верхъ, будетъ дѣйствовать и дѣйствовать не безуспѣшно, не встрѣчая себѣ никакого отпора, отравляя и развращая беззащитную среду.

Организація живыхъ общественныхъ силъ, призываемыхъ къ участію въ дѣлахъ общаго интереса, въ своемъ правильномъ развитіи можетъ удовлетворить потребностямъ и власти и свободы, упрочивая и за тѣмъ и за другимъ началами свойственную имъ сферу дѣйствія и усиливая то и другое къ взаимной пользѣ. Представительство въ такомъ смыслѣ понятое, мудро устроенное, дастъ должную и спасительную силу всѣмъ основнымъ началамъ общественной жизни, дастъ должное вліяніе всѣмъ уважительнымъ интересамъ и черезъ это образуетъ великую нравственную силу.

Собирая людей, пользующихся довѣріемъ общества и представляющихъ собою положительные интересы его я ставлю ихъ не гдѣ-нибудь въ углу, а у самого центра власти, и въ то же время не скрывая ихъ отъ взоровъ цѣлой страны, тѣхъ представительствъ, должно удесятерить силы каждаго, каждаго, возвысить въ каждомъ чувство нравственной отвѣтственности и долга, сосредоточить человѣка, оно заставитъ его думать о дѣлѣ общаго интереса, серьезно и дѣльно, заставитъ его тщательно провѣрить свои понятія осторожно, заботливо приложить ихъ къ

о представительствѣ, или, лучше сказать, о томъ характерѣ, который должно оно имѣть *при своемъ основаніи*. Тутъ все обдумано и нѣтъ ни одного слова, сказаннаго случайно и безъ мысли; но съ другой стороны нѣтъ ничего не искренняго, или затаеннаго.

Не могу выразить вамъ, какъ грустно, что относительно земскихъ учрежденій между нами есть недоразумѣніе. Богъ знаетъ, что далъ бы для того, чтобы они разсѣялись. Ради Бога не соединяйте съ проектомъ вашего самолюбія. Вамъ надобно стать выше его. Говорю это по глубокому и обдуманному убѣжденію. Во мнѣ нѣтъ и тѣни желанія дѣлать оппозицію или настаивать на своемъ. Но высказанный нами взглядъ на это дѣло ближе къ вашему собственному общему направленію, чѣмъ проектъ. Смѣю сказать, что вы совершили бы истинно государственное дѣло, если бы рѣшились пересмотрѣть основанія проекта. Онъ возникъ подъ вліяніемъ той мысли, что земскія собранія должны имѣть исключительно хозяйственный характеръ. Но многое измѣнилось съ того времени. Теперь, послѣ тѣхъ событій, которыя совершились, и при томъ направленіи, которое очевидно приняло дѣло, эти учрежденія, очевидно, должны стать элементами всей нашей политической жизни. Да и никогда „хозяйственное" въ подобныхъ учрежденіяхъ не можетъ быть строго отдѣлено отъ „политическаго". Нынѣшнія дворянскія собранія непремѣнно должны быть положены въ основаніе земскихъ. Вотъ *существующее*, котораго должно держаться. Личные и коллективные голоса—это также существующее, которое не должно уничтожать. Тысячу вещей хотѣлось бы сказать. Въ нашей схемѣ изъ настоящаго схвачено именно то, что должно войти въ комбинацію будущаго и отъ чего будетъ зависѣть ходъ и ритмъ нашего развитія полити-

---

дѣлу, потому что каждый будетъ мыслить и судить не отъ нечего дѣлать, не вдали отъ дѣла, а по непосредственнымъ его впечатлѣніемъ, подъ его гнетомъ.

Характеръ представительства опредѣлится его основаніемъ. Оно отнюдь не должно имѣть характера власти, ограничивающей и уравновѣшивающей верховную власть. Практическая дѣятельность должна принадлежать только верховной власти, отъ послѣдней должны исходить какъ отъ таковой,—какъ проявленія ея воли—законодательныя нормы и распоряженіи административныя—представительство же должно имѣть лишь значеніе органа совѣщательнаго, высказывать свое мнѣніе. Общественное мнѣніе въ этой организаціи будетъ оставаться только мнѣніемъ.—Отнюдь нѣтъ причинъ поэтому съуживать кругъ предметовъ, которыхъ оно можетъ касаться.

ческаго. Но писать болѣе некогда. Г-нъ Гизенъ отправляется сiю минуту, и я имѣю возможность только дописать эти строки. По его желанiю прилагаю составленную имъ записку. Надобно стараться о разобщенiи католицизма съ полонизмомъ; это весьма существенно. Зачѣмъ преподавать католическое вѣроученiе по-польски?

Примите увѣренiе въ истинной преданности моей и совершенномъ почтенiи.

Вашего Превосходительства покорный слуга.

М. Катковъ.

Сообщ. **В. Мустафинъ.**

(Продолженiе слѣдуетъ).

Прекратившійся родъ.

(Изъ воспоминаній А. Д. Бутовскаго).

I.

Припоминаю себя въ далекомъ моемъ дѣтствѣ на берегахъ Удая, рѣки небольшой, но водной и рыбной, извилисто текущей по широкой долинѣ съ живописными крутыми скатами. Это граница между двумя уѣзами Полтавской губерніи, Лубенскимъ и Лохвицкимъ. На Лохвицкомъ берегу рѣкѣ спускается довольно большое село Поставмуки. Почему оно носило и носитъ до сихъ поръ такое названіе, никому не извѣстно. Достовѣрно только, что оно никогда не было поставомъ муки и не могло имъ быть по бездорожью, царившему тутъ чуть не круглый годъ По-малороссійски оно называлось Постамовки, и очень вѣроятно, что новое наименованіе было дано ему землемѣрами Екатерининскаго времени, имѣвшими полномочія передѣлывать неудобныя названія мѣстностей.

Въ то время оба берега Удая больше тяготѣли къ Лубнамъ, чѣмъ къ Лохвицѣ. Лубны и тогда уже были однимъ изъ населенныхъ и промышленныхъ городовъ Полтавской губерніи, и деревенскіе обыватели находили въ нихъ все, что было нужно для ихъ хозяйственнаго и домашняго обихода. Лубны были къ тому же и ближе, чѣмъ Лохвица, всего какихъ-нибудь верстъ пятнадцать-двадцать, хотя, правду сказать, близость эта чувствовалась развѣ только зимою, когда устанавливалось сообщеніе по льду, черезъ рѣку. Лѣтомъ тутъ не было ни брода, ни парома, ни моста, ни плотины. Переѣзжать рѣку, поросшую по берегамъ густыми камышами, можно было только въ долбленомъ челнокѣ,

управляемомъ дѣдомъ Архипомъ, выславъ много заранѣе лошадей на другой берегъ.

Припоминаю, что въ дѣтскомъ моемъ воображеніи, Поставмуки рисовались мнѣ какимъ-то поэтическимъ и таинственнымъ мѣстомъ. Удай, съ его густыми и пахучими зарослями и поворотами, съ его свѣтлыми пространствами чистой воды, покрытыми водяными лиліями и отражающими въ себѣ то яркій блескъ южнаго солнца, то звѣздное небо чудной украинской ночи, возбуждалъ въ дѣтскомъ воображеніи представленіе о водяныхъ, о русалкахъ, въ томъ поэтическомъ ихъ образѣ, въ какомъ создало ихъ южно-русское воображеніе. Обиліе растительности, водяныхъ цвѣтовъ, обиліе дичи и рыбы, все это порождало идею о щедрости природы и о томъ первобытномъ довольствѣ, которое одно только и доступно пониманію дѣтей. Надо сказать, что въ то время это была еще совершенная глушь, въ которой сохранились нравы и обычаи не только стараго казацкаго быта, но и пережитки древнихъ языческихъ временъ. И до сихъ поръ еще въ этихъ мѣстахъ малорусское населеніе тверже, чѣмъ гдѣ-нибудь хранитъ свои народныя особенности: свой языкъ, свой костюмъ, свою пѣсню, свое міровоззрѣніе. Такъ и до сихъ поръ еще въ селѣ Біевцахъ, на другомъ берегу противъ Поставмукъ, съ особенною обрядностію празднуется десятая пятница. Это приходится въ жаркіе іюньскіе дни. На ярмарку съѣзжаются сосѣдніе крестьяне къ вечеру, къ часовнѣ, на склонѣ горы, на большой лѣсной полянѣ. Съ наступленіемъ ночи въ часовнѣ служится всенощная, а полянка освѣщается безчисленными восковыми свѣчами, прилѣпляемыми къ рогамъ воловъ. Представьте себѣ торжественное богослуженіе, тишину и звѣздный блескъ южной ночи, таинственность лѣса, характерныхъ малорусскихъ людей, мужчинъ и женщинъ въ серьезномъ молитвенномъ настроеніи, и огромное количество выпряженныхъ воловъ со свѣчкою на каждомъ рогѣ, и вы согласитесь, что это такая бытовая картина, которая можетъ дать пищу дѣтскому воображенію...

II.

Въ Поставмукахъ жило семейство ф.-Райзеръ. Въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія ф.-Райзеры были уже настоящими старожилами въ этомъ селѣ. Въ послѣдніе годы царствованія Императора Павла сюда пріѣхала изъ Лубенъ старая, сановитая

генеральша ф.-Райзеръ, ввелась во владѣніе землею и людьми и уѣхала опять въ Лубны доживать свой вѣкъ, поручивъ хозяйственныя заботы въ имѣніи младшему своему сыну Степану Викентьевичу, женатому уже въ то время на Аннѣ Васильевнѣ Горленко, дочери извѣстнаго барина, гиганта и силача Василія Павловича Горленко.

Спустя нѣсколько лѣтъ въ Поставмукахъ поселился на жительство и старшій ф.-Райзеръ, Вильгельмъ или Вилимъ Викентьевичъ, женатый, сколько помню, на Апухтиной, и оба брата мирно зажили каждый своимъ домомъ, сохраняя наилучшія родственныя отношенія.

Я не засталъ уже въ живыхъ стариковъ ф.-Райзеровъ. Они умерли до моего рожденія. То, что я знаю о нихъ, я слышалъ отъ людей слѣдующаго поколѣнія этой фамиліи, къ которымъ я близко стоялъ въ моемъ дѣтствѣ. Эти свѣдѣнія, какъ это обыкновенно бываетъ въ семьяхъ, доходили до меня случайно, отрывочно, и были, можетъ быть, не всегда безусловно достовѣрны, но они твердо сохранились въ моей памяти, и я передаю ихъ здѣсь, какъ слышалъ [1]).

У Вильгельма Викентьевича было трое дѣтей: сынъ Николай и двѣ дочери—Екатерина и Анастасія. Николай Вильгельмовичъ учился сначала въ Харьковѣ, въ частномъ пансіонѣ Герасима Коваленкова, а потомъ блистательно окончилъ юнкерскіе классы при штабѣ 2-й арміи. Былъ выпущенъ офицеромъ въ корпусъ колонновожатыхъ и всю жизнь свою провелъ на службѣ, пріѣзжая въ родное гнѣздо только изрѣдка, на короткіе отпускные сроки. Сначала онъ служилъ въ штабахъ и послѣ долгой штабной службы былъ назначенъ командиромъ пѣхотнаго полка. На этой должности онъ и умеръ, въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка. Женатъ онъ былъ на Екатеринѣ Петровнѣ Лодыгиной. Дочь его Екатерина Николаевна, вдова генерала Скаржинскаго, здравствуетъ и понынѣ.

Екатерина Вильгельмовна въ 1834 году вышла замужъ въ Пирятинскій уѣздъ, за Дмитрія Васильевича Горленко, родного брата ея тетки Анны Васильевны, и скоро умерла.

Въ томъ же 1834 году, Анастасія Вильгельмовна сочеталась бракомъ съ Василіемъ Александровичемъ Кореневымъ, кавалерійскимъ офицеромъ, уроженцемъ Курской губ., и семейство

[1]) Даты и нѣкоторыя мелкія подробности я заимствую изъ „Кіевской Старины“, 1893 г. іюнь, въ которой помѣщены, вмѣстѣ съ дневникомъ Николая Вильгельмовича ф.-Райзеръ, также и отрывочныя свѣдѣнія изъ семейныхъ бумагъ, хранящихся у его дочери.

Кореневыхъ съ тремя дѣтьми, Александромъ, Анною и Николаемъ, моими сверстниками, основалось въ Поставмукахъ на родительскомъ наслѣдствѣ. Семейство Степана Викентьевича было многочисленнѣе: три сына и три дочери. Двое изъ сыновей, Александръ и Владиміръ умерли рано; третій, Алексѣй Степановичъ, былъ вмѣстѣ съ Николаемъ Вильгельмовичемъ въ юнкерскихъ классахъ при штабѣ второй арміи и выпущенъ подпрапорщикомъ въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ. Въ 1828—29 годахъ, онъ съ отличіемъ участвовалъ въ Турецкой кампаніи и былъ произведенъ въ офицеры, а года два спустя, послѣ смерти брата своего Александра, по желанію отца, вышелъ въ отставку подпоручикомъ.

Изъ трехъ дочерей средняя Надежда Степановна вышла замужъ за Дмитрія Петровича Бутовскаго, въ Кременчугскій уѣздъ. Это были мои родители. Двѣ сестры моей матери, Анна и Марія, оставались дѣвицами.

Въ 1833 году, Алексѣй Степановичъ женился на Маріи Алексѣевнѣ Литвиновой, прожилъ нѣкоторое время по сосѣдству въ Сухоносовкѣ, ея имѣніи, а потомъ переѣхалъ на житье въ другое жалованное имѣніе ф.-Райзеровъ, Пятигорцы, Лубенскаго уѣзда. Въ Поставмукахъ при отцѣ остались три сестры (моя матушка была тогда еще не замужемъ), но въ 1835 году Марія Алексѣевна умерла, и сестры вмѣстѣ съ отцомъ переѣхали къ брату. Въ Поставмукахъ остались только Кореневы; ф.-Райзеры наѣзжали сюда лишь временами, осенью—для сбора фруктовъ, въ чудесномъ саду около дома, защищенномъ съ сѣвера горами, а иногда зимою, въ хорошую погоду, для свиданія съ сосѣдями.

По выходѣ замужъ моей матушки въ 1837 году, Бутовскіе сохранили самыя дружественныя отношенія къ ф.-Райзерамъ. Связь съ Пятигорцами поддерживалась отчасти еще и тѣмъ, что тутъ жила сестра моего отца, Настасія Петровна, въ замужествѣ за Григоріемъ Ивановичемъ Ивахненковымъ. Мы ѣздили въ Пятигорцы по нѣсколько разъ въ годъ, и ф.-Райзеры тоже часто у насъ бывали.

Поѣзка въ Пятигорцы, длившаяся цѣлый день, была истиннымъ праздникомъ для насъ, дѣтей. Выѣзжаешь раннимъ солнечнымъ утромъ, подъ веселое щебетанье жаворонковъ, гдѣнибудь по дорогѣ останавливаешься, чтобы присѣсть на свѣжей травкѣ, на отлогости малорусской могилки и перекусить на свѣжемъ воздухѣ пирогомъ или котлеткой; потомъ, трехчасовое кормленіе лошадей, въ Ракитахъ или въ Бурбиномъ, дальше

переправа черезъ Сулу на паромѣ въ Лукомьѣ, и подъемъ на высокую Лукомскую гору.

Подъ вечеръ мы подъѣзжаемъ къ спуску съ горы къ Пятигорцамъ. Пятигорцы оправдываютъ свое названіе: они лежатъ между пятью довольно высокими горами. Солнце ярко освѣщаетъ косыми лучами всю верхнюю равнину, а внизу Пятигорцы лежатъ уже со своими садами, бѣлыми хатами и красною крышею дядинаго дома, въ голубоватыхъ сумеркахъ, въ которыхъ мѣстами виднѣется бѣлый дымокъ затопленныхъ для ужина печей. Съ нетерпѣніемъ спускаемся съ горы, минуемъ слѣва усадьбу Ивахненковыхъ и приближаемся къ солидной оградѣ, съ бѣлыми каменными столбиками; по чьему-то мановенію открываются просторныя ворота, и на крыльцѣ насъ встрѣчаетъ высокая, стройная и всегда изящная фигура дяди Алексѣя Степановича.

Изъ Пятигорецъ ѣздили иногда въ Поставмуки, и это была тоже очень интересная дорога. Тутъ были лѣса и горы, которыхъ мы не знали въ Кременчугскомъ уѣздѣ, потомъ переѣздъ въ челнокѣ черезъ Удай и бесѣда съ дѣдомъ Архипомъ о необычайномъ звѣрѣ, появившемся на Удаѣ и высунувшемъ однажды свою страшную морду какъ разъ вонъ на томъ мѣстѣ, въ закуткѣ... И въ Поставмукахъ, и въ Пятигорцахъ ф.-Райзеры всегда пользовались расположеніемъ сосѣдей, охотно принимали ихъ у себя и бывали у нихъ. Но въ складѣ ихъ жизни и ихъ обиходѣ было что-то, отличавшее ихъ отъ коренныхъ малорусскихъ помѣщиковъ. Дѣти двухъ стариковъ ф.-Райзеровъ были православные, всегда говорили по-русски, и пожалуй даже забыли тотъ нѣмецкій языкъ, на которомъ еще иногда говорили ихъ отцы. Но ни у кого изъ нихъ не было той патріархальной халатности, которою отличались въ то время даже зажиточные мѣстные дворяне. Все у нихъ было всегда истово, чинно и прилично. Въ обиходѣ чистота и порядокъ. Чистыя комнаты были обставлены солидною, а иногда и затѣйливою мебелью, и каждый стулъ или столъ какъ будто-бы говорилъ: я стою здѣсь потому именно, что мнѣ здѣсь и слѣдуетъ стоять.

Мы, дѣти, набѣгавшись на дворѣ, входили въ комнаты, какъ въ нѣкоторое завѣтное мѣсто, и никому изъ насъ и въ голову не приходило воспользоваться стуломъ или кресломъ, какъ воображаемымъ экипажемъ для воображаемой четверки съ форейторомъ. И въ образѣ жизни дяди и тети было что-то упорядоченное, принципіальное. Все и всегда дѣлалось въ свое

время, и никогда никого мы не видѣли ни въ суетѣ, ни въ безпорядкѣ. Съ удивленіемъ припоминаю, что все это нисколько не стѣсняло насъ, дѣтей, потому что во всемъ этомъ не было ничего искусственнаго и навязаннаго; все шло такъ, какъ будто-бы иначе и идти не могло. Тети были безконечно добры къ намъ, дядя ровенъ, сдержанъ и благорасположенъ.

Не преувеличу, если скажу, что и въ культурномъ и въ моральномъ отношеніи они нѣсколько отличались отъ представителей мѣстной интеллигенціи.

III.

Николая Вильгельмовича я видѣлъ всего раза два-три въ моемъ дѣтствѣ во время его пріѣзда въ отпускъ и не имѣю о немъ очень опредѣленнаго представленія. Это былъ видный, довольно высокій брюнетъ, кажется, не очень говорливый и не очень подвижный. Тетки мои говорили о немъ, впрочемъ, что онъ самый ловкій и пріятный танцоръ между всѣми мѣстными кавалерами.

Настасью Вильгельмовну я помню сознательно, когда она была уже въ зрѣломъ возрастѣ. Она не была красавицею, но это была очаровательная женщина, умная, ласковая, не безъ вспышекъ гнѣва, но очень разсудительная и отходчивая. Гдѣ ей ни приходилось бывать, она всегда становилась центромъ, особенно въ дамскомъ обществѣ. Всѣ мамаши старались представить ей своихъ подрастающихъ дочекъ, чтобы выслушать ея одобреніе и воспользоваться ея умными совѣтами. У себя въ домѣ она предоставляла полную хозяйственную власть своему мужу, но высшимъ рѣшающимъ авторитетомъ была всегда она. Дѣтей она вела прекрасно. Много свободы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и много принципіальнаго воспитанія. Въ дѣтствѣ мальчики были немного сорванцами, но вышли хорошо воспитанными, дѣльными и очень свѣтскими людьми. Настасья Вильгельмовна отличалась вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всѣхъ мѣстныхъ дамъ своимъ незауряднымъ образованіемъ. Она говорила на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, и въ разговорѣ съ нами, молодыми людьми, цитировала намъ иногда афоризмы изъ старыхъ французкихъ классиковъ.

— Откуда вы все это знаете, тетя?—спрашиваешь ее, бывало.

— Ахъ, мой другъ, я хоть и не была ни въ какой школѣ, но я много училась. Папенька мой былъ однимъ изъ образо-

ваннѣйшихъ людей своего времени. Онъ много занимался со мною и съ сестрой. Онъ любилъ, чтобы мы ему читали вслухъ, на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, любилъ говорить съ нами по поводу прочитаннаго и заставлялъ насъ разсказывать на иностранномъ языкѣ то, что мы читали. Подъ старость это чтеніе обратилось у него въ потребность, и я провела много часовъ, читая ему послѣ обѣда, а иногда и во время обѣда...

Много позднѣе, разсматривая въ Поставмукахъ старые сундуки, содержавшіе въ себѣ своего рода деревенскій архивъ, я дѣйствительно нашелъ тамъ интересныя старыя книги. Были тамъ и сочиненія Коцебу, на нѣмецкомъ языкѣ, въ томъ числѣ и извѣстный „Достопамятный годъ моей жизни" и Contes moraux Мармонтеля, съ превосходными иллюстраціями Гравело, и сочиненія Сведенборга, во французскомъ переводѣ, и все это съ оттиснутымъ гербомъ ф.-Райзеровъ на заглавныхъ листкахъ. Для того времени и для деревенской глуши, особенно же такой глуши, какъ Поставмуки, это было что-то совсѣмъ изъ ряда выходящее.

Вотъ собственно все, что я знаю о Вильгельмѣ Викентьевичѣ, по разсказамъ моихъ родныхъ. Но откуда у него такое образованіе и такіе интересы? Родился онъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XVIII-го вѣка. Въ царствованіе Павла I онъ былъ уже офицеромъ и попалъ въ составъ войскъ, отправленныхъ въ Голландію, для совмѣстнаго дѣйствія съ англичанами, подъ начальствомъ Герцога Іоркскаго, противъ французовъ. Весь этотъ сборный корпусъ былъ взятъ въ плѣнъ, и Вильгельму Викентьевичу пришлось поневолѣ прожить нѣкоторое время во Франціи.

Пребываніе въ плѣну очень бѣдственное продолжалось 14 мѣсяцевъ. Возможно, что онъ воспользовался этимъ временемъ для пополненія своего образованія.

Выйдя въ отставку, въ первые годы XIX вѣка, онъ поступилъ въ 1812 году на службу въ Полтавское Земское ополченіе, въ званіи губернскаго есаула и обознаго. Онъ оставался на этой службѣ до конца 1815 года и все это время прожилъ въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ стояло ополченіе. Можно думать, что это былъ вообще человѣкъ очень общительный. Это видно изъ писемъ, адресованныхъ къ нему его сослуживцами по Полтавскому ополченію 13—14 годовъ, хранившихся въ семейныхъ бумагахъ Е. Н. Скаржинской, и помѣщенныхъ въ „Кіевской Старинѣ" 1893 года, 6. Одно изъ этихъ писемъ (отъ Томары) писано на малорусскомъ языкѣ, и это показываетъ, что Виль-

гельмъ Викентьевичъ въ то время былъ уже свой человѣкъ въ средѣ украинскаго дворянства. Есть кромѣ того документальныя свѣдѣнія, что у Вильгельма Викентьевича были крѣпкія дружественныя связи далеко за предѣлами Малороссіи.

Въ семействѣ Кореневыхъ, гораздо позднѣе, уже при его правнукахъ, нашлось нѣсколько десятковъ писемъ, относящихся къ 1834 году и писанныхъ дочерямъ умершаго уже тогда Вильгельма Викентьевича, графомъ Санти. Онъ пишетъ имъ сначала изъ Лубенъ, потомъ изъ Москвы изъ своего имѣнія въ Тверской губерніи. Очевидно, онъ прожилъ довольно долгое время въ Лубнахъ, по какимъ-то дѣламъ, и вѣрнѣе всего, что по дѣламъ двухъ дѣвицъ, оставшихся одинокими въ отеческомъ домѣ.

Тонъ всѣхъ этихъ писемъ дружескій, самый родственный, какъ будто ихъ пишетъ самый близкій человѣкъ, опекунъ или попечитель, и писаны они прекраснымъ литературнымъ русскимъ языкомъ, не устарѣвшимъ и до нашего времени. Въ Лубнахъ онъ думаетъ о всѣхъ ихъ домашнихъ потребностяхъ, до мелкихъ хозяйственныхъ и туалетныхъ предметовъ. Изъ Москвы онъ высылаетъ имъ фортепіано съ особымъ комиссіонеромъ и даетъ подробное наставленіе, куда надо высылать подводу, чтобы принять это фортепіано, и какъ его надо везти во избѣжаніе порчи. Изъ писемъ его видно, что дѣвицы относятся къ нему съ большимъ довѣріемъ, какъ старому другу. Онъ знаетъ, что одна изъ нихъ заинтересована какимъ-то молодымъ человѣкомъ, и заботливо взвѣшиваетъ, будетъ ли это выгодная партія или нѣтъ.

Откуда эта, очевидно, старая дружба хорошаго, добраго и образованнаго человѣка? Со Степановъ Викентьевичемъ, графъ Санти не имѣлъ, повидимому, такихъ близкихъ отношеній, однако, тетя Марія Степановна, говорила мнѣ когда-то, очень давно, что крестнымъ отцомъ ея былъ графъ Санти. Изъ этого можно заключить, что этотъ милый человѣкъ не разъ пріѣзжалъ въ Поставмуки.

Сопоставляя различныя обстоятельства, можно придти къ заключенію, что дружба съ графомъ Санти была старинною, семейною дружбою. Въ словарѣ Ефрона есть свѣдѣнія, что родоначальникъ этой фамиліи былъ вызванъ Петромъ Великимъ изъ Піемонта для строительныхъ работъ. Родоначальникъ ф.-Райзеровъ былъ тоже вазванъ Петромъ Великимъ для горныхъ работъ. Возможно, что дружескія отношенія между двумя иностранными фамиліями образовались еще въ то далекое время.

Считаю своею обязанностью помянуть здѣсь добрымъ словомъ Василія Александровича Коренева, мужа Настасьи Вильгельмовны.

Отставной кавалерійскій офицеръ, онъ и въ штатскомъ платьѣ сохранилъ военную выправку на всю свою жизнь. Всегда бравый, всегда подтянутый, онъ былъ ровнаго, покладистаго характера и очень умѣлъ поддерживать декорумъ семейной жизни. Все онъ дѣлалъ истово, чинно и очень хотѣлъ, чтобы и дѣти его пріучались къ этой внѣшней корректности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ умѣлъ развивать въ нихъ бойкость, сообразительность. Отцы наши соперничали въ этомъ отношеніи и, помню, что мнѣ часто приходилось уступать сверстнику моему Колѣ, хотя знаній у меня было гораздо больше.

Василій Александровичъ былъ всегда остороженъ и осмотрителенъ, но подъ старость онъ впалъ, въ этомъ отношеніи, въ нѣкоторое преувеличеніе. Помню, напр., что онъ сталъ бояться лошадей, пересталъ ѣздить въ закрытомъ экипажѣ и не любилъ переѣзжать по льду черезъ Удай. Бывало, собирается въ гости, и Анюта спрашиваетъ его: „Папенька, вы ѣдете съ нами въ каретѣ?“—„Ни за пять печеныхъ раковъ, моя милая“, отвѣчаетъ онъ своей любимицѣ. — „Такъ не возьмете ли вы къ себѣ въ сани кого-нибудь изъ кавалеровъ?“—„Ни за что на свѣтѣ. Эти сорванцы вывалятъ еще меня изъ саней или пустятъ ко дну и меня, и сани, и лошадей“. И вотъ, дамы и молодые люди ѣдутъ въ каретѣ, а Василій Александровичъ сзади, въ открытыхъ саняхъ на тройкѣ. Подъѣхавъ въ Удаю, онъ вылѣзаетъ изъ саней, въ тяжелой шубѣ и мѣховыхъ сапогахъ, и его ведутъ подъ руки два дюжихъ парня: Александръ, лакей при каретѣ, и Романъ, состоящій при саняхъ.

Въ Городище, къ Паульсону ѣздили обыкновенно зимою по льду, вдоль Удая; но Василій Александровичъ на своей тройкѣ ѣхалъ непремѣнно берегомъ, по косогорамъ, черезъ Шеметову слободку и бывалъ чрезвычайно радъ, когда ему удавалось пріѣхать раньше кареты.—„Да, да,—говаривалъ онъ, — вотъ она хваленая, гладкая дорога... По нашей, неровной, выходитъ и скорѣе и надежнѣе... „Иногда кто-нибудь изъ молодыхъ людей замѣтитъ: — „и чего бы, кажется, папенькѣ такъ бояться льда, вѣдь ледъ теперь свыше четверти толщиною“.—„Та, та, та, отвѣчаетъ Василій Александровичъ, съ какою-то дѣланною пытливостью,—да ты, мой милый, не подрядился ли поставлять ледъ на Удай, этою зимою?“ При такомъ оборотѣ разговора неудобно

было его продолжать, того и гляди, на долго получишь у папеньки званіе подрядчика: „А ну-ка, подрядчикъ, что ты скажешь..." или сдѣлай мнѣ такое одолженіе, подрядчикъ..."

Когда оба его сына и я были уже офицерами, я иногда по недѣлямъ проживалъ въ Поставмукахъ, и Василій Александровичъ всегда былъ очень добръ ко мнѣ.

— „Я очень радъ, что ты такъ друженъ съ Колей", говаривалъ онъ. — „Это пойдетъ на пользу вамъ обоимъ..." Да, эта дружба пошла мнѣ дѣйствительно на пользу и оставила во мнѣ самыя теплыя воспоминанія.

Съ Николаемъ Васильевичемъ Кореневымъ я вмѣстѣ учился въ кадетскомъ корпусѣ, и, по выходѣ въ офицеры, мы служили репетиторами военныхъ наукъ при нашемъ родномъ Полтавскомъ корпусѣ, съ 1858 по 1861 годъ.

Это были чудные годы, не потому, что мы были молоды, но и потому, что въ эти годы всѣ русскіе люди какъ бы просыпались отъ долгаго сна и переживали свою молодость. Мы были увлечены новыми теченіями въ литературѣ, читали съ захватомъ Обломова, Дворянское гнѣздо, Наканунѣ и чувствовали, что передъ нами открываются новые, невѣдомые еще намъ горизонты, что передъ нами стоитъ задача расширенія нашего міровоззрѣнія, слишкомъ съуженнаго въ только-что закончившійся періодъ нашего воспитанія.

Въ это время работали губернскіе комитеты по крестьянскимъ дѣламъ. Въ Полтавѣ жили мой отецъ и дядя, Алексѣй Степановичъ, состоявшіе членами Полтавскаго Комитета. Мы были какъ-бы дома и были приняты во всѣхъ полтавскихъ домахъ. По случаю съѣзда въ городѣ царило большое оживленіе. Припоминаю балы въ дворянскомъ клубѣ, у тогдашняго полтавскаго губернатора, Александра Павловича Волкова, у Михаила Андреевича Бѣлухи-Кохановскаго; припоминаю радушные дома Родіона Николаевича Милорадовича, Петра Өедоровича Петровскаго, Өедора Өедоровича Киселева, у котораго ежедневно былъ открытый обѣденный столъ для всѣхъ его знакомыхъ; припоминаю любительскіе концерты, любительскіе спектакли. На концертахъ въ дворянскомъ собраніи выступала иногда цѣлая плеяда прелестныхъ дѣвицъ, дочерей съѣхавшихся дворянъ, по большей части воспитанницъ института; онѣ исполняли на шести рояляхъ какую-нибудь увертюру или симфонію подъ управленіемъ старшаго Едлички. Особенно же памятны

мнѣ спектакли, на которыхъ любители обнаруживали иногда изъ ряда выходящіе таланты. Удивительно хорошо шла „Наталка Полтавка". Выборнаго игралъ неподражаемо актеръ-любитель Дмитрій Михайловичъ Старицкій, вознаго—Тимофеевъ, Терпелиху—Любовь Васильевна Ярошенко, Наталку—Ольга Алексѣевна Попова. Художественное исполненіе „Наталки Полтавки" я видѣлъ позднѣе въ труппѣ Кропивницкаго, но то прежнее исполненіе производило на меня большее впечатлѣніе: въ немъ было меньше профессіональной твердости, меньше реализма, но больше того милаго лиризма, который составляетъ чарующую черту этой піесы. Все это давало намъ въ то время извѣстный подъемъ. Было бы долго говорить здѣсь обо всемъ томъ, что захватывало насъ и наполняло нашу жизнь.

Припоминаю, что мы страстно любили природу и просиживали иногда часами на раскатѣ, любуясь далекими видами за Ворсклой; случалось, въ городскомъ саду мы усаживались у обрыва надъ Кабищанами, чтобы прислушиваться къ замирающимъ звукамъ деревни: постепенно умолкаетъ блеяніе стадъ, людской говоръ, и все рѣже и рѣже слышится собачій лай... Замолкли послѣдніе звуки, тихо, темно, а мы, иногда, все еще сидимъ и мечтаемъ...

Бывало также, что въ холодную зимнюю ночь мы предпринимали безцѣльную поѣздку... Хотѣлось провѣрить впечатлѣніе Пушкинскихъ „Бѣсовъ"... Однажды, въ такую поѣздку изъ Лубенъ въ Поставмуки, насъ понесли лошади, опрокинули сани и разбили фарфоровый сервизъ, который Коля, по порученію родителей, выбралъ въ Полтавѣ въ приданое для Анюты.

Мы были баловнями еще и потому, что насъ очень тепло приняли наши сослуживцы, учителя Полтавскаго корпуса. Года четыре назадъ они насъ учили, теперь они относились къ намъ съ какимъ-то трогательнымъ расположеніемъ.

Думаю, что мнѣ еще придется возвратиться къ этому времени въ другихъ отдѣлахъ моихъ воспоминаній. Теперь мнѣ хотѣлось вызвать еще разъ тѣ образы, тѣ чувства и тѣ мысли, которые волновали насъ обоихъ въ то время. Теперь образъ этого милаго много обѣщавшаго юноши застилается для меня туманомъ многихъ, многихъ лѣтъ.

Онъ умеръ безвременно въ трагической обстановкѣ. Родители его приняли всѣ мѣры, чтобы ослабить въ немъ страстную привязанность къ женщинѣ, состоявшей въ родствѣ съ семействомъ, правда, обворожительной, но уже далеко не пер-

вой молодости. Видя, что она уѣзжаетъ, не прощаясь съ нимъ, онъ безъ шапки, въ одномъ мундирѣ выбѣгаетъ на балконъ, садится къ ней въ экипажъ и провожаетъ черезъ рѣку, пѣшкомъ возвращается домой. Морозъ былъ трескучій. Черезъ день онъ слегъ въ постель, а черезъ три недѣли его уже не было... Ему тогда едва-ли еще было полныхъ 23 года. Какая злая иронія судьбы! Онъ былъ всеобщій любимецъ, у него были всѣ задатки людей, которыхъ не забываютъ; а между тѣмъ теперь уже никто даже изъ самыхъ близкихъ ему по крови людей не помнитъ, что онъ былъ на свѣтѣ.

Спустя немного времени моя связь съ семействомъ Кореневыхъ еще болѣе укрѣпилась. Моя сестра, Ольга Димитріевна, къ которой я въ молодости питалъ самыя нѣжныя, дружескія, чувства, вышла замужъ за Александра Васильевича Коренева; внукъ Вильгельма Викентьевича ф.-Райзера женился на внучкѣ Степана Викентьевича. Это было въ 1865 году.

Старики умерли. Настасія Вильгельмовна раньше въ 60-хъ годахъ, Василій Александровичъ въ концѣ 70-хъ. Въ Поставмукахъ основались молодые хозяева, и на нашихъ глазахъ поднялись и возмужали ихъ дѣти, внуки Настасіи Вильгельмовны и Василія Александровича.

Мнѣ кажется, что въ этой близкой мнѣ и дорогой по воспоминаніямъ семейной картинѣ будетъ пустой уголокъ, если я не скажу о старинномъ другѣ этой семьи—Настасіи Алексѣевнѣ Литвиновой. Она была родная сестра жены моего дяди, Алексѣя Степановича, Маріи Алексѣевны, и по смерти послѣдней стала безраздѣльной владѣтельницей довольно большого имѣнія въ Сухоносовкѣ, верстахъ въ трехъ или четырехъ отъ Поставмукъ. Она была дружна со стариками Кореневыми, а когда сестра моя вышла замужъ, то очень привязалась къ ней и стала посѣщать Поставмуки еще чаще, чѣмъ прежде.

По наружности это была королева. Высокая, прямая, стройная до старости, съ сѣдыми волосами, но съ цвѣтущимъ лицомъ. По склонностямъ своимъ и по манерамъ она тоже до конца своей жизни оставалась институткой. Говорила съ пріятною улыбкою безъ большихъ интонацій и жестовъ и временами впадала въ юношескій экстазъ.

Слѣдила за всѣмъ современнымъ, выписывала журналы, читала книги, но сердце ея лежало больше всего къ французскимъ классикамъ великаго вѣка („Ah, Esther; ah, le Misantrope), а

еще больше къ книжкамъ Bibliothèque de la jeunesse chrétienne, которыя она читала въ институтѣ. Она выписывала и модные журналы, но всю свою жизнь вмѣсто шляпы носила крахмальный институтскій капоръ.

Любила говорить по-французски, помню, когда я еще былъ совсѣмъ молодымъ, она сдѣлала мнѣ экзаменъ во французскомъ языкѣ: открыла крышку своихъ часовъ и дала прочесть надпись на внутренней крышкѣ. Не помню уже, что я читалъ, но когда я произнесъ: échappement à Sylindre, она вдругъ съ восторгомъ сказала:—„Ахъ, какое у него хорошее произношеніе". И мнѣ разсказывали, что, потомъ, когда при ней обо мнѣ упоминали, она непремѣнно говорила:—„Ахъ, какое у него хорошее французское произношеніе еще въ дѣтствѣ, и я его еще съ тѣхъ поръ за это полюбила".

Она любила молодое поколѣніе, снисходительно относилась къ намъ, когда мы при ней дурачились, нарушали у нея въ Сухоносовкѣ строгій порядокъ жизни и мечтательно замѣчала, что „теперешнее" поколѣніе не похоже на прежнее: то было такое чинное, и не знаетъ она, что лучше:—„во всякомъ случаѣ этимъ веселѣе живется".

Она любила общество и при всей своей чопорности пользовалась расположеніемъ и уваженіемъ всѣхъ ее знавшихъ. Въ домѣ у нея все шло какъ по заведенному порядку, но кажется, она была скуповата. Насмѣшливая молодежь замѣтила какъ-то, что у себя за обѣдомъ она угощаетъ, не упрашивая: спроситъ—„вы этого не хотите"? и поставитъ въ сторону. Но это, кажется, была выдумка. Мнѣ приходилось бывать въ Сухоносовкѣ цѣлыми днями, и я не замѣчалъ у Настасіи Алексѣевны этой слабости. Въ ея гостепріимствѣ не было широкаго размаха, да это и не шло бы къ ея положенію одинокой хозяйки, но въ домашнемъ ея обиходѣ не было никакой скаредности. Все было очень чинно, прилично, и хозяйка всегда была привѣтлива и гостепріимна.

Послѣдній разъ и видѣлся съ Настасіей Алексѣевной въ 80-хъ годахъ. Я былъ уже женатъ. Она знала мою жену еще до замужества и была рада ее встрѣтить. Мы много вспоминали и было, что вспомнить: я такъ давно зналъ эту симпатичную старушку. Поговорили по-французски, затронули нѣсколько текущихъ вопросовъ и въ жизни, и въ литературѣ. Она все также всѣмъ интересовалась и за всѣмъ слѣдила... Прощаясь, она не упустила припомнить, что у меня еще въ дѣтствѣ былъ отличный французскій выговоръ и что она еще съ тѣхъ поръ меня полюбила...

IV.

Степанъ Викентьевичъ ф.-Райзеръ былъ человѣкъ нѣсколько иного склада, чѣмъ старшій его братъ; о немъ всегда вспоминали какъ объ очень красивомъ видномъ человѣкѣ. По характеру онъ былъ, кажется, мало дѣятеленъ и не практиченъ. Но это былъ эстетикъ въ душѣ. Смолоду онъ прекрасно рисовалъ и былъ способенъ ко всякой ручной работѣ. У дочерей его долго сохранялись, какъ воспоминаніе, сдѣланныя имъ игрушки.

У насъ въ семьѣ было нѣсколько акварелей, рисованныхъ имъ еще въ Петербургѣ, и порядочно выцвѣтшихъ потомъ на малороссійскомъ солнцѣ. Домъ его былъ всегда пріютомъ для разныхъ способныхъ людей, то весельчаковъ, то непризнанныхъ поэтовъ, то просто приживальщиковъ. Но въ этой компаніи попадались и очень талантливые люди. Проживалъ у него одно время живописецъ-акварелистъ, должно быть еще изъ Петербургскихъ знакомыхъ. Послѣ него остались двѣ-три мастерскія вещицы, которыя успѣли сберечь мои тетки.

Однимъ изъ его близкихъ знакомыхъ былъ Степанъ Ивановичъ Аѳанасьевъ, когда-то довольно богатый, но потомъ обѣднѣвшій помѣщикъ Лубенскаго уѣзда. Сынъ его, Александръ Степановичъ, студентъ Нѣжинскаго лицея, потомъ кавалерійскій офицеръ, извѣстный въ нашей литературѣ подъ псевдонимомъ Аѳанасьева-Чужбинскаго, былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ моимъ дядей, а его сестры, Авдотья, и Анна Степановны, были ближайшими подругами трехъ дѣвицъ ф.-Райзеръ.

Подъ старость Степанъ Викентьевичъ впалъ въ ипохондрію и совсѣмъ опустилъ руки. Пока сынъ его былъ на службѣ, управленіе домомъ перешло въ руки старшей изъ сестеръ, Аннѣ Степановнѣ, которая съ материнскою попечительностью относилась къ младшимъ своимъ сестрамъ.

Боюсь, что не съумѣю объективно говорить о самыхъ близкихъ мнѣ людяхъ, дѣтяхъ Степана Викентьевича. Но у меня есть интересныя замѣтки болѣе безпристрастнаго наблюдателя, Николая Вильгельмовича, вносившаго въ свой дневникъ всѣ впечатлѣнія, во время своего отпуска въ 1834—35 годахъ [1]). Заимствую изъ этого дневника, кромѣ описанія семейства Степана Викентьевича, также и свѣдѣнія о Екатеринѣ Вильгель-

---

[1]) Часть этого дневника, взятая изъ бумагъ Е. Н. Скаржинской напечатана въ „Кіевской Старинѣ“ 1893 г.

мовнѣ, о которой я только и знаю то, что записано Николаемъ Вильгельмовичемъ.

Онъ ѣхалъ въ отпускъ для раздѣла имѣнія съ вышедшими замужъ сестрами. По дорогѣ изъ Могилева въ Поставмуки онъ остановился въ началѣ декабря 1834 г. близъ Пирятина, Полтавской губ., въ Давыдовкѣ, имѣніи Дмитрія Васильевича Горленко, въ этомъ только году женившагося на его сестрѣ, Екатеринѣ Вильгельмовнѣ. Горленко женился уже вдовцомъ, имѣя восемъ человѣкъ дѣтей, и Николай Вильгельмовичъ удивляется, какъ это его сестра могла согласиться на такой бракъ. Горленко ему вообще не нравится. Онъ не видитъ въ немъ порядочности. Онъ шесть лѣтъ уже не былъ въ Малороссіи и старательно записываетъ свои впечатлѣнія.—„Какой огромный и толстый у меня зять",—замѣчаетъ онъ между прочимъ.

— „Странно,—пишетъ онъ черезъ нѣсколько дней, что Катенька не любитъ ни дядю (Степана Викентьевича), ни даже кого-либо изъ нихъ, Дмитрій Васильевичъ тоже и очень дурно относились объ Анютѣ и Алексѣѣ. Но, несмотря на то, я желаю ихъ видѣть, и мнѣ кажется, что я все еще не дома; да, признаюсь, мнѣ что-то не нравится житье зятя". Вообще Николай Вильгельмовичъ былъ, повидимому, больше привязанъ къ другой своей сестрѣ, вышедшей замужъ въ томъ же году, за Василія Александровича Корепева.

— „Къ полнотѣ моего удовольствія, пишетъ онъ, не доставало чего-то,—это доброй моей Настиньки".—„Все заставляло меня желать ѣхать въ Поставмуки".

Мимоходомъ онъ симпатично отзывается о Василіи Павловичѣ Горленко, отцѣ Дмитрія Васильевича и моей бабки, Анны Васильевны.—Любезный старикъ Василій Павловичъ провелъ у насъ почти цѣлый день. На другой день онъ записываетъ: „Сегодня пришла Наталія Васильевна (другая дочь Василія Павловича) сестра моей бабки,—что за смѣшная, однимъ словомъ, сорокалѣтняя дѣвушка, толстая, высокая, безобразная, съ большими претензіями на невинность. Передъ вечеромъ я съ нею пошелъ къ Павлу Васильевичу. Совершенный хохолъ. Жена его уморительно говоритъ по-русски, но они живутъ лучше моего зятя".

Наконецъ, рослѣ долгихъ, ненужныхъ задержекъ въ Давыдовкѣ Николай Вильгельмовичъ пріѣзжаетъ въ Поставмуки и на другой день, 13-го декабря, записываетъ: „Въ одиннадцать утра поѣхали къ дядѣ (Степану Викентьевичу). Тамъ еще не знали, что я въ Поставмукахъ. Какъ были рады, довольны всѣ

Часа черезъ два пріѣхали (изъ Сухоносовки) Алексѣй и Мари (Марія Алексѣевна, его жена). Я девять лѣтъ его не видѣлъ: молодецъ, хорошъ собой, Мари—мила. Они всѣ такъ рады, увидѣвши меня! за что же я ихъ не буду любить? Да, при томъ я не вѣрю тому, что о нихъ мнѣ разсказывали. Надя и Маша невѣсты, милыя дѣвушки, особливо Надя,—Анюта же почти не постарѣла; дяденька крѣпко опустился и похудѣлъ. На завтра Алексѣй пригласилъ къ себѣ (въ Сухоносовку)". Послѣ этого Николай Вильгельмовичъ проводитъ почти все свое время въ семействѣ Степана Викентьевича и дѣлаетъ такія отмѣтки въ своемъ дневникѣ: „14 декабря. Катенька и Дмитрій Васильевичъ сначала не хотѣли ѣхать (въ Сухоносовку), но я ихъ уговорилъ. Алексѣй живетъ изрядно: въ домѣ порядокъ, и онъ смотритъ настоящимъ помѣщикомъ; я его люблю душевно братски".

15-го числа:—„Обѣдали у дяди. Алексѣй и Мари тоже были, Павинька (Павелъ Александровичъ Остенъ-Сакенъ по дальнему родству постоянный приживальщикъ у Степана Викентьевича) преуморительный. Надя изрядно бы пѣла, если бы прибавляла больше смѣлости; у Мари голосъ сдѣлался слабѣе; Маша препорядочно играетъ".

16-го:—„День провели тоже у дяди. Досадно видѣть, что Катенька и Дмитрій Васильевичъ стараются удаляться и какъ бы чуждаются родныхъ. На завтра мы пригласили къ себѣ на обѣдъ".

17-го:—„Сестрамъ понравилась моя комната. Играли на Настенькиныхъ фортепіанахъ, которыхъ тонъ очень хорошъ; какъ я чувствую недостатокъ, что нѣтъ моей милой сестры!—Катенька какъ-то холодна со мной и замѣтно принужденіе, но Настенька, я увѣренъ, что иначе была бы".

Къ этому мѣсту въ дневникѣ, для его вразумительности надо добавить, что Настасія Вильгемовна, тоже только-что вышедшая замужъ въ этомъ году, жила съ мужемъ въ мѣстѣ стоянки его полка, гдѣ-то на югѣ, въ ожиданіи его отставки. Фортепіано, съ хорошимъ тономъ, было то самое, которое въ началѣ года, съ такою доброю готовностью, купилъ въ Москвѣ и прислалъ графъ Санти. Я помню еще это фортепіано; оно было перемѣнено на рояль только въ 1859 г., для моей милой кузины Анны Васильевной Кореневой (въ замужествѣ Дзѣвчопольской).

25-го декабря: „Рождество. Пошелъ къ обѣднѣ и засталъ тамъ Надю, Машу и Дуню (Аѳанасьеву). При выходѣ изъ

церкви всѣ крестьянки стояли на улицѣ, и между ними нѣкоторыя были довольно нарядныя; я не замедлилъ имъ раскланяться. Потомъ поѣхали къ дядѣ. Къ обѣду пріѣхалъ братъ и Мари. Весь день провели чрезвычайно пріятно, какъ обыкновенно въ кругу добрыхъ и милыхъ родныхъ. Вечеромъ подъ окномъ раздалось пѣніе—колядовали въ честь мою и другихъ. Играли въ вистъ и былъ маленькій маскарадъ. Въ Лубнахъ устроилось собраніе; Алексѣй членъ его и къ новому году собирается туда. Если бы Настенька, то я бы ничего не желалъ"...

16-го: „По утру Алексѣй и Мари рано выѣхали домой, куда къ обѣду и я съ сестрами пріѣхалъ... Я увѣренъ, что братъ здѣсь лучше многихъ живетъ и у него обѣдъ былъ хоть куда. Онъ разсказывалъ мнѣ кой-что о Катенькѣ, которое дурно рекомендовало ея характеръ, и жизнь Настеньки была очень незавидна. Вечеромъ всѣ поѣхали въ Поставмуки"...

Подъ 31-мъ декабря, пространно излагая свои впечатлѣнія на общественномъ балу, въ Лубнахъ, Николай Вильгельмовичъ пишетъ: „Жаль, что Надя, а особливо Маша, такъ застѣнчивы, онѣ были бы изъ лучшихъ".

Этимъ оканчиваются свѣдѣнія о моихъ родныхъ въ дневникѣ Николая Вильгельмовича. Это довольно яркая характеристика семьи, какою она была въ 1834—35 годахъ. На этомъ симпатичномъ фонѣ я могу намѣтить много подробностей, по разсказамъ или по личнымъ воспоминаніямъ.

Степанъ Викентьевичъ не прилагалъ большихъ заботъ объ умственномъ образованіи своихъ дѣтей. Но всѣ дѣти были богато надѣлены духовными дарами отъ природы.

Сколько я себя помню, книга, именно книга интересная и поучительная всегда занимала въ ихъ обиходѣ большое мѣсто.

У меня до сихъ поръ хранятся, въ деревнѣ, какъ наслѣдіе того времени, періодическія изданія за длинную серію годовъ: „Библіотека для чтенія", „Сынъ Отечества", „Отечественныя Записки" и проч. Оттуда же, изъ Пятигорецъ, получали мы такія изданія, какъ „Сто русскихъ литераторовъ", изящно иллюстрированные альманахи и т. п. Все это съ интересомъ читалось всѣми членами семьи.

До какой степени въ этой семьѣ были развиты литературные интересы, лучшимъ тому свидѣтельствомъ могутъ служить изящные томики, съ прекрасно переписанными рукою моей матери (тогда еще молодой дѣвочки), главами изъ Евгенія Онѣгина. Постоянными участницами этихъ дѣвичьихъ литературныхъ интересовъ были сестры Аѳанасьевы, особенно одна изъ

нихъ, Дуня. Не мало способствовалъ подъему литературнаго настроенія и молодой нѣжинскій студентъ, Александръ Степановичъ Аѳанасьевъ, ровесникъ младшихъ дѣвицъ. Онъ уже въ первые годы студенчества пробовалъ свои силы и посвящалъ иногда свои произведенія дѣвицамъ ф.-Райзеръ. Помѣщаю здѣсь одно изъ самыхъ раннихъ его стихотвореній, сохранившееся въ нашихъ семейныхъ бумагахъ. Оно не лишено интереса, какъ первый проблескъ таланта, а для меня оно дорого, какъ воспоминаніе о давно отошедшемъ, но близкомъ мнѣ человѣкѣ.

Къ лунѣ.

Катись, луна! Катись, луна!
Въ прогулкѣ одинокой,
Какъ ты душа моя темна
Въ тоскѣ своей глубокой.
Я одинокій здѣсь, какъ ты,
Безъ друга, сиротою;
Но есть въ груди моей мечты,
Ихъ выразить не смѣю.
Онѣ въ груди моей должны
Съ снѣдающею страстью,
Быть въ тишинѣ погребены.
Увы! не знать мнѣ счастья!
Катись, луна, катись, луна,
Въ прогулкѣ одинокой.
Здѣсь жизнь моя изныть должна
Въ несчастіи глубокомъ.
Какъ ты на небѣ безъ друзей,
Такъ я въ печальномъ мірѣ,
Роняю слезы изъ очей
На тихострунной лирѣ.
Играю я, но пѣснь мою
Никто здѣсь не внимаетъ.
Увы, а та, о комъ пою,
Совсѣмъ любви не знаетъ.
Моя любовь чужда для ней;
Она ужъ полюбила.
Любовь моя веселыхъ дней
Ея не возмутила.
Пускай блаженствуетъ она,

А я въ тоскѣ глубокой
Умру одинъ. Катись, луна,
Въ прогулкѣ одинокой.

Аѳанасьевъ.

1831 г.
Октябрь, 10, вечеръ.
Нѣжинъ.

Дядя Алексѣй Степановичъ тоже не былъ чуждъ этихъ литературныхъ интересовъ; но они были для него дѣломъ второстепеннымъ.

Алексѣя Степановича я помню съ тѣхъ поръ, какъ помню самого себя, и всегда мнѣ представляется фигура изящной внѣшности; всегда гладко выбритый, гладко подстриженный, щеголевато одѣтый, даже когда вы видите его въ полѣ или въ дорогѣ, носящій съ собою тонкій ароматъ какихъ-то духовъ или мыла; онъ не имѣлъ, однако, и тѣни фатовства, это было въ его натурѣ и было очень просто. Отецъ мой говаривалъ, что за всю жизнь свою, онъ не видывалъ другого человѣка, умѣющаго такъ просто быть всегда приличнымъ и даже щеголеватымъ.

Такая подтянутость не была въ нравахъ тогдашняго малороссійскаго дворянства, даже очень богатаго, и потому, когда Алексѣю Степановичу приходилось бывать въ обществѣ, то онъ былъ всегда фигурою замѣтною и пріятною, и такъ какъ у него былъ ровный, спокойный характеръ, то всѣ, даже мало его знавшіе, относились къ нему дружелюбно. Случалось, что какой-нибудь толстый, добродушный сосѣдъ, встрѣтивъ его въ обществѣ, посмотритъ, посмотритъ на него, ласково улыбнется во все лицо, подойдетъ, не говоря ни слова, обниметъ и поцѣлуетъ въ шею.

Жена его Марія Алексѣевна, урожденная Литвинова, умерла въ 1835 г., не оставивъ ему дѣтей, и онъ остался вдовцомъ на всю свою жизнь.

По смерти жены и отца онъ весь отдался устройству имѣнія и скоро привелъ свое хозяйство въ блистательное состояніе. Въ сороковыхъ годахъ онъ былъ однимъ изъ видныхъ помѣщиковъ Лубенскаго уѣзда, а въ началѣ пятидесятыхъ былъ выбранъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и пробылъ на этой должности нѣсколько трехлѣтій. Онъ богато отдѣлалъ Пятигорскій домъ, начатый еще около 1830 г., его старшимъ братомъ Александромъ Степановичемъ, посватавшимся въ то

время, на лубенской красавицѣ, Лизѣ Полторацкой. Но Александръ Степановичъ умеръ въ холерную эпидемію, и домъ нѣсколько лѣтъ оставался неконченнымъ. Замѣчу мимоходомъ, что у меня хранится медальонъ этого рано умершаго молодого человѣка. Какъ и всѣ дѣти Степана Викентьевича, онъ былъ очень хорошъ собою.

Этотъ пятигорскій домъ былъ деревянный, рубленный и штукатуренный съ передняго фасада. За домомъ шелъ большой садъ или вѣрнѣе паркъ, такъ какъ фруктовыхъ деревьевъ тамъ было мало, а за садомъ, почти безъ перерыва, тянулась густая роща грабовыхъ деревьевъ. Мѣсто было низкое, но имѣвшее свои прелести и свою поэзію во всѣ времена года. Весною и лѣтомъ тутъ была масса цвѣтовъ, за которыми съ любовью ухаживали мои тетки. Ароматъ левкоя, нарцисовъ, лилій и розъ волною вносился въ раскрытыя двери залы. Множество ландышей, и раннею весною неисчерпамое количество подснѣжниковъ и фіалокъ. Осенью, въ длинные, темные вечера, эта близость рощи, примыкавшей прямо къ саду, заключала въ себѣ, для насъ, дѣтей, что-то жуткое, таинственное. Ребенкомъ меня оставляли иногда въ Пятигорцахъ одного, съ моею гувернанткою. Думали, что тамъ я буду прилежнѣе учиться, не развлекаемый братьями и сестрами. Къ тому же и моя гувернантка, Юлія Осиповна Санковская, очень скучала у насъ въ Пелеховщинѣ безъ общества. И вотъ, вспоминаются мнѣ осенніе вечера. Тети, а иногда и дядя, дѣловито раскладываютъ совмѣстно большой семейный пасьянсъ. Въ домѣ глубокая тишина. Въ окна и въ дверь на балконъ ни зги не видно. Къ тому же я знаю, что стоитъ только повернуть ручку незапертой двери, и я въ загадочномъ, темномъ, безпредѣльномъ пространствѣ; эта темнота какъ будто чувствуется и въ залѣ, освѣщенной только нѣсколькими свѣчами. И вдругъ въ этой безмолвной тиши, тамъ гдѣ-то далеко, за дверью, въ рощѣ, раздается какой-то зловѣщій крикъ, не то плачъ, не то завываніе. Помню, что въ первый разъ меня морозъ подралъ по кожѣ. Но меня успокоили: это филинъ; онъ иногда кричитъ темными осенними вечерами. Это приводило къ тому, что въ такіе вечера мы, дѣти, вообще не очень трусливые, не любили проходить черезъ пятигорскія неосвѣщенныя комнаты. Впечатлѣніе усиливалось еще тѣмъ, что вся обстановка, какъ я говорилъ уже и раньше, имѣла здѣсь какой-то торжественный неприкосновенный видъ; особенно тяжелая и, правду сказать, громоздкая и неудобная мебель краснаго дерева въ гостиной.

Въ Грабинѣ, какъ мы называли рощу, на поэтической площадкѣ подъ горою, была погребена жена Алексѣя Степановича. Къ этой одинокой могилкѣ, въ теченіе десятковъ лѣтъ, присоединилось еще четыре. Первая изъ нихъ была моего отца, умершаго скоропостижно въ Пятигорцахъ въ 1865 г. Затѣмъ постепенно, въ теченіе послѣдующихъ двадцати лѣтъ, здѣсь легли и коренные жители Пятигорецъ.

Мнѣ хотѣлось бы еще отмѣтить здѣсь, что всѣ члены этого семейства были одарены большимъ эстетическимъ чувствомъ. Дядя, Алексѣй Степановичъ, былъ настоящимъ виртуозомъ на скрипкѣ. Замѣчательно, что никогда не игралъ онъ по нотамъ; никогда не игралъ онъ также ничего законченнаго, но скрипка была въ его рукахъ удивительно послушнымъ и изящнымъ инструментомъ. Игралъ онъ рѣдко, какъ бы не желая никому навязывать своей музыки, но когда игралъ, игралъ мастерски, какая бы ни была у него въ рукахъ скрипка. Въ длинныя осеннія или зимнія сумерки, вся семья собиралась въ его, такъ называемую, угловую комнату. Онъ сидитъ въ качалкѣ, мы помѣщается кругомъ на диванахъ и креслахъ; идутъ разговоры, толки, воспоминанія, и вотъ иногда невзначай беретъ Алексѣй Степановичъ домодѣльную скрипочку, оставленную на столѣ его сорванцомъ, воспитанникомъ Ванею, подстраиваетъ ее, замѣтивъ, что глухой Ваня никогда не настроитъ порядочно инструмента, и тонко выводитъ смычкомъ какую-нибудь музыкальную фразу. Сестры просятъ его сыграть что-нибудь, и онъ начинаетъ. Иногда это что-то старинное и бойкое и вмѣстѣ грустное... „Вы это помните?“—спрашиваетъ онъ. Тетки догадываются, но безуспѣшно. „Да вѣдь это же тотъ экоссезъ, который ты, Анюта, танцовала съ Ширманомъ, а я съ моею покойною Мари“... Иногда вдругъ изъ-подъ его смычка раздадутся блестящіе бойкіе звуки; тетки припоминаютъ, что это „Колокольчики“ Паганини, слышанные ими когда-то на Ильинской ярмаркѣ въ Ромнахъ, въ исполненіи большого артиста.

Впрочемъ, дядя какъ-то умѣлъ приспособиться ко всякому инструменту, какой ни попадался ему въ руки. Я помню его звучные фанфары на охотничьемъ рогѣ. Матушка моя разсказывала мнѣ, что разъ онъ далъ имъ неожиданно восхитительную серенаду на Удаѣ. Онѣ катались въ лодкѣ, ожидая его возвращенія съ охоты, и вотъ, гдѣ-то за поворотомъ слышится флейта. Свѣтлымъ вечеромъ на рѣкѣ эффектъ былъ поразите-

ленъ. Въ воздухѣ лились звуки какого-то любимаго въ то, время романса. Поворачиваютъ и видятъ, что это играетъ дядя, возвращаясь тоже на лодкѣ съ однимъ изъ своихъ пріятелей. Сестры видывали у него флейту по возвращеніи его со службы; но никогда раньше не слышали его игры.

Эта способность Алексѣя Степановича ко всякому дѣлу, его разсудительность и невозмутимость повели къ тому, что въ народѣ стали приписывать ему какія-то высшія знанія. „Вінъ щось зна сей панъ", говорили о немъ окрестные люди.

Марья Степановна, несмотря на скудные уроки на фортепіано у военнаго капельмейстера, была настоящей художницей на этомъ инструментѣ. Она очень хорошо играла транскрипціи и рапсодіи Листа, ноктюрны Фильда и многія вещи тогдашней музыкальной литературы.

Разсказывали мнѣ, что другой братъ, Владиміръ Степановичъ, умершій почти въ дѣтскомъ возрастѣ, былъ талантливымъ рисовальщикомъ.

Покойная моя матушка имѣла удивительный слухъ и въ молодости хорошо пѣла. Припоминаю, что старшая изъ сестеръ, тетя Анна Степановна, очень старалась развить въ насъ, своихъ племянникахъ, духовную самодѣятельность. Замѣтя въ комъ-нибудь изъ насъ способность къ рисованію или къ музыкѣ, она удивительно умѣла поощрить насъ къ этимъ занятіямъ.

Она всегда горячо интересовалась нашими успѣхами въ ученіи и старалась, чтобы и въ этомъ отношеніи мы не ограничивались только нашими учебными работами.

— Ты такъ правильно пишешь, и по письмамъ твоимъ я замѣчаю, что ты недурно излагаешь. Почему бы тебѣ не попробовать написать что-нибудь свое, изложить свои мысли, свои наблюденія... Вотъ ты поѣдешь съ папой въ Полтаву, возьми съ собою тетрадку и записывай все, что увидишь и что съ вами случится. Потомъ пусть папа непремѣнно привезетъ эту тетрадку намъ. Вѣдь это будетъ и для тебя поучительно и для насъ очень, очень интересно. Посмотри, Аѳанасьевъ, онъ теперь печатаетъ и его читаютъ, а вѣдь началъ онъ тоже, какъ ученикъ"... И это она говорила мальчику лѣтъ 9—10.

Родители наши тоже очень заботились о нашемъ образованіи. Отецъ мой кончилъ Харьковскій университетъ и былъ человѣкъ съ большими свѣдѣніями, но думаю, что и милая тетя Анна Степановна внесла свой большой вкладъ въ наше умственное и нравственное развитіе.

V.

Откуда же ведетъ свое начало это семейство ф.-Райзеръ, членовъ котораго я пытался изобразить, насколько ихъ помню, и насколько удерживаю въ памяти, слышанные о нихъ разсказы?

Мнѣ говорили, что у представителя старшей линіи ф.-Райзеръ, Николая Вильгельмовича, хранились документы, устанавливающіе родословную этой фамиліи съ очень древнихъ временъ и заключающіе въ себѣ матеріалы для біографіи тѣхъ изъ ея членовъ, которые переселились въ Россію. Я не видѣлъ этихъ документовъ. Вѣроятно, они поступили въ наслѣдство дочери Николая Вильгельмовича, Е. Н. Скаржинской, и именно изъ нихъ были взяты тѣ довольно многочисленныя фактическія свѣдѣнія о членахъ этой фамиліи, которыя были приложены къ дневнику Николая Вильгельмовича, помѣщенному въ „Кіевской Старинѣ“ 1893 г., 6.

Жалѣю очень, что не могу воспользоваться въ настоящее время этими документами и надѣюсь, что когда-нибудь Екатерина Николаевна сама озаботится о преданіи ихъ гласности.

Ф.-Райзеры не играли большой роли въ событіяхъ XVIII в., но иногда они стояли очень близко къ этимъ событіямъ, и это, конечно, стоитъ того, чтобы сохранить о нихъ память въ ихъ потомствѣ.

Въ настоящихъ набросках я могу воспользоваться только свѣдѣніями, почерпнутыми мною изъ разнородныхъ историческихъ матеріаловъ. Кромѣ того, я твердо помню разсказы о моихъ предкахъ, слышанные мною въ старину, отъ моихъ отошедшихъ уже родныхъ.

Свѣдѣнія о первомъ Райзерѣ, прибывшемъ въ Россію, вообще очень краткія, встрѣчаются въ нѣкоторыхъ историческихъ сочиненіяхъ: Штелинъ, сказаніе о Петрѣ III, 1778, 455; Бантышъ-Каменскій, словарь достопамятныхъ людей, IV 276; его же: Списокъ кавалеровъ четырехъ россійскихъ орденовъ. М. 1814 Hebbig, Biographie Peter des Dritten 1808 и др.

Свѣдѣнія эти были собраны въ приложеніи къ „Русской Старинѣ“, посвященномъ иностранцамъ, прибывшимъ въ Россію при Петрѣ. Вотъ что говорится тамъ о ф.-Райзерѣ:

„Винцентъ Райзеръ, родомъ изъ шведской Помераніи, обучался въ Грейфсвальдѣ. Онъ занималъ очень мелкія должности по горному вѣдомству въ Швеціи. Во время разгорѣвшейся войны между Швеціею и Россіею, его рекомендовали Петру I,

для вновь учрежденной бергъ-коллегіи. Какъ этотъ государь, такъ и его преемники, съ большою выгодою пользовались услугами Райзера. Онъ умеръ уже въ глубокой старости въ 1775 г., будучи вице-президентомъ бергъ-коллегіи".

„Райзеръ оставилъ сына, который былъ флигель-адъютантомъ Императора Петра III, и остался ему преданъ въ день 28 іюня 1762 г.".

Къ этимъ свѣдѣніямъ прибавлю, что Райзеръ, прибывшій въ Россію при Петрѣ, былъ дворянскаго „рыцарскаго" рода, и имѣлъ фамильный гербъ—„два восходящіе льва", оставленный его потомкамъ, при утвержденіи ихъ въ званіи русскихъ дворянъ. На русской службѣ прослужилъ онъ болѣе 50 лѣтъ и умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Кромѣ сына у перваго Райзера были и дочери. Это послѣднее свѣдѣніе я заимствую изъ „Кіевской Старины" 1893 г., гдѣ сказано, что въ 1780 г. онѣ подавали кому-то какое-то прошеніе. Что сталось съ ними впослѣдствіи, не знаю.

Свѣдѣнія о сынѣ перваго ф.-Райзера, флигель-адъютантѣ Петра III, а потомъ генералъ-поручикѣ, мы имѣемъ въ исторіи Екатерины II, В. А. Бильбасова, т. II. Онъ называетъ его то Рейзенъ, то Рейзеръ, то Райзеръ, смотря потому, какъ писалась эта фамилія въ то время въ оффиціальныхъ бумагахъ, но подробно излагаетъ участіе Викентія Викентьевича въ іюньскомъ переворотѣ 1762 года, руководствуясь секретными дѣлами сенатскаго архива.

Беру у Бильбасова все относящееся къ флигель-адъютанту ф.-Райзеру.

Въ пятницу 28 іюня 1762 г., Петръ III ѣдетъ изъ Ораніенбаума въ гости къ Императрицѣ въ Петергофъ и везетъ съ собою избранное придворное общество. Весело болтая, никѣмъ необезпокоиваемые путники пріѣхали въ Петергофъ въ исходѣ 2-го часа, но Екатерины тамъ не застали. Въ три часа дня стали ходить слухи, что въ Петербургѣ совершается переворотъ, и Петръ III начинаетъ разсылать своихъ адъютантовъ и ординарцевъ на развѣдки. Флигель-адъютантъ Райзеръ былъ посланъ въ Горѣлый Кабачекъ. Онъ долженъ былъ отвезти туда семь гольштинскихъ рекрутъ и оставить ихъ тамъ на заставѣ, приказавъ имъ никого не пропускать ни въ Петербургъ, ни изъ Петербурга. Райзеръ былъ схваченъ, привезенъ въ Петербургъ. Въ полночь Сенатъ допрашивалъ его какъ подозрѣваемаго „въ развѣдованіи о томъ, что происходитъ въ Петербургѣ". На допросѣ Райзеръ показалъ: „сего числа по-

полудни въ три часа посланъ онъ ісъ Петергофа въ Горѣлый Кабачекъ съ вербованными въ Гольштинскую армію рекрутами, семью человѣки; съ такимъ приказомъ, чтобъ ихъ туда отведя оставить тамъ на заставѣ съ темъ, чтобъ во первыхъ разведать, не проѣзжалъ ли какой куріеръ, а потомъ тамъ рекрутамъ приказать, чтобъ черезъ то мѣсто никого какъ въ Петербурхъ такъ і ісъ Петербурха не пропускать, еслибъ кто пріехалъ; но токмо онъ не доехавъ до того кабачка напримеръ за версту, увиделъ марширующій воронежскій полкъ то спросилъ куда онъ маршируетъ, напротивъ сево и ево Резера спросили отъ кого онъ идетъ і куда, и онъ Резеръ сказалъ что посланъ ісъ Петергофа, отъ Государя, і коль скоро онъ сие выговорилъ то его офицеры того полку схватя арестовали і какъ его такъ і показанныхъ рекрутъ привезли подъ карауломъ въ Петербурхъ".

„Въ бытность же его въ Петергофѣ о томъ, что ея Императорское Величество соизволила принять родительскій престолъ, какъ онъ такъ і другіе тамо живущіе люди вѣдали, а черезъ кого та эха произошла онъ не знаетъ. Комисиевъ же никакихъ противъ ея Императорскаго Величества і ея подданныхъ поручено ни отъ кого не было, о чемъ онъ объявляетъ самую правду, подвергая себя за неистинное показаніе смертной казни".

Относительно обстоятельствъ ареста флигель-адютанта Райзера, Бильбасовъ, пользуясь донесеніями французскаго посольства, дѣлаетъ такое добавленіе:

Полковникъ Воронежскаго полка Олсуфьевъ совершенно случайно прибылъ въ Петербургъ 28 іюня и тотчасъ же присягнулъ Императрицѣ. Ему предложили ѣхать немедленно въ полкъ, который шелъ по приказу Императора въ Ораніенбаумъ, склонить полкъ на сторону Екатерины и привести въ Петербургъ.

Узнавъ отъ Олсуфьева, что гвардія присягнула Императрицѣ, воронежцы привѣтствовали это извѣстіе громкимъ ура.

Немного спустя послѣ Олсуфьева прибылъ въ Воронежскій полкъ флигель-адъютантъ Райзеръ, съ приказаніемъ полку идти въ Петергофъ; Райзера арестовали, полкъ двинули въ Петербургъ.

Извѣстіе объ арестованіи Райзера пришло въ Петергофъ въ 9-мъ часу и привело Петра III въ крайнее раздраженіе.

Этимъ собственно и оканчивается описаніе участія ф.-Райзера въ переворотѣ 1762 г. Рядомъ съ этимъ эпизодомъ, Биль-

басовъ говоритъ объ отрицательномъ отношеніи и другихъ нѣмцевъ къ этому перевороту и отмѣчаетъ къ нимъ снисходительность Екатерины II.

Нѣмцы, — по его словамъ, — недолго продержали подъ арестомъ, и только трое изъ нихъ пострадали: по „Монаршей конфирмаціи“, послѣдовавшей 29 іюня, Лейбъ-Кирасирскаго полка полковникъ Будбергъ, доносившій Петру на Ребиндера, въ отставку и жить въ Лифляндіи, подполковникъ Фермиленъ— тѣмъ же чиномъ въ другіе кирасирскіе полки, и флигель-адъютантъ Райзеръ—отправить къ арміи.

Исторической перспективѣ поведеніе въ этотъ день нѣкоторыхъ офицеровъ нѣмецкаго происхожденія представляется достойнымъ порицанія. Такъ на это смотритъ и историкъ, вообще на обладающій спокойствіемъ и безпристрастіемъ, необходимымъ для большого историческаго труда. Но, взвѣшивая поведеніе моего прадѣда, въ этотъ историческій день, въ связи съ его послѣдующей жизнью, я не вижу ничего, что могло бы поселить хоть малѣйшее сомнѣніе въ его нравственномъ достоинствѣ. Не знаю, былъ ли онъ лично привязанъ къ Петру III, но онъ рыцарски честно служитъ своему законному Государю, такъ же, какъ рыцарски честно продолжаетъ служить и своей Государынѣ, которой присягнулъ послѣ всенароднаго признанія ея Императрицею. Эта черта характера тѣмъ болѣе благородна, что, вмѣстѣ съ отправленіемъ къ арміи, онъ впадаетъ въ немилость и вообще становится чужимъ человѣкомъ въ тѣхъ сферахъ, гдѣ когда-то занималъ очень видное мѣсто.

Одинъ только человѣкъ въ этихъ сферахъ вспоминаетъ о немъ, это—наслѣдникъ престола Павелъ Петровичъ.

Въ 1775 г. Викентій Викентьевичъ ф.-Райзеръ, уже въ чинѣ генерала, награждается орденомъ св. Анны, и эта награда жалуется ему, какъ замѣчено въ „Кіевской Старинѣ“ 1893 г., 6, при посредствѣ Павла Петровича, которому Екатерина предоставила право жалованія этимъ голштинскимъ орденомъ. Привожу изъ „Кіевской Старины“ текстъ письма Потемкина къ ф.-Райзеру: „Милостивѣйшій Государь Викентій Викентьевичъ. Съ наипріятнѣйшимъ удовольствіемъ моимъ, имѣю случай препроводить къ вашему превосходительству, новый опытъ Высочайшей Ея Императорскаго Величества за достохвальную службу Вашу, милости которой благоугодно было почтить васъ, при высокомъ отъ его Императорскаго Высочества письмѣ орденомъ св. Анны, съ полученіемъ котораго, искренно привѣт-

ствуя, поставляю себѣ непреоборимымъ правиломъ ходатайствовать къ пользѣ и удовольствію вашему, при всякомъ преподаваемомъ вами мнѣ случаѣ, и быть всегда съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью вашего превосходительства, милостивѣйшаго государя моего, покорный слуга графъ Потемкинъ. Іюля 19 дня 1775 г. Его превосходительству Райзеру".

Не знаю, были ли у Викентія Викентьевича какіе другіе знаки отличія, но во всякомъ случаѣ, какъ у человѣка, забытаго въ центральныхъ сферахъ, ихъ не могло быть много, Большой крестъ св. Анны хранится у меня. Думаю, что это тотъ самый, который присланъ Потемкинымъ; но письмо свѣтлѣйшаго и милостивое письмо великаго князя находятся, вѣроятно, въ семейныхъ документахъ.

Въ генералъ-маіорскомъ чинѣ, Викентій Викентьевичъ имѣлъ маленькую непріятность по службѣ. Въ эпоху покоренія Крыма, Суворовъ отправилъ его, съ его бригадою, на востокъ, на Кавказскую границу, и оставшись недовольнымъ медлительностью ф.-Райзера, или неудачнымъ исполненіемъ возложеннаго на него порученія, объявилъ ему выговоръ. Не припоминаю теперь, гдѣ я читалъ объ этомъ выговорѣ; но выговоръ былъ, это фактъ, и возможно, что Викентій Викентьевичъ, смолоду не служившій въ дѣйствующихъ войскахъ, дѣйствительно сдѣлалъ какую-нибудь оплошность.

Говорю возможно, учитывая горячій нравъ великаго полководца...

Это обстоятельство не помѣшало однако Викентію Викентьевичу правильно двигаться по службѣ. Онъ заканчиваетъ свое поприще генералъ-поручикомъ, командующимъ дивизіей на Кавказѣ.

Въ царствованіе Екатерины имя Райзера еще разъ упоминается, въ связи съ достопамятнымъ событіемъ. Готовясь къ открытію памятника Петру I въ 1782 г., императрица велѣла собрать свѣдѣнія, нѣтъ ли въ арміи, изъ состоящихъ на службѣ генераловъ такихъ, которые начали службу въ офицерскихъ чинахъ еще при Петрѣ I. Она желала, чтобы они присутствовали въ числѣ видныхъ участниковъ торжества, при открытіи памятника. Такой нашелся только одинъ, и это былъ Викентій Викентьевичъ.

Это извѣстіе мнѣ удалось прочесть въ старинной книжкѣ Вейдемейера, посвященной царствованію Екатерины II. Изъ этого можно заключить, во-первыхъ, что Викентій Викентьевичъ, во уваженіе заслугъ отца, былъ записанъ очень рано рядовымъ

въ одинъ изъ полковъ и произведенъ въ офицеры почти еще ребенкомъ; во-вторыхъ, что онъ умеръ не въ 1780 г., какъ предположительно говорится въ „Кіевской Старинѣ“, а позднѣе.

Викентій Викентьевичъ былъ женатъ на Аннѣ Ивановнѣ Лорихъ, и кромѣ сыновей имѣлъ дочь Екатерину, вышедшую замужъ на Кавказѣ, за князя Дмитрія Михайловича Циціанова.

Послѣ смерти Викентія Викентьевича, вдова его поселилась въ Лубнахъ, Полтавской губ., и прожила въ этомъ городѣ до самой смерти.

Почему она выбрала именно этотъ городъ--мнѣ неизвѣстно, но у нея и ея сыновей тамъ образовалось близкое общество, изъ мѣстныхъ значительныхъ людей. Ближе другихъ къ нимъ, повидимому, стояли нѣмецкія семейства Пинкорнелли и Дель. Глава семейства Пинкорнелли былъ, кажется, одно время городничимъ въ Лубнахъ, а семейство Дель, сколько помню, имѣло какое-то отношеніе къ бывшему тогда въ Лубнахъ ботаническому саду, основанному еще Петромъ Великимъ. Добрыя отношенія съ этими семействами поддерживались дѣтьми и внуками Анны Ивановны. Старшій изъ сыновей городничаго, Петръ Ѳедоровичъ, въ чинѣ полковника, былъ назначенъ баталіоннымъ командиромъ въ Петровскій Полтавскій кадетскій корпусъ, около 1845 г., черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ открытія этого заведенія. Въ концѣ сороковыхъ годовъ, онъ былъ произведенъ въ генералы и командовалъ бригадою. Второй его братъ Николай Ѳедоровичъ, лишившійся руки въ Польскую кампанію, тоже служилъ въ штабъ-офицерскихъ чинахъ въ Полтавскомъ корпусѣ, и съ нимъ жили двѣ его сестры—Анна Ѳедоровна и Елизавета Ѳедоровна, очень баловавшія меня и двухъ Кореневыхъ, учившихся тогда въ корпусѣ. Особенно добра была Елизавета Ѳедоровна, нѣсколько неуклюжая, пожилая дѣвица чрезвычайной доброты, не имѣвшая въ себѣ рѣшительно никакихъ признаковъ своего нѣмецкаго происхожденія. Третій братъ, Иванъ Ѳедоровичъ, ветеранъ, долго служилъ плацъ-адъютантомъ въ Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ.

Старшій сынъ Анны Ивановны ф.-Райзеръ, Вильгельмъ Викентьевичъ, родился около 1766 г., и былъ на десять лѣтъ старше Степана Викентьевича.

Я говорилъ уже выше о его служебномъ поприщѣ. Степанъ Викентьевичъ годамъ къ двадцати тоже былъ опредѣленъ на военную службу рядовымъ въ Преображенскій полкъ. Ничто

рѣшительно не предвѣщало какой-либо перемѣны къ лучшему. Вдова жила на пенсію, вѣроятно, не очень большую, не достаточную для ея скромнаго обихода. Сыновья служили, какъ могли, не имѣя никакой сильной руки, чтобы ихъ двигать, и никому въ этой семьѣ генерала, не пользовавшагося милостями, не приходило и въ голову о какихъ-нибудь ходатайствахъ для улучшенія своего положенія.

Но тутъ случилось обстоятельство, совершенно непредвидѣнное, негаданное и явившееся какъ бы воздаяніемъ Промысла за скромную, корректную, чуждую какихъ бы то ни было попытокъ выставить себя или напомнить о себѣ службу Викентія Викентьевича.

Вотъ какъ разсказывали объ этомъ наши старики.

Черезъ нѣсколько дней по вступленіи на престолъ Императора Павла, въ томъ же ноябрѣ 1796 г., Степану Викентьевичу, рядовому Преображенскаго полка, пришлось быть во внутреннемъ караулѣ, въ Зимнемъ дворцѣ. Какъ юноша рослый, видный и очень красивый собою, онъ занималъ постъ у собственныхъ покоевъ Императора. Онъ былъ уже одѣтъ и хорошо вымуштрованъ по-гатчински. Проходя мимо, Государь обратилъ вниманіе на эту стройную, изящную фигуру. „Откуда такой молодецъ, кто такой?“ спросилъ онъ мимоходомъ. „Райзеръ, Ваше Величество“, отвѣчалъ мой дѣдъ. Императоръ остановился. „Какой Райзеръ?“ какъ тебѣ приходится бывшій флигель-адъютантъ моего отца?“ „Я его сынъ, Ваше Величество“. Императоръ очень заинтересовался и сталъ разспрашивать, гдѣ живетъ мать, какъ велика семья, гдѣ находятся ея члены, какихъ лѣтъ остались они по смерти отца, какое получили воспитаніе. Потомъ, потрепавъ молодого человѣка по плечу, сказалъ ему: „Напиши Аннѣ Ивановнѣ, что я хорошо помню вѣрную службу вашего отца и считаю себя въ долгу у семьи“. Послѣдствіемъ этого разговора было письмо къ Аннѣ Ивановнѣ ф.-Райзеръ статсъ-секретаря Трощинскаго, отъ 10-го декабря 1796 г. Содержаніе этого письма приведено въ „Кіевской Старинѣ“, 1893 г., 6.

Трощинскій писалъ, что Государь „удостоилъ милостивымъ воспоминаніемъ заслугъ покойнаго супруга, въ воздаяніе которыхъ намѣреніе имѣетъ пожаловать вамъ деревню, предоставляя выборъ оной или въ малой Россіи изъ свободныхъ казенныхъ селеній или въ великороссійскихъ губерніяхъ“.

Вдова Райзера пожелала получить пожалованіе,—какъ говоритъ „Кіевская Старина",—въ малой Россіи, и по указу 2 мая 1797 г., ей было дано крестьянъ 532 души мужского пола; изъ нихъ въ с. Поставмукахъ (Лохвицкаго у.) 277 душъ; въ д. Пятигорцахъ (Лубенскаго у.)—13 д., въ с. Селищѣ (Переяславскаго у.) 161 д., въ д. Нестеровкѣ (Остерскаго у.)—121 д. Милость Государя была велика, но потомки Анны Ивановны часто ломали себѣ голову, какъ это могло случиться, что такое, въ сущности, не чрезмѣрно большое по размѣрамъ того времени имѣніе было отведено въ четырехъ, совсѣмъ не близкихъ одинъ къ другому пунктахъ, изъ которыхъ одинъ находился даже въ другой губерніи, Черниговской. Говорили о непрактичности генеральши и о неумѣніи ея ладить съ людьми власть имѣющими, и о большомъ своеволіи этихъ людей въ это время, несмотря на большія строгости. Все это было приведено въ порядокъ ея сыновьями. Имѣніе сосредоточилось въ Поставмукахъ и Пятигорцахъ, но старожилы разсказывали, что больше всего была виновата сама генеральша. Ей предложили, будто бы, имѣніе въ одномъ кускѣ, въ с. Чернечѣ, Хорольскаго у., въ черноземной плодородной мѣстности. Но она не захотѣла уѣзжать далеко изъ Лубенъ, и это повело къ тому, что ей набрали жалованное число душъ въ разныхъ мѣстахъ.

Когда умерла генеральша, я не знаю. Изъ дѣтей Степана Викентьевича ее смутно помнила только ея внучка, старшая сестра моей матушки, Анна Степановна, родившаяся около 1800 г.

Въ нашей семьѣ хранится нѣсколько силуэтовъ художественной работы, которые знатоки приписываютъ Антингу или Сидо. Я умѣю безошибочно различить между ними силуэтъ прадѣда, Викентія Викентьевича, его жены, Анны Ивановны, и двухъ ихъ сыновей, Вильгельма и Степана Викентьевичей.

Трудно опредѣлить, когда сдѣланы эти силуэты, и дѣлались ли они одновременно, или заказывались при случаѣ. Степану Викентьевичу на его портретѣ можно дать лѣтъ пятнадцать; онъ родился въ 1776 г., слѣдовательно, силуэтъ его былъ исполненъ приблизительно въ 1791 г.; брату его, какъ это и должно быть, если силуэты дѣлались одновременно, можно дать лѣтъ двадцать пять. Но отецъ ихъ тогда едва-ли уже былъ въ живыхъ. Пожалуй, и по стилю можно сказать, что силуэты родителей вырѣзались не въ одно время съ силуэтами сыновей. Кому принадлежатъ другіе силуэты, мнѣ неизвѣстно. Очень вѣроятно, что это силуэты семейные, такъ какъ они бережно хранились у Анны Ивановны, а потомъ въ семействѣ Степана Викентьевича.

VI.

Возвращаюсь къ послѣднимъ ф.-Райзерамъ. Теперь уже никто не откликнется на это имя, и мнѣ не хочется еще разъ вспомнить о нихъ, вспомнить объ ихъ жизни въ Пятигорцахъ, объ ихъ дѣлахъ и о тѣхъ людяхъ, которые были къ нимъ болѣе или менѣе близки. Для меня это воспоминанія моей молодости, но они имѣютъ и нѣкоторый общій интересъ, какъ бытовыя картины далекаго и забытаго уже нами времени.

Дядя Алексѣй Степановичъ и тети вели довольно замкнутый образъ жизни. Дядя былъ весь погруженъ въ хозяйство, былъ занятъ винокурнею, конскимъ заводомъ, полевыми работами, иногда постройками, предпринимаемыми имъ для расширенія своего дома и украшенія усадьбы. Вообще онъ былъ образцовымъ хозяиномъ не только въ своихъ имѣніяхъ въ Пятигорцахъ и въ Поставмукахъ, но купилъ по порученію своего друга, Николая Вильгельмовича, часть большого имѣнія Скаржинскихъ, въ Кругликѣ близъ Лубенъ, и управлялъ этимъ имѣніемъ безвозмездно до смерти Николая Вильгельмовича и до пріѣзда въ Кругликъ его вдовы, малолѣтней дочери и тещи, Варвары Петровны Ладыгиной.

Тети усердно отдавались домоводству. Анна Степановна приняла на себя всѣ обязанности домоправительницы и исполняла ихъ съ несравненнымъ мастерствомъ. Въ ея распоряженіи былъ ученый поваръ, вышедшій изъ рукъ знаменитаго во всѣхъ окрестныхъ уѣздахъ, Паульсоновскаго повара. Сама она имѣла большія свѣдѣнія по огородничеству и по всѣмъ отраслямъ домашняго хозяйства, и столъ въ Пятигордцахъ славился на всю окрестность.

Марья Степановна была мастерицей въ рукодѣліяхъ. Подъ ея наблюденіемъ ткались ковры, ткались скатерти, салфетки и всякаго рода холсты. Подъ ея руководствомъ, дворовыя дѣвушки занимались шитьемъ и вышиваніемъ, очень нерѣдко по собственнымъ ея рисункамъ.

Помню длинные зимніе вечера, въ которые слышалось иногда пѣніе дворовыхъ дѣвушекъ, занимавшихся въ дѣвичьей комнатѣ.

Никогда не могъ я себѣ представить, какимъ Алексѣй Степановичъ былъ въ молодости. Слыхивалъ я намеками, случайно, что это былъ развязный, разбитной юноша, и такъ какъ

онъ былъ ловокъ, искусенъ во всѣхъ физическихъ упражненіяхъ, красивъ и высокъ ростомъ, то всегда бывалъ коноводомъ окружавшей его молодежи. Говорили, что въ юнкерской школѣ онъ превосходно учился и предназначенъ былъ къ выпуску въ колонновожатые; но какъ разъ во время экзаменовъ, случился какой-то юнкерскій дебошъ, какая-то исторія съ жидами, и его выпустили въ армію.

Проглядывали эти черты удальства и въ его зрѣломъ возрастѣ, но общій фонъ его характера былъ совсѣмъ другой. Какъ я уже говорилъ и раньше, онъ подкупалъ невозмутимой ровностью и пріятнымъ спокойствіемъ своего настроенія. Онъ любилъ и пошутить, и помечтать, и поговорить серьезно, но все это всегда въ такой мѣрѣ, которая оставляла собесѣдника въ пріятномъ удовлетвореніи.—Замѣтною особенностью характера Алексѣя Степановича была его самостоятельность. Никогда и ни у кого онъ не искалъ, ни съ кѣмъ не совѣтовался по своимъ дѣламъ, а всегда все дѣлалъ самъ не спѣша, безъ горячности, и обстоятельно взвѣсивъ всѣ условія и случайности предпринимаемаго дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ, у него вовсе не было наклонности давать кому-нибудь и свои непрошенные совѣты. Особенно же не любилъ онъ принимать на себя какое-либо обязательство, въ дѣлѣ помощи или поддержки чужимъ для него людямъ. Эта особенность давала иногда поводъ къ нареканіямъ и къ осужденію его характера. Говорили, что это человѣкъ черствый, эгоистъ, на котораго нельзя положиться даже близкимъ людямъ.

Никто, однако, не зналъ Алексѣя Степановича такъ близко, какъ я, и я могу съ чистымъ сердцемъ сказать, что въ этихъ разговорахъ было много преувеличенія. Правда, у него не было порыва стремиться въ что бы то ни стало на помощь ближнему, для этого онъ былъ слишкомъ практическій человѣкъ, и къ тому же онъ старательно сооружалъ и свое собственное благосостояніе. Была у него, разумѣется, и добрая доля эгоизма, но по существу онъ былъ человѣкъ благожелательный. На него нападали тѣ, кто неосновательно ожидалъ отъ него какихъ-нибудь благъ или завидовалъ его удачамъ въ дѣлахъ. Къ намъ, дѣтямъ своей сестры, онъ относился очень хорошо, онъ много помогалъ намъ своими средствами и въ нашемъ дѣтствѣ, въ годы нашего ученья, и потомъ во время нашей службы въ гвардейскомъ полку.

Не будучи нисколько расточительнымъ, скорѣе даже впадая въ бережливость, Алексѣй Степановичъ любилъ однако обставить себя съ комфортомъ. Я уже говорилъ раньше, что онъ богато отдѣлалъ свой домъ. Домъ этотъ былъ большой, слишкомъ просторный только для него и для сестеръ, и обставленъ онъ былъ заботливо и со вкусомъ. Рядомъ съ его кабинетомъ или угловой, была билліардная комната, въ которой онъ любилъ сыграть партію съ хорошимъ игрокомъ. Онъ любилъ хорошо принять даже случайнаго гостя, и послѣ тонкаго обѣда угостить его вмѣстѣ съ чашкою душистаго кофе удивительною рюмкою ликера, секретъ котораго принадлежалъ тетѣ Аннѣ Степановнѣ, и папироскою самаго высокаго турецкаго дюбека. Самъ Алексѣй Степановичъ курилъ не много, но курилъ только отборные сорты табаку. Раньше, до появленія папиросъ, онъ курилъ трубку изъ длиннаго чубука, и въ кабинетѣ его, какъ воспоминаніе, красовались двѣ высокія стойки съ длинными чубуками, черешневыми, чернаго дерева, и одѣтыми въ искусно вышитые гарусные чехлы, съ большими янтарными мундштуками.

Въ раннемъ моемъ дѣтствѣ я засталъ еще въ Пятигорскомъ обиходѣ пережитки стараго времени. Въ то время тутъ доживали еще свой вѣкъ прихлебатели моего дѣда. Припоминаю Павла Александровича Остенъ-Сакена, котораго при дѣдѣ называли Павинькой. Я говорилъ уже о немъ. Никогда не могъ я добиться, въ какомъ родствѣ онъ состоялъ съ моимъ дѣдомъ, но это былъ странный, убогій и непріятный человѣкъ. При дѣдѣ онъ игралъ роль шута, но теперь на него находили придадки самолюбія, хотя никто и не думалъ поднимать его на смѣхъ. Иногда смѣялись его глупостямъ, и эти глупости бывали иногда совсѣмъ изъ ряда вонъ. Иногда, въ веселую минуту, дядя, бывало, пошутитъ съ нимъ:

— „А ну-ка, Павинька, разскажи, какъ на тебя нападали разбойники"?

И начинается несуразный длинный разсказъ, съ какимъ-то акцентомъ, съ неумѣлымъ согласованіемъ словъ... „Ну довольно, Павинька, кончай свой супъ; послѣ доскажешь", говоритъ дядя, чтобы прекратить эту нескончаемую дребедень. При умственной немощи Павелъ Александровичъ былъ какъ-то и физически изуродованъ: онъ ходилъ не сгибая ногъ и странно подергивая плечами. У него была комната во флигелѣ, вся прокуренная сквернымъ табакомъ, и когда не было гостей, онъ появлялся въ домѣ къ обѣду и къ ужину. Мы, дѣти, его боялись,

а онъ насъ просто не любилъ, опасаясь, какъ-бы не подняли его на смѣхъ.

Былъ и еще субъектъ, котораго я, впрочемъ, едва припоминаю. Звали его Константинъ Устимовичъ; и былъ онъ не то конторщикомъ, не то писаремъ, но вѣрнѣе просто приживальщикомъ. Помню его особенно потому, что носилъ онъ голубой фракъ съ длинными, остроконечными старомодными фалдами. Видишь, бывало, на горѣ въ Грабинѣ мелькаетъ что-то голубое: ну, значитъ, Константинъ Устиновичъ гуляетъ. Бывало, старушка-няня, приподнимая меня двухлѣтняго ребенка къ картинѣ, на которой изображена была Брюлловская терраса съ гуляющими на ней кавалерами и дамами, непремѣнно показывала мнѣ кавалера въ голубомъ фракѣ и говорила:—„А вотъ это—Константинъ Устимовичъ". Въ домѣ этотъ субъектъ не показывался, гдѣ онъ жилъ и куда онъ потомъ дѣвался, я не знаю.

Появлялись иногда и другіе странствующіе неудачники: какой-то шутовской поэтъ Араповъ или Арапосъ; какой-то господинъ, приносившій съ собою фракъ и лакированныя туфли и потѣшавшій общество въ скучные деревенскіе вечера своими разсказами, декламаціями и танцами. Покормятъ, бывало, этихъ людей дня два, три во флигелѣ, наградятъ рублемъ или серебряной мелочью и отпустятъ на всѣ четыре стороны.

Любопытно было отношеніе моего отца къ этимъ приживальщикамъ. По принципамъ своимъ онъ не допускалъ насмѣшекъ или издѣвательства надъ такими людьми, а потому старался держаться съ ними съ замѣтною вѣжливостью и серьезностью. Онъ наблюдалъ также, чтобы и мы, дѣти, не позволяли себѣ съ ними ничего лишняго. Но у Павла Александровича рѣшительно не хватало мозга, чтобы понять такое обращеніе. Когда ему замѣтили, какъ хорошо относится къ нему Дмитрій Петровичъ, онъ испустилъ длинное хрипѣніе вмѣсто смѣха и пролепеталъ на своемъ жаргонѣ: „ну, что Дмитрій Петровичъ... онъ дѣлаетъ мнѣ такое лицо... я самъ умѣю такое лицо дѣлать". Послѣ этого Алексѣй Степановичъ говаривалъ ему иногда подъ веселую руку:—„А ну-ка, Павинька, сдѣлай такое лицо".

Отецъ мой былъ однако большой юмористъ въ душѣ и неожиданно для самого себя разражался иногда неудержимымъ смѣхомъ на его глупости. Это больше приходилось по душѣ Павлу Александровичу. Понемногу эта застарѣлая компанія приживальщиковъ вывелась было въ Пятигорцахъ. Это было

еще во времена моего ранняго дѣтства. Наступилъ довольно длинный періодъ времени, когда домъ моего дяди былъ свободенъ отъ всякихъ приживальщиковъ.

По воскреснымъ днямъ къ дядѣ собирались ближайшіе сосѣди, живущіе тутъ же въ Пятигорцахъ или въ ближайшихъ селахъ, Юсковцахъ и Михновцахъ. Это бывало обыкновенно въ лѣтніе мѣсяцы, когда можно было взять только шапку и палку и идти въ гости пѣшкомъ. Собирались обыкновенно днемъ, завтракали, иные оставались обѣдать и проводили цѣлый день. Изъ числа такихъ воскресныхъ посѣтителей назову прежде другихъ Григорія Ивановича Ивахненкова, довольно богатаго помѣщика и ближайшаго сосѣда тутъ же въ Пятигорцахъ. При жизни первой своей жены, тетки моей Настасіи Петровны, онъ часто бывалъ у Алексѣя Степановича со всею своею семьею. Двѣ старшія его дочери, Варя и Наташа, были моими сверстницами, и съ Варею, дѣвочкою очень умною, мы были очень дружны. Часто бывалъ тутъ михновскій помѣщикъ Андрей Прокофьевичъ Мисюра, страстный охотникъ, человѣкъ большого остроумія и близкій пріятель Алексѣя Степановича. Пріѣзжалъ изъ Юсковецъ Степанъ Ивановичъ Аѳанасьевъ, съ умной и бойкой Авдотьей Степановной. Приходилъ Николай Евстафьевичъ Ивахненковъ, старый отставной подпоручикъ еще того времени, когда пѣхотные офицеры не носили усовъ. Въ старомъ военномъ сюртукѣ, не всегда гладко выбритый, онъ представлялъ собою архаическую фигуру. Чаще, чѣмъ онъ, приходила къ моимъ тетямъ дочь его Марья Николаевна, немолодая уже, но милая дѣвушка, пользовавшаяся большимъ расположеніемъ моихъ тетей. Когда въ такое воскресенье случалось и наше семейство, то общество образовывалось большое. Велись веселые громкіе разговоры, поддерживать и оживлять которые былъ большой мастеръ мой отецъ. Случалось, что тетя Марья Степановна сыграетъ Соловья, Листа, или какую-нибудь другую изъ тогдашнихъ піесъ для фортепіано, и на нѣкоторое время водворитъ раздумье въ этомъ обществѣ... Устраивалась иногда и партія въ вистъ, обыкновенно по почину Григорія Ивановича и Андрея Прокофьевича, но Алексѣй Степановичъ не давалъ заигрываться въ карты. Послѣ обѣда всѣмъ обществомъ кто въ экипажахъ, кто пѣшкомъ отправлялись пить чай въ Матяшовку, чудесный тѣнистый лѣсокъ, въ которомъ стояла большая пасѣка. Съ вечерней прохладой воз-

вращались домой къ ужину. И такъ проходилъ лѣтній пятигорскій воскресный день.

Алексѣй Степановичъ любилъ охоту, и у него всегда были своры борзыхъ и гончихъ собакъ. Осенью онъ обыкновенно устраивалъ большую партію охоты въ обширныхъ арендуемыхъ имъ окрестныхъ лѣсахъ. Къ нему съѣзжалось въ это время довольно большое общество мѣстныхъ охотниковъ. Бывали тутъ и люди важные, понимавшіе охоту только какъ пикникъ; бывали и завзятые охотники, больше изъ мелкопомѣстныхъ. Это были люди разудалые, болтливые и считавшіе дѣломъ одну только охоту; они одни только что-нибудь въ ней понимали, и они одни только видали виды. Чего только бывало отъ нихъ не наслушаешься. Серьезно разсказывали напримѣръ: что кто-то изъ нихъ же проѣхалъ чуть не съ полверсты верхомъ на волкѣ, поднятомъ изъ чащи гончими...

Слушая такіе разговоры, Алексѣй Степановичъ обращался къ своему доѣзжачему:—„Ты однако, Ѳома, присматривай за такимъ-то, чтобы онъ опять безъ толку не болтался подъ выстрѣлами“...

Пріѣзжалъ иногда къ такимъ собраніямъ и Аѳанасьевъ-Чужбинскій, вышедшій уже въ отставку и имѣвшій литературное имя. Онъ жилъ въ то время въ Кіевѣ. Припоминаю, что въ дни охоты онъ одѣвался въ черкескій бешметъ съ патронташами и имѣлъ на головѣ папаху. Количество убитыхъ въ такіе дни волковъ, лисицъ и зайцевъ было совершенно баснословно для теперешняго времени.

Въ холодныя зимнія лунныя ночи, пятигорскіе охотники, а тамъ ихъ было немало изъ мелкопомѣстныхъ и изъ крестьянъ, устраивали, съ разрѣшенія дяди, засаду на волковъ, пробиравшихся ночью и изъ лѣсныхъ овраговъ по полянамъ въ деревню. Собирались для этого на горѣ, въ пустомъ овинѣ, и просиживали большую часть ночи. Такія засады въ дѣтствѣ всегда приводили мнѣ на память очень образное шведское стихотвореніе, переведенное, если не ошибаюсь я, Гротомъ:

По небу блѣдный мѣсяцъ плылъ,
Голодный волкъ въ ущельѣ вылъ,
Въ селѣ далекомъ лаялъ песъ...

Я принималъ однажды участіе въ засадѣ, и картина была именно такая. Но въ ней было что-то больше располагающее къ туманной мечтѣ, чѣмъ къ спорту.

Бывали иногда въ Пятигорцахъ и большіе пріемы, особенно

когда Алексѣй Степановичъ былъ предводителемъ дворянства. Въ маѣ онъ праздновалъ свои именины. Они приходились собственно къ 17 марта, но такъ какъ въ это время начиналось уже весеннее бездорожье, разливался Слѣпородъ, на которомъ лежатъ Пятигорцы и нанизаны почти безъ перерыва другія деревни и села, то онъ перенесъ празднованіе своихъ именинъ на 1-е мая, лучшій день въ году, по его выраженію, день соловьевъ и розъ.

Приглашеній на этотъ день не бывало. Но его помнили не въ одномъ Лубенскомъ уѣздѣ, и общество съѣзжалось большое. Пріѣзжали и уѣздный судья Квитко, и окружной начальникъ Коруновскій, и уѣздный исправникъ Кулябко, человѣкъ такой необъятной толщины, что ему надо было ставить за обѣденнымъ столомъ два стула. Бывалъ тутъ и членъ Лубенскаго депутатскаго собранія, ближайшій сотрудникъ предводителя, Степанъ Степановичъ Ограновичъ. И непремѣннымъ гостемъ былъ Андрей Прокофьевичъ съ его тонкою и нѣсколько ехидною улыбкою.

Появлялись и такіе люди, которые по домосѣдству своему годами не бывали въ Пятигорцахъ и вдругъ вспоминали о днѣ 1-го мая. Такъ, пріѣзжаетъ, бывало, Степанъ Григорьевичъ Кирьяковъ, когда-то хорошій пріятель дяди, но много лѣтъ не выѣзжавшій уже изъ своихъ Гонцовъ.

— „Вижу такое чудное весеннее утро; вспомнилъ, что сегодня 1-е мая, и такъ захотѣлось побывать въ Пятигорцахъ“...

Объятія, поцѣлуи, и замѣчательно, что много лѣтъ не видѣлись люди, а встрѣтились, какъ будто видѣлись только вчера; и говорятъ они между собою такъ, какъ будто всѣ вопросы ими уже рѣшены и какъ будто они только двое знаютъ что-то такое, чего другіе еще не знаютъ.

Сюрпризомъ пріѣзжалъ иногда и другой, не менѣе интересный человѣкъ—Василій Ивановичъ Паульсонъ.

VII.

Произнося эти два имени, я удивляюсь нестойкости человѣческой памяти. Въ свое время это были люди извѣстные во всѣхъ окрестныхъ уѣздахъ, люди популярные не потому только, что они были очень богаты, но и по нѣкоторымъ ихъ особенностямъ, выдѣлившимъ ихъ изъ общаго уровня. Теперь уже никто не знаетъ, что они жили на свѣтѣ.

У Степана Григорьевича есть по крайней мѣрѣ потомство по мужской и женской линіи. У Василія Ивановича никого не осталось, и съ нимъ кончилось все то, что когда-то дѣлало его общимъ любимцемъ и заставляло такъ много говорить о немъ.

Степана Григорьевича Кирьякова я мало помню; въ моемъ дѣтствѣ я видѣлъ его въ Пятигорцахъ, и разъ или два во время его пріѣздовъ къ намъ въ Кременчугскій уѣздъ по сосѣдству съ нами въ село Броварки, гдѣ жила его матушка Наталія Сергѣевна, урожденная Плетнева. Эта умная, образованная старушка была очень расположена къ нашему семейству и любила вспоминать съ моимъ отцомъ о старомъ времени, когда дѣвицы ходили въ короткихъ платьяхъ, когда носили короткія таліи, имѣли въ рукахъ ридикюли и когда танцовали экоссесы и гроссъ-фатеры.

Родной братъ Наталіи Сергѣевны отставной морякъ и кіевскій помѣщикъ, Адріанъ Сергѣевичъ Плетневъ былъ женатъ на дочери Петра Даниловича Бутовскаго, двоюроднаго брата моего дѣда. Пріѣзжая временами къ сестрѣ и къ тестю, онъ тоже очень охотно бывалъ у насъ и проводилъ иногда цѣлые дни въ бесѣдахъ съ моимъ отцомъ.

Позднѣе я не встрѣчался со Степаномъ Григорьевичемъ, однако я много о немъ слышалъ. Не знаю, сколько правды въ этихъ разсказахъ, но думаю, что кто-нибудь изъ его потомковъ сдѣлалъ бы хорошее дѣло, записавъ все то, что въ нихъ было правдиваго.

Онъ былъ офицеромъ генеральнаго штаба, рано вышелъ въ отставку, женился и взялъ за женою очень большое состояніе.

Въ первые годы супружества молодая чета предприняла большое путешествіе за границу. Въ то время не было еще ни желѣзныхъ дорогъ, ни пароходовъ; ѣхали въ огромномъ дормезѣ съ цѣлымъ штатомъ крѣпостной прислуги. Степанъ Григорьевичъ съ большимъ остроуміемъ разсказывалъ потомъ объ этомъ путешествіи. Я слышалъ эти разсказы въ художественной передачѣ одного изъ его родственниковъ.

Вернувшись домой, Степанъ Григорьевичъ предоставилъ своей женѣ Прасковіи Ивановнѣ, умной и властной женщинѣ, управленіе всѣми хозяйственными дѣлами, а самъ замкнулся въ идейную сторону жизни, или, вѣрнѣе сказать, въ тотъ міръ непродуманныхъ мыслей и фантазій, которыми живутъ иногда способные и хорошо обезпеченные люди.

Разсказывали о его большой эрудиціи, о его остроуміи и

чудачествахъ, о его библіотекѣ, наполненной учеными книгами, о рѣзномъ деревянномъ потолкѣ, устроенномъ имъ у себя въ домѣ въ Гонцахъ, по образцу какого-то классическаго рѣзного итальянскаго потолка, въ палаццо Дожей или гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ; удивлялись его изъ ряда выходящей музыкальности и его чудной игрѣ на фортепіяно. Разсказывали мнѣ, что когда-то въ Полтаву пріѣхалъ концертировать какой-то піанистъ, кажется Шульгофъ, и, услышавъ, какъ Кирьяковъ играетъ тѣ самыя вещи, которыя онъ исполнялъ въ концертѣ, сказалъ, что если бъ онъ зналъ, что въ числѣ слушателей есть такой исполнитель его піесъ, онъ не сталъ бы ихъ играть передъ публикой. Разсказывали и многое другое, и разсказывали обыкновенно такъ, какъ будто-бы было еще что-то такое недосказанное и очень интересное.

Если было хоть до нѣкоторой степени вѣрно то, что о немъ говорили, то, разумѣется, Степанъ Григорьевичъ былъ явленіемъ выдающимся среди тогдашняго деревенскаго дворянства. Однако этотъ пріятный, даровитый и остроумный человѣкъ прожилъ свою жизнь какъ пустоцвѣтъ, не осуществивъ ни одной изъ своихъ фантазій и не выразивъ опредѣленно ни одной изъ своихъ мыслей. Онъ рано опустилъ руки, впалъ въ равнодушіе и при жизни еще обратился въ прошедшее, о которомъ можно было вспоминать, но котораго уже не было.

Одно время я былъ близокъ съ его двумя сыновьми. Это были прекрасные, пріятные и довольно образованные люди. Благодаря своей матери, они получили большое состояніе. Отъ отца они унаслѣдовали его идейность и его бездѣятельность. Они благоговѣйно чтили его память, но ни тотъ, ни другой не съумѣли сберечь полученнаго состоянія.

Объ одномъ изъ нихъ близкій къ нему человѣкъ разсказывалъ мнѣ такой анекдотъ:—Что это у тебя, Ваня, спрашиваю я его, стоитъ тамъ на столикѣ?—А „это ступка для толченія алмазовъ.—И ты толчешь?—Толку.—Зачѣмъ же это?—Ахъ, нужно, очень нужно: насъ вѣдь такъ плохо учили. Я никогда и представить себѣ не могъ, что алмазъ разсыпается въ такую тонкую пыль".

И вотъ этотъ Ваня за восемь лѣтъ своей супружеской жизни, не будучи ни игрокомъ, ни кутилой, ни пьяницей, прожилъ огромное состояніе. Къ счастью, у него не осталось наслѣдниковъ.

Помню я гораздо больше Василія Ивановича Паульсона. Это былъ очень богатый помѣщикъ Лохвицкаго уѣзда. Имѣніе его Городище лежало на берегу Удая, въ очень живописной мѣстности, въ 7-ми верстахъ отъ Поставмукъ. Городище одно изъ очень древнихъ малороссійскихъ селъ. Въ началѣ XVII вѣка оно было резиденціей короннаго украинскаго гетмана, Іереміи Вишневецкаго. На горѣ, на верху, въ усадьбѣ Василія Ивановича, сохранились даже развалины замка этого гетмана. Онѣ были потомъ ремонтированы, надстроены и обращены въ помѣщеніе крѣпостного музыкантскаго хора. Какъ и когда основались въ Городищѣ Паульсоны, я достовѣрно не знаю. Говорили мнѣ когда-то, что отецъ Василія Ивановича, какой-то большой дѣлецъ и, кажется, служившій въ свое время въ таможнѣ, купилъ Городище у разорившагося владѣльца.

Такъ ли это было—не знаю, но Василій Ивановичъ жилъ въ Городищѣ, какъ родовитый баринъ.

Дядя и тети, бывая въ Поставмукахъ, ѣздили къ нему, и я, еще ребенкомъ, помню его жену, красивую и стройную даму, Софію Антоновну. Проживъ нѣсколько лѣтъ въ Городищѣ, она покинула мужа и долгое время была директриссой Одесскаго женскаго института.

Василій Ивановичъ остался одинъ со своею матерью, дамою очень пожилою и подъ конецъ жизни впавшею въ слабоуміе. Каждый годъ на Рождество и на масляницу, у Паульсона были большіе съѣзды. Съѣзжались дворяне всѣхъ сосѣднихъ уѣздовъ, и по нѣсколько дней съ своими семействами живали въ Городищѣ. Къ новому году собирались наканунѣ и разъѣзжались только пятаго января, утромъ. На масляницу пріѣзжали въ среду вечеромъ и жили до перваго дня великаго поста. Иные уѣзжали, только отслушавъ первую великопостную службу.

Въ годы моей службы въ Полтавѣ мы съ Колей Кореневымъ всѣми силами нашей души стремились на эти паульсоновскіе балы. Мы бывали на нихъ всякій разъ, какъ только позволяла наша служба. На масляницу урывались хоть на два, даже на одинъ день... Мы пережили много веселыхъ часовъ на этихъ съѣздахъ.

Пріѣзжалъ и Саша Кореневъ изъ Бѣлгорода, гдѣ онъ служилъ въ Каргопольскомъ драгунскомъ полку. За эти годы мы встрѣчали у Паульсона семейства Милорадовичей, Тернавскихъ, Высоцкихъ, Исаевичей, Савицкихъ, Немировскихъ, Гамалѣевъ, Трипановскихъ, Славутинскихъ... Непремѣнно бывали Кореневы съ Анютой и дядя Алексѣй Степановичъ. Раньше бывали на

этихъ балахъ и мои тети, но въ это время онѣ ограничивались, когда имъ случалось быть въ Поставмукахъ, только краткими посѣщеніями старухи Паульсонъ. Нѣсколько разъ за это время пріѣзжалъ въ Городище Александръ Степановичъ Аѳанасьевъ-Чужбинскій. Онъ былъ въ эти годы командированъ на югъ по распоряженію Вел. Кн. Константина Николаевича для описанія Днѣпра, также какъ былъ командированъ Максимовъ на сѣверъ, какъ были командированы Гончаровъ на фрегатѣ „Паллада", Григоровичъ на кораблѣ „Ретвизанъ"... Это было время новыхъ вѣяній, и понятно, что такого человѣка, какъ Аѳанасьевъ-Чужбинскій, встрѣчали съ всеобщимъ интересомъ и удовольствіемъ.

Надо было удивляться, какъ это въ одноэтажномъ паульсоновскомъ домѣ находилось помѣщеніе для всего этого общества, но помѣщеніе находилось. Къ дому были пристроены просторные флигеля. Въ лѣвомъ располагалось женское общество, въ правомъ помѣщались мужчины. Эти мужскія помѣщенія были не обширны, но въ нихъ можно было удобно расположиться, они нѣсколько походили на гостиничные номера.

У дамъ все было много шире и была спеціальная гостиная, въ которую допускался въ пріемные часы и мужской элементъ.

Время распредѣлялось обыкновенно такъ: въ день пріѣзда музыкальный вечеръ. Превосходный оркестръ исполнялъ большія вещи: попури, транскрипціи, сольныя вещи, иногда симфоніи великихъ классиковъ. Во всѣ слѣдующіе дни утренній чай и кофе разносились по номерамъ. Къ часу все общество въ дневныхъ туалетахъ собиралось къ завтраку а-ля-фуршетъ. Между завтракомъ и обѣдомъ время полной свободы. Кто хотѣлъ, оставался въ парадныхъ покояхъ. Солидные господа засаживались въ преферансъ или ералашъ. Въ хорошій зимній день выходили гулять въ огромный садъ и любоваться безконечными перспективами по Удаю и его берегамъ. Молодежь составляла свои кружки; играли на фортепіано, пѣли, болтали... Иногда дамы устраивали пріемъ у себя въ помѣщеніи, и на такихъ пріемахъ милая Настасья Вильгельмовна всегда являлась общепризнанной руководительницей. Въ 6 часовъ обѣдъ, какіе умѣлъ задавать только Василій Ивановичъ. Это были веселые обѣды. Собравшіеся съ разныхъ концовъ солидные люди, обмѣнивались веселыми и ласковыми словами, чокались стаканами добраго стараго вина и охотно лобызались другъ съ другомъ въ знакъ взаимнаго расположенія. Люди помоложе занимали дамъ, а сколько тутъ было благодушія, остроумія, кокетства, а и иногда и серьезно зарождающагося чувства. Послѣ обѣда дамы

удалялись для вечерняго туалета; мужчины постарше уходили отдохнуть... Въ девять часовъ начинался балъ и длился часовъ до двухъ, съ перерывами для ужина въ 12 часовъ. И все это каждый день, пока живутъ гости.

Эти паульсоновскіе балы имѣли свое большое значеніе въ жизни тогдашняго дворянства. Тутъ сходились люди, которые безъ этого, можетъ быть, никогда бы не встрѣтились. Тутъ они обмѣнивались своими общественными и сельско-хозяйственными интересами, и весьма понятно, что имъ пріятно было еще и еще разъ встрѣтиться на этихъ балахъ. Знакомства пріобрѣтали тутъ тѣмъ болѣе пріятный и тѣсный характеръ, что они составлялись не при обычной будничной обстановкѣ... Люди пріѣзжали сюда, что бы отдохнуть отъ этой будничной обстановки, чтобы, благодаря радушному хозяину, провести нѣсколько праздничныхъ дней въ большомъ и пріятномъ обществѣ. И понятно, что ожиданіе паульсоновскаго бала, заранѣе приводило уже въ хорошее настроеніе всѣхъ членовъ семьи.

Были семьи, въ которыхъ многія памятныя событія были связаны съ паульсоновскими балами. Разсказывали, напримѣръ, объ извѣстной въ свое время красавицѣ, Маѳѣ Павловнѣ С., что ей было сдѣлано предложеніе ея первымъ мужемъ на балу у Паульсона, и что она вѣнчалась даже въ Городищѣ, выѣхавъ въ церковь изъ паульсоновскаго дома. Годъ спустя она разрѣшилась своимъ первенцомъ тоже на балу у Паульсона. Прошло восемнадцать лѣтъ, и на такомъ же балу было сдѣлано предложеніе ея дочери Маріи Алексѣевнѣ; а года два спустя, опять таки на балу у Паульсона, Маѳа Павловна дала свое согласіе на вступленіе во второй бракъ съ человѣкомъ, давно уже питавшимъ къ ней платоническую привязанность.

Былъ ли Василій Ивановичъ гостепріименъ по своему характеру, скучалъ ли онъ, хотѣлось ли ему почета и извѣстности—трудно сказать. Было, вѣроятно, и то, и другое, и третье; но это былъ, во всякомъ случаѣ, очень своеобразный и интересный человѣкъ. Росту онъ былъ немного ниже средняго и былъ не то толстъ, а какъ-то мягокъ. Все его гладко выбритое лицо было мягкое, съ нѣсколько отвислыми щеками и небольшимъ, но мясистымъ носомъ. Платье онъ носилъ широкое и тоже мягкое; даже сапоги у него были всегда мягкіе, безъ каблуковъ. Говорилъ онъ тонкимъ голосомъ, нѣсколько пришлепывая губами, и очень любилъ цѣловаться. Поговоритъ, поговоритъ, обниметъ за талію и поцѣлуетъ. Дядя Алексѣй Степановичъ говорилъ, бывало, что когда цѣлуешь Паульсона, то

это похоже, какъ будто прикладываешь губы къ мягкому, сдобному папушнику. Во время обѣда на почетное мѣсто сажали матушку Василія Ивановича; самъ онъ не садился за столъ, а ходилъ кругомъ и разговаривалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ, иногда присаживался къ кому-нибудь, и въ рукахъ у него все время была трубка съ длинномъ чубукомъ и съ большимъ янтаремъ. Когда докуривалась трубка, онъ ни къ кому не обращался, никого не звалъ, а просто протягивалъ въ сторону руку съ трубкой, и какой-то человѣкъ принималъ у него эту трубку и тутъ же вкладывалъ ему въ руку другую, которую Василій Ивановичъ тутъ же и начиналъ посасывать.

Василій Ивановичъ былъ изыскано любезенъ со своими гостями. Каждому изъ нихъ онъ хотѣлъ и умѣлъ сказать пріятное слово. Но въ разговорахъ его не было ничего, что бы заставляло думать о его глубокомъ внутреннемъ содержаніи. Такъ и считалось, что это простой, добрый баринъ, помѣщикъ, какъ и всѣ и только побогаче. Однако, иногда въ разговорахъ Василія Ивановича промелькнетъ такая мысль, такая фраза, такое слово, что наблюдательному человѣку вдругъ приходитъ на мысль: да вѣдь мы не знаемъ Василія Ивановича... И тогда только начинаешь соображать, что, повеселившись съ гостями два раза въ годъ, Василій Ивановичъ на долгіе мѣсяцы остается совершенно одинъ, никуда не ѣздитъ и никто у него не бываетъ.

Что онъ дѣлаетъ въ это время, едва ли кто задавалъ себѣ вопросъ... А между тѣмъ въ его кабинетѣ на длинномъ столѣ лежитъ много аккуратно прибранныхъ, его камердинеромъ русскихъ и иностранныхъ журналовъ, много новыхъ русскихъ, французскихъ, англійскихъ книгъ, которыя по ихъ внѣшности, очевидно, не только читались, но даже штудировались.

Да, у него была своя святая святыхъ, въ которую онъ неохотно допускалъ непосвященныхъ.

Василій Ивановичъ былъ кромѣ того и большой знатокъ музыки. Не было у него ничего дилеттанскаго, столь обычнаго у насъ въ то время, когда еще не было консерваторій; онъ былъ музыкантъ въ самомъ серьезномъ значеніи этого слова. Онъ самъ создалъ свой превосходный оркестръ. Бывали у него сначала наемные капельмейстеры, итальянцы или нѣмцы, но потомъ онъ отказался отъ нихъ и взялъ оркестръ въ свои руки. Талантливаго скрипача солиста Данила онъ воспиталъ для капельмейстерской должности; большія вещи онъ разучивалъ съ оркестромъ самъ. Изъ числа чудесныхъ солистовъ помню еще Зиновія, настоящаго художника на віолончели.

Дядя, Алексѣй Степановичъ, критически относился къ Паульсону, какъ и къ Кирьякову. Онъ считалъ ихъ людьми непрактичными. Потомъ они много теряли въ его глазахъ, какъ люди физически немощные, малосильные и избалованные. Но Паульсона онъ любилъ и всегда охотно и радостно встрѣчался съ нимъ, не только на его балахъ, но и во всякое другое время. Паульсонъ тоже очень любилъ дядю и относился къ нему иначе, чѣмъ къ другимъ своимъ многочисленнымъ знакомымъ. Я часто задавалъ себѣ вопросъ, что могло привлекать этихъ двухъ столь различныхъ людей другъ къ другу. Теперь мнѣ ясно: оба они были эстетики. У Алексѣя Степановича это было врожденное, не воспитанное чувство, но онъ, конечно, больше всѣхъ другихъ могъ откликаться на художественныя фантазіи Паульсона, и мнѣ приходилось слышать не разъ, какъ Василій Ивановичъ съ жаромъ излагалъ дядѣ свои планы, и какъ Алексѣй Степановичъ осторожно вносилъ свои практическія соображенія въ эти планы, а иногда и просто расхолаживалъ увлекающагося эстетика.

Пульсонъ и Кирьяковъ были хорошо знакомы другъ съ другомъ. Гонцы были всего въ нѣсколькихъ верстахъ, за Удаемъ, отъ Городища. Намекали, что между ними была какая-то связь по масонскимъ дѣламъ, и что будто бы, когда къ Кирьякову пріѣхалъ какой-то таинственный человѣкъ изъ Петербурга, то сейчасъ же посылался нарочный за Паульсономъ. Но это, кажется, плодъ фантазіи. Едва-ли они часто видѣлись. Показной дилеттантизмъ одного не ладился съ совершенной непосредственностью другого. Во всякомъ случаѣ, за мою память, никто изъ Кирьяковыхъ не бывалъ на балахъ у Паульсона.

Я говорилъ уже, что паульсоновскіе балы вносили въ жизнь тогдашнихъ людей извѣстный подъемъ, давали пищу мечтамъ. Мечталъ и мой дядя, человѣкъ уже тогда на шестомъ десяткѣ жизни.—„Что за прелесть, эта Анна Андреевна. Вотъ бы тебѣ на ней жениться“,—говорилъ онъ мнѣ.—„А знаешь, если бъ только ты вздумалъ жениться, и я бы сейчасъ же сдѣлалъ предложеніе“.

„Юлія Семеновна довно уже мнѣ нравится; она уже не самой первой молодости, и я увѣренъ, что отецъ ея былъ бы счастливъ выдать ее за солиднаго человѣка... Вотъ зажили бы мы славно двумя семьями въ Пятигорцахъ“.

Тети сидѣли и молчали. Онѣ думали:—„Какъ мы тебя упрашивали, послѣ смерти твоей первой жены, чтобы ты вторично женился и отдался мирной, спокойной и почетной семейной жизни... Этого въ свое время не случилось... Теперь уже поздно“.

Паульсонъ не выдержалъ. Пріемы его разорили. Постепенно онъ перешелъ на содержаніе къ своему управляющему, который послѣ его смерти купилъ съ торговъ его имѣніе. Оно было, кажется, еще разъ продано и теперь оно принадлежитъ Горвицу.

Какъ-то позднѣе пріѣхавъ въ отпускъ, я слышалъ отъ дяди такой разсказъ:—„Ты вѣдь знаешь, что разъ въ годъ Паульсонъ принималъ поѣздку, чтобы побывать у всѣхъ знакомыхъ, собирающихся къ нему на балы. Онъ выбиралъ для этого, обыкновенно, самое глухое, осеннее время, когда никто не выѣзжаетъ со двора, и когда, слѣдовательно, всѣхъ можно застать дома. Выѣзжалъ онъ надолго въ каретѣ шестеркой лошадей, бралъ съ собою книгу, закрывалъ всѣ стекла и отдавалъ себя въ распоряженіе кучера, форейтора и лакея: „Вези, какъ знаешь!“ такой ужъ былъ у него характеръ во всѣхъ дѣлахъ... И вотъ въ одинъ изъ такихъ глухихъ ноябрьскихъ дней пріѣхалъ онъ ко мнѣ; пробылъ цѣлый день, много мы съ нимъ говорили, какъ всегда, но я замѣтилъ въ немъ что-то особенное, какъ будто бы какую забывчивость, растерянность... Какъ всегда, онъ оставался у меня ночевать, ему приготовили комнату рядомъ съ бильярдной и, когда всѣ разошлись, мнѣ пришло на мысль заглянуть къ нему, чтобы еще перекинуться словомъ передъ сномъ. Вхожу, и что же. Сидитъ онъ въ креслѣ, а передъ нимъ на столѣ его погребецъ; изъ погребца вынутъ большой хрустальный графинъ водки, а передъ графиномъ стоитъ полный стаканчикъ... Онъ нѣсколько смутился.—„Васъ это удивляетъ, мой дорогой другъ“,—говоритъ онъ заплетающимся голосомъ,—„да это—паденіе... я не могу теперь заснуть безъ этого“... А по лицу его катятся слезы.

VIII.

Воспоминанія о Паульсонѣ заставили меня много уклониться въ сторону. Возвращаюсь въ Пятигорцы къ дядѣ и тетямъ.

Приходитъ мнѣ на память случай, самъ по себѣ незначительный, но послужившій какъ-бы прологомъ большихъ событій, оказавшихъ вліяніе на строй Пятигорской жизни.

Это было въ концѣ 1857 г. Сидимъ мы по обыкновенію передъ ужиномъ въ дядиномъ кабинетѣ: онъ, тети и я. Въ кабинетѣ темно, свѣтъ доходитъ только изъ столовой, черезъ комнату. Я говорилъ уже, что въ Пятигорцахъ любили сидѣть въ сумеркахъ въ полутемнотѣ. Такъ казалось уютнѣе, и разговоры пріобрѣтали какъ-будто болѣе задушевный характеръ. На дворѣ морозъ и мятель. На окнахъ видны полосы снѣга, набивающіяся надъ переплетами. Въ домѣ и на дворѣ тихо. Изрѣдка слышны только порывы вьюги. Вдругъ, дядя прислушивается своимъ чуткимъ ухомъ и говоритъ:—„А вѣдь я слышу колокольчикъ".—Всѣ мы начинаемъ прислушиваться.—„Это еще на горѣ", говоритъ дядя.—„А вотъ теперь спустился, ѣдетъ мимо усадьбы Григорія Ивановича..."—Слышимъ теперь колокольчикъ и всѣ мы, и такъ какъ онъ миновалъ усадьбу Ивахненкова, то не остается сомнѣнія, что кто-то ѣдетъ къ намъ.

Дѣйствительно, колокольчикъ умолкаетъ у нашихъ воротъ и, судя по лошадиному топоту, подъѣхалъ какой-то грузный экипажъ.—„Кто бы это могъ быть", догадывается дядя,—„въ такую ночь, конечно, всякій выѣдетъ съ колокольчикомъ; и ужъ если выѣхалъ, то, вѣроятно, по экстренному дѣлу".

Отперли ворота, колокольчикъ зазвенѣлъ по двору, Ѳома выбѣжалъ встрѣчать пріѣзжихъ, и минуту спустя входитъ и таинственно докладываетъ чуть не на ухо дядѣ:—„Господинъ Познанскій".—„Проси",—говоритъ дядя, никогда и ничему не удивляющійся очень наглядно.

Фамилія Познанскаго была извѣстна въ губерніи. Онъ былъ значительное лицо въ Полтавѣ, былъ отставной кавалеристъ, носилъ большіе усы, служилъ раньше чуть-ли не по коннозаводству, и въ данное время былъ, кажется, членомъ губернскаго депутатскаго собранія. Но какое дѣло могло его привести въ Пятигорцы, да еще въ такую ночь?

Входитъ Познанскій. Ѳома зажигаетъ свѣчи, дядя знакомитъ его со своими сестрами, представляетъ ему и меня, и завязывается общая бесѣда, разумѣется, прежде всего о такой мятели, о дурныхъ дорогахъ изъ Лубенъ въ Пятигорцы, объ опасныхъ косогорахъ, о томъ, что тутъ легко сбиться съ дороги, потомъ пересчитали общихъ знакомыхъ въ Полтавѣ, и послѣ нѣкоторой заминки, Познанскій говоритъ:—„я думалъ быть у васъ гораздо раньше и сегодня же выѣхать въ Лохвицкій уѣздъ,

Степану Степановичу Высоцкому. Мнѣ нельзя терять времени, а потому прошу позволенія выѣхать завтра, какъ можно раньше, а сегодня удѣлить мнѣ часъ, другой для очень серьезнаго дѣла, которое я имѣю передать вамъ по порученію нашего губернскаго предводителя дворянства, князя Льва Викторовича Кочубея".

Дядя предлагаетъ ему сначала съ дороги отогрѣться, поужинать, а потомъ предоставляетъ себя въ его распоряженіе хоть на цѣлую ночь.

Такъ и сдѣлали. На другой день утромъ, когда мы вышли къ общему кофе, Познанскаго уже не было. Дядя пришелъ серьезный и какъ бы задумчивый. Когда кончили кофе, онъ позвалъ всѣхъ насъ къ себѣ въ кабинетъ, тщательно закрылъ всѣ двери и началъ вполголоса:—„Вамъ, конечно, интересно знать, зачѣмъ ко мнѣ пріѣзжалъ Познанскій. Дѣло чрезвычайной важности и дѣло чрезвычайно секретное, такое секретное, что о немъ не должно быть сказано ни слова, пока оно не будетъ объявлено во всеобщее свѣдѣніе высшей властью. Вопросъ идетъ объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. Губернскій предводитель сообщаетъ всѣмъ намъ, уѣзднымъ предводителямъ, черезъ Познанскаго, что Государь твердо рѣшилъ принять безотлагательныя мѣры для освобожденія крестьянъ. Свѣдѣнія эти дошли до Кочубея частнымъ образомъ, и онъ поручилъ Познанскому, какъ человѣку, умѣющему говорить, потолковать обстоятельно объ этомъ съ нами и поразвѣдать у насъ, не отзовется ли дворянство Полтавской губерніи самостоятельно на эту мѣру и не будетъ ли оно склонно повергнуть на Высочайшее благовоззрѣніе свою полную готовность къ освобожденію крестьянъ, не ожидая имѣющихъ быть впослѣдствіи распоряженій.

— „Для этого—продолжалъ дядя, безотлагательно во всѣхъ уѣздахъ будутъ собраны дворянскіе съѣзды. Дворяне, конечно, съ готовностью подпишутъ всеподданнѣйшее прошеніе, но что изъ этого выйдетъ, какъ это дѣло пойдетъ дальше, я пока рѣшительно недоумѣваю"...

Много потомъ гадалъ дядя, а иногда привлекалъ и меня къ этимъ гаданьямъ, какимъ способомъ можно было бы освободить крестьянъ такъ, чтобы дѣло обошлось совсѣмъ спокойно. Онъ опасался распространенія слуховъ, будто дворянство противится освобожденію крестьянъ.

Въ то время всѣ помѣщики были какъ-бы выбиты изъ колеи и находились въ возбужденномъ состояніи. Смѣшно бывало

иной разъ видѣть, какъ вашъ собесѣдникъ очень солидный господинъ, спѣшилъ притворять двери, какъ только разговоръ заходилъ объ эмансипаціи. Мнѣ, молодому человѣку, не давали и заикнуться объ этомъ дѣлѣ. Бывало, только начнешь, сейчасъ раздается „тсс...“ и притворяются всѣ двери.

Но черезъ полгода были уже образованы губернскіе комитеты по крестьянскимъ дѣламъ. Мой отецъ и дядя Алексѣй Степановичъ вошли въ составъ Полтавскаго комитета. Оба они много и усердно работали. Отецъ мой написалъ проектъ положенія объ устройствѣ быта освобожденныхъ крестьянъ и первый произнесъ слово „мировой посредникъ“, указавъ на важное значеніе именно такого посредствующаго элемента, какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ.

За эту работу онъ получилъ письменную благодарность отъ Ростовцова. Дядя тоже работалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ постояннымъ посѣтителемъ всѣхъ собраній, баловъ, концертовъ и спектаклей, какъ я уже говорилъ, во множествѣ устраивавшихся тогда по случаю дворянскаго съѣзда. У него было даже нѣчто въ родѣ романа, стоившаго ему пары превосходныхъ упряжныхъ лошадей своего завода. Подарокъ былъ сдѣланъ во время катанья, въ нѣжномъ увлеченіи; но принятъ онъ былъ, надо правду сказать, очень просто: какъ будто иначе этого и быть не могло.

По возвращеніи изъ Полтавы, въ кабинетѣ у дяди появился портретъ очень красивой, но нѣсколько полной дамы. Въ кругу интимныхъ собесѣдниковъ онъ любилъ иногда припомнить, что это была за прелесть, эта Настасія Петровна; но о подаркѣ онъ не любилъ вспоминать.

Знаменательный день 19-го февраля 1861 года не отразился какими-либо замѣтными послѣдствіями на жизнь въ Пятигорцахъ. Алексѣй Степановичъ вернулся изъ Полтавы съ нѣкоторыми новыми запросами для своей домашней жизни. Онъ оклеилъ комнаты новыми обоями, появились новыя канделябры, новые сервизы и стала готовиться новая модная мебель бывшими крѣпостными, но искусными столярами изъ Поставмукъ и Городища, по образцамъ, одобреннымъ Паульсономъ и другими знатоками. Правду сказать, мнѣ было жалко прежней старой мебели краснаго дерева, можетъ быть неудобной, но солидной, серьезной и всегда импонировавшей мнѣ въ моемъ дѣтствѣ. Но требованія моды были, разумѣется, сильнѣе всякихъ личныхъ желаній.

Вообще наступила какъ бы кульминаціонная точка въ барствѣ Алексѣя Степановича. Обѣды и ужины сервировались параднѣе. Камердинеръ Ѳома сталъ появляться въ зеленомъ полу-фракѣ со свѣтлыми пуговицами; лакей Степанъ подавалъ въ перчаткахъ даже и за домашнимъ столомъ. Послѣ обѣда вмѣсто турецкаго дюбека закуривался иногда тонкій упманъ.

Но какъ это всегда бываетъ и въ исторіи, и въ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка, и даже въ окружающей насъ неодушевленной природѣ, полный расцвѣтъ заключалъ уже въ себѣ и начало разложенія. Началось съ того, что Алексѣй Степановичъ прекратилъ винокуреніе. Прежде это былъ даровой трудъ, теперь онъ обратился въ трудъ наемный. Потомъ, винокуреніе производилось отъ избытка хлѣба, теперь, при измѣнившихся условіяхъ барщины, такого избытка не было. Разумѣется, другой человѣкъ помоложе и предпріимчивѣе съумѣлъ бы выйти изъ этого и изъ многихъ другихъ появившихся затрудненій. Но Алексѣй Степановичъ, осѣвшій на своемъ барствѣ, не могъ и, главное, не хотѣлъ этого дѣлать. Онъ какъ-то на многое махнулъ рукою—„хватитъ съ меня и того, что у меня есть!"—И правда, ему еще надолго хватало. Сложивъ съ себя званіе предводителя дворянства, онъ былъ избранъ мировымъ судьею и превосходно исполнялъ эту должность. Онъ сталъ даже популярнымъ человѣкомъ въ этомъ званіи. Своею ровностью, своимъ разумнымъ, спокойнымъ словомъ онъ приводилъ иногда къ благопріятному окончанію очень запутанныя дѣла.

Я видѣлъ его въ этой должности въ 1866 и въ 1870 году. Онъ любилъ, когда у него въ камерѣ присутствуетъ публика, и меня пріятно поражало то достоинство, съ какимъ онъ дѣлалъ свое дѣло. Камера была, къ слову сказать, рядомъ съ бильярдной. Это была та самая комната, въ которой прежде приготовляли ночлегъ для гостей.

Такъ дѣло шло до смерти тети Анны Степановны. Она была старше Алексѣя Степановича и ревниво наблюдала за сохраненіемъ въ своемъ домѣ достоинства, приличествующаго почтенному дворянскому роду. Она умерла въ 1872 году, и съ тѣхъ поръ сталъ постепенно замѣчаться видимый упадокъ этой порядочности. Надо сказать, что у Алексѣя Степановича, съ тѣхъ поръ, какъ умерла его жена, всегда бывала какая-нибудь дама сердца. Къ чести его надо прибавить, что никогда у него ихъ не было двухъ или нѣсколькихъ въ одно и то же время, и что, по большей части, эти дамы были не изъ его крѣпост-

ныхъ дѣвицъ. При жизни Анны Степановны, эти особы жили въ отдѣльномъ домѣ, на другомъ дворѣ, и не смѣли ногою ступить въ большой домъ, безъ особаго разрѣшенія или безъ зова Анны Степановны. По этому поводу у нея съ дядей бывали иногда, впрочемъ рѣдко, острые разговоры. Алексѣй Степановичъ сердился, но все-таки подчинялся требованіямъ старшей сестры. Все было по наружности гладко, но только по наружности. У Алексѣя Степановича никогда не было дѣтей, но своихъ дѣвицъ ему приходилось выдавать замужъ, когда у нихъ объявлялись женихи. Надо было выдавать имъ приданое; и въ замужествѣ эти дѣвицы производили на свѣтъ довольно многочисленное поколѣніе, о которомъ тоже надо было втихомолку заботиться. Анна Степановна ни знать, ни слышать объ этомъ не хотѣла. Но вотъ не стало этой чудной, любящей, твердой и разсудительной женщины, и весь этотъ подпольный міръ выплылъ наружу. Въ домѣ понемногу стали показываться то отцы, то матери, то дѣти, чтобы провѣдать стараго скучающаго барина. Баринъ дѣйствительно скучалъ и сталъ привыкать къ этимъ посѣщеніямъ. Особенно полюбилъ онъ дѣтей, которыхъ въ народѣ стали называть воспитанниками барина. И вотъ понемногу эти люди и малые и старые рѣшительно обнаглѣли. Они обставили его жизнь такъ, что онъ уже не могъ безъ нихъ обойтись, и стали одолѣвать его сначала просьбами, а потомъ требованіями, которыя баринъ спѣшилъ удовлетворять, чтобы сохранить при себѣ эту компанію. Обнаглѣлъ даже Ѳома, который прежде могъ обращаться къ барину только съ докладами, а теперь лѣзъ къ барину съ совѣтами и наставленіями, какъ какой-нибудь гувернеръ.

И вотъ, Алексѣй Степановичъ кому купилъ усадьбу, кому построилъ домъ, на кого перевелъ кусокъ удобной земли на хуторѣ, кому помогъ хорошими деньгами для торговыхъ предпріятій. И остался онъ къ концу своей жизни только съ своимъ родовымъ имуществомъ, котораго онъ все-таки не тронулъ; а все большое благопріобрѣтенное имъ состояніе пошло въ эти хищныя руки, и было проиграно, прокучено или пропито.

Умеръ онъ въ 1882 году, приближаясь къ восьмидесятилѣтнему возрасту, и умеръ все-таки какъ баринъ, произведя впечатлѣніе на окружавшихъ его дармоѣдовъ.

Какъ-то послѣ обѣда, эта компанія развлекала его игрою въ дурачки. И вотъ сталъ онъ, чтобы пройтись, сдѣлалъ два шага и грохнулся во весь ростъ на полъ. Одинъ изъ воспитанниковъ, тотъ самый глухой Ваня, который дѣлалъ и скрипки,

смастерилъ ему тяжелый дубовый гробъ, и похоронили его на поэтической площадкѣ въ Грабинѣ, у подножія горы, рядомъ съ могилами его жены, моего отца и тети Анны Степановны...

Милая, кроткая тетя Марья Степановна прожила еще лѣтъ шесть или семь. Она очень привязалась къ моей женѣ и проводила у насъ въ Пелеховщинѣ лѣтніе мѣсяцы. Мы тоже сердечно ее любили и усердно упрашивали жить у насъ въ Петербургѣ. Но она не могла оставить Пятигорцы, у нея было тамъ и хозяйство, и слишкомъ много воспоминаній. Въ 1888 году, зимою, она неожиданно скончалась, и не было при ней никого изъ своихъ, чтобы закрыть ей глаза...

Такъ умерли послѣдніе Райзеры...

Потомство этой фамиліи по боковымъ линіямъ Кореневыхъ, Бутовскихъ, Скаржинскихъ многочисленно, но прямого потомства по мужской линіи представители этой фамиліи не оставили. Это—прекратившійся родъ...

А. Д. Бутовскій.

Межевой.

(Повѣсть изъ жизни землеустроителей 90-годахъ).

IV [1]).

Зима пронеслась какъ-то незамѣтно среди городскихъ развлеченій и занятій. Я далеко былъ отъ мысли, что „меня сократятъ", но другіе межевые и многіе изъ производителей думали объ этомъ, говорили полунамеками и обиняками. Хотя и оставались только два года до положеннаго срока „сокращенія" и „упраздненія", но грозный призракъ мерещился въ туманѣ, а въ душѣ каждаго изъ трепетавшихъ ворочалась мысль: „а можетъ быть это враки... раздумаютъ, и еще оставятъ межевать и предъявлять... безъ конца". Самъ генералъ нѣсколько скептически относился къ этимъ страхамъ и, поддерживаемый „Агафономъ", нѣкоторыя—понудительныя бумаги изъ Петербурга пропускалъ между пальцевъ или клалъ подъ сукно.

— Опять по шеѣ попало, ворчалъ въ такихъ случаяхъ Фелицынъ, имѣвшій привилегію всѣмъ, начиная съ генерала, „рѣзать" въ лицо откровенно.

— Ну и что жъ изъ этого? Чего вы каркаете!—морщась, отшучивался генералъ.

— Не каркаю... а копаться нельзя, 25 лѣтъ копаемся съ губерніей, разгонятъ насъ, вспомните мое слово, что разгонятъ, говорилъ Фелицынъ. Генералъ въ ужасѣ отъ него убѣгалъ въ другую комнату и бросался къ токарному инструменту, доставлявшему ему развлеченіе отъ треволненій жизни. Фелицынъ

---

[1]) См. „Русская Старина", сентябрь 1914 г.

какъ ураганъ влеталъ къ „Сократу". Тотъ ужъ по походкѣ чувствовалъ, что „стряслось".

— Опять?... спрашивалъ Крючковъ, показывая пальцемъ сверху внизъ.

— Опять... здорово влетѣло...

— Точить побѣжалъ... онъ?—спрашивалъ Крючковъ, напирая на послѣднемъ мѣстоименіи.

— Точить, былъ короткій отвѣтъ.

— Плохо, глубокомысленно говорилъ Крючковъ, затягиваясь папиросой и срываясь со стула, а все „слѣпой" дѣлаетъ... все онъ орудуетъ тамъ, и палецъ Крючкова поднимался кверху.

Подъ „слѣпымъ" подразумѣвался петербургскій ревизующій генералъ Вершининъ, который плохо видѣлъ и смотрѣлъ всегда вверхъ зрачками своихъ свѣтлыхъ глазъ, для того, чтобы увидать человѣка, стоящаго противъ него. Это не мѣшало ему съ помощью секретаря усиленно работать и „все видѣть, что скрывалось".

V.

На улицахъ стоялъ густой туманъ отъ мороза, мороза крѣпкаго, здороваго, не пропитаннаго міазмами Петербургскихъ испареній, застывающихъ въ воздухѣ и пронизывающихъ нутро человѣка. Это былъ здоровый сѣверный морозъ, щиплющій уши и носъ. Словно подгоняемые его властною рукою, бѣжали прохожіе, закутанные въ шубы и дохи, быстро скользили сани по скрипучему, бѣлому снѣгу... отъ лошадей съ закорузлою и заиндевѣвшей шерстью валилъ паръ при первой ихъ остановкѣ. Былъ праздникъ, и я сидѣлъ дома, ощущая удовольствіе отъ тепла, разлитаго въ моей уютной квартирѣ, подысканной мнѣ Фелицынымъ у его хозяйки, старушки-вдовы, имѣвшей домъ съ флигилемъ, который занималъ Ѳелицынъ. Кто-то снаружи сильно дернулъ за звонокъ, жалобно и протяжно зазвенѣвшій. Вмѣстѣ съ клубомъ пара и морознаго воздуха вошелъ въ старой порыжѣвшей енотовой шубѣ Ѳ. Ив. Крючковъ и сталъ медленно протирать заиндевѣвшія очки.

— А я къ вамъ-съ посмотрѣть, какъ вы живете, ухъ, какой морозъ!—и онъ, методически отрывая сосульки отъ нависшихъ на губы усовъ, усѣлся въ кресло.

— Ну вотъ видите, какъ у васъ уютно, говорилъ онъ, осматривая мои холостыя три комнаты, какъ въ раю...

— Это потому вамъ такъ кажется, Ѳед. Ив., что вы у меня рѣдко бываете... разъ въ годъ.

— Я-съ дѣйствительно рѣдко выхожу изъ дому... а ужъ если выйду, такъ не просто-съ, а по какому-нибудь дѣлу.

— И ко мнѣ сейчасъ по дѣлу?

Всенепремѣнно, и при этомъ Ѳед. Ив. крякнулъ и сталъ закуривать папиросу. Вы знаете, что вчера моя супружница разрѣшилась седьмымъ по счету младенцемъ.

— Мальчикъ?

— Мальчишка... И сегодня мы его намѣрены окрестить, ибо никогда этого дѣла въ долгій ящикъ я не люблю откладывать, а васъ я приглашаю въ крестные отцы...

Я, никогда не бывавшій въ этой роли, смутился и сталъ отнѣкиваться, ссылаясь на тѣ обязанности, каковыя возлагаются на крестныхъ отцовъ.

— Никакихъ обязанностей этихъ у насъ нѣтъ... Вы отправитесь вечеромъ въ церковь, туда привезетъ тетка его, погрузятъ въ воду и.., шабашъ.

— Но вѣдь сегодня сильный морозъ въ 30°. Можно простудить ребенка, отчего же вы не хотите окрестить ребенка у себя дома?—спрашивалъ я.

— Фю-ю! Дома-съ... нѣтъ, отецъ родной, у меня вѣдь ихъ шесть штукъ, если для каждаго устраивать особыя торжественныя крестины, такъ тогда не на что будетъ имъ башмаковъ купить... А на морозъ наплевать! Закутаемъ младенца въ шубу и прекрасно свеземъ... Мои ребята всѣ такъ крестились и мороза ничуть не боятся... И, знаете, гдѣ много ихъ, живучи, какъ клопы, ихъ ничто не беретъ...

Убѣжденный такими аргументами, я согласился принять на себя новую роль. Крючковъ посидѣлъ у меня не долго, выпилъ чарку водки, закусилъ пельменями и, закутавшись въ свой порыжѣлый енотъ, „двинулся", по его выраженію, „восвояси". Изъ окна я смотрѣлъ на его удалявшуюся, нѣсколько согнутую фигуру, ярко обрисовавшуюся на бѣломъ фонѣ снѣга...

По обязанности „крестнаго" я сталъ чаще навѣдываться къ „куму" и присматриваться къ его жизни. И когда онъ бывалъ въ крайнемъ раздраженіи на всѣхъ домашнихъ, особенно на жену, которую въ эти минуты называлъ „мужичкой", доставалось тогда не мало подзатыльниковъ и ребятамъ... Разъ какъ-то послѣ усиленнаго сидѣнія въ чертежной онъ подошелъ ко мнѣ.

— Вотъ что, кумъ, сказалъ онъ, что-то скверно мнѣ сегодня, пойдемте куда-нибудь пообѣдать, мнѣ дома такъ надоѣло, такъ надоѣло, и онъ тяжело вздохнулъ. Мы отправились съ нимъ

въ ресторанъ, деньги у него всегда водились, свои или чужія, но водились. Мы засѣли въ отдѣльный кабинетъ, и за обѣдомъ съ обильнымъ возліяніемъ, при чемъ Ѳ. И обнаруживалъ не мало тонкаго пониманія въ блюдахъ и винахъ, начался разговоръ „по душамъ“.

— Я-съ женился недавно... всего три года тому назадъ, приживши съ моей женой до свадьбы пять человѣкъ дѣтей, а вы знаете, сколько мнѣ лѣтъ?

— Не знаю.

— По формуляру 59, а на самомъ дѣлѣ 65.

— Неужели?—воскликнулъ я, а я бы вамъ не далъ болѣе 50, но отчего же такое несоотвѣтствіе формуляра съ дѣйствительностью?

— Бываетъ-съ, отвѣчалъ онъ тонко, усмѣхаясь и щуря свои зоркіе глаза. Такъ мнѣ нужно-съ, ибо я еще хочу служить.. а пенсія, пенсія будетъ небольшая, если я выйду въ отставку... Такъ вотъ-съ.. съ моей женой я сошелся такъ-съ просто, за ея красоту.. она красавицей была. Но совершенно необразованная, мужичка-съ., шитьемъ занималась, я съ ней сошелся и все прочее.. понимаете.. я былъ холостъ тогда, свободенъ, какъ вѣтеръ... жизнь въ копѣйку цѣнилась, эхъ, посмотрѣли бы вы тогда, какъ я жилъ. И какъ напала эта самая любовь и теперешняя моя жена ко мнѣ переѣхала, все рухнуло, вся моя вольная веселая жизнь, и началась кабала, мужицкая.. пошли ребята, и они воспитываются по-мужицки и ругаются площадными словами, хоть и въ гимназіи учатся, эхъ!—и онъ, крякнувъ, съ остервенѣніемъ затянулся папиросой. Наступило молчаніе.

— Вотъ видите-съ, злобно добавилъ онъ, какъ я передъ вами расчуствовался, разоткровенничался! со мной это рѣдко бываетъ... не люблю я этого и злюсь на себя потомъ, и онъ отвернулся, пуская клубы дыма..

VI.

Наступила весна. Ея дуновеніе и ароматы носились въ воздухѣ. Распускающіяся почки деревьевъ городского сада изливали бальзамъ влажной молодой зелени. Небо было чистое, прозрачное и ясное до безконечности. Въ этой свѣтлоголубой атмосферѣ носились голуби яркими пятнами, гоняясь другъ за другомъ и не теряя изъ виду будки, изъ которой они были выпущены. Въ ясной выси надъ ними стояла точка, почти не-

подвижно. Въ эту точку обратился турманъ, оставившій своихъ друзей и поднявшійся ближе къ солнцу.. Онъ замеръ въ своей неподвижности и смотрѣлъ на землю, свободный отъ всякихъ преградъ, создаваемыхъ ему людьми, его сторожившими, окруженный ясной, воздушной чистой средой... Но это былъ мигъ его гордости; его высоты... Земля его потянула къ себѣ... Онъ шевельнулся среди неба и стрѣлой ринулся къ низу, нѣсколько разъ перевернувшись во время молніеноснаго полета. Какъ магнитъ, его притянулъ длинный шестъ, находившійся въ рукахъ Крючкова, стоявшаго на лѣстницѣ, приставленной къ голубиной будкѣ, помѣщавшейся во дворѣ.

— Видите, какой онъ у меня умный, мой турманъ, говорилъ Ѳедоръ Ивановичъ, обращая ко мнѣ, состоявшему около лѣстницы, свое сморщенное красное лицо съ очками, блеснувшими на солнцѣ.

— Онъ все видитъ, тамъ, вверху... и здѣсь на землѣ... онъ мыслитъ...

— Обладаютъ ли мыслью голуби?

— Обязательно... у него такіе разумные глаза, что только не говоритъ.. цѣны нѣтъ моему турману, и онъ съ любовью погладилъ его пестрыя крылья, когда тотъ дался ему въ руки, и дѣйствительно смотрѣлъ вдумчиво своими маленькими прозрачными глазами.

— Птица, а умнѣе другого человѣка, особенно изъ межевыхъ, охъ, ужь эта мнѣ публика, говорилъ Крючковъ, приманивая другихъ голубей и загоняя ихъ въ будку.

— Довольно, добавилъ онъ, покупались въ воздухѣ, полетали на свободѣ и пора домой, въ клѣтку, ибо и мы, люди, всѣ сидимъ въ клѣткахъ, и съ этими словами Крючковъ, заперевъ будку и поправивъ очки, сошелъ, осторожно ступая по ступенькамъ лѣстницы, на землю.

— И намъ обѣдать пора... пойдемъ въ горницу...

Я не любилъ обѣдать у Ѳедора Иваныча, хотя онъ нерѣдко меня удерживалъ для этого у себя послѣ занятій въ чертежной. Всегда у него въ столовой пахло какимъ-то кислымъ запахомъ, было всегда неопрятно за столомъ, а главное его дѣтвора шумѣла за обѣдомъ до невозможности, заглушая разговоры взрослыхъ, несмотря на увѣщеванія и подзатыльники родителей. Особенно ожесточенно дѣти дрались изъ-за дымящагося жирнаго мяса, подаваемаго передъ супомъ, которое съ особеннымъ вниманіемъ и наслажденіемъ разрѣзывалъ Ѳедоръ Ивановичъ, объясняя мнѣ, что это „мясо первый сортъ, реко-

мендую". Это мясо рвали на куски оба гимназиста-подростка, и едва оно появлялось на ихъ тарелкахъ, какъ они хватали его помимо ножей и вилокъ своими запачканными въ чернилахъ пальцами и съ жадностью ѣли. Я всегда ужасался ихъ жадности и думалъ, сколько же надо на такую ораву мяса? Ѳедоръ Иванычъ ѣлъ медленно, основательно, шевеля челюстями, и мало говорилъ во время ѣды, а больше мычалъ, отъ времени до времени наливая изъ графина, со стекляннымъ пѣтухомъ внутри, водку въ маленькія граненыя рюмки себѣ и гостю. Его обычное меню были мясо со щами и гречневая каша, въ праздники же передъ кашей подавался гусь, при чемъ онъ заранѣе заявлялъ, что „мы сегодня гуся будемъ ѣсть". И надо было видѣть, какъ разгорались глазенки у всей дѣтворы, когда на столъ несли гуся, они сразу умолкали, жадно впивались взорами въ лоснящіеся куски разрѣзанной жирной птицы, обложенной поджаренной капустой. И въ этотъ разъ тоже ожидался гусь, и когда его подали на большомъ блюдѣ и жена Крючкова стала его рѣзать, дѣвочка-подростокъ, смотрѣвшая ехидно своими красивыми глазами на меньшаго гимназиста, сказала тихо, но внятно:

— Папка, а вчера Петька двойку получилъ по ариѳметикѣ, а тебѣ не сказалъ....

— Врешь, сказалъ отецъ.

— Нѣтъ, не вретъ, а правду говоритъ Манька, авторитетно баскомъ сказалъ старшій Андрей.

— Кто двойки получаетъ, тотъ гуся не ѣстъ, ступай вонъ изъ-за стола, членораздѣльно проговорилъ Ѳедоръ Ивановичъ, внушительно изъ-подъ очковъ посмотрѣвъ на виноватаго. Тотъ сморщился, началъ всхлипывать и, однимъ глазомъ косясь на гуся, не двигался съ мѣста.

— Ступай, коли отецъ говоритъ, вполголоса сказала мать ему. Онъ все еще не двигался, лишеніе казалось ему не по силамъ.

— Вонъ!!!—вдругъ рявкнулъ неожиданно Ѳедоръ Ивановичъ и страшно побагровѣлъ. Тотъ, всхлипывая, испуганно всталъ, гремя табуретомъ, и ушелъ причитывая въ уголъ.

— Терпѣть не могу лѣнтяевъ, обратился Ѳедоръ Ивановичъ ко мнѣ, не учится совсѣмъ балбесъ... что жъ свиней пасти что-ли хочешь, когда выростешь и станешь дубиной?

— Д-да... вонъ... Андрюшкѣ... сбавили въ поведеніи за четверть, небось... ему д... да... ли... гу... ся, хныкалъ мальчикъ въ углу.

— Андрюша хорошо учится, замѣтилъ отецъ, а если еще будетъ шалить, порка будетъ, не посмотрю, что второй ученикъ второго класса.

— Анъ, нѣтъ не будетъ, отрѣзалъ Андрей.

— Будетъ, спорила дѣвочка.

— Молчите, глупые, точно ерши, все дерутся да ссорятся межъ собою, останавливала ихъ мать.

— Не „межъ собой“ а „между собой“, научись говорить, а потомъ и останавливай, огрызся Андрей. Раздался въ отвѣтъ подзатыльникъ со стороны мамаши, довольно звонкій.

— Ну, и публика, со вздохомъ сказалъ Ѳедоръ Ивановичъ, вставая изъ-за стола, пошли намъ пива въ кабинетъ, обратился онъ къ женѣ, тамъ будетъ спокойнѣе.

Пиво принесъ на подносѣ бутузъ, именуемый „Ѳедоромъ Ѳедорычемъ“.

— Папка, дай пятакъ, сказалъ онъ, когда бутылки со стаканами благополучно были поставлены на мѣсто, при чемъ голова бутуза едва достигала до стола.

— Зачѣмъ тебѣ? — спрашивалъ отецъ, вонзая штопоръ въ пробку.

— Папка, дай пятакъ, я пряникъ куплю, просилъ мальчикъ, смотря на меня задумчиво своими круглыми глазами.

— На тебѣ и отвяжись, сказалъ отецъ, доставая изъ кошелька монету.

Схвативъ ее всей пятерней, бутузъ бросился со всѣхъ ногъ бѣжать изъ комнаты.

— Такъ мы нынче поѣдемъ на сѣверъ работать въ Ч—скій уѣздъ къ „чердакамъ“... получили это извѣстіе отъ „самого“? — спросилъ Ѳедоръ Ивановичъ, обмакивая свои солдатскіе усы въ стаканъ съ пивомъ.

— Какже получилъ, и эта глушь мнѣ не особенно улыбается, а главное работы новыя и трудныя.

— Да-съ... нелегкія двѣ волости вамъ даденны... начинай все сначала, Господи, благослови, и съемку и опредѣленіе надѣловъ крестьянскихъ и предъявленіе—все это въ одно лѣто надо скрутить... удивительно у насъ все дѣлается, то мы копаемся, какъ кроты, и въ 20 лѣтъ не можемъ оборудовать уѣздъ, а когда по шеѣ дадутъ, спѣшимъ чуть ли не въ одно лѣто уѣздъ закончить... удивительно!

— Неужели еще ничего въ Ч—скомъ уѣздѣ не сдѣлано?

— Ничего-съ...

— Какихъ же межевыхъ вы мнѣ дадите?

— Я вамъ отобралъ самую, что ни на есть, молодую гвардію.

— Можетъ быть, совсѣмъ неопытныхъ, что же я съ ними буду дѣлать?..

— Все спеціалисты, кончившіе землемѣрное училище, ну, есть одинъ—сынъ Палкина, тотъ съ домашнимъ образованіемъ, такъ его некуда дѣвать... начальникомъ вашего штаба поѣдетъ, по предписанію генерала, господинъ Остапенко... онъ съ ними съумѣетъ управиться, да еще старый Пищиковъ; среди молодыхъ есть одинъ опытный, Басневъ... Мы такъ распредѣлимъ, что первое время молодые поучатся у болѣе старыхъ, ну, съ недѣльки двѣ, а потомъ начнутъ одни работать подъ руководствомъ Остапенки... и пойдетъ у васъ все какъ по маслу... безъ сучка и задоринки... А тутъ „слѣпой“ пріѣдетъ на ревизію, и вы тогда ухо востро держите, а я васъ постараюсь заблаговременно предупредить объ его пріѣздѣ...

На другой день я пошелъ въ чертежную смотрѣть свою „гвардію“, которая дѣйствительно оказалась на подборъ — молодецъ къ молодцу и такихъ было около десятка. Всѣ они рвались къ дѣлу, для нихъ еще совершенно новому, не опостылѣвшему и не набившему оскомины. Ихъ знанія, полученныя при ученьѣ, еще не выѣтрились, не покрылись плѣсенью рутины и формализма, они не знали еще тѣхъ терній, которыя ихъ ожидали въ тяжелой межевой работѣ. Сравнительно съ ними казался контрастомъ дѣдъ Пищиковъ, старый, межевой, съ длинной библейской бородой, въ крупныхъ очкахъ на жилистомъ носу, съ тягучей, монотонной рѣчью, выходящей изъ шамкающаго рта, въ которомъ словно застрялъ картофель.

Остапенко былъ угрюмъ и недоволенъ...

— Ну какъ вы находите вашихъ молодыхъ помощниковъ?— спросилъ я его.

— А на кой лядъ мнѣ такихъ жеребятъ? Придется ихъ тыкать носомъ въ каждой малости, ворчалъ онъ... Имъ еще въ жмурки играть да на собакахъ шерсть бить, а не по межѣ ходить.

— Да вѣдь и вы были молоды когда-нибудь, и вы начинали...

— Безъ фанфаронства - съ... а я ужъ по рожѣ каждаго вижу, какіе это гуси... Землемѣрное училище! землемѣрное училище! Эка невидаль... вся ихняя долбежка да геодезія—въ натурѣ къ чорту пойдетъ... придется мнѣ съ ними повозиться... Охъ, ужъ этотъ Ѳедоръ Иванычъ, вотъ гдѣ онъ у меня сидитъ! Удружилъ вашъ кумъ!

— Да вѣдь и мнѣ также, не только вамъ...

— Вамъ что? Вы будете съ крестьянами соглашенія дѣлать, а мы вѣдь вамъ должны будемъ готовую съемку дать и раздѣлать ее подъ орѣхъ, а вы ужъ по нашимъ планамъ будете предъявлять надѣлы... а какъ тутъ сообразишь... когда эти „балбесы“ еще и въ полѣ-то не бывали?!

— Ничего, научатся...

— Вамъ-то ничего, а мнѣ-то каково! А прежде начинали такіе молокососы съ домашнихъ услугъ... мензулу еще ставили старымъ межевымъ, калоши подавали, въ лавочку за табакомъ бѣгали...

— Такъ вѣдь тѣ были безъ средняго образованія.

— А на чорта лысаго мнѣ это образованіе?.. опытъ, практика, вотъ что нужно-съ! Я вотъ никакихъ училищъ не проходилъ, а слава Богу добился до старшаго топографа и въ съемкѣ собаку съѣлъ...

Молодые тоже косились на Остапенко и, видя во мнѣ человѣческое отношеніе къ нимъ, съ перваго же раза стали тяготѣть на мою сторону, хотя посредствующею инстанціею между мною и ими являлся ихъ завѣдующій Остапенко... Начались обычные сборы, и скоро чертежная опустѣла.

П. И. Соколовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны [1]).

1 іюля. Въ „Русскомъ Словѣ“ [2]) Г. Петровъ картинно описываетъ необыкновенный подвигъ казака Юрченко:

„Выѣхавъ на перекрестокъ тропинокъ,—справа навстрѣчу—нѣмецкій разъѣздъ, семь человѣкъ. Ѣхали шагомъ. Спокойно. Увидали меня, остановились... Повернули коней да какъ припустятся, только я ихъ видѣлъ. Даже не выстрѣлилъ никто въ меня. Такъ втихомолку и разъѣхались.

— Они повернули назадъ вправо,—мнѣ, значитъ,—думаю,—надо лучше ѣхать влѣво.

Поѣхалъ. Куда ѣду,—не знаю. Ѣду только все шагомъ, берегу силы у лошади: кто знаетъ, что будетъ впереди. Проѣхалъ съ полчаса, пошли поля. Дорога забираетъ въ гору. Поднялся—подъ самымъ носомъ деревня. Видно: на деревнѣ костры дымятъ. Значитъ, войска есть. Чьи?.. Свои или нѣмецкія? Сзади уже есть нѣмцы,—вертаться нельзя. Рѣшилъ: махну черезъ деревню. Разогналъ у околицы коня и сквозь деревню рысью. Въ деревнѣ полно нѣмцевъ. Ходятъ по-двое, по-трое. Сидятъ на завалинкахъ, лежатъ на травѣ. Всѣ безъ ружей. Отдыхаютъ. Никому и въ голову не приходитъ ждать русскихъ. Я прилегъ къ самой шеѣ коня и лечу. Молчу. Только нѣтъ-нѣтъ, да хлестну коня нагайкой. Проскакалъ почти всю деревню, пока сообразили и спохватились нѣмцы. У послѣднихъ уже домовъ четверо кинулись мнѣ наперерѣзъ. Двое—лошади навстрѣчу,—хотѣли схватить ее за узду. Двое—ко мнѣ одинъ—справа, другой—слѣва, и каждый тащитъ за ногу къ себѣ. Тѣмъ и спасли меня: прикрѣпили къ себѣ. Я праваго

---

[1]) См. „Русская Старина“ сентябрь 1915 г.

[2]) „Русск. Сл.“, 1 іюля с. г.

уложилъ пулею, а лѣваго шашкою: такъ ему ото лба и срѣзалъ носъ, щеки, обѣ челюсти. Моя лошадь тѣмъ временемъ вздыбилась и подмяла подъ себя обоихъ переднихъ.

— Пѣхота!—пренебрежительно кинулъ казакъ.—Не знаютъ, какъ остановить коня. Развѣ подъ него бросаются?!

Я коню шпоры въ бокъ—и дальше. Высвободился. Выскочилъ за деревню,—кажется, тогда только и дышать началъ. Жду: будутъ палить вдогонку,—ни выстрѣла. Пустилъ коня шагомъ, треплю его по шеѣ.

— Нѣмцы подумали, что васъ, казаковъ, ѣдетъ много за тобою, что ты только первый,—пояснили крестьяне.—Они и кинулись съ ружьями назадъ, за деревню, устроить тамъ засаду, а перваго оставили скакать: знали, что тамъ черезъ двѣ версты, за буграми,—другая деревня, занятая цѣлымъ ихъ батальономъ.

— Вотъ на нее-то я и наѣхалъ,—продолжалъ Юрченко дальше.—Кругомъ, вижу, не объѣхать: проволокой все опутано. Сзади же—ужъ вѣрная смерть. Оставалось одно: снова скакать черезъ деревню, а деревня, какъ на грѣхъ, вижу, большая и опять, надо думать, нѣмецкая, потому что между обѣими деревнями нѣтъ ни окоповъ, ни сторожевой цѣпи. Свои, значитъ.

— Будь, что будетъ,—думаю.—Снялъ шапку, перекрестился и опять сквозь деревню рысью. Нѣмецкихъ солдатъ на улицѣ много, но всѣ безъ ружей. Иные даже въ нижнемъ бѣльѣ. Разступаются передъ моею скачью. Когда разглядѣли,—шумъ подняли, крикъ. Кто-то что-то командуетъ. Бѣгутъ сзади. Появились ружья, но какъ стрѣлять? На улицѣ толпа: своихъ ранишь. Выскочилъ я въ концѣ деревни на площадь, а тутъ у нѣмцевъ ихъ кухня. Какъ-разъ поперекъ моей дороги костеръ большой разведенъ. Надъ костромъ на вбитыхъ кольяхъ протянутъ желѣзный шестъ, а на немъ виситъ большущій котелъ, варится въ немъ что-то. Вкусно пахло. За костромъ человѣкъ шесть толстыхъ краснорожихъ нѣмцевъ валили свинью, хотѣли рѣзать. Свинья вырывалась, визжала, нѣмцы ругались. На площади было въ родѣ базара: народу—ступа непротолченная. Мнѣ только и оставалось дороги, что черезъ костеръ. Я шпоры коню въ бокъ, нагайкой направо, налѣво, конь птицею черезъ огонь, задѣлъ только задними копытами за шестъ надъ костромъ. Шестъ соскочилъ съ подпорокъ и вмѣстѣ съ котломъ упалъ въ костеръ. Сзади меня зашипѣло, а я съ конемъ налетѣлъ на кучу нѣмцевъ надъ свиньею. Конь споткнулся, и я чуть не полетѣлъ ему черезъ голову, едва удержался. Свинья вырвалась отъ нѣмцевъ и въ бокъ, сквозь заборъ, а я за деревню.

Слышу впереди, за буграми, стрѣльба,—значитъ, близко нѣмецкіе окопы. Слѣва, у дороги, лѣсъ. Я—въ него. Прямо между деревьями, безъ дороги. Спрятался и опять коня пустилъ шагомъ. Конь началъ фыркать, спотыкаться: усталъ. Я слушаю, нѣтъ ли погони сзади. Слыхать,—крики пошли по опушкѣ, стрѣляютъ. Я, чтобы обмануть погоню, въ лѣсу подался назадъ. Ѣду отъ дороги дальше, но забираю крюкомъ назадъ. Думаю: теперь бы уйти отъ нѣмцевъ, а послѣ передохну и выберусь впередъ на выстрѣлы къ своимъ. Проѣхалъ съ часъ,—навстрѣчу крестьянинъ, полякъ. Увидѣлъ меня, даже испугался.

— Ты? Казакъ? Откуда?

— Не до разговоровъ,—отвѣчаю.—Скажи лучше, выберусь ли я тутъ до своихъ.

— Не, проше пана,—пугливо мотаетъ крестьянинъ головою.—Тенде не яздай, ту сонъ нѣмци.

— Куда же?

— Ходы за мной!

И спустя полчаса крестьянинъ черезъ болото провелъ казака до рѣчки, а тамъ Юрченко вплавь перебрался на другую сторону, гдѣ хозяевами были уже наши. Свѣдѣнія, доставленныя казакомъ, оказались очень цѣнными. Пользуясь ими, ночью наши перешли рѣчку и отогнали нѣмцевъ далеко назадъ.

Крестьяне со смѣхомъ разсказывали, какъ нѣмцы потомъ весь день, сердились что казакъ оставилъ весь баталіонъ безъ обѣда.

— Откуда онъ взялся, чортъ?—бранились нѣмцы.—Попадись онъ намъ тогда, мы бы его самого зажарили на кострѣ.

Они никакъ не могли понять и допустить, что одинъ казакъ прорвался черезъ толщу цѣлаго нѣмецкаго отряда на протяженіи 15—20 верстъ.

— Одинъ—и скачетъ сквозь цѣлые баталіоны!—топорщили они свои губы вплоть до самой ночной атаки, вызванной этой скачкой.

Вотъ какъ ведетъ настоящую войну Германія по словамъ ея ученыхъ [1]):

„Выставлять себя защитниками европейской цивилизаціи менѣе всего пристало тѣмъ, кто вступилъ въ союзъ съ русскими и сербами, и кто устраиваетъ возмутительное зрѣлище, натравливая на бѣлую расу монголовъ и негровъ“.

---

[1]) Кн. проф. Адамовича. Оправданіе представит. германской интеллигенціи на нынѣшней войнѣ.

„Разнузданная жестокость намъ неизвѣстна. Между тѣмъ, на Востокѣ земля окрашивается отъ массы искромсанныхъ русскими ордами женщинъ и дѣтей, а на Западѣ пули думъ-думъ разрываютъ грудь нашихъ воиновъ“.

„Не-германцы—ничего не знаютъ объ истинной Германіи. Мы въ нравственномъ и умственномъ отношеніи выше всѣхъ, и намъ нѣтъ равныхъ. Вильгельмъ II—deliciae generis humani, украшеніе рода человѣческаго“. (Письмо профессора Берлинскаго университета Адольфа Лассона).

„Среди нашихъ враговъ—русскіе все еще находятся на самой низкой ступени цивилизаціи“... (слова химика Освальда, получившаго Нобелевскую премію).

„Вы хотите знать, чего хочетъ Германія? Германія хочетъ организовать Европу, потому что Европа до сихъ поръ остается неорганизованной... Она потребуетъ, чтобы нѣмцы пользовались одинаковыми правами съ французами во Франціи, чтобы имъ позволили работать и пріобрѣтать имущества и земли на одинаковыхъ условіяхъ съ жителями этой страны“ (онъ же; ну, а французы получатъ ли то же самое въ Германіи?).

2 іюля. „Веч. Время“ передаетъ негодующее письмо съ Дальняго Востока [1]).

Авторъ письма говоритъ, что всѣ знаютъ давно о нѣмецкомъ происхожденіи фирмы „Кунстъ и Альберсъ“, знаютъ о томъ, что большинство ея пайщиковъ—германскіе подданные и что въ числѣ пайщиковъ, по слухамъ, былъ одно время самъ кайзеръ. Фирма субсидируется германскимъ казначействомъ.

Принимая все это въ соображеніе, благовѣщенскій и другіе биржевые комитеты края исключили фирму изъ числа своихъ членовъ.

А г. Альберсъ и въ усъ не дуетъ. Благоденствуетъ, водитъ дружбу съ сильными, вліятельными и, повидимому, вполнѣ спокоенъ за себя.

Пожалуй, онъ и правъ. Вѣдь, вотъ его вѣрнаго друга и сподвижника г. Даттана, свояка принца Генриха Прусскаго по-семейному, по-отчески сослали въ Нарымъ, а не предали военному суду. А г. Даттанъ все свое многомилліонное имущество продалъ фирмѣ, *русской* фирмѣ „Кунстъ и Альберсъ“. А судъ эту сдѣлку утвердилъ.

Судъ поступилъ формально.

Но министерство торговли и промышленности развѣ можетъ

---

[1]) „Веч. Вр.“, 2 іюля с. г.

допустить, чтобы фирма, вокругъ которой настолько сгустилась туча обвиненій и подозрѣній, безнаказанно существовала?

Вѣдь надо помнить, что отдѣленія „Кунста и Альберса" находятся на границѣ Китая и въ самой Манчжуріи. Къ услугамъ фирмы китайскіе телеграфъ и почта. Золото и важныя извѣстія спокойно черезъ Шанхай плывутъ въ Берлинъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ назадъ другъ г. Альберса Даттанъ засѣдалъ въ германской комиссіи государственной обороны и говорилъ.

Развѣ надо спрашивать о чемъ?

Вотъ какъ проводятъ въ окопахъ время нѣмцы [1]).

— Слышите?

До окоповъ противника около тысячи шаговъ. А вечеръ такъ тихъ, что кажется, будто все вокругъ, вся природа, даже листья на деревьяхъ уснули. Слышно, напримѣръ, какъ гдѣ-то позади, далеко, въ нѣсколькихъ верстахъ протяжно мычитъ корова.

— Слышите?

— Да, да! Слышу.

Изъ нѣмецкихъ окоповъ отчетливо доносятся игра на гитарѣ и мандолинѣ и пѣніе мужскихъ и... женскихъ голосовъ. Иногда въ эту музыку врывается грубый, раскатистый смѣхъ.

— Это у нихъ каждый вечеръ такъ!—почему-то тихо говоритъ мой спутникъ, пѣхотный штабсъ-капитанъ.—Играютъ, поютъ. Иногда даже оркестръ играетъ. Въ ночь на десятое іюня до утра развлекались. Музыка играла, хоромъ пѣли и все время „хохъ" кричали. Праздновали, должно-быть.

— Но тамъ, кажется, есть и женщины?—полувопросительно замѣчаю я.

— Женщины! Женщины!—киваетъ головою капитанъ.—У нихъ по окопамъ полно женщинъ!

— Откуда?

— Частью изъ Пруссіи; съ разрѣшенія начальства,—какъ намъ объяснилъ на-дняхъ одинъ плѣнный,—сюда, въ окопы, въ виду, вѣроятно, полнаго затишья, допущено нѣкоторое количество женщинъ. Но, главнымъ образомъ,—здѣшнія литовки.

— Но, вѣдь, это же возмутительное насиліе! Неужели нѣмцы дошли уже и до такой гнусности?

---

[1]) „Рус. Сл." 2 іюля с. г.

— А чего же имъ стѣсняться въ завоеванной странѣ,—какъ они изволятъ сами выражаться,—отвѣчаетъ капитанъ.—Мужей и братьевъ угнали въ Германію. Остались только глубокіе старцы и дѣти. Кто же сможетъ за женщинъ и дѣвушекъ заступиться? Солдаты и безобразничаютъ. Раньше стѣснялись,—насчетъ оскорбленія женщинъ ничего не слышно было. А сейчасъ развернулись во-всю.

На прошлой недѣлѣ тутъ,—поправѣе немного, вонъ за тѣмъ деревомъ, гдѣ нашъ окопъ влѣво поворачиваетъ,—такой случай произошелъ. На разсвѣтѣ изъ нѣмецкаго окопа выскакиваетъ вдругъ бѣлая фигура и мчится что есть духу къ намъ. Наши часовые, конечно, не стрѣляютъ. Но вдогонку изъ нѣмецкаго окопа раздалось нѣсколько выстрѣловъ.

— Никакъ баба? — рѣшили солдаты. — Вишь, и волосы длинные!

Вдругъ послѣ одного выстрѣла женщина свалилась. Полежала, полежала, стала приподниматься; опять свалилась. Пролежала нѣсколько минутъ, вскочила, опять бѣжать бросилась. И снова вдогонку ружейные выстрѣлы защелкали.

У самаго уже нашего бруствера свалилась вторично. Поползла; одинъ изъ солдатъ выскочилъ, помогъ ей, втащилъ въ ровъ. Дѣйствительно, женщина; молодая, въ одной рубахѣ, волосы распущены, рубаха вся кровью залита: первая пуля въ грудь угодила, вторая — въ животъ. Успѣла только несчастная простонать:

— Ой, ратуйте нашихъ... Бо тамъ насмерть мучаютъ... Малыхъ дѣвочекъ калѣчатъ... Душегубы...

Потомъ впала въ безпамятство и черезъ часъ скончалась.

Разсказывали, что части береговъ озеръ Чудскаго, Псковскаго и отчасти Ильменя населены нѣмецкими колонистами. Интересно было бы знать, вѣдаютъ ли о семъ предержащія власти, для чего понадобилось нѣмецкимъ колонистамъ здѣсь селиться, и какія шпіонскія наставленія они исполняютъ.

Разсказывали, что нѣкій Раутенфельдъ передъ войной закупилъ $1^1/_2$ тс. десятинъ въ Новгородской губерніи и 17.000 десятинъ въ Осташковскомъ уѣздѣ.

Разсказывали, что будто бы на земляхъ нѣмецкихъ колонистовъ въ раіонѣ нашихъ западныхъ крѣпостей были заготовлены площадки для нѣмецкихъ тяжелыхъ орудій.

Назначеніе генерала Поливанова управляющимъ военнымъ министерствомъ встрѣчено очень сочувственно въ дѣйствующей арміи у всѣхъ чиновъ ея отъ мала до велика, и съ радостью узнали объ отчисленіи генерала Сухомлинова отъ должности военнаго министра.

Г. Брешко-Брешковскій въ „Вечернихъ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ [1]) описываетъ то обаяніе, которое производитъ на своихъ подчиненныхъ Великій Князь Михаилъ Александровичъ.

Какая-то бодрая, ритмическая, — да это ритмъ,—четкость движеній. Высокая, мускулистая фигура спортсмэна англійской складки. И что-то англійское же въ легкомъ холщевомъ кителѣ съ генеральскими погонами. На груди Георгіевской крестъ. Желтые сапоги.

На блѣдномъ, особенной здоровой блѣдностью слоновой кости, бритомъ съ удлиненнымъ оваломъ лицѣ сіяютъ привѣтливо и мягко свѣтлые, пытливые глаза...

Именно сіяютъ...

Такая открытая лучистость взгляда — свойство высокихъ, кристально-чистыхъ натуръ. И всматриваясь, изучая этотъ взглядъ, начинаешь понимать обаяніе, внушаемое Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ всѣмъ тѣмъ, кто хоть однажды видѣлъ его близко.

Въ чемъ же секретъ такого властнаго очарованія?

Душа благородная, прекрасная, угадывается во всемъ, въ каждой фразѣ, въ каждомъ взглядѣ, жестѣ.

Этотъ человѣкъ—сама олицетворенная искренность, такъ гармонично переплетшаяся съ царственной простотою.

Самъ,—натура прямая, съ открытомъ сердцемъ. Великій Князь особенно тонко чувствуетъ фальшь, неискренность, позу...

Великій Князь не только любимый всѣми начальникъ, покрывшій славою и себя самого, и дивизію, но и отважный, не знающій страха солдатъ.

Въ этомъ отношеніи у него большое сходство съ королемъ Альбертомъ. Великій Князь всегда на передовыхъ позиціяхъ

---

[1]) 2 іюля сего года.

всегда въ сферѣ самаго дѣйствительнаго, не только орудійнаго, но порою и винтовочно-пулеметнаго огня.

И при этомъ—удивительное спокойствіе.

Великій Князь ободряетъ ласковымъ, привѣтливымъ словомъ сидящихъ въ окопахъ,—онъ превосходный фотографъ-художникъ.

Горцы, высоко цѣнящіе личную отвагу, съ какимъ-то беззавѣтнымъ, чисто мусульманскимъ фанатизмомъ боготворятъ своего вождя. И когда передъ сотнями появляется Великій Князь, смуглыя, горбоносыя лица какъ-то просвѣтляются вдругъ подъ косматыми, ужасъ наводящими на врага, папахами.

Между собою они любовно называютъ Великаго Князя „нашъ Михайло“. Какія восторженныя письма пишутъ они въ свои далекіе горные аулы! И каждое письмо сопровождается напоминаніемъ, что имъ выпало великое счастье сражаться подъ командою родного Брата Государя.

И послѣ этого какой жалкой, смѣхотворной должна показаться надежда Вильгельма всколыхнуть противъ Россіи все мусульманское населеніе Кавказа!

Австрійцы отчаянно защищали угнѣздившійся на крутомъ холмѣ городъ. Главныя силы непріятеля отступили наконецъ подъ стихійномъ натискомъ спѣшенныхъ сотенъ, взбиравшихся на отвѣсныя кручи и вырѣзывавшихъ кинжалами австрійскія пулеметныя команды.

Но, чтобы задержать русскихъ, отступленіе прикрывалось двумя ротами тирольскихъ стрѣлковъ. Эти здоровенные горцы забаррикадировались въ домахъ. Перекрестнымъ огнемъ они обстрѣливали улицы. Съ крышъ „такали“ пулеметы. Великій Князь первый выѣхалъ въ этотъ городъ, встрѣтившій его свинцовымъ ливнемъ.

Тогда старый, съ изрубленнымъ лицомъ всадникъ, герой нѣсколькихъ войнъ,—количество боевыхъ шрамовъ соперничало съ числомъ крестовъ и медалей на груди,—отвѣсилъ низкій селямъ изумившему его молодому храбрецу-генералу.

— Слава и благословеніе Аллаха великому джигиту...

Въ устахъ посѣдѣвшаго въ кровавыхъ схваткахъ абрека—это высшая похвала.

Одинъ изъ нашихъ боевыхъ генераловъ такъ свидѣтельствуетъ о дѣятельности нашихъ полковыхъ священниковъ въ рядахъ дѣйствующей арміи.

„Съ крестомъ въ рукахъ, — священники храбро идутъ впереди своего полка, по окончаніи сраженія помогаютъ перевязывать раненыхъ“.

3—5 іюля. Русская деревня за время войны не только не переживала денежнаго кризиса, но наоборотъ получила значительный приливъ денежныхъ средствъ, при чемъ главную роль сдѣлало запрещеніе продажи вина и выдачи пайка женамъ запасныхъ, призванныхъ на войну. Всѣ крестьянскіе кооперативы изобилуютъ средствами, въ виду прекращенія пьянства и обилія въ деревнѣ работъ. Сельскія товарищества во время войны разсчитывались по взятымъ ссудамъ гораздо лучше, чѣмъ за годъ до войны,

Жены запасныхъ оказались въ платежахъ способнѣе своихъ мужей.

6 іюля. Вмѣсто предохранительной прививки отъ инфекціонныхъ болѣзней нѣмцы прививали плѣннымъ сифилисъ [1]).

Во всемъ юго-западномъ краѣ евреи усиленно скупаютъ мѣдь.

---

7 іюля. Плѣнный австрійскій офицеръ разсказывалъ [2]).

Въ деревнѣ Сурохувъ, что въ 5 верстахъ къ востоку отъ Ярослава, я самъ видѣлъ, какъ нѣмцы заперли въ деревянный сарай 9 человѣкъ русскихъ плѣнныхъ и потомъ подожгли его со всѣхъ сторонъ. Несчастные мученики пробовали выламывать доски, чтобы вырваться изъ горящаго строенія, но тѣмъ, кому удавалось просунуться въ образовавшуюся щель, нѣмцы со смѣхомъ разбивали головы длинными дубинами и вталкивали окровавленные трупы въ огонь. Видѣвшіе это крестьяне, хозяева горѣвшаго сарая, сначала умоляли германцевъ прекратить муки несчастныхъ плѣнныхъ, но потомъ принуждены были замолчать.

„Если вы будете заступаться за этихъ собакъ-измѣнниковъ, отдавшихся въ наши руки, то мы васъ прибавимъ къ нимъ въ сарай“, отвѣчали имъ германскіе солдаты.

При переходѣ въ маѣ мѣсяцѣ тыловыхъ частей германо-австрійской арміи черезъ рѣку Санъ, на мостахъ получилось большое скопленіе обозовъ и войскъ. Дороги оказались забитыми, а тутъ еще навстрѣчу прибыла огромная партія русскихъ

---

[1]) „Новое Время“, 6 іюля с. г.

[2]) „Нов. Вр.“, 7 іюля сего года.

плѣнныхъ, которыхъ и безъ того множество толпилось у переправъ. Германцы разсвирѣпѣли, и ихъ офицеры отдали нечеловѣческій жестокій приказъ: „Бросать этихъ мерзавцевъ плѣнныхъ въ Санъ"! Я увидѣлъ потрясающую картину, картину, которая никогда не изгладится изъ моей памяти: озвѣрѣлые солдаты-нѣмцы сбрасывали русскихъ плѣнныхъ съ мостовъ въ рѣку, а сопротивлявшихся сбивали штыками и прикладами. Вскорѣ нѣмцы увидѣли, что большинство сброшенныхъ спасается, выбираясь на берегъ. Тогда было приказано плѣнныхъ прикалывать, и раненыхъ или ихъ трупы сбрасывать въ Санъ. Не одна сотня несчастныхъ русскихъ была переколота и потоплена въ рѣкѣ.

Вотъ разсказъ плѣннаго про культурное къ нимъ отношеніи германцевъ [1]).

„Въ Пруссіи всякій разъ при входѣ въ городъ начиналось издѣвательство жителей и солдатъ. Конвоирующіе подъ апплодисменты жителей подталкиваютъ плѣнныхъ прикладами и заставляютъ бѣжать. Жители, запасшись палками, бьютъ по головамъ и спинамъ, сопровождая побои ругательствами, какъ-то: свиньи, собаки, дикари, грабители, поджигатели, монголы и пр. Слышались возгласы: „Нѣтъ ли здѣсь казаковъ, дайте ихъ намъ", и пр., и пр. На просьбы воды намъ показывали кулаки или говорили конвоировавшимъ насъ: „Зачѣмъ вы возитесь съ этой сволочью, поразстрѣляйте ихъ всѣхъ". Такъ кричали старики, женщины, подростки, дѣти...

Въ одинъ изъ полевыхъ госпиталей, гдѣ бельгійская королева ухаживала за ранеными, вошелъ офицеръ, поддерживающій раненаго сержанта. Занятая у постели больного, королева не обратила вниманія на особенную почтительность, съ которой встрѣтили вошедшихъ, и только, когда офицеръ подвелъ раненаго къ кровати около королевы, она узнала въ офицерѣ своего мужа. Обмѣнявшись ласковой улыбкой, царственные супруги молча продолжали каждый свое дѣло.

---

8 іюля. Ратко-Дмитріевъ вторую половину мая жилъ въ имѣніи своего сына Студенецъ, Псковской губ., Порховскаго уѣзда. Когда крестьяне окрестныхъ деревень узнали день отъѣзда

---

[1]) „Веч. Вр.", 7 іюля сего года.

своего любимаго вождя въ дѣйствующую армію, то по всему 50 верстному пути отъ Студенца до ст. Бѣлой Варшавской желѣзной дороги вышло все окрестное населеніе отъ мала до велика. Крестьяне подносили генералу хлѣбъ и соль, путь народнаго героя былъ украшенъ тріумфальными арками изъ цвѣтовъ и зелени, дорогу его осыпали цвѣтами и напутствовали его громкими криками ура и крестнымъ благословеніемъ.

---

8 іюля. Слышалъ изъ источниковъ вполнѣ достовѣрныхъ объясненіе нѣмецкой политики короля румынскаго и короля болгарскаго. Кромѣ личныхъ, фамильныхъ, нѣмецкихъ симпатій Гогенцолерновъ и Кобурговъ здѣсь примѣшивались весьма высокія матеріальныя причины: личные и фамильные капиталы государи этихъ странъ хранятъ въ Deutcher Banc'ѣ и нѣкоторыхъ банкахъ въ Вѣнѣ и этимъ балканскимъ правителямъ германцами поставлено основнымъ условіемъ ихъ политики такое положеніе, что если они станутъ на сторону Россіи, Англіи и Франціи, то имъ никогда не увидать своихъ собственныхъ денежекъ. Комбинаціи эти наводятъ на нѣкоторыя мысли о возможности перемѣны политическаго курса, если захотятъ подѣйствовать на нихъ не оборонительно и не наступательно, а...

Вотъ плоды нашей прежней политики, способствовавшей возведенію нѣмецкихъ принцевъ въ санъ балканскихъ правителей.

Мнѣ пришлось слышать заявленіе одного узколобаго нѣмцелюба въ одномъ изъ общественныхъ собраній о томъ, что какимъ-то якобы трактатомъ XIX столѣтія Россія будто-бы обязалась сажать на вакантные троны въ Европѣ только нѣмецкихъ принцевъ и отнюдь не русскихъ. Печальной памяти возведеніе въ санъ князя Болгаріи Баттенберга будто-бы подтверждаетъ это мнѣніе. Невольно проникаешься удивленіемъ къ высокой политической мудрости императрицы Елисаветы Петровны и Императора Александра III.

---

9 іюля. Главнокомандующій въ Штеттинѣ, какъ сообщаетъ „Lokal Anzeiger", обратился съ особымъ манифестомъ къ женской части населенія города, порицая ихъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ за ихъ легкомысленное отношеніе къ французскимъ военноплѣннымъ.

Въ манифестѣ указывается, что французскіе военноплѣнные буквально осаждаются штеттинскими женщинами.

Послѣднія забрасываютъ французовъ любовными записками, „увлекаютъ ихъ кокетствомъ, а нѣкоторыя доходятъ даже до инсценированія неприличныхъ танцевъ и циничныхъ тѣлодвиженій. Другія женщины пишутъ скабрезныя письма и всячески бросаются имъ на шею.

Главнокомандующій грозитъ опубликовать въ печати имена „преступницъ", а если это не поможетъ, то принять еще болѣе энергичныя мѣры противъ „недостойнаго униженія національнаго достоинства нѣмцевъ".

Въ г. Болонья одинъ мальчикъ рѣшилъ тоже притти на помощь родинѣ и послалъ премьеръ-министру Саландрѣ свои скромныя сбереженія въ размѣрѣ 20 лиръ.

Премьеръ-министръ немедленно отвѣтилъ юношѣ-жертвователю слѣдующимъ письмомъ:

„Милый мальчикъ. Твой вкладъ и чувства, которыя вызвали этотъ твой порывъ, меня глубоко тронули. Пусть Богъ тебѣ поможетъ вырости здоровымъ и интеллигентнымъ, чтобы ты могъ увидѣть родную Италію, жизнь и счастье которой заставляютъ горячо пылать твое сердце, еще болѣе великой, окруженной уваженіемъ всѣхъ народовъ и любимою своими сынами.

Цѣлую и обнимаю тебя отъ всего сердца".

---

10 іюля. Управляющій имѣніемъ Гетцельмюнде, Курляндской губ., бар. фонъ-Бергъ высланъ изъ края. Равно на все время военныхъ дѣйствій высланъ изъ края пасторъ Павловскаго прихода въ Ригѣ Карлъ Трей [1]).

Въ настоящее время выдвигается вопросъ огромной важности для ограниченія нѣмецкаго землевладѣнія внѣ пограничной полосы, гдѣ нѣмецкія колоніи, согласно прежнихъ законовъ, группировались въ отдѣльныя нѣмецкія волости, съ участіемъ безземельныхъ колонистовъ и съ правомъ собранія на нѣмецкомъ языкѣ. Конечно, было бы правильнѣе выгнать совсѣмъ нѣмцевъ-колонистовъ изъ Россіи, и уже въ крайности по маленькимъ кусочкамъ включить ихъ въ русскія волости, при такихъ правахъ, какія имѣютъ всѣ прочіе члены имперскихъ волостей.

---

[1]) „Бирж. Вѣд.", 10 іюля с. г.

11 іюля. Газета „Jaunakas Zinas“ сообщаетъ, что въ окрестностяхъ Либавы въ В—ской волости на дняхъ появились германцы въ сопровожденіи мѣстнаго барона Б., по указаніямъ котораго сожжены 5 латышскихъ усадебъ. Германцы разъяснили, что наказаніе послѣдовало за оказаніе поддержки русскимъ развѣдочнымъ командамъ. Всѣ жители выселены за линію германскихъ траншей и загражденій, за исключеніемъ 18 хозяевъ и арендаторовъ, которые оставлены внутри укрѣпленій.

Сколько дѣяній подобныхъ дѣянію барона Б. совершено во время настоящей кампаніи, и дѣло все ограничивается высылкой пойманныхъ въ Сибирь.

Одинъ изъ офицеровъ, пріѣхавшихъ съ прибалтійскаго фронта, разсказывалъ мнѣ, что тамъ не слышно, чтобы какой-либо баронъ за подобныя дѣянія былъ повѣшенъ или разстрѣлянъ, несмотря на то, что въ краѣ имѣются военно-полевые суды.

Въ прибалтійскомъ фронтѣ и шавельскомъ раіонѣ дѣйствуютъ между прочими и баварскія войска и баварская кавалерія, офицеры которой щегольски одѣты.

Изъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ комиссію доставлено дознаніе, произведенное священникомъ церкви 8 Финляндскаго стрѣлковаго полка Окуневымъ и старшимъ врачемъ Рюмшинымъ о сожженіи германскими войсками въ деревнѣ С. нашего казака. Жители упомянутой деревни показали, что германскіе солдаты разсказывали на польскомъ языкѣ, что они ночью въ картофельной ямѣ поймали живымъ казака и стали поджигать на немъ одежду, но она не горѣла, такъ какъ была мокра. Тогда германцы сорвали съ казака одежду, схватили за голову и ноги, положили его на пылавшій костеръ и держали его въ такомъ положеніи, пока казакъ не умеръ или, какъ передавали нѣмцы, пока „не сдохъ, какъ собака“. Германцы смѣялись надъ тѣмъ, что казакъ кричалъ на всю деревню. Нѣкоторые крестьяне сами пошли на то мѣсто, которое имъ указали германцы. Тамъ они нашли догоравшій костеръ, около котораго стояло до 100 германскихъ солдатъ. Германцы говорили: „смотрите, какъ вашего казака спекли“. Крестьяне дѣйствительно удидѣли много костей и стопу человѣческой ноги съ

обожженной кожей. Германцы сгребли въ кучи кости и, желая все сжечь до тла, подкладывали въ костеръ дрова. Недалеко отъ костра шагахъ въ пяти, лежали казачій мундиръ съ бѣлымъ галуномъ на обшлагахъ и шаровары съ красными лампасами. Германскіе солдаты смѣялись надъ тѣмъ, что спекли не только казака, а старшаго.

Разсказываютъ, что повсюду и особенно въ Петроградѣ ликвидація германскихъ и австрійскихъ акціонерныхъ и торговыхъ предпріятій протекаетъ безуспѣшно. Являются подлые продолжатели предпріятій наши нѣмцелюбы, продавшіе свою душу нѣмцу черту или фиктивные подданные нейтральныхъ государствъ. Вотъ какую картину рисуетъ „Новое Время“ отъ 11-го іюля:

„Коммерческому суду было поручено назначить ликвидаторовъ для торговопромышленныхъ предпріятій высланныхъ изъ Петрограда подданныхъ державъ, воюющихъ съ Россіей.

10 іюля Петроградскій коммерческій судъ закончилъ назначеніе этихъ ликвидаторовъ. 107 предпріятій потребовали назначенія ликвидаціонныхъ комиссій. Между прочимъ назначена ликвидаціонная комиссія по дѣламъ товарищества Сорокина и К^{o}. Какъ оказывается, русская старинная мясопромышленная фирма въ дѣйствительности была русской только по названію, а владѣльцами ея являлось товарищество, состоящее изъ германскихъ подданныхъ, скупавшихъ въ Россіи мясо и отправлявшихъ къ себѣ на родину.

Назначенные ликвидаторы, придя для охраны имущества и товаровъ, во многихъ случаяхъ таковыхъ вовсе не нашли. Германскіе и австрійскіе купцы, покидая Петроградъ, сумѣли сами ликвидировать такъ свои дѣла, что во главѣ ихъ бывшихъ предпріятій оказались ихъ родственники, но уже подданные державъ, дружественныхъ съ Россіей. Для ликвидаціи дѣлъ владѣльца фабрики металлическихъ издѣлій Д. Цвернера были наначены коммерческимъ судомъ присяжные попечители: В. Н. Тимофѣевъ и В. М. Духновскій и присяжный стряпчій А. Г. Будутовъ.

Вчера они донесли коммерческому суду, что когда явились въ магазинъ Цвернера и на его фабрику, то владѣльцемъ предпріятія на вполнѣ законномъ основаніи оказался двоюродный братъ бывшаго владѣльца тоже Цвернеръ, но швейцарскій подданный. Согласно предъявленнымъ документамъ, стоящее пол-

милліона рублей предпріятіе было продано свояченицей германца за 185 тысячъ руб. и фирма за 15 тыс. руб., при чемъ въ уплату было получено при совершеніи этой сдѣлки всего только 5.000 руб., а уплата остальныхъ денегъ должна производиться въ разсрочку и закончится черезъ 120 лѣтъ.

10 іюля ликвидаторы нашли необходимымъ запросить коммерческій судъ, какъ имъ поступить съ ликвидаціей этой фирмы.

Музыкальная фирма „Юлій Генрихъ Циммерманъ" оказалась проданной въ мартѣ текущаго года служащимъ этой фирмы, при чемъ эта сдѣлка совершена на законныхъ основаніяхъ въ Стокгольмѣ.

Присяжные попечители и запросили коммерческій судъ, какъ имъ ликвидировать германскія предпріятія, переведенныя въ руки нейтральныхъ родственниковъ"?

---

11 іюля. Лица, прибывшія изъ глубины Россіи, единогласно утверждаютъ, что, повсюду, въ крестьянскихъ массахъ, господствуетъ несокрушимая вѣра въ конечную побѣду.

Со всѣми полевыми работами справляются прекрасно и заканчиваютъ ихъ скорѣй и успѣшнѣй, нежели при водкѣ. Деревня теперь очень богата деньгами; народъ сытый и въ довольствіи. Съ упраздненіемъ водки народъ сдѣлался вѣжливѣй и добродушнѣй. Урожай очень хорошій.

Удивительное дѣло, какъ по вопросу о дороговизнѣ въ Россіи мало обращаютъ вниманія на оптовиковъ и нѣкоторые банки. Отчего къ этому дѣлу не можетъ приложить своихъ рукъ наша прокуратура?

Въ Петроградѣ появились маломѣрныя бутылки молока, а въ стоящихъ на Фонтанкѣ баркахъ съ дровами очень трудно купить дрова и слышится повсюду одинъ отвѣтъ: дрова проданы. Отцы города, гдѣ ваши заботы и труды для обывателя?

Вотъ какія доблести развиваютъ чины германскаго краснаго креста; это наглядно выражено въ письмѣ, найденномъ въ нѣмецкихъ траншеяхъ на французскомъ фронтѣ:

— Мой дорогой Альбертъ, — пишетъ солдату жена. — Ты

меня спрашиваешь, что я получила. Я полагаю, что ты будешь доволенъ, когда вернешься. Я имѣю теперь абсолютно все, что мнѣ нужно, и даже больше. Я имѣю большой письменный столъ, зеркальный шкафъ, двѣ хорошихъ кровати, изъ которыхъ одна съ матрацомъ, тюфякомъ, подушками и проч., а другая только съ матрацомъ.

Я, конечно, не могла устроиться поуютнѣе и разставить всѣ эти богатства, такъ какъ въ моей теперешней квартиркѣ мало мѣста.

Кромѣ описаннаго я получила еще чудесный сундукъ для платья, переносную печь, круглый садовой желѣзный столъ и три стула.

Все это я получила въ видѣ подарка отъ Краснаго Креста“ [1]).

---

12 іюля. Сего числа въ „Новомъ Времени“ напечатано:

„Прибалтійскія газеты сообщаютъ, что изъ Курляндской губ. высланъ баронъ Александръ Беръ, владѣлецъ имѣнія Тетельмюнде, находящагося въ 8 верстахъ отъ Митавы. Высланный баронъ во время стоянки въ его имѣнія русскаго разъѣзда подавалъ съ балкона германскимъ развѣдчикамъ сигналы о составѣ нашего разъѣзда, который едва успѣлъ спастись. Послѣ ухода германцевъ баронъ спокойно остался въ имѣніи, гдѣ и былъ арестованъ военными властями“.

Удивительная мѣра наказанія (высылка изъ края) къ господину барону Александру Беру за его измѣнническое дѣяніе. Вѣрить не хочется, что этого господина не вздернули на перекладину.

На клеечной фабрикѣ Гребнера, по словамъ газеты „Rigas Zinas“, оказалось около 4.000 пудовъ мѣди. Куски мѣди обернуты въ клеенку.

Въ Либаву свозили мѣдь въ видѣ коллекцій новѣйшихъ мѣдныхъ монетъ; кстати сказать, любителями-коллекціонерами оказались трамвайные кондуктора въ Ригѣ. Мѣстные помѣщики и помѣщицы съ начала войны крѣпко задумались о своей загробной жизни и стали заказывать для клабищенскихъ колоколенъ громадные мѣдные колокола. Гольдигенскій аптекарь Грабе посылалъ въ Либаву мѣдь въ видѣ коробокъ гигроскопи-

---

[1]) „Веч. В.“, 12 іюля с. г.

ческой ваты. Супруги нѣмцы стали дарить своимъ нѣмкамъ „вѣсовые" мѣдные самовары (!). Мѣдная болѣзнь охватила Прибалтійскій край... [1]).

Какъ упорно и назойливо стараются у насъ нѣмцы всюду проникнуть и вести свою политику, можно судить по слѣдующимъ фактамъ: къ католической церкви г. Астрахани въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ состоялъ священнослужителемъ нѣмецъ Лешъ. Хотя паству его составляло въ подавляющемъ большинствѣ польское общество, но симпатіи священика были не на сторонѣ этихъ прихожанъ. Плохо говорившій по-польски и по-русски нѣмецкій ксендзъ, при появленіи въ Астрахани военнообязанныхъ, понялъ свою миссію нѣсколько своеобразно: счелъ лишнимъ молиться за Русскаго Царя и проповѣди сталъ произносить на нѣмецкомъ языкѣ, за что своевременно и былъ высланъ губернаторомъ въ мѣста не столь отдаленныя. Его духовное начальство, въ лицѣ саратовскаго епископа нѣмца Кесслера, не нашло, конечно, ничего лучшаго, какъ прислать въ замѣнъ его снова нѣмца и такъ какъ подъ рукой, вѣроятно, не было свободнаго католическаго священника нѣмецкой національности, то извлекло таковаго изъ отставныхъ ксендзовъ и прислало бывшаго уже на покоѣ нѣмца Шнейдера.

Явившись на мѣсто своего новаго служенія, онъ сейчасъ же счелъ необходимымъ обратиться къ губернатору за разрѣшеніемъ службы на нѣмецкомъ языкѣ, на что получилъ предостереженіе, что за такую попытку его можетъ ожидать участь его предшественника [2]).

Не Вильгельмовичъ ли отчество этого господина Лежа. Нѣтъ ли у него служилыхъ родственниковъ?

Сообщаютъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что балоны для ядовитыхъ газовъ германцы получаютъ изъ Норвегіи, они идутъ подъ видомъ посуды и, по таможеннымъ правиламъ, подлежатъ пропуску.

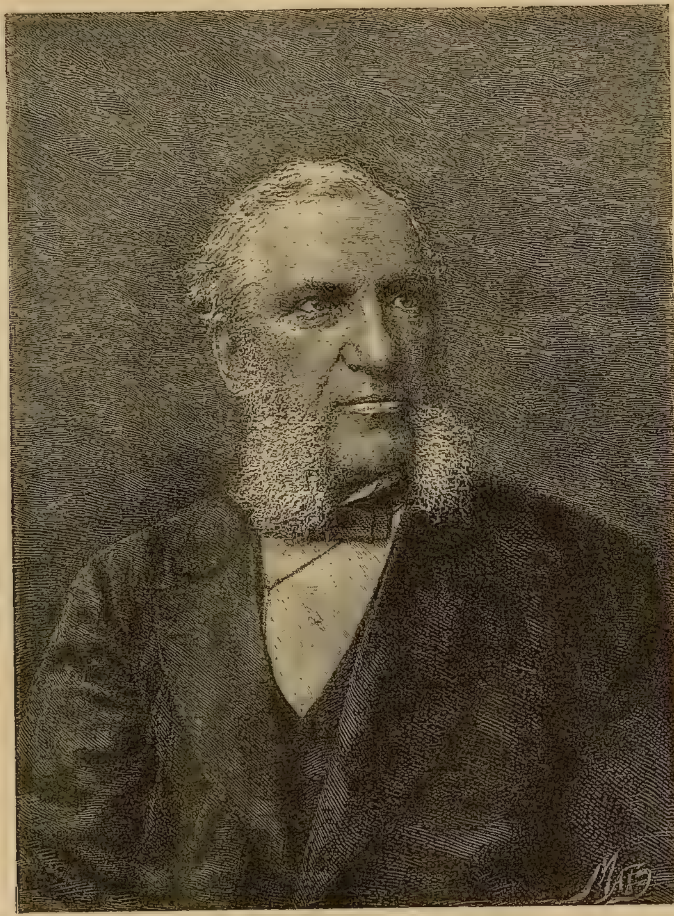
П. В.

---

[1]) „Нов. Вр.", 12 іюля с. г.
[2]) Тамъ же.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

[illegible] фонд[illegible]
Московской [illegible] библиотеки



Евгенiй Ивановичъ
ЛАМАНСКIЙ.

Открыта подписка на историческій журналъ
„РУССКАЯ СТАРИНА“.
на 1916 годъ.

Вступая въ 1916 г. въ сорокъ седьмой годъ своего существованія, ред. журн. „Русская Старина“ предполагаетъ напечатать въ этомъ году слѣдующія статьи: А. Ѳ. Кони.—«Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля». «Житейскія встрѣчи». Дневныя записки генерала Патрика Гордона, сподвижника царей: Алексѣя Михайловича, Ѳеодора Алексѣевича и Петра Великаго А. С. Лацинскаго.—Петръ Великій, Императоръ Всероссійскій въ Голландіи и въ Саардамѣ въ 1697 и 1717 годахъ. Сочиненіе Якова Шельтена. Е. С. Шумигорскаго.—Донесенія датскаго посланника Гакстгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 г. Изъ записокъ гр. Ѳ. И. Головкина. Разсказы современниковъ объ Императорѣ Павлѣ I. Дневникъ статсъ-секретаря Гр. И. Вилламова. Записки Н. А. Розенбаха, бывшаго командира Павловскаго полка, начальника штабовъ гвар. корпуса Петроградскаго округа и туркестанскаго генералъ-губернатора. (Правдивыя и подробныя записки касаются Императоровъ Александра II, Александра III, Вел. Кн. Владиміра Александровича, гр. Милютина, ген. Скобелева, гр. Шувалова, ген. Анненкова, кн. Имеретинскаго, ген.: Ванновскаго, Обручева, Черняева, Бобрикова и др. Эмира Бухарскаго, Хана Хивинскаго, Императоровъ Вильгельма I, Вильгельма II, эрцгерцоговъ Рудольфа, Франца Фердинанда, Мольтке, Каприви и др.). А. П. Неѣлова.—Изъ дальнихъ лѣтъ (три поколѣнія Неѣловыхъ, дворцовые архитектора Царскаго Села. Капризъ Екатерины II и разговоръ ея по этому поводу. Разговоры Импер. Павла I и Александра I. Александръ I разбираетъ чертежи по постройкѣ Александровскаго дворца. Марія Парижская. Импер. Марія Ѳеодоровна ее воспитываетъ въ малыхъ лѣтахъ, отдаетъ въ Смольный и выдаетъ за мужъ за В. Б. Жукова. Табакъ Жукова. Пожаръ дворцовой церкви, въ которой стояло тѣло Александра I. Императоръ Николай I сажаетъ Брюлова на гауптвахту за икону Саваоѳа въ Исаакіевскомъ куполѣ). Н. Модестова.—Послѣдніе дни жизни Императора Александра I. Н. М. Сутырина.—По родной землѣ. Подробный разсказъ очевидца о пребываніи Пугачева въ г. Курмышѣ. В. Андерсона.—Дневникъ И. М. Снегирева. М. Г. Мардарьева.—Цензура иностранныхъ газетъ и журналовъ. Н. А. Соловьева.—Кража книгъ изъ Императорской публичной библіотеки германскимъ ученымъ Пихлеромъ. Записки Н. В. Исакова.—Военныя дѣйствія на Кавказѣ при Воронцовѣ (Характеристика гр. Воронцова, кн. Аргутинскаго, кн. Бебутова, Коцебу, кн. Барятинскаго, Евдокимова и др.). Е. С. Каменскаго.—Августѣйшіе кадеты (юные годы Императора Александра III). Записки гр. Н. П. Игнатьева о его пребываніи въ Константинополѣ въ 1864—1874 гг. В. Х. Кондараки.—Воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ II въ Крыму. (Самыя подробныя воспоминанія, разговоры Императора). С. Штрайха.—Неизданныя письма Н. И. Пирогова регигіозно-философскаго содержанія, представляющія чрезвычайно важное дополненіе къ его «Дневнику» «Вопросовъ жизни». Н. Л. Бродскаго. — 15 неизданныхъ писемъ И. С. Тургенева. С. М. Шпицера — Два неизданныхъ стихотворенія А. В. Кольцова. Изъ архивныхъ матеріаловъ: неизданныя письма И. С. Тургенева, Н. Курочкина, П. И. Каратыгина, В. Р. Зотова, Вл. Чуйко, Д. И. Мамина-Сибиряка, Д. Л. Мордовцева. Н. А. Лашкова.—Аракчеевскій синодикъ. а. И. Георгіевскаго.— Мои воспоминанія и размышленія. Е. А. Рагозиной.— Дарданеллы и Египетъ при Измаилѣ-пашѣ. П. Л. Юдина.— Нѣмецъ все могитъ. А. М. Чижевскаго.—Воспоминанія о студентахъ Кіевской духовной академіи. В. И. Бочкарева. Къ исторіи проведенія въ жизнь губернской реформы Екатерины II. В. П. Замѣтки Петроградскаго обывателя во время русской-нѣмецкой войны. Воспоминанія Чижевскаго, ген. Савельева, Веселовскаго, Андріяшева, Леваковскаго, Андреевскаго и др.

Въ будущемъ году будетъ обращено особое вниманіе на печатаніе воспоминаній участниковъ русско-нѣмецкой войны.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 10 руб. съ пересылкой, за границу 12 руб.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 5% съ каждаго рубля.

Подписка принимается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса“.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ Петроградѣ въ ред. журн. „Русская Старина“ (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

„Новаго Времени“, Невскій, 40;
„Т-ва М. О. Вольфъ“, Гостиный дв., 18 и Невскій, 13
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи каждаго выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографическій Отчетъ“, платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Политика Фердинанда Болгарскаго относительно Россіи.

Въ настоящее время, когда идутъ оживленные толки и въ печати и въ обществѣ объ отношеніи Болгаріи къ Россіи, весьма умѣстно вспомнить напечатанную въ 1-й октябрьской книжкѣ журнала „La Revue“ за 1913 г. статью „Le Saint-Siège et les Balkans“, въ которой говорится именно объ этихъ отношеніяхъ, вслѣдствіе чего она пріобрѣтаетъ живой, современный интересъ.

Глава I.

Разговоръ кардинала Ледоховскаго съ русскимъ дипломатомъ весною 1894 года о князѣ Фердинандѣ Болгарскомъ, и о предстоящей князю значительной роли въ Болгаріи.—Предсказаніе кардинала о кончинѣ Императора Александра III.—Схизматическая болгарская церковь; сохраненіе ея независимости при поддержкѣ Ватикана.—Мѣропріятія принцессы Клементины для возсоединенія болгаръ съ католицизмомъ.—Католическая, Византійская, Болгарская имперія.

Авторъ названной статьи, русскій дипломатъ, князь N, пріѣхавъ весной 1894 г. въ Римъ, счелъ долгомъ побывать у стараго своего знакомаго, кардинала Ледоховскаго. Въ передней его онъ встрѣтилъ старую даму съ сѣдыми волосами, которую кардиналъ провожалъ со знаками самаго высокаго почтенія. Это была принцесса Клементина, мать князя Фердинанда Болгарскаго. Съ нея и началъ князь разговоръ, выразивъ сожалѣніе, что дѣти ея не наслѣдовали высокаго ума дочери короля Луи-Филиппа.

— Э-э, возразилъ кардиналъ, кажется однако-жъ, князь Фердинандъ не такъ глупъ...

— Глупъ—нѣтъ, но конечно неспособенъ выпутаться изъ труднаго положенія, въ которомъ онъ находится.

— Вотъ какъ разъ вы заблуждаетесь, возразилъ Ледоховскій. Не говоря уже о томъ, что князь Фердинандъ пользуется превосходными совѣтами своей матери, онъ самъ по себѣ тонкій политикъ, и я не сомнѣваюсь, что онъ не только сумѣетъ утвердиться въ Болгаріи, но и будетъ играть одну изъ самыхъ значительныхъ ролей. У него въ жилахъ хорошая кровь.

— Кровь Эгалитэ, не могъ не замѣтить князь.

— Кровь Эгалитэ,—да, но если эта кровь была, она опасна во Франціи, она можетъ оказаться полезной въ другомъ мѣстѣ. Я ненавижу всѣ интриги, продолжалъ кардиналъ самымъ серьезнымъ тономъ, но иногда духъ интриги необходимъ, когда имѣется въ виду достиженіе великой цѣли.

— Но какую же великую цѣль можетъ имѣть князь Фердинандъ. Единственная, которую онъ можетъ преслѣдовать—это возведеніе княжества Болгаріи на степень королевства, а для этого ему необходима поддержка Россіи, на что разсчитывать нельзя, въ особенности при нынѣшнемъ нашемъ императорѣ.

— Александръ III не проживетъ и года, отвѣчалъ кардиналъ.

Князь былъ пораженъ. Въ это время, въ мартѣ 1894 г. о болѣзни, постигшей нашего Государя, ничего не было извѣстно въ обществѣ и даже его окружающіе ничего не знали о ея серьезности. Князь былъ смущенъ увѣренностью, съ которой Ледоховскій произнесъ смертный приговоръ Государю. Замѣтивъ это, Ледоховскій продолжалъ:

— Васъ удивляетъ то, что я сказалъ, но припомните, что у насъ есть такіе источники свѣдѣній, которые не всѣмъ доступны, и рѣдко эти свѣдѣнія оказываются не точными. Когда дѣло идетъ о столь замѣтной личности, какъ вашъ Государь, то естественно, что мы стремимся знать все, что касается его. Повторяю вамъ, что Александръ III пораженъ смертельно и никогда не оправится отъ этой болѣзни, которая его подтачиваетъ. Ваши врачи, сколько ихъ ни есть, ничего не понимаютъ. Да, Александръ III не проживетъ и года; тогда послѣдуютъ большія перемѣны и князь Фердинандъ будетъ играть еще большую роль въ Европѣ.

— Вы забываете объ одномъ, замѣтилъ князь, что кромѣ своего иностраннаго происхожденія, Фердинандъ имѣетъ противъ себя свои извѣстныя австрійскія симпатіи и религію. Болгарія—православная, а Кобурги—католики, принцесса Клементина считается даже фанатичной,—такъ какъ же вы хотите, чтобы католическій князь, сынъ фанатичныхъ родителей, заставилъ себя полюбить въ странѣ православной, какова Болгарія.

— Вотъ въ чемъ вы ошибаетесь, возразилъ кардиналъ, Болгарія—не православная.

— Не православная? воскликнулъ князь.

— Нѣтъ, не православная. Церковь болгарская не православная, греческая, а болгарская, да она вѣдь и у васъ называется схизматической. Всѣ ваши современные богословы говорили о болгарской схизмѣ. Между тѣмъ Вы знаете, что схизма доступна обращенію на истинный путь, и остается узнать, къ какому исповѣданію примкнетъ окончательно болгарская церковь, и я не вижу, почему ей необходимо войти въ лоно вашей церкви, а не соединиться съ церковью Константинопольской или же нашей. Васъ это удивляетъ, продолжалъ Ледоховскій, но когда вы взглянете на сущность вещей, то вы найдете, что я не совсѣмъ неправъ. Болгарія переживаетъ рѣшительный моментъ своего существованія и принцесса Клементина лучше это понимаетъ, чѣмъ ея сынъ. Вотъ почему она благопріятствуетъ развитію религіознаго образованія въ Болгаріи. Да вотъ одной изъ причинъ ея визита ко мнѣ была просьба послать нѣсколько сестеръ милосердія, которыя могли бы, въ случаѣ надобности, руководить школами для бѣдныхъ дѣтей, которыя она хочетъ учредить въ Софіи. При хорошемъ обученіи легко направить націю на извѣстный путь, въ особенности когда этотъ путь есть путь прогресса.

— Но что же будутъ дѣлать сестры въ странѣ, не зная болгарскаго языка?

— Языку выучиться не трудно, да и не въ этомъ пока дѣло. Я хотѣлъ вамъ дать понять, что князь Фердинандъ можетъ легко овладѣть религіознымъ вопросомъ, вы знаете, что народы больше всего любятъ независимость, а если имъ ее обѣщаютъ во всемъ, даже въ религіи, то они конечно пойдутъ за тѣми, кому они довѣряютъ, что независимость будетъ неприкосновенна. Я не вижу необходимости для болгарской церкви присоединиться къ православію, какъ оно практикуется у васъ или въ Аѳинахъ и въ Константинополѣ, и стать въ зависи-

мость отъ одной изъ этихъ церквей, тогда какъ она можетъ оставаться независимой, пользуясь поддержкой Ватикана. Ватиканъ—это еще сила, хотя папа и не имѣетъ власти въ матеріальномъ смыслѣ этого слова.

— Но вы не допускаете, безъ сомнѣнія, обращенія цѣликомъ болгарской націи въ католичество;—вѣдь мы живемъ не во времена Хлодвига.

— Обращеніе. Кто говоритъ объ этомъ. Примиреніе—самое большее.

— Извините, не вѣрю я въ примиреніе.

— Вы еще молоды, мой другъ, сказалъ кардиналъ съ тонкой улыбкой. Вамъ многое остается узнать, вы не знаете еще, что значатъ эти два слова: „взаимныя уступки“. Вернитесь назадъ, продолжалъ онъ,—и припомните уроки исторіи, которые вамъ давали въ дѣтствѣ. Чѣмъ была Византійская имперія? Христіанской имперіей, т. е. католической, такъ какъ тогда не существовало другой христіанской церкви. Что же удивительнаго, что новая Византійская имперія, имѣющая возникнуть, будетъ католической—какъ первая. Для всего міра было бы важно видѣть крестъ, вновь воздвигнутый на св. Софіи. Это было бы торжествомъ всего христіанскаго міра независимо отъ раздѣляющихъ его исповѣданій. При этихъ условіяхъ Римъ оказался бы снисходительнымъ; онъ взглянулъ бы благосклонно на болгарскую церковь и усвоеніе ею формъ древняго греческаго ритуала; другой вопросъ—были ли бы столь же снисходительны Петербургъ и Константинополь. Россія, я убѣжденъ, никогда не допуститъ иного верховенства власти на Балканахъ, кромѣ своего.—Я хотѣлъ вамъ дать понять, что наша церковь смотритъ иначе на болгарскую церковь, чѣмъ ваша, и если мы терпимъ первую, то мы отказываемся допустить вторую.

Глава II.

Попытки Фердинанда къ сближенію съ Россіей, при сохраненіи полной независимости.—Фердинандъ въ далматикѣ и мантіи Византійскихъ императоровъ.—Свиданіе Фердинанда съ Львомъ XIII и предположеніе къ обращенію въ православіе княжича Бориса.—Секретная встрѣча принцессы Клементины въ Швейцаріи съ римскимъ прелатомъ о установленіи болгарской іерархіи, принимающей верховенство святого престола.—Истинныя чувства, которыя питаетъ болгарское населеніе къ Россіи.

Зимой 1894 г. послѣ преждевременной кончины Императора Александра III начали смутно говорить о попыткахъ сближенія князя Фердинанда съ Россіей. Новый Авраамъ, говорили,

хотѣлъ принести въ жертву своихъ дѣтей—если не Богу, то отечеству. Тогда вопросъ былъ обо всѣхъ дѣтяхъ князя, а не объ одномъ старшемъ сынѣ.

По совѣтамъ очень высокопоставленныхъ лицъ князь Фердинандъ призналъ, что если онъ хотѣлъ утвердиться въ Болгаріи, то онъ долженъ былъ попытаться примириться съ русскимъ кабинетомъ, который съ тѣхъ поръ отказывалъ признать законность его избранія на болгарскій престолъ. Трудность состояла въ томъ, чтобы, добившись полнаго признанія, не сдѣлаться вассаломъ Россіи, а сохранить свою независимость, не будучи связаннымъ обязательствами, которыя трудно было бы нарушить. Фердинандъ честолюбивъ; онъ мечтаетъ о возстановленіи старой Византійской имперіи и не даромъ же онъ снялся въ фотографіи въ костюмѣ старыхъ Византійскихъ императоровъ, въ далматикѣ и мантіи, густо расшитой на плечахъ. Фотографія эта предназначена была только для членовъ его семейства и не должна была поступить въ обращеніе въ публику,—развѣ только при исключительныхъ обстоятельствахъ [1]). Но въ то же время Фердинандъ отдавалъ себѣ отчетъ, что онъ не имѣетъ никакого права на наслѣдство Палеологовъ и Комненовъ и что единственно, что ему остается сдѣлать, это прибѣгнуть къ силѣ.

Въ это время вкрадчивый голосъ одного іезуита выяснилъ затрудненія, въ которыхъ путался Фердинандъ, и указалъ ему путь, способный привести его къ цѣли, которую онъ преслѣдовалъ.

Извѣстно, что однимъ изъ самыхъ пламенныхъ желаній Льва XIII было соединеніе греческой и латинской церквей. Была даже образована особая комиссія съ цѣлью изучить этотъ вопросъ. Далекій отъ того отвращенія, которое имѣлъ къ разнымъ православнымъ общинамъ Пій IX, преемникъ его далъ доказательство крайняго къ нимъ благоволенія. Многочисленныя миссіи въ Левантѣ получили точныя инструкціи—быть снисходительными насколько возможно къ греческимъ общинамъ и даже закрывать глаза на нарушеніе нѣкоторыхъ привилегій, которыми пользовались латинскія общины. Все это создавало вокругъ князя Фердинанда особую атмосферу, вліяніе

---

[1]) „Наше Время“ въ передовой статьѣ (отъ 6 іюля п. г. № 14123) сообщаетъ, что множество фотографій Фердинанда въ одѣяніи Византійскихъ императоровъ было распространено въ 1912 и 1913 г. въ рядахъ Болгарской арміи и сдѣланы были приготовленія къ коронаціи во время похода генерала Савова на Чаталджу.

которой онъ чувствовалъ. Самъ того не подозрѣвая, онъ испытывалъ впечатлѣніе этой атмосферы и увлекся обѣщаніями многаго, чего онъ рѣшилъ не исполнять, но принять потомъ во вниманіе. Въ это время онъ отправился въ Римъ и имѣлъ свиданіе съ папой. Эти оба глубокіе политики хорошо поняли другъ друга и согласились соблюдать благоприличіе, такъ что благословеніе, которое далъ Левъ XIII сыну принцессы Клементины, показалось въ глазахъ свѣта ничѣмъ инымъ, какъ порицаніемъ.

Этого именно и желалъ Фердинандъ. Явный разрывъ съ Римомъ представлялъ лучшую гарантію, какую онъ могъ дать, своей солидарности со славянскими чаяніями на Балканахъ. Фердинандъ вполнѣ отдавалъ себѣ отчетъ, что съ поддержкой Россіи онъ можетъ сдѣлаться однимъ изъ наиболѣе важныхъ, если только не совсѣмъ важнымъ лицомъ, среди королей и князей, спорящихъ изъ-за первенства на Балканахъ, но въ то же время онъ зналъ, что онъ долженъ дать видимый залогъ вѣрности русскимъ интересамъ, чтобы не оставить никакого подозрѣнія въ его искренности.

Этотъ залогъ—это было обращеніе къ православію старшаго сына Фердинанда и наслѣдника княжича Бориса. Но рѣшиться на это—значило сжечь корабли со стороны Австріи, которая сдѣлала ему авансы, въ то время, какъ Петербургскій кабинетъ поворачивался къ нему спиной, это значило возбудить противъ себя австрійскую аристократію, среди которой у него была масса друзей; это значило оттолкнуть отъ себя навсегда католическое духовенство, котораго вліяніе на Востокѣ было однако-жъ значительно и которое при помощи различныхъ миссій въ Левантѣ могло ему чувствительно навредить. Всѣ эти обстоятельства затрудняли сына принцессы Клементины, съ которой онъ долго ихъ обсуждалъ и по нѣскольку разъ. Результатомъ этихъ обсужденій была поѣздка въ Римъ, а передъ тѣмъ новая крайне секретная встрѣча въ началѣ 1895 г. въ Швейцаріи принцессы Клементины съ однимъ римскимъ прелатомъ, который занималъ въ конгрегаціи прелатовъ важный постъ, и который взялъ на себя начать въ Ватиканѣ переговоры касательно возможности установленія болгарской іерархіи, признаваемой Римомъ и, съ своей стороны, принимающей верховенство святого престола.

Мысль эта должна была соблазнить такого способнаго политика и дипломата, какимъ былъ Левъ XIII. Она была пріятна и Австріи, которая, понимая, что она не можетъ еще претен-

довать на абсолютное верховенство на Балканахъ, имѣла бы такимъ путемъ сильное тамъ вліяніе, пользуясь княземъ или царемъ Фердинандомъ какъ орудіемъ ея плановъ и исполнителемъ ея мѣропріятій по уничтоженію вліянія России на Балканскомъ полуостровѣ. Она должна была, какъ ни странно это можетъ показаться на первый взглядъ, снискать симпатію болгарскаго духовенства,—которому противна была зависимость отъ Константинополя или отъ Аѳинъ и еще болѣе отъ Петербурга, но которое мечтало о независимости, въ чемъ пока ему было отказано.

Для всякаго, кто знаетъ Болгарію, трудно сохранить хоть малѣйшую иллюзію относительно чувствъ, которыя питаетъ населеніе этой страны къ Россіи. Преданность русскому дѣлу высказывается иногда лишь въ журнальныхъ статьяхъ и выражается внѣшнимъ образомъ только въ вѣнкахъ, возлагаемыхъ къ подножію памятника Александру II, поставленнаго на одной изъ Софійскихъ площадей. Нація, правительство и духовенство, когда они думаютъ объ Россіи, слѣдуютъ правилу Ларошфуко, что „неблагодарность есть независимость сердца". Они мечтаютъ изгладить воспоминаніе о томъ, чѣмъ они обязаны Россіи, и далеко не будучи ей преданы, они однакожъ требуютъ отъ нея поддержки каждый разъ, когда находятъ ее необходимой или выгодной,—но они смѣются надъ наивностью, съ которою русская публика принимаетъ ихъ лицемѣрныя заявленія преданности, и каждый разъ, когда они воображаютъ, что они ввели дипломатію и въ особенности русскую печать въ заблужденіе, то они испытываютъ такую радость, которая не можетъ не поразить тягостно проницательнаго русскаго, оказавшагося случайно ея свидѣтелемъ.

Глава III.

Фердинандъ получаетъ громадныя суммы для подготовленія соединенія болгарской схизмы съ Римской церковью.—Болгарскій экзархъ будущій патріархъ константинопольскій.—Фердинандъ Византійскій Императоръ.—Князь Лобановъ Ростовскій мечтаетъ вернуть Болгарію къ Россіи.—Псевдоприсоединеніе княжича Бориса къ православію.—Славянская конференція во главѣ съ Фердинандомъ подъ покровительствомъ Австріи.—Трактатъ съ Греціей и Сербіей съ намѣреніемъ Болгаріи не исполнить его.

Левъ XIII въ разговорахъ съ рѣдкими духовными лицами, которыхъ онъ приближалъ къ себѣ, не разъ высказывалъ радость, какую онъ испыталъ бы лично, а также за весь католи-

ческій міръ отъ соединенія болгарской схизмы съ Римскою церковью. Съ этою цѣлью всѣ огромные рессурсы пропаганды были переданы въ распоряженіе князя Фердинанда, чтобы дать ему возможность провести мысль о такомъ соединеніи въ болгарскомъ народѣ. Честолюбіе духовенства Болгаріи было заботливо подстрекаемо: болгарскому экзарху показывали въ перспективѣ бѣлый клобукъ митрополита, а затѣмъ и патріарха.

Обширный заговоръ былъ затѣянъ во мракѣ. Онъ имѣлъ цѣлью посадить домъ Кобурговъ, при помощи Ватикана и Вѣны, на тронѣ древнихъ Византійскихъ императоровъ въ Константинополѣ, а болгарскаго экзарха на патріаршій тронъ Св. Софіи, къ великой радости христіанскаго міра, который долженъ былъ признать совершившійся фактъ и радоваться паденію полумѣсяца.

Въ этомъ заговорѣ принимали участіе не только высшее духовенство Рима и Софіи, но и Вѣны и весь цѣликомъ орденъ іезуитства съ кардиналомъ Штейнгюберомъ во главѣ.

А князь Фердинандъ не рѣшилъ еще, какой линіи поведенія слѣдуетъ ему держаться. Онъ выслушивалъ всѣ отвѣты, которые давали ему отовсюду—изъ Вѣны, изъ Рима и изъ Петербурга—и ждалъ.

Пока онъ обуревался сомнѣніями и спрашивалъ себя, что ему слѣдуетъ предпринять, въ Петербургѣ произошло событіе, которое имѣло огромное вліяніе на его рѣшеніе. Министръ Гирсъ сошелъ въ могилу и былъ замѣненъ княземъ Лобановымъ, съ которымъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ Фердинандъ велъ переговоры съ цѣлью добиться признанія Россіей его права на Болгарскій престолъ. Лобановъ, человѣкъ крайне тонкій и умный, былъ дипломатъ старой школы. Занявъ постъ посла въ Вѣнѣ, онъ не могъ не знать извилистыхъ путей австрійской политики. Къ сожалѣнію, онъ не имѣлъ случая наблюдать путей политики Ватикана. Онъ тотчасъ увидѣлъ важность для Россіи вернуть Болгарію въ сферу ея политики и сдѣлать Болгарію тѣмъ, чѣмъ она всегда должна была бы быть, союзникомъ и вассаломъ нашей страны. Къ несчастью, при всемъ своемъ умѣ онъ не отдавалъ себѣ отчета, что присоединеніе княжича Бориса къ болгарской схизмѣ совсѣмъ не то, что присоединеніе его къ православію. Церемонія псевдокрещенія маленькаго мальчика, сдѣлавшагося ставкой въ игрѣ, происходившей въ Софіи, сопровождалась такими обстоятельствами, которыя, естественно, не были замѣчены. Такъ, крестъ

былъ возложенъ на ребенка латинскій, а не греческій, святое миро было взято изъ церкви возсоединенныхъ грековъ и наконецъ погруженія въ воду не было.

Для всякаго, кто знаетъ непреклонность Римскаго двора когда дѣло идетъ объ отступничествѣ отъ его догматовъ, не можетъ быть сомнѣнія, что событія, случившіеся въ Софіи, были терпимы,—если только не одобрены въ Ватиканѣ.

Когда князь Фердинандъ былъ признанъ Россіей, а также и другими великими державами Европы государемъ Болгаріи, онъ продолжалъ сношенія какъ съ пропагандой, такъ и съ іезуитами, и съ Вѣнскимъ кабинетомъ. Мало-по-малу образовался проектъ обширной славянской Имперіи или славянской конфедераціи, во главѣ которой стоялъ бы Фердинандъ подъ покровительствомъ Австріи. Соединеніе Болгарской церкви съ Римомъ повело бы къ разрыву съ Россіей, но способный Кобургъ предоставилъ себѣ выбрать моментъ, когда слѣдуетъ приступить къ этому соединенію—именно тогда, когда, благодаря покровительству Россіи, ему удалось бы низвергнуть съ престола султана и утвердиться на берегахъ Босфора. Этотъ проливъ надлежало открыть для военныхъ кораблей всей Европы, и тогда Россія не могла бы претендовать на обладаніе имъ. Великая славянская имперія, о которой мечталъ Петръ Великій, пала бы передъ интригами Ватикана.

Князь Фердинандъ, послѣ признанія его великими державами, продолжалъ исполнять планъ, замышляемый способными людьми, сумѣвшими сдѣлать князя своимъ ученикомъ. Восточная Румелія объявила независимость и княжество Болгарское сдѣлалось царствомъ. Всѣ усилія были направлены къ тому, чтобы упрочить новый престолъ, и послѣ смерти Льва XIII политику его продолжали какъ конгрегація пропаганды, такъ и общество іезуитовъ, высшіе вліятельные члены котораго явились переодѣтыми въ Софію и вступили въ сношенія съ высшимъ болгарскимъ духовенствомъ. Издержали огромныя суммы, чтобы побудить европейскую печать воспѣвать хвалы молодому царству, во главѣ котораго стоитъ столь знаменитый правитель, какъ царь Фердинандъ. Вскорѣ нашли, что дѣло можно двинуть далѣе и тогда благодаря тайнымъ стараніямъ австрійской дипломатіи и поощренію Ватикана былъ подписанъ съ Греціей и Сербіей знаменитый трактатъ, который Болгарія заключила, какъ она цинически призналась, съ намѣреніемъ не исполнить своихъ обѣщаній.

Остальное извѣстно; извѣстно, какъ обманчивы бываютъ самые тонкіе человѣческіе разсчеты. Но чего не знаютъ, и что лучше всего даетъ понятіе о тайныхъ пружинахъ всей этой исторіи, это то, что въ день объявленія войны Турціи, во всѣхъ религіозныхъ католическихъ учрежденіяхъ въ Левантѣ, а также въ церквахъ возсоединенныхъ грековъ въ Римѣ совершались божественныя службы для снисканія благословенія неба на православныя болгарскія арміи. О сербахъ и грекахъ не было и помину.

В. Перетолчинъ.

Сборникъ дипломатическихъ документовъ, касающихся событій на Балканскомъ Полуостровѣ [1]).

(Августъ 1912 г.—Іюль 1913 г.).

---

322 [2]).

Посланникъ въ Букарестѣ.

2 декабря 1912 г.

(Телеграмма).

Въ сегодняшней бесѣдѣ со мною Г-нъ Маіореско высказалъ надежду, что Г-нъ Даневъ будетъ уполномоченъ на веденіе переговоровъ въ Лондонѣ съ Румынскимъ Представителемъ Г-номъ Мишу.

(Подп.) *Шебеко.*

323.

Посланникъ въ Софіи.

10 декабря 1912 г.

(Телеграмма).

Я указалъ Г-ну Гешову на необходимость не откладывать переговоровъ съ Румыніей объ исправленіи границы въ Добруджѣ. При этомъ я обратилъ его вниманіе на то, что каждый день промедленія объясняется въ Букарестѣ, какъ доказатель-

---

[1]) Обращаемъ особое вниманіе нашихъ читателей на этотъ сборникъ, который наглядно разъясняетъ ходъ событій на Балканскомъ полуостровѣ.

[2]) См. „Русская Старина", октябрь 1915 г.

ство намѣренія болгаръ не дать Румынамъ ничего. Г-нъ Гешовъ обѣщалъ мнѣ сегодня же послать Г-ну Даневу указанія начать переговоры съ новымъ Румынскимъ Посланникомъ въ Лондонѣ, Г-номъ Мишу, какъ это обусловлено было между обѣими сторонами при проѣздѣ Г-на Данева черезъ Букарестъ. Г-нъ Гешовъ заявилъ при этомъ, что для Болгарскаго Правительства невозможно будетъ уступить Силистрію, такъ какъ это вызвало бы бурю во всей странѣ и несомнѣнно заставило бы Кабинетъ подать въ отставку.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

324.

Посланникъ въ Букарестѣ.

11 декабря 1912 г.

(Телеграмма).

Сегодня Г-нъ Маіореско сообщилъ мнѣ, что Румынскому Представителю въ Лондонѣ дано по телеграфу предписаніе, не ожидая конца переговоровъ Порты съ Балканскими союзниками, приступить немедленно къ переговорамъ съ Г-номъ Даневымъ относительно ректификаціи румыно-болгарской границы. Настоящій шагъ является, повидимому, послѣднимъ актомъ Румынскаго Правительства въ стремленіи добиться отъ Болгаріи мирнымъ путемъ удовлетворенія своихъ притязаній. Было бы крайне желательно, во избѣжаніе новыхъ осложненій на Балканахъ, чтобы Болгарія рѣшительно пошла навстрѣчу пожеланіямъ Румынскаго Правительства.

(Подп.) *Шебеко.*

325.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Софіи.

С.-Петербургъ, 17 декабря 1912 года.

(Телеграмма).

Ссылаюсь на Вашу телеграмму 10 декабря.

Благоволите сообщить Г-ну Гешову, что у насъ имѣются серьезныя указанія на то, что Румынія усиливаетъ свои воору-

женія въ связи съ переговорами съ Болгаріей и обратить самое серьезное вниманіе его на необходимость возможно скорѣе приступить къ практической постановкѣ переговоровъ съ Румынскимъ Правительствомъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

326.

Посолъ въ Лондонѣ.

15 декабря 1912 г.

(Телеграмма).

Г-нъ Даневъ ознакомилъ меня съ послѣдними болгарскими предложеніями: 1) церковная и школьная автономія куцовлаховъ въ Македоніи, 2) срытіе укрѣпленій и фортовъ Силистріи, и, въ крайнемъ случаѣ, уступка стратегической позиціи Меджидіе—Табіа, 3) исправленіе границы по прямой линіи, съ уступкою румынамъ приблизительно 20 деревень, 4) гарантія неприкосновенности румынской Добруджи.

(Подп.) *Графъ Бенкендорфъ.*

327.

Посланникъ въ Букарестѣ.

19 декабря 1912 г.

(Телеграмма).

Продолжающіяся здѣсь усиленнымъ темпомъ военныя приготовленія повидимому имѣютъ цѣлью оказать давленіе на Болгарское Правительство и увеличить боевую готовность страны на случай разрыва съ Болгаріей. Г-нъ Маіореско выразилъ мнѣ сегодня искреннюю признательность за поддержку, оказываемую нами въ Софіи румынскимъ пожеланіямъ; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ заявилъ мнѣ, что Г-ну Мишу даны инструкціи дѣйствовать въ Лондонѣ совершенно самостоятельно, касаясь только вопросовъ, задѣвающихъ жизненные интересы Румыніи.

(Подп.) *Шебеко.*

328.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Лондонѣ

С.-Петербургъ, 21 декабря 1912 г.

(Телеграмма).

Ссылаюсь на Вашу телеграмму 15 декабря.

Я сказалъ здѣшнему Румынскому Посланнику, что, по нашимъ свѣдѣніямъ, соглашеніе между Болгаріей и Румыніей возможно на основахъ, соотвѣтствущихъ указаннымъ въ Вашей телеграммѣ четыремъ пунктамъ послѣднихъ болгарскихъ предложеній. Болгарскій Посланникъ, котораго я въ свое время ознакомилъ съ Вашей телеграммой, нынѣ увѣдомилъ меня о полученной имъ отъ Г-на Гешова телеграммѣ, что онъ ничего не знаетъ о предметахъ, перечисленныхъ въ четырехъ пунктахъ, и что Г-нъ Даневъ не имѣетъ полномочія рѣшать эти вопросы въ указанномъ смыслѣ.

Благоволите сказать Г-ну Даневу, что, вполнѣ сочувствуя его примирительнымъ усиліямъ, мы даемъ ему нашъ совѣтъ воздѣйствовать на свое Правительство въ смыслѣ скорѣйшаго разрѣшенія вопроса.

(Подп.) *Сазоновъ.*

329.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Софіи.

С.-Петербургъ, 21 декабря 1912 г.

(Телеграмма).

Поручаемъ Вамъ заявить Г-ну Гешову, что мы отнюдь не можемъ сочувствовать упорству Софійскаго Кабинета, не желающаго поставить на практическую почву переговоры съ Румыніей. Румынія до сихъ поръ выказывала самое лояльное отношеніе къ Болгаріи, благодаря, главнымъ образомъ, тому, что мы указали Букарестскому Кабинету, что его умѣренность получитъ должное признаніе съ нашей стороны и что мы дадимъ въ Софіи совѣтъ считаться съ разумными желаніями ея сосѣдки.

Нынѣ своей неуступчивостью Софійскій Кабинетъ ставитъ насъ въ неловкое положеніе по отношенію къ Румынскому Правительству.

Обратите вниманіе Болгарскаго Правительства на то, что нашъ отказъ отъ всякаго дальнѣйшаго участія въ этомъ дѣлѣ едва-ли соотвѣтствовалъ бы интересамъ Болгаріи.

(Подп.) *Сазоновъ*.

330.

Посланникъ въ Софіи.

23 декабря 1912 г.

(Телеграмма).

Мнѣ было сдѣлано оффиціальное заявленіе, что Болгарское Правительство обращается къ Императорскому Правительству съ просьбой взять на себя посредничество между Румыніей и Болгаріей на основаніи 4 пунктовъ, сообщенныхъ Г-омъ Даневымъ нашему Послу въ Лондонѣ, въ случаѣ если бы между Г-номъ Даневымъ и Г-номъ Мишу не могло состояться въ Лондонѣ непосредственнаго, на этихъ основаніяхъ, соглашенія.

(Подп.) *Неклюдовъ*.

331.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Букарестѣ.

С.-Петербургъ, 25 декабря 1912 г.

(Телеграмма).

Здѣшній Болгарскій Посланникъ письменно передалъ мнѣ просьбу Болгарскаго Правительства о принятіи нами на себя посредничества въ переговорахъ съ Румыніей на основѣ четырехъ пунктовъ, сообщенныхъ Г-омъ Даневымъ нашему Послу въ Лондонѣ.

Благоволите передать Румынскому Правительству, что по нашему глубокому убѣжденію этотъ шагъ указываетъ на значительный поворотъ въ настроеніи Софійскаго Кабинета, къ которому нельзя не отнестись съ полнымъ вниманіемъ. Указанныя основанія представляютъ по нашему мнѣнію серьезное обезпеченіе румынскихъ интересовъ.

Мы выражаемъ твердую надежду, что Румынское Правительство признаетъ возможнымъ принять дѣлаемое ему предложеніе.

Такимъ шагомъ ему удастся положить твердое основаніе тѣмъ отношеніямъ съ Болгаріей, которыя соотвѣтствуютъ интересамъ мира и новому порядку вещей на Балканскомъ Полуостровѣ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

332.

Посланникъ въ Букарестѣ.

26 декабря 1912 г.

(Телеграмма).

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ просилъ меня довести до свѣдѣнія Императорскаго Правительства, что, въ виду явнаго нежеланія со стороны Болгарскаго Правительства приступить къ серьезному обсужденію румынскихъ притязаній, Румынское Правительство рѣшило, безъ объявленія войны и даже мобилизаціи арміи, занять своими войсками болгарскую территорію, на которую претендуетъ Румынія, дабы этимъ побудить Болгарію серьезно отнестись къ румынскимъ пожеланіямъ. Особенное раздраженіе вызвало, повидимому, здѣсь оставленіе безъ отвѣта румынскаго предложенія, сдѣланнаго чрезъ Румынскаго Представителя въ Софіи, объ оказаніи Болгаріи дипломатической и даже вооруженной поддержки, а также отказъ Г-на Данева вести дальнѣйшіе переговоры съ Румынскимъ Представителемъ въ Лондонѣ. Румынское Правительство усмотрѣло въ этихъ фактахъ не только уклоненіе отъ удовлетворенія его желанія, но и невнимательное къ Румыніи отношеніе со стороны Болгаріи. Я самымъ настойчивымъ образомъ отсовѣтовалъ Г-ну Маіореско прибѣгать къ такому шагу, который шелъ бы прямо въ разрѣзъ съ мирными стремленіями Державъ и на всегда испортилъ бы отношенія между Румыніей и ея ближайшею сосѣдкою.

(Подп.) *Шебеко.*

333.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Букарестѣ.

С.-Петербургъ, 27 декабря 1912 г.

(Телеграмма).

Обратите вниманіе Румынскаго Правительства на то, что послѣднія болгарскія предложенія, поставившія переговоры о пограничномъ размежеваніи на совершенно опредѣленную почву, лишили бы на нашъ взглядъ всякаго оправданія такую серьезную мѣру, какой была бы оккупація Болгарской территоріи.

Принятіе указанныхъ мѣръ теперь послѣ того, что мы только-что передали въ Букарестъ предложенія Софійскаго Кабинета, находя въ нихъ элементы серьезнаго обезпеченія румынскихъ интересовъ, произвело бы въ Россіи тяжелое впечатлѣніе.

(Подп.) *Сазоновъ.*

334.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Софіи.

С.-Петербургъ, 27 декабря 1912 г.

(Телеграмма).

Поручаемъ Вамъ передать Болгарскому Правительству нашъ настоятельный совѣтъ не прерывать переговоровъ съ Румынскимъ Правительствомъ, требовательность коего объясняется медлительностью Софійскаго Кабинета, о послѣдствіяхъ коей мы столько разъ предупреждали его.

Отмѣтьте Г-ну Гешову, что о намѣреніи перейти къ фактическому занятію болгарскихъ мѣстностей Румынскій Министръ сообщилъ нашему Посланнику въ Букарестѣ до полученія отъ послѣдняго сообщенія о четырехъ пунктахъ, предложенныхъ Болгаріей.

(Подп.) *Сазоновъ.*

335.

Посланникъ въ Букарестѣ.

28 декабря 1912 г.

(Телеграмма).

Сегодня Министръ Иностранныхъ Дѣлъ просилъ меня передать Вамъ, что онъ получилъ отъ Румынскаго Посланника въ Лондонѣ извѣщеніе о томъ, что Г-нъ Даневъ получилъ категорическое предписаніе Болгарскаго Правительства продолжать переговоры и изъявилъ на это согласіе. Румынское Правительство, со своей стороны, отказалось, въ виду этого отъ принятаго имъ рѣшенія занятіемъ болгарской территоріи оказать давленіе на Болгарію. Г-нъ Маіореско вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ меня выразить Вамъ глубокую признательность за содѣйствіе, оказываемое Вами Румыніи.

(Подп.) *Шебеко.*

336.

Посланникъ въ Букарестѣ.

2 января 1913 г.

(Телеграмма).

Министръ-Президентъ сказалъ мнѣ, что Болгарія, обращаясь къ нашему посредничеству во время веденія непосредственныхъ переговоровъ между Г.Г. Мишу и Даневымъ, развязываетъ руки Румыніи, а потому Румынское Правительство намѣрено снабдить своихъ Представителей при Великихъ Державахъ для сообщенія Правительствамъ, при которыхъ они аккредитованы, подробно мотивированною запискою касательно румынскихъ притязаній. Въ настоящее время, въ виду возобновленія переговоровъ между Г.Г. Даневымъ и Мишу, Румынское Правительство считаетъ, повидимому, веденіе дѣла сосредоточеннымъ въ Лондонѣ.

(Подп.) *Шебеко.*

337.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Букарестѣ.

С.-Петербургъ, 3 января 1913 г.

(Телеграмма).

Мы освѣдомились, что Румынскій Посланникъ въ Софіи упоминалъ о намѣреніи Румынскаго Правительства прибѣгнуть къ добрымъ услугамъ одной изъ Великихъ Державъ.

Это извѣстіе побуждаетъ насъ напомнить Букарестскому Кабинету, что нѣсколько недѣль тому назадъ румыны оффиціально просили нашего посредничества въ спорѣ ихъ съ болгарами. Поэтому мы сочли необходимымъ поставить ихъ въ извѣстность о предложеніяхъ Болгаріи, согласно просьбѣ последней. До сихъ поръ отвѣта румынъ мы не получали и намъ неизвѣстно, чтобы таковой отвѣтъ былъ данъ непосредственно Болгарскому Правительству. Было бы полезно, чтобы Вы разъяснили Румынскому Правительству нашу точку зрѣнія на характеръ нашего посредничества

(Подп.) *Сазоновъ*.

338.

Посланникъ въ Букарестѣ.

4 января 1913 г.

(Телеграмма).

Я объяснился сегодня съ Г-номъ Маіореско по вопросу о нашемъ посредничествѣ. Онъ началъ съ того, что выразилъ свое удовольствіе случаю объясниться по этому поводу. Относительно обращенія Румыніи къ нашему посредничеству въ октябрѣ, имѣвшаго цѣлью завязать съ Болгаріею сношенія по вопросу о ректификаціи границы, Румынское Правительство, по словамъ Г-на Маіореско, вполнѣ сознавало, что именно благодаря нашему посредничеству состоялся пріѣздъ Г-на Данева въ Букарестъ. Съ этого момента—когда установились прямыя сношенія его съ Болгарскимъ Правительствомъ, оно сочло наше посредничество исполнившимъ съ полнымъ успѣхомъ свою задачу, и потому закончившимся. Что же касается до передачи

нами Румынскому Правительству, по просьбѣ Болгаріи, предложеній послѣдней, то Румынія усмотрѣла въ этомъ съ нашей стороны крайне дружественный поступокъ, за который глубоко намъ благодарна; со стороны же Болгаріи Румынское Правительство усмотрѣло въ обращеніи къ нашему посредничеству выраженіе нежеланія продолжать дальше непосредственные переговоры, что произвело въ странѣ крайне неблагопріятное впечатлѣніе. Съ возобновленіемъ, благодаря нашимъ настояніямъ, переговоровъ между Г.Г. Даневымъ и Мишу въ Лондонѣ, вопросъ вошелъ опять въ нормальную колею, и въ настоящее время переговоры ведутся въ Лондонѣ непосредственно между Румынскимъ и Болгарскимъ Представителями на базѣ 4 пунктовъ, сообщенныхъ нами Румынскому Правительству и принятыхъ имъ къ свѣдѣнію, какъ весьма важный шагъ, могущій легко повести къ заключенію соглашенія. При этихъ обстоятельствахъ Румынское Правительство, по словамъ Г-на Маіореско, не видитъ надобности прибѣгать къ посредничеству третьей Державы, приберегая это средство для той минуты, когда обѣ стороны, путемъ взаимныхъ уступокъ, дойдутъ до мертвой точки; тогда дѣло можетъ быть представлено на рѣшеніе третейскаго судьи. Г-нъ Маіореско только-что получилъ отъ Г-на Таке-Іонеско послѣднія болгарскія предложенія. Онъ сказалъ мнѣ сегодня, что не сомнѣвается въ томъ, что удастся прійти къ соглашенію, но очень желалъ бы перенести переговоры изъ Лондона въ Софію или Букарестъ.

(Подп.) *Шебеко.*

339.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Букарестѣ.

С.-Петербургъ, 4 января 1913 г.

(Телеграмма).

Ссылаюсь на Вашу телеграмму 2 января.

Имѣя въ виду, что еще до возникновенія настоящихъ болгаро-румынскихъ переговоровъ Румынское Правительство обращалось къ нашему посредничеству, мы не можемъ раздѣлять высказаннаго Вамъ Г-номъ Маіореско мнѣнія о неправильности обращенія Болгаріи къ нашему содѣйствію въ переговорахъ. Благоволите объясниться съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ

по содержанію настоящей телеграммы, указавъ, что наше участіе въ румыно-болгарскихъ переговорахъ основано исключительно на желаніи привести таковые къ удовлетворительному исходу для обѣихъ сторонъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

340.

Посланникъ въ Букарестѣ.

5 января 1913 г.

(Телеграмма).

Я объяснился сегодня съ Г-омъ Маіореско по содержанію Вашей телеграммы 4 января. Онъ просилъ меня передать Вамъ глубокую благодарность за благожелательное отношеніе къ Румыніи во время настоящаго кризиса и, въ особенности, за воздѣйствіе въ Софіи, свѣдѣнія о которомъ поступаютъ къ нему изъ самыхъ различныхъ источниковъ.

Если въ настоящую минуту онъ выражаетъ желаніе, чтобы переговоры велись непосредственно между нимъ и Болгаріей, то онъ руководится исключительно тѣмъ соображеніемъ, что веденіе одновременно переговоровъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и разными лицами можетъ запутать дѣло и затянуть благополучное его окончаніе. Такъ, здѣшній Болгарскій Посланникъ, по словамъ Г-на Маіореско, запросилъ по порученію Г-на Гешова на дняхъ Румынское Правительство относительно того, гдѣ происходятъ въ настоящее время переговоры—въ Петербургѣ или Лондонѣ. Г-нъ Маіореско отвѣтилъ, что въ Лондонѣ, и что единственнымъ уполномоченнымъ Румыніи является Г-нъ Мишу.

(Подп.) *Шебеко.*

341.

Посланникъ въ Софіи.

5 января 1913 г.

(Телеграмма).

Въ предложенія, сдѣланныя Г-омъ Даневымъ Румынскимъ Уполномоченнымъ, какъ мнѣ сообщилъ Г-нъ Гешовъ, не включенъ пунктъ объ уступкѣ форта Меджидіе-Табіа подъ Сили-

стріей. Я поспѣшилъ выразить Г-ну Гешову мое удивленіе тому, что, вопреки условленному, Болгарскій Уполномоченный взялъ обратно одну изъ уступокъ и именно такую, которая представляетъ безспорное значеніе. Я выразилъ опасеніе, что подобный образъ дѣйствій можетъ въ столь критическую минуту разрушить возможность соглашенія и, во всякомъ случаѣ, возбудитъ у насъ справедливое неудовольствіе. Г-нъ Гешовъ обѣщалъ мнѣ немедленно исправить эту ошибку и не настаивать болѣе на сохраненіи за болгарами Меджидіе-Табіа.

(Подп.) *Неклюдовъ*.

342.

Посланникъ въ Букарестѣ.

8 января 1913 г.

(Телеграмма).

Г-нъ Маіореско сказалъ мнѣ сегодня, что Румынскому Представителю въ Софіи будетъ поручено предложить Болгарскому Правительству перенести переговоры въ Софію. При существующемъ здѣсь настроеніи теперешняго Кабинета, жаждущаго какъ можно скорѣе покончить съ этимъ вопросомъ, согласіе было бы весьма легко достигнуто, если бы Болгарія выказала малѣйшее желаніе пойти навстрѣчу требованіямъ Румынскаго Правительства.

(Подп.) *Шебеко*.

343.

Посланникъ въ Букарестѣ.

12 января 1913 г.

(Телеграмма).

Послѣ состоявшагося совѣта Министровъ, на которомъ обсуждался вопросъ переговоровъ съ Болгаріей и общее политическое положеніе въ связи съ событіями въ Константинополѣ, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ сообщилъ мнѣ о принятомъ рѣшеніи предписать Г-ну Мишу добиться отъ Г-на Данева опре-

дѣленныхъ письменныхъ предложенiй со стороны Болгарiи. Вопросъ сводится, повидимому, кромѣ 4-хъ пунктовъ, къ уступкѣ береговой полосы до Каварны.

(Подп.) *Шебеко.*

344.

Посланникъ въ Софiи.

12 января 1913 г.

(Телеграмма).

Сегодня Г-нъ Гешовъ оффицiально и опредѣленно подтвердилъ мнѣ извѣстныя уже предложенiя Болгарiи: 1) гарантiю неприкосновенности румынской Добруджи. 2) признанiе церковной и школьной обособленности куцовлаховъ. 3) уступку Румынiи форта Меджидiе-Табiа. 4) уступку полосы болгарской земли на Сѣверъ съ приблизительно 20 деревнями и 5) уступку приморской полосы на Югъ отъ Мангалiи, верстъ въ 6 длиною. Эти предложенiя были сообщены Г-омъ Даневымъ Г-ну Мишу— первыя 4 письменно, а послѣднее три дня тому назадъ устно, и Болгарское Правительство отъ этихъ предложенiй никогда не отступитъ. Но, съ другой стороны, Г-нъ Гешовъ столь же опредѣленно заявилъ мнѣ, что онъ никогда не говорилъ о готовности Болгарiи уступить прибрежную полосу до Каварны: Болгарское Правительство не можетъ, по его словамъ, и думать объ уступкѣ берега до мыса Калiакрiи, господствующаго надъ Варной, а между тѣмъ Каварна расположена ниже Калiакрiи.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

345.

Посланникъ въ Софiи.

14 января 1913 г.

(Телеграмма).

Мой румынскiй коллега только-что сообщилъ мнѣ, что засѣдавшiй въ Букарестѣ въ пятницу Министерскiй Совѣтъ принялъ, повидимому, крайне серьезныя рѣшенiя. Сегодня Князь

Гика снова настаивалъ передъ Г-омъ Гешовымъ на скорѣйшемъ отвѣтѣ болгаръ на послѣднія румынскія требованія. Г-нъ Гешовъ, хотя и предупрежденный мною о серьезности положенія, отвѣчалъ Румынскому Посланнику, что все дѣло въ рукахъ Г-на Данева, и что изъ телеграфныхъ донесеній Г-на Данева явствуетъ, будто бы Г-нъ Мишу самъ долженъ сначала дать отвѣтъ Букарестскаго Кабинета на замѣчанія Г-на Данева по поводу послѣднихъ требованій Румыніи.

Я снова самымъ серьезнымъ образомъ обратилъ вниманіе Г-на Гешова на опасность положенія и на настоятельную необходимость оставить формальныя препирательства и приступить къ рѣшенію по существу, сообщивъ оффиціально и безъ обиняковъ румынамъ послѣднія уступки болгаръ. Г-нъ Гешовъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ не можетъ дѣйствовать помимо Г-на Данева и не снесясь предварительно съ нимъ. Если же румыны будутъ настаивать на своихъ требованіяхъ и придадутъ имъ ультимативный характеръ, то нынѣшній Кабинетъ подастъ въ отставку, предложивъ Королю составить новый, либо изъ коалиціи всѣхъ партій—дабы на всѣхъ распространилась отвѣтственность принятія или отказа румынскаго ультиматума,—либо изъ генераловъ.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

346.

Посланникъ въ Букарестѣ.

15 января 1913 г.

(Телеграмма).

Министръ-Президентъ сказалъ мнѣ, что Г-нъ Мишу письменно представилъ вчера Г-ну Даневу въ Лондонѣ румынскія требованія. Г-нъ Даневъ, со своей стороны, обѣщался передать завтра Г-ну Мишу болгарскія предложенія. Г-нъ Маіореско еще разъ выразилъ мнѣ сегодня сожалѣніе о томъ, что Болгарское Правительство не пошло навстрѣчу сдѣланнымъ Румыніей попыткамъ сблизиться съ Болгаріей.

(Подп.) *Шебеко.*

347.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Парижѣ и Лондонѣ.

С.-Петербургъ, 15 января 1913 г.

(Телеграмма).

Поручаемъ Вамъ обратить вниманіе Правительства, при коемъ Вы аккредитованы, на настроеніе Букарестскаго Кабинета, внушающее опасеніе, какъ бы Румынія не перешла къ передачѣ ультиматума или къ активнымъ дѣйствіямъ противъ Болгаріи.

Полагаемъ желательнымъ дружное, энергичное воздѣйствіе на обѣ стороны Державъ Тройственнаго Согласія. Обостреніе болгаро-румынскаго конфликта, который, на нашъ взглядъ, можетъ и долженъ быть разрѣшенъ скоро и полюбовно при взаимной уступчивости, можетъ повлечь за собою самыя серьезныя и нежелательныя послѣдствія.

(Подп.) *Сазоновъ.*

348.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Букарестѣ.

С.-Петербургъ, 16 января 1913 г.

(Телеграмма).

Поручаемъ Вамъ сдѣлать въ самой дружеской формѣ Румынскому Министру Иностранныхъ Дѣлъ нижеслѣдующее сообщеніе:

Съ самаго начала нынѣшняго кризиса на Балканахъ Императорское Правительство было озабочено установленіемъ въ будущемъ между Румыніей и Болгаріей возможно лучшихъ и тѣсныхъ отношеній. Мы имѣли цѣлью съ своей стороны вернуться къ старымъ нашимъ традиціоннымъ отношеніямъ съ Румыніей и мы рады были усматривать, что и со стороны румынскаго народа и его Правительства наши стремленія встрѣчаютъ, какъ намъ казалось, самый сочувственный откликъ. Благодаря нашимъ настояніямъ, Софійскій Кабинетъ понялъ необходимость принести извѣстныя жертвы ради установленія

въ будущемъ прочной дружбы съ Румыніей. Быть можетъ, съ его стороны была въ началѣ проявлена нѣкоторая медлительность, но въ предложеніи извѣстныхъ Вамъ 4 пунктовъ, къ коимъ прибавился еще 5-ый—о береговой полосѣ,—нельзя не оцѣнить готовности Софійскаго Кабинета пойти, согласно благожелательнымъ совѣтамъ Россіи, на добровольныя серьезныя уступки. Съ своей стороны мы находимъ, что указанныя уступки настолько серьезны, что онѣ, по нашему мнѣнію, могутъ удовлетворить Румынское Правительство. Нападеніе Румыніи или вооруженное занятіе ею, безъ объявленія войны, территоріи Болгаріи, въ то время какъ послѣдняя не покончила своихъ счетовъ съ Турціей, создало бы въ нашемъ общественномъ мнѣніи такой взрывъ сочувствія болгарамъ, къ которому Правительство не можетъ отнестись безразлично. Помимо всего этого мы не можемъ не обратить вниманія Румыніи, что въ своихъ нынѣшнихъ переговорахъ она далеко уклонилась отъ первоначальныхъ требованій стратегическаго исправленія границы.

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній мы вновь настойчиво и дружески совѣтуемъ Румынскому Правительству показать мудрую умѣренность въ своихъ требованіяхъ. Наше желаніе—скрѣпить старыя узы съ Румыніей—требуетъ отъ насъ совершенно откровенно объяснить ей, что для насъ окажется невозможнымъ допустить насильственное отчужденіе отъ Болгаріи части ея территоріи. Рѣшеніе Румыніи послѣдовать совѣтамъ Россіи въ столь серьезную минуту послужитъ лучшимъ залогомъ установленія между нею и нами такихъ отношеній, которыя будутъ лучшимъ обезпеченіемъ укрѣпленія нашего взаимнаго довѣрія и дружбы.

(Подп.) *Сазоновъ*.

349.

Посланникъ въ Букарестѣ.

18 января 1913 г.

(Телеграмма).

Я передалъ сегодня Г-ну Маіореско сообщеніе, изложенное въ Вашей телеграммѣ 16 января. Онъ сказалъ мнѣ, что только-что получилъ отъ Румынскаго Посланника въ С.-Петербургѣ телеграмму въ томъ же смыслѣ и просилъ передать Вамъ, что

Румынское Правительство очень дорого цѣнитъ все высказанное Вами относительно укрѣпленія старыхъ традиціонныхъ отношеній между Россіей и Румыніей; онъ также глубоко признателенъ за дружественное отношеніе Россіи во все время настоящаго кризиса. Г-нъ Маіореско самъ вполнѣ раздѣляетъ высказанный Вами взглядъ о желательности мирнаго, полюбовнаго разрѣшенія румыно-болгарскаго спора, а также о той опасности, которую представило бы для будущихъ отношеній Румыніи къ Болгаріи и Россіи насильственное отторженіе части болгарской территоріи; онъ съ своей стороны прилагаетъ и будетъ прилагать всѣ старанія, дабы избѣжать чего-нибудь подобнаго, но Румынское Правительство, также какъ и Императорское, принуждено считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, крайне возбужденнымъ въ настоящую минуту. Г-нъ Маіореско получилъ отъ Г-на Мишу увѣдомленіе о подписаніи и высылкѣ по почтѣ протокола, заключающаго болгарскія отвѣтныя предложенія. Онъ ожидаетъ, что между этими предложеніями и румынскими требованіями будетъ значительная разница. Въ такомъ случаѣ Румынія намѣрена обратиться къ посредничеству Россіи. Я высказалъ Министру Президенту, какъ личное мнѣніе, мысль, что Россія ни въ какомъ случаѣ не возьметъ на себя задачи навязать Болгаріи неприемлемыя для нея уступки, и что изъ настоящаго моего сообщенія вытекаетъ, что Императорское Правительство считаетъ предложенные Болгаріей 5 пунктовъ достаточной уступкой, могущей, по нашему мнѣнію, удовлетворить Румынію. Въ отвѣтъ на это Г-нъ Маіореско заявилъ мнѣ, что выставленныя имъ требованія являются максимальными, но что Румынское Правительство настаиваетъ на уступкѣ города Силистріи, въ виду сильнаго возбужденія общественнаго мнѣнія страны по этому вопросу. Я отвѣтилъ, что мы не могли бы побудить Болгарію уступить Силистрію, относительно которой въ Болгаріи царствуетъ такое же возбужденіе.—Изъ вышеозначеннаго разговора я вынесъ впечатлѣніе, что Румынское Правительство отказалось въ настоящую минуту отъ мысли насильственнаго разрѣшенія вопроса и, можетъ быть, удовлетворилось бы пятью пунктами, если бы береговая полоса доведена была до Каварны или до Кали-Акра.

(Подп.) *Шебеко.*

350.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Софіи.

С.-Петербургъ, 19 января 1913 г.

(Телеграмма).

Я откровенно высказалъ Болгарскому Посланнику взглядъ на образъ дѣйствій его Правительства по отношенію къ намъ.

Послѣ непонятной медлительности, доведшей переговоры между обоими Государствами до состоянія опаснаго обостренія, болгары не только обратились за нашей помощью, но стали распространять въ печати слухи объ угрожающемъ положеніи, которое мы, будто бы, заняли въ Букарестѣ. Такое поведеніе можетъ побудить насъ только къ отказу отъ всякаго дальнѣйшаго воздѣйствія въ Букарестѣ.

Отнюдь не посягая на самостоятельность рѣшенія Болгарскаго Правительства, я считаю долгомъ предупредить его, что оно вольно не считаться съ совѣтами Россіи, но въ этомъ случаѣ пускай несетъ всю сопряженную съ ними отвѣтственность, не разсчитывая на нашу помощь. Россія не можетъ допустить, чтобы ее втягивали въ осложненія и вмѣстѣ съ тѣмъ не оказывали никакого вниманія нашимъ совѣтамъ и предостереженіямъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній Евгенія Ивановича Ламанскаго.

(1840—1890 гг.).

XVI [1]).

Оставленіе Е. И. Ламанскимъ должности председателя правленія взаимнаго кредита.—Обнаружившіеся въ делахъ общества, при новомъ составе правленія, непорядки и меры, принятыя къ ихъ устраненію.—Учрежденіе акціонерныхъ банковъ краткосрочнаго и долгосрочнаго кредита.

Съ каждымъ годомъ усиливавшееся развитіе операцій общества взаимнаго кредита и соответствующее увеличеніе вознагражденія членовъ его правленія начало обращать на себя вниманіе чиновничьихъ круговъ. Въ 69 или 70-мъ году мне было уже оффиціально заявлено о невозможности для меня, какъ управляющаго Государственнымъ банкомъ, оставаться более во главе общества взаимнаго кредита. Вместе съ темъ, чтобы успокоить общественное мненіе, не всегда доброжелательно относившееся къ игравшему первостепенную роль кредитному учрежденію, я удалилъ общество взаимнаго кредита изъ зданія Государственнаго банка въ особое помещеніе въ доме Лесникова, которое общество занимаетъ и понынѣ. Съ этого времени я оставилъ всякое участіе въ делахъ общества, и место мое занялъ одинъ изъ членовъ правленія, известный торговецъ книгами Я. А. Исаковъ.

Въ 1871 году на одномъ изъ общихъ собраній общества все члены его, которые уже неоднократно приносили мне благодарность за созданіе общества и доведеніе до процветанія его делъ, обратились ко мне съ просьбою не отделять себя отъ общества и принять участіе почетнаго члена его совета. Я

[1]) См. „Русская Старина" октябрь 1915 г.

имѣлъ неосторожность принять это званіе, не обязывавшее меня въ сущности ни къ чему, кромѣ платоническаго направленія дѣлъ и посѣщенія нѣсколько разъ въ годъ засѣданій совѣта.

Съ моимъ уходомъ и по занятіи должности предсѣдателя правленія Исаковымъ, общество утратило отчасти свой прежній характеръ. Нѣкоторые изъ бывшихъ служащихъ, какъ, напримѣръ, кассиръ Касаткинъ, вошли въ составъ новаго правленія. Въ связи съ этимъ мало по малу во внутреннемъ управленіи дѣлами общества произошли значительныя измѣненія. Говорили, что какъ въ правленіи, такъ и, въ особенности, въ сношеніяхъ съ публикою, съ маклерами и другими дѣльцами биржи началъ играть роль Касаткинъ, который посадилъ вмѣсто себя на должность кассира пріятеля своего и близкаго друга Бритнева. Слухи ходили, что Касаткинъ принималъ въ это время значительное участіе въ разныхъ биржевыхъ спекуляціяхъ. И, дѣйствительно, я долженъ сказать, что первые его шаги на этомъ поприщѣ ознаменовались блистательнымъ успѣхомъ. Онъ вошелъ въ сношеніе съ самыми богатыми и сильными домами и имѣя вмѣстѣ съ ними участіе въ предпріятіяхъ, которыя приносили значительныя прибыли, успѣлъ нажить себѣ порядочный капиталъ. Между тѣмъ, въ описываемое время биржевая игра или спекуляція, сопровождавшаяся на первыхъ порахъ большими выгодами и барышами, начала вступать уже въ періодъ перелома или кризиса.

Рядомъ съ этимъ, Исаковъ началъ вводить въ составъ общества разныхъ личностей, большею частью по книжной торговлѣ и по издательскимъ предпріятіямъ, открывая имъ кредитъ, котораго они не заслуживали. Въ частности, онъ принималъ векселя лицъ, оказавшихся впослѣдствіи несостоятельными и, затѣмъ, чтобы не терять уплаченныхъ денегъ, учитывалъ эти векселя въ обществѣ. Однимъ словомъ, мало по малу, главными кліентами общества сдѣлались маклеры и спекулянты, которые закладывали разныя бумаги, начавшія потомъ падать въ цѣнѣ. Во время рѣдкихъ своихъ посѣщеній члены совѣта обращали вниманіе членовъ правленія и указывали имъ на уклоненіе дѣятельности общества отъ предначертанной ему при самомъ учрежденіи цѣли. Въ частности, члены совѣта и, преимущественно, я вмѣняли членамъ правленія въ обязанность не кредитоваться въ обществѣ ни на какія суммы и строго наблюдать за невыдачею ссудъ подъ залогъ бумагъ, не имѣющихъ постоянной и прочной цѣнности на Петербургской биржѣ.

Несмотря на это, мало по малу, Бритневъ какъ своимъ именемъ, такъ и именами разныхъ другихъ лицъ, тоже членовъ общества, успѣлъ получить значительныя ссуды подъ бумаги, биржевая цѣна которыхъ частью оказалась ниже выданныхъ подъ нихъ ссудъ.

Благодаря вліянію Касаткина, кассиръ Бритневъ получилъ огромное значеніе въ обществѣ. По порученіямъ Исакова, онъ былъ въ сношеніяхъ со всѣми вліятельнымя лицами, записанными въ члены общества, устраивалъ ихъ дѣла, совѣтывалъ пріобрѣтать тѣ или другія бумаги и даже, какъ сдѣлалось впослѣдствіи извѣстнымъ, имѣлъ весьма близкія отношенія къ контролеру Министерства Императорскаго Двора—барону Кистеру, производя для него крупныя операціи по покупкѣ и продажѣ бумагъ. Многіе изъ членовъ общества, какъ напримѣръ Опочининъ, оставляли ему цѣлыя книжки заранѣе подписанныхъ чековъ. Пользуясь довѣріемъ членовъ правленія, Бритневъ сдѣлался почти единственнымъ хозяиномъ кассы, удалилъ отъ нея всѣхъ артельщиковъ, входилъ въ нее одинъ, что было противно правиламъ совѣта. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ подчинилъ служащихъ своему вліянію и завѣдываніе дѣлами общества, благодаря непонятливости Исакова, перешло мало по малу въ руки Бритнева, который самъ повѣрялъ всѣ свои дѣйствія. Безспорно лично я не могу не винить въ такомъ направленіи дѣлъ и бухгалтера Даніельсона, поставленнаго для контроля за правильнымъ веденіемъ счетовъ и за операціями общества.

Но какъ бы то ни было паденіе цѣнъ многихъ бумагъ и разразившійся на биржѣ въ 1872—1873 годахъ крахъ безспорно привели многихъ спекулянтовъ къ значительнымъ потерямъ. Въ чистѣ потерявшихъ оказался, разумѣется, Касаткинъ, и, вѣроятно, Бритневъ, производившій уже въ то время значительныя операціи за свой счетъ на имена разныхъ кліентовъ банка, давшихъ ему полномочія дѣлать займы и другіе обороты подъ своимъ именемъ. Вмѣсто того, чтобы рѣшиться принять на себя эти потери, и Касаткинъ и Бритневъ предпочли перенести ихъ путемъ подлоговъ на общество. Касаткинъ вскорѣ послѣ этого захворалъ, уѣхалъ за границу и умеръ въ Каирѣ. По смерти Касаткина оказалось, что онъ долженъ былъ обществу подъ залогъ разныхъ болѣе или менѣе прочныхъ бумагъ до 600.000 руб. На первое время бумаги эти не представляли значительныхъ опасеній для общества; послѣднее могло потерять на нихъ сто, двѣсти тысячъ рублей, и это не причинило

бы ему, конечно, значительнаго убытка, а отразилось бы только на уменьшеніи дивиденда одного года. Къ тому же расцѣнка многихъ изъ обезпечивавшихъ означенный долгъ бумагъ могла съ теченіемъ времени улучшиться. Совѣтъ общества тогда же принялъ мѣры къ постепенной реализаціи всѣхъ этихъ бумагъ, чтобы уменьшить возможность дальнѣйшей на нихъ потери. Но у совѣта, который вмѣстѣ съ тѣмъ приступилъ и къ повѣркѣ всѣхъ дѣлъ въ кассѣ, а также всѣхъ журналовъ, не было никакого сомнѣнія въ томъ, что, кромѣ указанныхъ потерь, въ обществѣ могли существовать подлоги и недостатки въ обезпеченіяхъ, какъ это и открылось впослѣдствіи. Правда, было извѣстно, что Касаткинъ былъ женатъ на дочери Синебрюхова, очень богатаго человѣка. Поэтому, предоставлялось возможнымъ на первыхъ порахъ разсчитывать, что хотя дѣла, въ которыхъ участвовалъ Касаткинъ, и могли придти въ разстройство вслѣдствіе его болѣзни, а потомъ и смерти, и что дѣйствительнаго ущерба они обществу еще не нанесутъ. Между тѣмъ, учрежденіе опеки надъ Касаткинымъ и отклоненіе отъ себя отвѣтственности по дѣламъ своего зятя со стороны Синебрюхова повлекли за собою необходимость продажи принадлежавшихъ Касаткину бумагъ и списанія обнаружившихся при этомъ убытковъ съ прибылей общества. Понятно, въ виду значительности прибылей общества, списаніе это не могло имѣть серьезнаго вліянія на его дѣла. Для характеристики же Синебрюхова достаточно сказать, что онъ вышелъ изъ членовъ правленія и вмѣсто того, чтобы принять участіе въ устройствѣ дѣлъ Касаткина, поставилъ себя въ совершенно постороннее къ нимъ отношеніе и даже пріобрѣлъ за свой счетъ заложенный домъ Касаткина. На ряду съ реализаціею дѣлъ Касаткина открылись потери и на бумагахъ, принадлежавшихъ разнымъ другимъ членамъ, которые были болѣе или менѣе связаны въ своей дѣятельности съ предпріятіями Касаткина.

Такимъ образомъ дѣло шло до 1877 года, когда въ свою очередь Бритневъ сдѣлался настолько боленъ, что долженъ былъ оставить занятія и передать дѣла своему помощнику. Послѣдній заявилъ, однако, правленію, что онъ принять кассы не можетъ, потому что въ кладовой общества недостатокъ на большую сумму залоговъ, принятыхъ Бритневымъ. Немедленно была сдѣлана провѣрка кладовой, дѣйствительно обнаружившая весьма значительный недостатокъ въ обезпеченіяхъ, который скрывался подъ ложными записями въ книгахъ банка, такъ что никакія повѣрки членами совѣта не могли, при существу-

ющемъ порядкѣ отчетности, обнаружить подлоговъ Бритнева. Такъ какъ онъ одинъ завѣдывалъ кладовою и отвѣчалъ за принятые залоги, то при каждой провѣркѣ со стороны членовъ совѣта, когда требовались залоги и ихъ на-лицо не было, Бритневъ представлялъ книгу общества, заключавшую списокъ бумагъ, переданныхъ въ Государственный банкъ; въ этой книгѣ, между строкъ, были вписываемы несуществующіе залоги. Въ концѣ же извѣстныхъ страницъ той книги, при которой вносились залоги въ Государственный банкъ, выводилась общая сумма залоговъ, въ полученіи которой была всегда росписка кассира банка.

Плодомъ невниманія, непониманія своихъ обязанностей и неряшливаго отношенія къ дѣлу со стороны членовъ правленія было то, что Бритневъ свободно скрывалъ свои подлоги въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и, сверхъ того, при подчиненіи себѣ всего контроля по текущимъ счетамъ, могъ дѣлать всевозможныя неправильныя выдачи не только однимъ своимъ вліяніемъ, но и благодаря сознательному соучастію въ его плутняхъ всѣхъ служащихъ, которые вели завѣдомо неправильные счета, потому что имъ такъ было приказано.

Когда обнаружились потери общества отъ подлоговъ и покражъ, учиненныхъ служащими, то совѣтъ съ цѣлью поддержать общество, рѣшился покрыть эти потери и объявить о томъ всѣмъ членамъ, чтобы предупредить напрасный страхъ и опасенія каждаго изъ нихъ за свои деньги. Рядомъ съ этимъ совѣтъ поручилъ правленію начать уголовное преслѣдованіе противъ служащихъ, какъ Бритнева, такъ и его сподвижниковъ, нисколько не имѣя основанія подозрѣвать въ неблаговидныхъ дѣйствіяхъ кого-нибудь изъ членовъ правленія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ для устройства дѣлъ общества надо было принять болѣе строгія мѣры. Руководствуясь этимъ побужденіемъ, совѣтъ рѣшилъ, что ни входящіе въ его составъ члены, ни члены правленія не могутъ принимать болѣе участія въ управленіи дѣлами общества. Было созвано особое собраніе, гдѣ всѣ члены совѣта и члены правленія сложили съ себя свои званія. Предъ этимъ общимъ собраніемъ у меня состоялись частныя собранія, на которыя были приглашены наиболѣе вліятельные члены общества, по общему согласію рѣшившіе не давать погибнуть обществу и поддерживать его всѣми возможными мѣрами. Тутъ были намѣчены другія лица въ члены правленія и въ члены совѣта, за исключеніемъ меня и Н. И. Погребова, которыхъ попросили оставаться по-прежнему въ совѣтѣ.

Однимъ словомъ общество было поддержано благодаря моей личной энергіи, выразившейся, между прочимъ, и въ томъ, что я испросилъ обществу на первое время поддержку изъ Государственнаго банка. Вслѣдствіе принятыхъ мѣръ, черезъ полтора года послѣ этого краха общество уже вполнѣ оправилось. Всѣ потери были покрыты изъ членскихъ взносовъ, сокращенъ былъ соотвѣтственно этому кредитъ для лицъ, не желавшихъ пополнить потери новыми взносами, и затѣмъ рѣшено было удовлетворить всѣхъ потерпѣвшихъ отдѣленіемъ извѣстной части изъ прибылей въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, начиная это вознагражденіе для лицъ, поступившихъ въ послѣдніе годы и кончая лицами, вступившими въ годъ основанія общества.

Черезъ семь лѣтъ всѣ убытки и потери были возмѣщены, и съ 1885 года общество вошло снова въ нормальное положеніе. Такимъ образомъ, польза, приносимая имъ торговлѣ, была сохранена и всѣ его участники были вполнѣ вознаграждены.

Немаловажную помѣху въ предпринятомъ упорядоченіи дѣлъ общества составляли разныя интриги со стороны лицъ, желавшихъ попасть въ правленіе. Въ частности, Бабстъ вмѣсто устройства дѣлъ общества заботился лично о себѣ, сдѣлался предсѣдателемъ правленія, выговорилъ себѣ 15.000 р. жалованья, объявилъ всѣмъ, что общество несостоятельно и должно, по крайней мѣрѣ 52% потерять, и началъ продавать бумаги, которыя оставались въ залогѣ не выкупленными. Своей излишней торопливостью онъ нанесъ обществу вредъ, продавъ, напримѣръ, бумаги Варгунина и другихъ лицъ по 300 р., тогда какъ черезъ нѣсколько дней онѣ стоили 450 р., и потомъ вдругъ неожиданно для всѣхъ отказался отъ общества.

Вслѣдъ за обществомъ взаимнаго кредита, въ Россіи начинаютъ постепенно устраиваться и частные коммерческіе банки на акціяхъ—банки депозитные. Къ сожалѣнію, при устройствѣ частныхъ банковъ Министерство Финансовъ отступило отъ коренной системы, положенной въ основу дѣятельности Государственнаго банка, которому было запрещено выдавать на вносимые въ банкъ вклады безъимянные билеты, передаваемые изъ рукъ въ руки и размѣнные въ срокъ по предъявленіи, такъ какъ подобнаго рода билеты могли составлять нежелательную конкурренцію съ денежными знаками. Указаннаго ограниченія не было, однако, первое время включаемо въ уставы частныхъ

коммерческихъ банковъ, и это вскорѣ повело къ возникновенію разныхъ злоупотребленій: явились фиктивныя ссуды подъ обезпеченіе якобы билетовъ, внесенныхъ на вклады, какъ это извѣстно изъ исторіи Кронштадтскаго Коммерческаго и нѣкоторыхъ другихъ банковъ.

Первымъ акціонернымъ банкомъ былъ образованный по почину Е. Е. Брандта, въ 1864 году, С.-Петербургскій Частный Коммерческій банкъ. До какой степени было трудно въ то время устройство банка, видно изъ того, что учредители обратились къ правительству съ ходатайствомъ принять участіе въ составленіи основного капитала банка, и Министерство Финансовъ, для поощренія частной предпріимчивости, разрѣшило Государственному банку купить на милліонъ рублей акцій Частнаго банка. Это было сдѣлано по ходатайству учредителя Банка Е. Е. Брандта предъ министромъ финансовъ Рейтерномъ, который понималъ необходимость содѣйствія учрежденію частныхъ банковъ.

Вторымъ по времени учрежденія частнымъ акціонернымъ банкомъ является Московскій Купеческій банкъ (1866 г.). Затѣмъ, по старшинству, идутъ: С.-Петербургскій Международный Коммерческій банкъ (1869 г.), С.-Петербургскій Учетный и Ссудный банкъ (1869 г.), Волжско-Камскій Коммерческій банкъ (1870 г.) и другіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по примѣру Петербургскаго общества взаимнаго кредита, стали возникать такія же общества и въ другихъ городахъ.

Лично я не принималъ участія ни въ одномъ изъ вновь учреждавшихся банковъ, хотя всѣ ихъ уставы были составляемы по совѣщаніи со мною, исключая устава Частнаго коммерческаго банка. Проектъ устава Учетно-ссуднаго банка выработанъ былъ Рафаловичемъ и Варгунинымъ, которые пріѣзжали ко мнѣ на дачу для пересмотра составленнаго ими проекта. Я уговорилъ Рафаловича пригласить въ составъ этого банка представителей отъ русскаго купечества, благодаря чему Полежаевъ и Елисѣевъ сдѣлались участниками въ учетно-ссудномъ банкѣ.

Одна изъ главныхъ операцій частныхъ акціонерныхъ банковъ въ первое время ихъ существованія заключалась, какъ было уже сказано, въ кредитованіи вновь возникавшихъ желѣзнодорожныхъ обществъ и ихъ учредителей. Эти послѣдніе выдавали свои векселя, не имѣвшіе торговаго значенія, и получали подъ нихъ отъ частныхъ банковъ ссуды, потребныя для внесенія залоговъ и созданія первоначальныхъ капиталовъ же-

лѣзнодорожныхъ предпріятій. Дѣятельность частныхъ банковъ въ этомъ направленіи приняла тѣмъ большіе размѣры, что съ 1864 года, когда публика уже нѣсколько попривыкла къ процентнымъ бумагамъ, правительство въ своемъ стремленіи поддержать устройство у насъ желѣзныхъ дорогъ, приняло само облегчительную систему разрѣшенія сооруженія новыхъ дорогъ частнымъ предпринимателямъ. Концессіи, хотя выдавались по оцѣночнымъ вѣдомостямъ, но съ такъ называемыми оптовыми контрактами, т. е. правительство опредѣляло общую сумму капитала, необходимаго на устройство извѣстной желѣзной дороги, требовало отъ учредителей компаніи выпуска акцій для покрытія одной четвертой части всѣхъ исчисленныхъ расходовъ съ отнесеніемъ остальныхъ трехъ четвертей этихъ расходовъ на облигаціонный капиталъ. При этомъ компаніямъ разрѣшалось сдавать постройку линій оптовымъ подрядчикамъ. Система эта, заимствованная изъ Франціи, привела къ слѣдующему результату. Какъ только капиталъ дороги былъ утвержденъ правительствомъ и внесенъ былъ залогъ, который, обычно, пріобрѣтался при помощи кредита въ банкахъ, то учредители, прежде всего, стремились найти такого оптоваго подрядчика, который сдѣлалъ бы скидку съ установленной правительствомъ стоимости постройки. Если дорога, положимъ, цѣнилась при выдачѣ концессіи въ 75.000.000 руб., считая всѣ расходы на реализацію капитала, на постройку линій, на пріобрѣтеніе подвижного состава и т. д. и если подрядчикъ дѣлалъ скидку, предполагалъ, напримѣръ, выстроить дорогу за 50 милл. руб., то разница между этою суммою съ добавленіемъ къ ней издержекъ по реализаціи и первоначально опредѣленною стоимостью дороги составляла прибыль концессіонеровъ, которые приступали къ ея дѣлежу еще до начала постройки дороги. Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ концессіонеры являлись въ то же время и подрядчиками; тогда чистая прибыль ихъ еще возрастала. Я хорошо помню, когда была утверждена концессія на Орловско-Витебскую желѣзную дорогу. Вскорѣ послѣ образованія частнаго коммерческаго банка, мнѣ пришлось участвовать вмѣстѣ съ концессіонерами въ обѣдѣ, на которомъ Марксъ и Гернгроссъ хвастались, что одинъ изъ нихъ имѣетъ 350.000 руб. барыша, а другой 700.000 руб. Итакъ первая операція возникшихъ въ періодъ времени съ 1864 по 1870 гг. банковъ состояла въ поддержкѣ того или другого предпріятія по желѣзнодорожнымъ концессіямъ.

Что касается средствъ, необходимыхъ для продолженія по-

строекъ, то правительство выдавало на этотъ предметъ авансы въ счетъ будущей реализаціи облигацій. Размѣщеніе же желѣзнодорожныхъ акцій и облигацій среди публики производилось путемъ особой на нихъ подписки. Первыя подобнаго рода публичныя подписки дѣлались чрезъ общество взаимнаго кредита, затѣмъ конкуррентами ему явились и другіе частные банки.

Отмѣченная дѣятельность частныхъ банковъ понятно усиливала операцію ссудъ подъ залогъ процентныхъ бумагъ, распространяла учетную вексельную операцію и содѣйствовала вообще оживленію биржевыхъ оборотовъ и даже нѣкотораго рода просто спекуляціямъ. Сдѣлкамъ этого послѣдняго характера особенно способствовали два выигрышныхъ займа въ 100.000.000 руб каждый.

Въ 1871 году въ Петербургѣ учрежденъ былъ Русскій для внѣшней торговли банкъ. Банкъ этотъ, имѣвшій своею цѣлью предоставить русскимъ купцамъ болѣе удобный способъ кредитоваться за границею и войти въ болѣе близкія сношенія съ иностранными торговыми домами, образовался по мысли главныхъ банкирскихъ домовъ. Тогда у насъ уже существовали извѣстныя фирмы: Гвинера—очень старинная и почтенная, Гинсбурга, получившая, несмотря на свое недавнее возникновеніе, серьезное вліяніе въ нашихъ дѣловыхъ кругахъ, послѣ Крымской кампаніи, Винекена, Мейера и др. По утвержденіи устава банка возникъ вопросъ о томъ, кто приметъ на себя предсѣдательствованіе въ этомъ банкѣ. Участвовавшіе въ созданіи банка банкирскіе дома, дабы не давать первенства кому-либо изъ своей среды, обратились къ министру финансовъ — М. Х. Рейтерну съ просьбою разрѣшить предсѣдательствованіе въ этомъ банкѣ управляющему Государственнымъ банкомъ. Я принялъ это предложеніе и пробылъ предсѣдателемъ правленія Русскаго для внѣшней торговли банка года 3—4, а затѣмъ оставилъ эту должность, такъ какъ, основавши банкъ, общество распалось, дѣло перешло въ второстепенныя руки и самъ банкъ имѣлъ уже отдѣленіе въ Лондонѣ.

Помимо учрежденій краткосрочнаго кредита въ разсматриваемое время стали возникать и установленія долгосрочнаго кредита. Какъ было уже сказано въ своемъ мѣстѣ, выработавшая въ 1859 году планъ переустройства нашей банковой системы комиссія высказалась въ пользу устройства у насъ земельнаго кредита при помощи мѣстныхъ земскихъ банковъ, по возможности, съ участіемъ самихъ землевладѣльцевъ или частной акціонерной компаніи. Одобривъ эту мысль, комитетъ

финансовъ образовалъ при министерствѣ финансовъ особую комиссію для начертанія проекта объ устройствѣ земскихъ банковъ. Въ дѣйствительности, однако, первыя, послѣ реформы, учрежденія долгосрочнаго кредита вылились въ форму городскихъ кредитныхъ обществъ, выдававшихъ ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ. Одно изъ такихъ обществъ учреждено было въ 1861 году—въ С.-Петербургѣ, другое въ 1862 году—въ Москвѣ. Что же касается долгосрочнаго кредита подъ недвижимыя имѣнія въ сельскихъ мѣстностяхъ, то первымъ установленіемъ этого рода явился учрежденный въ 1864 году въ г. Херсонѣ—Земскій херсонскій банкъ. Такимъ образомъ, помѣщики имѣли нѣкоторыя основанія жаловаться на то, что на первыхъ порахъ, по прекращеніи ссудъ изъ прежнихъ банковъ, они были лишены долгосрочнаго кредита. Жалобамъ этимъ не слѣдуетъ, впрочемъ, придавать преувеличеннаго значенія. Необходимо помнить, что помѣщики, при проведеніи крестьянской реформы, освобождались отъ уплаты тѣхъ долговъ, которые лежали ранѣе на ихъ имѣніяхъ. Слѣдовательно, они были поставлены только въ затрудненіе заложить оставшуюся имъ очищенною отъ всякихъ долговъ землю. Но и въ этомъ отношеніи нельзя не напомнить, что, по освобожденіи крестьянъ, помѣщики получали на руки нѣкоторую долю выкупныхъ свидѣтельствъ; поэтому у нихъ не могло быть настоятельной нужды въ новомъ залогѣ собственности. Но какъ бы то ни было устройство земельныхъ банковъ нѣсколько запоздало. Съ своей стороны государство не имѣло возможности придти на помощь помѣщикамъ денежными капиталами, такъ какъ на немъ лежала огромная обязанность по ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій, которая на первыхъ порахъ оказалась довольно тяжелою. Такимъ образомъ, при продолжающихся затрудненіяхъ финансоваго хозяйства, при постоянныхъ дефицитахъ само государственное казначейство не могло, разумѣется, взять на себя устройство земельнаго кредита, а должно было предоставить это дѣло частной предпріимчивости, энергично принявшейся за насажденіе у насъ земельныхъ банковъ.

Въ 1866 году образовалось общество взаимнаго поземельнаго кредита, а затѣмъ въ періодъ времени съ 1871 по 1873 гг. возникло десять акціонерныхъ земельныхъ банковъ—Харьковскій, Полтавскій, Тульскій, Кіевскій, Нижегородско-Самарскій, Московскій, Ярославско-Костромской, Виленскій, Бессарабско-Таврическій и Донской. Закладные листы общества взаимнаго поземельнаго кредита оплачивались звонкою монетою, въ виду

чего и платежи по ссудамъ этого общества должны были вноситься по разсчету на металлическій рубль. Наконецъ, въ 1873 году учрежденъ былъ въ Петербургѣ—Центральный банкъ русскаго поземельнаго кредита, имѣвшій цѣлью облегчить размѣщеніе облигацій земельныхъ банковъ, писанныхъ на кредитную валюту и не находившихъ себѣ достаточнаго спроса на русскихъ биржахъ. Банкъ этотъ долженъ былъ взамѣнъ облигацій земельныхъ банковъ, писанныхъ на кредитную валюту, выпускать облигаціи металлическія, помѣщаемыя за границею, становясь такимъ образомъ посредникомъ между иностранными рынками и акціонерными земельными банками и городскими кредитными обществами, возникавшими въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Въ ожиданіи постояннаго повышенія вексельнаго курса чуть ли не до нормальнаго уровня, правительство не встрѣтило препятствія къ допущенію выпуска облигацій на металлическую валюту. Хотя, въ видѣ собственной моей мысли, я долженъ сказать, что правительство, разрѣшая выпускъ металлическихъ закладныхъ листовъ, должно было возлагать всѣ шансы паденія или повышенія курса на себя, а не на частные банки въ ущербъ частныхъ заемщиковъ, такъ какъ послѣдніе не были, конечно, виноваты, что извѣстныя обстоятельства понизили впослѣдствіи нашъ вексельный курсъ. Я полагаю, что справедливое разрѣшеніе затрудненій, возникшихъ при паденіи курса, могло бы произойти на совершенно законномъ основаніи, если бы правительство заставляло каждаго заемщика вносить причитающіеся съ него платежи по тому курсу, по которому онъ получилъ ссуду изъ банка, но не болѣе.

Сообщ. дочь Е. И. Ламанскаго, **А. фонъ-Таль.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной въ 1877—1878 г.г.

Глава XXXVII [1]).

Дикая вакханалія осенняго равноденствія захватила также и ноябрь. Грозный Посейдонъ съ бѣшеной энергіей колебалъ море и проливы; сердитый Борей [2]), гуляя надъ волнами, ревѣлъ, какъ звѣрь, а небо хмурилось, не обѣщая лазури, и вся природа древней Византіи отражала въ себѣ, такимъ образомъ, бурное смятеніе народовъ Оттоманской имперіи...

Тревога росла, печать била въ набатъ, раздувая пламя фанатизма на горячей, зыбкой почвѣ Константинополя: не доставало только послѣдняго слова дипломатіи, чтобы загремѣли пушки во славу жестокаго коварнаго бога войны...

Тѣмъ временемъ я переживала глубокій, душевный кризисъ; но разобраться въ тѣхъ противорѣчіяхъ, которыми сама жизнь окружила меня тогда, было не по моимъ силамъ. Въ этой трагедіи души и сердца христіанскій тезисъ, опредѣляющій свободную волю человѣка въ дѣяніяхъ, какъ-то странно укладывался въ моихъ понятіяхъ рядомъ съ формулой ислама: „чему быть, тому не миновать“, и я пассивно отдавалась широкой неотразимой волѣ историческихъ событій. Такъ побѣждала меня судьба, разрушая волшебную сказку моей любви...

Наконецъ барометръ сталъ подниматься: лиловыя тучи, заряженныя какъ Лейденская банка, свернулись и умчались

---

1) См. „Русская Старина“, май 1915 г.

2) Въ греч. миѳологіи богъ сѣверо-восточнаго вѣтра, чрезвычайно бурнаго въ южныхъ широтахъ.

обратно къ сѣверу; яркій лучъ солнца, блеснувъ надъ роскошнымъ Царьградомъ, принялся играть своими рефлексами на золотыхъ полумѣсяцахъ и свинцовыхъ куполахъ мечетей, скользить вездѣ, разгоняя дымки тумановъ и отражая себя въ голубой водѣ Босфора...

Съ возвращеніемъ погоды оживился сезонъ въ христіанскихъ кварталахъ столицы: званые обѣды, балы, маскарады шли параллельно во всѣхъ резиденціяхъ дипломатовъ; но въ заколдованный кругъ этихъ полубоговъ на Востокѣ мѣстная аристократія доступа не имѣла. Впрочемъ, отъ времени до времени запретныя двери широко распахивались, и могучая власть золота въ лицѣ какого-нибудь, напримѣръ, банкира изъ греческаго Фанара[1]) или маклера биржи, входила туда побѣдоносно, сокрушая на своемъ пути, такимъ образомъ, кастовые предразсудки.

О мусульманскомъ обществѣ и говорить нечего: закованное въ цѣпи гаремнаго быта, оно держалось въ сторонѣ отъ шумныхъ затѣй невѣрныхъ гуяровъ, и только немногіе сановники Порты, а также адъютанты султана являлись обыкновенно на большіе оффиціальные рауты; но у себя никакихъ пріемовъ не дѣлали.

Что же касается пришлаго населенія, такъ называемыхъ „левантинцевъ", то картина ихъ жизни будетъ вполнѣ зарисована, если мы бросимъ даже мимолетный взглядъ на главную улицу Перы: здѣсь бьется пульсъ этой веселой, нарядной и совершенно праздной толпы; здѣсь она царитъ надъ мостовой, разливаясь пестрыми, какъ мозаика, волнами по шикарнымъ магазинамъ, великолѣпнымъ „brasseries", раскиданнымъ вездѣ, на каждомъ шагу, по кафе-ресторанамъ, точно у себя дома ей ровно нечего дѣлать. Такъ проходитъ день, а ночью элегантная красавица Пера зажигаетъ гостепріимные огни въ жилищахъ своего интернаціональнаго обывателя и веселится до утренней зари: въ этихъ сферахъ по преимуществу любили танцовать, а также играть въ карты.

Выше было сказано, что стамбульская аристократія никакихъ оффиціальныхъ пріемовъ у себя не дѣлала; но это не относится къ интимной жизни гаремныхъ затворницъ: наоборотъ, турчанки весьма охотно зовутъ къ себѣ на пирушки иностранокъ и очень любятъ ихъ общество. Такъ было и по отношенію ко мнѣ лично въ дни моего пребыванія на берегахъ столицы

---

[1]) Кварталъ, населенный греками, уроженцами Константинополя, потомками древнихъ византійскихъ родовъ.

Абдулъ-Гамида, и о чемъ я имѣю намѣреніе разсказать своему читателю. Изъ всѣхъ приглашеній, которыя сыпались благодаря Мидхатъ-пашѣ изъ гаремовъ турецкихъ сановниковъ исключительно по моему адресу, самымъ интереснымъ для меня оказалось слѣдующее: „Хадиджа и Зейнабъ шлютъ вамъ, mademoiselle, на крыльяхъ своихъ желаній ароматъ любви и глубокаго почтенія. Это написано въ нашихъ сердцахъ точно на бумагѣ, которая передастъ вамъ, что мы просимъ вашу милость посѣтить нашъ домъ и украсить его лучами вашей красоты"... Затѣмъ шли разнообразныя пожеланія съ добавленіемъ комплиментовъ въ стилѣ турецкой вѣжливости.

Такъ писали мнѣ изъ гаремнаго міра первыя феминистки того времени, дочери прогрессивнаго отца, убѣжденнаго поклонника западной цивилизаціи, извѣстнаго дѣятеля партіи „Молодая Турція", министра иностранныхъ дѣлъ Сафетъ-паши. И дѣйствительно, на фонѣ унылаго, безправнаго существованія магометанской женщины онѣ являлись тогда прямо анахронизмомъ въ бытовомъ укладѣ турецкаго общества, весь строй жизни котораго до мельчайшихъ подробностей опредѣленъ законами шаріата; но Хадиджа и Зейнабъ, не считаясь съ его суровыми постановленіями, выступали піонерками женской эмансипаціи отъ вѣковыхъ устоевъ, завѣщанныхъ кораномъ. Міровоззрѣніе это проникло въ ихъ головы благодаря чтенію романовъ Жоржъ Зандъ, тайно ходившихъ въ тѣ времена по гаремамъ либеральныхъ сановниковъ.

И вотъ такимъ образомъ, въ одинъ изъ печальныхъ дней томленія по золотой свободѣ, рабыни ислама обнаружили духъ протеста и возмущенія старыми порядками жизни; но вся шумиха этого движенія, созданнаго вокругъ фенимизма, имѣла своимъ началомъ забавный инцидентъ: какими-то путями, перешагнувъ черезъ барьеры шаріата въ гаремъ дочерей Сафетъ-паши явился невѣрный гяуръ, фотографъ и снялъ обѣихъ сестеръ по ихъ собственному желанію безъ яшмаковъ, съ открытыми лицами; но самое интересное было здѣсь то, что онѣ позировали въ довольно рискованномъ декольте...

Снимки, минуя цензуру Магомета, попали въ уличную продажу, иностранцы съ великимъ удовольствіемъ раскупали ихъ, а бѣдному папашѣ, обремененному государственными дѣлами, приходилось очень и очень солоно отъ ревнителей завѣтовъ глубокой старины.

Слѣдующій день была пятница, мусульманскій праздникъ, и я отправилась въ конакъ Сафетъ-паши.

Два албанца, вооруженные до зубовъ, распахнули передо мной двери параднаго входа и дали звонокъ наверхъ.

Оттуда немедленно сбѣжали на площадку лѣстницы двѣ черныя рабыни, которыя и проводили меня въ апартаменты гарема. Навстрѣчу мнѣ понеслись восклицанія привѣтствій, а затѣмъ я была окружена тѣснымъ кольцомъ нарядныхъ женщинъ въ модныхъ прическахъ...

Если бы въ данный моментъ рядомъ со мной вошелъ бы туда какой-нибудь туристъ, настроенный видѣть обстановку дома знатнаго паши въ стилѣ арабскихъ сказокъ, то вѣроятно онъ формулировалъ бы свое разочарованіе приблизительно такъ: „Гдѣ же тутъ прелесть Востока!? Гдѣ его вкусъ и колоритъ!? Всю эту буржуазную, шаблонную роскошь, всѣхъ этихъ изящныхъ дамъ въ парижскихъ туалетахъ мы видимъ и у себя на Западѣ—слѣдовательно, исчезло то, что окрыляло фантазію художника и поэта“!?.

Все это сказалъ бы непремѣнно мой воображаемый спутникъ, а не я, такъ какъ показная сторона европейской цивилизаціи на верхахъ турецкаго общества была мнѣ хорошо знакома...

И дѣйствительно, убранство комнатъ министерства иностранныхъ дѣлъ не отвѣчало понятію о великолѣпіи жилища сановника Оттоманской имперіи: пріемная, обставленная мебелью изъ французскаго магазина, на стѣнахъ лубочныя картины, часы подъ стеклянными колпаками, зеркала въ бронзовыхъ рамкахъ, люстры и другія вещи обыкновеннаго рыночнаго издѣлія такъ и били въ глаза полнѣйшимъ отсутствіемъ элегантнаго вкуса и настоящаго европейскаго комфорта. Словомъ, какъ мнѣ приходилось наблюдать, турки, вкусившіе до нѣкоторой степени отъ плодовъ западной цивилизаціи, очень любятъ нашу фабричную мебель, наши моды, украшенія, сервировку и съ наивностью дикарей вѣрятъ, что это приближаетъ ихъ къ главному центру европейской культуры...

Въ числѣ дамъ, находившихся въ салонѣ дочерей Сафетъ-паши, я узнала мою хорошую знакомую Аріадну Фотіади, уроженку Хіоса, гдѣ мы и встрѣчались, когда она пріѣзжала къ себѣ на родину. Мужъ ея, извѣстный милліонеръ Константинопольской биржи, стоялъ во главѣ экспорта розоваго масла въ Америку, что давало ему необъятные барыши; въ своемъ роскошномъ палаццо на главной Перской улицѣ супруги Фотіади принимали весь чиновный міръ Оттоманской Порты, а также всю денежную аристократію столицы; но и гордые, чванные

дипломаты не брезгали сидѣть за однимъ столомъ рядомъ съ торгашами или танцовать съ ихъ вульгарными женами. Впрочемъ, какъ извѣстно, милліоны обладаютъ волшебнымъ свойствомъ дѣлать, напримѣръ, черное бѣлымъ, уродливое красивымъ, глупое очень даже умнымъ и т. д. до безконечности.

Мнѣ приходилось бывать на этихъ великолѣпныхъ пирахъ и наблюдать, такимъ образомъ, картину торжества золота во всѣхъ его разнообразныхъ формахъ...

Впрочемъ, гдѣ оно не царитъ, и гдѣ границы его власти!?.

Хадиджа и Зейнабъ по волѣ ихъ цивилизованнаго отца носили такія священныя для мусульманъ имена, какъ жены и старшей дочери Магомета; но здѣсь не было никакого противорѣчія въ міровоззрѣніяхъ либеральнаго Сафетъ-паши, а наоборотъ, все это находилось въ полнѣйшей гармоніи между собой, и если благосклонный читатель вспомнитъ главу, посвященную мною архи-либеральному Мидхатъ-пашѣ, то останется добавить сюда лишь нѣсколько словъ: европейская культура мѣняетъ только внѣшній обликъ и показную сторону жизни Востока, не проникая въ глубину его души и не разрушая его идеаловъ.

Турецкія барышни, о которыхъ идетъ рѣчь, до 14 лѣтняго возраста посѣщали французскую школу, гдѣ сестры милосердія какой-то христіанской общины учили ихъ по утвержденной закономъ программѣ для мусульманскихъ дѣвочекъ, а въ дальнѣйшемъ онѣ уже сами дополняли курсъ своего образованія чтеніемъ романовъ Жоржъ Зандъ по преимуществу. На этомъ и былъ законченъ ихъ прогрессъ...

Европеецъ даже вообразить себѣ не можетъ, какая чудовищная скука царитъ въ богатыхъ турецкихъ гаремахъ: лишенныя благъ общественной жизни и проявленія всякой личной иниціативы, какъ, напримѣръ, чтенія книгъ по собственному выбору, затворницы Магомета, не зная, на что убить время или къ чему приложить энергію своихъ душевныхъ качествъ, пассивно отдаются теченію ихъ унылаго существованія, наполняя его сплетнями, дрязгами, интригами и заботами о модныхъ тряпкахъ, а это для нихъ родная стихія, какъ вода для рыбы...

Такова правда о земныхъ гуріяхъ Полумѣсяца; но, конечно, въ бѣдныхъ домахъ картина ихъ быта теряетъ свой видъ, хотя и здѣсь женщина остается навсегда рабой мужчины. Не знаю, совершилась ли къ данному времени эволюція въ пользу ея освобожденія отъ цѣпей рабства; но думаю, что европейская

цивилизація еще не скоро пробьетъ себѣ широкую брешь въ стѣнахъ неподвижнаго Ислама...

Послѣ церемоніи взаимныхъ рукопожатій à la franco меня усадили на широкій, низкій диванъ и обложили со всѣхъ сторонъ подушками, точно разслабленную недугами дряхлую старушку, выражая этимъ исключительное вниманіе къ моему комфорту. Гостепріимство самая характерная черта общественной жизни мусульманскаго народа и главная добродѣтель, завѣщанная ему кораномъ. Ничѣмъ нельзя такъ оскорбить турка, какъ сказавъ ему, что онъ не съ должной любезностью и радушіемъ принималъ своихъ гостей.

Евнухи и черныя рабыни, которыхъ у прогрессивнаго сановника находилось очень много, внесли подносы—съ угощеніемъ, душистые шербеты, папиросы и фрукты.

Медіе-ханумъ, жена Сафетъ-паши, дама внушительныхъ размѣровъ съ ярко выраженнымъ типомъ малозіатской уроженки, отвѣчала вполнѣ идеалу гаремнаго вкуса. Это была далеко еще не старая женщина, сохранявшая на удивленіе знавшихъ ее въ очень молодые годы свои пышныя, упругія формы, блескъ черныхъ глазъ и великолѣпный румянецъ на щекахъ. Послѣднее, видимо, находилось въ прямой зависимости отъ парижской косметики, творившей чудеса въ будуарахъ знатныхъ дамъ столицы падишаха: какъ извѣстно, худыхъ и блѣдныхъ красавицъ турки не признаютъ. Оттоманская аристократія называла Медіе-ханумъ „стамбульской Венерой“; но объ ея дочеряхъ говорили такъ: „Ахъ, эти бѣдныя дурнушки, ни мяса на костяхъ, ни роста, ни краски въ лицѣ—ну, точно ихъ заморили голодомъ“!..

Впрочемъ, были о нихъ и другія сужденія, изъ которыхъ отмѣчаю слѣдующее: „Правда, Аллахъ не далъ имъ красоты тѣла и граціи одалиски; но зато никто лучше ихъ не понимаетъ, какіе фасоны больше въ модѣ, гдѣ что купить, какъ одѣться на пріемъ къ Валиде-султаншѣ или съ визитомъ къ важнымъ особамъ и, наконецъ, въ баню.

Это все у нихъ отъ матери: она женщина большого ума и знаетъ толкъ въ нарядахъ. Пересто-ханумъ [1]) также говоритъ что Хадиджа и Зейнабъ очень умныя дѣвушки...

Но пусть читатель самъ разбирается въ логикѣ турецкихъ дамъ, а я могу лишь добавить, что элегантный туалетъ отъ лучшей портнихи, одѣвавшей весь „большой свѣтъ“ Константи-

[1]) Валиде-султанша, мать Абдулъ-Гамида.

нополя, какъ нельзя болѣе гармонировалъ съ модной прической моихъ героинь.

Когда, наконецъ, турчанки перестали жевать и слуги убрали остатки угощенія, между нами завязался интересный разговоръ на тему о великолѣпіи столицы падишаха.

Вскорѣ, однако, вопросъ этотъ былъ исчерпанъ до основанія, а затѣмъ мы перешли на *дѣловую почву*.

— Скажите, въ какомъ магазинѣ покупали вы эту ленточку? обратилась ко мнѣ ханумъ, разсматривая бантикъ на рукавѣ моего платья точно инфузорію какую-то подъ микроскопомъ.

— А сколько метровъ пошло на отдѣлку всего платья?— вмѣшалась другая, уже не молодая особа, но видимо съ большими претензіями на красоту, судя по татуировкѣ ея физіономіи.

— А какой туалетъ думаете вы заказать къ открытію сезона карнавала? Голубой или розовый?—спрашивали меня со всѣхъ сторонъ гаремныя франтихи:—Какіе духи теперь въ модѣ? Почему московскія дамы не бѣлятся и не румянятся? Мы видѣли вашу генеральшу [1])—у нея цвѣтъ лица не интересный! Намъ разсказывала одна крымская татарка, что въ Россіи ни за какія деньги нельзя купить бѣлилъ и румянъ—правда ли это?..

На мои возраженія мнѣ отвѣчали загадочными улыбками, но я читала въ ихъ глазахъ: „ай, какъ глупа эта франка— даже понятія не имѣетъ о томъ, что безъ косметики трудно жить на свѣтѣ"!..

Но Аріадна Фотіади выручила меня: своимъ авторитетнымъ словомъ она подтвердила, что, дѣйствительно, *московскія* дамы не бѣлятся и не румянятся, такъ какъ у нихъ совершенно другое міровоззрѣніе на красоту, чѣмъ у земныхъ гурій Востока.

На этомъ были закончены наши пренія, и визитерши стали расходиться. Медіе-ханумъ также удалилась въ свои личные апартаменты, а обѣ ея дочери увели меня въ свой будуаръ. Здѣсь сервированъ былъ чай по-англійски: на спиртовой лампочкѣ въ серебряной кострюлькѣ что-то кипѣло и бурлило, распространяя вокругъ себя непріятный запахъ паренаго вѣника:

— Вотъ она цивилизація!—думала я, наблюдая, какъ мои накрашенныя героини разливали мутную жидкость по чашечкамъ „vieux saxe" и укладывали кексъ на тарелочки изъ богемскаго стекла.

— Ma belle russe!—окликнула меня Зейнабъ, красивымъ жестомъ руки указывая на столъ, гдѣ дымилась драгоцѣнная

---

[1]) Т. е. жену нашего посла.

влага,—это у насъ будетъ „five o'clock tea" передъ обѣдомъ так какъ мы не рискнули предложить вамъ чего-нибудь вульгарнаго: кофе, напримѣръ, или шербетъ...

— Напрасно безпокоились,—не давая ей договорить, возразила я,—мнѣ хотѣлось сейчасъ именно турецкаго кофе...

Надо было видѣть, что произошло и какая суматоха поднялась въ домѣ: бѣлыя рабыни забѣгали изъ комнаты въ комнату, черныя служанки носились ураганомъ сверху внизъ и обратно, евнухи грозными окриками подгоняли ихъ, и все это для того, чтобы сварить одну чашку кофе!..

Распоряжаясь сервировкой, Хадиджа опрокинула кастрюлю съ наваромъ чая, а Зейнабъ бросилась цѣловать и неизвѣстно за что благодарить меня, словно я нашла ей богатаго жениха.

— Ахъ, какая вы добрая, милая дѣвушка!—говорила она, въ порывѣ экстаза, вдругъ охватившаго ее,—вы не презираете насъ, какъ другія иностранки, которыя приходятъ сюда только ради смѣха, а затѣмъ распространяютъ о насъ нелѣпые, вздорные слухи—вотъ какія онѣ ваши европейскія дамы!..

— Мнѣ кажется, что и вы также не остаетесь у нихъ въ долгу?—возразила я, чтобы уклониться отъ изліяній; но получила такой отвѣтъ:

— О, нѣтъ! нѣтъ! мы никогда не позволяемъ себѣ говорить дурно объ иностранкахъ, тогда какъ онѣ, наоборотъ, даже пишутъ въ своихъ книгахъ, что якобы турчанки пьютъ не самый кофе, а только гущу отъ него и въ такомъ видѣ предлагаютъ его гостямъ—ну, развѣ можно такъ безсовѣстно врать?..

— А между тѣмъ все это читаютъ въ Европѣ и судятъ о насъ по ихъ сплетнямъ—вотъ какія онѣ!—блеснувъ глазами, какъ хищный звѣрокъ, договорила старшая сестра, а младшая, замѣтивъ мое настроеніе, тотчасъ же измѣнила тонъ:

— Но вы совсѣмъ другая, и мы не знаемъ, какъ благодарить супругу Мидхатъ-паши за то, что она устроила наше знакомство,—говорила экспансивная турчанка, ласкаясь и сжимая мнѣ руки до боли,—вы не брезгаете нашимъ угощеніемъ, а мы думали, что и въ Россіи, какъ въ Англіи, бываетъ также „five o' clock" передъ обѣдомъ, и вотъ почему сварили для васъ эту черную бурду...

Я объяснила имъ весь порядокъ нашего чаепитія.

— Са-мо-варъ?!. Значитъ, это машина?.. а мы читали въ газетахъ... намъ разсказывали,—и мои собесѣдницы окончательно растерялись...

— Интересно, кто вамъ разсказывалъ такой вздоръ? — спросила я.

— Подобныхъ женщинъ я зашивала бы въ мѣшки и бросала бы въ море,—не отвѣчая мнѣ, громко заявила либеральная Хадиджа, видимо увлекаясь какой-то идеей, но не соображая, гдѣ и какъ ее примѣнить?

Наконецъ, сервировка кофе была успѣшно закончена. Я оцѣнила по достоинству его несравненный вкусъ и ароматъ, а затѣмъ мы разстались большими друзьями.

Е. А. Рагозина.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Императоръ Александръ въ Голландіи и Саардамѣ въ 1814 г.

Описалъ Яковъ **Шельтема**, членъ Института научныхъ знаній въ Гаарлемѣ.

(Переводъ съ голландскаго).

Гаарлемъ [1]).

Государь продолжалъ дальнѣйшій путь къ Гаарлему по дорогѣ, переполненной радостными толпами народа.

Въ Устгестѣ (Oestgeest) была сооружена величественная тріумфальная арка съ надписями на южной сторонѣ—

„Alexandro, heroi Magnanimo“.

а съ другой—

„Hospiti ubique gratissimo“.

(„Александру, великодушному герою“—„Гостю, всюду желенному“).

Въ Лиссѣ (Lisse) Императоръ былъ привѣтствованъ генераломъ Крайенгофомъ (Krayenhof), въ качествѣ командующаго войсками сѣверной частью Голландіи.

Въ Лиссѣ жители имѣли случай видѣть ближайшимъ образомъ проявленіе со стороны Императора Александра душевной доброты и готовности оказать помощь нуждающимся въ ней. Дочь одного, недавно умершаго, рѣзчика штемпелей въ Вильнѣ, рожденная въ Литвѣ, находилась въ Лиссѣ во время проѣзда Государя и собиралась обратиться къ Монарху съ просьбою по дѣлу своего отца. Какъ только Его Величество узналъ, что

---

[1]) См. „Русская Старина“, октябрь 1915 г.

она состояла раньше въ его подданствѣ, немедля соизволилъ допустить ее къ себѣ, разспросилъ ее о дѣлѣ и очаровалъ всѣхъ окружающихъ своею привѣтливостью.

Губернаторъ Сѣверной Голландіи, ванъ-Гудріанъ (van Goudiaan), получивъ отъ владѣтельнаго принца приказаніе встрѣтить Монарха на границѣ этой провинціи при Беннебрукѣ (Bennebrock), привѣтствовалъ здѣсь Государя слѣдующими словами:

„Всемилостивѣйшій Государь“!

„Я явился къ границамъ провинціи, ввѣренной моимъ заботамъ, не для того, чтобы выразить Вашему Величеству личныя мои чувства глубочайшаго почитанія, но для того, чтобы со всѣмъ голландскимъ народомъ раздѣлить чувства высокаго удивленія и преклоненія передъ тѣмъ, кто даровалъ народамъ миръ, а намъ—возвратилъ отечество“.

Императоръ отвѣчалъ на это: „если я сдѣлалъ народы счастливыми, то я исполнилъ только свой долгъ“.

Послѣ этого Государь, сопровождаемый почетнымъ эскортомъ изъ городскихъ стрѣлковъ и войскъ ландштурма, прослѣдовалъ къ дому, составлявшему резиденцію вдовствующей орано-нассауской и брауншвейгской принцессы.

Вдоль всей дороги къ этому дому воздухъ оглашался криками: „да здравствуетъ Императоръ Александръ“.

По пріѣздѣ сюда, Государь былъ встрѣченъ высокими хозяевами, окруженными всѣмъ Дворомъ, и проведенъ въ роскошно убранный залъ.

Здѣсь Его Величеству угодно было дать аудіенцію многимъ лицамъ. Кромѣ членовъ правительственной коллегіи, высшихъ офицерскихъ чиновъ и другихъ лицъ съ высокимъ положеніемъ, къ Высочайшей аудіенціи было допущено много дамъ, принадлежащихъ къ высшему обществу.

По окончаніи этихъ аудіенцій, во время которыхъ прибыла изъ Гаги супруга владѣтельнаго принца, состоялся роскошный обѣдъ.

Въ 5 часовъ Монархъ отправился въ дальнѣйшій путь, по направленію къ Амстердаму. Въ одномъ экипажѣ съ Государемъ помѣстились супруга владѣтельнаго принца и наслѣдный принцъ.

Государю угодно было остановиться на нѣкоторое время въ Гаарлемѣ. Здѣсь приготовленія къ наивозможно болѣе

торжественной встрѣчѣ велись съ такою горячностью, какъ будто бы между жителями происходило какое-либо состязаніе. Всѣ дома были разукрашены, съ особымъ вкусомъ и роскошью, цвѣтами, флагами, девизами; вся дорога по направленію къ порту Амстердама, по обѣимъ сторонамъ, была занята ландштурмомъ и стрѣлковыми войсками.

Въ большой киркѣ были сдѣланы особыя приготовленія къ принятію Высокаго гостя. Для хора былъ устроенъ красивый балдахинъ, а на разостланныхъ коврахъ поставлены для Высокихъ гостей столъ и нѣсколько креселъ; входъ въ храмъ предоставленъ былъ многимъ почетнымъ лицамъ. Администрація ожидала Монарха у главныхъ дверей и провела его на приготовленное мѣсто. Храмъ огласился величественными звуками большого органа; знаменитый органистъ Шуманъ проявилъ здѣсь весь свой талантъ, чтобы ознакомить съ образцовыми музыкальными пьесами, исполняемыми на этого рода инструментахъ. Чудная музыка произвела на всѣхъ чарующее впечатлѣніе.

Послѣ этого Государю благоугодно было осмотрѣть, съ большимъ вниманіемъ, первые опыты книгопечатанія, произведенные въ Гаарлемѣ Лауренсомъ Костеромъ (Laurens Koster). Затѣмъ, осмотрѣвъ прекрасное скульптурное произведеніе Ксавери (Xavery), находящееся подъ органомъ, Высокіе гости отправились пѣшкомъ къ дому Тейлеровскаго института и по пути осмотрѣли памятникъ, сооруженный Лауренсу Костеру, какъ изобрѣтателю книгопечатанія.

Въ Тейлеровскомъ ученомъ обществѣ Императора уже ждали администрація и много ученыхъ. Государь сначала пожелалъ осмотрѣть богатѣйшій музей этого общества. Большая электрическая машина, естественно, прежде всего обратила на себя вниманіе Его Величества. Профессоръ ванъ-Марумъ (van Marum) демонстрировалъ эту машину, произведя нѣсколько опытовъ, доказавшихъ необыкновенную ея силу; осматривая другіе предметы названнаго музея, Государь обратилъ особое вниманіе на прекрасную модель гранитнаго камня, который служитъ пьедесталомъ для знаменитой конной статуи Петра Великаго, воздвигнутой въ центрѣ основанной этимъ Государемъ сѣверной столицы.

При обозрѣніи этого памятника одинъ изъ уважаемыхъ сочленовъ ученаго общества—Тейзедре Ланге (Teisedre L'Ange) обратился къ Монарху со слѣдующими привѣтственными словами:

„Ваше Величество!

„Наше общество не можетъ не гордиться выпавшимъ на его долю счастьемъ лицезрѣть, въ эти торжественныя минуты, героя, котораго человѣчество искренно награждаетъ именемъ Марка Аврелія, а религія—присоединяетъ къ этому наименованіе „Благословеннаго“.

Императоръ отвѣтилъ на это:

„Маркъ Аврелій—хорошій примѣръ для государей; я не думаю, чтобы я могъ сравниться съ нимъ,—я только стараюсь подражать ему“.

Та бесѣда, которую велъ Монархъ въ этомъ храмѣ наукъ съ представителями разныхъ ученыхъ отраслей, дала несомнѣнныя доказательства благорасположенія Его Величества и глубокаго интереса къ процвѣтанію искусствъ и наукъ въ Голландіи, и нидерландскія музы не могли не отозваться,—въ Гаарлемѣ громче, чѣмъ гдѣ-либо,—на высокія заслуги Императора Александра.

Три поэта съ извѣстными именами, вдохновленные этими музами, явились истолкователями всеобщаго чувства глубокой благодарности къ возстановителю среди народовъ мира, при которомъ и возможенъ только полный расцвѣтъ наукъ и искусствъ.

Р. Арнценіусъ (Arntzenius) уже нѣсколько недѣль тому назадъ написалъ превосходную поэму, озаглавленную: „Александръ“ и вызвавшую тогда же общее одобреніе въ особенности за то, что лирическія изліянія поэта, на-ряду съ высокимъ энтузіазмомъ, носили въ то же время печать глубокой истины. Онъ вновь переиздалъ свое произведеніе съ большою роскошью и одинъ экземпляръ его, снабженный переводомъ на французскій языкъ, представилъ теперь Императору.

Тенъ Бруке Гукстра (Ten Broeke Hoekstra), оказавшій такія заслуги въ области филологіи, написалъ оду на латинскомъ языкѣ, также въ высокихъ поэтическихъ образахъ, и въ рукописи преподнесъ Монарху.

Адріаанъ Лоосьесъ (Loosses) еще раньше написалъ стихотвореніе, озаглавленное: „Парижъ у ногъ Александра“, и въ немъ воспѣлъ великодушіе русскаго Царя. Теперь онъ написалъ новые стихи, озаглавленные: „Тѣнь Царя Петра Великаго—къ Александру, Императору Всероссійскому“.

Наконецъ, гаарлемцы достойно поддержали свою древнюю славу искусныхъ живописцевъ и стихослагателей въ аллегори-

ческихъ изображеніяхъ и девизахъ; много было картинъ и изреченій, очень удачныхъ какъ по замыслу, такъ и по исполненію; изъ числа послѣднихъ особенное вниманіе обращало на себя слѣдующее латинское четверостишіе, посвященное „Великодушному герою Александру“:

„Saeva Philippeo numerasse tropaea tyranni;
„Sat fuit et duro subdita colla jugo.
„Pace sed abducta domitâque tyranni de laudes
„Alter Alexander, qua patet orbis habet“.

(„Сынъ Филиппа кровавыми своими трофеями могъ назвать только побѣжденныхъ имъ враговъ, которыхъ онъ ввергалъ въ оковы рабства; вселенная вѣчно прославлять должна другого Александра, который мощною дланью своею разбилъ тяжкія цѣпи гнета и миръ народамъ даровалъ“).

Амстердамъ.

Каждый имѣлъ основанія ожидать, что въ отношеніи блеска пріема русскаго царя—столица Голландіи займетъ, по сравненію со всѣми другими нидерландскими городами, первое мѣсто; но дѣйствительность превзошла, во многихъ отношеніяхъ, эти ожиданія.

Необычайны были приготовленія, повсюду дѣлавшіяся въ Амстердамѣ въ виду пріѣзда Высокаго гостя. Не только сооружались на городскихъ улицахъ и площадяхъ тріумфальныя ворота, арки, памятники и другія декоративныя украшенія; но всюду виднѣлось также, по всему длинному пути, по которому долженъ былъ прослѣдовать, въ торжественной церемоніи, императорскій кортежъ, роскошнѣйшее убранство. Здѣсь украшеніями служили гирлянды и вѣнки изъ зелени, тамъ выступали дома, драпированные въ зеленые, бѣлые и оранжевые цвѣта, въ перемѣшку съ флагами, узорчатыми вышивками, лентами, при чемъ жители болѣе крупныхъ домовъ, казалось, соревновали другъ съ другомъ какъ въ изяществѣ вкуса, такъ и въ богатствѣ украшеній.

Все населеніе, въ своихъ праздничныхъ одеждахъ, еще задолго до въѣзда въ городъ Высокаго гостя, высыпало на улицы въ несмѣтномъ количествѣ. Всѣ дома на пути были переполнены до крайняго предѣла и въ окнахъ тѣснились матери съ дѣтьми въ роскошныхъ нарядахъ. Башни, всѣ зданія и суда были разубраны всевозможнѣйшими флагами. И во всемъ

остальномъ ничего не было упущено для того, чтобы общая радость выразилась сильнѣе и нагляднѣе.

Такъ готовилась столица Голландіи къ торжественной встрѣчѣ Императора. Орудійные выстрѣлы въ Гаарлемѣ при отъѣздѣ служили предвѣстникомъ наступленія радостнаго событія.

Въ 200 саж. отъ Амстердама по Гаарлемской дорогѣ стояла первая тріумфальная арка, у которой расположился многочисленный, составленный изъ юношей знатнѣйшихъ фамилій почетный конный эскортъ.

Бургомистры, съ другими оффиціальными лицами, ожидали здѣсь же Монарха.

Предсѣдательствующій бургомистръ баронъ ванъ-Бутцелааръ (van Boetzelaar) имѣлъ счастіе торжественно привѣтствовать Императора краткою и сильною рѣчью и былъ удостоенъ милостиваго отвѣта.

Къ пріѣзду были уже приготовлены два роскошныхъ открытыхъ экипажа, запряженные—одинъ въ 6 и другой въ 4 лошади. Его Величество сѣлъ въ коляску, вмѣстѣ съ владѣтельнымъ княземъ, его супругою и наслѣднымъ принцемъ; послѣ этого блестящій кортежъ двинулся впередъ, о чемъ народъ былъ оповѣщенъ выстрѣлами изъ орудій и звономъ колоколовъ. Проѣзжая чрезъ Масляную площадь, Императоръ обратилъ особое вниманіе на сооруженную здѣсь тріумфальную арку, выстроенную въ коринѳскомъ стилѣ и посвященную памяти о побѣдѣ союзныхъ державъ. Между колоннами на обѣихъ сторонахъ виднѣлись геніи, переплетавшіе боевые щиты Высокихъ союзниковъ лаврами и прикрѣплявшіе ихъ къ аркѣ.

Ко дворцу прибыли около половины десятаго. Здѣсь Высокія особы были встрѣчены, подъ звуки военной музыки, почетною пѣшею стражею, городскими стрѣлками и другими войсковыми частями. Неисчислимыя толпы народа привѣтствовали ихъ радостными восклицаніями, которыя еще болѣе усилились, когда Императоръ съ супругою владѣтельнаго принца и съ наслѣднымъ принцемъ показались на балконѣ. Когда же Его Величество соизволилъ отвѣтить народу привѣтливыми поклонами, все задрожало отъ перекатывавшихся криковъ радости.

Вскорѣ послѣ этого Монархъ соблаговолилъ дать аудіенцію лицамъ разныхъ коллегій, высшимъ правительственнымъ лицамъ и многимъ другимъ почетнѣйшимъ гражданамъ и членамъ Голландскаго ученаго института. Владѣтельный принцъ лично пред-

ставлялъ всѣхъ этихъ лицъ Императору, и всѣ они были въ восторгѣ отъ оказаннаго имъ пріема.

Большой залъ дворца, поражавшій какъ своимъ величавымъ и изящнымъ стилемъ, такъ и высотою и просторомъ, былъ уже подготовленъ къ балу. Его наполнило блестящее общество изъ почетнѣйшихъ гражданъ города съ женами и дочерьми, соревновавшими между собою въ богатствѣ и изяществѣ нарядовъ и въ блескѣ бриллiантовъ.

Его Величество открылъ балъ съ вдовствующею герцогинею Брауншвейгскою. Наслѣдный принцъ и его братъ также приняли участіе въ танцахъ, въ то время какъ владѣтельный принцъ, оставаясь въ кругу своихъ ближайшихъ лицъ, привѣтливо разговаривалъ со многими изъ нихъ. Все было полно оживленія и веселія, продолжавшагося до самаго утра.

До пріѣзда Императора ожидалось, что въ промежутокъ времени между окончаніемъ аудіенціи и началомъ бала Государь будетъ имѣть время, чтобы посѣтить театры. Въ виду этого и сдѣланы были заблаговременно соотвѣтственныя распоряженія, но скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что, за недостаткомъ времени, эти ожиданія не могутъ осуществиться.

По случаю посѣщенія города Императоромъ устроена была роскошнѣйшая иллюминація. Особенно интересны были аллегорическія картины, сюжетомъ для которыхъ послужили послѣднія политическія событія

На слѣдующій день Государь всталъ рано и, одѣвшись въ темный костюмъ, съ круглою шляпою на головѣ, предпринялъ, никѣмъ не узнанный на улицахъ, прогулку по городу, доставивъ себѣ этимъ удовольствіе, котораго онъ былъ лишенъ въ Роттердамѣ.

Около 9 часовъ Государь зашелъ въ домъ Кусвельта (Coesvelt), одного изъ компаньоновъ торговой фирмы Гопе и К°, съ намѣреніемъ осмотрѣть знаменитую коллекцію картинъ итальянскихъ и испанскихъ мастеровъ. Его сопровождалъ одинъ только камергеръ баронъ фонъ-Гиссенбургъ (Giessenburg).

Императоръ осматривалъ картины съ величайшимъ вниманіемъ и обнаружилъ много художественнаго вкуса при критической оцѣнкѣ произведеній; обращался Монархъ со всѣми крайне любезно. Когда, во время разговора, кто-то изъ присутствовавшихъ здѣсь замѣтилъ, что Его Величество такъ мало времени отдаетъ сну и необходимому отдыху и уже такъ рано на ногахъ, Государь отвѣтилъ, что онъ

„пріобрѣлъ привычку вставать рапо еще на войнѣ; правда", прибавилъ Государь, „я купилъ эту привычку дорогою цѣною и хотя не разсчитываю болѣе когда-либо въ будущемъ снова имѣть въ ней нужду, все-таки, не отказываюсь совсѣмъ отъ обыкновенія своего вставать рано именно для того, чтобы этимъ путемъ выиграть для себя ежедневно по нѣсколько часовъ времени".

Нѣкоторыя произведенія испанской школы настолько понравились Государю, что онъ, тутъ же, купилъ ихъ и поручилъ отправить въ Россію.

Императоръ пробылъ здѣсь больше часа и такимъ же путемъ вернулся назадъ во дворецъ, въ то время какъ лица изъ русской свиты, негласно собравшіяся сюда, отправились позже, чтобы не обнаружить инкогнито Государя.

Въ 11 часовъ утра Монархъ, сопутствуемый владѣтельнымъ принцемъ и другими членами королевской фамиліи, выѣхалъ изъ дворца, для осмотра города, въ роскошномъ парадномъ экипажѣ.

Подъѣхавъ къ Биржевой улицѣ, Государь выразилъ желаніе посѣтить и самую биржу. Здѣсь онъ былъ встрѣченъ городскимъ совѣтникомъ и комиссаромъ при главномъ счетоводѣ (commissaris tot het groot-bock) ванъ-деръ-Гоопомъ (van der Hoop), который провелъ Государя черезъ всѣ залы биржи, а также ознакомилъ его и съ общимъ порядкомъ биржевого счетоводства. Государь былъ очень доволенъ и сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ, касающихся разныхъ биржевыхъ операцій, а также относительно постоянныхъ мѣстъ для стоянокъ торговыхъ людей и т. п. и скоро затѣмъ вернулся къ экипажу.

Послѣ того всѣ поѣхали въ Навигаціонную школу. Встрѣченные, съ подобающимъ почетомъ, комиссарами у дверей школы, Высокіе гости прослѣдовали сначала въ общій залъ для конференціи, гдѣ Монархъ съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ замѣчательные оригиналы портретовъ знаменитыхъ голландскимъ героевъ-моряковъ Питера Гейна (Pieter Hein), Мартена и Корнелія Тромповъ (Tromp), Михеля де-Райтера (Michiel de Puyter) и другихъ.

Черезъ нѣкоторое время всѣ вышли изъ зала и направились къ учебному судну, и здѣсь предъ Государемъ произведены были воспитанниками различныя ученія какъ съ ручнымъ оружіемъ, такъ и съ такелажемъ. Императоръ долго разговаривалъ съ начальникомъ школы о различныхъ названіяхъ корабельныхъ снастей и проч.; не безъ чувства патріотической

гордости говорили также о томъ, что многія голландскія названія разныхъ судовыхъ принадлежностей, усвоенныя русскими еще со временъ царя Петра Великаго, остаются въ Россіи и нынѣ въ употребленіи. Какъ самое судно, такъ и правила обученія воспитанниковъ вызвали со стороны Его Величества одинаковое одобреніе.

Въ школѣ, куда послѣ того перешелъ Императоръ, были уже собраны всѣ ученики съ ихъ воспитателями на тотъ случай, чтобы, если бы это потребовалось,—показать сдѣланные учениками успѣхи во всѣхъ отрасляхъ проходимаго обученія. Государь соизволилъ сдѣлать нѣсколько вопросовъ относительно порядка условій пріема, содержанія и обученія воспитанниковъ. Затѣмъ Монархъ прошелъ чрезъ дортуары и госпитальныя камеры и вездѣ все подробно осматривалъ, не оставивъ безъ вниманія даже койки особаго устройства, введенныя въ голландскомъ флотѣ.

На обсерваторіи, гдѣ уже находилось нѣсколько воспитанниковъ съ биноклями и другими телескопическими инструментами, Государь полюбовался открывавшимся отсюда видомъ на городъ.

По окончаніи осмотра Навигаціонной школы, Высокіе гости вернулись въ общій залъ для конференцій, гдѣ имъ былъ предложенъ роскошный завтракъ. Его Величество, съ бокаломъ въ рукѣ обратившись къ владѣтельному принцу, провозгласилъ тостъ за процвѣтаніе школы. Тостъ этотъ былъ принятъ какъ принцемъ Оранскимъ, такъ и комиссарами школы съ большимъ одушевленіемъ и вызвалъ отвѣтные тосты. Говорили о важномъ значеніи и о пользѣ этого учрежденія и о предстоящей судьбѣ и дѣятельности его воспитанниковъ. Тутъ Государь, обратившись къ комиссарамъ школы, соблаговолилъ сказать:

„ежели кому-либо изъ воспитанниковъ училища, для цѣлей морской торговли или хотя бы и по другимъ дѣламъ, пришлось бы совершить поѣздку и побывать въ Петербургѣ или въ другой какой-нибудь гавани, то каждый изъ нихъ, какъ воспитанникъ Навигаціонной школы, можетъ обратиться непосредственно къ Нему и каждый, въ такомъ случаѣ, можетъ быть совершенно увѣренъ, что ему окажутъ всевозможное содѣйствіе".

Комиссары выслушали и приняли это высоко-милостивое предложеніе съ сердечною радостью и глубокою благодарностью.

Затѣмъ Его Величество выразилъ свое желаніе присутствовать на обѣдѣ учениковъ. Послѣ того, какъ была прочитана, при глубокой тишинѣ, передобѣденная молитва, Государь обо-

шелъ вокругъ стола съ кушаньями и сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ относительно характера пищи и ея приготовленія Онъ пожелалъ лично отвѣдать школьной пищи. Комиссары распорядились принести Государю тарелку и серебряную ложку Но Императоръ отказался отъ такой ложки, а потребовалъ для себя обыкновенную оловянную ложку,—одну изъ такихъ, какія были въ употребленіи въ школѣ.

Не спускавшимъ съ Монарха глазъ ученикамъ Государь милостиво пояснилъ: „мнѣ многократно приходилось ѣсть съ моими солдатиками“. Государь отвѣдалъ хлѣба и мяса и попробовалъ изъ кружки пива [1]).

Комиссары сдѣлали распоряженіе, чтобы въ ознаменованіе этого достопамятнаго обѣда воспитанникамъ дали по бокалу вина. Тогда отъ имени всѣхъ воспитанниковъ почтительно спросили Императора, могутъ ли они имѣть честь поднять бокалъ за здравіе Его Величества. На это послѣдовало согласіе. И вотъ вскорѣ понеслись по залу оглушительные радостные крики: „да здравствуетъ Императоръ Александръ“, „да здравствуетъ любимый нашъ владѣтельный принцъ и весь его Домъ“.

Посѣщеніе русскимъ Монархомъ Навигаціонной школы оставило въ юныхъ сердцахъ воспитанниковъ неизгладимое впечатлѣніе.

На верфи Монархъ былъ встрѣченъ вице-адмираломъ Вердореномъ, во главѣ большого числа высшихъ чиновъ флота. Такъ какъ времени ушло уже слишкомъ много (было около часа дня), чтобы осмотрѣть здѣсь подробно все заслуживающее вниманія, то Императоръ принужденъ былъ отказаться отъ этого осмотра, выразивъ желаніе совершить поѣздку въ Сѣверную Голландію.

Поѣздка къ Бруку въ Ватерляндіи [2]).

Поспѣшно сдѣланы были всѣ необходимыя приготовленія для этой поѣздки. Были снаряжены три красивыхъ шлюпки, изъ которыхъ выдѣлялась своимъ роскошнымъ видомъ шлюпка

---

[1]) Вотъ какъ въ дошедшемъ до автора этой книги письмѣ къ своимъ родителямъ одинъ изъ воспитанниковъ школы описалъ, во всей наивной простотѣ, эту пробу Высокимъ Гостемъ школьнаго кушанья: „Императоръ скушалъ 11 или 12 ложекъ супу, съ 2 ломтями ржаного хлѣба, сопровождая хорошимъ кускомъ мяса, и все это ѣлъ съ большимъ вкусомъ и удовольствіемъ“.

[2]) Waterland, страна водъ, такъ называется сѣверная часть Голландіи.

владѣтельнаго принца. Форштевенъ послѣдней украшенъ былъ голландскимъ львомъ, а сзади—большимъ гербомъ. Все было богато украшено; 24 опытныхъ гребца,—всѣ въ одинаковыхъ бѣлыхъ костюмахъ съ красными кушаками и въ черныхъ бархатныхъ шапкахъ съ серебряными на нихъ щитками,—были наготовѣ, чтобы пустить шлюпку стрѣлою по водѣ, какъ только Высокія особы ступятъ на нее. И вотъ шлюпка понеслась. Адмиралъ Вердоренъ держалъ руль ея и велъ ее мимо военныхъ судовъ, которыя расположились въ длинную линію и безпрерывно салютовали выстрѣлами изъ орудій, въ то время какъ легкія, для прогулокъ, суда, вышедшія изъ Амстердама, носясь на своихъ парусахъ по всѣмъ направленіямъ, сообщали всей картинѣ еще болѣе красивый и оживленный видъ.

У таможни экипажи стояли уже въ готовности. Здѣсь Монархъ и владѣтельный принцъ приняли привѣтствія должностныхъ лицъ Бейкслоота (Buiksloot) и поѣхали чрезъ это селеніе къ Бруку (Broek), столь прославленному какъ своимъ былымъ богатствомъ, такъ и чистотою и опрятностью своихъ домовъ.

Такъ какъ о предпринятой Императоромъ поѣздкѣ и о предположенномъ имъ посѣщеніи этой мѣстности ничего не было сообщено сюда, то въ Брукѣ не только никакихъ приготовленій къ пріему Высокихъ гостей не было сдѣлано, но многіе изъ жителей его, въ виду ожидаемаго посѣщенія Императоромъ Саардама, еще утромъ отправились именно сюда.

Тѣмъ не менѣе, бургомистръ, получивъ, какъ это ни было поздно, сообщеніе о намѣреніи Императора, поспѣшилъ сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія, какія это допускало время и обстоятельства.

Должностныя лица встрѣтили обоихъ Государей въ самомъ началѣ селенія и провели въ домъ Геррита Баккера Гарменсона (Harmenszon), гдѣ проживалъ нѣкогда знаменитый Клаасъ Плугеръ (Klaas Ploeger). Здѣсь Высокое общество расположилось въ помѣщеніи, обладавшемъ чуднымъ куполомъ, и любовалось обширнымъ видомъ, открывавшимся на водяной просторъ съ перспективою на Амстердамъ.

При посѣщеніи кирки Высокія особы были привѣтствованы пасторомъ Веніаминомъ Гаверкампомъ (Haverkamp). Послѣ этого осмотрѣнъ домъ нотаріуса Геррита де-Рейтера (Ruyter), который въ 1780 г. былъ также посѣщенъ Императоромъ Іосифомъ.

Затѣмъ бургомистръ имѣлъ счастіе провести Высокихъ гостей въ свой собственный домъ, предъ которымъ были сооружены тріумфальныя ворота. Въ этомъ домѣ Государямъ было угодно принять приглашеніе на завтракъ, и здѣсь, между прочимъ, обратилъ на себя особое вниманіе Императора сѣверо-голландскій головной уборъ внучки бургомистра, — будучи снятъ съ головы, онъ былъ разсмотрѣнъ во всѣхъ своихъ отдѣльныхъ частяхъ.

Такъ какъ, между тѣмъ, протекло уже слишкомъ много времени, чтобы согласиться на предложеніе посѣтить еще сѣверную часть этой мѣстности, то рѣшено было вернуться назадъ, тою же дорогою, къ своимъ экипажамъ, чтобы ѣхать въ Саардамъ.

Изъ Брука выѣхали половина четвертаго часа. Населеніе, очарованное довѣрчивостью и привѣтливостью Высокихъ гостей, дало выходъ своему чувству радости, устроивъ общую иллюминацію города.

Саардамъ.

Событія, связывавшія этотъ городъ съ исторіею Россійскаго Государства, не могли, конечно, не вызывать у Императора Александра особаго желанія посѣтить Саардамъ, и весьма возможно даже, что о таковомъ желаніи своемъ Государь сообщилъ владѣтельному принцу Оранскому еще при свиданіи съ нимъ въ Парижѣ.

Въ виду этого заблаговременно приступлено было къ обсужденію всего необходимаго, чтобы пойти навстрѣчу означенному желанію Императора.

Владѣтельному принцу было благоугодно, чтобы мы [1]), составившіе въ свое время изслѣдованіе объ отношеніяхъ Петра Великаго къ нашему отечеству и потому близко знакомые со всѣми обстоятельствами, связанными съ пребываніемъ русскаго царя въ Саардамѣ, помогли правительственнымъ лицамъ этого города своими указаніями и совѣтами и чтобы для этой цѣли мы лично находились въ Саардамѣ, на случай, если бы потребовались какія-либо выясненія.

Владѣтельный принцъ, развивъ передъ нами подробно свои виды и предположенія, соизволилъ возложить на насъ порученіе отправиться къ губернатору ванъ-Тетсъ ванъ-Гоудріаану

---

[1]) Т. е. авторъ настоящаго описанія путешествія Александра I въ Голландію—Яковъ *Шельтема*. А. Л.

Goudriaan), чтобы совмѣстно съ нимъ и съ членами городского управленія подробно обсудить все необходимое къ встрѣчѣ Высокаго гостя въ Саардамѣ.

Въ ожиданіи, что саардамцы будутъ имѣть счастіе видѣть посреди себя великаго Монарха въ теченіе цѣлаго дня, первоначально былъ составленъ обширный планъ осмотровъ достопримѣчательностей города, поѣздокъ сухопутныхъ и по р. Саанъ и другихъ развлеченій, которыя могли бы быть предложены Высокому Гостю.

Но когда сдѣлалось извѣстнымъ, что можно было разсчитывать на пребываніе Монарха въ Саардамѣ не болѣе какъ въ теченіе только нѣсколькихъ часовъ, пришлось сократить и самую программу развлеченій.

Для остановки Высокихъ Гостей былъ выбранъ домъ, занятый отелемъ Оттера (de Otter) съ обширнымъ видомъ на Фоор-и-Ахтерсаанъ. Изъ него было устранено все, что могло напоминать собою гостиницу, и этимъ было достигнуто, что означенный домъ хотя и не представлялъ той роскоши, какая встрѣчается обычно въ королевскихъ дворцахъ, но, отвѣчая голландской чистотѣ и аккуратности, могъ служить приличнымъ помѣщеніемъ.

Радостный для саардамцевъ день прибытія къ нимъ Императора Александра наступилъ 3-го мая. Съ первыми лучами солнца Саардамъ предсталъ въ невиданномъ блескѣ. Насколько могъ обхватить глазъ, всюду виднѣлись флаги, какъ знаки радости и ликованія. Не было ни одного общественнаго зданія, ни одной мельницы, ни одной фабрики, ни одного простого дома, которые не были бы убраны флагами, вѣнками, гирляндами и другими украшеніями.

Особенно выдѣлялся, изъ ряда другихъ домовъ, богатствомъ своего убранства домъ, назначенный для пріема Императора. Спереди и сзади надъ нимъ развѣвались три громадныхъ размѣровъ флага: голландскій, россійскій и нѣмецкій.

Весь путь, по которому долженъ былъ прослѣдовать черезъ городъ Императорскій кортежъ, былъ украшенъ разнообразными арками, тріумфальными воротами, декораціями и т. п.

Въ предположеніи, что Высокій Путешественникъ прибудетъ изъ Амстердама воднымъ путемъ, на яхтѣ, въ ближайшемъ отъ мѣста выхода Императора на берегъ пунктѣ—было воздвигнуто особое тріумфальное сооруженіе.

Сооруженіе это представляло изъ себя овальный щитъ бѣлаго цвѣта, стоящій на голубомъ пьедесталѣ и окруженный

зелеными вѣтвями и гирляндами; надъ нимъ развѣвался голландскій флагъ; по бокамъ висѣло 8 флаговъ, принадлежавшихъ освобожденнымъ державамъ Европы.

На щитѣ крупными латинскими буквами было изображено „Liberator venit. Gaudeamus". (Освободитель шествуетъ. Возрадуемся).

Весь путь, по которому долженъ былъ слѣдовать Императорскій кортежъ, былъ богато украшенъ разнообразными арками, декораціями съ надписями, девизами и т. п.

На одной изъ декорацій красовалось изреченіе: „Na lijden komt verblijden". (За страданіемъ слѣдуетъ утѣшеніе).

Передъ фасадомъ саардамскаго ратгауза былъ сооруженъ щитъ, украшенный гирляндами изъ зелени и оранжевыхъ листьевъ. На щитѣ изображены были стрѣлы древняго вооруженія, перевязанныя крестообразно оранжевою лентою, съ латинскою надписью: „Nunc fortior".

На большомъ шлюзѣ были сооружены колоссальныя тріумфальныя ворота; они представляли изъ себя арку въ іоническомъ стилѣ, покоющуюся на колоннахъ. Верхняя часть представляла аллегорическое изображеніе мира, высоко держащаго оливковую вѣтвь и осыпающаго человѣчество изъ полнаго рога изобилія.

На фризахъ была надпись—на восточной сторонѣ по-русски и на западной по-нидерландски: „Александру Миротворцу—радостный Саардамъ".

Съ каждой стороны центральной колонны висѣло два овальныхъ щита, подвѣшенныхъ на зеленыхъ лентахъ. На щитѣ съ правой стороны виднѣлась надпись: „Отъ Петра Великаго—честь", на щитѣ съ лѣвой стороны: „Отъ Александра Благословеннаго—миръ".

Передъ домомъ, назначеннымъ для пріема Императора и украшеннымъ, сверхъ упомянутыхъ уже флаговъ, еще необозримымъ числомъ пальмовыхъ вѣнковъ и гирляндъ изъ цвѣтовъ, была сооружена другая арка, въ дорійскомъ стилѣ. На щитѣ, съ передней стороны, была надпись на латинскомъ языкѣ:

Haecce domus
in quam
Petrus Magnus, Russiae Imperator,
mox post ejus adventum in hac urbe
d. XV iduum augusti anni
CIDIDCXCVII
introivit,

laete nunc portas suas recludit,
D. Alexandro P. F. generoso
Europae liberatori,
humani generis deliciis ac decori.

(„Сей домъ,—въ который Петръ Великій, Императоръ Всероссійскій, тотчасъ по прибытіи своемъ въ городъ Саардамъ 18 августа 1697 г., вступилъ,—нынѣ радостно отверзаетъ врата свои Александру, великодушному Освободителю Европы, радости и украшенію рода человѣческаго“).

Другой домъ на плотинѣ имѣлъ также декоративныя украшенія; подъ соединенными литерами A. и W. читались слова: „Laetitia praesens spe certâ“. (Нынѣшняя радость покоится на твердомъ упованіи) [1]).

Уже съ ранняго утра большія толпы народа изъ разныхъ мѣстностей Голландіи стали стекаться въ Саардамъ, и съ каждымъ часомъ толпы эти возрастали все болѣе и болѣе.

Дороги были съ утра заняты стрѣлками, ландштурмомъ и другими воинскими частями, пришедшими изъ Алькмаара и расположившимися на квартирахъ въ сосѣднихъ деревняхъ.

Въ 4 часа звонъ колоколовъ возвѣстилъ о приближеніи къ Саардаму Императора вмѣстѣ съ владѣтельнымъ принцемъ. Высокіе гости были встрѣчены и привѣтствованы губернаторомъ провинціи ванъ-Гоудріааномъ. На слова этого послѣдняго, что саардамцы приложили всѣ старанія, какія были въ предѣлахъ ихъ силъ, чтобы заслужить благоволеніе Монарха и принца, Его Величество соизволилъ отвѣтить губернатору:

„Передайте добрымъ саардамцамъ, что я прихожу къ нимъ какъ Петръ Великій и что я хочу пробыть у нихъ цѣлый день“.

Послѣ того Клаасъ Мюль (Klaas Mul) привѣтствовалъ Императора слѣдующею рѣчью на французскомъ языкѣ:

„Ваше Величество“!

„Петръ Великій почтилъ этотъ городъ своимъ посѣщеніемъ и пребываніе этого славнаго монарха сдѣлало Саардамъ столь же знаменитымъ въ историческихъ книгахъ о Россіи, какъ и достопримѣчательнымъ въ мемуарахъ, посвященныхъ цивилизаціи народовъ“.

---

[1]) Мы не приводимъ здѣсь описаній многихъ другихъ декорацій съ помѣщенными на нихъ различными девизами (на голландскомъ и латинскомъ языкахъ) въ честь Императора Александра I и короля Прусскаго Вильгельма, а также въ память о Петрѣ Великомъ. *Переводч.*

„Тѣмъ не менѣе, Ваше Величество, мы чужды зависти къ тому счастью, которое выпало на долю нашихъ праотцевъ. Въ этотъ, отнынѣ навсегда достопамятнѣйшій для насъ, день мы пользуемся несравненно большимъ счастьемъ: мы получаемъ возможность лицезрѣть среди насъ Государя, истиннаго наслѣдника доблестей и мощи Петра Великаго,—Государя, у котораго человѣколюбіе сочетается съ могуществомъ и который съ такою славою положилъ конецъ борьбѣ между правомъ и завоеваніемъ, который возвратилъ Европѣ миръ и великодушно содѣйствовалъ возстановленію независимости нашего дорогого отечества“.

„Проникнутые восторженнымъ удивленіемъ, мы повергаемъ предъ Вашимъ Величествомъ наши чувства благоговѣйнаго почитанія и живѣйшей благодарности. И да будетъ Саардамъ, который нѣкогда столь возлюбилъ *Петръ Великій*, также взысканъ благосклонностью *Александра Благословеннаго*, которому Всемогущій да ниспошлетъ свое благословеніе“.

Въ то же самое время предсѣдательствующій бургомистръ Диркъ Деккеръ обратился съ привѣтственною рѣчью къ Оранскому принцу.

Оба Государя милостиво выслушали обращенныя къ нимъ рѣчи и благосклонно отвѣтили на нихъ.

Затѣмъ кортежъ двинулся дальше. Императоръ велъ супругу владѣтельнаго принца. У восточной церкви, двери которой были открыты, ихъ торжественно привѣтствовали священнослужители разныхъ христіанскихъ общинъ, явившіеся сюда въ полномъ церковномъ облаченіи.

Подходя къ тріумфальной аркѣ и замѣтя на ней русскія надписи, Монархъ со вниманіемъ прочелъ ихъ, а войдя подъ самую арку, пріостановился здѣсь очарованный открывшимся передъ нимъ чуднымъ видомъ на заливъ.

Пріятное впечатлѣніе усилилось, когда Государь увидѣлъ толпу изъ 16 молодыхъ дѣвушекъ, все дочерей правительственныхъ лицъ, въ бѣлыхъ роскошныхъ платьяхъ, убранныхъ зелеными и оранжевыми лентами; 14 изъ нихъ были, сверхъ того, въ саардамскихъ капюшонахъ.

Одна изъ юницъ выступила впередъ и поднесла Государю оливковую и дубовую вѣтви со слѣдующими словами:

„Государь“!

„Оливковая вѣтвь подобаетъ Вашему Величеству какъ Миротворцу Европы, дубовый же вѣнокъ—какъ охранителю друга

и недруга. Удостойте принять отъ насъ это почтительнѣйшее подношеніе".

„Слава о высокой Вашей добротѣ окрыляетъ насъ надеждою, что Ваше Величество не отринете нашего привѣтствія и выраженія нашихъ чувствъ радости и глубокаго почитанія".

Послѣ этого другая изъ толпы дѣвушекъ обратилась съ привѣтствіемъ къ владѣтельному принцу, поднеся ему букетъ изъ розъ.

Оба Государя отвѣчали весьма привѣтливо, и эти скромныя и съ такимъ милымъ простодушіемъ предложенныя подношенія были приняты съ особою любезностью.

Нѣсколько другихъ молодыхъ дѣвушекъ поднесли букеты цвѣтовъ принцу Оранскому и всѣмъ остальнымъ членамъ Королевскаго Дома, а также и нѣкоторымъ важнѣйшимъ лицамъ; шесть молодыхъ дѣвушекъ, держа въ рукахъ изящно украшенныя корзиночки, усыпали путь цвѣтами и листьями розъ, пальмъ и лавровъ.

Необыкновенное возбужденіе царило среди окружавшей толпы; но въ первыя минуты, какъ увидѣли Императора, это возбужденіе проявилось въ благоговѣйной тишинѣ. Каждый считалъ себя глубоко счастливымъ, что могъ лицезрѣть *величайшаго* въ наше время и за весь историческій періодъ, Государя,—величайшаго своими благодѣяніями.

Наконецъ Императорскій кортежъ достигъ дома, предназначеннаго для пріема Высокаго Гостя. Помѣщенная на немъ надпись не осталась безъ вниманія и удостоилась быть прочтенною. Монархъ былъ введенъ внутрь зданія и потомъ проведенъ въ верхній аванзалъ, убранный очень скромно и безъ особыхъ украшеній, но мило и со вкусомъ.

Когда Императоръ вмѣстѣ съ супругою принца Оранскаго и другими членами владѣтельнаго дома показались передъ открытыми окнами, въ этотъ моментъ всеобщій восторгъ прорвался въ громкихъ восклицаніяхъ,—земля и воздухъ задрожали отъ радостныхъ кликовъ: „да здравствуетъ на многія лѣта Александръ", „виватъ Ораніе-Наусскій домъ!"

Насколько глазъ могъ обхватить громадную ликующую толпу—всюду виднѣлись, въ высоко поднятыхъ рукахъ, шляпы и бѣлые платки, которыми всѣ усиленно махали, и это сообщало всей волнующейся, на широкомъ пространствѣ, толпѣ такую своеобразную картину, что она не могла не обратить на себя особаго вниманія Высокихъ гостей.

Между тѣмъ, въ домѣ былъ приготовленъ завтракъ. По окончаніи его, принцъ Оранскій далъ аудіенцію собравшимся въ Саардамѣ священно-служителямъ разныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій (а именно: двумъ реформатскимъ, одному лютеранскому и тремъ римско-католическимъ). Всѣ они просили у принца разрѣшенія представиться Императору и, когда Государь вышелъ къ нимъ, одинъ изъ нихъ имѣлъ честь привѣтствовать Его Величество прекрасною рѣчью на латинскомъ языкѣ, видимо произведшею на Монарха пріятное впечатлѣніе.

Между тѣмъ, губернаторъ представилъ программу торжества владѣльному принцу, а этотъ послѣдній, въ свою очередь, сообщилъ ее своему Высокому Гостю; послѣ того, какъ эта программа была одобрена, рѣшено было, прежде всего, посѣтить тѣ мѣста Саардама, которыя сдѣлали этотъ городъ достославнымъ въ исторіи Россіи.

Высокіе гости вышли изъ дома. Монархъ повелъ подъ руку супругу владѣтельнаго принца, а за ними послѣдовала очень значительная свита. Во время этого шествія все осматривалось съ большимъ интересомъ, въ особенности различные костюмы женщинъ и, между прочимъ, жительницъ изъ мѣстностей Рипъ (Кур) и Беемстеръ (Beemster), на которыхъ были очень дорогія украшенія. Около одной женщины, одѣтой въ особенно оригинальный костюмъ, Государь остановился нѣсколько дольше и такъ какъ женщина эта могла отвѣчать по-французски, то Его Величествомъ было сдѣлано ей нѣсколько вопросовъ.

Пройдя еще немного, остановились на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда была верфь Линста Тейвиссона Рогге (Lynst Teeuwiszoon Rogge), и сообщили Государю, что Царь Петръ именно на этой верфи былъ принятъ въ качествѣ простого рабочаго, подъ именемъ *Петра Михайлова*. Ожидая, конечно, что вблизи долженъ находиться и самый домикъ, въ которомъ жилъ Петръ Великій, Монархъ быстрыми шагами пошелъ впередъ, осматривая все съ большимъ любопытствомъ.

Но когда Государь дошелъ до моста надъ рвомъ, то замѣтилъ, что всѣ украшенія здѣсь сразу прекратились. Озаботившись исключительно приведеніемъ въ наилучшій порядокъ самой дороги къ домику, ничего не сдѣлали, чтобы прикрыть печальный видъ окружающей его мѣстности.

Самый домикъ былъ также оставленъ совершенно не украшеннымъ,—на немъ не было даже флага.

Надъ дверью ограды стояло единственное *P*, перевитое пальмою, и затѣмъ сверху находился совершенно простой, бѣлаго

цвѣта, овальный щитъ, на которомъ по-русски и нидерландски было написано: *„Для великаго человѣка—нѣтъ ничего малаго“*.

Надпись эта была прочитана со вниманіемъ и не могла не произвести впечатлѣнія, особенно въ виду поразительнаго контраста, производимаго жалкимъ видомъ этой хижинки по сравненію съ могуществомъ и блескомъ лица, нѣкогда обитавшаго въ ней.

Принцъ Оранскій предложилъ Его Величеству руку. Государь обнажилъ голову и съ замѣтнымъ волненіемъ вошелъ внутрь дома. За нимъ послѣдовали и остальныя лица, его сопровождавшія, и вскорѣ весь домикъ наполнился гостями. Императоръ осматривалъ все съ напряженнымъ вниманіемъ и затѣмъ замѣтилъ: „вотъ какъ мало надо человѣку“.

Вскорѣ послѣ этого авторъ настоящаго описанія пребыванія Александра I въ Голландіи въ 1814 г. спросилъ у владѣтельнаго принца—не будетъ ли подходящимъ моментомъ, чтобы поднести Императору свой трудъ о Петрѣ Великомъ. Будучи, вслѣдъ за этимъ, почтительно представленъ Монарху, онъ имѣлъ счастье поднести Его Величеству названную книгу со слѣдующими привѣтственными словами:

„Ваше Величество!

„Никогда не смѣлъ я мечтать о томъ, что когда-либо удостоюсь плоды моихъ трехъ-лѣтнихъ трудовъ по изученію отношеній Петра Великаго къ моему отечеству поднести, на этой священной землѣ, достойному наслѣднику великаго Петра — Александру Благословенному.

„Множество разнообразнѣйшихъ чувствованій волнуютъ душу. Сильнѣйшее изъ нихъ—проистекаетъ изъ чувства благодарности. Вамъ, Ваше Величество, мы обязаны своимъ возрожденіемъ къ новой жизни, Вы намъ возвратили наше отечество, возвратили нашихъ дѣтей. Всемогущій да вознаградитъ Васъ“.

Императоръ очень благосклонно принялъ роскошно переплетенный экземпляръ книги и, взглянувъ на печатный текстъ, сказалъ по-нѣмецки:

„Эта книга на голландскомъ языкѣ, я не понимаю по-голландски, но у насъ есть хорошіе переводчики. Благодарю васъ, благодарю“.

Послѣ того Монархъ удостоилъ разговоромъ другихъ лицъ. Нѣкто Бюльсингъ (J. A. Bulsing), бывшій раньше кастеляномъ въ Саардамѣ, а нынѣ—въ Гронингенѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ пріобрѣлъ настоящій домикъ и, благодаря этому, быть

можетъ, и посчастливилось домику избѣжать разрушенія и полнаго уничтоженія.

Этотъ Бюльсингъ имѣлъ честь разсказать о посѣщеніи домика Петра Великаго родителемъ и родительницею Императора Александра, путешествовавшими въ 1781 г. подъ именами графа и графини *Сѣверныхъ*. Вмѣстѣ съ этимъ, Бюльсингомъ сдѣлано было предложеніе Императору принять въ подарокъ какъ этотъ домикъ, такъ и послѣдній бокалъ изъ числа употреблявшихся, при посѣшеніи домика графомъ и графинею Сѣверными.

Монархъ тутъ же принялъ бокалъ, но послѣдовало ли уже рѣшеніе на письменное, въ видѣ адреса, предложеніе относительно домика—намъ не извѣстно.

Бюльсингъ въ заключеніе имѣлъ честь предложить Высокимъ гостямъ выпить по бокалу мадеры, которою тутъ же и было обнесено все общество, съ очаровательною любезностью, дочерью Бюльсинга [1]).

Между тѣмъ владѣтельный принцъ предложилъ Императору оставить на будущія времена память о своемъ посѣщеніи Саардама. Когда Государь изъявилъ на это свое согласіе, рѣшено было вдѣлать мраморную доску, съ соотвѣтственною надписью, въ верхнюю часть колпака надъ каминомъ. Вслѣдъ затѣмъ Его Величеству подали серебряную лопатку, и Государь своеручно вставилъ, въ предназначенное мѣсто, четырехъ-гранный кусокъ мрамора, на которомъ золотыми буквами начертана была латинская надпись: *Petro Magno—Alexander*" (Петру Великому—Александръ).

Послѣ этого владѣтельный принцъ сообщилъ Государю, что рядомъ съ этимъ мраморнымъ памятникомъ долженъ быть установленъ другой такой же—въ честь Его Величества. Государь на это отвѣтилъ:

„Все и вся Петру Великому, мнѣ — ничего. Мое имя не должно стоять рядомъ съ именемъ Петра".

Но принцъ настаивалъ на своей мысли: „нашъ долгъ почтить Ваше Величество", а губернаторъ, въ свою очередь, обратившись къ принцу Оранскому, ходатайствовалъ передъ нимъ, какъ передъ своимъ Государемъ, о вдѣлкѣ второго мрамора въ честь Александра Благословеннаго. Наконецъ, Императоръ, милостивымъ наклоненіемъ головы, изъявилъ свое согласіе.

Послѣ этого былъ вставленъ, въ томъ же мѣстѣ, надъ ка-

---

[1]) Эта любезность была награждена Монархомъ великолѣпнымъ кольцомъ, состоящимъ изъ небольшого топаза съ бриліантовою оправою.

миномъ, второй кусокъ мрамора, съ лѣвой стороны отъ перваго камня, съ начертанною золотыми буквами слѣдующею надписью

Alexander I Benedictus
Imperator
hunc lapidem
ipse posuit
die III kal: quintilis
CIDIDCCCXIV
quod laeto ac grato animo
testatur
van Tets van Goudriaan
holl: sept: gub:

(Александръ I Благословенный Императоръ вложилъ здѣсь своеручно этотъ камень 3-го іюля 1814 г., что съ радостнымъ и благодарнымъ чувствомъ свидѣтельствуется губернаторомъ сѣверной части Голландіи—ванъ-Гоудріааномъ).

Мы даемъ здѣсь изображеніе внутренняго вида домика Петра Великаго въ той его части, которая касается въ высокой степени достопамятнаго посѣщенія этого домика Александромъ Благословеннымъ.

Послѣ осмотра домика Высокіе гости возвратились тою же дорогою.

Передъ мостомъ была устроена декорація, на которой подъ единственною буквою А, украшенною русскими вымпелами, была слѣдующая латинская надпись, обратившая на себя также благосклонное вниманіе:

„Decus decori addit avito" (Его блескъ увеличилъ славу его предковъ).

У плотины совершенно неожиданно произошелъ инцидентъ, произведшій весьма пріятное впечатлѣніе на Государя: одна изъ мѣстныхъ жительницъ, жена нѣкоего Клааса Кейзера, поднесла Императору оду на нѣмецкомъ языкѣ, въ которой она изливала свою радость по случаю счастливаго дня, и въ заключеніе предложила Императору въ подарокъ, отъ имени своего дяди Якова Хоогербеетса (Hoogerbeets), очень искуснаго плотника, или скорѣе—художника, весьма аккуратно и точно, съ полнымъ соблюденіемъ пропорціональности, сдѣланную модель домика Петра Великаго; то и другое было принято Государемъ весьма благосклонно [1]).

---

[1]) Позже Государь пожаловалъ названному выше мастеру драгоцѣнную, прекрасной работы, золотую табакерку.

Достигнувъ берега, Высокое общество предприняло на яхтѣ увеселительную прогулку по Саану.

Въ этой прогулкѣ приняло участіе почти все населеніе Саардама. Вся рѣка, еще задолго до появленія на ней Высокихъ гостей, покрылась массою лодокъ, буэровъ, яхтъ, галеръ и другихъ всевозможныхъ родовъ парусныхъ и гребныхъ судовъ. Также заблаговременно подготовлены были къ поднятію парусовъ и рѣчныя суда адмиралтейства, раздѣленныя на 3 эскадры подъ командою: Михеля Бура (Boer), Корнелія Букера (Booker) и Геррита Юта (Jut) въ качествѣ адмирала, вице-адмирала и шаутбейнахта. Всѣ суда были богато разукрашены флагами и т. п. Гребцы и штурмана имѣли бѣлые костюмы. Всѣ лодки были переполнены дамами и дѣтьми. Сверхъ всего этого, можно предполагать, было еще до 200 другихъ обыкновенныхъ весельныхъ лодокъ и открытыхъ судовъ, также до-нельзя переполненныхъ людьми.

Музыканты національной гвардіи на лодкахъ разъѣзжали съ музыкою по Саану. Другой оркестръ музыки, прибывшій изъ Амстердама, также не мало содѣйствовалъ общему веселію.

Въ центръ этой флотиліи судовъ вошли теперь большіе береговые шлюпы, среди которыхъ рѣзко выдѣлялся шлюпъ владѣтельнаго принца, съ большимъ Государственнымъ флагомъ. У руля этого судна стоялъ вице-адмиралъ Вердоренъ,

Высокіе гости, изъ особой любезности къ населенію, пожелали проѣхать сначала вдоль берега съ западной стороны, а когда объѣхали мимо флотиліи судовъ, повернули назадъ и поплыли также вдоль берега—съ восточной стороны.

Никакое воображеніе не въ состояніи нарисовать себѣ то, полное красоты, зрѣлище, которое представляла изъ себя эта масса разбросанныхъ по громадному водному пространству судовъ съ ликующими на нихъ людьми.

Расположенныя по берегамъ Саана зданія были также всѣ полны зрителями. И каждый, кому удалось видѣть близко возлюбленнаго Монарха, былъ счастливъ, и радостныя восклицанія: „я видѣлъ Александра—я видѣлъ Императора“ переходили изъ устъ въ уста, и неудержимо неслось по воздуху: „да здравствуетъ Александръ, виватъ оранскій Домъ!“

Высокое общество высадилось на берегъ въ томъ же мѣстѣ, гдѣ оно сѣло въ шлюпы.

У одного дома, на плотинѣ, къ Императору приблизилась мѣстная жительница, по имени Катарина Hooме (Noome) и поднесла Его Величеству въ подарокъ очень цѣнное и искус-

ное изображеніе женщины, въ видѣ куклы, одѣтой въ платье съ украшеніями, какія были въ обиходѣ среди саардамскихъ женщинъ 100 лѣтъ тому назадъ. Этотъ памятникъ бытовой старины всегда съ большою заботливостью хранился въ ея семьѣ въ особомъ, красивомъ шкафикѣ. Поднося его привѣтливо Императору, она сказала:

„Государь!

„Удостойте принять изображеніе костюма саардамскихъ женщинъ временъ Петра Великаго“.

„Чувство любви и преданности, которымъ преисполнены мы всѣ къ Освободителю нашего отечества, такъ же сильно, какъ чувство уваженія, съ которымъ относились наши праотцы къ знаменитому предку Вашего Величества“.

„Государь, мы, потомки друзей того Царственнаго Плотника, просимъ почтить насъ Вашею благосклонностью“.

Императоръ весьма милостиво принялъ подарокъ [1]).

По возвращеніи въ домъ, приготовленный для Императора, Высокіе гости были проведены въ верхній залъ, расположенный позади аванзала. Онъ былъ убранъ еще съ большею роскошью и изяществомъ, чѣмъ аванзалъ, но какія-либо украшенія въ видѣ картинъ и т. п.—совершенно отсутствовали въ немъ, и только висѣлъ одинъ большой, художественно исполненный, портретъ, изображавшій стоящаго Петра Великаго во весь его ростъ.

Императоръ былъ очень доволенъ при видѣ этого портрета, который какъ бы указывалъ, что духъ Петра привѣтствуетъ его здѣсь или какъ бы принимаетъ участіе въ общей радости саардамцевъ.

Нѣкто Адріанъ Лоосьесъ (Loosjes), саардамецъ, написалъ, вполнѣ отвѣчающее настроенію дня, стихотвореніе, озаглавленное: „Тѣнь Петра Великаго—къ Александру, всероссійскому Императору“. Нѣсколько напечатанныхъ экземпляровъ этого стихотворенія имѣлось здѣсь же, въ этомъ залѣ, и такимъ образомъ Монархъ могъ представить себя какъ бы вопрошаемымъ своимъ великимъ Предшественникомъ.

Къ этому времени уже подготовленъ былъ изысканный обѣдъ. Столъ былъ накрытъ на 20 кувертовъ. Посреди возвышался шатеръ въ видѣ храма, съ изображеніемъ мира. Карнизы его были украшены флагами европейскихъ державъ.

---

[1]) Позже за этотъ подарокъ Государь изволилъ пожаловать названной женщинѣ драгоцѣнную брошку, состоявшую изъ аметиста, окруженнаго бриллiантами.

Половина 8-го Высокіе гости были готовы къ отбытію. Когда они вышли изъ дому, они были очарованы тѣмъ чуднымъ видомъ, который представлялъ Фоорсаанъ Voorzaan). Въ бассейнѣ залива собрались всѣ легкія суда, способныя идти на парусахъ, чтобы торжественно сопровождать шлюпки и яхты къ Амстердаму. Опредѣлить точно число такихъ судовъ представлялось весьма труднымъ, — нѣкоторые исчисляли ихъ въ 200—300, другіе опредѣляли ихъ еще въ большемъ числѣ; множество судовъ и яхтъ всѣхъ родовъ пришло сюда даже изъ Фрисланда и южной Голландіи.

Когда Императоръ приблизился къ большому шлюзу и здѣсь увидѣлъ неожиданно открывшуюся передъ нимъ чудную панораму на Саанъ, увидѣлъ повсюду радостныя и празднично разряженныя толпы народа, онъ былъ такъ взволнованъ, что, положивъ обѣ руки на плечи принца Оранскаго, съ особымъ чувствомъ произнесъ:

„Боже мой, какъ Вы должны быть счастливы съ такимъ народомъ“.

Сойдя съ набережной и сѣвъ въ шлюпки, Высокіе гости соизволили, въ весьма благосклонной формѣ, выразить свое удовольствіе и благодарность за оказанный имъ пріемъ.

Какъ только Императоръ и владѣтельный принцъ были замѣчены съ береговъ, раздался оглушительный взрывъ радостныхъ восклицаній собравшагося здѣсь народа, въ то же мгновеніе подхваченный на многочисленныхъ судахъ.

Погода, вѣтеръ и теченіе все благопріятствовало какъ только можно было желать; при умѣренной свѣжести вѣтра всѣ суда плавно неслись по теченію рѣки Саана; огненный дискъ безоблачнаго вечерняго солнца золотилъ все окружающее.

Такъ шлюпки дошли до мѣста, гдѣ стояли на якорѣ большія яхты. Какъ только Высокіе гости перешли на одну изъ нихъ— на яхту „Орелъ“—тотчасъ же на ней взвился большой флагъ; въ то же время къ ней направился изъ Саана адмиральскій корабль, произвелъ установленный салютъ и подъ оглушительныя радостныя восклицанія съ другихъ яхтъ—поплылъ обратно къ Саардаму.

Сообщ. **А. С. Лацинскій.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

Михаилъ Никифоровичъ Катковъ и графъ Петръ Александровичъ Валуевъ въ ихъ перепискѣ.

(1863—1879 г.г.).

X [1]).

Аптекарскій Островъ. 19/IX 1863 г. *Конфиденціально.*

Многоуважаемый М. Н., благодарю за письмо, переданное мнѣ Г. Гизенымъ, и за знакомство съ нимъ. Я прочелъ его записку и болѣе пространную статью по тому же вопросу. Признаюсь, что я во многомъ совершенно раздѣляю его мнѣніе. Россія сложилась такъ, что она латинизма избавиться не можетъ. Это не предположеніе, а данная, завѣщанная исторіей, слѣдовательно Божіимъ Промысломъ. Если же мы латинизма избавиться не можемъ, то слѣдуетъ его пріурочить къ нашему государственному строю. Вопросъ только въ томъ, какъ пріурочить? Analagon заключается въ вопросѣ о польскомъ элементѣ населенія въ Западномъ Краѣ. Этотъ элементъ не устранимъ; ergo—долженъ быть пріуроченъ. Ваша статья въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ имѣетъ для меня особое значеніе не только потому, что она указываетъ путь для разрѣшенія Русскаго вопроса, но и потому, что она дѣлаетъ то же самое и для западно-польскаго. Я болѣе двухъ лѣтъ сряду постоянно твердилъ и говорю теперь, какъ въ 1861 г., что этотъ вопросъ разрѣшимъ только въ Москвѣ и Петербургѣ, а не въ Вильно и Кіевѣ, и разрѣшенъ будетъ только тогда, когда Вильно и Кіевъ станутъ лицомъ къ Петербургу или къ Москвѣ, а тыломъ къ Варшавѣ. Раздѣляю Ваше мнѣніе насчетъ дѣятельности и рѣшительныхъ мѣръ къ переходу въ русскія

---

[1]) См. „Русская Старина“, октябрь 1915 г.

руки части поземельной собственности въ Западномъ краѣ. Постараюсь и уже стараюсь о принятіи ихъ (хотя при нашихъ формахъ и составѣ это ужасно трудно); но вижу въ этомъ только вспомогательное, а не радикальное средство. Въ настоящее время находится въ рукахъ помѣщиковъ польскаго происхожденія: въ Кіевской губерніи 82%, въ Подольской 85%, въ Волынской 89%, въ Гродненской 85%, въ Минской 95%, въ Виленской 94%, въ Ковенской 78%, въ Могилевской 66%, въ Витебской 37% *всей массы поземельной собственности.* Эти данныя собраны мною еще въ 1861 г., слѣдовательно, я тогда уже думалъ о ихъ значеніи. Я постоянно твержу и то, что надлежитъ имѣть рѣшимость посмотрѣть на себя въ зеркало, когда чувствуешь себя нездоровымъ. Ни Аксаковъ въ „Днѣ", ни Говорскій въ Вѣстникѣ Ю. З. Россіи, не убѣдятъ меня, что мы нравственно сильны на Западѣ. Мы матеріально сильны и можемъ быть сильны и морально. Но какъ? Этого не разрѣшатъ ни Аксаковъ [1]), ни Говорскій [2]). Вы воздаете должное ген. Муравьеву и правы. Онъ сдѣлалъ свое дѣло, но это дѣло первый, а не окончательный подвигъ. Онъ разрушилъ препятствія, разровнялъ почву, но не возвелъ зданія и по своему типу къ возведенію его не способенъ. Не забывайте que tout ce qui reluit, n'est pas or, et qu'après le demolisseur il faut l'architecte [3]). Вы могли бы весьма помочь при начертаніи плана новаго зданія, и желаніе мое, чтобы Вы объ этомъ подумали, для Васъ не новость. Въ статьѣ „Русскаго Вѣстника" набросаны нѣкоторыя черты. Sapient sat. Весьма согласенъ, что Вамъ нельзя сюда пріѣхать. Это было бы весьма хорошо для меня, но можетъ быть еще лучше для Васъ. Переговоривъ съ княземъ Горчаковымъ [4]), Вы отдадите себѣ во многомъ болѣе вѣрный отчетъ. Отъ меня Вы неожиданнаго не услышите; я свою мысль могу высказать и высказываю, какъ скоро понадобится и черезъ почту. Не скажу того же самаго о Вице-Канцлерѣ. Вы говорите, что статья Вѣстника обратила на себя вниманіе en haut lieu. Такъ, quorumpar minimun fui; но нельзя еще сказать, qu'elle soit dans la direction des idées. Cela pourrait être [5]). Тотъ же

---

[1]) И. С. Аксаковъ, издававшій въ это время „День".

[2]) Редакторъ Вѣстника Юго- и Сѣверо-Запад. Россіи.

[3]) Не все то золото, что блеститъ и послѣ разрушителя нуженъ созидатель.

[4]) Князь Горчаковъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, В.-Канцлеръ, писавшій въ 1882 г., нашъ девизъ—не слабость, не реакція.

[5]) Что она направляетъ идеи. Это лишь можетъ быть.

самый тезисъ я поднялъ $1\frac{1}{2}$ года тому назадъ [1]), но меня поддерживаетъ въ этомъ направленіи только одинъ изъ моихъ коллеговъ, а этотъ одинъ не кн. Горчаковъ, а кн. Долгоруковъ [2]), о которомъ Вы можетъ быть этого не думали. Повторяю, жаль, что Вамъ пріѣхать нельзя.

Съ моей стороны я неуклонно иду прежнимъ путемъ. Я считаю себя обязаннымъ передъ Государемъ не жалѣть труда и терпѣнія и, зная высокое благородство Его души и твердость Его, когда Онъ на что-нибудь окончательно рѣшится,—я не теряю надежды на успѣхъ. Изволите видѣть, что откровенность съ Вами и довѣріе къ Вамъ съ моей стороны,—ne sont pas une phrase. Bruilez cependant cette lettre, parceque il y a des gens qui comprendraient les choses differemment. Мало Вы знаете меня, думая, что личное самолюбіе можетъ имѣть какой-либо вѣсъ въ дѣлѣ, какъ напримѣръ Земскія Учрежденія. Не вижу также, чтобы между нами были въ этомъ отношеніи какія-либо недоразумѣнія. Есть только различіе въ формулахъ, а это различіе происходитъ можетъ быть только отъ того, что Вы стремитесь къ желаемому, а я имѣю въ виду возможное. Вашего плана положительно провести нельзя. Половина лицъ, участвующихъ въ дѣлѣ, а это участіе опять не предположеніе, а данная,—отстоятъ отъ меня въ противоположномъ направленіи далѣе, чѣмъ Вы въ Вашемъ. Я уже выдержалъ всего на всего 23 трехчасовыхъ засѣданія по этому вопросу, ничего существеннаго не уступивъ. Напротивъ, я вернулъ то, что на время было уступлено, а именно предсѣдательство Губ. и Уѣздныхъ Предводителей. Это совершенно входитъ въ кругъ Вашихъ воззрѣній, ибо de facto Представители Дворянства и само дворянство стоятъ во главѣ Земства. Если бы Вы были свидѣтелемъ одного или двухъ изъ этихъ 23 засѣданій [3]),

---

[1]) Валуевъ говоритъ о своей запискѣ „о созваніи общаго Государственнаго земскаго собранія“, представленной Императору Александру II.

[2]) Князь В. А. Долгоруковъ, шефъ жандармовъ.

[3]) Любопытно сопоставить это сообщеніе Валуева о защитѣ земскаго самоуправленія съ его рѣчью въ Государ. Совѣтѣ при обсужденіи Земскаго положенія — противъ предложеній кн. Щербатова предоставить земству право принимать участіе при составленіи смѣтъ тѣхъ земскихъ сборовъ, которые входятъ въ составъ Государственныхъ повинностей. Валуевъ говоритъ, что это желаніе, чтобы земскія учрежденія произвели благопріятное впечатлѣніе на общественное мнѣніе, чтобы возбужденныя ожиданіи были по возможности удовлетворены—не могутъ быть основаніемъ къ тому, чтобы расширять кругъ этихъ учрежденій за предѣлы возможнаго, необходимаго. Дать же земскимъ учрежденіямъ законода-

Вы бы убѣдились въ томъ, что здѣсь дѣло не самолюбія, а вѣрнаго анализа. Прошу Васъ вѣрить неизмѣннымъ чувствамъ моего искреннаго уваженія и преданности. Валуевъ.

Сейчасъ получилъ письмо отъ гр. Берга, который жалуется на Васъ и на цензуру за № 198 „Московскихъ Вѣдомостей“ [1]) (статья о Юліанѣ эпохи и т. д.). Не найдете ли Вы возможнымъ нѣсколько комплиментировать гр. Берга, который нынѣ оказываетъ энергію. Онъ въ лично затруднительномъ положеніи насчетъ отдѣленія того, что было при немъ, и того, что нынѣ есть. Sinde ira.

Валуевъ.

XI.

С.П.Б. 18/X 1863 г.

Многоуважаемый М. Н., благодарю за письмо отъ 16-го, полученное сегодня, и спѣшу отвѣтомъ, хотя и краткимъ, за недосугомъ. Къ сожалѣнію, я не признаю возможнымъ напечатать статью о Финляндіи. Лично объясню причины, и ручаюсь, что Вы ихъ признаете уважительными. Насчетъ конца другой статьи, при семъ возвращаемой, я такъ же объяснюсь съ Вами лично. Пока скажу только, что считаю нецензурною только часть, подчеркнутую краснымъ карандашемъ. Прочее могло бы быть пропущено. Пріѣзжайте. Необходимо Вамъ здѣсь побывать. Искренно преданный Валуевъ.

тельную инициативу, предоставить имъ самимъ опредѣлять кругъ своей дѣятельности,—тѣмъ связать правительству руки, публично удостовѣривъ это въ текстѣ самаго закона—невозможно. Предоставить земскимъ учрежденіямъ участіе въ дѣлахъ общественнаго интереса—значило бы раздроблять единую государственную правительственную власть между 40 или 50 отдѣльными единицами,—и подвергать общественный порядокъ и весь государственный строй опасностямъ, въ возможности которыхъ едва-ли кто-нибудь позволитъ себѣ сомнѣваться. (Джаншіевъ. Эпоха Великихъ реформъ, стр. 327).

[1]) № 198 Моск. Вѣд. отъ 11 сентября говорятъ о покушеніи на жизнь графа Берга и указываютъ, что тамъ, гдѣ нуженъ строгій порядокъ и гдѣ вмѣсто того допускаются послабленія, тамъ неизбѣженъ взрывъ, который обходится тяжелѣе, чѣмъ самыя строгія соблюденія правильнаго и законнаго порядка. При этомъ въ очень скромныхъ выраженіяхъ порицаются разныя мѣропріятія Варшавской власти. Странно, почему гр. Бергъ обидѣлся на эту статью, а пропустилъ въ № 167 отъ 31 іюня болѣе рѣзкую, въ которой Катковъ сравниваетъ успѣшныя дѣйствія Муравьева съ неудачнымъ управленіемъ намѣстничествомъ въ Царствѣ Польскомъ?

XII.

С.П.Б. 11/XI 1863.

Съ особымъ удовольствіемъ исполню просьбу Министра Финансовъ, который поручилъ мнѣ особенно благодарить Васъ, многоуважаемый М. Н., за статьи Моск. Вѣдомостей по вопросу о банковомъ кризисѣ Онѣ были весьма оцѣнены М. Х. Рейтерномъ, а я съ особымъ же удовольствіемъ въ первой изъ нихъ встрѣтилъ первый у насъ опытъ предугаданія и предвозвѣщенія Правительственной экстренной мѣры публицистикою. Вы упомянули о прекращеніи размѣна до его прекращенія, а заявленіе о томъ, ante factum, сто разъ сильнѣе и полезнѣе, чѣмъ апологетика post factum. Съ моей стороны я искалъ, но не нашелъ у Васъ одного. Это одно составляетъ почти единственный пунктъ совпаденія моихъ взглядовъ съ взглядами „Дня“. Онъ ратуетъ противъ нашихъ „absenteis“, а я въ нихъ, преимущественно, усматриваю причину невозможности размѣна. Наши выходы проживаютъ ежегодно за границею по крайней мѣрѣ отъ 25 до 30 милліоновъ руб., т. е. отъ 100 до 120 милл. франковъ. Въ три четыре года это составляетъ до 100 милліоновъ рублей звонкой монетой, высосанныхъ изъ Россіи. Чтобы наверстать убытокъ, нужно, чтобы въ это же время наша производительность высосала 100 милл. изъ Европы. При тормозахъ климата, безпутья и малонаселенности это трудно и напоминаетъ мнѣ, въ уменьшенномъ видѣ, мое личное положеніе. Когда спускаешься подъ гору, обыкновенно подъ колесо подкладывается одинъ тормозъ. Я везу въ гору, но у меня цѣлыхъ четырнадцать тормозовъ. Вѣрьте моему истинному почтенію и совершенной преданности.

Валуевъ.

Сообщ. **В. Мустафинъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мои воспоминанія и размышленія [1]).

(Посвящается женѣ и дѣтямъ, внукамъ и внучкамъ).

Въ концѣ этого письма о себѣ я писалъ: „Что касается до меня, я слава Богу здоровъ, но нерѣдко чувствую скуку и какое-то уныніе: иной разъ дня не могу посидѣть дома. Немудрено: болѣзнь маменьки тяжело дѣйствуетъ на мои нервы. Я очень друженъ съ Надей, но уже потому, что она особа женскаго пола и вяла, она не можетъ удовлетворить потребности въ живой бесѣдѣ“. Притомъ же Наденька была почти неразлучна съ больною maman, а я особенно по вечерамъ отнюдь не долженъ былъ заниматься никакою умственною работою. Это повлекло за собою частые мои вечерніе выѣзды въ мужскую компанію тѣхъ пріѣзжихъ изъ Петербурга гвардейскихъ офицеровъ, съ которыми сошелся братъ Василій и о которыхъ я упоминалъ выше: у нихъ каждый вечеръ собиралась молодежь и велась игра въ карты—въ преферансъ и въ азартныя игры—штоссъ и ланскнехтъ. Собственно говоря, это были очень порядочные молодые люди—Карльгофъ, племянникъ перваго мужа Елизаветы Алексѣевны, черезъ которую мы и познакомились съ нимъ и съ прочими его товарищами Моллеромъ и Тыртовымъ. Первые двое болѣе ѣздили по театрамъ, баламъ и вечерамъ, а послѣдній болѣе сидѣлъ дома и принималъ молодежь у себя. Съ ними и я втянулся въ карточную игру и терялъ не мало денегъ и еще болѣе времени: разъ случилось такъ, что я проигралъ не только заработанныя уроками деньги, но и тѣ, которыя были мнѣ выданы maman на веденіе домашняго хозяйства, и я былъ въ отчаянномъ положеніи, не рѣшаясь сказать объ этомъ maman, чтобы ее не разстроить въ ея болѣзненномъ

[1]) См. „Русская Старина“ октябрь 1915 г.

состояніи, которое какъ на грѣхъ въ это время особенно ухудшилось. Пришлось заложить часы и разныя другія вещи за сто рублей, и срокъ залога подходилъ, а деньги за уроки не получались, и maman становилось не лучше, а скорѣе все хуже. Въ такомъ крайне смутномъ настроеніи духа привелось мнѣ быть у М. Н. Каткова, чтобы сообщить ему о состояніи моей работы о логическомъ органѣ Аристотеля: у меня и въ мысляхъ не было просить у него денегъ; но онъ самъ замѣтилъ мое большое смущеніе, сталъ меня разспрашивать съ большимъ участіемъ, и я чистосердечно ему во всемъ признался. Много добрыхъ наставленій и внушеній я по этому поводу отъ него выслушалъ вмѣстѣ съ обѣщаніемъ на этотъ разъ меня выручить. Михаилъ Никифоровичъ, какъ видно, и въ эту пору своей жизни, какъ и впослѣдствіи, не держалъ при себѣ денегъ и могъ мнѣ вручить ихъ только на другой день, оказавъ мнѣ тѣмъ большое благодѣяніе: само собою разумѣется, что я возвратилъ ихъ при первой возможности.

Доброе участіе, принятое во мнѣ въ этомъ случаѣ Михаиломъ Никифоровичемъ, его добрые совѣты и наставленія не остались безъ добрыхъ для меня послѣдствій: я совсѣмъ пересталъ бывать на картежныхъ вечерахъ и играть въ карты—до поры до времени. Этому содѣйствовало еще и то, что, какъ бы поздно я ни возвращался съ этихъ вечеровъ домой, милая и дорогая Наденька всегда дожидалась меня въ моемъ кабинетѣ, нерѣдко вся заплаканная, но безъ всякихъ мнѣ укоровъ и наставленій. Сначала меня это очень сердило, я очень ее бранилъ и даже кричалъ на нее, но она съ удивительною кротостью и смиреніемъ говорила: „Простите меня, я не могу иначе: меня такъ безпокоитъ твое долгое отсутствіе по ночамъ, что о снѣ и даже о лежаніи въ постели мнѣ нечего и думать. А теперь я могу идти спать“. Наконецъ, я рѣшилъ покончить со всѣми этими тревогами и безсонными ея ночами, очень много каялся передъ нею и сталъ гораздо больше сидѣть дома, а поздніе и шумные картежные вечера у офицеровъ отчасти замѣнилъ очень скромными скорѣе послѣобѣденными (entre chien et loup), чѣмъ вечерними, посѣщеніями нашей милой сосѣдки Авдотьи Андреевны Яковлевой.

Эта была очень видная, статная, хорошенькая молодая блондинка, замужемъ за бывшимъ учителемъ рисованія моихъ сестеръ, Иваномъ Яковлевичемъ Яковлевымъ, который, женившись на ней, почему-то пересталъ бывать у насъ и возобновилъ съ нами знакомство уже по смерти моего отца, при чемъ

представилъ, конечно, maman и жену свою. Она всѣмъ намъ очень понравилась и своею наружностью, и своимъ умомъ, и образованіемъ. Она кончила курсъ первою въ пепиньерскомъ классѣ Московскаго Николаевскаго сиротскаго института, гдѣ она была одною изъ лучшихъ ученицъ какъ будущаго своего мужа, такъ и такихъ наставниковъ, какъ Алексѣй Дмитріевичъ Галаховъ по русскому языку и словесности и Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ по исторіи: оба они очень ее цѣнили и очень охотно у нея бывали; у нея-то въ домѣ я съ ними и познакомился. Въ эту пору ей было лѣтъ 30. Дѣтей у нея не было, хотя она была уже лѣтъ 7 или 8 за мужемъ. Мужъ ея, очень добрый, привѣтливый и гостепріимный хозяинъ, старался возмѣстить отсутствіе дѣтей доставленіемъ ей полнаго довольства и давалъ уроки съ утра и до вечера. Впрочемъ, у нея былъ и свой небольшой достатокъ. Къ мужу она относилась нѣсколько свысока и иронически: по своему уму, развитію и образованію онъ дѣйствительно стоялъ много ниже ея. Наединѣ ему, вѣроятно, не мало отъ нея доставалось, и онъ обратился въ совершенно покорнаго мужа и былъ, что называется, le mari de la reine. Впрочемъ, объ ней при жизни его никто, ни даже самые злые языки, ничего худого никогда не говорили, и она оставалась постоянно вѣрна девизу Татьяны:

„Но я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна“.

Въ ней страннымъ образомъ соединялась большая pruderie съ нѣкоторой наклонностью къ скабрезнымъ разговорамъ съ мужчинами, и было очень много остроумія и насмѣшливости. Читала она очень много и съ толкомъ, съ хорошимъ притомъ выборомъ, благодаря такимъ руководителямъ, какъ Галаховъ и Кудрявцевъ; знала очень хорошо языки нѣмецкій и французскій и выучилась уже сама послѣ выхода замужъ англійскому языку. Съ нашимъ пріятелемъ Петромъ Михайловичемъ Смоличемъ она познакомилась у насъ и очень съ нимъ сошлась: онъ очень высоко цѣнилъ ея литературныя сужденія и вкусъ и довольно часто бывалъ у нея, но всегда боялся попасть къ ней на зубокъ и во многихъ отношеніяхъ предпочиталъ ей ея пріятельницу, Зинаиду Львовну Галахову.

Отъ нечего дѣлать у Авдотьи Андреевны была страсть учиться, и вотъ узнавъ отъ меня, что я порядочно выучился итальянскому языку, она просила меня приходить къ ней къ обѣду или въ послѣобѣденное время давать ей уроки итальянскаго языка съ тѣмъ, что когда она ему научится, она будетъ

заниматься со мною англійскимъ языкомъ для моего усовершенствованія въ немъ, особенно же въ выговорѣ. Предложеніе это было мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ по душѣ: она мнѣ очень нравилась, нравилась въ ней даже ея насмѣшливость, даже ея манера говорить, цѣдя немножко сквозь зубы, нравился и ея властный характеръ, проявлявшійся въ отношеніяхъ къ ея мужу и къ прислугѣ. И вотъ я принялся за мои итальянскіе уроки со всѣмъ рвеніемъ; съ такимъ же рвеніемъ занималась и моя даровитая ученица, дѣйствительно желавшая выучиться и дѣлавшая изумительно быстрые успѣхи. Вскорѣ мы перешли отъ прозаической христоматіи Рубини къ его христоматіи поэтической, а потомъ и къ Аріосто—Orlando furioso (я принесъ имѣвшееся у меня очень хорошее изданіе I quattro poeti italiani) и начиналъ уже поговаривать о томъ, не пора ли намъ перейти къ англійскому языку и по крайней мѣрѣ раздѣлить наше урочное время пополамъ между обоими языками. Но этому не суждено было случиться, а между тѣмъ мнѣ пора была оканчивать диссертацію объ Аристотелѣ; срокъ подачи ея уже приближался, а она если и была уже близка къ концу, то во всякомъ случаѣ не была еще переписана, и на это нужно было не мало времени. Въ то время какъ я сидѣлъ за нею и днемъ, и вечеромъ, до поздней ночи, вопреки всѣмъ предостереженіямъ д-ра Глѣбова, вдругъ получаю повѣстку изъ университета о томъ, что имѣю явиться въ такой-то день и часъ къ декану факультета Степану Петровичу Шевыреву на его квартиру въ собственномъ его домѣ въ Старомъ Пименовскомъ переулкѣ.

Пріѣзжаю; любуюсь на шкафы съ книгами и на столы, уставленные книгами въ кабинетѣ Степана Петровича, куда былъ проведенъ человѣкомъ, и наконецъ является самъ онъ и, стоя передо мной, объясняетъ мнѣ, что студенты, и во главѣ ихъ лично ему извѣстный студентъ Филипповъ, обратились къ нему съ просьбой, чтобы мое сочиненіе о логическомъ органѣ Аристотеля не было допущено на соисканіе премій по каѳедрѣ философіи, и онъ, какъ деканъ, находитъ эту просьбу вполнѣ основательною по тѣмъ доводамъ, на которые указываютъ студенты, а именно: 1) что мнѣ тема эта была извѣстна заранѣе, и ее отъ меня узнали прочіе студенты: я, по порученію адъюнкта Каткова первый объявилъ ее имъ, а 2) я пересталъ ходить на лекціи и рапортовался больнымъ, чтобы имѣть какъ можно болѣе времени для обработки этой темы. Такимъ образомъ равенство условій для соисканія премій дважды нарушено въ мою пользу, и потому было бы несправедливо допустить мое сочиненіе на соисканіе преміи наравнѣ съ сочиненіями моихъ то-

варищей. Я отвѣчалъ на это, что тему я узналъ раньше моихъ товарищей на столько минутъ, сколько понадобилось для переѣзда на извозчикѣ отъ квартиры М. Н. Каткова въ университетъ, а что касается до того, что у меня было больше времени, чѣмъ у нихъ, на это сочиненіе, такъ какъ я не ходилъ на лекціи, то сколько же времени и силъ у меня отняла моя болѣзнь, нисколько не выдуманная, а засвидѣтельствованная такими почтенными профессорами, какъ пользовавшіе меня Глѣбовъ и Варвинскій, а также и домашнія обстоятельства—внезапная смерть отца, тяжкая болѣзнь матери, необходимость привести семейныя дѣла въ порядокъ и даже вести домашнее хозяйство. Учесть, сколько кто употребляетъ времени на свое сочиненіе, дѣло очень не легкое, едва-ли возможное, да едва-ли и нужное. Состязаніе заключается не въ томъ, кто скорѣе и въ меньшее количество времени напишетъ сочиненіе на заданную тему, а въ томъ, кто лучше разрѣшитъ предложенную задачу. „Вотъ вы изволили упомянуть Филиппова,—продолжалъ я,—какъ одного изъ студентовъ, которые просили васъ не допускать моего сочиненія на конкурсъ. Мнѣ очень хотѣлось бы знать, много ли онъ нашелъ себѣ сотоварищей въ этой просьбѣ, и пишетъ ли онъ самъ о логическомъ органѣ Аристотеля или кто-либо изъ его союзниковъ въ этомъ дѣлѣ".—Это праздное съ вашей стороны любопытство, и я не долженъ былъ бы называть и Филиппова.—„Совершенно справедливо, и я не желалъ бы вовсе знать именъ этихъ лицъ, но очень былъ бы огорченъ, если бы ихъ оказалось много, ибо поступокъ ихъ мнѣ кажется очень нехорошимъ, по меньшей мѣрѣ неколлегіальнымъ. Съ своей стороны я былъ бы очень радъ, чтобы у меня было какъ можно болѣе соискателей, и я не пожелалъ бы никому изъ нихъ помѣшать выступить на арену, а скорѣе напротивъ".—Я васъ призвалъ къ себѣ не для того, чтобы сообща съ вами обсудить поступокъ вашихъ товарищей, а чтобъ объявить вамъ, чтобы вы не подавали своего сочиненія на конкурсъ, и что если вы подадите его, то будете имѣть противъ себя въ факультетѣ по крайней мѣрѣ два голоса мои—какъ профессора и какъ декана.—„Я ничего не имѣю противъ того, чтобы мнѣ не была выдана медаль, если бы мое сочиненіе было признано ея достойнымъ, въ виду того, что такъ или иначе я все-таки въ этотъ учебный годъ почти вовсе не ходилъ въ университетъ, но я очень просилъ бы не лишать меня возможности представить мое сочиненіе на конкурсъ".—Я вамъ сказалъ, что буду въ этомъ дѣлѣ рѣшительно противъ васъ, если вы будете упорствовать, а затѣмъ какъ рѣшитъ ваше дѣло факультетъ, вы въ свое время узнаете.

Съ большимъ горемъ отправился я отъ С. П. Шевырева прямо къ М. Н. Каткову посовѣтоваться, какъ мнѣ быть и что мнѣ дѣлать. Михаилъ Никифоровичъ былъ этимъ очень пораженъ и разсерженъ и совѣтовалъ мнѣ какъ можно скорѣе доканчивать и представлять мою работу съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ формальностей. Оказалось, что ни ему, ни мнѣ не были извѣстны эти формальности; но если бы студенческія диссертаціи на преміи представлялись только подъ девизомъ, никакой диссертаціи напередъ отвергнуть было бы нельзя, такъ какъ неизвѣстно, чья она. Я очень просилъ Михаила Никифоровича узнать всѣ эти формальности и сообщить ихъ мнѣ. Чрезъ нѣсколько дней я зашелъ къ нему и нашелъ его очень разстроеннымъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что дѣлать нечего, надобно покориться необходимости и мнѣ отказаться отъ представленія моей диссертаціи на конкурсъ, что Шевыревъ предостерегалъ его чрезъ посредство, кажется, С. Д. Шестакова, чтобы онъ не былъ ко мнѣ пристрастенъ, что особенное значеніе придается противниками тому обстоятельству, что тема была объявлена студентамъ черезъ меня, и что это можетъ послужить сильнымъ орудіемъ въ рукахъ противниковъ и сдѣлаться источникомъ большихъ непріятностей. Словомъ, рѣшено было, что я не подамъ своего сочиненія на конкурсъ, не буду его теперь ни оканчивать, ни переписывать, а какъ-нибудь принесу его въ нынѣшнемъ его видѣ къ Михаилу Никифоровичу въ удобное для него время и познакомлю его подробно со всѣмъ моимъ трудомъ, что и было мною въ свое время исполнено. Въ концѣ концовъ оказалось, что никто кромѣ меня и не принимался за эту работу и ни одного сочиненія на соисканіе премій на тему по каѳедрѣ философіи не было представлено, и это было тѣмъ болѣе жаль, что въ первый разъ по этой каѳедрѣ предлагалась тема на соисканіе премій въ Московскомъ университетѣ. Въ то время я не былъ лично знакомъ съ Тертіемъ Ивановичемъ Филипповымъ, хотя нерѣдко встрѣчался съ нимъ въ стѣнахъ университета и зналъ его въ лицо, по имени и фамиліи. Впослѣдствіи я очень сошелся съ нимъ и очень его любилъ и уважалъ; но ни разу не пришлось коснуться въ нашихъ разговорахъ этого предмета, и я не увѣренъ, не было ли въ этомъ случаѣ имя его употреблено С. П. Шевыревымъ всуе.

А. Георгіевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жизнь Императора Александра II-го на южномъ берегу Крыма [1]).

В. Х. Кондараки, члена разныхъ ученыхъ обществъ.

23-го сентября ялтинцы, вслѣдствіе разнесшихся слуховъ Богъ вѣсть почему, приготовились бѣжать въ горы отъ предстоящей какой-то чудовищной небывалой бури. Къ удовольствію нашему вѣра ихъ въ катастрофу сейчасъ же ослабла, когда они увидѣли Государя Императора, проѣхавшаго мимо ихъ города верхомъ съ Августѣйшими Дѣтьми.

24-го въ Ялтѣ вспыхнулъ пожаръ во вновь отстроенномъ земствомъ зданіи для правленія и школы. Какъ только освѣдомился объ этомъ Его Величество, то приказалъ выслать изъ Ливадіи всѣ пожарные инструменты и солдатъ.

26-го сентября. Ея Величество окончательно выздоровѣла, и сегодня мы имѣли удовольствіе видѣть ее проѣзжающею мимо Ялты.

5-го октября передъ вечеромъ на пароходѣ „Казбекъ“ прибылъ въ Ливадію принцъ Гессенъ-Дармшадтскій Александръ, родной братъ нашей Государыни. Къ нему навстрѣчу выѣхалъ Государь Императоръ. Принцъ былъ въ русскомъ генеральскомъ мундирѣ.

7-го въ день совершеннолѣтія Великой Княжны Маріи Александровны въ Ливадіи, за зданіями фермы на извѣстной уже намъ площадкѣ устроенъ былъ снова народный праздникъ, на которомъ присутствовали всѣ члены Императорскаго семейства, за исключеніемъ Государыни. Здѣсь какъ и прежде происходили скачки, танцы татарокъ, прыганье мальчиковъ въ мѣшкахъ, связаннымъ у горла, пѣнье анадольца подъ бандуру,

---

[1]) См. „Русская Старина“ октябрь 1915 г.

лазанье на шестъ и т. п. Естественно, что всѣ отличившіеся получили снова дорогіе подарки изъ рукъ Августѣйшей виновницы торжества; а простонародіе хорошій сытный завтракъ.

Въ день этого торжества на майданѣ этомъ и потомъ въ Ливадіи случилось одно маленькое, но чрезвычайное характерное событіе, о которомъ мы до настоящаго времени не можемъ вспомнить безъ улыбки: служившіе въ Ливадіи телеграфистомъ нѣкто Васильевъ, замѣтивъ, что за невѣстою его, дѣвушкою не совсѣмъ надежнаго поведенія, съ замѣтнымъ успѣхомъ ухаживаетъ одинъ изъ мелкихъ агентовъ тайной полиціи, подошелъ къ ней и съ презрѣніемъ сказалъ: „я не понимаю, какъ вы можете находить удовольствіе быть въ компаніи такого ничтожнаго человѣка". Понятно, что такая дерзость вызвала оскорбительный отвѣтъ, и телеграфистъ, чтобы не остаться въ дуракахъ передъ невѣстою, угостилъ недруга оплеухою. Агентъ бросился съ жалобою къ жандармскому полковнику, но такъ какъ въ эту минуту подъѣзжалъ Императоръ къ павильону и начальникъ былъ занятъ, то жалоба отложена была до болѣе благопріятнаго времени. По окончаніи праздника, когда всѣ направились въ Ливадію на иллюминацію и обѣщанный фейерверкъ. Васильевъ также спустился и въ непріятномъ настроеніи духа расположился на одной изъ заднихъ скамеекъ въ темной аллеѣ Какъ вдругъ онъ замѣтилъ между кустами того агента, который возмущалъ его сердце. Пылая ревностію и местью, онъ вскакиваетъ какъ шальной, набрасывается на него сзади и начинаетъ наносить удары палкою. Агентъ бросился въ толпу, но ожесточенный телеграфистъ преслѣдуетъ его и кричитъ жандармамъ арестовать негодяя. Естественно, что ихъ обоихъ схватили за безпорядки и привели къ жандармскому штабъ-офицеру. По опросѣ агента полиціи, который не скрылъ ничего, послужившаго причиною ихъ раздора, полковникъ спросилъ у телеграфиста: за что онъ поднялъ руку на чиновника?

— Какого чиновника? — возразилъ обвиняемый — я не видѣлъ никакого чиновника, но мнѣ попался человѣкъ очень сомнительнаго поведенія, который какъ разъ въ то время, когда Государь подъѣзжалъ къ подъѣзду, скрылся въ кустахъ, безъ сомнѣнія съ злодѣйскою цѣлью. Какъ вѣрноподданный, я разумѣется не могъ посмотрѣть на это равнодушно и рѣшился выгнать негодяя изъ кустовъ и потребовать его ареста.

— А не было ли у васъ раньше столкновеній съ этимъ человѣкомъ?

— Я никогда раньше не зналъ о существованіи его.

— Вы это утверждаете?

— Какъ честный дворянинъ.

— А онъ доказываетъ противоположное и приписываетъ вашу месть ревности.

— Что вы, г. полковникъ, да развѣ можно ревновать такихъ оборванцевъ къ кому-нибудь! Потрудитесь сами посмотрѣть на его одежду.

Въ концѣ концовъ дѣло это разрѣшилось тѣмъ, что телеграфистъ былъ переведенъ куда-то въ отдаленную губернію, а агентъ уволенъ отъ службы.

7-го октября въ $1^1/_4$ пополудни совершился выѣздъ съ южнаго берега нашего обожаемаго Монарха—писали мы въ 80 № Никол. Вѣстн. за 1869 г. Съ ранняго утра толпы народа, жаждущаго еще разъ взглянуть на своего милостиваго царя, обступили пристань и грустно смотрѣли по направленію къ Ливадіи. Между ними находились и всѣ тѣ, которые удостоились получить ордена, чины, медали, кафтаны и денежныя награды. Если бы я счелъ всѣхъ послѣднихъ, если бы я сталъ описывать ихъ самодовольствіе и восторженное состояніе — быть можетъ мнѣ не повѣрили бы и сказали, что я слишкомъ преувеличиваю какъ число счастливцевъ, такъ равно ихъ видимое благополучіе. Скажу только, что начиная отъ старшаго въ городѣ нашемъ полицейскаго чиновника до волостного головы—всѣ получили такія награды, о которыхъ едва кто-либо изъ нихъ смѣлъ мыслить. Этого мало, удостоились царскихъ милостей сотни частныхъ лицъ, чѣмъ-либо оказавшихъ свое усердіе и преданность Августѣйшему семейству, не оставлены также и всѣ тѣ, которые искали вспомоществованій по бѣдности, въ особенности же обрадованы были калѣки, съ честью прослужившіе въ Крымскую войну. Но вотъ показалось облако пыли, толпа всколыхнулась, и взоры всѣхъ обратились къ Ливадіи, то ѣхалъ Государь Императоръ, сопровождаемый казаками, придворными, чинами полиціи, служащими въ Ливадіи и группами татаръ. Народъ зашумѣлъ и раздвинулся по сторонамъ, затѣмъ настало гробовое молчаніе. Нѣсколько минутъ спустя Его Величество, окруженный Августѣйшими Дѣтьми и принцемъ Гессенъ-Дармштадтскимъ Александромъ, остановился у пристани и затѣмъ, простившись съ построившимся конвоемъ, направился къ павильону, у подножья котораго ожидалъ царскій катеръ. Народъ двинулся къ морю, но ни у кого не хватило духа кричать ура безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ грустнаго настроенія. Нѣсколько минутъ спустя катеръ отчалилъ, и мы по-

теряли изъ вида человѣка, къ которому обращались съ радостію наши взоры, въ комъ мы видѣли залогъ нашего спокойствія. У всѣхъ снова легла на сердце какая-то тоска, точно хозяинъ покинулъ свое жилище и преданныхъ ему слугъ на произволъ судьбы.

Въ концѣ октября разсталась съ Ливадіею и Государыня Императрица, будто бы обѣщая непремѣнно пріѣхать въ будущемъ году гораздо раньше. Насколько разсказъ этотъ былъ справедливъ, мы не знали, но онъ возбудилъ во всѣхъ почти имѣвшихъ средства и купившихъ пустопорожнія мѣста приступить къ постройкамъ новыхъ роскошныхъ помѣщеній въ чаяніи хорошихъ выгодъ. Въ числѣ новыхъ переселенцевъ и основателей дачъ явился и одинъ англичанинъ, сопровождавшій сюда принца Уэльскаго. Въ заключеніе Ялта, чтобы показать свой ростъ и вообще значеніе на-ряду съ другими городами, въ началѣ ноября открыла первую выставку сельско-хозяйственныхъ произведеній.

Въ этомъ году по высочайшей волѣ упразднена правительственная комиссія внутреннихъ дѣлъ въ царствѣ Польскомъ, почтовое и телеграфное министерство причислены къ министерству внутреннихъ дѣлъ, ратификована почтовая конвенція съ Швеціею, утверждены военно-судебный и военно-морской судебные уставы, распространено дѣйствіе положенія 1815 г. о пошлинахъ за право торговли и промышленности на губерніи царства Польскаго; заняты нашими войсками Самаркандъ и Бухара; опубликованъ новый тарифъ по европейской торговлѣ и установлена была въ Петербургѣ военная конференція по поводу разрывныхъ пуль, изобрѣтенныхъ для несчастія раненыхъ воиновъ, что не могло не обратить вниманіе такого милостиваго Монарха, какъ Императоръ Александръ II.

Одновременно мы узнали, что заботливостію Монарха Россія вновь обогатилась пріобрѣтеніемъ громадныхъ пространствъ земли въ Азіи и именно послѣ завоеванія отъ Бухары: Самарканда, Ургута и Каты-Кургана около 12.500 кв. верстъ, а послѣ занятія Занарынскаго края до хребта Тянь-Шань 73.525 кв. верстъ.

Въ послѣдующемъ 1869 г. мы прочитали о высочайшемъ повелѣніи учредить въ Варшавѣ университетъ, и вслѣдъ затѣмъ опубликовано положеніе объ отводѣ надѣловъ крестьянамъ сѣверо-западнаго края.

1870 годъ начался на южномъ берегу не особенно пріятными явленіями: съ половины января, послѣ теплыхъ дней и ночей

началъ выпадать снѣгъ, не прекращаясь въ продолженіе 10 дней. Народъ, не привыкшій къ такимъ чудесамъ природы, прекратилъ всѣ постройки свои и съ ужасомъ смотрѣлъ на небо, затянутое темными облаками: тысячи скворцовъ и дроздовъ въ изнеможеніи отъ голода и холода бросались подъ окна, какъ-бы взывая о состраданіи; голодающая скотина, погружаясь во всю ногу въ снѣгъ, испускала жалобные крики, а бѣдные поденщики ходили по дворамъ и во имя всѣхъ святыхъ выпрашивали пособіе съ обѣщаніемъ вдесятеро отработать. Между тѣмъ другіе съ рѣзвостью дѣтей не переставали разъѣзжать на скоро сколоченныхъ саняхъ, платя за диковинку по 3 руб. въ часъ. Ко всему этому надо прибавить, что холодъ доходилъ до 12° по Р., что для южно-набережнаго простолюдина, не знавшаго въ то время печей, было ужаснымъ наказаніемъ. Изумленные жители надѣялись, что весна вознаградитъ ихъ, но и эта надежда не оправдалась на дѣлѣ: постоянные восточные вѣтры, при пасмурномъ небѣ, не переставали до первыхъ чиселъ апрѣля. Къ этой непріятности присоединились, во-первыхъ, бездожіе, во-вторыхъ, страшная дороговизна сѣна, по случаю совершеннаго неимѣнія его на мѣстѣ, въ третьихъ, невозможность вспахать землю и наконецъ занесеніе въ нашъ уѣздъ оспы, которая всегда между татарами, не имѣвшими обыкновенія прививать ее дѣтямъ своимъ, произвела большія опустошенія. Единственнымъ утѣшеніемъ было то, что начали рано появляться пріѣзжіе слабогрудные, подмѣтившіе цѣлебность нашего климата предварительно наступленія большихъ жаровъ. Одновременно шли слухи, что къ половинѣ маѣ пожалуетъ къ намъ съ семействомъ Его Высочество генералъ-адмиралъ Константинъ Николаевичъ, а вслѣдъ затѣмъ Ея Величество. На этотъ разъ всѣ почти больные по какому-то чутью стремились нанимать квартиры въ Ауткѣ, т. е. въ мѣстахъ, избранныхъ туземцами подъ поселеніе, естественно не безъ убѣжденія на опытѣ, что мѣстность эта есть единственно благопріятная въ гигіеническомъ отношеніи не по предположенію, а судя по здоровью туземцевъ и отсутствію органическихъ или химическихъ ферментовъ, способствующихъ зарожденію или развитію болѣзней. Наконецъ наступилъ май, но погода какъ-то не устанавливалась. Многіе изъ аборигеновъ, замѣчая такое неестественное по ихъ мнѣнію измѣненіе климата, начали съ какою-то злостью предсказывать, что приближается день страшнаго суда, или что все предвѣщаетъ всеобщую гибель. Непріятная пропаганда эта точно на-

кликала къ намъ со всего Новороссійскаго края нищихъ, жаждавшихъ поймать рыбку въ мутной водѣ. Въ добавленіе къ развлеченіямъ для пріѣзжихъ въ ялтинскомъ обществѣ впервые созрѣла мысль завести спектакли любителей съ благотворительными цѣлями, а одинъ изъ мѣстныхъ жителей открылъ вошедшія тогда въ медицинскую моду кумысо-лечебное. Въ виду же державшихся слуховъ о пріѣздѣ Императорской фамиліи мѣстное начальство, желая предостеречь нашу набережную улицу, идущую по направленію къ Ливадіи, отъ частыхъ наводненій или залитія морскими прибоями, распорядилось выстроить длинную плотину на всемъ протяженіи между ялтинскими и аутинскою рѣками. Солидное сооруженіе это не дешево стоило правительству и безъ сомнѣнія никогда не было признано крайне необходимымъ, если бъ край этотъ не посѣщался Монархомъ, безпрестанно проѣзжавшимъ по этой набережной, то съ рытвинами, то съ песчаными наносами, то усыпанной крупнымъ щебнемъ.

Ожиданіе наше царской семьи въ маѣ не осуществилось. Какъ ни грустно это казалось, но нѣкоторые радовались этому въ виду того, что погоды на южномъ берегу продолжали сохранять осенній характеръ: то вѣтры, то туманы, то дожди. По слухамъ Императорская фамилія не могла предпринять поѣздки въ отдаленный Крымъ по случаю неблагопріятнаго соотношенія нѣкоторыхъ первенствующихъ европейскихъ державъ, чего впрочемъ нельзя было подмѣтить по газетамъ. Къ довершенію нашей скорби въ этомъ году начали печатать по разнымъ періодическимъ изданіямъ о баснословной дороговизнѣ въ Ялтѣ квартиръ и главнѣйшихъ жизненныхъ продуктовъ, объ отсутствіи развлеченій для больныхъ, объ эксплоатаціи нѣсколькихъ занятыхъ службою медиковъ и т. п. Свѣдѣнія эти были отчасти справедливы и естественно принимались въ расчетъ многими людьми, неимѣвшими особенной необходимости ѣхать на южный берегъ. Не менѣе насъ тревожили безпрестанныя печальныя событія съ тѣми богатыми посѣтителями, которые, не зная хорошо нашихъ дорогъ съ глубокими скатами, изъ желанія хвастнуть своимъ состояніемъ, привозили своихъ откормленныхъ рысаковъ и подвергались различнаго рода несчастіямъ [1]).

---

[1]) Къ счастію въ настоящее время этого никто не дѣлаетъ, и мы не слышимъ болѣе ничего подобнаго.

Тѣмъ временемъ выяснилось, что между Франціею и Пруссіею произошелъ окончательный разрывъ и на дняхъ начнутся военныя дѣйствія изъ-за того, что Испанія предложила одному изъ Гогенцоллеровъ корону. Императоръ Наполеонъ III, въ сознаніи опасности, требовалъ отъ короля Пруссіи Вильгельма, чтобы онъ категорически отвѣчалъ, что не допуститъ нѣмецкаго принца до господства въ католической державѣ. Французскія войска чуть-ли не бѣгомъ ворвались въ германскія провинціи и отличились подъ Саарбрюкеномъ, но эта первая удача предвѣстила такія небывалыя послѣдствія, какихъ не ожидалъ міръ отъ народа, всегда честно и храбро исполнявшаго свою обязанность. Пруссаки, собравъ свою громадную армію, не только изгнали отважнаго непріятеля изъ отечества, но, безпрестанно разбивая ихъ, преслѣдуютъ на ихъ ужеполяхъ. У французовъ, заявлявшихъ раньше, что у нихъ стоитъ подъ ружьемъ болѣе 1.200.000 отлично вооруженныхъ воиновъ, оказалось не болѣе $^1/_3$ этого количества и всѣ они плохо вооружены; императоръ Наполеонъ, казавшійся на словахъ великимъ стратегомъ и полководцемъ, ровно ничего не понималъ въ военныхъ дѣлахъ.

Такъ какъ здѣсь не мѣсто приводить подробности этихъ событій, то приведемъ вкратцѣ телеграфныя извѣстія, что французскій народъ въ законодательномъ собраніи постановилъ лишить Наполеена командыванія арміи и замѣнить его генераломъ Базеномъ. Съ этихъ поръ французы все болѣе и болѣе пятились назадъ и съ ними лишенный всякаго значенія Императоръ съ именемъ господина Бонапарта, освистанный нѣкогда преданными ему солдатами. Императрица Евгенія въ предчувствіи гибели своей династіи дѣятельно занималась въ это время высылкою въ Швейцарію престольныхъ сокровищъ, куда и сама собиралась выѣхать впредь до разъясненія неба, закрытаго мрачными тучами.

Естественно, что при такой грозѣ намъ не приходилось надѣяться на царскій пріѣздъ, и мы должны были радоваться гощенію у насъ Вел. Кн. Константина Николаевича, который благосклонно и неоднократно приглашалъ ялтинское общество на праздники, устраиваемые имъ въ прекрасной Ореандѣ. Къ политическимъ неурядицамъ, лишавшимъ насъ надежды видѣть Государя Императора, присоединилась еще одна бѣда и именно появленіе и развитіе въ сосѣдней Ѳеодосіи злокачественной холеры, что заставило однако многихъ прибывшихъ въ этотъ

городъ для купанья переѣхать къ намъ и лично убѣдиться, что въ Ялтѣ во всякое время можно найти по средствамъ каждаго незатѣйливый пріютъ; что здѣсь хотя и все дороже, вслѣдствіе привоза изъ другихъ мѣстностей, но не настолько, чтобы это было крайне оскорбительно; что всѣ газетныя рекламы большинствомъ писались изъ городовъ, желавшихъ ради своихъ выгодъ подорвать авторитетъ южнаго берега и направить больныхъ въ пункты, гдѣ постоянная пыль, гдѣ нѣтъ никакой растительности, гдѣ дурная вода, гдѣ печальны окрестности и не представляется ни одного отраднаго для глазъ вида.

Продолжая внимательно слѣдить за телеграммами изъ Европы, мы читали, что 1-го сентября по новому стилю, вечеромъ, днемъ и ночью Базенъ сражался съ первымъ прусскимъ корпусомъ и дивизіей Кумера, но повсюду былъ отбитъ; что на утро возобновилась битва подъ Седаномъ, постоянно клонящаяся на сторону пруссаковъ. Французы отброшены въ городъ, а тѣ 3 т., которыя перешли Бельгійскую границу, плѣнены. Послѣдующія затѣмъ сообщенія были слѣдующаго содержанія: 1) сдалась 40 т. французовъ, формируются арміи Парижская и Лаурская. Пруссаки требуютъ сдачи крѣпости Монмеди. 2) Въ законодательномъ корпусѣ Жюль Фавръ, порицая правительство, предложилъ передать власть Трошю. 3) Во Франціи осталось 70 т. войска и 200 т. національной гвардіи, но чрезъ пять дней будетъ 500 т. Послѣ заявленія Паликао о седанскихъ событіяхъ Жюль Фавръ предложилъ лишить династію правъ, предоставленныхъ ей конституціею, назначить комиссію отъ законодательнаго корпуса, облеченную правительственными правами съ порученіемъ изгнать непріятеля. Предложеніе это встрѣчено глубокимъ молчаніемъ. 4) Паликао заявилъ, что въ Седанѣ сдалась часть арміи, а другая не сдалась. 5) Народъ послалъ къ Трошю, прося его принять бразды правленія, и въ то же время требовалъ отреченія наполеонидовъ. Въ заключеніе мы прочитали двѣ телеграммы—одну оффиціальную, а другую частную. Первая гласила, что Наполеонъ, раненый Макъ-Магонъ и армія сдались королю Вильгельму, а послѣдняя, что французская армія въ Седанѣ, состоящая изъ 80 т. человѣкъ, сдалась. Наполеонъ прислалъ прусскому королю письмо, гдѣ сказано: „такъ какъ мнѣ не удалось умереть, то я отдаю свою шпагу королю".

Вслѣдъ затѣмъ мы прочитали, что въ Парижѣ и другихъ большихъ городахъ Франціи объявлена республика. Казалось бы, что драма окончилась и слѣдовало бы положить конецъ

кровопролитію. Но на дѣлѣ вышло другое; Россія начала дѣятельно подготовляться къ чему-то неожиданному и изъ заводовъ ея выпускалось ежедневно по 500 ружей послѣдней системы и въ то же время мечтать о европейской конференціи. Изъ Парижа выѣхала эксъ-императрица въ Бельгію, а сына выслала въ Англію.

Въ Португаліи народъ также потребовалъ изгнанія короля и введенія республиканскаго правленія; испанскій тронъ продолжалъ оставаться вакантнымъ; въ Италіи народъ острилъ зубы на Римъ; Турція въ свою очередь ощетинилась штыками и была готова показать свои предсмертныя силы, а въ Алжиріи аборигены подумываютъ о благопріятномъ случаѣ избавиться отъ поработителей своихъ. Понятно, что такое состояніе дѣлъ снова лишало насъ надежды видѣть у себя нашего монарха, тѣмъ болѣе, что французскій народъ на него единственно возлагалъ свои надежды и, какъ извѣстно, было Жюль Фавръ пріѣзжалъ по этому поводу въ Петербургъ, а пруссаки тѣмъ временемъ все болѣе и болѣе приближались къ Парижу и оковывали его ожерельемъ пушекъ, требуя въ вознагражденіе срытія укрѣпленій Метца и Страсбурга, уступки Эльзаса и Лотаргиніи и баснословной цифры денегъ на покрытіе военныхъ расходовъ. Требованія эти ужасно ожесточили французовъ. Все это не могло быть переносимо равнодушно нашимъ мягкосердечнымъ Государемъ, и мы съ удовольствіемъ повѣрили слухамъ, что русская армія поставлена на военную ногу. Тѣмъ временемъ турецкое правительство не дозволило нашей Балтійской эскадрѣ, крейсировавшей по Средиземному морю, войти въ Черное, вслѣдствіе чего и другихъ мотивовъ вызванъ былъ въ Петербургъ знакомый намъ посланникъ, нашъ генералъ Игнатьевъ.

При такихъ обстоятельствахъ разнесся слухъ, что въ Ливадіи получено сообщеніе, что Ея Величество Государыня Императрица пріѣдетъ въ имѣніе свое 21-го сентября.

На этотъ разъ Ея Величество пожаловала къ намъ сухимъ путемъ изъ Севастополя съ Августѣйшими дѣтьми Павломъ, Сергіемъ и Маріею Александровичами, сопровождаемая графинею Толстою, баронессою Пиларъ-фонъ-Пильхау, Милютиною и др. При В. В. К. К. находился капитанъ 1-го ранга Арсеньевъ.

На третій день Государыня прислала въ Аутинскую церковь дорогія одежды для священнослужителя.

Такъ какъ погоды стояли у насъ хорошія, то полиція въ ожиданіи царицы въ городъ не рѣшалась снимать тѣхъ укра-

шеній, которыя были подготовлены къ пріему. Городъ наполнился разсказами въ родѣ того, что французы въ свою очередь начали бить осадившихъ ихъ французовъ; что Государь Императоръ никакъ не можетъ пожаловать къ намъ и что къ намъ по случаю неурядицъ въ Европѣ всѣ петербургскіе аристократы и богачи, привыкшіе зимовать въ теплыхъ странахъ намѣрены переѣхать на южный берегъ.

Нѣсколько времени спустя мы снова начали встрѣчать Августѣйшее семейство въ прогулкахъ на экипажѣ. Ея Величество постоянно подаетъ собою примѣръ скромности и простоты. Въ нарядахъ этой въ полномъ смыслѣ слова святой матери никогда не замѣчали ничего рѣзко отличительнаго, никакихъ дорогихъ бездѣлушекъ, которыми такъ любили тщеславиться въ то время пріѣзжіе изъ высшаго круга. Мы по-прежнему видѣли въ добрыхъ ея глазахъ выраженіе безпредѣльной покорности къ Творцу міровъ, крайнюю заботливость о дѣтямъ и какую-то печать постояннаго упованія на милости Создателя. Для всѣхъ было ясно, что Ея Величество смотрѣла на высокое положеніе свое самыми смиренными очами и никогда навѣрно не придавала ему того значенія, которое почувствовали бы другія. Чуждая славолюбія и ничтожной суеты, она смотрѣла на человѣка какъ на одинаковое по природѣ и чувствамъ существо и, казалось, никогда не мечтала присваивать себѣ никакихъ преимуществъ предъ Божествомъ въ отношеніи даже съ тѣми, которые тяжкимъ трудомъ и горькою судьбою прокладывали себѣ жизненный путь. Такими по крайней мѣрѣ глазами нашихъ внутреннихъ убѣжденій мы смотрѣли на Государыню, тихо и блаженно проводившую свою жизнь вдали отъ мятежнаго и мишурнаго міра.

15-го октября Государыня Императрица посѣтила дачу графини Понятовской. Услужливый управляющій этимъ имѣніемъ А. А. Подбережскій имѣлъ счастье сопровождать Ея Величество и пришелъ въ ужасное безпокойство, когда высокая посѣтительница какъ-то случайно наступила на мокроту. Боясь, чтобы это не повліяло на здоровье ея, онъ въ ту же минуту испросилъ позволеніе осушить обувь Царицы чистымъ носовымъ платкомъ. Ея Величество дозволила это, мнѣ кажется, только изъ нежеланія поставить старичка въ непріятное положеніе, но такъ какъ она не оставалась ни у кого въ долгу за малѣйшую услугу, то Подбережскому нѣсколько дней спустя былъ присланъ въ подарокъ цѣнный перстень. Одновременно слу-

чилось не вдали отъ дачи Понятовскаго чрезвычайно непріятное, но къ счастью не несчастное событіе съ принцемъ Лихтенбергскимъ и графинею Толстою, слѣдовавшими въ прогулку за Императрицею. Въ экипажѣ ихъ почему-то соскочило дышло, которымъ начало бить лошадей по ногамъ, вслѣдствіе чего послѣднія помчались и навѣрно разнесли бы въ дребезги коляску и сидящихъ въ ней, если бъ по счастливой находчивости и случайной встрѣчѣ съ татарской свадьбой не были остановлены заярившіяся лошади, но при всемъ этомъ намъ говорили, что соскочившіе во-время принцъ слегка ранилъ себѣ голову, а графиня Толстая ударилась грудью и бокомъ.

На другой день въ Ливадіи получено было подробное извѣстіе о взятіи пруссаками Метца со всѣмъ его многочисленнымъ гарнизономъ. Извѣстіе это произвело на насъ тяжолое впечатлѣніе, такъ какъ мы почему-то всегда болѣе симпатизировали французамъ.

21-го октября мнѣ пришлось слышать отъ нѣкоторыхъ, начинавшихъ скучать въ Ливадіи, придворныхъ, что Государыня Императрица въ такомъ восторгѣ отъ жизни и обстановки своей на южномъ берегу, что съ неудовольствіемъ отворачивается отъ всѣхъ тѣхъ, кто заговариваетъ о Петербургѣ или осмѣливается совѣтовать ей подумать о времени выѣзда. На этотъ разъ, не имѣя подъ рукою такихъ авторитетныхъ лейбъ-медиковъ, какъ Гартманъ и Карель, Ея Величество дѣйствовала по личному сознанію пользы дышать теплымъ воздухомъ. Къ этому добавляли, что недавно послѣдовалъ отъ министра двора вопросъ, когда предполагаетъ Ея Величество выѣхать изъ Крыма. Князь Барятинскій, несмотря на полное желаніе дать положительный отвѣтъ, вынужденъ былъ отвѣчать, что не осмѣлился спросить этого у Государыни. Вслѣдствіе чего послѣдовала телеграмма отъ самого Императора, но и на нее данъ былъ отвѣтъ: „о времени выѣзда моего сообщу заблаговременно". И дѣйствительно у насъ въ это время стояли такіе тихіе и теплые дни, какіе не бываютъ на сѣверѣ въ августѣ. Поэтому ли или по другимъ основаніямъ въ Ялтѣ разнеслась молва, что Государь телеграфировалъ въ Ливадію, что если послѣдуетъ примиреніе между французами и нѣмцами, то онъ не замедлитъ пріѣхать.

24-го октября было освященіе престола въ Аутинской церкви, которую расширили настолько, что весь прежній древній храмъ обращенъ въ одинъ алтарь. На торжество это выслана была ливадская, придворная пѣвчая, прибыли двѣ фрейлины и лю-

бимый Императрицею старичекъ камеръ-фурьеръ Алексѣевъ, который неутомимо трудился не только надъ украшеніемъ и обогащеніемъ убогой ризницы этой церкви, но даже собралъ при дворѣ довольно значительную сумму на пріобрѣтеніе новаго и хорошей работы иконостаса. Всѣ были убѣждены, что пожалуетъ на освященіе Императрица, но ожиданіе не оправдалось. По справкамъ моимъ не скучаютъ ли въ Ливадіи безъ общества ровесниковъ Августѣйшія дѣти, мнѣ отвѣчали, что Великіе Князья съ особеннымъ удовольствіемъ проводятъ день на дворѣ, а по вечерамъ маскируются въ мѣстные національные костюмы. Что касается Великой Княжны Маріи Александровны, то она послѣ занятій и прогулокъ забавляется четырьмя котенками, взятыми во дворецъ.

25-го числа, скучавшіе въ Ливадіи придворные начали распускать слухи, что будто бы заболѣлъ Государь Императоръ съ цѣлью заставить царицу ускорить свой отъѣздъ. Не имѣя никакихъ ни частныхъ, ни оффиціальныхъ извѣстій, мы естественно не могли ни вѣрить, ни отрицать этихъ слуховъ, но какъ только узнали, что Ея Величество останется у насъ до того времени, пока не измѣнятся погоды, поняли, что слухи не имѣли никакого основанія.

Недѣлю спустя мы съ восторгомъ прочитали, что обожаемый нами Государь, какъ подобало могущественному Царю, вынужденному 15 лѣтъ тому назадъ, ради прекращенія кровопролитія подъ Севастополемъ лишить себя права господства на Черномъ морѣ, торжественно заявилъ, что считаетъ парижскій трактатъ отъ 18/30 марта 1856-го года утратившимъ свое значеніе по пункту, ограничивавшему его верховныя права на Черномъ морѣ; что Севастополь будетъ возстановленъ съ флотомъ и что въ самое непродолжительное время начнется желѣзная дорога для соединенія его съ метрополіею. Заявленіе это высказано было такимъ положительнымъ и рѣшительнымъ образомъ, что западнымъ державамъ, сознавшимъ его основательность, въ особенности въ данное время, совершенно неразумно было противорѣчить. Болѣе другихъ взъерошились Англія, Австрія и Турція, но все окончилось пустыми фразами.

Въ ноябрѣ объявлено было о призывѣ всѣхъ сословій къ отбыванію военной повинности, и въ то же время мы увидѣли въ дѣйствіи наши новые окружные суды.

Какъ ни интересны были для насъ эти совершившіяся прекрасныя для Россіи дѣянія, но изъ нихъ одно и именно реформа въ отбываніи военной повинности представляетъ такой

гигантскій шагъ чувства справедливости и доброты къ простолюдину, что серіозный историкъ не остановится безъ глубокаго изумленія надъ этимъ высокимъ человѣколюбивымъ подвигомъ. Реформа эта прежде всего возвращала Россіи милліоны рабочихъ рукъ не наканунѣ смерти и нищими, какъ бывало прежде, а милліоны окрѣпшихъ и намного просвѣтившихся противъ мужика молодыхъ людей, начинавшихъ семейную жизнь въ зрѣлый періодъ лѣтъ, которые дѣлались піонерами въ своей средѣ. Съ минуты введенія ея осушились слезы милліоновъ отцовъ, матерей, женъ, братьевъ, сестеръ и часто дѣтей, провожавшихъ своихъ сыновъ и отцовъ на рекрутчину съ полнымъ и вѣрнымъ сознаніемъ, что они не свидятся болѣе на землѣ и что несчастные зачахнутъ отъ четверть-вѣковой тяжкой службы; что той же участи подвергнутся и другіе ихъ сыновья, братья и близкіе. Цѣлые вѣка слышался въ Россіи этотъ стонъ и рыданіе, но ни одинъ изъ монарховъ не тронулся имъ, кромѣ Александра II, ни одному не приходило на мысль та ужасная потеря для отечества и народонаселенія и молодыхъ силъ, сокрушаемыхъ до конца безъ всякой надобности.

Тѣмъ временемъ пруссаки держали Парижъ въ осадѣ, въ провинціяхъ формировались новыя армія, Гамбетта увѣрялъ Европу, что отнынѣ только начинается настоящая война съ нѣмцами, Римъ былъ занятъ итальянскими войсками, а на Испанскій престолъ вступилъ сынъ Виктора Эммануила.

15-го числа Государыня Императрица продолжала гостить у насъ, пользуясь прекрасной погодой и удовольствіемъ быть постоянно на воздухѣ между кустами цвѣтущихъ мѣсячныхъ розъ и другихъ цвѣтовъ, что даетъ ей возможность укрѣплять свое здоровье. Благосостояніе послѣдняго какъ-то особенно радовало насъ, и едва-ли былъ на южномъ берегу человѣкъ, который про себя не нашептывалъ молитвы о ниспосланіи ей свыше этого безцѣннаго дара.

Не менѣе отрадною новостью было для насъ, что въ настоящемъ году Великій Князь намѣстникъ Кавказа Михаилъ Николаевичъ пріобрѣлъ въ собственность очень хорошенькое имѣніе кн. Мещерской, расположенное на почтовомъ трактѣ, въ виду татарской деревушки и Ай-петринскаго монолита, точно вылитаго изъ стали. Примѣру Его Высочества хотѣли послѣдовать очень многіе изъ пріѣзжихъ, остававшихся у насъ до настоящаго времени и высмотрѣвшихъ себѣ участки, принадлежавшіе туземцамъ, но такъ какъ у послѣднихъ не оказывалось никакихъ документовъ юридическаго значенія, а наши

новыя учрежденія не усвоили себѣ порядка для безспорнаго укрѣпленія ихъ за покупщиками, то всѣ почти сдѣлки разстроились, что конечно принесло большую потерю для страны, нуждающейся въ зажиточномъ и образованномъ населеніи.

Сельско-хозяйственная выставка наша при всемъ желаніи распорядителей не была настолько интересна, чтобы обратить вниманіе Августѣйшей владѣтельницы Ливадіи и ея дѣтей. Все, чѣмъ она интересовала мѣстныхъ жителей, составляли нѣкоторые вновь усовершенствованные за границею садовые инструменты.

20 ноября въ 10 часовъ утра Ея Величество покинула Ливадію и направилась сухимъ путемъ на Севастополь, откуда имѣла направиться моремъ на Одессу. Присутствующимъ при отъѣздѣ она выразила свою благодарность и обѣщала пріѣхать на будущій годъ съ наступленіемъ весны. Мы не станемъ здѣсь говорить о тѣхъ наградахъ, которыя по заведенному раньше установленію выдавались состоящимъ на службѣ въ Ливадіи и о тѣхъ пособіяхъ бѣднымъ, на которыя Царица всегда изъявляла согласіе.

Съ выѣздомъ Императрицы опустѣла и Ялта съ окрестными дачами. Но жители въ чаяніи будущаго блестящаго пріѣзда съ энергіею снова принялись за расширеніе своихъ домовъ, украшеніе садиковъ, дворовъ и т. п. Для рабочаго люда, кромѣ этихъ обычныхъ занятій, представилась возможность имѣть постоянную работу въ продолженіе цѣлаго года проложеніемъ новой дороги отъ Ливадіи до водопада „Учанъ-су“, къ которому до настоящаго времени вела лѣсная, крайне неудобная и опасная тропинка.

Ея Величество въ сознаніи, что никогда никто не позаботится доставить пріѣзжимъ возможности посѣщать этотъ хорошенькій водопадъ, между гигантскими скалами, прикрытыми гигантскими же деревьями, соблаговолила желаніе, чтобы проведена была на ея счетъ къ нему экипажная дорога. Эта заботливость о тѣхъ слабосильныхъ, которые не могли держаться верхомъ или которымъ воспрещало здоровье дѣлать подобныя прогулки, до настоящаго времени ясно говоритъ о человѣколюбивомъ образѣ мыслей доброй Царицы. Но дорога на „Учанъ-су“ не въ этомъ одномъ принесла пользу: она прорѣзала одну изъ красивыхъ мѣстностей, недоступныхъ для поселенія человѣка, и предоставила массѣ служащихъ и работавшихъ въ Ливадіи пріобрѣсти небольшіе клочки земли и построить себѣ пріюты.

Впослѣдствіи нѣкоторые изъ богатыхъ людей, очарованные прелестнымъ видомъ съ этой дороги на море, окрестныя горы и Аутинскую низменность, также начали покупать участки и украшать ихъ постройками, садами, цвѣтниками и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что въ будущемъ здѣсь явится непрерывный рядъ роскошныхъ виллъ, если къ намъ на помощь явятся хорошіе гидротехники.

Въ теченіе этого года газеты заявляли о пріѣздѣ въ Петербургъ и представленіи Его Величеству китайскаго посольства, о Всероссійской мануфактурной выставкѣ въ Петербургѣ и о новомъ Городовомъ положеніи съ цѣлью улучшенія порядка управленія городского хозяйства на правахъ самоуправленія. Положеніе это предоставляло нашимъ гражданамъ такое широкое и безошибочно-вѣрно расчитанное поприще для достиженія блистательныхъ результатовъ, что трудно было придумать что-либо проще и цѣлесообразнѣе при малѣйшемъ вниманіи самихъ горожанъ къ своему родному уголку. Тогда же мы узнали, что Россійская Имперія вновь раздвинула свои владѣнія въ Азіи до Гиссарскаго хребта на 12.000 кв. верстъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Межевой.

(Изъ жизни землеустроителей въ 90-годахъ).

VII [1]).

На мѣсто новыхъ работъ пришлось мнѣ плыть на сѣверъ X—ской губерніи на пароходѣ въ сопровожденіи двухъ молодыхъ межевыхъ Чохина и Павлова, только-что вырвавшихся изъ стѣнъ землемѣрнаго училища. Попавъ на свободу и получивъ деньги, они не теряли время въ губернскомъ городѣ, стараясь урвать отъ новой жизни всѣ удовольствія, доступныя юному возрасту, искуситься во всѣхъ излишествахъ, которыя казались завѣтнымъ и запрещеннымъ плодомъ... Они старались растратить бушующія въ нихъ молодыя силы и упиться жизненнымъ наркозомъ, доступнымъ въ губернской глуши въ самыхъ грубыхъ формахъ, въ обществѣ отчаянныхъ дѣвицъ и махнувшихъ на все рукою кутилъ и забулдыгъ... Когда мои компаньоны появились на палубѣ парохода, разводившаго уже пары передъ отплытіемъ, въ ихъ движеніяхъ проявлялась какая-то излишняя суетливость, особенно въ Павловѣ, болѣе легкомысленномъ. Съ виноватой улыбкой, захлебываясь, онъ мнѣ что-то началъ объяснять, почему онъ чуть не опоздалъ на пароходъ, что-то забылъ, что-то потерялъ. Чохинъ же, болѣе солидный и угрюмый, блондинъ съ умными сѣрыми глазами, смотрѣлъ на него укоризненно и, выслушавъ путанную рѣчь своего пріятеля, махнулъ рукой и сказалъ: „полно-ка ты врать, Васюха, сознайся ужъ, что закрутилъ, закутилъ и меня втянулъ въ эту кашу“. А „каша“ заключалась въ томъ, что мои молод-

---

[1]) См. „Русская Старина“, октябрь 1915 г.

чики три дня пропадали въ какой-то трущобѣ передъ отъѣздомъ, спустивши почти всѣ свои денежки, полученныя въ видѣ пособія, прогоновъ и проч.

— Зачѣмъ вы это такъ?—спрашивалъ я ихъ.

— Отъ тоски, П. И., по дому, по родинѣ...

— И что же... утѣшились?

— Нѣтъ... какое!—и онъ махнулъ рукой, какъ-то еще гаже на душѣ сдѣлалось...—не судите насъ строго...

— Я и не сужу, а все-таки... неладно.

— Да ужъ какое ладно!.. ладно-то осталось дома...

Задумчивый Чохинъ чуть не сдѣлался жертвой неосторожности легкомысленнаго Павлова при дальнѣйшемъ пути... Съ парохода мы сѣли на лошадей и поѣхали на перекладныхъ. На одномъ перегонѣ намъ дали широкій тарантасъ, въ которомъ можно было свободно помѣститься втроемъ. Я сѣлъ посрединѣ, а мои „тѣлохранители", какъ они себя въ шутку называли, по бокамъ. Увидавъ какую-то птицу на дорогѣ, Павловъ выхватилъ изъ кармана револьверъ и хотѣлъ выстрѣлить въ нее, когда повозка случайно остановилась. Я удержалъ его отъ этой глупости, и онъ послушно уже опустилъ револьверъ, чтобы положить его въ карманъ, но вдругъ раздался выстрѣлъ, и Чохинъ, сидѣвшій около меня, какъ-то неестественно дернулъ ногой. Оказалось, что пуля пронизала насквозь голенище его сапога, не задѣвъ ноги. Пролети пуля выше, его нога бы была раздроблена. Я ахнулъ. Павловъ поблѣднѣлъ.

— Эхъ, сапога-то жаль, — говорилъ Чохинъ, разуваясь, — новый былъ...

— А ноги-то не жаль бы было? — спросилъ я, выругавъ присмирѣвшаго и испуганнаго Павлова.

— Что нога? Ну, послали бы домой на излѣченіе... не стоитъ безпокоиться... и жизнь-то вся копейки не стоитъ, — философствовалъ онъ.

— Въ ваши-то годы!

— Именно въ эти-то годы... куда эта молодость... по нынѣшнимъ временамъ?..

Его грызла какая-то затаенная грустная мысль, и эта постоянная нотка, звучавшая и потомъ даже въ минуты веселья, дѣлала его интереснымъ и симпатичнымъ несмотря на взглядъ исподлобья и угрюмый видъ.

Въ селѣ Чусовомъ, составлявшемъ центръ будущихъ работъ, насъ уже поджидалъ Остапенко. На колокольчики онъ немедленно появился на земской квартирѣ.

— Съ пріѣздомъ,—обратился Остапенко ко мнѣ,—по благополучію ли доѣхали? Какъ здоровеньки?.. А вы, молодые люди, пожалуйте ко мнѣ, теперь вы отдохнули съ начальствомъ, а завтра встанемъ съ солнышкомъ и пойдемъ на работы всѣ скопомъ магистраль гнать... дни-то золотые стоятъ, каждый день дорого стоитъ,—и онъ, взъерошивъ свои вихри, взглянулъ въ окно.

Надъ крышами низенькихъ избъ млѣлъ чудный закатъ яснаго лѣтняго вечера. Въ открытое окно несся здоровый запахъ навоза. Возвращавшееся съ поля стадо, меланхолично побрякивая бубенчиками, поднимало столбы пыли по деревенской улицѣ. Мычали коровы, блѣяли овцы, останавливаясь около своихъ воротъ, отворявшихся съ привѣтливымъ скрипомъ заботливой хозяйской рукою... Тихая сладкая грусть заползала въ сердце отъ этой идилліи, отъ этого деревенскаго покоя и тишины, прерываемой отдѣльными звуками деревенской жизни. Послѣ города, казалось, бурное теченіе жизненнаго склада здѣсь остановилось, замкнувшись въ сонные берега, и струя жизни словно заснула, медленно, едва замѣтно, ползя по вырытому руслу со старицами и заводями...

Работы по проведенію магистральной линіи, которая должна была послужить основаніемъ новой съемки, начаты были совмѣстно всѣми межевыми моей партіи. Остапенко, какъ полководецъ, повелъ войско межевыхъ и рабочихъ на атаку даннаго для съемки района, заключавшаго двѣ волости. Магистраль надо было „прогнать“ просѣкою верстъ на 40 длины. Онъ долженъ былъ составить базу для планшетовъ, на которые разбивалась вся дача. Такую большую просѣку необходимо было вести черезъ нѣсколько постоянныхъ точекъ, чтобы она представляла минимальныя уклоненія отъ идеально прямой линіи. Для этого нужно было потратить нѣсколько дней совмѣстной работы и, разумѣется, сдѣлать нѣсколько ночевокъ въ попутныхъ деревняхъ, мимо которыхъ проводилась магистральная линія.

Въ одну изъ такихъ остановокъ въ дер. Дремовой всѣ мирные сельскіе жители были взбудоражены появленіемъ Остапенко со своимъ отрядомъ. Хозяиномъ земской квартиры оказался староста изъ наиболѣе зажиточныхъ „чердаковъ“, говорящій хорошо по-русски въ отличіе отъ большинства, съ которыми можно было вести рѣчь черезъ переводчика. Когда, измученная денной работой, орава межевыхъ ввалилась въ избу и разсѣлась по лавкамъ, Остапенко, какъ атаманъ, сѣвъ въ „красный“ уголъ подъ образами, стукнулъ кулакомъ по столу и крикнулъ на хозяина.

— Ну, хозяинъ, мы устали, тащи намъ горилки... и угощай насъ!

Староста почесалъ въ затылкѣ и мялся въ нерѣшительности.

— Ну чего зачесался! Давай, коли есть, видишь, землемѣры пришли. Въ это время съ палатей, кряхтя, слѣзъ старикъ, его отецъ.

— Тащи, братъ, Аѳанасій, — прошамкалъ старикъ, — а то хуже будетъ... Старики сказываютъ: голодъ или моръ, или землемѣръ на дворъ...

— Ахъ ты, дѣдъ проклятущій, какъ онъ насъ почитаетъ...

— Ничего, ваше благородіе, не подѣлаешь, изъ пѣсни слова не выкинешь, осклабился старикъ, поклонившись въ поясъ честной компаніи.

— Ужъ видно тащить, коли приказываютъ, и староста полѣзъ въ уголъ, вынувъ изъ-за божницы цѣлый штофъ „проклятаго зелья".

Къ магистралю прицѣпилась еще одна особа женскаго пола и вотъ какимъ образомъ. Съ Басневымъ, молодымъ межевщикомъ, поѣхала на работы его жена, молоденькая бабочка, вертлявая, съ прозрачными русалочными глазами, любящая окружать себя молодежью. Несмотря на настоянія мужа остаться въ селѣ Чусовскомъ, она поѣхала вслѣдъ за двинувшейся партіей въ телѣжкѣ. Остапенко былъ этимъ возмущенъ.

— Это худая баба за нами увязалась... чего ей надо, бисовой юбкѣ, ворчалъ онъ громко сосѣду.

— Не ворчите, Филиппъ Панкратьевичъ, я вамъ не помѣшаю... однимъ глазкомъ на васъ посмотрю, какъ вы дѣйствуете, кокетливо улыбаясь, говорила Баснева.

— Да мнѣ что? Вамъ-то каково будетъ, сударыня, среди мужчинъ, ваше дѣло дамское.

— Я—межевая косточка, оправдывалась та.

— Такъ-то такъ, да боюсь, какъ-бы мои жеребята на васъ не заглядѣлись и магистраль не сломали.

— А мы его склеимъ, съ хохотомъ говорила Баснева.

— Супругъ вашъ и то никакъ цѣлую банку клею съ собой захватилъ, и Остапенко указалъ на бутылку водки, торчавшую изъ кармана Баснева, который не прочь былъ въ минуты грусти, а иногда и ревности прибѣгнуть ко этому „клею".

Въ одной деревушкѣ, оказавшейся на пути магистраля, застала ночь нашихъ землемѣровъ. Среди грязныхъ курныхъ избъ была одна просторная новая изба, принадлежавшая зажи-

точному „чердаку". Пришлось въ ней поневолѣ размѣститься всѣмъ въ повалку на сѣнѣ. Супруги отдѣлились отъ прочей компаніи, устроивъ изъ простыни что-то въ родѣ занавѣски.

— Охъ, Басневъ, Басневъ, береги жинку, подшучивалъ Остапенко, укладываясь на сѣно въ общую кучу, кавалеровъ много, а перегородка больно тонка.

— Много званныхъ, да мало избранныхъ, отвѣчалъ женскій игривый голосъ изъ-за простыни.

— Кто же изъ насъ избранный?—спрашивали молодые веселые голоса.

— Спать пора, отвѣтилъ за жену Басневъ и потушилъ свѣчку.

Это стремленіе „быть избраннымъ" надѣлало много горя и хлопотъ Остапенко.

Когда магистраль благополучно „прогнали", при чемъ дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ изломовъ, и отъ него началась съемка по планшетамъ, межевые получили каждый по планшету. Къ болѣе опытнымъ были прикомандировны новички, чтобы затѣмъ перейти на самостоятельный планшетъ. Къ Басневу былъ прикомандированъ молодой, румяный и заикающійся Палкинъ, никогда не разлучавшійся съ гармоніей. Какъ-то такъ вышло, что планшетъ Баснева оказался настоящимъ „центромъ" для молодежи. Послѣ работъ туда летѣли молодые кавалеры въ телѣжкахъ и верхомъ, какъ на пожаръ, чтобы провести вечеръ и часть ночи, подъ звуки гармоники, въ обществѣ „многообѣщающей" Басневой, за дружеской бутылью „зелена вина". Началось манкированье рабочими днями. Остапенко бѣсился и проклиналъ „бисову бабу", закрутившую добрыхъ молодцевъ. Я долженъ былъ экстренно дѣлать соглашеніе съ крестьянами по опредѣленію дѣйствительнаго пользованія и будущихъ надѣловъ. Для этой цѣли я разъѣзжалъ по деревнямъ, не подозрѣвая о веселомъ житьѣ-бытьѣ „центра" молодежи и о хлопотахъ и гнѣвѣ „за безпорядокъ" Остапенки...

— Былъ знойный іюньскій день. Моя телѣжка, запряженная парою сытыхъ деревенскихъ лошадокъ, быстро катилась по колеямъ сосноваго бора, примыкавшаго къ угодьямъ села Чусоваго. Боръ рѣдѣлъ и сквозь ядреные стволы отдѣльныхъ сосенъ-исполиновъ ярко зеленѣли освѣщенные золотыми лучами кусты ракиты и молодыя березки. На поворотѣ дороги вижу просѣку, вдали мензулу, съ лежащими около нея рабочими. Телѣжка катится быстро впередъ, поднимая придорожную пыль. Вдругъ сзади раздается громкій крикъ. Ямщикъ оста-

навливаетъ по моему знаку лошадей. Я оглядываюсь, и вижу бѣгущаго къ моей телѣжкѣ безъ шапки, съ растрепанными, развѣвающимися по вѣтру полусѣдыми кудрями Остапенко, дѣлающаго мнѣ знаки.

— Что случилось, Филиппъ Панкратьевичъ?

— Помилуйте, П. И., говорилъ онъ, еле переводя духъ и отирая крупныя капли пота клѣтчатымъ платкомъ съ лица, покрытаго пылью, силъ моихъ нѣтъ справиться съ этимъ негодяемъ...

— Съ кѣмъ?

— Да какже, посудите сами, ничего не можетъ и не хочетъ дѣлать одинъ... я пошелъ съ нимъ въ поле тыкать его носомъ...

— Кого?

— Да Палкина... этотъ балбесъ меня замучилъ просто.. отвернулся отъ него на минутку въ кусты, а онъ бросилъ мензулу, рабочихъ, и безъ оглядки убѣжалъ къ Басневу, благо его изба всего въ двухъ верстахъ отсюда, ну, помилуйте, вѣдь такъ нельзя... вы начальникъ, примите мѣры, если меня не слушается... На кой онъ лѣшій годится? прогоните его въ городъ съ работъ!.. Что же это за безобразіе!.. какой это порядокъ!—кипятился Остапенко, отчаянно жестикулируя.

Я его по возможности успокоилъ, давъ слово „принять мѣры", хотя и не въ такой степени, въ какой онъ совѣтовалъ.

— А все... бисова баба, чтобъ ей въ болотѣ увязнуть по самые ея зѣнки лядащіе, ругался Остапенко.

— Разгоните этихъ жеребятъ въ дальніе углы, а то всѣмъ башки свертѣла дурная баба... Рабочіе дни вѣдь пропускаются...

Пришлось разселить по самымъ дальнимъ угламъ (на дальніе планшеты) увлекающуюся молодежь, а Палкина отдать подъ непосредственный надзоръ самого Остапенки. Баснева квартира опустѣла, прекратилась музыка, пѣніе и каждый изъ пировавшихъ искупалъ свою вину одинокимъ сидѣніемъ въ глухой деревнѣ и усиленной денной работой... Дамочка не выдержала такого „крутого" обращенія...

Не прошло и недѣли, какъ она затосковала отъ одиночества, тѣмъ болѣе, что ея супругъ возвращался съ работы поздно вечеромъ усталый, голодный и угрюмый. Подъ аккомпаниментъ жениныхъ упрековъ онъ быстро засыпалъ, доводя ее до слезъ своимъ равнодушіемъ „къ ея горькой долѣ".

Черезъ двѣ недѣли уже онъ ее провожалъ въ телѣжкѣ въ городъ. На несчастье по дорогѣ невдалекѣ отъ села встрѣтилась рѣчка съ запрудой мельницы. Черезъ рѣчку былъ устроенъ

у запруды легкомысленный мостикъ. Какъ ни предупреждалъ ямщикъ, но барынька приказала ѣхать по мостику. Кончилось тѣмъ, что она вылетѣла изъ повозки въ воду,—хорошо, что было мелко, и она отдѣлалась однимъ испугомъ и мокротой. Остапенко былъ внѣ себя отъ радости, узнавъ о такомъ пассажѣ.

— Подѣломъ ей, не верти хвостомъ, чортова перечница, вотъ и обмочило... Съ мужемъ-то скучно показалось безъ кавалеровъ... Басневъ-то больно мягокъ... другой бы не такъ ее повернулъ... Эхъ, поневолѣ запьешь съ такой бабой!

И дѣйствительно Басневъ сталъ „запивать", хотя и былъ отличнымъ работникомъ. Когда я его увидалъ черезъ недѣли двѣ послѣ отъѣзда жены его, я такъ и ахнулъ. Лицо осунулось, глаза воспалены, губы трясутся.

— Что съ вами?

— Хвораю-съ, всего ломаетъ, говорилъ онъ, уныло смотря въ землю.

— Не съѣздить ли вамъ къ земскому врачу полѣчиться? спрашивалъ я.

— Ничего и такъ, можетъ, пройдетъ... оскомляюсь...

— Жена-то пишетъ ли изъ города?—спрашивалъ Остапенко.

— Рѣдко, отвѣтилъ глухо Басневъ и, махнувъ рукой, вышелъ изъ комнаты.

— Знаемъ эту болѣсть, кивнулъ головой вслѣдъ ему Остапенко, жаль бѣднягу, изъ-за бабенки такой пропадаетъ, а работникъ—золото... смотрите на его планшетъ... какая чистота! Сколько съемки! Учить его нечему, самъ всякаго научитъ...

VIII.

Приблизительно черезъ мѣсяцъ моего пребыванія въ краѣ „чердаковъ", я получилъ черезъ нарочнаго отъ Крючкова записку слѣдующаго телеграфнаго содержанія: „Ѣдемъ съ Вершининымъ къ вамъ. Готовьтесь. Производитель Палкинъ разсердилъ генерала. Вашъ Крючковъ".

Записка была писана карандашемъ характернымъ почеркомъ rondo Ѳедора Ивановича. Это rondo отлично знали межевые по кондуитамъ, опредѣляющимъ ихъ служебно-нравственныя качества. Ѳедоръ Иванычъ не писалъ а „рисовалъ" и, когда онъ находилъ сильную неисправность въ планѣ межевого и былъ имъ недоволенъ, то онъ сжималъ губы, взглядывалъ на него многозначительно и произносилъ: „я вамъ нарисую-съ". И это

„нарисую-съ“ имѣло всегда печальныя послѣдствія для виноватаго въ видѣ убавки пособія, ссылки на работу въ трудную мѣстность и пр.

Получилъ я это краткое извѣстіе и ощутилъ въ душѣ своей волненіе... Странно устроенъ человѣкъ. Кажется, „ничего не упущено, все въ порядкѣ“, а при извѣстіи, что „генералъ ѣдетъ“, начинаютъ служивые люди тревожиться, суетиться и чѣмъ далѣе отъ центра, тѣмъ сильнѣе. Въ столицѣ слишкомъ много повсюду генераловъ, они примелькались и на улицахъ и въ вѣдомствахъ, а въ провинціи, да еще въ глухомъ селѣ, призракъ петербургскаго генерала является чѣмъ-то огромнымъ, давящимъ и чудовищнымъ. Приближеніе разрушительной кометы можетъ только сравняться съ этимъ явленіемъ. Даже деревенская идиллія, всѣ эти поля съ шелестящей рожью, стадо съ бубенчиками, лай собакъ, скрипъ воротъ, разговоры на завалинкахъ дремлющихъ стариковъ и отдыхающихъ отъ дневныхъ работъ мужиковъ, все это отражается въ сознаніи, покрытомъ какимъ-то флеромъ, словно въ водѣ озера, взбудораженнаго налетѣвшимъ порывомъ вѣтра. Это давленіе отражалось на Остапенкѣ, на межевыхъ и даже на рабочихъ. У всѣхъ на лицѣ появилась нѣкоторая оторопь, безпредметный испугъ, хотя собственно рабочимъ и просто мирнымъ сельскимъ обывателямъ совершенно нечего было „бояться“ генерала. Но таково уже стадное чувство запуганности русской натуры, вѣками пріученной къ страху передъ властью, даже посторонней.

— А скоро пріѣдетъ генералъ?—спрашивалъ меня, наружно храбрясь, Остапенко.

— А скоро пріѣдетъ питерскій анаралъ?—спрашивалъ шепотомъ хозяинъ земской квартиры.

Деревенскіе ходатаи по дѣламъ не дремали, писались просьбы въ кабакѣ на имя „главнаго высшаго правителя и ревизора“,— не было титула самаго преувеличеннаго, который бы они не употребили въ своихъ слезницахъ насчетъ „земельнаго продовольствія“. Домъ, назначенный для пріема высокаго посѣтителя, стоявшій по сосѣдству съ моей хатой, мыли и скребли тщательно цѣлый день.

Наконецъ однажды ночью по улицѣ раздался грохотъ отъ несущихся повозокъ, звонъ бубенцовъ и колокольцовъ... Все это пронеслось мимо оконъ... Я привскочилъ съ моего ложа. Черезъ четверть часа растворилась дверь, и вбѣжалъ вѣстовой съ озабоченнымъ лицомъ.

— Питерскій генералъ пріѣхалъ...

— Сердитый?

— Нѣтъ, ничего, какъ будто, не ругается... вышелъ изъ коляски и про васъ спросилъ, съ нимъ секретарь, должно быть, молодой въ отдѣльной повозкѣ и еще какой-то начальникъ съ колесикомъ серебряннымъ на одеждѣ, въ очкахъ...

Скоро я былъ позванъ къ Вершинину. Онъ стоялъ посрединѣ комнаты, высокій, въ форменной тужуркѣ съ красными отворотами, и обтиралъ руки полотенцемъ, одинъ конецъ котораго держалъ молодой секретарь. Крючковъ возился въ углу со своимъ завѣтнымъ чемоданомъ и кивнулъ мнѣ головой, взглянувъ черезъ очки. Вершининъ смотрѣлъ своими свѣтлыми выпуклыми глазами поверхъ моей головы, стараясь уловить меня въ лучъ зрѣнія. Сѣдые волосы, тщательно расчесанные на головѣ и небольшой бородѣ, серебрились при свѣтѣ двухъ лампъ. Привѣтливая, нѣсколько саркатическая улыбка скользила по сохранившему еще свѣжесть лицу.

— Очень радъ, что засталъ Васъ бдящимъ, а вотъ вашего сосѣда по работамъ г. Палкина пришлось отыскивать какъ зайца, запутавшагося въ дебряхъ своей дачи.

— Палкинъ, я вамъ докладывалъ, ваше превосходительство, человѣкъ деревянный-съ, а здѣсь другое дѣло-съ, буркнулъ изъ угла Крючковъ.

— Деревянный, ха, ха, и генералъ раскатисто разсмѣялся, ну, посмотримъ, какъ ваши дѣла... соглашенія съ деревнями сдѣлали?

— Сдѣлалъ, ваше превосходительство... Послѣдовалъ легкій экзаменъ, касающійся инструкцій и правилъ и порядка дѣйствій при поземельномъ устройствѣ новой дачи.

— Вижу, что вы начали не дурно вести дѣло... Къ завтраму соберите всѣхъ вашихъ межевыхъ, я осмотрю ихъ планы, а также ваши дѣла, а теперь дайте-ка намъ, Ѳедоръ Иванычъ, по рюмочкѣ коньячку, и мы промочимъ горло съ молодымъ производителемъ работъ. Лимону нѣтъ, закусите сахаромъ, добавилъ онъ, когда бутылка появилась на столѣ.

— А что мы ѣсть завтра будемъ?—спросилъ онъ Крючкова.

— Межевые-съ, ваше превосходительство, прискачутъ завтра изъ медвѣжьихъ угловъ и привезутъ рябчиковъ, и я вамъ зажарю ихъ въ папильоткахъ особеннымъ образомъ, проговорилъ Крючковъ, закрывая глаза какъ бы отъ превкушенія будущаго блаженства.

— Знаю, что вы мастеръ ловить и жарить рябчиковъ, съ усмѣшкой сказалъ Вершининъ.

Я откланялся за позднимъ временемъ и началъ строчить предписанія межевымъ, разселеннымъ „по медвѣжьимъ угламъ“. Несмотря на ночь, полетѣли гонцы во всѣ концы. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, я хотѣлъ улечься на покой, но въ хату мою вошелъ Крючковъ.

— Уложилъ генерала и къ вамъ зашелъ побесѣдовать, а, чтобы не такъ намъ скоро заснуть, я принесъ коньячку... освѣжительнѣйшее средствіе, я вамъ доложу, говорилъ онъ, усаживаясь за столъ съ бутылкой.

— Что случилось у Палкина?—любопытствовалъ я.

— Преинтересное происшествіе. Этотъ деревянный человѣкъ отлично зналъ, что генералъ ѣдетъ, и по своей трусости, спрятался въ дальней деревнѣ и, какъ страусъ, закрылся собственнымъ крылышкомъ. Пришлось его оттуда извлекать, что конечно не могло повліять на хорошее расположеніе духа нашего генерала какъ вы сами, изволите догадаться. Затѣмъ-съ вмѣсто того, чтобы ѣздить по деревнямъ и дѣлать соглашеніе съ мужиками на мѣстѣ, какъ вы это, кажется, изволили продѣлать и о чемъ мы слышали, онъ собиралъ сходы въ волостномъ селѣ скопомъ, въ границахъ владѣній, какъ слѣдуетъ, не разобрался, много путаницы оказалось, а главное-съ, его одинъ выселокъ Васюковскій подкузмилъ. Этотъ выселокъ оказался за болотами верстъ такъ за 12, мужички уперлись и къ нему не пришли, а на грѣхъ у этихъ мужичковъ Васюковскихъ были большія распри съ волостнымъ селомъ. А какъ услыхали они о пріѣздѣ генерала, бацъ ему жалобу, что они оставлены безъ вниманія на счетъ будущихъ надѣловъ. Генералъ накинулся на Палкина: „почему вы не съѣздили въ Васюковскій поселокъ?

— Да туда не пройти, не проѣхать, дорога плоха, отвѣтилъ Палкинъ. А онъ и по хорошимъ дорогамъ-то не любитъ ѣздить, прогончики вѣдь лучше сохранить, чѣмъ тратиться, все годится дѣтишкамъ на молочишко. „А!.. дорога плоха! Такъ я съ вами пѣшкомъ пойду“, крикнулъ Вершининъ, и что бы вы думали?

Вѣдь пошелъ и насъ повелъ за собой, ужъ мы перли, перли по кочкамъ, какъ кулики, скакали, генералъ два раза по колѣно провалился, при чемъ ругался отборными словами въ три этажа и все-таки дошелъ къ стыду и посрамленію Палкина. Соглашеніе было сдѣлано, протоколъ составленъ.... вотъ-съ какія дѣла!—заключилъ свою рѣчь Крючковъ, опрокинувъ въ себя рюмку коньяку.

— А вамъ не трудно ѣздить съ нимъ, Ѳедоръ Ивановичъ?— спросилъ я.

— Какъ вамъ сказать... Не легко-съ! Что говорить?.. Да вѣдь семья-съ, семеро душъ, самъ-девятъ... надо похлопотать, потрудиться... Вся моя надежда на нашего „слѣпого“. Вѣдь работы въ губерніи кончатся, куда я дѣнусь? Въ отставку? А на мою пенсію развѣ можно прожить? За штатъ? А семья?.. Вотъ и думаю, поѣзжу я съ нимъ, а онъ, можетъ быть, и вспомнитъ и устроитъ меня въ Сибирь на новое поземельное устройство... Нужда пляшетъ, нужда скачетъ, а гдѣ нужно, пѣсенки поетъ...

— И рябчиковъ жаритъ, добавилъ я.

— Бываетъ и хуже-съ, сказалъ онъ съ жалкой улыбкой. Вѣки и глаза его покраснѣли, морщины на лицѣ обозначились глубже, на просвѣчивающей лысинѣ показались капли. Въ эту минуту передо мной сидѣлъ не бодрящійся и энергичный, наводящій ужасъ на межевыхъ, Крючковъ, а безпомощный жалкій старикъ...

Утромъ мои межевые стали слетаться со всѣхъ концовъ, какъ испуганныя воробьи отъ холостого заряда, подъ крылышко Остапенко, въ ожиданіи своей участи. У всѣхъ у нихъ были испуганныя и полныя томленія лица.

Мой служитель Селиванъ, отставной солдатъ изъ „чердаковъ“, тоже раздѣлялъ общее волненіе. Онъ взглядывалъ на меня своими безцвѣтными глазами, безъ рѣсницъ, въ которыхъ сквозила хитрость вмѣстѣ съ апатіей, и, понимая важность момента, выказывалъ необычную для него расторопность. Исполняя обязанности вѣстового, онъ служилъ и за повара, умѣя хорошо готовить единственное кушанье „бешкетъ съ лукомъ“, по его опредѣленію, приготовляемое почти каждый день; производство его въ повара случилось какъ-то само собой. Мѣстныя хозяйки, „рогатыя черти“ (какъ ихъ прозвали межевые за головной уборъ) были изъ рукъ вонъ нечистоплотны и изъ самыхъ свѣжихъ продуктовъ дѣлали невообразимую дрянь. Онъ сразу побилъ рекордъ своимъ „бешкетомъ“... Въ это „ревизіонное“ утро Селиванъ, смѣнивъ обычные лапти на скрипучіе сапоги, съ момента моего пробужденія подавалъ телеграфическіе знаки съ „главной квартиры“, гдѣ остановился Вершининъ и куда Селиванъ ухитрялся неоднократно забѣгать. Безъ всякихъ вопросовъ съ моей стороны онъ рапортовалъ: „генералъ проснулись... моются... чай пьютъ... собираются къ вамъ, баринъ“... И, наконецъ, когда на дворѣ

раздался звонкій баритонъ Вершинина, Селиванъ растворилъ дверь наотмашь и вполголоса объявилъ: „генералъ". (Это напомнило мнѣ сцену изъ пьесы „Madame Sans gêne" Сарду, именно тотъ моментъ, когда Наполеонъ I-й своей тяжелой походкой входитъ на сцену изъ внутреннихъ покоевъ. Передъ нимъ широко распахиваются двери, и стража предупреждаетъ ожидающихъ его лицъ внушительнымъ возгласомъ: „императоръ").

Вершининъ вошелъ ко мнѣ, высоко держа голову, въ бѣлоснѣжномъ кителѣ, съ записной книжкой въ рукахъ, свѣжій и надушенный.

— Ну-съ, приступимъ къ дѣламъ, громко сказалъ онъ, послѣ обычныхъ привѣтствій.

Дверь запахнулась, началась ревизія глазъ на глазъ. Вершининъ заставилъ меня читать акты соглашенія съ крестьянами. Читать онъ самъ не могъ, а если ему нужно было заглянуть въ бумагу или книгу, то онъ водилъ носомъ по листу, какъ-то особенно фыркая при этомъ. Чтеніе мое онъ нерѣдко прерывалъ одобреніемъ, а иногда, чѣмъ-нибудь недовольный, рѣзкимъ замѣчаніемъ, произнося его громко, вибрирующимъ фальцетомъ. Сквозь наружную улыбку проскальзывало раздраженіе, выражавшееся въ окрикахъ... Особенно онъ возмутился, когда заглянулъ въ „полевой журналъ", даваемый каждому межевому и производителю работъ для вписыванія порученій. Бердяевъ въ него ничего не вписалъ по своей халатности. Вершининъ, увидавъ чистыя страницы, вскипѣлъ.

— Гдѣ же порученіе старшаго чиновника? — воскликнулъ онъ, взявъ высокую ноту. Я молча пожалъ плечами.

— А... понимаю! Вы тутъ ни при чемъ, но это обыкновенная уловка этого... чтобы затемнить дѣло, чтобы порученіе неясно было, какъ въ туманѣ... Но я заставлю его... я такъ не пропущу, извольте писать исполненныя работы сейчасъ же...

Я началъ писать.

— Впрочемъ, это долго... Къ завтраму все впишите... Я искореню эту закваску... Пора положить предѣлъ этой неясности, оттягиванію, запутыванію... Онъ самъ у васъ не бывалъ на работахъ?

— Нѣтъ еще.

— Это каменное обвиненіе противъ него. Гдѣ надо, указать, направить... новыя работы, тамъ его нѣтъ, дѣлай, что хочешь, какъ знаешь, производитель работъ, а мы будемъ въ городѣ сидѣть и ручки умывать, какъ Пилатъ, безъ насъ все сдѣ-

лается... Я имъ задамъ, этимъ далай-ламамъ, и онъ сдѣлалъ угрожающій жестъ, сталъ писать что-то въ книжку, пыхтя и фыркая надъ ней. При его слѣпнувшихъ глазахъ, писаніе ему доставляло, какъ видно, не менѣе хлопотъ, чѣмъ чтеніе.

— Въ общемъ все у васъ обстоитъ благополучно, успокоительнымъ тономъ закончилъ онъ осмотръ моихъ документовъ, желаю вамъ и въ будущемъ вести дѣло такъ же энергично... помните одно, что надо скорѣй и скорѣй кончать работы и составлять записи... Вашъ начальникъ—очень милый человѣкъ въ частной жизни, но... въ дѣлахъ!.. и Вершининъ поднялъ къ небу свои голубоватые выпуклые глаза... Они привыкли, эти старые провинціальные генералы, двадцать пять лѣтъ сидѣть на насиженныхъ мѣстахъ, а теперь другое время настало... Мало того, предупреждаю, что Бердяевъ будетъ вамъ ставить препоны, незамѣтно оттягивать дѣло... не давайтесь въ эту ловушку... Если онъ самъ себѣ будетъ рыть яму, то вы-то въ нее не попадетесь. Вы еще молоды, и ваше будущее впереди...

Я выразилъ сомнѣніе насчетъ моего „служебнаго“ будущаго и отсутствіе надеждъ въ этомъ направленіи.

— Плохой солдатъ, который не надѣется быть генераломъ... а въ Россійскомъ государствѣ быть генераломъ очень хорошо! Вотъ по дорогѣ къ вамъ мы пріѣхали ночью на одинъ заводъ, насъ не пустили на земскую квартиру, не хотѣли даже воротъ отворять... Тогда я вспомнилъ, что я генералъ, выругался, и сейчасъ мнѣ отвели прекрасное помѣщеніе для ночлега...

Были позваны межевые, явившіеся кучею во главѣ съ Остапенко. За нимъ появился и Крючковъ въ качествѣ эксперта и начальника съемки. Развертывались планы, давались объясненія. У однихъ голосъ дрожалъ, слова захлебывались, какъ напр. у Павлова. Другіе, какъ Чохинъ, давали объясненіе спокойно и увѣренно, что нравилось Вершинину, дѣлавшему по поводу каждаго межевого свои отмѣтки въ завѣтной записной книжкѣ. Крючковъ во время осмотра плановъ однихъ подбадривалъ вполголоса, а по поводу другихъ выразительно мычалъ и тыкалъ, молча пальцемъ въ неудачныя мѣста на планѣ. Все обошлось и тутъ благополучно. Никто ожидаемаго „подзатыльника“ не получилъ.

— Ну-съ, а теперь можно и закусить послѣ трудовъ праведныхъ. Такъ, Ѳедоръ Ивановичъ?—добродушно-веселымъ тономъ спросилъ Вершининъ Крючкова, когда межевые были отпущены вмѣстѣ съ Остапенко восвояси. Къ слову сказать, Остапенко держалъ себя во время ревизіи на „высотѣ поло-

женія“, рапортуя генералу, какъ старый опытный фельдфебель во фронтѣ, безъ запинки и смѣло. При вопросѣ объ обѣдѣ угрюмо-торжественный видъ Крючкова исчезъ, смѣнясь улыбкой восхищенія.

— Черезъ полчаса буду имѣть честь угощать ваше превосходительство рябчиками, зажаренными въ папильоткахъ по особому способу, воскликнулъ онъ, быстро направляясь къ двери.

— Ну, ну, посмотримъ, что у васъ выйдетъ въ папильоткахъ, покровительственно кинулъ ему Вершининъ.

— Старый юсъ, знаетъ толкъ въ кулинарномъ искусствѣ, сказалъ Вершининъ по уходѣ Крючкова и, пригласивъ меня къ обѣду, вышелъ изъ моей хаты. За обѣдомъ „съ рябчиками въ папильоткахъ“, имѣвшими нѣкоторый успѣхъ, хотя и не оправдавшій надеждъ Крючкова, генералъ, подъ вліяніемъ коньяка, разошелся. Начались разговоры объ оперѣ, концертахъ и музыкѣ, которую онъ любилъ. Онъ даже напѣвалъ тихо нѣкоторые мотивы, воодушевлялся и дѣлалъ остроумныя замѣчанія. Но какъ только разговоръ переходилъ на X—скій отрядъ, онъ повышалъ голосъ, разражаясь нецензурнымъ словомъ, и рѣзко обрывалъ.

— А что же, ваше превосходительство, будутъ дѣлать чины послѣ окончанія работъ въ нашемъ отрядѣ?—спросилъ вкрадчиво Крючковъ.

— Что? А... молодые будутъ раскассированы по разнымъ губерніямъ, включая сюда Сибирь и Кавказъ, отвѣтилъ Вершининъ, смакуя коньякъ послѣ того, какъ обѣдъ былъ съѣденъ.

— А старики, выслужившіе пенсію?—напряженно спросилъ Крючковъ.

— За штатъ и въ отставку!—отрубилъ Вершининъ.

Крючковъ поперхнулся глоткомъ вина, закашлялся и страшно побагровѣлъ.

— А кто служитъ еще въ силахъ и у кого большая семья?—подавленнымъ шепотомъ спросилъ онъ.

— Оставимъ этотъ разговоръ, Ѳедоръ Иванычъ, будемъ говорить о рябчикахъ, которые были сегодня вкусны, хотя и хуже, чѣмъ я ожидалъ, съ мефистофельской улыбкой отвѣтилъ Вершининъ. Ѳедоръ Ивановичъ не могъ поддерживать дальнѣйшаго разговора, его душевное равновѣсіе нарушилось, онъ не могъ попасть въ тонъ и усиленно курилъ молча и сосредо-

точенно, прислушиваясь однимъ ухомъ къ „свѣтскому“ разговору генерала.

Наконецъ онъ вышелъ подъ предлогомъ повѣрки одного плана.

— Знаемъ, какъ провѣряетъ онъ планы... тоже старый юсъ, задастъ линію на планѣ межевому, а самъ въ окошко смотритъ, а въ поле ни за что не пойдетъ, замѣтилъ Вершининъ послѣ его ухода.

— Но онъ опытный и дѣльный, вставилъ я.

— Вы еще молоды и людей не знаете... А я ихъ насквозь вижу, этихъ молодящихся стариковъ. Всѣ они трясутся за свою шкуру теперь, когда приспичило, и они забѣгали, какъ тараканы на жару, а раньше что было? Все это гнилое зданіе, называемое X—скимъ отрядомъ, надо разнести по бревнышкамъ!..

— А въ Сибирь развѣ не могутъ получить назначеніе опытные старые межевые?

— Свыше говорятъ, что *въ новые мѣхи вливать старое вино вредно*, ядовито улыбаясь, сказалъ Вершининъ.

На слѣдующее утро лошади были поданы Вершинину и его свитѣ. Я провожалъ его и видѣлъ, какъ онъ, облеченный въ тужурку съ малиновыми отворотами, прежде чѣмъ сѣсть въ тарантасъ, безпомощно искалъ ногой подножку, глядя въ небо, какъ его поддерживалъ Ѳедоръ Ивановичъ, облеченный въ болотные сапоги „по уши“ и старенькій выцвѣвшій пиджакъ, съ прицѣпленнымъ „колесикомъ“ (позем.-устроит. знакомъ), ярко блестѣвшимъ на солнцѣ. Мнѣ стало жаль Ѳедора Ивановича.

П. И. Соколовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Воспоминанія бывшаго штурманскаго офицера.

Въ молодости, мнѣ довелось провести два лѣта на морскомъ промѣрѣ въ Финляндскихъ шхерахъ. Особая жизнь въ морской пустынѣ, на голыхъ островахъ, оставила хорошее воспоминаніе въ моей жизни. Гранитные камни, безъ всякой растительности, далеко выдающіеся въ море, были мѣстомъ нашего жилья. Мы устраивали два лагеря: одинъ для офицеровъ, другой для матросовъ. Главный запасъ пищи состоялъ изъ морскихъ сухарей и солонины. Когда наступала бурная погода, тогда прекращалось сообщеніе съ сосѣдними островами и мы принуждены были питаться тѣми запасами, которые привозили съ собою. Консервовъ въ то время не было. При выборѣ мѣста для лагеря, главная наша забота состояла въ отысканіи прѣсной воды. На гранитной почвѣ острововъ нельзя было найти ключевой воды, и мы всегда довольствовались дождевою водою, которая скоплялась въ впадинахъ и въ изгибахъ мѣстности.

Для производства морского промѣра мы предварительно строили на островахъ топографическіе знаки и по нимъ уже разставляли на водѣ вѣхи, въ извѣстномъ порядкѣ. Самый промѣръ производился съ весельныхъ катеровъ. Такъ какъ работа шла въ открытомъ морѣ, то ее можно было производить только въ тихіе дни, при штилѣ, какъ говорятъ моряки; поэтому рабочихъ дней въ теченіе лѣта было немного; но за то дневная работа была весьма продолжительна. Обыкновенно мы выѣзжали изъ дому въ 6 часовъ утра, а возвращались къ 8-ми часамъ вечера. Удалялись отъ лагеря въ море на нѣсколько верстъ и тамъ измѣряли глубину воды. Конечно, подобная ра-

бота была сопряжена съ опасностью. Поэтому, каждый катеръ, выѣзжающій на работу, снабжался боченкомъ прѣсной воды и мѣшкомъ морскихъ сухарей. На катерѣ находились мачта съ парусомъ и чугунный баластъ. Въ катеръ садились восемь гребцовъ съ рулевымъ и штурманскій офицеръ. Опасность состояла въ возможности быть унесеннымъ изъ шхеръ въ открытое море. Поэтому когда во время работъ поднимался вѣтеръ, мы прекращали промѣръ, ставили мачту, поднимали парусъ и плыли въ лагерь. Если вѣтеръ дулъ съ моря, то достичь лагеря было легко; если же вѣтеръ дулъ съ материка, то надо было спѣшить, дабы успѣть засвѣтло вернуться домой. Съ однимъ моимъ товарищемъ С. было непріятное приключеніе: онъ поздно замѣтилъ начинающійся съ берега вѣтеръ, не во-время прекратилъ свои занятія и, когда поставилъ мачту и подняли парусъ, то вѣтеръ значительно усилился и развелъ на морѣ волненіе. Пришлось моему товарищу лавировать. Хотя наши шлюпки вообще хорошо одолѣвали противный вѣтеръ, но этотъ разъ лавированіе не имѣло успѣха; становилось темно, и С. принужденъ былъ пристать къ какому-то острову, чтобы спастись отъ бѣды. Хорошо, что на катерѣ была прѣсная вода и сухари, такъ что этотъ офицеръ съ командою матросовъ могъ утолить свой голодъ въ теченіе сутокъ, которыя онъ прожилъ на пустынномъ островѣ. Въ свободные отъ работъ дни я любилъ совершать прогулки по шхерамъ, стараясь попасть къ тѣмъ островамъ, на которыхъ видна была растительность. Лежащіе около лагеря острова вездѣ представляли голые каменья. Насколько были голы камни, видно изъ того, что когда у насъ завелась коза, то чтобы ее прокормить нѣсколько дней мы принуждены были ее отвести за 2—3 версты. Поэтому понятно, что произрастающій вдали на островахъ лѣсъ постоянно представлялъ для меня особую прелесть. Матросы всегда были рады совершаемымъ мною прогулкамъ. Плаваніе подъ парусомъ въ шхерахъ доставляетъ большее удовольствіе, такъ какъ шлюпка быстро мчится, погоняемая вѣтромъ, а вода совершенно тихая, волненія никогда не бываетъ. Конечно, нужно было соблюдать осторожность, чтобы неожиданнымъ порывомъ вѣтра изъ-за какого-нибудь острова, не опрокинуло шлюпки. Но подобнаго приключенія со мною не было. Въ каждую прогулку, я приставалъ къ какому-нибудь острову, имѣющему лѣсъ. Всѣ мы выходили на берегъ и отправлялись гулять, за исключеніемъ одного человѣка, остающагося дежурнымъ на катерѣ. Матросы со-

бирали грибы и ягоды. Грибовъ всегда находили много, потому что мѣстные жители грибовъ въ пищу не употребляли. Гораздо позднѣе, когда въ Финляндіи былъ неурожай, начали пользоваться грибами, какъ пищевымъ продуктомъ. Въ то время мы ѣли исключительно бѣлые грибы. Въ одну изъ прогулокъ мы нашли высокую сосну, на которой было орлиное гнѣздо. Сосна была совершенно голая; но отсутствіе вѣтвей не остановило матросовъ. Одинъ изъ расторопныхъ людей, взявъ въ руки веревки, полѣзъ на сосну и на нашихъ глазахъ вынулъ изъ гнѣзда орленка и благополучно спустился внизъ. Радость была всеобщая. Орленокъ былъ величиною съ большую курицу, но когда распускалъ крылья, то охватывалъ саженное пространство. Этотъ орленокъ причинилъ мнѣ много хлопотъ, потому что не ѣлъ ни сухарей, ни солонины; нужно было всегда давать ему рыбу, которой у насъ часто и не бывало. Заберется бывало орленокъ въ воду, на мелкое мѣсто, и ждетъ рыбы. Прилетали къ намъ въ лагерь орлы, вѣроятно искать свое дѣтище; но присутствіе людей пугало ихъ и они не пытались освободить нашего плѣнника. Подъ конецъ лагернаго сезона я передалъ орленка нашему врачу. Когда мой денщикъ отнесъ птицу, я его спросилъ: „что жалко тебѣ орленка", на что матросъ отвѣтилъ: „жалко, Ваше Благородіе". У денщика руки были исклеваны и исцарапаны хищною птицею, и все-таки мой слуга жалѣлъ орленка. Такова натура человѣка.

Въ другой разъ мы поймали тюленя. Дѣло было такъ. Стояла прекрасная лѣтняя погода. Тюлени, пользуясь тишиною и соблазняясь теплотою воздуха, вылѣзли на гранитный островъ и грѣлись на солнцѣ. Увидавъ добычу, мы пристали къ острову. Матросы осторожно подкрались къ отдыхавшему стаду. При видѣ опасности, животныя быстро ушли въ воду; но одинъ тюлень опоздалъ, былъ окруженъ людьми и забитъ веслами. Добычу мы съ торжествомъ привезли въ лагерь: было много получено сала изъ этого животнаго. Самый ловкій матросъ у меня на катерѣ былъ татаринъ Абрашитовъ. Онъ былъ усерденъ къ службѣ, расторопный, сметливый. Всякое порученіе онъ исполнялъ охотно, толково. За какой-то проступокъ онъ былъ отданъ въ арестантскія роты, гдѣ пробылъ три года, а потомъ вернулся во флотъ, въ строевую службу. Онъ обижался, когда вспоминали арестантскія роты; поэтому я никогда про эти роты не говорилъ, чтобы не обидѣть этого добраго человѣка. Когда мы нашли на высокой соснѣ орлиное гнѣздо, то

Абрашитовъ, по своей охотѣ, полѣзъ на дерево и досталъ орленка. На это лазаніе надо было имѣть много смѣлости и ловкости. Другой случай проявленія ловкости былъ такой. Плылъ мой катеръ при свѣжемъ вѣтрѣ быстрымъ ходомъ. Въ разныхъ мѣстахъ видны были на поверхности воды мелькающія рыбы. Абрашитовъ былъ загребнымъ, т.-е. сидѣлъ въ кормѣ, на передней скамейкѣ. Вдругъ, одинъ матросъ, находившійся на носу шлюпки, закричалъ оттуда Абрашитову, что впереди шлюпки плыветъ рыба. Абрашитовъ живо перебрался на носъ катера, растянулся тамъ на животъ, опустилъ руку за бортъ и голою рукою схватилъ плывущую живую рыбу. Это удальство привело насъ всѣхъ въ восхищеніе. Одинъ разъ Абрашитовъ оказалъ мнѣ большую услугу. Мы переѣзжали на другой островъ. Свѣжій вѣтеръ быстро несъ наши шлюпки. У меня на катерѣ былъ грузъ пищевыхъ продуктовъ. По моей неосмотрительности, я дурно направилъ катеръ къ острову и присталъ къ берегу въ неудобномъ мѣстѣ. Катеръ сѣлъ на мель; волненіемъ стало бить мою шлюпку о каменья; волны вкатывались въ катеръ. Всѣ мы растерялись; но Абрашитовъ быстро взялся за дѣло: онъ спустилъ парусъ, вылѣзъ изъ катера въ воду, столкнулъ катеръ съ каменьевъ на глубокое мѣсто и такимъ дѣйствіемъ возстановилъ порядокъ и спокойствіе. Во время этой катастрофы подмочило муку морскою водою; но денежный расходъ былъ ничтожный: всѣ мы были рады, что благополучно отдѣлались отъ опасности. Былъ еще такой случай. Вечеромъ, мы, офицеры, сидѣли въ столовой палаткѣ, какъ пришелъ посланный изъ матросскаго лагеря съ извѣстіемъ, что Абрашитовъ напился пьянъ, не слушается боцмана, идетъ на него съ ножемъ, грозя его зарѣзать. Старшій офицеръ обратился ко мнѣ съ предложеніемъ пойти въ лагерь и арестовать тамъ Абрашитова. Я туда пошелъ. При моемъ приближеніи, пьяный матросъ оказался совершенно спокойнымъ. Я, не возвышая голоса, сдѣлалъ ему выговоръ, стыдилъ его за дурное поведеніе, упрекалъ въ непослушаніи. Абрашитовъ выслушалъ меня спокойно и что-то бормоталъ въ отвѣтъ. Я отобралъ отъ него ножъ, велѣлъ подать мнѣ веревку, которою и связалъ ему руки, но не крѣпко, а слегка. Абрашитовъ былъ покоренъ, какъ овца. Его уложили спать. На утро буянившій матросъ былъ смиренъ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Вспоминая теперь этого матроса, я отношусь къ нему съ любовью, какъ къ человѣку, обладавшему добрымъ сердцемъ.

Вспоминаю другого матроса, который былъ подверженъ морской болѣзни. Должно быть, товарищи трунили надъ нимъ по этому поводу. У матросовъ было повѣрье, что если страдающій подобнымъ недугомъ поѣстъ илу съ морского дна, то вылѣчится. И вотъ мой матросъ началъ лѣчиться рекомендуемымъ способомъ. На моихъ глазахъ, онъ снималъ пальцами съ чугуннаго лота прилипшій глинистый илъ, вынутый со дна, и клалъ илъ къ себѣ въ ротъ. Товарищи глядѣли на него съ любопытствомъ. Не знаю, принесло ли пользу подобное лѣченіе. Какъ-то одинъ изъ нашихъ офицеровъ завелъ себѣ бульдога. Я ничего не зналъ объ этомъ псѣ. Сижу разъ за обѣденнымъ столомъ и чувствую, что кто-то трогаетъ меня за колѣни. Посмотрѣлъ внизъ и увидалъ у себя на колѣняхъ страшную морду бульдога. Неожиданность подобнаго сосѣда меня испугала. Скоро я привыкъ къ этому псу и часто съ нимъ игралъ, бросая ему въ море палки. Собака бросалась въ воду и вплавь приносила мнѣ брошенную вещь. Однажды я бросилъ большое полѣно. Бульдогъ поплылъ за нимъ, но привести его къ берегу не могъ, потому что полѣно было толстое и онъ не могъ ухватить дерево зубами. Прошло нѣсколько минутъ: усилія были напрасны, а между тѣмъ, вѣтеръ относилъ полѣно далѣе отъ берега. Я струхнулъ за собаку. Кромѣ того, меня смущала мысль объ уплатѣ нѣсколькихъ десятковъ рублей за это животное. Однако приключеніе окончилось благополучно; но я сталъ осторожнѣе съ собакою. Замѣчательный случай: бульдогъ, наводившій страхъ своею широкою мордою съ торчащими зубами, самъ однажды испугался теленка, который прожилъ на островѣ короткое время. Нашъ лагерь часто посѣщали окрестные жители и привозили на продажу съѣстные продукты. Въ дни, когда наступала бурная погода, привоза провизіи не было, потому что прерывалось всякое собщеніе между островами; и если не было запасовъ, то приходилось питаться солониною. Сильный вѣтеръ причинилъ намъ разъ безпокойство. На нашемъ островѣ истощился резервуаръ дождевой воды. Приходилось мѣнять мѣсто лагеря, что было сопряжено съ большими хлопотами. Поэтому рѣшили пользоваться дождевою водою сосѣдняго острова, куда и посылали по временамъ катеръ съ боченками. Однажды, когда стояла свѣжая погода, то-есть былъ сильный вѣтеръ, насъ обезпокоило замедленіе въ возвращеніи катера, посланнаго за водою. Старшій офицеръ поручилъ мнѣ убѣдиться на мѣстѣ, почему образовалась задержка. Въ нѣсколько минутъ мой катеръ былъ

готовъ и полетѣлъ на другой островъ. Задержка оказалась простою: посланный катеръ наполнилъ уже боченки прѣсною водою, но не могъ выгрести противъ поднявшагося вѣтера, который развелъ сильное волненіе. Пріѣздъ мой помогъ дѣлу: я нагрузилъ на свой катеръ значительную часть груза и, пользуясь свѣжимъ вѣтромъ, быстро привезъ нужную воду. Окрестные жители занимались рыбною ловлею и часто привозили намъ рыбу на продажу, за которую мы платили высокую цѣну: по 2 к. за фунтъ. Я говорю высокую, потому что мѣстная цѣна была полъ-копѣйки. Всѣ пріѣзжавшіе, какъ мужчины, такъ и женщины, прекрасно дѣйствовали веслами. Въ праздничные дни они пѣли у насъ хоровыя пѣсни; иногда и плясали. Надо замѣтить, что пѣніе было вообще у насъ въ ходу, какъ пріятное развлеченіе. Игральныхъ картъ у насъ не было; потому что карточная игра вообще была запрещена на военномъ флотѣ. Пѣли пѣсни матросы у себя въ лагерѣ; иногда, по зову, приходили пѣсельники въ офицерскій лагерь. Часто, по вечерамъ, начиналось пѣніе и у насъ, офицеровъ, въ большой столовой палаткѣ. Но обыкновенно долго пѣніе не продолжалось, и мы всѣ ложились рано спать, потому что надо было быть готовымъ подняться на другой день раннимъ утромъ. Одно посѣщеніе рыбаками нашего лагеря осталось мнѣ памятнымъ. Днемъ, когда моя палатка стояла пустая, въ нее вошла молодая красивая женщина и сѣла на кровать. Войдя къ себѣ домой, я съ удивленіемъ увидѣлъ прекрасную гостью. Будучи молодымъ и неопытнымъ, я побѣжалъ въ столовую и объявилъ моимъ сослуживцамъ объ этомъ визитѣ. Однако мое сообщеніе было выслушано съ неудовольствіемъ, и никто не раздѣлялъ моей радости. А старшій офицеръ высказалъ суровое порицаніе за подобный визитъ. Возвратясь въ свою палатку, я не нашелъ своей гости. Въ послѣдующее время, я встрѣчалъ иногда на островѣ эту посѣтительницу и приглашалъ ее къ себѣ, но напрасно: въ отвѣтъ я видѣлъ только знаки отрицанія. Послѣ этого случая, никакая женщина не входила въ мою палатку. Проживая на островѣ около трехъ мѣсяцевъ, мы познакомились съ мѣстнымъ пасторомъ, который по-русски не говорилъ. Между нами былъ одинъ офицеръ, русскій, женатый на нѣмкѣ и знающій нѣмецкій языкъ. Надо замѣтить, что въ корпусѣ флотскихъ штурмановъ не служило ни нѣмцевъ, ни поляковъ. При участіи этого офицера, завязалось знакомство. Пасторъ былъ воспитанникомъ какого-то шведскаго университета. Онъ имѣлъ намѣреніе поступить въ Россіи въ военную службу,

но его отговорили, пояснивъ, что лучше въ Швеціи служить солдатомъ, чѣмъ въ Россіи офицеромъ. Конечно, намъ было непріятно выслушать такое откровеніе. Какъ-то пасторъ пригласилъ меня пріѣхать въ кирку на богослуженіе, но я отказался. Въ одинъ изъ своихъ посѣщеній пасторъ привезъ къ намъ студента Гельсингфорсскаго университета Уделіуса. Я познакомился съ этимъ молодымъ человѣкомъ и скоро съ нимъ подружился, хотя бесѣда у насъ шла съ трудомъ, на французскомъ языкѣ, на которомъ мы оба изъяснялись плохо.—„На какомъ ты факультетѣ", — спросилъ я. — „На эстетическомъ", — былъ отвѣтъ. — „Что такое любовь?"— спросилъ я.—„Это такое чувство", — отвѣчалъ студентъ, — „которое позволяетъ намъ здѣсь на землѣ, наслаждаться благами боговъ". Уделіусъ имѣлъ гдѣ-то недвижимую собственность,—островъ, цѣнною въ пять руб. Кажется, тогда же я узналъ, что трудъ профессоровъ въ Гельсингфорсскомъ университетѣ оцѣнивается стоимостью хлѣба. Когда хлѣбъ дешевъ, тогда профессоръ получаетъ меньше, когда хлѣбъ дорогъ, тогда профессоръ получаетъ больше. Сложившуюся дружбу между мною и студентомъ наши офицеры объяснили такъ. По мнѣнію студента, говорили они, для преобразованія Россіи и для сдѣланія ее счастливою надо истребить 50 тысячъ людей, а по вашему мнѣнію достаточно тысячъ 20. Разница небольшая: „ну, вотъ вы и подружились". Конечно, я протестовалъ противъ подобнаго разсужденія. Одно время жилъ съ нами въ лагерѣ защитникъ Севастополя, лейтенантъ, раненый въ голову. По временамъ мы слушали съ глубокимъ интересомъ разсказы лейтенанта про кровавые эпизоды защиты крѣпости, при чемъ разсказчикъ не могъ говорить спокойно, равнодушно, а волновался и, наконецъ, плакалъ. Разсказъ прерывался. Опасаясь повредить здоровью раненнаго воина, мы не пытались возобновлять эти повѣствованія. Одно лѣто пріѣхала къ намъ въ лагерь жена нашего офицера съ ребенкомъ и съ племянницею. Съ прибытіемъ дамъ, намъ стало веселѣе и бесѣды наши оживились. Новыя лица насъ не стѣсняли, потому что островъ былъ великъ, простору было много; а матроскій лагерь лежалъ совсѣмъ въ сторонѣ. Прибывшая дама принялась хозяйничать, пошла въ кухню и удивилась тамошнему безпорядку. Она съ ужасомъ разсказала о господствующей тамъ грязи. Однако быстрое приведеніе кухни въ порядокъ оказалось затруднительнымъ: кохъ (поваръ) явился къ начальству и просилъ объ отчисленіи своемъ обратно въ команду, такъ какъ теперь ему

стало труднымъ быть при г.г. офицерахъ. Не помню, чѣмъ кончилось это дѣло. Мои прогулки по островамъ обратили на себя вниманіе поселившейся у насъ дамы, которая обратилась ко мнѣ съ просьбою приказать матросамъ въ предстоящую поѣздку набрать грибовъ въ лѣсу. У меня не было желанія исполнить эту дамскую просьбу, такъ какъ я бралъ матросовъ на прогулку, куда люди постоянно съ охотой шли и я не хотѣлъ заставлять ихъ работать для себя, хотя-бы и нетруднымъ дѣломъ. Поэтому я вернулся съ прогулки съ пустыми руками. Дама не подавала вида, что на меня разсердилась, но мнѣ отомстила. По утрамъ, мы всѣ пили чай. Новая хозяйка ввела перемѣну и стала по утрамъ варить кофе. Новымъ напиткомъ она угощала всѣхъ офицеровъ, кромѣ меня. Такъ я и остался во все лагерное время безъ кофе. А выпить кофею мнѣ очень хотѣлось, потому что во все время пребыванія на островахъ этого напитка не было. Служа въ промѣрной партіи, я получилъ первый ревматизмъ. Случилось это такимъ образомъ. Партія наша переѣзжала на другое лагерное мѣсто. Разстояніе было 15—20 верстъ. Былъ попутный вѣтеръ съ большимъ туманомъ. На мнѣ было надѣто пальто изъ толстаго драпу. Для надобностей лагерной жизни я привезъ изъ Петербурга коверъ. Ѣдучи на катерѣ въ сильный сырой вѣтеръ, я прикрылся ковромъ сверхъ пальто. Но, увы, коверъ своего назначенія не выполнилъ и не уберегъ меня отъ простуды: должно быть, коверъ былъ не шерстяной, а бумажный. Когда мы пріѣхали въ деревню на ночлегъ, то я помѣстился въ особомъ домѣ, гдѣ хозяйка мнѣ приготовила мягкую постель. Ночью я почувствовалъ какую-то боль въ спинѣ. Я ворочался въ разныя стороны, но боль не проходила. Тогда я рѣшилъ, что въ кровати есть камень. Вставши утромъ, я сталъ искать этого камня, но его не нашелъ. Тогда мнѣ стало понятно, что я простудился и получилъ ревматизмъ. Въ августѣ мѣсяцѣ дни становились короче, а ночи холоднѣй; поэтому въ срединѣ этого мѣсяца прекращались промѣрныя работы на морѣ и мы снимали нашъ лагерь.

Мы, штурманскіе офицеры, отправились въ Петербургъ, въ Гидрографическій департаментъ, а матросы въ свой флотскій экипажъ. На этихъ работахъ я имѣлъ возможность убѣдиться въ справедливости теоріи Бокля: о вліяніи природы на человѣка. Въ ненастную погоду, когда выйдешь изъ палатки, то видишь кругомъ себя волнующееся море, грязно-зеленаго цвѣта, да гранитныя глыбы, торчащія изъ воды. Мѣстами видны раз-

бивающіеся буруны; небо сплошь покрытое мрачными тучами которыя висѣли въ воздухѣ и, казалось, каждую минуту накроютъ островъ. Крики носившихся чаекъ раздражали слухъ. Словомъ, некуда было обратить свой взоръ, чтобы получить пріятное впечатлѣніе. Я былъ молодъ, здоровъ, никакой заботы у меня не было; но невольно наступала какая-то хандра.

Обычный нашъ путь къ работамъ морского промѣра шелъ по Финляндскимъ шхерамъ, и я хорошо познакомился съ этой дорогой, что зналъ наизусть всѣ лоцманскія станціи отъ Кронштадта до Гельсингфорса и думалъ, что никогда этихъ станцій не забуду. До сихъ поръ у меня сохранился въ памяти Баре-Зундъ, красивый и такой узкій проходъ, что казалось возможнымъ выскочить на землю одновременно съ обоихъ бортовъ судна. Одинъ разъ мнѣ случилось быть въ городѣ Або, гдѣ для насъ приготовили чай въ кастрюлѣ. Гельсингфорсъ я посѣщалъ нѣсколько разъ и тутъ имѣлъ возможность убѣдиться въ той враждѣ, которую питаютъ городскіе жители къ русскимъ офицерамъ. Въ Гельсингфорсѣ легко можно купить русскія книги, изданныя за границею и запрещенныя цензурою. Доступъ къ Гельсингфорсу съ моря защищаетъ крѣпость Свеаборгъ, расположенная на гранитныхъ островахъ. Между крѣпостью и городомъ находился большой рейдъ. Войти на рейдъ съ моря можно только черезъ единственный широкій проходъ, называемый Густа-Свердскимъ. Въ Крымскую войну, англо-французскій флотъ держалъ въ блокадѣ все Балтійское море съ заливами.

Нельзя сказать, что непріятель ничего не сдѣлалъ Свеаборгу: была бомбардировка крѣпости съ канонерскихъ лодокъ, расположенныхъ на дальнемъ разстояніи. Сперва русскіе отвѣчали на выстрѣлы, но, убѣдившись, что снаряды наши не долетаютъ до лодокъ, стрѣльбу прекратили. Въ главномъ проходѣ на рейдъ стоялъ 100-пушечный корабль „Россія", который мы принуждены были отвести прочь. Послѣ бомбардировки, обнаружилось, что непріятельскія бомбы пробиваютъ всѣ три корабельныя палубы. Тогда послѣдовало распоряженіе изготовить на корабляхъ особую сѣтку изъ смоляныхъ канатовъ, которую надлежало протянуть надъ верхнею палубою, въ видѣ тента.

Въ Гельсингфорсѣ можно было покупать дешево нѣкоторые товары. Я разъ тамъ купилъ двѣ бутылки ликера, ягоды мамуры и провезъ ихъ контрабандой въ Кронштадтъ. Этотъ провозъ я сдѣлалъ изъ удальства, такъ какъ самъ я спиртныхъ напитковъ не употреблялъ. Вообще же нарушеніе таможенныхъ пра-

вилъ строго преслѣдовалось въ то время. Особенно тяжело доставалось матросамъ, пытавшимся провозить потихоньку чай. Этотъ напитокъ былъ очень дешевъ за границей и дорогъ въ Россіи, потому что провозъ чая черезъ западную границу былъ запрещенъ. Матросъ, попавшійся съ контрабанднымъ чаемъ, предавался морскому суду, который приговаривалъ виновнаго къ заключенію въ арестантскія роты. Такъ казна охраняла интересы московскихъ купцовъ! Только въ началѣ шестидесятыхъ годовъ система измѣнилась, и былъ дозволенъ провозъ чая черезъ западную границу.

П. Наумовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны [1]).

13 іюля. Бѣжавшіе изъ германскаго плѣна наши солдаты разсказывали слѣдующее:

Работа плѣннымъ дается изнурительная. Напримѣръ, ихъ впрягаютъ человѣкъ по семнадцати въ тяжелую желѣзную борону и приказываютъ вспахивать почву или же каждому даютъ урочную работу, состоящую въ вспашкѣ 70 квадратныхъ саж. земли. Отъ непосильнаго труда плѣнные падаютъ, но въ такихъ случаяхъ ихъ подгоняютъ прикладами и штыками.

Какъ мѣра взысканія, нѣмцами практикуется подвѣшиваніе плѣнныхъ въ теченіе двухъ часовъ къ столбу за руки и за ноги.

Въ чрезвычайную слѣдственную комиссію доставлены новые акты о звѣрствахъ германцевъ. На фронтѣ Г-нъ и Б-въ выяснилась слѣдующая потрясающая картина. Германцами былъ пущенъ удушливый газъ въ окопъ, занимаемый однимъ изъ Сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ. По проходѣ газа были посланы наши развѣчики. Вотъ что они показали: прапорщикъ Ник. Егоровъ увидѣлъ въ окопѣ нѣсколько труповъ нашихъ солдатъ съ раздробленными черепами, колотыми ранами въ животъ, шею и грудь. Животы у многихъ были распороты, у одного трупа было вбито нѣсколько патроновъ въ спину. У всѣхъ были выворочены карманы, снята обувь, похищены вещи изъ походныхъ мѣшковъ, а винтовки разбиты. Младшій унтеръ-офицеръ Павелъ Пирогъ видѣлъ у трупа въ глазахъ забитые патроны, у троихъ труповъ были вбиты патроны въ грудь; у пятерыхъ

[1]) См. „Русская Старина", октябрь 1915 г.

горло было перерѣзано, повидимому, германскимъ штыкомъ-пилою. Тотъ же Пирогъ показалъ, что онъ засталъ одного нашего стрѣлка въ сознаніи, который говорилъ ему, что въ окопъ приходили германскіе солдаты, человѣкъ двадцать, и они надругались надъ раненными и прикалывали ихъ. Стрѣлокъ Андрей Казаринъ видѣлъ у трупа глаза, проколотые штыками, у другого трупа были спущены верхняя одежда и бѣлье и штыкъ запущенъ между ягодицъ и тамъ оставленъ; у нѣкоторыхъ было перерѣзано горло. Младшій унтеръ-офицеръ Матвѣй Орѣшкинъ видѣлъ забитые патроны въ пятку ноги, въ спину. Младшій унтеръ-офицеръ Гордѣй Газдученко видѣлъ у 20 труповъ проколотые глаза. Антонъ Квятковскій показалъ, что показали и другіе, и кромѣ того добавилъ, что онъ видѣлъ, какъ у одного трупа животъ былъ разрѣзанъ и внутренности выворочены. Кромѣ нижнихъ чиновъ истязаніямъ въ этомъ окопѣ подверглись также два прапорщика.

Наши бронированные автомобили свершаютъ чудеса: они подъѣзжаютъ къ непріятелю на самое близкое разстояніе и сметаютъ его своимъ гибельнымъ для противника огнемъ.

Ликвидація земель по закону 2-го февраля сего года въ юго-западномъ краѣ принесла самую незначительную пользу, такъ какъ вся масса колоній осталась внѣ пограничной полосы, и нашъ законъ, ликвидируя земли, совершенно упустилъ изъ виду городскія поселенія.

14-го іюля. „Вил. Нов." передаютъ разсказъ пріѣхавшаго въ Вильну изъ-подъ Россіенъ состоятельнаго арендатора Якова Іонайтиса о пребываніи нѣмцевъ въ его имѣніи. Конный разъѣздъ въ 14 человѣкъ подъ начальствомъ офицера подъ вечеръ нагрянулъ къ нему и потребовалъ у Іонайтиса крупной суммы денегъ. На увѣреніе, что такой суммы не имѣется, лейтенантъ приказалъ привязать его къ дереву и бить веревками, пока тотъ не лишился чувствъ. Послѣ этого варвары перерыли весь домъ и обнаружи спрятавшуюся въ погребѣ 16-лѣтнюю дочь его Елену. Полуживую дѣвушку вытащили и поволокли на дворъ, гдѣ въ присутствіи очнувшагося отца подвергли гнусному насилію. Насиловали всѣ по очереди, начиная съ офи-

цера. Совершивъ свое гнусное дѣяніе, нѣмцы, не развязывая старика, уѣхали, поджегши мызу. Сосѣди, услыхавшіе крики, сбѣжались и едва успѣли вытащить изъ огня самого Іонайтиса и его дочь, лежавшую въ обморокѣ. Несчастная дѣвушка, не вынесшая пережитыхъ потрясеній, сошла съ ума.

По сообщенію московскихъ газетъ, нижегородской ярмарочный комитетъ выяснилъ число германскихъ подданныхъ, владѣющихъ недвижимой собственностью на нижегородской ярмаркѣ. Оказалось 12 германскихъ фирмъ:

„Артуръ Круппъ, Э. Ф. Шульце, товарищество Ф. Л. Мертенсъ, Максъ Эльснеръ, Робертъ Отто, Гуго Френкель, Гуго Кенигсвертеръ, Ю. Круппъ, Іоганнъ Пинкертъ, Е. Франкъ, Карлъ Леверкузъ, Блюнкъ.

Изъ подданныхъ другихъ воюющихъ державъ на ярмаркѣ нашелся только одинъ собственникъ лавки, турецкій подданный.

Губернаторъ запросилъ министерство, какъ поступить съ означеннымъ имуществомъ, потому что въ законѣ о ликвидаціи недвижимой собственности воюющихъ съ нами державъ внѣ городскихъ поселеній Нижегородская губернія не упоминается

Интересны здѣсь и фирмы, значащіяся за владѣльцами „неизвѣстнаго“ подданства. Такъ, напримѣръ, въ числѣ этихъ „неизвѣстныхъ“ значится владѣлецъ издательской фирмы Гранатъ, который въ ярмарочныхъ книгахъ именуется такъ: „Московскій купецъ изъ Лейпцига“ [1]).

Тяжелое чувство испытываешь при чтеніи приводимой ниже корреспонденціи [2]) по нѣмецкимъ колоніямъ Поволжья:

„Отъ города Вольска по Волгѣ начинается та удивительная страна, которую нельзя иначе назвать какъ „русской Германіей“... Во времена Императрицы Екатерины отданы были богатѣйшія, но тогда пустынныя мѣста нижней Волги иностраннымъ колонистамъ. Сюда и явились нѣмцы. Утвердились, обжились, разбогатѣли, но съ XVIII столѣтія до нашихъ дней сохранили свои обычаи, свой языкъ и полнѣйшую изолированность отъ русскаго населенія. По-русски говорятъ лишь немногіе и то съ акцентомъ, русскихъ школъ нѣтъ,—весь порядокъ нѣмецкій. „Фатерланъ“ да и только!

---

[1]) „Нов. Вр.“ 14 іюля с. г.

[2]) Тамъ же.

Пріѣзжаю въ село Баронскъ (Екатеринштадтъ), Самарской губерніи, Николаевскаго уѣзда, — главную нѣмецкую колонію, основанную въ 1765 году. Это одинъ изъ величайшихъ хлѣбныхъ рынковъ Волги. Сотни тысячъ пудовъ муки и зерна грузится на здѣшнихъ пристаняхъ. Почва очень плодородная, земли у колонистовъ масса... Край процвѣтаетъ, только не русскій, а нѣмецкій край!

Ступишь ногой съ парохода и испытываешь странное и, признаюсь, непріятное чувство: тотъ самый нѣмецкій языкъ, который у насъ теперь всюду изгоняется — здѣсь раздается громко и увѣренно. Всѣ, отъ грузчиковъ до катающихся въ собственныхъ экипажахъ богачей—всѣ нѣмцы.

Позовешь извозчика—не всякій изъ нихъ на васъ посмотритъ: не считаетъ себя обязаннымъ васъ понимать. Еще бы—вѣдь вы пріѣхали въ его страну!

На улицахъ зажиточные, а часто и очень богатые дома, какъ въ любомъ городѣ. Мостовыхъ нѣтъ, но устроены дощатые тротуары. Кромѣ мастеровыхъ, торговцевъ, колонистовъ-крестьянъ, — прогуливается здѣшняя интеллигенція—мужчины, женщины, дѣти, всѣ съ иголочки одѣты, видъ самый благополучный и независимый, и опять этотъ нѣмецкій говоръ съ чистѣйшимъ прусскимъ акцентомъ...

Время и мѣсто на нихъ не повліяли. Точно вчера они пріѣхали изъ Германіи въ ту самую Россію, которую издавна привыкли считать нѣмецкой вотчиной...

Во всякомъ случаѣ нѣмецкія колоніи такой вотчиной считать приходится поневолѣ. Пусть здѣшніе жители издавна числятся русскими подданными, но вокругъ, кромѣ Волги, ничего русскаго здѣсь нѣтъ.

Симпатіи къ „фатерланду" вкоренились глубоко, онѣ живутъ въ самой крови колониста. Снаружи все тихо. Полицейскимъ властямъ повинуются безпрекословно, вообще ведутъ себя очень „умно". Но... это „но" прорывается неожиданно, чисто „рефлектифно", такъ сказать.

Вотъ одинъ маленькій фактъ.

Когда стали высылать германскихъ подданныхъ, „военнообязанныхъ", въ различныя области Россіи, нѣмцы, назначенные въ Самарскую губернію, выбрали мѣстомъ жительства родственныя имъ колоніи. Колонисты со своей стороны встрѣтили прибывшихъ съ распростертыми объятіями. Охотно отводили и ремонтировали помѣщенія, въ ожиданіи „дорогихъ гостей"...

Въ Баронскѣ въ данный моментъ около 1.000 высланныхъ нѣмцевъ при населеніи въ 18—19 тысячъ; каждый день прибываютъ все новыя и новыя партіи... Но русскому попытаться теперь найти себѣ здѣсь квартиру—совершенно безполезно...

— Лучше и не ищите!—говорятъ тѣ немногіе изъ русскихъ, которые живутъ здѣсь въ силу необходимости.

— Вы услышите отвѣтъ: „Kein Platz, kein Platz!“ Но это не помѣшаетъ со всяческимъ комфортомъ расквартировать здѣсь новую партію нѣмцевъ, если она появится...

А появляются эти партіи съ каждымъ пароходомъ. И можно сказать, перефразируя русскую поговорку:

„Яблоку было негдѣ упасть, а вошли нѣмцы—стало просторно“.

Другой маленькій фактъ.

Въ Баронскѣ первоначально предполагали помѣстить плѣнныхъ австрійцевъ.Мѣстныя власти предложили населенію или отвести для нихъ казармы, или разобрать по два, по три человѣка по квартирамъ на полное содержаніе съ платой по 25 коп. за каждаго плѣннаго.

Жители Баронска предпочли взять австрійцевъ на квартиры.

Четвертакъ плата, всякій знаетъ, не высокая; нѣмцы — народъ экономный, аккуратны и вдругъ такъ охотно принимаютъ постояльцевъ. И для нихъ тоже чистили и готовили помѣщеніе... Ждали...

Однако, вскорѣ было заявлено, что вмѣсто австрійцевъ привезутъ... турокъ.

— Намъ ихъ не надо... Лучше ужъ въ казармы, а не по домамъ.

Я отнюдь не хочу говорить о какой-нибудь „измѣнѣ“ колонистовъ, о явномъ сочувствіи нашему врагу. Повторяю, съ внѣшней стороны здѣсь, въ Баронскѣ, ведутъ себя они очень „корректно“, только голосъ крови не умолкъ на протяженіи цѣлыхъ столѣтій. А этотъ голосъ, должно быть, очень силенъ, если здѣсь, въ Поволжьѣ, окруженные плотнымъ кольцомъ русскаго населенія, они сохраняютъ свою физіономію... Вѣроятно, сохраняютъ и внутреннее тяготѣніе къ германскому „фатерланду“.

Русскихъ хлѣботорговцевъ они вытѣсняютъ и не допускаютъ. Больше, чѣмъ на полверсты, тянутся нѣмецкіе амбары хлѣба: „Сабельфельдъ“, „Дизендорфъ“, „Монсъ“ — вотъ надписи на огромныхъ складахъ зерна и муки. Богатѣйшій районъ Россіи, житницы Поволжья, отданы имъ во владѣніе, и владѣнія эти

расширялись съ каждымъ годомъ, потому что скупка русскихъ земель нѣмцами шла не прекращаясь и пріостановлена только теперь благодаря войнѣ.

Новый законъ о землевладѣніи совершенно не коснулся этихъ пригрѣтыхъ на русской землѣ ядовитыхъ, нѣмецкихъ змѣй.

Удушливые газы уже давно изобрѣтены нѣмцами:

Во французскомъ журналѣ „la Nature“ отъ 10-го сентября 1910 г. мы читаемъ подъ заголовкомъ: „Бомбы, производящія удушье“, слѣдующіе:

„На заводахъ Круппа въ послѣднее время было изготовлено новое орудіе, которое должно на войнѣ произвести ужасныя дѣйствія. Это—спеціальная пушка, которая стрѣляетъ снарядами съ удушливыми газами. Неизвѣстно, для какой державы (!) предназначены эти орудія, такъ какъ снаряды съ удушливыми газами запрещены къ употребленію женевской конференціей [1]).

15 іюля. При наступленіи на гольдингенскій и туккумскій районы германскія войска состояли изъ уланскихъ полковъ, велосипедныхъ командъ и легкой артиллеріи. Во главѣ одного изъ германскихъ отрядовъ въ гольдингенско-курмаленскомъ районѣ замѣченъ фонъ-Ланградъ, бывшій управляющій имѣнія Турлау. Ланградъ несетъ обязанности развѣдчика передовыхъ германскихъ частей.

Лишенный придворнаго званія баронъ А. Штакельбергъ высланъ въ Енисейскую губернію за участіе въ сборѣ денегъ въ пользу германскихъ плѣнныхъ [2]).

Въ Везенбергскомъ уѣздѣ въ Паддаской вол. имѣется имѣніе члена Государственнаго Совѣта барона Шиллинга, у коего лѣсничимъ въ имѣніи состоитъ германскій подданный Тедерке. Послѣдній подлежалъ высылкѣ изъ края, какъ и другіе германскіе подданные, но благодаря чьимъ-то ходатайствамъ былъ оставленъ и по сіе время живетъ и даже состоитъ представителемъ интересовъ барона Шиллинга. По крайней мѣрѣ онъ являлся на зав. Ассериъ за полученіемъ какихъ-то денегъ отъ имени бар. Шиллинга, но денегъ этихъ не получилъ, такъ какъ ему было указано, что онъ не имѣетъ права, какъ германскій

---

[1]) „Бирж. Вѣд.“ 14 іюля с. г.

[2]) „Нов. Вр.“, 15 іюля с. г.

подданный, выступать и быть представителемъ русскихъ подданныхъ [1]).

16—18 іюля. Слышалъ разсказъ одного лица, отлично знающаго Болгарію, бывавшаго въ ней въ недавніе годы и слышавшаго нижеслѣдующее отъ многихъ самыхъ вліятельныхъ въ Болгаріи лицъ. По его словамъ, за немногими исключеніями, вся болгарская интеллигенція ненавидитъ Россію. Всѣ благодѣянія Россіи, освобожденіе Болгаріи совершенно забыты болгарской интеллигенціей. Россію ненавидятъ за то, что она имѣетъ задачей освобожденіе славянъ и овладѣніе проливами. Второе можно было бы уступить, а если отъ первой цѣли Россія не откажется, то она намъ врагъ навсегда, говорятъ болгары.

Начальникъ Закаспійской области доставилъ нашей слѣдственной комиссіи протоколъ опроса рядового Московскаго 65 пѣхотнаго полка Ивана А., который показалъ слѣдующее. Находясь въ бояхъ подъ Томашовомъ, Сакалемъ и Львовомъ, нашимъ войскамъ пришлось отступать отъ Л., а потому не было возможности подбирать раненыхъ. Отступать приходилось по полямъ сжатаго хлѣба. А. видѣлъ, какъ австрійцы накрывали нашихъ раненыхъ воиновъ снопами хлѣба и затѣмъ зажигали снопы [2]).

Газета „Dagens Nyheter“ публикуетъ за послѣднее время обзоръ событій недѣли, предшествовавшей объявленію войны, и доказываетъ, что въ прошломъ году всѣ мирныя предложенія тройственнаго согласія потерпѣли крушеніе, вслѣдствіе противодѣйствія Германіи. Газета подчеркиваетъ, что Германія въ „Бѣлой книгѣ“ обошла молчаніемъ новое предложеніе Грея о посредничествѣ отъ 16 іюля 1914 года, такъ же какъ и извѣстную телеграмму отъ того же числа, адресованную Государемъ Императоромъ германскому императору.

Та же газета сообщаетъ подъ заглавіемъ „Таинственная исторія“ о роли, которую сыграла газета „Local Anzeiger“ при началѣ войны.

Въ полдень 17 іюля 1914 г. оффиціозный „Local Anzeiger“ опубликовалъ въ экстренномъ выпускѣ германскій приказъ о мобилизаціи. Какъ скоро это извѣстіе, сообщенное срочными

[1]) Тамъ же.

[2]) „Нов. Вр.“, 17 іюля с. г.

телеграммами, дошло до Петрограда и Парижа, появилось разъясненіе, что сообщеніе газеты „Local Anzeiger" было опубликовано по небрежности. Газета будто бы подготовляла выпускъ на случай мобилизаціи, но по недоразумѣнію выпустила это сообщеніе преждевременно.

„Дѣло это не можетъ быть такъ легко объяснено—замѣчаетъ „Dagans Nyheter". Для того, чтобы опубликовать приказъ о мобилизаціи въ опредѣленный день, газета должна, по меньшей мѣрѣ, имѣть свѣдѣнія о томъ, на какое число падаетъ этотъ первый день призыва".

„Dagens Nyheter" заключаетъ, что приказъ о мобилизаціи былъ дѣйствительно отданъ 17 іюля 1914 г., хотя это извѣстіе впослѣдствіи и опровергнуто.

Странно, какъ могъ появиться этотъ выпускъ газеты. Оправданіе небрежностью не выдерживаетъ критики. Только очень сильная рука могла содѣйствовать безнаказанному совершенію такой нескромности. Нѣтъ сомнѣнія, что продѣлка газеты „Local Anzeiger" совершена по наущенію вліятельной партіи, которая во что бы то ни стало стремилась вызвать войну и своей выходкой рѣшила отрѣзать всякую возможность къ отступленію.

„Дѣйствительно, заключаетъ „Degans Nyheter", впечатлѣніе этого извѣстія на страны, уже находившіяся въ весьма напряженномъ состояніи, должно было подтвердить ихъ убѣжденіе въ томъ, что Германія желаетъ войны. Извѣстіе о томъ, что Германія уже рѣшила произвести мобилизацію, и опасеніе того, что она каждую минуту приведетъ это рѣшеніе въ исполненіе, подѣйствовало, какъ электрическій разрядъ" [1]).

Событія великой войны между нашей и австро-германской арміей въ періодъ времени съ 1-го по 19-го іюля происходили на 1.500 верстъ по дугѣ, простиравшейся отъ р. Прута и почти до Рижскаго залива. Милліоны непріятельскихъ и нашихъ войскъ сражались на этой громадной линіи неравномѣрно, а главные бои шли за обладаніе Польшей на правомъ берегу р. Вислы. Наступленіе непріятеля началось съ начала мѣсяца на обоихъ флангахъ; болѣе слабое на правомъ между Днѣстромъ и Прутомъ, и энергичное на лѣвомъ въ Прибалтійскомъ и Шавельскомъ раіонахъ. Въ первомъ раіонѣ германцы полѣзли отъ Либавы, черезъ Газенпотъ къ Гольдингену на сѣверъ. Черезъ нѣсколько дней въ этомъ раіонѣ, послѣ встрѣчныхъ боевъ пріостано-

[1]) „Нов. Вр." 18 іюля с. г.

вились и повернулись на востокъ отъ Шавлей и Россіенъ къ Поневѣжу, гдѣ и были нами остановлены къ исходу указаннаго выше періода времени. Части германскихъ войскъ достигли до передовыхъ укрѣпленій Ковны; былъ также сдѣланъ выпадъ къ востоку отъ Сувалокъ; выпадъ не удавшійся, имѣвшій явно демонстративный характеръ. Тѣмъ временемъ на главномъ центральномъ театрѣ приводился въ исполненіе давно задуманный нѣмецкимъ кайзеромъ планъ. Объ этомъ планѣ не преминулъ въ началѣ іюля германскій кайзеръ оповѣстить всѣхъ. Этотъ планъ, по словамъ Вильгельма, долженъ былъ удивить весь міръ. По военнымъ дѣйствіямъ, происшедшимъ на центральномъ театрѣ за разсматриваемое время, можно съ достовѣрностью предположить, что господинъ кайзеръ предполагалъ русской арміи устроить въ центральной Польшѣ новый Седанъ. И для сего нѣмецкимъ арміямъ былъ преподанъ слѣдующій рецептъ окруженія русскихъ армій. Сравнительно слабѣйшій нѣмецкій центръ, наступавшій на лѣвомъ берегу Вислы по направленію къ Новогеоргіевску, Варшавѣ и Ивангороду, долженъ былъ продвигаться осторожно. Въ это время слѣва и справа изготовлялись клещи, которыя должны были защелкнуть русскія арміи въ центральной Польшѣ.

Девять желѣзнодорожныхъ линій изъ вост. Пруссіи, изготовленныхъ еще въ мирное время къ при-Наревскому фронту, привезли сюда значительныя германскія силы и оттѣснили, послѣ упорныхъ боевъ, наши войска на лѣвый берегъ Нарева, начали ломиться главными силами черезъ Наревъ у Рожанки, между Пултускомъ и Остроленкой. Это была лѣвая клешня, которая должна отхватить Варшавскую дорогу и войти въ тылъ праваго фланга нашего Варшавскаго фронта. Армія Макензена изъ Галиціи наступала между правымъ берегомъ Вислы и лѣвымъ берегомъ Буга на Люблинъ и Холмъ и далѣе на Брестъ-Литовскъ. Это была правая клешня, которая должна была войти въ тылъ лѣваго фланга нашего Варшавскаго фронта. Обѣ клешни должны были въ воображеніи кайзера соединиться и приготовить россійскимъ арміямъ новый Седанъ. Во время этого наступленія генералъ Макензенъ примѣнялъ свои излюбленныя средства: ураганный огонь и массовое построеніе войскъ въ образѣ фаланги. Но всѣ эти ухищренія разбивались о доблесть нашихъ войскъ, несмотря на недостатокъ патроновъ, вооруженія и снарядовъ, встрѣчавшихъ вражеское наступленіе энергичными контръ-атаками. Горы германскихъ и австрійскихъ труповъ покрывали поля сраженій, потери противника были колоссальны.

Австро-германскія волны докатились къ 19 іюля до передовыхъ укрѣпленій Новогеоргіевска, Варшавы, Ивангорода и не дошли до Люблина и Холма. Не мало искусства показали и русскіе военноначальники, изъ коихъ въ особенности выдвинулись два орла, о которыхъ скажемъ впослѣдствіи въ свое время.

---

19 іюля. Главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства собрало свѣдѣнія о занятіяхъ чрезвычайныхъ земскихъ собраній, происходившихъ въ теченіе нынѣшняго лѣта.

Среди прочихъ вопросовъ, обсуждавшихся на этихъ собраніяхъ, много вниманія удѣлено земцами борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ. Такъ Харьковское губернское земство постановило возбудить ходатайство о секвестрѣ всѣхъ нѣмецкихъ земель и предпріятій въ губерніи, доходящихъ по цѣнности до 100 милліоновъ рублей; объ образованіи земельнаго фонда для раздачи отчужденной земли воинамъ и о ссудахъ для крестьянъ. Екатеринославское уѣздное земство ходатайствуетъ о скупкѣ крестьянскимъ банкомъ земель для передачи крестьянамъ. Курское губернское земство проситъ лишить права владѣть землею всѣхъ нѣмцевъ, которые не владѣли ею до 1870 года или состояли германскими подданными, а также права управлять сельско-хозяйственными экономіями и фабрично-заводскими предпріятіями лицъ, принявшихъ русское подданство послѣ 1870 г. Ставропольское уѣздное земство высказалось за необходимость воспрещенія иностраннымъ подданнымъ, а также лицамъ, состоящимъ въ двойномъ или фиктивномъ подданствѣ, пріобрѣтать повсемѣстно въ имперіи недвижимое имущество. Пензенское земство считаетъ полезнымъ лишить непріятельскихъ подданныхъ не только правъ на владѣніе недвижимостью, но и правъ аренды. Въ этомъ же смыслѣ приняты постановленія и Борисоглѣбскимъ уѣзднымъ и Тамбовскимъ губернскими земскими собраніями. Смоленское губернское земство возбудило ходатайство объ установленіи въ возможно непродолжительномъ времени дополнительныхъ мѣръ къ ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія [1]).

Мобилизація промышленности для нуждъ нашей государственной обороны начинаетъ осуществляться. Намъ кажется, что первоначально надо осуществить правильное оборудованіе заво-

---

1) „Веч. Вр." 19 іюля с. г.

довъ, при чемъ на заказъ станковъ внѣ Россіи пройдетъ много времени. Надо поставить даже снабженіе такъ, что часть заводовъ должна приготовлять соотвѣтствующій матеріалъ для выдѣлки станковъ и снарядовъ, другая часть заводовъ изготовлять самые станки, и остальная часть дѣлать снаряды. Заводы морского вѣдомства оказываютъ самую существенную помощь сухопутному. При этихъ условіяхъ все дѣло снабженія пойдетъ вполнѣ успѣшно.

Слышалъ разсказы объ обмѣнѣ увѣчныхъ плѣнныхъ между нами и германцами и о командированіи сестеръ милосердія Краснаго Креста нашихъ въ Германію и германскихъ къ намъ для осмотра содержанія военноплѣнныхъ. Оба эти предположенія надлежитъ назвать вовлеченіемъ Россіи въ невыгодную для нея сдѣлку и вотъ по какимъ причинамъ. Сравнительно дивныя условія, въ которыхъ находятся германскіе плѣнные, съ съ тѣмъ ужаснымъ голоданіемъ нашихъ плѣнныхъ и варварскимъ обращеніемъ съ ними, не даютъ никакихъ данныхъ посылать въ Россію германскихъ шпіоновъ. Теперь ужъ нѣтъ нигдѣ сомнѣнія, что никакое германское торговое предпріятіе и никакое посольство немыслимо безъ шпіонскихъ цѣлей. Нѣмцы привезутъ въ Россію деньги и корреспонденціи кому надо и организуютъ среди плѣнныхъ установленія тѣхъ шпіонскихъ свѣдѣній, которыя необходимы германскому генеральному штабу. Гуманитарная цѣль тутъ ни при чемъ.

Обмѣнъ безногихъ и безрукихъ и прочихъ калѣкъ плѣнныхъ идетъ тоже въ особую пользу Германіи;

то всякому калѣкѣ, при надвигающемся недостаткѣ людского запаса въ Германіи они найдутъ дѣло и вмѣсто нихъ пошлютъ на фронтъ людей. Если что надо было намъ сдѣлать относительно улучшенія быта нашихъ плѣнныхъ, то надо поступать, какъ французы. Черезъ испанскаго посла заявить Германіи, что у насъ нѣмцевъ будутъ такъ же кормить, какъ нашихъ плѣнныхъ, и установить плѣннымъ германцамъ суровый режимъ.

Сегодня, 19 іюля, въ первую годовщину русско-нѣмецкой войны присутствовалъ на третьемъ историческомъ засѣданіи Государственной Думы. Сначала въ Екатерининскомъ залѣ собрались всѣ члены Государственной Думы, часть членовъ Государственнаго Совѣта и весь кабинетъ министровъ. Молебствіе началось съ запозданіемъ, въ виду нездоровья предсѣдателя Государственной Думы М. В. Родзянко, съ большими усиліями простоявшаго молебенъ и проведшаго все засѣданіе. Молебенъ прошелъ такъ же, какъ и прежніе два, но только съ нѣкоторыми особенностями. На этомъ молебнѣ очень многіе члены Государственной Думы громко подпѣвали „Спаси, Господи, люди твоя", дававшимъ тонъ богослуженію; многолѣтіе было возглашено всѣмъ нашимъ союзникамъ; съ общимъ повышеннымъ настроеніемъ какъ-то не вязалась фигура депутата Родичева, державшаго большую часть молебна обѣ руки въ карманахъ.

Самое засѣданіе Государственной Думы было открыто въ 1 ч. 9 м. дня и по своему характеру прошло, такъ же точно, какъ и два предшествовавшіяся историческія засѣданія прошлаго года и начала нынѣшняго года. Общій смыслъ всѣхъ рѣчей заключался въ томъ, что войну надо вести во что бы то ни стало до побѣдоноснаго конца и въ полномъ единеніи всей Россіи. Съ наибольшимъ подъемомъ и патріотизмомъ были произнесены рѣчи предсѣдателя Думы, гр. Бобринскаго, военнаго министра и министра иностранныхъ дѣлъ. Эти рѣчи Дума прерывала рукоплесканіями, а равно и выходъ на думскую трибуну указанныхъ выше министровъ, при чемъ министръ иностранныхъ дѣлъ выяснилъ, что миръ можетъ быть заключенъ, въ полномъ единеніи съ нашими союзниками до окончательнаго одолѣнія врага и что наши фактически союзныя отношенія съ Японіей должны явиться преддверіемъ еще болѣе тѣснаго единенія.

Во время этихъ рѣчей наша армія и флотъ, находившіеся въ числѣ присутствующихъ генералъ-адъютантъ Рузскій, а также и офицеры дѣйствующей арміи и флота, а равно и послы союзныхъ державъ были привѣтствованы бурными рукоплесканіями Государственной Думы.

Предсѣдатель совѣта министровъ въ своей рѣчи указалъ, что правительство призываетъ общественныя силы къ общей дружной съ нимъ работѣ во славу и счастье Россіи, что въ Россіи не должно быть никакихъ партій кромѣ партіи войны до конца и никакой программы кромѣ одной побѣдить, и что

вопросы внутренней жизни надлежитъ разсматривать послѣ войны.

Послѣ рѣчей министровъ произошелъ комическій эпизодъ съ членомъ Государственной Думы Чхеидзе, который заявилъ предсѣдателю, что имъ, предсѣдателемъ, въ порядкѣ вопросовъ засѣданія нарушенъ Наказъ. По разъясненію М. В. Родзянко оказалось, что самъ Чхеидзе участвовалъ въ обсужденіи порядка вопросовъ засѣданія настоящаго дня и его утвердилъ.

Въ то самое время, когда почти всѣ партіи Государственной Думы объединились „для того, чтобы бороться до конца и ничего не щадить для достиженія окончательной побѣды"; въ то время, когда часть Россіи ужъ занята австро-германскими войсками, члены крайней лѣвой партіи Керенскій и Чхеидзе, развивая свои постоянныя теоріи о внутреннемъ положеніи страны, позволяли себѣ произнести въ Государственной Думѣ слово „миръ". Они настаивали, чтобы демократіи было неотложно предоставлено право свободно обсуждать условія возможнаго мира, соотвѣтствующія идеаламъ демократіи, и чтобы осуществился „миръ, миръ безъ аннексіи и миръ почетный, миръ безъ всякихъ завоеваній". Такимъ образомъ эти два господина считали возможнымъ сказать слово миръ въ настоящее время и о борьбѣ до побѣдоноснаго конца не обмолвились ни единымъ словомъ.

20—22 іюля. Въ числѣ другихъ рѣчей при открытіи сессіи Государственнаго Совѣта отъ Курляндской губ. г. Пиларъ-фонъ-Пильхау, по словамъ „Новаго Времени" [1]), произнесъ слѣдующую рѣчь:

Годъ тому назадъ я съ этой трибуны сказалъ вамъ, что всѣ наши мысли, всѣ наши чувства и наилучшія наши пожеланія относятся къ доблестной нашей арміи и Вѣнценосному ея Вождю. Этими словами я начерталъ настроеніе всѣхъ слоевъ населенія нашего Прибалтійскаго края.

Далѣе ораторъ жалуется на отвѣтъ, который послѣдовалъ на эти слова со стороны печати, нѣкоторые безсовѣстные, по словамъ г. Пиларъ-фонъ-Пильхау, органы которой открыли травлю нѣмцевъ Прибалтійскаго края. Онъ заявляетъ, что представители этого края съ презрѣніемъ относятся къ этимъ органамъ печати, предоставляетъ имъ славу устроенія почвы для позорнаго московскаго погрома и выражаетъ сожалѣніе по поводу того, что и власти относятся съ недовѣріемъ къ прибалтій-

[1]) „Нов. Вр.", 20 іюля с. г.

скимъ нѣмцамъ. Въ заключенiе ораторъ заявляетъ, что для нѣмцевъ Прибалтiйскаго края святы завѣты предковъ, вѣрно служившихъ Россiи, и что они и впредь будутъ дѣйствовать по своей совѣсти.

Членъ Государственной Думы Я. Ю. Гольдманъ, въ засѣданiи Государственной Думы 20 iюля, отвѣтилъ на это слѣдующими словами:

„И если вчера еще въ Государственномъ Совѣтѣ представитель прибалтiйскихъ нѣмцевъ бар. Пиларъ-фонъ-Пильхау бросилъ русской прессѣ упрекъ въ томъ, что она, будто бы, въ послѣднее время неправильно освѣщала положенiе дѣлъ въ Прибалтiйскомъ краѣ и отношенiе нѣкоторой части мѣстнаго населенiя къ текущимъ событiямъ, то я долженъ сказать, что не только присоединяюсь къ сѣтованiямъ барона на русскую прессу, но прямо говорю, что она допустила не одну, а цѣлыхъ двѣ непростительныхъ ошибки: во-первыхъ, она слишкомъ поздно заговорила о прибалтiйскихъ дѣлахъ, а, во-вторыхъ, она не освѣтила ихъ въ надлежащей исчерпывающей полнотѣ. Послѣднее, я думаю, гг., случилось не столько по винѣ самой прессы, сколько вытекало изъ, такъ называемыхъ, независящихъ отъ прессы обстоятельствъ. Дабы не оказаться, подобно бар. Пиларъ-фонъ-Пильхау, голословнымъ въ этомъ вопросѣ, я рекомендую ему прочесть не ту или другую русскую газету, а оффицiальный документъ въ видѣ доклада штаба Главнокомандующаго армiями сѣверо-западнаго фронта по поводу организацiи латышскихъ дружинъ. Вотъ подлинныя слова этого документа: „Театръ Курляндiи наводненъ русскими нѣмцами-колонистами, почти исключительно предателями, служащими отличными проводниками для германскихъ войскъ. Кромѣ того, въ германскихъ войскахъ имѣются уже готовые проводники, призванные изъ запаса на германскую службу нѣмцы, ранѣе служившiе въ краѣ у нашихъ бароновъ егерями, лѣсничими и управляющими“. (Голоса: вѣрно). Что же касается заявленiя бар. Пиларъ-фонъ-Пильхау относительно любви къ Россiи со стороны прибалтiйскихъ нѣмцевъ, то эту часть рѣчи барона я обхожу молчанiемъ, такъ какъ считаю ее разсчитанной лишь на наивныхъ людей въ Россiи, каковыхъ теперь, послѣ всего пережитаго, я думаю, найдется немного. Прибавлю только, что о любви въ свое время довольно часто приходилось слышать и отъ берлинскихъ нѣмцевъ, которые никогда не заявляли себя врагами Россiи вплоть до того момента, когда эта любовь заговорила языкомъ пушекъ“.

Интересно бы знать, какіе завѣты предковъ, вѣрно служившихъ Россіи, по словамъ Пиларъ-фонъ-Пильхау, святы для нѣмцевъ Прибалтійскаго края. Вѣроятно, онъ разумѣлъ одинаковую политическую обстановку, когда въ 1812 году въ Курляндію въ составѣ арміи Наполеона вступали прусскія войска Іорка и когда нѣмцы Прибалтійскаго края самымъ обстоятельнымъ образомъ измѣняли Россіи. Хороши завѣты.

Въ засѣданіи Государственной Думы баронъ Фелькерзамъ сказалъ въ отвѣтъ на слова г. Гольдмана: „вообще вся наша молодежь состоитъ въ рядахъ доблестной русской арміи“ [1]).

Казалось бы намъ, въ интересахъ исторической справедливости было бы необходимо упомянуть, что часть этой молодежи состоитъ въ рядахъ германской арміи.

Мы не касаемся самаго Прибалтійскаго края, онъ уже давно завоеванъ прибалтійскими баронами, получившими въ этой странѣ такія привилегіи, о которыхъ и не снилось русскимъ дворянамъ, а въ своихъ ландтагахъ такихъ правъ, которыхъ не имѣетъ наша Государственная Дума.

„Среди многочисленныхъ, исключительныхъ по своему значенію привилегій прибалтійскихъ бароновъ, во главѣ которыхъ стоятъ такія, какъ право охоты, право рыбной ловли и право пропинаціи, есть еще много, несравненно болѣе курьезныхъ преимуществъ нѣмецкаго дворянства, которыя по своему характеру представляютъ для текущаго вѣка нѣчто глубокосредневѣковое. Существуетъ, напримѣръ, „право“, которое освобождаетъ отъ юридической отвѣтственности барона въ случаѣ, если онъ обезчеститъ крестьянскую дѣвушку, обязываясь лишь уплатить за это извѣстный штрафъ на ея приданое.

Въ средніе вѣка, когда у тевтоновъ наблюдалось сплошь и рядомъ подобное явленіе, можно было найти кое-какое для нихъ оправданіе: грубость, некультурность нравовъ были вообще присущи тому времени. Тогда эта „юридическая непогрѣшимость“ барона не казалась нелѣпой. Не благодаря ли этой пережившей средневѣковую эпоху „непогрѣшимости“ братья нашихъ прибалтійскихъ рыцарей нынѣ совершаютъ рядъ насилій надъ женщинами въ Бельгіи и Франціи? Въ данный моментъ

---

[1]) „Нов. Вр.“, 21 іюля сего года.

для нихъ особенное раздолье, покамѣстъ не нужно платить даже штрафа.

Не менѣе нелѣпо другое нѣмецкое право—„право на видъ". Оно заключается въ томъ, что баронъ можетъ запретить возводить постройки на крестьянскихъ земляхъ, если онѣ будутъ „мѣшать" ему любоваться видомъ окружающей природы.

Навязывается на мысль другое предположеніе: не представляетъ ли „право на видъ" болѣе „глубокій" смыслъ?.. Вѣдь съ глубокимъ „эстетическимъ" обзоромъ „голубыхъ" далей является поле для другихъ наблюденій. Всѣ нѣмцы большіе тактики и стратеги, они знаютъ, что во время войны очень удобно имѣть замки-редуты съ тактическимъ обзоромъ. На ровной расчищенной мѣстности—прекрасные колонные пути и свобода маневрированія. Нынѣ свое назначеніе „тактическихъ базъ" нѣмецкіе замки выполняютъ довольно блестяще".

Нашествіе германцевъ на Курляндію всколыхнуло нашъ давнишній недугъ, для излѣченія отъ котораго еще въ 1812 году Ермоловъ просилъ произвести его въ нѣмцы. Много ли измѣнилось теперь, черезъ столѣтіе послѣ Ермоловскихъ словъ. Посмотрите на наши высшія учрежденія, выдающіеся посты по административнымъ и промышленнымъ отдѣламъ—всѣ они переполнены балтійскими дворянами, крѣпко держащимися и цѣпляющимися одинъ за другого. Недавно во „Всемъ Петербургѣ" я взялъ балтійскую фамилію одного фона и барона и былъ пораженъ обиліемъ высшихъ должностей, выпавшихъ на эту извѣстную фамилію. Если бы редакторъ „Вечерняго Времени" удосужился подсчитать камеръ-юнкеровъ, камергеровъ и шталмейстеровъ изъ прибалтійскихъ дворянъ, то навѣрное онъ подошелъ бы къ изумительному выводу. Съ началомъ войны открылась повсюду масса вліятельныхъ мѣстъ и къ нимъ потянулись цѣпкія балтійскія руки и для тѣхъ мѣстъ, гдѣ было невозможно устроить русскихъ, сажали балтійцевъ.

Дѣянія прибалтійцевъ въ текущую войну уже достаточно оттѣнены въ нашихъ замѣткахъ, при чемъ намъ приходятъ на мысль слѣдующія соображенія: въ тѣхъ вырѣзкахъ изъ газетъ, которыя намъ приходилось приводить въ подлинникѣ, нѣкоторыя фамиліи прибалтійцевъ, свершавшихъ, далеко не лояльные, поступки, разрѣшалось ставить одну только заглавную букву фамиліи, и предержащіе приравнивали этихъ господъ въ настоящее боевое время къ фамиліямъ нашихъ славныхъ боевыхъ дѣятелей. Но

что въ особенности поражаетъ насъ въ этой войнѣ,—это-то что въ то самое время, когда почти все населеніе польское, литовское, латышское, эстонское и еврейское бѣжитъ повально изъ тѣхъ мѣстъ, которыя занимаются германцами, одни только лояльные прибалтійскіе дворяне своихъ имѣній не покидаютъ и даже, какъ мы слышали, въ тѣ же мѣста изъ Россіи выѣзжаютъ гг. прибалтійцы.

23—24 іюля. Очень интересна нижеприводимая бесѣда сотрудника „Русскаго Слова" съ нѣмцемъ [1]) о современномъ политическомъ и военномъ міровоззрѣніи германцевъ:

Бесѣда велась па нейтральной территоріи. Собесѣдникомъ былъ обрусѣвшій нѣмецъ.

— Я не понимаю вашего правительства, вашихъ правящихъ сферъ. Масса тупа. Масса думаетъ такъ, какъ ей вдолбили. Но, вѣдь, есть же и у васъ люди глубокаго мышленія, далекаго предвидѣнія... О чемъ они думаютъ, чего хотятъ? Разгромить, покорить Россію, какъ въ оны времена насъ разгромила татарская орда? Неужто въ Германіи допускаютъ эту возможность?

— О, нѣтъ,—живо отвѣтилъ нѣмецъ.—Этой возможности въ Германіи не допускаютъ. И этого тамъ вовсе не хотятъ.

— Чего же вы хотите?

— Добраго мира съ вами. И... свободы дѣйствій по отношенію къ другимъ.

— Вы хотите принудить насъ къ миру?

— Если иначе нельзя.

— Какъ же это вамъ удастся? Чтобы принудить Россію, недостаточно захватить Ригу, Варшаву и даже Москву... Вы это знаете?

— Знаемъ.

— И, однако, географіей надѣетесь подмѣнить исторію. Ваши территоріальные успѣхи могутъ ослѣплять невѣждъ Бухареста и Стокгольма. Въ Россіи къ нимъ равнодушны. За 10 лѣтъ до этой войны наши выдающіеся стратеги рѣшили очистить Царство Польское и Остзейскій край. Для уравненія нашихъ шансовъ въ борьбѣ, въ которой технически и стратегически вы всегда были и будете болѣе готовы, чѣмъ мы, намъ необходимо сократить наши коммуникаціонныя линіи и удлинить ваши. Воинская пружина Германіи даже внѣ милитаризма болѣе эластична, чѣмъ наша. Чтобы одолѣть ваши технику и дисциплину,

---

[1]) „Русск. Слово", 23 іюля № 169.

Россіи надо собраться, сжаться. Наше отступленіе—отступленіе подбирающаго подъ себя лапы, готовящагося къ прыжку звѣря.

— Мы это знаемъ.

— Знаете и прете?

Мучительное раздумье отразилось въ чертахъ нѣмца. Самоувѣренности какъ не бывало.

— Колоссальный грузъ нашего воинскаго могущества движется, прежде всего, по инерціи: остановите разбѣжавшуюся четырехмилліонную армію... Но ее и не пытаются остановить. Напротивъ, успѣхи окончательно разожгли аппетиты нашихъ шовинистовъ. То, что было возможно еще мѣсяцъ назадъ, теперь немыслимо. Велика у насъ власть кайзера, и огромно его обаяніе. Но даже онъ не могъ бы теперь справиться съ нашимъ юнкерствомъ. А юнкерствомъ просочены всѣ наши классы, не исключая и соціалистовъ...

— На что же разсчитываютъ ваши юнкеры?

— Деморализовать вашу армію...

— Для этого нужно генеральное сраженіе, отъ котораго мы вѣдь, можемъ и уклониться.

— Когда мы васъ окружимъ, отрѣжемъ отъ базъ.

— Вы расчитываете на нашу спячку?

— На ваши нерѣшительность и на упорство въ отстаиваніи территоріи. Когда защищаешь дорогой клочокъ земли, часто забываешь о необозримыхъ пространствахъ. Словомъ, возлѣ Гинденбурга вѣрятъ, что васъ удастся поймать въ ловушку. А Гинденбургъ—нашъ богъ. Такого стратега еще не бывало съ основанія міра. Наполеонъ до него и не умылся.

— На войнѣ допустимы ошибки. Но по ошибкѣ нельзя всадить въ мѣшокъ многомилліоную армію, оперирующую на тысячеверстномъ фронтѣ. Извините, но ваши надежды относятся къ такъ-называемымъ бредовымъ явленіямъ. Вы бредите русскимъ Седаномъ. Такъ развратникъ, которому посчастливилось совершить безнаказанно одну гнусность, бредитъ всю жизнь свою связать изъ такихъ гнусностей. Россія настоящей эпохи—не Франція 70-го года. Но даже тогдашняя Франція приговорила Базена къ смерти... Кромѣ того, разгромъ арміи не означаетъ еще разгрома Россіи. Мы соберемъ вторую, третью, десятую арміи...

Нѣмецъ тяжело дышалъ.

— Вслѣдъ за Седаномъ у васъ должна начаться революція. Въ этомъ—наша вторая надежда. Вѣрнѣе, первая и единственная. Весь расчетъ войны составленъ на ней. Мы знаемъ, что

она сама себя уже не разъ громила и еще можетъ громить. Словомъ, принудить васъ къ миру мы разсчитываемъ черезъ революцію...

Самообладаніе покидало и меня.

— Вотъ онъ бредъ помѣшанныхъ! Да гдѣ же ваши глаза, уши? Да неужели и впрямь Германія стала сплошнымъ бедламомъ? Вы же видѣли, видите и увидите еще! Если вашъ дерзкій вызовъ усмирилъ бунтъ нашихъ фабричныхъ рабочихъ, если ваши звѣрства, мѣднолобость и нахрапъ бросили Милюкова въ объятіи Пуришкевича, если ваши теперешніе „успѣхи" переродили въ нѣсколько мѣсяцевъ земледѣльческую страну въ промышленную,—что же логически должно послѣдовать за русскимъ Седаномъ? Прежде чѣмъ разыграется русская революція, вы истомитесь вашимъ бредомъ...

Удивительныя данныя сообщаетъ „Новое Время" [1]) о нѣмецкихъ посредническихъ учрежденіяхъ на сѣверѣ:

22 декабря 1914 года становой приставъ Яренскаго уѣзда Рыжковъ произвелъ обыскъ Сереговской соляной конторы Бѣляевской-Гурылева, при чемъ были найдены денежные переводы на имя конторы, адресованные германскимъ подданнымъ, высланнымъ на сѣверъ. Кромѣ переводовъ обнаружена массовая переписка: до 300 писемъ, адресованныхъ на имя конторы для передачи германскимъ подданнымъ.

Получила ли контора оффиціально разрѣшеніе на открытіе подобнаго бюро?

Приставъ Рыжковъ вполнѣ законно арестовалъ управляющаго конторой завода Осетрова и отправилъ въ село Усть-Вымъ, гдѣ въ то время находился исправникъ Булатовъ, поручившій дѣло Осетрова своему помощнику Власьеву, который на второй же день освободилъ Осетрова...

По закону, если приставъ Рыжковъ неправильно арестовалъ Осетрова, то ему грозила высшая мѣра наказанія до каторжныхъ работъ включительно.

Правда, за вполнѣ закономѣрную дѣятельность Рыжковъ чуть-чуть не слетѣлъ; но суду его не предали, одновременно Осетровъ остался на своемъ мѣстѣ... вывѣсивъ лишь на дверяхъ конторы объявленіе: „Нѣмцамъ входъ воспрещается".

[1]) „Нов. Вр.", 23 іюля с. г.

Значитъ, признано, что Осетрова посредничество вполнѣ законно и арестъ Рыжковымъ Осетрова тоже... Словомъ, никто не пострадалъ...

Если бы, однако, не открытіе, сдѣланное г. Рыжковымъ при обыскѣ конторы, осталось бы мѣсто разнымъ догадкамъ.

Но г. Рыжковъ помимо нѣмецкой корреспонденціи открылъ въ конторѣ векселя: исправника Ванѣева на 700 р., помощника Власьева на 500 р., земск. нач. Попова на 600 р., пристава Суворова, получившаго повышеніе въ Кадниковскій уѣздъ—на 450 р., пристава Ецова на 250 р...

Вѣроятно, о дѣлѣ было доведено и до свѣдѣнія главноначальствующаго Вологодской губ.; но послѣдній въ настоящее время уѣхалъ на старый, запущенный Екатерининскій каналъ...

А письма германскихъ подданныхъ, арестованныхъ въ Сереговской соляной конторѣ, выданы по назначенію... Значитъ, бѣды и не могло быть.

Изъ этого слѣдуетъ, что ничего предосудительнаго въ операціяхъ Осетрова не найдено.

Да стоитъ ли безпокоиться? Контора, открывшая нѣмецкія посредническія операціи, находится вдали и въ глуши.

Вѣдь громъ еще не грянулъ...

Лишь усиливается экспортъ пшеницы сибирской и лѣса...

Мѣстныя прибалтійскія газеты сообщаютъ, что на о. Эзелѣ арестованы и отправлены въ Петроградъ: казенный лѣсничій о. Эзеля и прилегающихъ острововъ Рижскаго залива ст. сов. Е. фонъ-Варденбургъ, глава лютеранской церкви на о. Эзелѣ пробстъ Г. Вальтеръ, управляющій имѣніями члена Г. Совѣта О. фонъ-Экеспарре, сынъ его Х. О. фонъ-Экеспарре, владѣлецъ имѣнія Казель на о. Эзелѣ Г. фонъ-Шмидтъ, пасторы Эрнъ и Мэри. На о. Moонѣ арестованы содержатели конной почты Вестбергъ и Вернгофъ.

Нѣкоторые изъ перечисленныхъ лицъ въ свое время были предназначены къ высылкѣ въ Енисейскую губ., но въ послѣдній моментъ высылка ихъ была отмѣнена [1]).

Въ Государственной Думѣ идутъ самыя энергичныя работы и совѣщанія по объединенію мѣропріятій по оборонѣ государства.

---

[1]) Тамъ же.

Курляндскіе помѣщики безстрашно пренебрегаютъ распоряженіями власти, которыя въ данный моментъ носятъ строго обязательный характеръ, а именно: объ уничтоженіи всѣхъ посѣвовъ въ виду приближенія врага. Курляндскіе же помѣщики избиваютъ работниковъ, если они, согласно приказанію свыше, приступаютъ къ косьбѣ несозрѣвшаго урожая. И за это гг. помѣщики никакой отвѣтственности не несутъ, такъ что могутъ и впредь энергично продолжать свое нѣмецкое дѣло.

Если до сихъ поръ съ этой вакханаліей мы не могли справиться, то теперь, въ виду могучаго патріотическаго подъема, охватившаго Русь, съ ней мириться было бы постыдно и преступно. Какъ бы ни работали мы въ области снабженія арміи снарядами и орудіями, „внутренній нѣмецъ“ дастъ себя знать и сумѣетъ тормозить, а можетъ быть, и парализовать нашу энергію. Мы знаемъ, что онъ не пренебрегаетъ никакими средствами для достиженія успѣха. Можно ли предоставлять ему возможность—проявлять свою преданность Вильгельму и ненависть къ Россіи [1].

Вотъ при какихъ условіяхъ дрались наши войска въ іюлѣ въ при-Наревскомъ фронтѣ, по описаніямъ г. Немировича-Данченко [2].

„Гигантскій бой ненависти и отчаянія, жадности и хищничества, напоръ на все, что свято и дорого человѣчеству, сейчасъ бьется наиболѣе лихорадочными пульсами своими у Нарева и за Люблиномъ. Нѣмцы остаются вѣрными своему плану, не удавшемуся уже два раза. Они пробуютъ его въ третій: захватить съ двухъ сторонъ въ клещи Варшаву, подтянуться къ ней, проглотить и затѣмъ нѣкоторое время переваривать ее на Вислѣ. Однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ этаповъ этого наступленія былъ бой въ ночь на третье іюля, когда наши въ сущности небольшія силы нанесли такой уронъ нѣмцамъ, что, по ихъ собственнымъ показаніямъ: „Такія битвы намъ (т.-е. германцамъ) не по карману,—за нихъ приходится платить слишкомъ дорого, а взамѣнъ не получать ничего“. Вы уже знаете, что нѣмцы отъ Млавы продвинулись къ Цѣханову и Праснышу; громадными силами отбросили насъ отсюда, похоронивъ здѣсь массы лучшихъ своихъ бойцовъ. Передъ ними былъ Оржицъ. У этой рѣки они прорвались на Подосье, гдѣ стояли одинъ нашъ полкъ и въ сторонѣ, налѣво, двѣ роты въ опорномъ

---

[1] Тамъ же.

[2] „Русск. Слово“ 24 іюля с. г.

пунктѣ. Движенію противника содѣйствовало все. Ночь была темна. Наши устали,—вѣдь, они сколько времени не выходили изъ боя! Сорокъ второй, сорокъ третій линейные полки и четвертый ландверный бросились въ прорывъ на нашихъ богатырей. Нѣмцы шли съ энергіей и стремительностью мстительнаго отчаянія. Они должны побѣдить во что бы то ни стало. Говорятъ, кайзеръ молилъ ихъ лично не жалѣть себя, купить смертью побѣду своему отечеству. Они повторяли атаку за атакой, разбивавшіеся валы ихъ вырастали снова и еще неистовѣе стремились—четыре противъ одного на нашихъ. Въ этомъ казавшемся неодолимымъ натискѣ половина сорокъ второго полка перекинулась за Оржицъ и живо окопались здѣсь, окруживъ наши двѣ роты въ опорномъ пунктѣ. Этимъ пришлось драться при такомъ неравенствѣ силъ, о которомъ до сихъ поръ повѣствуютъ только полусказочныя легенды богатырскаго эпоса. Положеніе нашего полка было безнадежно, но, къ счастью, истинные герои безнадежности не вѣрятъ и поворачиваются лицомъ къ смерти, не отступая отъ нея. Въ рукахъ у непріятеля уже было три нашихъ орудія. Сибиряки бросились въ контръ-атаку,—поддержать туркестанцевъ. Встрѣча уже торжествовавшаго побѣду врага съ нашими была неописуема. Никогда еще вдохновенный героизмъ солдата не возносился до такой высоты... Въ нѣсколько минутъ стремительнаго штыкового боя все поле передъ Оржицемъ было усѣяно трупами сраженныхъ противниковъ. Тѣхъ, кто уцѣлѣлъ въ этой встрѣчѣ, наши, не останавливаясь ни на мгновеніе, погнали и утопили въ рѣкѣ. На ту сторону, къ Подосью, не удалось никому изъ нихъ переправиться. Помутнѣвшія струи, шипя, перекидывались черезъ неподвижныя тѣла, другія относило теченіемъ...

Подосье было занято нѣмцами.

Они собирались увозить три нашихъ орудія; но не успѣли и тронуться,—на улицахъ деревни оказались наши сибиряки. Не давая врагу опомниться, только-что переправившись черезъ вспухшій отъ дождей Оржицъ, они бросились на вчетверо сильнѣйшаго непріятеля въ штыки. Тотчасъ же были отбиты пушки, переколоты сгрудившіеся вокругъ нихъ нѣмцы, отброшены сбѣгавшіеся сюда ихъ товарищи. Ударъ былъ такъ силенъ и неукротимъ, что три нѣмецкихъ полка кинулись, въ полномъ смыслѣ, въ паническомъ ужасѣ въ лѣсъ, по пути куда ихъ буквально крошили наши. По лѣсу долго слышались отчаянные крики. Нѣмцамъ тамъ всюду чудились наши, и, наталкиваясь на корявые дубы, они падали и поднимали руки

вверхъ, воображая, что это—русскіе. Нѣкоторые изъ бѣжавшихъ, сметенные и растерянные, дрались другъ съ другомъ и били своихъ... Многіе сослѣпу выходили опять назадъ, попадая къ сибирякамъ въ руки.

— Никогда мы у нихъ такой оторопи не видѣли.

— Какъ преслѣдуемые зайцы на огонь!..

По сосѣдству былъ другой сибирскій полкъ.

Онъ тоже не оставался сложа руки.

Вообще, надо сказать о нашихъ сибирякахъ, что рѣдко у кого такъ развиты способность къ почину и умѣнье разбираться въ самыхъ затруднительныхъ положеніяхъ, какъ у нихъ. Они почти не нуждаются въ указаніи. Угадываютъ слабѣйшія мѣста боя и сами направляются туда. Отступая, они наносятъ такіе удары противнику, которые дѣлаютъ для него побѣду иной разъ хуже пораженія. Каждый шагъ ему при встрѣчѣ съ ними стоитъ неисчислимыхъ жертвъ, и будь у насъ артиллеріи столько же, сколько ея у нѣмцевъ, наша военная исторія обогатилась бы яркими страницами величайшихъ успѣховъ.

Другой сибирскій полкъ вывезъ всѣ орудія и тоже бросился въ контръ-атаку.

Массой забралъ плѣнныхъ, сгрудивъ ихъ въ кучу, изъ непріятельскихъ колоннъ, шедшихъ на насъ въ полной увѣренности, что мы побѣжимъ прочь и уступимъ имъ позицію. Сибиряки при этомъ, наступая, раздвигались, пропускали врага впередъ, и били его справа и слѣва, захлестывая своихъ передовыхъ ему въ тылъ. Въ кажущейся суматохѣ прослаивавшихся противниковъ здѣсь наблюдалось у нашихъ именно умѣнье обвести своимъ губительнымъ кольцомъ непріятеля и такъ его отграничить отъ его товарищей, что германцы поневолѣ сдавались, бросая винтовки. Великолѣпные солдаты, еще въ манчжурскую войну усвоившіе себѣ особенное искусство драться каждый за себя, не теряясь тогда, когда локтемъ они уже не чувствуютъ товарищей.

Двѣ роты въ опорномъ пунктѣ тоже сдѣлали свое.

Окруженныя отовсюду, они пробились штыками. Нѣмцы оставили здѣсь сплошной кругъ своихъ тѣлъ, потому что они сомкнулись-было, считая эту горсточку русскихъ легкою добычей. Выбившись отсюда, наши отошли къ востоку. Взбѣшенные удачей этого маневра у насъ, германцы бросились на нихъ, но остатки двухъ ротъ всякій разъ не допускали ихъ до новыхъ позицій, а сами сбрасывали ихъ прочь встрѣчнымъ ударомъ.

Нѣтъ словъ передать изумительные подвиги этой героической ночи.

Надо помнить, что тутъ, не отходя отъ непріятеля, напротивъ, ощетинившись на него штыками, дрались части, потерявшія семьдесятъ процентовъ своего состава. Значитъ, одинъ стойко боролся надъ трупами двухъ своихъ товарищей. Расчета на резервъ не могло быть,—они еще только шли сюда,—и наши должны были отстаивать себя задолго до ихъ прихода.

Въ это время другіе нѣмецкіе полки съ противоположной стороны прорывались съ юга въ промежутокъ, отмѣченный вверху Ивангородомъ и Брестъ-Литовскомъ. Мы беремъ конечные пункты, до которыхъ, разумѣется, далеко было 125 австрогерманскимъ батальонамъ, работавшимъ на залюблинскихъ позиціяхъ. Отогнувъ непріятельскую клешню у Подосьи, передъ Пултускомъ, наши сибиряки, такимъ образомъ, свели на-нѣтъ наступленіе противника на нашу желѣзную дорогу отъ Варшавы на сѣверъ.

При какихъ условіяхъ дрались наши сѣрые витязи"?

25—31 іюля. Въ Петроградѣ въ настоящее время усиленно работаетъ по снабженію арміи торгово-промышленный съѣздъ и въ особенности одинъ изъ самыхъ энергичныхъ его дѣятелей, предсѣдатель съѣзда А. И. Гучковъ. На вечернемъ засѣданіи этого съѣзда [1]) самымъ выдающимся словомъ о нѣмецкомъ засильи была рѣчь члена Государственной Думы В. М. Пуришкевича. Заносимъ въ наши замѣтки эту замѣчательную, во всѣхъ отношеніяхъ, рѣчь:

Появленіе В. М. Пуришкевича на трибунѣ встрѣчается долго не смолкавшими аплодисментами.

— Нужна и важна мобилизація промышленности,—говорилъ В. М. Пуришкевичъ,—нужна и важна дружная работа техники. Насколько это важно, мы видимъ на примѣрѣ Германіи. Однако при всей своей богатой техникѣ вооруженная ею съ ногъ до головы Германія не въ силахъ окончательно сломить полувооруженный русскій народъ, могучимъ духомъ побѣждающій технику.

Этотъ съѣздъ, историческія засѣданія Государственной Думы окрыляютъ армію, но не одна техника нужна для арміи! Залогъ побѣды въ спокойствіи народныхъ массъ въ нынѣшнюю отвѣт-

---

[1]) „Нов. Вр." 26 іюля с. г.

ственную и значительную минуту. Но чтобы народъ былъ спокоенъ, чтобы у него не было никакихъ подозрѣній, нужно освободить его отъ нѣмецкаго засилія, отъ нѣмецкаго вліянія, которымъ сверху до низу, отъ высшей бюрократіи до низовъ ея, проникнутъ весь русскій государственный механизмъ.

Я былъ въ арміи, я видѣлъ и слышалъ, что тамъ происходитъ, я видѣлъ русскаго солдата и русскаго маленькаго офицера, и всѣ они говорятъ: „Врага внѣшняго мы не боимся. Рано или поздно нѣмцевъ мы побѣдимъ, но мы боимся, что когда съ колокольни Ивана Великаго раздастся благовѣстъ великой побѣды, начнется внутренняя борьба политики остзейскихъ бароновъ, въ которой мы будемъ безсильны и ничего не можемъ сдѣлать“.

Господа, не натягивайте слишкомъ народныхъ струнъ, успокойте народныя массы, избавьте народъ отъ засилья нѣмецкихъ бароновъ.

Вы должны сказать въ своей резолюціи правительству прямо и смѣло: довольно старой политики! (Апплодисменты).

Прокуроръ харьковскаго окружнаго суда доставилъ въ слѣдственную комиссію протоколы опросовъ раненыхъ, находящихся на излѣченіи въ мѣстныхъ лазаретахъ. Казакъ Семенъ Копенъ разсказалъ, что онъ въ составѣ своей сотни при командирѣ эсаулѣ Г. ходилъ на развѣдку; сотня въ лѣсу нашла трупъ казака своей дивизіи. Казакъ былъ распятъ на деревѣ съ привязанною перекладиною, при чемъ былъ прикрѣпленъ къ такому кресту штыками нашихъ ружей. У ногъ распятаго на землѣ валялась записка, въ которой сообщалось, что „такъ будутъ поступать со всѣми казаками, которыхъ поймаютъ“. Записка была написана на русскомъ языкѣ и взята командиромъ сотни [1]).

Несмотря на то, что 7 іюля 1915 г. было сдѣлано распоряженіе объ эвакуаціи станціи Шлокъ и всѣхъ учрежденій, а 9 іюля утромъ подобное распоряженіе относительно станціи Ассернъ, находящаяся въ поселкѣ при станціи Ассернъ община Краснаго Креста „отдѣленіе рижской общины Краснаго Креста“, со старшей сестрой Анной Ансовной Рейхманберхъ, отказалась добровольно производить эвакуацію, почему пришлось сдѣлать

---

[1]) Тамъ же.

нарядъ нижнихъ чиновъ при оружіи, подъ командой подпрапорщика, которымъ и начата была перевозка всего имущества общины на станцію Ассернъ, для погрузки въ вагоны. Въ виду того, что услугами означенной общины русскимъ войскамъ вслѣдствіе ихъ отступленія пользоваться бузусловно нынѣ не пришлось бы, отказъ общины эвакуироваться необходимо понимать въ томъ смыслѣ, что она готовилась оказывать помощь не русскимъ раненымъ, а германскимъ. Вообще характеръ организаціи означенной общины имѣлъ видъ какъ бы подготовившейся для встрѣчи наступавшихъ германскихъ войскъ. Кромѣ старшей сестры Рейхманберхъ въ общинѣ состояли сестры Отти Веллингъ, Дора Румпе, санитаръ Клавинъ и служанка Марія Лауце [1]).

Бѣжавшій изъ германскаго плѣна санитаръ Владиміръ Старожукъ показывалъ, между прочимъ, члену слѣдственной комиссіи обращеніе германцевъ съ военноплѣнными [2]).

Въ февралѣ изъ Пархима перевели въ Эрфде, гдѣ обращеніе съ плѣнными было еще хуже. Здѣсь режимъ былъ очень суровый, а пища гораздо хуже. По утрамъ кофе не давали, а его замѣнялъ супъ изъ отрубей. Въ обѣдъ и ужинъ давали похлебку изъ желудей и неочищеннаго картофеля; хлѣба выдавали всего по 200 граммъ; хлѣбъ этотъ походилъ на ржаной съ примѣсью картофеля, соломы, мякины. Въ Эрфде гоняли на полевыя работы, запрягая по 30 человѣкъ въ плугъ; заставляя таскать на себѣ машины съ мотыгами, боронами; рыли каналы; рѣзали торфъ. Однажды С., выбившись изъ силъ, присѣлъ отдохнуть, тогда приставленный въ качествѣ наблюдателя германскій солдатъ подошелъ къ С. и ударилъ носкомъ сапога въ пахъ, отчего С. упалъ. Кромѣ солдатъ за работою плѣнныхъ наблюдали особо выдресированныя для этой цѣли собаки, которыя присѣвшаго плѣннаго или отлучившагося отъ работы начинали кусать за ноги и тащить къ работѣ. С. задумалъ бѣжать. Для этой цѣли онъ сталъ копить хлѣбъ на дорогу, но евреи его выдали. Хлѣбъ былъ отобранъ, а С. былъ лишенъ обѣда въ теченіе 10 дней и кромѣ того былъ привязанъ къ столбу.

---

[1]) Тамъ же.

[2]) „Нов. Вр.“, 28 іюля с. г.

Въ настоящее время въ раіонѣ Стрѣльны, Петергофа и Ораніенбаума ютятся нѣмецкія колоніи; колонисты говорятъ по-нѣмецки, въ ихъ школахъ учатъ по-нѣмецки и, конечно, симпатіи сихъ, такъ называемыхъ, русскихъ нѣмцевъ не на сторонѣ Россіи. И это подъ Петроградомъ и въ виду крѣпости Кронштадта. Вотъ каковы россійскіе нѣмцелюбы.

Г. Петровъ такъ описываетъ отношенія баронствующихъ [1]) нѣмцевъ и латышей къ германскому нашествію:

„Недавно ворвавшаяся по линіи Либава—Муравьево—Шавли и далѣе до Двинска война, какъ грубый ударъ кулака по струнамъ скрипки, сразу оборвала мирную культурную работу Курляндіи. Населеніе рѣзко разслоилось: баронствующіе нѣмцы, бывшіе дотолѣ властными хозяевами края, за немногими исключеніями, кто тайно, а кто и явно, проявили несомнѣнное тяготѣніе къ наступающимъ германцамъ. Обездоленные пасынки родныхъ полей, латыши,—тѣ, наоборотъ, несмотря ни на заманчивыя обѣщанія германцевъ, ни на ихъ угрозы, рѣзко-враждебно отграничились отъ временныхъ завоевателей Курляндіи. Не объявили себя даже „нейтральными“. Не сказали:

— Вы, нѣмцы и русскіе, воюете между собою, а мы — латыши, наше дѣло—стороннее.

Нѣтъ,—вѣками угнетаемые и презираемые нѣмецкимъ баронствомъ Курляндіи, латыши, подъ ударами даже германскаго желѣзнаго кулака, открыто заявили:

— Мы не съ Германіей, мы—съ русскими. Отходятъ русскія войска,—отойдемъ и мы. Оставимъ неубранныя поля, пожжемъ усадьбы, созданныя тяжелымъ трудомъ, но не останемся съ германцами. Пусть они занимаютъ голую землю.

И начался великій исходъ латышей изъ родного края“.

Разсказываютъ, что и нѣмецкія кредитныя учрежденія изъ Прибалтійскаго края приходилось эвакуировать силой [2]).

Ужъ очень желательно симъ господамъ, чтобы эти денежки попали въ нѣмецкія руки.

Нашъ рубль въ лояльной Финляндіи все понижается и понижается.

---

[1]) „Русское Слово“, 29 іюля сего года.

[2]) „Нов. Вр.“, 30 іюля с. г.

Съ 19 іюля подъ конецъ этого мѣсяца боевыя дѣйствія сложились такъ: на своихъ флангахъ германцы усиленно, но не особенно успѣшно, демонстрировали въ Буковинѣ и на Рижскомъ фронтѣ у Бауска, — на Шавельскомъ фронтѣ они были задержаны встрѣчными нашими боями по направленію Двинска и отъ Вилькоміра. Непріятель яростно, и съ громадными потерями, пока безуспѣшно штурмовалъ крѣпость Ковно и передовыя укрѣпленія крѣпости Новогеоргіевскъ. Штурмъ Осовца съ большими силами и удушливымъ газомъ былъ отбитъ блестящимъ образомъ. Противъ нашего Варшавскаго фронта германцы направили значительныя силы какъ на нашъ фронтъ Варшаву и Ивангородъ, такъ и на фланги: на правый изъ Ломжи и Остроленки къ Острову,—и на лѣвый отъ Люблина и Холма на Виндаву къ Брестъ-Литовску и Лукову. Стальная стѣна Сибирцевъ и Туркестанцевъ у Наревскаго фронта преградила напоръ тевтонскихъ полчищъ, а ихъ дивная контръ-атака и съ фронта Чижева къ Малкину помогла войскамъ нашего центра, очистивъ Варшаву и Ивангородъ, отойти къ востоку за линію Островъ, Сѣдлецъ и Луковъ. Сибирцы и Туркестанцы сражались такъ же геройски, какъ это выше изложено согласно корреспонденціи Немировича-Данченко. Войска нашего лѣваго фланга, покрывъ трупами германцевъ боевыя поля, очистили Холмъ и Люблинъ и отошли къ сѣверу. На Холмо-Люблинскомъ фронтѣ наши войска, по описанію Кравченка [1]), бились такъ:

„Нужно было держаться и не дать врагу прорваться. И они держались. Точно сдѣланные изъ стали, они сопротивлялись урагану настоящей стали, что падалъ вокругъ нихъ, рылъ огромныя воронки, забрасывалъ ихъ почти расплавленными осколками, рвалъ на части и глубоко закапывалъ въ землю. На мѣстѣ окопа дѣлалось нѣчто невѣроятное. Самая больная фантазія не можетъ представить себѣ всего этого ужаса, и казалось, что нѣтъ такой силы, которая могла бы не дрогнуть, устоять и не покинуть его.

Русскій человѣкъ устоялъ. Умираетъ, но не уходитъ. Оглушенный, отброшенный взрывомъ на нѣсколько десятковъ шаговъ, онъ встаетъ, почти заживо погребенный откапывается подъ тѣмъ же безпрестаннымъ огнемъ товарищами, ищетъ свою потерянную винтовку и опять прилаживается гдѣ-нибудь за кусочкомъ, что остался отъ окопа, и ждетъ, ждетъ, ждетъ...

---

[1]) „Нов. Вр.“ 29 іюля с. г.

Онъ уже знаетъ, что такъ нѣмцы подготовляютъ наступленіе своей пѣхоты. Не той, старой, что дерзко шла въ атаку густыми колоннами подъ нашимъ огнемъ и открытой силой думала сломить нашего солдата. Нѣтъ! Теперь германскіе полководцы не надѣются на своихъ и посылаютъ ихъ только тогда, когда думаютъ, что тамъ, въ русскихъ окопахъ, никого не осталось въ живыхъ, а если и есть кто-нибудь, то послѣ тысячъ снарядовъ, которыми они усыпали всѣ земляныя укрѣпленія, никто не будетъ въ состояніи дать имъ должный отпоръ".

Успѣху боевъ на Холмо-Влодавскомъ направленіи очень много способствовалъ старый знакомецъ нашихъ замѣтокъ ген. Р.-Д., который уже со своимъ знаменитымъ корпусомъ дрался какъ левъ, а его войска отходили, какъ старая гвардія Наполеона. Совершенно понятна беззавѣтная любовь войскъ къ ген. Р.-Д. Повсюду, гдѣ необходимо надо, и въ бою, и на маршѣ, день и ночь этотъ европейскій герой былъ всегда среди войскъ и распоряжался лично.

Такимъ образомъ, рушилась мечта кайзера, Гинденбурга и Макензена устроить намъ Седанъ, и мечты ихъ лопнули, какъ мыльный пузырь благодаря мудрымъ распоряженіямъ главнокомандующаго сѣверо-западнымъ фронтомъ генерала Алексѣева, сохранившаго Россіи армію, при самыхъ скромныхъ боевыхъ средствахъ. Исторія отдастъ должное этимъ двумъ чуднымъ полководцамъ.

---

26 іюля. Германскій флотъ въ составѣ 9 кораблей 12 крейсеровъ и многихъ миноносцевъ былъ разбитъ нашимъ балтійскимъ флотомъ въ Рижскомъ заливѣ, при чемъ мы потопили одинъ крейсеръ и два миноносца. Это пораженіе германскаго флота сильно отразилось на всѣхъ прибалтійскихъ германскихъ операціяхъ.

Соучастники нынѣ казненныхъ государственныхъ преступниковъ Мясоѣдова, Бориса Фрейдберга, Шліома и Арона Зальцмановъ, Отто Ригертъ, Давидъ Фрейдбергъ, Робертъ Фалькъ и Матеушъ Микулисъ приговорены военнымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Приговоръ приведенъ въ исполненіе въ ночь съ 25-го на 26-е іюля. Прочіе соучастники приговорены: баронъ Гротгусъ

къ каторгѣ безъ срока, Оттонъ Фрейнатъ къ каторгѣ на 8 лѣтъ, и жена казненнаго Мясоѣдова Клара Мясоѣдова къ ссылкѣ на поселеніе.

Г. Панкратовъ въ „Русскомъ Словѣ“ [1]) картинно изображаетъ подвиги принца-грабителя.

Въ слѣдственной комиссіи имѣется показаніе очевидца о разграбленіи принцемъ Іохимомъ одного имѣнія въ Сувалкской губерніи.

На фронтѣ неоднократно приходилось слышать, что этотъ несчастный принцъ не имѣетъ никакого понятія о рыцарствѣ. Онъ не можетъ быть названъ даже просто порядочнымъ человѣкомъ.

Принцу крови привиты инстинкты мародера.

Изъ многочисленныхъ разсказовъ приведу одинъ, очень характерный. Разсказчикъ—подполковникъ, командиръ батареи. Не довѣрять ему нельзя.

Теперь германцы совершенно разнуздались. Грабежъ возвели въ принципъ. А въ первые дни войны они какъ-будто стѣснялись и брали въ имѣніяхъ только нѣкоторыя вещи, которыя имъ нравились.

Около Млавы, на нѣмецкой территоріи, произошелъ такой случай.

Германская часть, съ принцемъ Іохимомъ во главѣ, остановилась въ одномъ богатомъ фольваркѣ, принадлежавшемъ родовитой полькѣ.

Хозяйка приняла принца и офицеровъ съ честью. Кормила ихъ хорошими обѣдами. Отвела для жительства лучшія комнаты замка.

Германцы отвѣтили ей любезностью. Они не трогали ничего изъ вещей. Даже солдаты платили за фуражъ.

Такъ шло до того дня, когда въ фольваркъ прискакалъ солдатъ и сообщилъ:

— Русскіе близко!

Наши тогда преслѣдовали германцевъ. Какъ-разъ на фольваркъ наступала батарея подполковника, передававшаго мнѣ этотъ фактъ.

Поднялась суматоха. Подали лошадей, и принцъ ускакалъ. Передъ отъѣздомъ онъ галантно поблагодарилъ хозяйку за гостепріимство.

---

[1]) „Русск. Сл.“, 31 іюля с. г.

Черезъ часъ послѣ бѣгства принца въ фольваркъ прибыла батарея подполковника.

Хозяйка и русскихъ офицеровъ приняла радушно. Отвела имъ тѣ же комнаты, которыя были отданы германцамъ. Кормила.

Въ первый же день, когда подали чай, подполковникъ замѣтилъ отсутствіе ложекъ. Попросилъ-было подать ему ложку, но получилъ отвѣтъ:

— Извините, нѣтъ.

Это показалось странно. Домъ - полная чаша. Кругомъ серебро, фарфоръ, а... ложекъ чайныхъ нѣтъ.

Тогда смущенная хозяйка объяснила:

— Принцъ Іохимъ взялъ...

— Ложки?

— Да, ложки. И только ложки.

Послѣ того, какъ принцъ уѣхалъ, она сейчасъ же замѣтила исчезновеніе изъ шкапа серебряныхъ ложекъ. Подумала, что это—продѣлка солдатъ, и пошла жаловаться къ адъютанту принца, который остался на фольваркѣ, чтобы собрать вещи.

На претензію хозяйки адъютантъ вѣжливо отвѣтилъ:

— Это не солдаты. Въ германской арміи нѣтъ мародерства. Его высочеству понравились ваши ложки... Надѣюсь, что вы счастливы вниманіемъ его высочества?

Хозяйка должна была отвѣтить, что очень польщена вниманіемъ принца крови...

Вниманіемъ... къ ея серебрянымъ ложкамъ...

— Не знаю, почему принцъ просто не попросилъ у меня этихъ ложекъ?—удивлялась она.—И почему взялъ всѣ до одной ложки?

Ложки были очень цѣнны. Стариннаго серебра и работы временъ Сигизмунда.

— Если принцы,—говорила она,—позволяютъ себѣ мародерствовать, то можно ли удивляться грабежу со стороны простыхъ солдатъ.

— Въ жилахъ Гогенцоллерновъ,—убѣждала она русскихъ,—несомнѣнно, течетъ разбойничья кровь...

В. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 7-го апрѣля по 23-е іюня 1915 г.

Указатель временной этнографической выставки русскаго населенія. Галиціи, Буковины и Венгріи. ПГ. 1915. Тип. Энергія (Загородн., 17). 8⁰ (22×27). 23 стр. съ рис. Вѣсъ 7 л. 300 экз.

Ученыя записки Императорскаго Юрьевскаго университета. № 11. 1914 годъ. 22. Юрьевъ. 1914. Тип. К. Маттисенъ. 8⁰ (17×24). 30 + 177 — 432 стр. съ рис. Вѣсъ 29 л. 600 экз.

Ученыя записки Императорскаго Юрьевскаго университета. № 12. 1914 годъ 22. Юрьевъ. 1914. Тип. К. Маттисенъ. 8⁰ (17×24). 19 + 433 — 656+1 нен. стр. съ рис. Вѣсъ 25 л. 600 экз.

Хмѣльницкій, И. А. Судебная реформа въ ея дѣятеляхъ. (Къ 50-лѣтію „Судебныхъ Уставовъ". Одесса. 1915. Тип. О. С. Розенштрауха (ул. Кондратенко, 16). 8⁰ (15×23). 34 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 4 л. 1.000 экз.

Штернъ, Э., фонъ. Ученыя заслуги Б. В. Фармаковскаго. М. 1915. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздвиженскій). 8⁰ (22×28). 13 стр. Вѣсъ 3 л. 50 экз.

Энциклопедическій Словарь Т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ" и К⁰. Подъ ред. проф. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Желѣзнова, проф. М. М. Ковалевскаго, проф. С. А. Муровцева (†) и проф. К. А. Тимирязева. Мемуары—Майковъ. Томъ 27. ПГ. 1915. Изд. 7-е, перераб. Т-ва Бр. А. и И. Гранатъ (Москва, Тверской бульв., 15). Тип. Тов. Общественная Польза (Б. Подъяческ., 39) 8⁰ (17×24). 639 стр. съ рис. Ц. 3 р. 30 к. Вѣсъ 1 ф. 25 л. 8.500 экз.

Антикварная книжная торговля В. И. Клочкова. Каталогъ № 566. ПГ. 1915. Тип. Арнгольда, (Литейный, 59). 8⁰ (16×24). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 1.200 экз.

Архивъ П. М. Строева. Томъ I. Русская историческая библіотека, издаваемая Императорскою Археографическою Комиссіею. Томъ тридцать второй. ПГ. 1915. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ, (Моховая, 40). 8⁰ (20×29). XXVI + 896 столбцовъ. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 28 л. 1.000 экз.

Бенуа, Александръ. Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. Часть первая. Пейзажная живопись. Вып. 16. СПБ. 1914. Изд. Шиповникъ. Тип. Сиріусъ. 4⁰ (24×30). 441 — 518 + 6 нен. стр. съ рис. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 7.300 экз.

Геннадій, еп. О церковномъ звонѣ. (Перепечатано изъ жур. „Старообрядческая Мысль". Августъ № 8, 1914 г.). Новочеркасскъ. 1915. Тип. Ф. М. Туникова. 8⁰ (15×26). 12 стр. Вѣсъ 2 л. 310 экз.

Георгіевскій, А. Частушка и ея мѣсто въ курсѣ народной словесности. (Отд. отт. изъ журн. „Вѣстникъ Образ. и Воспитанія" за 1915 г. № 2). Казань. 1915. Тип. Центральная. 8⁰ (18×28) 6 стр. Вѣсъ 1 л. 25 экз.

Гнѣдичъ, П. А. Матеріалы по народной словесности Полтавской губерній. Роменскій уѣздъ. Вып. I. Пѣсни обрядовыя. Полтава. Изд. Ученой Архив. комиссіи. Тип. Г. И. Маркевича (Бульв. Котляревскаго). 8⁰ (17 × 26). IX + 150 стр. + XIV табл. рис. Ц. 1 р. 30 к. Вѣсъ 29 л. 600 экз.

Годичное общее собраніе Императорскаго Русскаго историческаго общества подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора. 12-го марта 1915 года. ПГ. 1915. Тип. Мин. Внутрен. Дѣлъ. 16⁰ (11 × 17). 34 стр. Вѣсъ 3 л. 300 экз.

Гурій, архим. Очерки по исторіи распространенія христіанства среди монгольскихъ племенъ. Томъ I. Калмыки. Казань. 1915. Тип. Центральная. 8⁰ (17 × 25). 254 + VIII стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 24 л. 200 экз.

Дубининъ, Алексѣй. Битва при Дубровнѣ. Побѣда славянъ надъ нѣмцами. (Грюнвальдская битва въ 1410 году 14 іюля). М. 1915. Изд. Московскихъ единовѣрцевъ. Тип. Московская (Варварская пл., Дѣловой Дворъ). 8⁰ (15 × 23). 7 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 2 л. 1.200 экз.

Зеленинъ, Д. К. Описаніе рукописей ученаго архива Императорскаго Русскаго географическаго общества. Выпускъ второй. ПГ. 1915. Тип. А. В. Орлова (В. О. Средній пр., 6/13). 8⁰ (17×24). IV+485—988 стр. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 28 л. 550 экз.

Изъ бумагъ М. М. Киріакова. (Отд. оттискъ XXXII тома „Записокъ Имп. Одесскаго об-ва исторіи и древностей“). Одесса. 1915. Тип. Е. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 4⁰ (20 × 27). 18 стр. Вѣсъ 3 л. 50 экз.

Императорское Московское Археологическое общество въ Первое пятидесятилѣтіе его существованія. (1864—1914 г.). Томъ II. Біографическій словарь членовъ общества. Списокъ трудовъ членовъ общества, помѣщенныхъ въ изданіяхъ общества. Подъ ред. гр. П. С. Уваровой и И. Н. Бороздина. М. 1915. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Чистопрудный пер., с. д.). 4⁰ (21×28). XXII+445+256 стр. Съ 5 портр. и XIX табл. Вѣсъ 5 ф. 16 л. 650 экз.

Карамзинъ, Н. М. Избранныя стихотворенія и разсужденія. Подъ ред. и съ примѣчаніями А. А. Шилова. Универсальная библіотека. № 957—958. М. 1915. Изд. Кн-ва В. Антикъ и К⁰. Тип. В. М. Саблина (Петровка, 26). 16⁰ (9 × 14). XVII + 187 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 5 л. 10.000 экз.

Клетнова, Е. Н. Археологическія развѣдки Вяземскаго уѣзда. (Отд. от. изъ отчета Императорскаго Московскаго Археологическаго института Имени Императора Николая II). М. 1915. Тип. Печатня А. Снегирева (Остоженка, Савеловскій пер.). 8⁰ (18×27). 32 стр. Вѣсъ 7 л. 150 экз.

Князьковъ, С. Гангудскій бой и морской флотъ Петра Великаго. ПГ. 1915. Изд. Луковникова (Лештук. п., 2). Тип. Шумахера и Брукера (Екатерин. кан., 94). 8⁰ (14 × 20). 50 стр. съ 22 рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 4 л. 3.000 экз.

Князьковъ, С. Петръ Великій и его современники за границей. ПГ. 1915. Изд. Луковникова (Лештук. п., 2). Тип. Шумахера и Брукера (Екатерин. кан., 94). 8⁰ (14 × 20). 46 стр. съ 11 рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 4 л. 3.000 экз.

Козьминъ, Н. Н. Историческій методъ изслѣдованія. (Оттискъ изъ изданія Красноярскаго подъотдѣла И. Р. Г. Общества „Двадцатипяти-

лѣтіе Красн. Гор. Музея". Красноярскъ. 1914. Тип. Енисейская Губ. 8° (17 × 25). 21 стр. Вѣсъ 4 л. 50 экз.

Крыловъ, И. Достопримѣчательности въ уѣздѣ. Вып. первой. Старица. 1915. Тип. И. П. Крылова. 8° (16 × 22). 105 стр. съ 3 план. + 2 рис. Вѣсъ 10 л. 150 экз.

Лѣтопись занятій Императорской археографической комиссіи за 1914 годъ. Выпускъ 27. Подъ ред. правителя дѣлъ В. Г. Дружинина. ПГ. 1915. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (18 × 27). 40 + 172 + 433 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 15 л. 500 экз.

Любавскій, М. К., проф. Историческія судьбы славянства. Лекція, читанная 26-го октября 1914 г. (Комиссія по устройству чтенія для учащихся выпускныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній (Московскаго учебнаго округа). М. 1915. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ. 8° (16 × 23). 27 стр. Складъ: (Трехпрудный пер., 9). Ц. 15 к. Вѣсъ 3 л. 3.000 экз.

Максимовичъ, Г. А. Очерки по исторіи экономическаго быта Вяземскаго уѣзда по писцовымъ книгамъ XVI—XVII вѣковъ. Кіевъ. 1915. Тип. И. И. Чоколова (Б. Житомирская, 20). 8° (15 × 23). 59 стр. Вѣсъ 6 л. 100 экз.

Мельгуновъ, П. Что такое исторія? М. 1915. Изд. Задруга (М. Никитская, 29), 2-е. Тип. Вильде (Брестскій пер., 2). 8° (15 × 21). 31 + 1 нен. стр. Съ рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 5.000 экз.

Отчетъ церковнаго историко-археологическаго общества Казанской епархіи за 1914 годъ. (Отд. оттискъ изъ журн. „Правосл. Собесѣдн." за 1915 г.). Казань. 1915. Тип. Центральная. 8° (17 × 25). 6 + 2 нен. стр. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Пальмовъ, Н. Къ предполагаемой реставраціи Кіево-Софійскаго собора. (Оттискъ изъ журн. „Труды Имп. Кіев. дух. Академіи" 1915 г.). Кіевъ. 1915. Тип. Акц. Общ. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (16 × 24). 31 стр. Вѣсъ 4 л. 50 экз.

Погосскій, А. Оборона Севастополя. Бесѣды о войнѣ 1853—1855 г. для войскъ и народа. ПГ. 1915. Изд. 5-е. Тип. Безобразова (В. О., Больш., 61). 8° (10 × 28). 164 × XII стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 5.000 экз.

Покосъ, Л. В. Славянскіе народы Австро-Венгріи. Краткій очеркъ изъ прошлаго, быта и современнаго положенія. Кіевъ. 1915. Изд. кн-ва И. И. Самоненко. Тип. Акц. Общ. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (16 × 24). 104 стр. + 1 карта. Ц. 70 к. Вѣсъ 13 л. 1.600 экз.

Пруссакъ, А. В. Описаніе азбуковниковъ, хранящихся въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки. ПГ. 1915. Тип. М. А. Александрова (Надежд., 43). 8° (18 × 28). 58 стр. Вѣсъ 12 л. 50 экз.

Розенфельдъ, И. Б. Присоединеніе Малороссіи къ Россіи (1654—1793). Историко-юридическій очеркъ. ПГ. 1915. Тип. Р. Г. Шредера (Гороховая, 49). 8° (16 × 24). 2 нен. + 191 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 21 л. 400 экз.

Россійское общество нумизматовъ. Протоколы. 1914. (Октябрь — Декабрь). ПГ. 1915. Тип. Бенке (Новый пер., 2). 8° (18 × 24). 32 стр. съ рис. Вѣсъ 11 л. 300 экз.

Русская энциклопедія подъ редакціей С. А. Адріанова, проф. Э. Д. Гримма, засл. проф. А. В. Клоссовскаго и проф. П. В. Хлопина. Томъ десятый Кашьяна до Кровля. ПГ. 1915. Изд. Русское Книжное Тов.

Дѣятель. Тип. Кюгельгенъ, Гличъ и К° (Екатеринг. пр., 87). 8° (19 × 26). 488 стр. съ рис. и карт. Ц. 6 р. Вѣсъ 2 ф. 26 л. 10.300 экз.

Селиновъ, В. И. Современные вопросы теоріи историческаго знанія въ связи съ задачами методики исторіи и состояніемъ нашей учебной исторической литературы. ПГ. 1915. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О. 5 лин., д. 28). 8° (16 × 25). 60 стр. Вѣсъ 4 л. 50 экз.

Симаковъ, В. И. Солдатскія пѣсни. Сборникъ военныхъ пѣсенъ. Ярославль. 1915. Изд. и тип. К. Ф. Некрасова (Духовская, с. д.). 16° (12 × 17). 16 стр. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Славянскія пѣсни въ восьми нарѣчіяхъ: великорусскомъ, малорусскомъ, болгарскомъ, сербо-хорватскомъ, словинскомъ, польскомъ, чешскомъ и нижнелужицкомъ. (Славянское чтеніе. Вып. III). Н.-Новгородъ. 1915. Изд. Ѳ. В. Ржига. Тип. т-ва И. М. Машистова. 16° (13 × 18). 16 стр. Вѣсъ 1 л. 500 экз.

Соколовъ, Леонидъ. Епископъ Игнатій Брянчаниновъ. Его жизнь, личность и морально-аскетическія воззрѣнія. Въ двухъ частяхъ съ приложеніями. Часть вторая. Кіевъ. 1915. Тип. 1-й Кіев. Артели Печатнаго Дѣла (Трехсвятит., 5). 8° (18 × 28). 407 + V + 290 стр. съ 2 портр. Ц. 5 р. Вѣсъ 3 ф. 12 л. 1.000 экз.

Соколовъ, П. Завѣты Императора Петра Великаго. Къ открытію въ гор. Архангельскѣ памятника Императору Петру Великому 27-го іюня 1914 года. Архангельскъ. 1915. Тип. Губернская. 8° (17 × 26). 28 стр. Вѣсъ 5 л. 312 экз.

Трутовскій, В. К. Списокъ изданій Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества за 50 лѣтъ его дѣятельности съ указаніемъ ихъ содержанія. 1864—1915. М. 1915. Тип. В. И. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 4° (27 × 35). 55 стр. Вѣсъ 16 л. 200 экз.

Тургеневъ, Николай. Россія и русскіе. Т. I. Воспоминанія изгнанника. Пер. Н. И. Соболевскаго, подъ ред. А. А. Кизеветтера. М. 1915. Изд. и тип. К. Ф. Некрасова въ Ярославлѣ. 8° (16 × 23). XIII + 384 + 8 нен. стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 1.500 экз.

Уставъ Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго общества, съ Положеніемъ о мѣстныхъ Отдѣлахъ, инструкціей Совѣтомъ Отдѣловъ по административной части и положеніемъ о знакѣ и жетонѣ Общества. Кіевъ. 1914. Тип. Штаба Кіев. воен. округа (Банковая, 11). 8° (15 × 22). 33 стр. съ 2 портр. Вѣсъ 6 л. 1.200 экз.

Филипповичъ. П. П. Объ академическомъ изданіи стихотвореній Е. А. Боратынскаго. ПГ. 1915. Тип. Сенатская. 8° (16 × 25). 24 стр. Вѣсъ 4 л. 150 экз.

Финляндія въ русской печати Матеріалы для библіографіи. 1901—1913. ПГ. 1915. Тип. Государственная. 8° (18 × 27). VI + 823 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 15 л. 1.000 экз.

Якушкинъ, В. Е. Геній русскаго военнаго искусства А. В. Суворовъ. Посмертное изданіе подъ наблюденіемъ К. В. Сивкова. М. 1915. Изд. книгоизд. Задруга (Мал. Никитская, 29). Тип. т-ва Рябушинскихъ (Путинковскій пер., соб. д.). 8° (14 × 20). 96 стр. Вѣсъ 9 л. 2.000 экз.

Ясинскій, І. А. Нижегородскіе будные станы (Оттискъ изъ сборника статей членовъ Историко-Этнографическаго кружка при Имп. университетѣ св. Владиміра [Вып. VII]). Кіевъ. 1915. Тип. И. И. Чоколова (Б. Житомирская, 20). 8° (15 × 22). 37 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Айхенвальдъ, Ю. Письма Чехова съ его портретомъ. М. 1915. Изд. кн-ва Космосъ. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (13 × 24). 37 + 1 нен. стр. съ портр. Ц. 35 к. Вѣсъ 5 л. 1.500 экз.

Алмазовъ, А. Умершіе подъ церковнымъ отлученіемъ. (Изъ исторіи отношенія Греческой церкви по народному вѣрованію въ вурдалаковъ). (От. изъ Юбилейнаго сборника Императорской Московской Духовной академіи). Сергіевъ Посадъ. 1915. Тип. Св. Тр.-Сергіевой Лавры. 8° (16 × 23). 27 стр. Вѣсъ 3 л. 125 экз.

Ананьинъ, В. Учебникъ русской исторіи. Для высшихъ начальныхъ училищъ и торговыхъ школъ. М. 1915. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина, 2-е испр. (Пятницкая, с. д.) 8° (14 × 25). 176 стр. съ рис., портр. и картами. Ц. 70 к. Вѣсъ 25 л. 3.000 экз.

Архангельскій, А. С. Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Нѣсколько замѣтокъ по поводу книги: проф. В. П. Перетцъ. Изъ лекцій по методологіи русской литературы. Исторія изученій. Методы. Источники. Корректурное изданіе на правахъ рукописи. ПГ. 1914. Тип. Акц. об-ва Самообразованіе (Забалк., 75). 8° (16 × 23). 32 стр. Вѣсъ 4 л. 500 экз.

Барсковъ, Я. Л. Переписка московскихъ масоновъ XVIII вѣка. ПГ. 1915. Изд. Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Ак. Наукъ. Тип. Сиріусъ (Рыночная, 10). 8° (17 × 27). LXII + 335 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 22 л. 700 экз.

Грибоѣдовъ, А. С. Горе отъ ума. Комедія въ 4 дѣйствіяхъ въ стихахъ. Съ біографіей и портретомъ автора. Подъ ред. П. А. Ефремова. (Дешевая библіотека № 1). ПГ. 1915. Изд. 20-е и тип. Т-ва А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 16° (10 × 15). XVIII + 134 стр. съ 1 портр. Ц. 10 к. Вѣсъ 5 л. 18.000 экз.

Григорьевъ, Аполлонъ. Собраніе сочиненій подъ ред. В. Ѳ. Саводника. Вып. 13-й. Поэзія Некрасова. М. 1915. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская ул., с. д.). 8° (15 × 22). 51 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 6 л. 2.050 экз.

Евлаховъ, А. М. Реализмъ или Ирреализмъ. Очерки по теоріи художественнаго творчества. Т. II. Варшава. 1914. Изд. автора. Тип. Варшав. учебн. Округа. 8° (17 × 27). 398 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 600 экз.

Ежегодникъ Тобольскаго губернскаго музея, состоящаго подъ Августѣйшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ 1914 г. Вып. XXIV. Тобольскъ. 1915. Тип. Епархіальнаго Братства. 8° (16 × 21). 31 + 43 + 13 + 1 нен. + 32 + 22 + 13 + 33 по 80 + 4 нен. + 57 + 1 нен. + 8 + 6 + 2 нен. + 4 табл. рис. Вѣсъ 24 л.

Зелинскій, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Часть 6. М. 1915. Изд. 3-е, автора (Спиридоновка, д. Бойцова). Тип. Вильде (Брестск. и., 2). 8° (16 × 24). VIII + 248 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 22 л. 1.200 экз.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Издаваемыя подъ ред. Д. И. Мушкетова. Томъ LI. Вып. IV. Петровскій, Н. Ледники Самаркандской обл. Ивановъ, Д. Л. Къ статьѣ Н. Петровскаго. Юринскій, Т. Весна въ Якутскѣ въ 1910 году. Березкинъ, Н. М. Путь изъ деревни Ольской. Журавскій, А. Поляр-

ныя окраины. Жданко, М. Извлеченіе изъ доклада въ засѣданіи отд. географіи. ПГ. 1915. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О. 5 л., 28). 8⁰ (17 × 25). 189—274 стр. съ 14 рис. и 7 табл. Вѣсъ 24 л. 2.025 экз.

Каталогъ второй выставки картинъ и рисунковъ современныхъ художниковъ и разныхъ памятниковъ древне-христіанскаго искусства и старины. ПГ. 1915. Тип. С. Самойлова, (Благов. пл., 3). 8⁰ (9 × 22). 43 стр. Вѣсъ 3 л. 2.000 экз.

Курбатовъ, В. Я. О красотѣ Петрограда. Лекціи. ПГ. 1915. Тип. Я. Трей. (Разъѣзжая, 43). 8⁰ (16 × 24). 16 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Лѣтописный и лицевой изборникъ Дома Романовыхъ. Историко-художественное изданіе въ ознаменованіе трехсотлѣтія царствованія. 1613—1913 гг. Вып. 2. М. 1915. Тип. Москов. Худож. печатни (Трехпрудный пер., 9). f⁰ (33 × 45). 123 + XIX + 5 нен. стр. Съ рис. Ц. 15 р. Вѣсъ 6 ф. 2.000 экз.

Мадьярская гегемонія въ Угріи (Венгріи) и Угорская Русь, I. Мадьярскій „глобусъ“ на глиняныхъ ногахъ. II. Горькая судьба угроруссовъ. Корреспонденціи изъ Угріи, въ свое время прошедшія безслѣдно. ПГ. 1915. Изд. А. Петрова. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8⁰ (18 × 25). 24 стр. Вѣсъ 4 л. 1.000 экз.

Марковъ, Д. А. Записки по методикѣ исторіи. М. 1915. Изд. 3-е, испр., автора. Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰ (Пименовская, с. д.). 8⁰ (15 × 23). 159 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 20 л. 3.000 экз.

Марксъ, Н. Легенды Крыма. Рис. К. Арцеулова. Вып. второй. М. 1915. т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный, соб. д.). 4⁰ (24 × 30). 63 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 24 л. 1.500 экз.

Менстровъ, М., прот. Уроки по исторіи христіанской церкви отъ апостольскихъ до нашихъ дней. Примѣнительно къ программѣ среднихъ учебныхъ заведеній. ПГ. 1915. Изд. И. Л. Тузова (Гостинный Дв., 45). Тип. М. П. Фроловой (Галерная, 6) 8⁰ (16 × 23). 364 + 4 стр + 1 карта. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 1 л. 4.000 экз.

Миллеръ, В. Ѳ. Историческія пѣсни русскаго народа XVI—XVII вв. Сборникъ отд. рус. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ. Томъ XCIII. ПГ. 1915. Тип. Имп. Академіи Наукъ (В. О., 9 лин., 12). 8⁰ (17 × 26). VIII + 793 стр. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 3 ф. 2 л. 1.513 экз.

Мясоѣдовъ, В. Два погибшихъ памятника Новгородской старины. (Отд. оттискъ изъ X тома „Записокъ отд. русск. и слав. арх. И. Р. Арх. об-ва“). ПГ. 1915. Тип. М. А. Александрова (Надеждинск., 43). 4⁰ (20 × 28). 8 стр. Съ рис. + 2 табл. Вѣсъ 5 л. 100 экз.

Никольскій, М. Задачи русской археологической и исторической науки въ Палестинѣ и Месопотаміи въ связи съ современными міровыми событіями (Оттискъ изъ XXV тома „Древностей“). М. 1915. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздв. пр., 9). 4⁰ (26 × 34). 21 стр. Вѣсъ 8 л. 50 экз.

Нольде, Б. Э., бар. Внѣшняя политика. Историческіе очерки. ПГ. 1915. Изд. Юрид. книжн. склада Право (Литейный. 28). Тип. М. Волковича (Садовая, 60). 8⁰ (14 × 21). 264 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 28 л. 2.050 экз.

Областное административное и общественное устройство Галиціи по Австрійскому законодательству. ПГ. 1915. Изд. Государственной Канце-

ляріи. Тип. Государственная. 8° (18×27). XXXII+409 стр. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 800 экз.

Русская исторія. Томъ 5, книга десятая. М. 1915. Изд. 2-е, т-ва Міръ. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, 8° (19×28). 158—349 стр. съ 9 рис. Вѣсъ 1 ф. 16 л. 6.800 экз.

Рыковъ, П. Кольчуга Виленскаго музея. М. 1915. Тип. Г. Лисснеръ и Д. Собко. 4° (26×35). 12 стр. съ рис. Вѣсъ 5 л. 50 экз.

Рѣчи, произнесенныя на торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ по случаю трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ. ПГ. 1915. Тип. Имп. Академіи Наукъ. 8° (18×26). 105 стр. Вѣсъ 24 л. 400 экз.

Сборникъ. Томъ XV. Вып. VII. Въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ. Дѣйствія Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссіи. Н. Новгородъ. 1915. Тип. Ниж. Печ. Дѣла. 8° (17×25). 138+5 стр. Вѣсъ 14 л. 500 экз.

Смольяниновъ, Н. В. Полувѣковая земская жизнь Спасскаго уѣзда Рязанской губерніи. Обзоръ дѣятельности земства по журналамъ собранія 1865—1914 г.г. Томъ I. Часть I. Спасскъ. 1915. Тип. А. П. Гусева. 8° (17×26). 632 стр. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 500 экз.

Смольяниновъ, Н. В. Полувѣковая земская жизнь Спасскаго уѣзда Рязанск. губерніи. Обзоръ дѣятельности земства по журналамъ собранія 1865—1914 г.г. Томъ I. Часть 2. Спасскъ. 1915. Тип. А. П. Гусева. 8° (17×26). 633—1.249 стр. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 500 экз.

Сычевъ, Н. Икона Симона Ушакова въ Новгородскомъ епархіальномъ древнехранилищѣ. (Отд. оттискъ изъ X тома „Записокъ отд. русск. и слав. арх. И. Р. Арх. Об-ва"). ПГ. 1915. Тип. М. А. Александрова (Надеждинск., 43). 4° (20×28). 14 стр. съ рис. +1 листъ рис. Вѣсъ 6 л. 100 экз.

Филипповъ, Александръ. Первые шаги въ Россіи въ XVIII в. „Геральдической науки" и графъ Ф. Санти. (Оттискъ изъ XXV тома „Древностей"). М. 1915. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздв., 9). 4° (26×34). 9 стр. Вѣсъ 4 л. 50 экз.

Ѳ. С. Къ пятидесятилѣтію суда присяжныхъ. По поводу книги А. Ѳ. Кони „Отцы и дѣти судебной реформы". М. 1915. Изд. 2-е, доп. Тип. В. И. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 8° (15×23). 47 стр. съ портр. Ц. 60 к. Вѣсъ 9 л. 1.000 экз.

Бай, де-баронъ. Дѣло Вильгельма. (Отд. оттискъ изъ Русскаго Архива). М. 1915. Тип. Синодская. 8° (18×27). 29 стр. Вѣсъ 5 л. 600 экз.

Алферовъ, А., Грузинскій, А., Ѣелидовъ, Ѳ., Смирновъ, С. Десять чтеній по литературѣ. Русскіе народные пѣвцы. Максимъ Грекъ. Хулители наукъ въ Екатерининской сатирѣ XVIII вѣка Д. И. Фонвизинъ. С. Т. Аксаковъ. Д. В. Григоровичъ. В. Г. Бѣлинскій. Петрушка. Сервантесъ. Дефо. М. 1915. Изд. Книг-ства Школа (Спиридоновка, 14). 4-е. Тип. Вильде (Брестскій пер., 2). 8° (17×24). 248 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 25 л. 3.020 экз.

Антикварная книжная торговля Ѳ. Шилова. Каталогъ № 26. Литографированные и другіе портреты. ПГ. 1915. Тип. Р. Арнгольдъ (Лит., 59). 8° (17×26). 64 стр. Съ рис. Вѣсъ 10 л. 1.200 экз.

Антикварный каталогъ русскихъ рѣдкихъ и др. книгъ № 49. (Книж-

ный магазинъ. И. М. Фадѣева). М. 1915. Тип. Крестнаго Календаря (Долгоруковская ул., 33). 8⁰ (17 × 26). 16 стр. Вѣсъ 1 л. 1.500 экз.

Анучинъ, Д. Н. Старинная морская карта на пергаментѣ изъ собранія графа А. С. Уварова. (Оттискъ изъ XXV т. „Древностей", изд. Имп. Московск. Археол. Общ.). М. 1915. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., 9). 4⁰ (26 × 34). 16 стр. съ рис. + 1 табл. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Барсовъ, А. В. Очерки по русской литературѣ. Два параллельныхъ курса. 1-й эвристическій курсъ. 2-й вып. (отъ Петра Великаго до Гоголя включительно). Тифлисъ. 1915. Тип. губ. 2-й тюрьмы. 8⁰ (15 × 22). VII + 270 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 22 л. 600 экз.

Березкинъ, Н. М. Путь изъ деревни Ольской, Охотской округи, Приморской области, въ мѣстечко Сеймчанъ на р. Колымѣ и отъ послѣдняго въ гор. Якутскъ черезъ Оймяконо-Борогонскій наслегъ, Баягантайскаго улуса, Якутскаго округа. (Отд. оттискъ изъ тома LI Извѣстій Имп. русскаго географическаго о-ва, № 791). ПГ. 1915. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 лин., 28). 8⁰ (17 × 25). 24 стр. 1 карта. Ц. 25 коп. Вѣсъ 5 л. 200 экз.

Богдановъ, В. В. Пятидесятилѣтіе Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. 1863—1913. Торжественное засѣданіе 15 октября 1913 г., произнесенныя на немъ рѣчи, полученныя къ этому дню привѣтствія и происходившее одновременно чествованіе 70-лѣтія жизни предсѣдателя общества Дмитрія Николаевича Анучина. М. 1915. Тип. Т-ва Рябушинскихъ (Страстной бульв., Путинковскій пер., с. д.). 8⁰ (20 × 26). 253 + 1 нен. стр. съ портр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 29 л. 1.200 экз.

Бѣлоцерковскій, І. М. Къ исторіи города Лебедяни и его уѣзда въ XVII вѣка. (Оттискъ изъ сборника статей членовъ историко-этногр. кружка при Имп. университетѣ (вып. VII). Кіевъ. 1915. Тип. И. И. Чоколова (Б. Житомірская, 20). 8⁰ (15 × 23). 28 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Венгеровъ, С., проф. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. (Отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Т. I. (Вып. 1—3). Предварительный списокъ русскихъ писателей и ученыхъ и первыя о нихъ справки. (Ааронъ-Куликовъ). ПГ. 1915. Изд. 2-е, перер. Тип. Т-ва Художеств. Печати (Ивановская, 14). 4. (20 × 29). LXIX + 436 стр. Съ XVIII табл. рис. Ц. 6 р. Вѣсъ 3 ф. 28 л. 3.200 экз.

Воспоминанія Александры Владиміровны Щепкиной Сергіевъ Посадъ. 1915. Тип. И. И. Иванова. 16⁰ (14 × 18). 247 + 1 нен. стр. + 2 портр. Ц. 1 р. Вѣсъ 20 л. 1.000 экз.

Григорьевъ, Аполлонъ. Собраніе сочиненій, подъ ред. В. Ѳ. Саводника. Вып. II-й. О національномъ значеніи творчества А. Н. Островскаго. (Двѣ статьи). М. 1915. Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰ (Пимеоновская, с. д.). 8⁰ (15 × 23). 61 стр. Вѣсъ 7 л. 2.050 экз.

Зерцаловъ, Г. В. Юбилей крестьянской реформы въ Тифлисской губерніи. Что дало помѣщичьимъ крестьянамъ Тифлисской губ. Положеніе 13 октября 1864 года. Тифлисъ. 1914. Изд. Журн. Кавказское хозяйство. Тип. Канцеляріи Намѣстника Е. И. В. 8⁰ (14 × 21). 18 + 1 нен. стр. Вѣсъ 2 л. 250 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Вып. 13. М. 1915. Изд. т-ва Міръ. Тип. И. Кушнеревъ и К°. 8° (19 × 28). 113—192 стр. Вѣсъ 15 л. 1.700 экз.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге, Николая Морозова и проф. О. М. Шимкевича. Томъ I. М. 1915. Изд. т-ва Міръ. Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (19 × 28). 130 стр. + 6 иллюстр. Вѣсъ 1 ф. 2.100 экз.

Каталогъ антикварнаго книжнаго магазина Ѳедора Андреевича Семенова. № 101. ПГ. 1915. Тип. И. В. Леонтьева (Басковъ пер., 4). 8° (15 × 22). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 1.200 экз.

Крыловскій, А. С. Систематическій каталогъ книгъ библіотеки Императорской Кіевской Духовной Академіи. Томъ пятый. Дополненіе къ выпуску 1-му тома перваго. Вып. XIII. Св. Писаніе и Патрологія. Кіевъ. 1915. Тип. Акц. Об-ва Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (17×25). 350 стр. Вѣсъ 1 ф. 400 экз.

Кулясовъ, Алексій, свящ. По поводу обращенія Общества археологіи, исторіи и этнографіи (Отд. от. изъ „Извѣстій по Казанской Епархіи"). Казань. 1915. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8° (16 × 24). 3 стр. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Лермонтовъ, М. Ю. Иллюстрированное полное собраніе сочиненій. Редакція В. В. Каллаша. Томъ IV. М. 1915. Изд. Печатникъ. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (20×27). IX+330 стр. Съ рис. + 13 лист. рис. Вѣсъ 2 ф. 27 л. 4.950 экз.

Лобода, А. М., проф. Лекціи по методикѣ преподаванія русскаго языка и литературы. Кіевъ. 1915. Изд. Слушательницъ Кіев. женск. курсовъ. Тип. И. И. Чоколова (Б. Житомирская, 20). 8° (16×24). 60+1 нен. стр. Вѣсъ 7 л. 200 экз.

Minerva. Вып. V. Сборникъ, издаваемый при Историко-Филологическомъ семинаріи высшихъ женскихъ курсовъ въ Кіевѣ. Голубовская, Н. П. „Владиміръ Мономахъ". Подъ ред. прив.-доц. В. Е. Данилевича. Кіевъ. 1915. Тип. А. И. Гросманъ (Б. Владимірская, 49). 8° (15 × 23). VIII + 120 стр. Ц. 80 к. Вѣсъ 14 л. 300 экз.

Новый энциклопедическій словарь. Двадцать третій томъ. Котошихинъ-Ламбертъ. ПГ. 1915. Изд. и тип. Акц. Общ. Издат. дѣла В. Брокгаузъ-Ефронъ (Прачешный пер., 6). 8° (19 × 27). 950 столб. съ рис., карт. и табл. Вѣсъ 1 ф. 28 л. 16.000 экз.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій. Томъ V. Герценъ, Бѣлинскій, Добролюбовъ, Михайловскій, Короленко, Чеховъ, Горькій, Андреевъ. ПГ. 1915. Изд. И. Л. Овсянико-Куликовской, 2-е доп. Тип. Стасюлевича (В. О., 5-я линія, 28). 8° (16 × 24). 210 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 22 л. 5.000 экз.

Опись дѣлъ архива канцеляріи Государственной Думы. Томъ II. Дѣла Государственной Думы второго созыва (20-го марта—2-го іюня 1904 г.). ПГ. 1915. Тип. Государственная. 8° (17 × 27). VII + 143 стр. Вѣсъ 16 л. 1.000 экз.

Остриковъ, Евгеній. Нѣгоши (Черногорская королевская династія). Историческая памятка. Съ портретомъ Короля Николая Черногорскаго и гербомъ дома Нѣгошей. Пятигорскъ. 1914. Тип. Н-въ К. К. Кибардина. 8° (14 × 22). 17 стр. Съ 1 портр. Вѣсъ 3 л. 500 экз.

Романовъ, Н. И. Введеніе въ исторію искусства. Лекціи, читанныя на Высшихъ Женскихъ Курсахъ, 1914—1915 г. М. 1915. Изд. изд. О-ва Моск. Высш. женск. курсовъ. Тип. С. М. Мухарскаго. 8° (17×26). 95 стр. Ц. 80 к. Вѣсъ 18 л. 3.000 экз.

Рубцовъ, М. Религіозныя исканія Ѳ. М. Достоевскаго. Черниговъ. 1914. Изд. братства св. Михаила, кн. Черниговскаго. Тип. Епархіальная 8° (15×22). 55 стр. Вѣсъ 6 л. 300 экз.

Самсоновъ, Н. В. Исторія эстетическихъ ученій. Лекціи, читанныя на Моск. высш. женск. курсахъ. 1914—15 г. Часть 2. М. 1915. Изд. Издат. Об-ва Моск. Высш. женск. курсовъ. Тип. С. М. Мухарскаго. 8° (17×27). 178 стр. Вѣсъ 30 л. 500 экз.

Сборникъ статей. Вып. VII. Студенческій историко-этнографическій кружокъ при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра, подъ руководствомъ профессора М. В. Довнаръ-Запольскаго. Кіевъ. 1915. Тип. И. И. Чоколова (Б. Житомірская, 20). 8° (16×23). 208+1 нен. стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 20 л. 300 экз.

Семенниковъ, В. П. Матеріалы для исторіи русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. На основаніи документовъ архива конференціи Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1914. Тип. Сиріусъ (Рыночная, 10). 4° (20×28). 161 стр. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 200 экз.

Систематическій указатель литературы по искусству. Вып. I. Исторія Искусства—Живопись—Рисованіе книжнаго склада Э. Мейеръ. М. 1915. Изд. Кн. скл. Э. Мейеръ (Цвѣтной бульваръ, 1-й Знаменскій пер., 25—19). Тип. Г. Ламбертъ. 16° (13×17). 16 стр. Вѣсъ 1 л. 3.000 экз.

Струве, Петръ. Графъ С. Ю. Витте. Опытъ характеристики. (Оттискъ изъ „Русской Мысли" за мартъ 1915 года). М. 1915. Изд. кн-ва „Русская Мысль". Тип. т-ва И. Н. Кушнерева и К° (Пименовская, с. д.). 8° (16×24). 7 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 2 л. 450 экз.

Танковъ, А. А. Историческій очеркъ Курскаго городского общественнаго Филипцова банка, (1865—1915 гг.). Курскъ. 1915. Изд. Банка. Тип. П. З. Либермана. 4° (22×27). 153 стр. съ 6 лист. рис. Вѣсъ 1 ф. 200 экз.

Чернопятовъ, В. И. Некрополь. Изъ записной книжки стараго генеалога. (Отд. оттиски изъ II книги „Трудовъ Тульской губернской ученой архивной коммиссіи. Тула. 1915. Тип. Е. И. Дружининой (Кіевская, 18). 8° (17×25). 28 стр. Вѣсъ 3 л. 250 экз.

Щепкинъ, В. Н. Конспектъ лекцій по Старославянскому языку. Лекціи, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ, 1914—15 г. М. 1915. Изд. Издательск. Об-ва при Моск. высш. женск. курсахъ. Тип. С. М. Мухарскаго. 8° (17×27). 135+6 стр. Ц. 70 к. Вѣсъ 24 л. 1.000 экз.

Энгельгардтъ, Николай. Исторія русской литературы XIX столѣтія. Томъ второй 1850—1900. (Критика, романъ, поэзія и драма). Съ приложеніемъ: синхронистической таблицы, хронологіи писателей, полной библіографіи алфавитнаго указателя къ обоимъ томамъ и очерка развитія формъ направленій новѣйшей русской литературы. ПГ. 1915. Изд. 2-е испр. и доп. Тип. т-ва А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8° (17×24). VIII+692 стр. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 9 л. 2.600 экз.

Яворскій, Ю. А. Памятники Галицко-Русской народной словесности. Легенды, сказки, разсказы и анекдоты. Вып. I. (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Об-ва по отдѣленію этнографіи. Томъ

XXXVII. Подъ ред. А. А. Шахматова). Кіевъ. 1915. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 8° (16 × 26). 336 стр. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 1.400 экз.

Алфавитный указатель личныхъ знакомыхъ и друзей Семена Семеновича Пестова, о которыхъ онъ упоминаетъ въ запискахъ своихъ съ 1786 по 1827 годъ. Александрія. 1915. Тип. Ф. Х. Райхельсона. 8° (16×22). III + 129 стр. Вѣсъ 18 л. 50 экз.

Антикварная книжная торговля В. И. Клочкова. Каталогъ № 567. ПГ 1915. Тип. Арнольди (Литейный, 59). 8° (16 × 25). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 1.100 экз.

Библіографическая лѣтопись. II. (Императорское общество любителей древней письменности). ПГ. 1915. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 4° (20 × 29). IV + 76 + 77 + 44 стр. Вѣсъ 1 ф. 21 л. 600 экз.

Виленскій Временникъ. Книга VI. Архивные матеріалы Муравьевскаго музея, относящіеся къ польскому возстанію 1863—1864 г.г. въ предѣлахъ Сѣверо-Западнаго края. Часть II. Переписка о военныхъ дѣйствіяхъ съ 10-го января 1863 года по 7-е января 1864 года. Вильна. 1915. Изд. Муравьевскаго музея. Тип. Губернская. 8° (18 × 27). LXII + 466 стр. съ рис. Вѣсъ 3 ф. 6 л. 450 экз.

Вознесенскій, С. Славянство въ русской журналистикѣ 1896—1914 г.г. (указатель статей). ПГ. 1915. Изд. Н. Карбасникова. Тип. Кюгельгенъ, Гличъ и К° (Екатерин. пр., 87). 16° (11 × 15). 63 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 4 л. 2.000 экз.

Дубенскій. Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ. Въ дѣйствующей арміи ноябрь—декабрь 1914 г. ПГ. 1915. Изд. Министерства Имп. Двора. Тип. Р. Голике и А. Вильборга, (Звенигор., 11). 4° (21 × 28). 187 стр. съ рис. Ц. 1 р. 20 к. Вѣсъ 1 ф. 28 л. 50.000 экз.

Зелинскій, В. Критическіе комментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островскаго. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Часть I. М. 1915. Изд. 4-е, автора (Спиридоновская, д. Бойцова). Тип. Вильде (Брестскій п., 2). 8° (15 × 24). X + 213 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 19 л. 1.200 экз.

Иллюстрированный каталогъ Музея Пять отдѣленій: 1) художественное, 2) историческое, 3) панорамное, 4) этнографическое, 5) анатомическонаучное. Кіевъ. 1915. Тип. Прогрессъ, (Б. Владимірская, 61). 8° (15 × 21). 31 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 2 л. 10.000 экз.

Карскій, Е. Ѳ. Очеркъ славянской кирилловской палеографіи. Лекціи читанныя въ 1914—1915 акад. году. Варшава. 1915. Изд. 5-е слушат. Тип. Учеб. Округа, (Краковское предм., 3). 8° (16 × 25). 211 + 1 ген. стр. Вѣсъ 2 л. 7.400 экз.

Копяткевичъ, В. Олонецкая художественная старина. Петрозаводскъ. 1915. Тип. Олонецкая губернская. 8° (17 × 26). 14 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 3 л. 125 экз.

Лукомскій, Г. К. Галиція въ ея старинѣ. Очерки по исторіи архитектуры XII—XVIII в.в. и рисунки. ПГ. 1915. Изд. и тип. Т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигород., 11). 4° (23 × 31). 125 стр. съ рис. Вѣсъ 1 ф. 30 л. 800 экз.

Лѣтопись Вечернихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ, учрежденныхъ въ г. Кіевѣ А. В. Жекулиной. Издается подъ руководствомъ акад. В. Н.

Перетца. Книга II. Кіевъ. 1915. Тип. Акц. Об-ва Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (19 × 28). XI + 87 стр. Вѣсъ 16 л. 500 экз.

Нидерле, Люборъ Г. Этнографическая карта славянскаго міра. М. 1915. Изд. кн. маг. Ч. М. Іоксимовича (Ильинка). Тип. Печатникъ. f° (44 × 37). 1 листъ. Ц. 20 к. Вѣсъ 1 л. 15.000 экз.

Николай Михаиловичъ, Великій Князь. Русскій Некрополь въ чужихъ краяхъ. Вып. I. Парижъ и его окрестности. ПГ. 1915. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 лин., 28). 8° (18 × 26). 101 стр. Вѣсъ 26 л. 600 экз.

Поповъ, Ан. Изъ дневника А. И. Стронина (Къ исторіи Архангельской ссылки). Архангельскъ. 1915. Тип. Губернская. 8° (17 × 26). 17 стр. Вѣсъ 3 л. 65 экз.

Труды полтавской ученой архивной комиссіи. Подъ ред. И. Ф. Павловскаго, А. Ф. Мальцева и Л. В. Падалки. Вып. 12. Полтава. 1915. Тип. Г. И. Маркевича. 8° (17 × 26). 240 + 21 стр. Вѣсъ 23 л. 900 экз.

Эварницкій, Д. И. Двѣ поѣздки въ Запорожскую Сѣчь Яценка-Зеленскаго, монаха Полтавскаго монастыря въ 1750—1751 г.г. Екатеринославъ. 1915. Изд. Эварницкаго. Тип. К. А. Андрущенко (Стародворянская, 5). 8° (17 × 25). VIII + 104 + 2 нен. стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 11 л. 600 экз.

Ѳирсовъ, Н. Н., проф. Чтенія по исторіи Сибири. Вып. 1-й. М. 1915. Изд. Имп. Москов. Археол. Инст. Им. Николая II. Тип. А. И. Снегиревой. 8° (18 × 28). 2 нен. + 86 стр. + 13 лист. рис. Вѣсъ 25 л. 1.000 экз.

Барсовъ, А. В. Очерки по русской литературѣ. Два параллельныхъ курса. II-й, излагающій, курсъ для повторенія пройденнаго. 2-й вып. (отъ Петра Великаго до Гоголя включительно). Тифлисъ. 1915. Тип. Губ. № 2 тюрьмы. 8° (15 × 22). III + 223 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 17 л. 600 экз.

Бузескулъ, В., проф. Современная Германія и нѣмецкая историческая наука XIX столѣтія. Къ происхожденію современной германской идеологіи. ПГ. 1915. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (17 × 24). 72 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 10 л. 1.250 экз.

Варнеке, Б. В., проф. Памяти Ѳ. Е. Корша. Одесса. 1915. Тип. Экономическая (Ул. Жуковскаго, 43). 8° (16 × 26). 52 стр. Вѣсъ 7 л. 100 экз.

Вольтеръ, Э. А. Біо-Библіографическіе матеріалы, собранные въ 1913—1914 годахъ. ПГ. 1915. Изд. Русскаго Библіогр. Общества. Тип. Имп. Акад. Наукъ. 8° (18 × 25). 103 стр. Съ рис. Вѣсъ 13 л. 512 экз.

Гинцбургъ, Д. Г. О русскомъ стихосложеніи. Опытъ изслѣдованія ритмическаго строя стихотвореній Лермонтова. Подъ ред. и съ предисловіемъ Г. М. Князева. ПГ. 1915. Тип. Т-ва М. О. Вольфъ (В. О., 16 лин., 5—7). 8° (16 × 23). LXIII + 268 стр. Съ 1 портр. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 1,000 экз.

Гусевъ, Ан. Памяти великаго русскаго патріота [по случаю 150-лѣтія со дня кончины М. В. Ломоносова 4 апрѣля 1765 года]. Тверь. 1915. Тип. М. В. Блинова. 8° (16 × 24). 12 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Записки восточнаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго общества 1913—1914. Томъ двадцать второй. Вып. III—IV. ПГ. 1915. Тип. Имп. акад. наукъ, (В. Остр. 9 лин., 12). 4° (20 × 29). 3 нен. + XXVII + XLVII + 244—361 стр. съ 2 рис. 2 табл. 610 экз.

Зезюлинскій, Н. Къ родословію 34-хъ пѣхотныхъ полковъ Петра I. ПГ. 1915. Тип. П. Усова, (Лермонт. пр., 28). 4° (20 × 28). 112 стр. Вѣсъ 23 л. 300 экз.

Извѣстія Императорской Археологической комиссіи. Прибавленіе къ выпуску 57-му. ПГ. 1915. Тип. Глав. Упр. Удѣловъ (Моховая. 40). 8° (19 × 27). 104 стр. Вѣсъ 24 л. 900 экз.

Извѣстія Кавказскаго Отдѣла Императорскаго русскаго Географическаго Общества. Томъ XXII. вып. 4. Редакторъ А. Ф. Ляйстеръ. Тифлисъ. 1915. Изд. того же о-ва. Тип. К. П. Козловскаго (Головинскій пр., 12) 8° (15 × 24). 333—461 стр. Вѣсъ 12 л. 700 экз.

Императоръ Александръ I. Послѣдніе годы царствованія, болѣзнь, кончина и погребеніе. По личнымъ воспоминаніямъ лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова. ПГ. 1915. Тип. Тов. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8° (16 × 22). XVI + 226 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 29 л. 3.000 экз.

Исторія сербской литературы. Сербо-хорватская литература. Казань. 1915. Литографія Харитонова. 4° (24 × 32). 71 стр. Вѣсъ 15 л. 506 экз.

Исторія Чешской литературы. Казань. 1915. Литографія Харитонова. 8° (18 × 28). 96 стр. Вѣсъ 10 л. 100 экз.

Каталогъ Выставки XVI всероссійскаго Археологическаго Съѣзда 1914 года во Псковѣ, отмѣненнаго по случаю войны. Псковъ. 1915. Тип. „Псковская Жизнь". 8° (15 × 22). 88 стр. Вѣсъ 9 л. 1.050 экз.

Литовская метрика. Отдѣлъ первый. Часть третья. Книги Публичныхъ Дѣлъ. Переписи войска Литовскаго. Русская Историческая Библіотека, издаваемая Императорскою Археографическою Коммиссіею. Томъ тридцать третій. ПГ. 1915. Тип. Главнаго Управленія Удѣловъ (Моховая, 40). 4° (20 × 29). II стр. + 1.378 столб. Ц. 3 р. Вѣсъ 4 ф. 10 л. 500 экз.

Миллеръ, Орестъ. Русскіе писатели послѣ Гоголя. Чтенія, рѣчи и статьи. Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ проф. И. А. Шляпкина. Томъ II. Н. А. Гончаровъ, А. Ѳ. Писемскій, М. Е. Салтыковъ, гр. Л. Н. Толстой. ПГ. 1915. Изд. 6-е и тип. т-ва М. О. Вольфъ (В. О., 16 лин., 5—7). 8° (16 × 23). IV + 443 стр. съ портр. Ц. 1 р. 75 к. Вѣсъ 1 ф. 27 л. 4.000 экз.

Мятлева, Т. П. Владиміро-Суздальскій край и Начало Московской Руси отъ вокняженія Дмитрія Іоанновича Донского до Іоанна Грознаго. Вып. III. Часть III. ПГ. 1915. Тип. Синодальная. 8° (17 × 26). 488 + XXXVI стр. Ц. 1 р. 20 к. Вѣсъ 2 ф. 3.000 экз.

Никитинъ, И. С. Полное собраніе сочиненій и писемъ. Провѣренный по рукописямъ и первопечатнымъ источникамъ текстъ и варіанты. Подъ ред. съ біографич. очеркомъ, статьями и примѣчаніями А. Г. Фомина. Вступительная статья Ю. И. Айхенвальда. Томъ третій. ПГ. 1915. Изд. Тов. Просвѣщеніе (Забалк. пр., 75). Тип. Акц. Общ. Самообразованіе (Забалк. пр., 75). 8° (14 × 21). 416 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 3.000 экз.

Новинскій, Н. „Ледовое побоище". Сраженіе съ нѣмцами въ 1242 г. Ярославль. 1915. Тип. К. Ф. Некрасова. 18° (12 × 18). 16 стр. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Отчетъ церковно-историческаго и археологическаго общества при Императорской Кіевской духовной академіи за 1914 годъ. Кіевъ. 1915. Тип. Акц. Об-ва Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (17 × 25). 26 стр. Вѣсъ 4 л. 200 экз.

Памятная книжка Вологодской губерніи на 1915 годъ. Вологда. 1915. Тип. Губ. Правленія. 8° (15 × 21). XVII + 227 + 37 стр. Вѣсъ 20 л. 600 экз.

Поповъ, Ан. М. В. Лермонтовъ въ мѣстной литературѣ (по поводу

150-лѣтія со дня смерти). Архангельскъ. 1915. Тип. Губернская. 8о (16 × 25) 11 стр. Вѣсъ 2 л. 115 экз.

Прохоровъ, С. Рѣдкая разновидность польскаго талера Сигизмунда III 1629 года. (Оттискъ изъ III тома „Нумизматическаго сборника“). М. 1915. Тип. Синодальная. 8° (20 × 28), 1 нен. стр. Вѣсъ 1 л. 50 эк

Савельевъ, Е. П. Древняя исторія казачества (Историческое изслѣдованіе). Часть 1-я. Вып. 2-й. Новочеркасскъ. 1915. Изд. автора. Тип. Донской печатникъ. 8о (18 × 28). 120 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 8 л. 1.000 экз.

Садовникъ, В. Забытыя страницы И. С. Тургенева. М. 1915. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8о (15 × 23) 16 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 3 л. 500 экз.

Саккетти, А. А., проф. Исторія музыки всѣхъ временъ и народовъ. Вып. 3. ПГ. 1915. Изд. Шиповника. Тип. Тов. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 5° (24 × 29). 202—296 стр. съ рис. Вѣсъ 1 ф. 15 л. 4.300 экз.

Сватиковъ, С. Г. Русскіе университеты и ихъ историческая библіографія. ПГ. 1915. Тип. „Научное Дѣло“ (Загород., 74). 8о (19 × 27). 20 стр. Вѣсъ 6 л. 700 экз.

Собраніе писемъ великаго раба Божія Ивана Ивановича Троицкаго Вып. III. Шамордино. 1915. Изд. и тип. Казанской Амврос. жен. пуст. 8° (16 × 23). 83 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 6 л. 3.000 экз.

Списокъ лицъ, служащихъ по вѣдомству Императорской Академіи наукъ составленъ по 15-е апрѣля 1915 г. ПГ. 1915. Тип. Импер. Акад. Наукъ (В. О., 9-я линія, 12). 8° (19 × 26). 67 стр. Вѣсъ 12 л. 300 экз.

Фатѣевъ, Ар. М. М. Сперанскій. Вліяніе среды на составителя Свода Законовъ въ первый періодъ его жизни. (Отд. оттискъ изъ журн. „Юридическій Вѣстникъ“ 1915 г., кн. X (II)). М. 1915. Тип. Г. Лисснера Д. Собко (Крестовоздв., 9). 8° (18 × 26). 25 стр. Вѣсъ 6 л. 100 экз.

Францишкевичъ-Яновскій, И. И. Памятная книжка Олонецкой губерніи на 1915 годъ. Петрозаводскъ. 1915. Изд. Олон. Губ. Статист. Комитета. Тип. Губернская. 8о (18 × 25). 100 + 52 + XXI + 4 стр. Ц. 1 р Вѣсъ 27 л. 700 экз.

Чубинскій, М. П., проф. Юбилей судебныхъ уставовъ и его отраженія въ литературѣ. (Отд. оттискъ изъ журн. „Юридическій Вѣстникъ“ 1915 г., кн. X (II). М. 1915. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. пр., 9). 8° (18 × 26). 35 стр. Вѣсъ 7 л. 100 экз.

Энциклопедія славянской филологіи. Подъ ред. орд. акад. И. В. Ягича. Вып. 4. П. А. Лавровъ. Палеографическое обозрѣніе кирилловскаго письма. Вып. 4. Е. Калужняцкій. Кирилловское письмо у Румынъ. ПГ. 1914. Изд. Отдѣленія Русскаго языка и словесности Имп. Ак. Наукъ. Тип. Императ. Акад. Наукъ (В. О., 9 лин., 12). 4° (21 × 28). 342 + 22 стр. Съ рис. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 1.214 экз.

Ястребовъ, Н. В. Лекціи по исторіи западныхъ славянъ (студенческія записи, просмотрѣнныя лекторомъ). Лекціи, читанныя въ 1910/11 уч. г. ПГ. 1915. Изд. 2-е, испр. и доп. Тип. Юделевича (Владимірскій, 13). 8° (19 × 29). 400 стр. Вѣсъ 1 ф. 28 л. 200 экз.

Аскенази Шимонъ, проф. Царство Польское 1815—1830 г.г. Съ предисл. А. А. Кизеветтера. Пер. съ польск. Владиміра Высоцкаго М. 1915. Изд. к-ва писателей (Никитскій бульв., 10). Тип.

т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудн. пр., с. д.). 8° (15 × 22). 168+1 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 19 л. 2.500 экз.

Барщевскій И. Каталогъ музыкальныхъ инструментовъ, находящихся въ Смоленскомъ историко-этнографическомъ Музеѣ Императорскаго Археологическаго Института имени Императора Николая II, собранномъ кн. М. К. Тенишевой. М. 1915. Тип. А. И. Снегиревой (Остоженка. Савеловскій пер., с. д.). 16° (13 × 17). 36 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Гиляревскій, А. Нѣмецкое засилье въ русской народно-религіозной жизни (Перепечатано изъ №№ 17 и 18 „Нижег. Церк. Общ. Вѣстника" за 1915 г.). Н.-Новгородъ. 1915. Тип. Губ. правленія, 16° (11 × 17). 26 стр. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Григорьевъ, Аполлонъ. Собраніе сочиненій подъ ред. В. Ѳ. Саводника. Вып. 14 Русскія народныя пѣсни съ ихъ поэтической и музыкальной стороны. М. 1915. Тип т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко. (Пименовск. с. д.). 8° (15 × 23). VI—60 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 7 л. 2.050 экз.

Достоевскій, М. М. Собраніе сочиненій съ біографическимъ очеркомъ и статьей о М. М. Достоевскомъ Ѳедора Достоевскаго. Томъ 1 ПГ. 1915. Изд. Пантеонъ Литературы. Тип. М. Пивоварскаго и Ц. Типографа (Моховая. 6). 8° (16 × 22) XIV+306 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 30 л. 3.300 экз.

Дружининъ, В. Г. Нѣсколько автографовъ писателей старообрядцевъ. ПГ. 1915. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская., 43). 8° (19 × 27) 26 стр. съ XXII-ю фототипич. табл. Вѣсъ 21 л. 230 экз.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ, подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге, Н. Морозова и проф. О. М. Шимкевича М. 1915. Изд. Т-во Міръ (Знаменка, 9). Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 8° (19 × 27). 145—256 стр. Съ рис.+15 лист. рис. Вѣсъ 1 ф. 3.800 экз.

Костанянцъ. К. Краткій очеркъ исторіи Арменіи. М. 1915. Изд. Кн-ва Звѣзда Н. Н. Орфенова (М. Никитская, 14). Тип. Г. Ламбертъ. 8° (14 × 20) 63+1 нен. стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 6 л. 900 экз.

Кулаковскій, Юліанъ, проф. Исторія Византіи. Томъ III (602—717). Кіевъ. 1915. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 8° (19 × 28). XIV+431—1 нен. стр. съ 1 кар. и 1 таблиц. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 3 ф. 1.000 экз.

Миловидовъ А. И. Перечень боевыхъ столкновеній русскихъ войскъ съ польскими повстанцами въ кампанію 1863—1864 г.г. въ предѣлахъ Сѣверо-Западнаго края, съ указаніемъ времени, мѣста боевъ численности команднаго состава русскихъ и повстанческихъ отрядовъ, равно и потерь съ обѣихъ сторонъ (Составлено по архивнымъ даннымъ), (От. изъ „Виленскаго Временника" VI книга, 2-я часть). Вильна. 1915. Тип. Губернская. 8° (19 × 27). 38 3 нен. стр. Съ рис. Вѣсъ 9 л. 120 экз.

Обзоръ экспонатовъ исторической выставки въ Ревельской ратушѣ. Ревель. 1915. Тип. Г. Калла (Стѣнная, 17). 8° (14 × 21). 16 стр. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Обозрѣніе преподаванія на историко-филологическомъ факультетѣ Императорскаго Московскаго университета въ 1915—16 учебномъ году. М. 1915. Тип. Т-ва А. А. Левенсона (Трехпруд., с. д.). 8° (15 × 22) 28 стр. Вѣсъ 3 л. 1.200 экз.

Обозрѣніе преподаванія на юридическомъ факультетѣ Императорскаго Московскаго университета на 1915—16 академическій годъ М. 1915. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 8° (15 × 22) 16 стр. Вѣсъ 2 л. 1.200 экз.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи. Книга девятнадцатая. М. 1914. Тип. Синодальная. 8° (19 × 28). 278+68 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 23 л. 600 экз.

Орловъ, Ф. Легенда о Филаретѣ Никитичѣ 1614—1615. ПГ. 1915. Тип. Тов. А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8° (14 × 22). 120 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 12 л. 1060 экз.

Очеркъ развитія Стебутовскихъ Высшихъ Женскихъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ за десятилѣтіе ихъ существованіе и отчетъ объ ихъ состояніи за 1913/14 учебный годъ. ПГ. 1915. Тип. А. Н. Лаврова и К° (Ул. Гоголя, 9). 8° (16 × 24) 134 стр. Вѣсъ 16 л. 1.000 экз.

Погодинъ, А. Л., проф. Лекціи по исторіи польской литературы съ извлеченіями изъ писателей и пособій. Харьковъ. 1915. Тип. С. Иванченко (Костюринскій п., 2). 8° (18 × 27) 765 стр. Вѣсъ 3 ф. 5 л 150 экз.

Покровскій, В. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1915. Изд. 2-е доп. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. п., с. д.) 8° (17 × 25). 552 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 19 л. 2.400 экз.

„Пособіе къ лекціямъ по исторіи болгарской литературы". Кіевъ. 1915. Изд. студентовъ Унив. св. Владиміра и слуш. в. ж. к. Тип. М. В. Ельника (Караваевская, 4). 8° (19 × 27) 238+XVI стр. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 250 экз.

Пособіе къ лекціямъ по Исторіи Чеховъ. Кіевъ. 1915. Изд. студентовъ Унив. Св. Владиміра и слуш. в. ж. к. Тип. М. В. Ельника (Караваевская, 4). 8° (19 × 27). 206 стр. Вѣсъ 1 ф. 250 экз.

Прегеръ, Р. И. Производство главнѣйшихъ хлѣбовъ въ Россіи за двадцатипятилѣтіе 1888—1912 г. Матеріалы къ пересмотру торговаго договора съ Германіей. Вып. XIX. ПГ. 1915. Изд. Г. У. З. и З. Деп. Земледѣлія. Тип. Тренке и Фюсно (Максимил., 13). 4° (23 × 31) 98 стр. Вѣсъ 22 л. 2.100 экз.

Приселковъ, М. Д. Русская исторія. Учебная книга для VII—VIII классовъ мужскихъ гимназій и VII кл. реальн. уч. М. 1915. Изд. и Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.) 8° (16 × 23). 258+1 нен. стр. Вѣсъ 25 л. 3.000 экз.

Рубакинъ, Н. А. Среди книгъ. Опытъ обзора русскихъ книжныхъ богатствъ въ связи съ исторіей научно-философскихъ и литературно-общественныхъ идей. Справочное пособіе для самообразованія и для систематизаціи и комплектованія общеобразовательныхъ библіотекъ, а также книжныхъ магазиновъ. Томъ III Часть I. М. 1915. Изд. 2-е, доп. кн-ва Наука (Б. Никитская. 10). Тип. Т-ва Рябушинскихъ (Путинковск. п., с. д.). 8° (18 × 27). 200+10—12 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 28 л. 5.500 экз.

Саликовскій, А. Ф. Памяти Ѳ. Е. Корша (Изъ личныхъ воспоминаній). Ростовъ н/Д. 1915. Тип. Акціонерная печатня. 8° (10 × 22). 18 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Самоквасовъ, Д. Я. проф. Дневникъ раскопокъ въ окрестностяхъ с. Гочева, Обоянскаго уѣзда, Курской губерніи, произведенныхъ

проф. Д. Я. Самоквасовымъ въ августѣ 1909 года М. 1915. Изд. Курской учен. архив. комиссіи. Тип. Синодальная. 8° (18 × 27). VIII+40 стр. Съ рис. Вѣсъ 10 л. 475 экз.

Семинарій по древне-русской литературѣ. № 2. Бесѣда преподобныхъ Сергія и Германа валаамскихъ чудотворцевъ. (Московскіе высшіе женскіе курсы). Сергіевъ Посадъ. 1915. Тип. И. Иванова. 8° (16 × 24) 16 стр. Вѣсъ 2 л. 1.000 экз.

Тихонъ, архим. Аскетизмъ, какъ основа русской культуры. Отд. от. изъ журн. „Голосъ Церкви" № 4, за 1915. г.). М. 1915. Тип. А. Снегиревой (Остоженка, Савеловскій пер.). 8° (16 × 24). 32 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Трубецкой, Е. Н., кн. Національный вопросъ. Константинополь и святая Софія (Война и культура). М. 1915. Изд. 2-е. Тип. т-ва И. Д. Сытина. 8° (15 × 20). 32 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 5 л. 3.000 экз.

Шляпкинъ, И. А., проф. Иконографія св. Благовѣрнаго Великаго Князя Аклександра Невскаго ПГ. 1915. Тип. М. А. Александрова (Надеждинск., 43). 8° (20 × 28). 21 стр. Вѣсъ 8 л. 150 экз.

Бѣлоцерковскій, І. М. Тула и Тульскій уѣздъ въ XVI и XVII вѣкахъ. (Оттискъ изъ „Университетскихъ Извѣстій" за 1914—15 г.г.). Кіевъ. 1914. Тип. Акц. Об-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (18 × 26). VII + 275 + 164 стр. Съ 10 табл. Вѣсъ 1 ф. 20 л. 300 экз.

Вельминъ, К. Ив. Завѣты прошлаго. Славяне и Германцы въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Псковъ. 1914. Тип. Губ. земства. 8° (18 × 25). 24 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 2 л. 200 экз.

Внутренній врагъ. Матеріалы къ исторіи „Нѣмечества на Руси". Юзинскій-Кіевскій, А. Нѣмцы. (Изъ дневника врача). Гиляровъ, О. Нѣмцы въ Юрьевѣ. (Воспоминанія студента). М. 1915. Тип. Наше Слово (Тріумф., Садов., 18). 8° (14 × 21). 32 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 3 л. 500 экз.

Гунстъ, Евгеній. А. Н. Скрябинъ и его творчество. М. 1915. Тип. Мысль (Петровка, 17). 8° (15 × 23). 76 стр. съ 10 иллюстраціями. Скл. Россійск. Музык. Изд-ва (Кузнецкій мостъ, 4). Ц. 1 р. Вѣсъ 14 л. 1.200 экз.

Дрейманъ, П. М. Методика исторіи. Часть I. (Теоретическая). Рига. 1915. Тип. К. Мишке, (Крѣпостная, 7). 8° (17 × 26). 76 стр. Вѣсъ 10 л. 3.000 экз.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, издаваемыя подъ ред. секретаря общества Д. И. Мушкетова. Томъ LI. 1915. Вып. V. ПГ. 1915. Тип. М. М. Стасюлевича (Вас. остр., 5 линія, 28). 8° (18 × 27). 277—364 стр. Съ табл. и картами. Вѣсъ 18 л. 2.025 экз.

Корчинскій, І., прот. Православный Софійскій каѳедральный соборъ въ гор. Гроднѣ (Краткій историческій очеркъ по документамъ архива Гродненской духовной консисторіи). Гродно. 1915. Изд. 2-ое. Тип. Губернская. 8° (14 × 21). 24 стр. съ рис. Вѣсъ 4 л. 300 экз.

Крымовъ, И. П. Старица и ея достопримѣчательности. Старица. 1915. Изд. 2-е. Тип. И. П. Крымова. 4° (15 × 22). 165 + 3 нен. стр. съ рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 23 л. 1.000 экз.

Кубанскій календарь на 1915 годъ. Подъ ред. Л. Т. Соколова при сотрудничествѣ А. Ст. Селенко. Екатеринодаръ. 1915. Изд. Кубанскаго областного Статист. Комит. Тип. Кубанскаго областного правленія. 8° (18 × 29). 759 стр. съ 31 портр. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 22 л. 1.025 экз.

Кубанскій сборникъ на 1915 годъ. Подъ ред. Л. Т. Соколова. Томъ XX. Екатеринодаръ. 1915. Изд. Кубанск. област. Статист. Комит. Тип. Кубанскаго областного правленія. 8° (18 × 29). 380 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 16 л. 925 экз.

Максимовъ, А. П. Церковное пѣніе въ Россіи вообще и у насъ въ Олоніи. (Нѣсколько словъ о его недостаткахъ и объ устраненіи ихъ). Петрозаводскъ. 1915. Изд. А. П. Максимова. Тип. Губернская (Олонецкая). 8° (18 × 26). 12 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 2 л. 400 экз.

Масловъ, В. И. Начальный періодъ Байронизма въ Россіи. (Критико-библіографическій очеркъ). (Оттискъ изъ „Университетскихъ Извѣстій“ за 1915 г.). Кіевъ. 1915. Тип. Акц. об-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговск., 6). 8° (18 × 26). 4 нен. + 132 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 16 л. 240 экз.

Масонство въ его прошломъ и настоящемъ. Подъ ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. Т. II. М. 1915. Изд. Задруги и К. Ф. Некрасова. Тип. Т-ва А. А. Левенсона (Трехпрудный, пр., с. д.). 4° (23 × 30). 266 стр. + 25 иллюстр. Вѣсъ 4 ф. 19 л. 3.000 экз.

Никольскій, Викторъ. Исторія русскаго искусства. Т. I. Съ 305 иллюстраціями въ текстѣ и 16 приложеніями. М. 1915. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (22 × 29). 251 стр. Вѣсъ 3 ф. 19 л. 5.000 экз.

Саводникъ, В. Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка. Ч. 2 (Съ приложеніемъ портретовъ русскихъ писателей и синхроническихъ таблицъ). М. 1915. Изд. 9-е. Тип. Т-ва Печатня С. П. Яковлева (Петровка, Салтыковскій пер., с. д.). 8° (16 × 24). 354 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 6 л. 150.000 экз.

Сборникъ статей, принадлежащихъ бывшимъ и настоящимъ членамъ академической корпораціи. Въ двухъ частяхъ. Часть I. Въ память столѣтія (1814—1914) Императорской Московской Академіи. Сергіевъ Посадъ. 1915. Тип. Св. Троицкой Сергіевой Лавры. 8° (17 × 25). II + 581 стр Ц. 3 р. Вѣсъ 2 л. 1.200 экз.

Труды Курской губернской Архивной комиссіи. Вып. II. Курскъ. 1915. Тип. Губ. Земства. 8° (17 × 16). 230 + 94 стр. Съ 1 картой. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 656 экз.

Уставъ Тверского историко-археологическаго музея. Тверь. 1914. Тип. Губернская. 16° (13 × 19). 14 стр. Вѣсъ 1 л. 200 экз.

Брандтъ, Р. Ф. Обзоръ славянскихъ литературъ. Краткая исторія литературы болгарской, сербской, словенской и чешской. По запискамъ слушателей, редактированнымъ профессоромъ. М. 1915. Изд. 2-е, Об-ва взаимопомощи студ.-филол. И. М. У. Тип. И. Ф. Смирнова (Б. Дмитровка, д. Чуксиной). 8° (18 × 26). 180 стр. Ц. 1 р. 15 к. Вѣсъ 24 л. 300 экз.

Бѣлоголововъ, I. Акты и документы относящіеся къ устройству и управленію римско-католической церкви въ Россіи. Томъ I (1762—1825 г.). ПГ. 1915. Тип. Д. А. Алексѣева (Вознесенскій пр., 9/2, 8° (19 × 28). XXIII 482 стр. Ц. 6 р. Вѣсъ 2 ф. 5 л. 500 экз.

Власовъ, П. Изъ исторіи старообрядческой іерархіи (по неизданнымъ документамъ) I—II. М. 1915. Изд. автора (Рогожское кладбище). Тип. т-ва Рябушинскихъ (Страстной бульв., Путинковскій пер., с. д.). 8°, 31 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 3 л. 500 экз.

Гофманъ, М. Л. Поэзія Боратынскаго. Историко-литературный этюдъ. ПГ. 1915. Тип. Государственная 8° (15×21). 28 стр. Вѣсъ 5. 1. 000 экз.

Ивановъ, А. И. Путеводитель по музею антропологіи и этнографіи имени Императора Петра Великаго. Отдѣлъ культурныхъ странъ Азіи ПГ. 1915. Тип Императ. Акад. Наукъ (В. О., 9-я линія 12) 8° (15×21). 56 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 6 л. 3.013 экз.

Ивановъ, Н. И. Сельское духовенство Тверской губерніи XVIII и начала XIX столѣтій въ отношеніи къ крѣпостному праву. Тверь. 1915. Изд. Тверской учен. архивн. коммиссіи. Тип. М. В. Блинова (Трехсвятская. д. Шиканова). 8° (16×24). 20 стр. Вѣсъ 2 л. 500 экз.

Извѣстія Одесскаго Библіографическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ. Вып. 2-й Т. IV Одесса. 1915. Тип. Центральная Н. Л. Лемберга (Херсонская, 21). 8° (17×26). 65—122+6 нен. стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 9 л. 500 экз.

Ильминскій, Яковъ. Святитель Аѳанасій III, Патріархъ Константинопольскій Пателарій. Историко-біографическое изслѣдованіе. Кіевъ. 1915. Изд. автора (Лубны). Тип. 1-ой Кіевской Артели Печатнаго Дѣла (Трехсвятительская, 5). 8° (17×25). VIII—160 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 22 л. 2.000 экз.

Императорскій Московскій и Румянцовскій музей. Иллюстрированный Путеводитель по Этнографическому музею. I. Отдѣленіе иностранной этнографіи. II. Дашковскій этнографическій музей. III. Залъ имени Ѳ. П. Рябушинскаго. М. 1915. Изд. вновь испр. и доп. Тип. Печатня А. И. Снегиревой (Остоженка, Савеловскій). 8° (13×21). 148+4 нен. стр. Съ рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 13 л. 3.000 экз.

Историческій очеркъ Саратовской Духовной Консисторіи. Саратовъ. 1915. Тип. Союза Печ. Дѣла. 8° (16×24). 16 стр. Вѣсъ 1 л. 25 экз.

Кастальскій, А. Образцы церковнаго пѣнія на Руси въ 15—17 вѣкахъ. Матеріалы для историческихъ духовныхъ концертовъ. М. 1915. Изд. и тип. П. Юргенсона. 8° (20×28). 7 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 2 л. 200 экз.

Мицкевичъ, Адамъ. Конрадъ Валленродъ. Историческая повѣсть. Вступленіе Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. (Переводъ М. Славинскаго. ПГ. 1915. Изд. Жизнь и Знаніе (Фонтанка, 38). Тип. Л. Я. Ганзбурга (Мытнинская ул., 11). 8° (14×19). 99+64 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 12 л. 3.200 экз.

Обозрѣніе преподаванія на Историко-филологическомъ факультетѣ Императорскаго Новороссійскаго Университета въ 1915/16 ак. году. Одесса. 1915. Тип. Епархіальнаго дома (Александровскій пр., 6). 8° (16×24). 8 стр.+1 таб. Вѣсъ 5 л. 200 экз.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1908 годъ. ПГ. 1915. Тип. В. Ѳ. Киршбаума (Новоисаакіевская, 20). 8° (18×27). VII+269+13 стр. Вѣсъ 1 ф. 30 л. 700 экз.

Отчетъ о дѣятельности состоящей подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Государыни Императрицы покровительствомъ Тамбовской ученой архивной комиссіи за 1914 годъ. Тамбовъ. 1915. Тип. т/д. Н. И Бердоносовъ и Сынъ. 8° (17×26). 27 стр. Вѣсъ 6 л. 75 экз.

Отчетъ о пятнадцатомъ присужденіи Императорскою академіею наукъ преміи митрополита Макарія въ 1913 году. По отдѣленію русскаго

языка и словесности. ПГ. 1915. Тип. Импер. акад. наукъ, (Вас. О. 9 л., № 12). 4⁰ (22 × 32). 63 стр. Ц. 55 к. Вѣсъ 14 л. 700 экз.

Отчетъ о пятьдесятъ четвертомъ присужденіи наградъ Графа Уварова. (Записки Императорской академіи наукъ. Томъ XII. № 6) ПГ. 1915. Тип. Импер. акад. наукъ, (Вас. Остр. 9 лин., 62). 4⁰ (23 × 32). 110 стр Ц. 90 к. Вѣсъ 21 л. 600 экз.

Отчетъ Этнографическаго Отдѣла Русскаго музея Императора Александра III за 1914 годъ. ПГ. 1915. Тип. Энергія (Загородный 17). 4⁰ (25 × 31). 34 стр. Вѣсъ 12 л. 300 экз.

Памятная Книжка и Адресъ-Календарь Вятской губерніи на 1915 г. Вятка. 1915. Изд. губ. статист. комит. Тип. Губернская. 8⁰ (18 × 26). VII+335+16 нен. стр. съ рис. Ц. 1 р. 60 к. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 1.900 экз.

Памятная книжка Новгородской губеніи на 1915 г. Новгородъ. 1915. Тип. Губернская. 8⁰ (16 × 22). V+16 нен.+281+17+46+51+57 стр. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 700 экз.

Парадіевъ, В. Личность графа А. К. Толстого. Черниговъ. 1915. Изд. бр. св. Михаила, кн. Черниговскаго. Тип. Епархіальная. 8⁰ (15 × 22) 51 стр. Вѣсъ 6 л.

Покровскій, М. Н. Очеркъ исторіи русской культуры. Часть I. М. 1914. Изд. т-ва Міръ (Знаменская, 9). Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰ (Пименовская, с. д.). 8⁰ (16 × 23). V+283 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 24 л. 3.000 экз.

Проходцовъ, Н. Н. Рязанская губернія въ 1812 г. преимущественно съ бытовой стороны. Матеріалы для исторіи Отечественной войны. Часть 2-я Рязань. 1915. Изд. Рязанск. губ. учен. архивн. комис. Тип. И. В. Любомудрова. 8⁰ (17 × 26). 5 нен.+633 стр. Вѣсъ 2 ф. 18 л. 500 экз.

Современный сербскій національный вопросъ. ПГ. 1915. Тип. Н. У. Евстифѣева (Невскій, 5). 4⁰ (22 × 28). 28 стр. съ 1 кар. Вѣсъ 8 л. 100 экз.

Справочная книга по Тверской епархіи 1915 г. Тверь. 1915. Изд. Тверской Дух. Консисторіи. Тип. Н. М. Блинова (Трехсвятская. д. Шиканова). 8⁰ (17 × 26). 24 стр. Вѣсъ 2 ф. 2 л. 1.400 экз.

Указанія къ наблюденію и собиранію матеріаловъ по мѣстной природѣ и быту. Педагогическіе курсы Ярославскаго губернскаго земства Ярославль. 1915. Тип. губернск. управы. 8⁰ (25 × 16). 17 стр. Вѣсъ 2 л. 150 экз.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

ГЕНЕРАЛЪ-ОТЪ-ИНФАНТЕРІИ

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ

ЮДЕНИЧЪ.

Командующій Кавказской арміей.

Статьи, подлежащія напечатанію въ 1916 году

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА".

Вступая въ 1916 г. въ сорокъ седьмой годъ своего существованія, ред. журн. „Русская Старина" предполагаетъ напечатать въ этомъ году слѣдующія статьи: **А. Ѳ. Кони.**—«Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля». «Житейскія встрѣчи». Дневныя записки генерала Патрика Гордона, сподвижника царей: Алексѣя Михайловича, Ѳеодора Алексѣевича и Петра Великаго **А. С. Лацинскаго.**—Петръ Великій, Императоръ Всероссійскій въ Голландіи и въ Саардамѣ въ 1697 и 1717 годахъ. Сочиненіе Якова Шельтена. **Е. С. Шумигорскаго.**—Донесенія датскаго посланника Гакстгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 г. Изъ записокъ гр. Ѳ. И. Головкина. Разсказы современниковъ объ Императорѣ Павлѣ I. **В. Н. Бочкарева.** Къ исторіи проведенія въ жизнь губернской реформы Екатерины II. Дневникъ статсъ-секретаря Гр. И. Виллaмова. Записки **Н. А. Розенбаха**, бывшаго командира Павловскаго полка, начальника штабовъ гвар. корпуса Петроградскаго округа и туркестанскаго генералъ-губернатора. (Правдивыя и подробныя записки касаются Императоровъ Александра II, Александра III, Вел. Кн. Владиміра Александровича, гр. Милютина, ген. Скобелева, гр. Шувалова, ген. Анненкова, кн. Имеретинскаго, ген.: Ванновскаго, Обручева, Черняева, Бобрикова и др. Эмира Бухарскаго, Хана Хивинскаго, Императоровъ Вильгельма I, Вильгельма II, эрцгерцоговъ Рудольфа, Франца Фердинанда, Мольтке, Каприви и др.). **А. П. Нѣелова.**—Изъ дальнихъ лѣтъ (три поколѣнія Нѣеловыхъ, дворцовые архитектора Царскаго Села. Капризъ Екатерины II и разговоръ ея по этому поводу. Разговоры Импер. Павла I и Александра I. Александръ I разбираетъ чертежи по постройкѣ Александровскаго дворца. Марія Парижская. Импер. Марія Ѳеодоровна ее воспитываетъ въ малыхъ лѣтахъ, отдаетъ въ Смольный и выдаетъ замужъ за В. Б. Жукова. Табакъ Жукова. Пожаръ дворцовой церкви, въ которой стояло тѣло Александра I. Императоръ Николай I сажаетъ Брюлова на гауптвахту за икону Саваоѳа въ Исаакіевскомъ куполѣ). **Н. Модестова.**—Послѣдніе дни жизни Императора Александра I. **Ал. Бородиной.** — Мои воспоминанія объ А. С. Даргомыжскомъ. **Н. М. Сутырина.**—По родной землѣ. Подробный разсказъ очевидца о пребываніи Пугачева въ г. Курмышѣ. **В. Андерсона.**—Дневникъ И. М. Снегирева. **М. Г. Мардарьева.**—Цензура иностранныхъ газетъ и журналовъ. **Н. А. Соловьева.** — Кража книгъ изъ Императорской публичной библіотеки германскимъ ученымъ Пихлеромъ. Записки **Н. В. Исакова.**—Военныя дѣйствія на Кавказѣ при Воронцовѣ (Характеристика гр. Воронцова, кн. Аргутинскаго, кн. Бебутова, Коцебу, кн. Барятинскаго, Евдокимова и др.). **Е. С. Каменскаго.**—Августѣйшіе кадеты (юные годы Императора Александра III). Записки гр. Н. П. Игнатьева о его пребываніи въ Константинополѣ въ 1864—1874 г.г. **В. Х. Кондараки.**—Воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ II въ Крыму. (Самыя подробныя воспоминанія, разговоры Императора). **С. Штрайха.**—Неизданныя письма Н. И. Пирогова религіозно-философскаго содержанія, представляющія чрезвычайно важное дополненіе къ его «Дневнику» «Вопросовъ жизни». **Н. Л. Бродскаго.** — 15 неизданныхъ писемъ И. С. Тургенева. **С. М. Шпицера.**— Два неизданныхъ стихотворенія А. В. Кольцова. Изъ архивныхъ матеріаловъ: неизданныя письма И. С. Тургенева, Н. Курочкина, П. И. Каратыгина, В. Р. Зотова, Вл. Чуйко, Д. И. Мамина-Сибиряка, Д. Л. Мордовцева. **Н. А. Лашкова.**—Аракчеевскій синодикъ. **А. И. Георгіевскаго.**— Мои воспоминанія и размышленія. **Е. А. Рагозиной.**— Дарданеллы и Египетъ при Измаилѣ-пашѣ. **П. Л. Юдина.** — Нѣмецъ все могитъ. **А. М. Чижевскаго.**—Воспоминанія о студентахъ Кіевской духовной академіи. **В. П.** Замѣтки Петроградскаго обывателя во время русской-нѣмецкой войны. Воспоминанія Чижевскаго, ген. Савельева, Веселовскаго, Андріяшева, Леваковскаго, Андреевскаго и др.

Въ будущемъ году будетъ обращено особое вниманіе на печатаніе воспоминаній участниковъ русско-нѣмецкой войны.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 10 руб. съ пересылкой, за границу 12 руб.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 5% съ каждаго рубля.

Подписка принимается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса".

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ Петроградѣ въ ред. журн. „Русская Старина" (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

„Новаго Времени", Невскій, 40;

„Т-ва М. О. Вольфъ", Гостиный дв., 18 и Невскій, 13 и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи каждаго выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографическій Отчетъ", платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной въ 1877—1878 г.г.

Глава XXXVIII [1]).

Въ одинъ изъ ближайшихъ дней послѣ только-что разсказаннаго мы вернулись, наконецъ, домой въ наше благословенное небомъ убѣжище; но волна броженія и смятенія духа резиденціи Абдулъ-Гамида докатилась и туда. Это было замѣтно даже въ мелочахъ: всегда преданный мнѣ Хассанъ-эфенди уже не являлся къ моему окну за традиціоннымъ пакетомъ для своихъ дѣтей, что волновало и огорчало меня несказанно!...

Наши друзья и пріятели изъ турецкихъ кварталовъ видимо избѣгали насъ и, такимъ образомъ, сношенія мои съ гаремами прекратились.

Какъ-то мимо нашего балкона проходилъ караулъ: одинъ изъ аскеровъ, указывая на государственный щитъ, висѣвшій надъ входомъ въ консульство, громко сказалъ по адресу двуглаваго орла: „О! о, какъ ладно усѣлась ты, московская птица! Придѣлай себѣ хоть еще двѣ глупыя башки, а далеко не улетишь!"...

— Мы сваримъ изъ нея пилавъ для ихъ „страшнаго генерала"—хохотали солдаты, бряцая кинжалами и удаляясь.

А вотъ и обратная сторона психологіи турецкаго воина. Мнѣ уже приходилось говорить, что въ Хіосѣ роль проводниковъ, носильщиковъ и всякихъ другихъ профессій на житейской аренѣ мѣстнаго обывателя исполняли нижніе чины крѣпостного гарнизона. Начальство разрѣшало имъ это весьма даже охотно, лишь бы они не слишкомъ настойчиво требовали свое жалованье изъ опустошенной казны государства, а питались бы за счетъ

[1]) См. „Русская Старина", ноябрь 1915 г.

христіанскаго населенія—такова была мудрая политика руководителей судьбами Оттоманской имперіи, вступавшей на путь либеральной конституціи...

По желанію моей тетушки я собралась однажды въ Латинскій кварталъ, чтобы обмѣняться визитами съ домами европейскаго общества. Али привелъ изъ цитадели проводника, и мы отправилась верхами къ той части города, гдѣ расположены были женскія общины католическаго міра. Спутникъ мой, уже извѣстный читателю Ибрагимъ, сопровождавшій меня обыкновенно и прежде въ моихъ экскурсіяхъ по лабиринтамъ кривыхъ грязныхъ улицъ Хіоса, такой всегда бывало разговорчивый, откровенный, теперь угрюмо, демонстративно молчалъ, какъ бы желая выразить этимъ свой личный протестъ и осужденіе нашей русской политикѣ въ Турціи. Когда же я, расплачиваясь съ нимъ, подарила ему сверхъ условленной цѣны еще нѣсколько монетъ, то озлобленный воинъ Магомета не выдержалъ тона: его суровыя черты лица дрогнули и въ глубокомъ, душевномъ порывѣ онъ бросился цѣловать края моей одежды. Такимъ образомъ отсюда можно видѣть, что политика и голодъ не всегда идутъ въ ногу, а турецкому солдату, не получавшему годами жалованья, все это очень хорошо и давно было извѣстно... Ваферъ-бей, какъ и обѣщалъ, увѣдомилъ меня, что Тафти собирался вернуться изъ командировки домой къ наступавшему празднику Байрама. Это не застало меня врасплохъ, такъ какъ я ждала его со дня на день.

Какой-то психологъ сказалъ, что любовь побѣждаетъ все, даже инстинктъ расы и управляется только законами сердца...

— Однако—размышляла я, дѣлая отчаянныя усилія, чтобы рѣшить, наконецъ, страшную проблему моей жизни,—всѣ эти вопросы нисколько не тревожили меня, пока наша дипломатія занималась только славянами. Но гдѣ найду я для себя оправданіе, когда заговорятъ русскія пушки? Нѣтъ! нѣтъ, есть что-то и другое кромѣ аргумента любви...

Моя турецкая подруга Элиме, не взирая ни на какія внушенія и дипломатическія комбинаціи, тѣмъ не менѣе осталась вѣрна себѣ и вотъ почему она не смогла преодолѣть искушенія, чтобы не написать мнѣ слѣдующаго: „Ханумъ и я, а также Базя и Лазя шлемъ вамъ горячій селямъ [1]) отъ нашихъ вѣрныхъ сердецъ, которыя всегда будутъ хранить драгоцѣнные алмазы вашей дружбы. Мы надѣемся также, что вы окажете

[1]) Селямъ значитъ „привѣтъ“.

намъ высокую честь, если посѣтите нашъ домъ завтра въ 5 часовъ дня...

Я читала эти строки, и записка дрожала въ моихъ рукахъ: словно какая-то громадная, мощная птица подхватила меня вдругъ на свое крыло и съ неудержимой быстротой урагана стала выносить за предѣлы волшебнаго круга, гдѣ томилась моя душа; мысли, обгоняя одна другую, летѣли впередъ и уплывали, какъ это бываетъ только во снѣ; что-то яркое на одно лишь мгновеніе блеснуло мнѣ, а затѣмъ угасло подобно метеору, упавшему на землю...

— Я знаю, чего добивается это коварное созданіе и въ какую ловушку она хочетъ заманить меня,—громко стучало въ голову и въ сердце, сжимая его до боли...

Вошла моя тетушка:

— Женя,—спросила она,—ты написала отвѣтъ? Кавасъ ждетъ—отпусти его...

— Нѣтъ еще,—проговорила я, смущаясь, не зная, какъ формулировать мое возраженіе,—мнѣ очень не хотѣлось бы теперь, милая тетя, встрѣчаться даже съ Элиме и вообще ни съ кѣмъ изъ нихъ—такія все интриганки...

— Поссорились, вѣроятно, или еще какая-нибудь тамъ глупость между вами?—перебила она, слегка раздражаясь,—ну, это не важно, а затѣвать исторію было бы крайне не удобно: твой дядя здѣсь оффиціальное лицо, и ему прежде всего надо ладить съ губернаторомъ—садись и пиши, что молъ рада будешь повидаться съ ней и пр....

Я исполнила ея волю; но отправилась туда уже съ опредѣленнымъ рѣшеніемъ держаться на уровнѣ моихъ теорій и принциповъ. Однако говорятъ, что благими намѣреніями вымощенъ только адъ, но не сердце человѣка: едва лишь переступила я черезъ порогъ фатальнаго дома, гдѣ живы еще были крылатыя грезы любви, какъ меня захватила минута глубокаго колебанія, и всѣ мои душевныя силы пошли въ разбродъ...

А тѣмъ временемъ хитрая Элиме шептала мнѣ:

— Удовольствіе сердца, розовый цвѣточекъ [1]), помните, вы обѣщали найти „мою звѣзду“ въ какой-то ученой книгѣ; но я забыла ея названіе? Милый прелестный коралловый ротикъ [2]), мы ждали васъ, какъ даръ небесъ, а вы уѣхали въ Стамбулъ! Ну, какая „она“—скажите?...

---

[1]) Метафора, ласкательныя прозвища у турчанокъ.

[2]) Метафора.

Я вспомнила и залилась громкимъ смѣхомъ, что видимо озадачило мою собесѣдницу:

— А-а! — протянула она, вспыхивая до корней волосъ и блеснувъ на меня своими огненными зрачками,—все это было неправда?! Вы просто дурачили меня?! Но какъ же вамъ не грѣшно такъ ужасно морочить людей?!.. А теперь и мы съ ханумъ не скажемъ вамъ, что писалъ моему отцу Тафти-бей— вотъ и увидимъ тогда, кто будетъ смѣяться!...

Эти слова, какъ отравленныя стрѣлы, попали мнѣ прямо въ сердце и такъ мѣтко, что въ концѣ концовъ отъ моихъ „теорій" и принциповъ ровно ничего не осталось: значитъ, такова природа любви...

— Нѣтъ! нѣтъ, милая хорошая Элиме,—возражала я, не помня себя и глотая слезы:—никогда мнѣ на умъ не приходило морочить васъ, а наоборотъ, искала вашу звѣзду...

— И нашли ее?! Нашли?!—пронизывая меня своими хищными глазами, спрашивала она.

— Да, нашла!—отвѣтила я съ увѣренностью астролога, для котораго судьба человѣка въ книгѣ мірозданія была открытой страницей,—и вотъ она сказала мнѣ, что въ недалекомъ будущемъ вы уѣдете изъ Хіоса и выйдете замужъ за очень богатаго офицера султанской гвардіи...

— Говорите! говорите, что еще?—стонала Элиме, обвиваясь руками вокругъ меня,—когда это будетъ?...

— Ахъ, очень скоро: ну, мѣсяца черезъ два, три не болѣе, говорила я, какъ во снѣ; но съ глубокимъ вниманіемъ прислушиваясь къ тому голосу, который пѣлъ въ моей душѣ страстный гимнъ торжествующей любви...

— Гдѣ онъ сейчасъ? Какъ его зовутъ? Сколько у него будетъ женъ?—долетало ко мнѣ точно изъ хаоса какого-то другого бытія и звучало дикимъ аккордомъ надо мной...

Наконецъ, я овладѣла собой и наговорила ей экспромптомъ такъ много прекрасныхъ вещей, что голова у нея пошла кругомъ.

Съ бастіона крѣпости раздался выстрѣлъ пушки, возвѣщая, такимъ образомъ, наступавшій закатъ солнца. Моя собесѣдница вдругъ сразу оборвала нить разговора и, оглядываясь на дверь, словно ожидая кого-то, тихо, еле слышно проговорила:

— Вотъ и ханумъ: она идетъ сюда; но убѣдительно прошу ни слова ей о „моей звѣздѣ"—и на вопросъ мой: „почему?" объяснила такъ:

Въ моментъ акшами [1]) не полагается вообще говорить о важ-

[1]) Часъ заката.

ныхъ предметахъ, а иначе злые „джины“ [1]) могутъ все это проглотить...

Вошла красавица-губернаторша, сіяя улыбками привѣта и роскошью наряда. Наложницы Кіамиль-паши внесли подносы съ угощеніемъ. Удаливъ прислугу, Элиме перевела свою рѣчь на тему о войнѣ:

— Мы сейчасъ однѣ и будемъ откровенны, какъ родныя сестры,—обращаясь ко мнѣ, заговорила она въ тонѣ патронессы какой-то:—вашъ прекрасный бей увѣдомляетъ моего отца, что на будущей недѣлѣ онъ возвращается домой. Но дѣло еще въ томъ, что нашъ великій падишахъ собирается воевать съ московскимъ царемъ—слѣдовательно, и Тафти-бею волею Аллаха придется уѣхать опять въ армію...

— А вашъ дядя, господинъ консулъ и его супруга, не останутся здѣсь?—отозвалась робкая Ашима.

— Ну, конечно,—подтвердила я,—въ тотъ же день, какъ будетъ объявлена мобилизація, мы уѣдемъ отсюда, намъ уже давно все это очень хорошо извѣстно...

— Какъ?! и вы также?!—воскликнули обѣ турчанки и переглянулись между собой: видимо у нихъ что-то сорвалось, а зарядъ попалъ не туда...

Гортанный языкъ „счастливой Аравіи“ снова пошелъ въ ходъ, но мимика была такъ выразительна, что на догадку оставалось только перефразировать слѣдующее: „Нѣтъ! ты не ускользнешь изъ нашихъ рукъ, гяурка! Мы получимъ свой призъ отъ влюбленнаго дурака—кстати и денегъ у него много“....

Наконецъ, онѣ вспомнили о моемъ присутствіи:

— Милый, розовый цвѣточекъ,—нѣжно и ласково прозвучалъ голосокъ Элиме,—вотъ что говоритъ ханумъ, а также и я: если вы покинете насъ, то и лучъ свѣта угаснетъ навсегда для тѣхъ, кто любитъ васъ, а Тафти-бей, конечно, умретъ!...

Я слушала ее, не возражая, и мнѣ хотѣлось знать, куда она вела свою тонкую, извилистую политику?

— Нѣтъ! нѣтъ! мы этого не допустимъ: вы любите другъ друга, ваша судьба здѣсь, а не въ Россіи, гдѣ живутъ страшные казаки—они ѣдятъ живыхъ людей...

— И меня съѣдятъ, думаете вы?—расхохоталась я.

— Нѣтъ, не то!—смутилась она,—мы очень и очень боимся какъ-бы вы не попали тамъ на штыкъ башибузуку, если уѣдете отсюда...

---

[1]) Духи, сотворенные, какъ сказано въ коранѣ, изъ чистаго огня безъ дыма—бываютъ злые и добрые.

— Это какимъ образомъ?!—послѣдовалъ мой вопросъ, на который мнѣ отвѣтили такъ:

— Ахъ, все можетъ быть, и никто не знаетъ, гдѣ находятся предѣлы его жизни?... Вотъ Лазя и Базя говорятъ также, что наши аскеры и редифы дали клятву на знамени пророка устроить въ Московіи такой „Секимъ-башка“ во славу Имени Аллаха, какого еще не было отъ сотворенія міра!...

— Пусть лучше поберегутъ свои дурацкія башки, а до нашихъ, Богъ Милостивъ, не доберутся! — въ порывѣ глубокаго отвращенія вскрикнула я.

— Ну, нѣтъ, извините!—возразила она съ тѣмъ апломбомъ, который никогда не покидалъ ее,—Аллахъ любитъ мусульманъ больше, чѣмъ гяуровъ—въ коранѣ сказано, что племя оттомановъ будетъ царить надъ вселенной и на небѣ въ божественныхъ садахъ Эдема [1]), гдѣ обитаютъ свѣтлыя гуріи и добрые джины—такъ говорилъ пророкъ, когда училъ людей, а каждое его слово законъ!...

Я молчала, не имѣя ни малѣйшаго желанія оспаривать доводовъ моей собесѣдницы: нервы дрожали, какъ струны, въ глазахъ мелькали навязчивые огоньки, а сердце било тревогу...

— Значитъ, вы разлюбили уже красавца Тафти и держите сторону его враговъ?—съ коварной усмѣшкой спросила она.

Нахальство турчанки прямо ошеломило меня: я не выдержала роли и залилась отчаянными, горькими слезами...

Арабскій языкъ опять смѣнилъ нашу греко-турецко-французскую рѣчь: явились Лазя и Базя, какъ члены семьи, съ авторитетнымъ мнѣніемъ которыхъ надо было считаться, и принялись обсуждать дальнѣйшій планъ дѣйствій. Пренія велись на гортанномъ сирійскомъ нарѣчіи. Знакомые уже читателю имена Даулъ-эфенди, а также Аѳины, или какъ она себя передѣлала на французскій ладъ Атины, повторялись чаще всего. Рѣзкіе выкрики, энергичная жестикуляція и страстная мимика дополняли эту жанровую картинку на фонѣ гаремной обстановки.

Наконецъ резолюція была торжественно мнѣ объявлена:

— Мы рѣшили предложить вамъ наши услуги и, такимъ образомъ, устроить вашу судьбу,—такъ начала хитроумная Элиме, видимо наслаждаясь заранѣе эффектомъ своей рѣчи:—Но для того, чтобы васъ не увезли въ Московію, когда будетъ объявлена война, мы составили такую комбинацію и надѣемся, что Тафти будетъ намъ за это очень благодаренъ: наканунѣ

---

[1]) Коранъ, глава IV.

Байрама вы получите отъ меня приглашеніе на ужинъ, а затѣмъ наша добрая, милая Атина Даула, всегда готовая служить намъ до послѣдняго дыханія жизни, отвезетъ васъ тайно на пароходѣ и вы уѣдете съ ней сначала въ Бейрутъ, а оттуда въ Алеппо, куда она уже давно собиралась...

— Яй юни! Яй джани! [1])—шептала мнѣ нѣжная красавица ханумъ, сокрушаясь о моей горькой долѣ,—Аллахъ Акбаръ [2])! Онъ пошлетъ вамъ лучъ своего благословенія за вашу любовь къ правовѣрному...

— Тамъ вы будете представлены обществу, какъ родственница Даулъ-эфенди изъ Франціи,—дѣловито заговорила Элиме,—васъ не дадутъ въ обиду, научитесь говорить по-арабски, будете ѣсть пилавъ, жареныхъ козлятъ, пить самый лучшій въ мірѣ кофе—чего же вамъ еще?!...

Я слушала ее и какъ автоматъ повторяла:

— О! какъ все это ужасно! Какой мракъ и когда суждено мнѣ выбраться изъ него?!...

— Въ Алеппо вы будете жить, словно гурія въ раю, отвѣчали мнѣ на это,—а когда вернется изъ арміи вашъ красавецъ-бей, мы обвѣнчаемъ васъ безъ всякихъ замедленій—только и всего! Интересно, о какихъ ужасахъ вы говорили сейчасъ и чего вамъ надо еще будетъ?!...

Эта неотразимая логика, хотя и жестокая, не разсѣяла, правда, всего кошмара въ моей душѣ, но такъ или иначе, а я стала немного разбираться въ моихъ теоріяхъ, съ которыми пришла сюда...

Наступила ночь, свѣтлая, тихая, ароматная; луна, ныряя въ облакахъ, плавала надъ Архипелагомъ, освѣщая мнѣ путь въ темныхъ улицахъ греческаго квартала. Рядомъ со мной, вооруженный съ ногъ до головы, шелъ албанецъ, кавасъ губернатора и разсказывалъ мнѣ что-то о своей далекой родинѣ. Затѣмъ мы пришли къ набережной. На рейдѣ пылали и дымились факелы рыбаковъ; шумѣли волны, гонимыя легкимъ вѣтеркомъ; море пѣло свой вѣчный привѣтъ звѣздному небу и точно умоляло его не укрываться облаками, которыя уже тянулись по краямъ горизонта.

Вдругъ чей-то голосъ окликнулъ моего проводника:

— Эй, Маметъ, стой! Ты ведешь барышню? А почему не Ибрагимъ? Ну, да все равно—отойди въ сторону: мнѣ надо сказать госпожѣ нѣсколько словъ...

---

[1]) Ласкательныя арабскія прозвища: „мои глазки“, „моя душечка“.

[2]) Богъ Великъ!

И говорившій это приблизился ко мнѣ: я узнала Вафиръ-бея!

— Mademoiselle,—раскланиваясь со мной, проговорилъ онъ тихо, но голосъ его обрывался на каждомъ словѣ, а рука, сжимавшая мою, была холодна, какъ ледъ,—нашъ Тафти пріѣхалъ съ австрійскимъ „Ллойдомъ“ не болѣе, какъ три часа тому назадъ...

— Пріѣхалъ!!—вскрикнула я и не узнала своего голоса...

— Да... пріѣхалъ,—точно эхо отозвался онъ и наклонился къ моему лицу:

— Умоляю васъ, постарайтесь овладѣть собой,—шептали его губы,—значитъ, такова воля Аллаха и его непреложнаго закона... Ну, а теперь я даже не знаю, какъ вамъ это передать?...

Прошло много, много лѣтъ съ того момента до нашихъ дней, а я и сейчасъ, когда закрываю глаза, вижу себя надъ пропастью, скованною ледянымъ холодомъ необъятнаго ужаса...

— Моя первая мысль была сообщить вамъ,—разсказывалъ тѣмъ временемъ мой собесѣдникъ,—я былъ въ консульствѣ, но Али сказалъ мнѣ, что вы не приходили еще домой, и вотъ, наконецъ, мнѣ удалось встрѣтить васъ...

— Говорите!—опомнилась я, и ноги мои стали тяжелѣй свинца.

— Ну, словомъ,—получила я въ отвѣтъ—нашъ бѣдный другъ тяжело раненъ и...

— Кѣмъ?—слетѣло точно не съ моихъ губъ, а будто неизвѣстно кто говорилъ за меня.

— „Кѣмъ“?!...—повторилъ мой вопросъ Вафиръ-бей,—вы сами знаете, кому надо было перешагнуть къ вамъ черезъ его трупъ...

— Умеръ?—мелькнуло только у меня въ головѣ, и я полетѣла въ какую-то бездну...

Вотъ и конецъ моего романа: яркая звѣзда пламенной любви блеснула мнѣ на одно лишь короткое мгновеніе и закатилась, не успѣвъ даже сказать послѣдняго „прости“...

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Донесенія датскаго посланника Гакстгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 года [1]).

(Переводъ съ французской рукописи Н. А. Бѣловой).

Петербургъ, $\frac{\text{25 января}}{\text{5 февраля}}$ 1762.

(*Писано шифромъ*). „Г. Прассе глубоко возмущенъ дерзкимъ и недостойнымъ пріемомъ, оказаннымъ ему недавно Императоромъ: онъ принялъ отъ него грамоты польскаго короля, какъ просьбу отъ какого-нибудь прощалыги или нищаго. Г. Прассе чувствовалъ себя такимъ смущеннымъ и опозореннымъ, что сначала затруднялся—говорить ли намъ о случившемся, но все уже стало извѣстно отъ лицъ, бывшихъ свидѣтелями того, какъ Императоръ его выпроводилъ, и весьма этимъ позабавившихся. Тогда онъ счелъ нужнымъ сообщить намъ о происшедшемъ, предупредивъ, что всѣхъ насъ, въ свою очередь, ожидаетъ та же участь. Г. де-Бретейль, всегда слишкомъ горячій, рѣзко возразилъ ему на это, говоря, что онъ, во всякомъ случаѣ, надѣется, что ни г. Прассе, ни его дворъ не предполагаютъ приравнивать себя къ намъ и къ нашимъ дворамъ.

Послѣ этого, г. Бретейль говорилъ мнѣ и всѣмъ публично, что если Императоръ рѣшится принять его подобнымъ же образомъ на его первой аудіенціи, то онъ не вручитъ ему своихъ вѣрительныхъ грамотъ и оставитъ ихъ у себя въ карманѣ.

Но, несмотря на это, я не поручусь, чтобы г. Бретейлю не былъ оказанъ Его Величествомъ подобный пріемъ, въ особенности, если до Императора дойдутъ его слова и намѣреніе.

---

[1]) См. „Русская Старина“, май 1915 г.

Такъ какъ баронъ Корфъ [1]) получилъ уже, вѣроятно, свои вѣрительныя грамоты, отправленныя ему съ нашимъ послѣднимъ курьеромъ, то можетъ случиться, что мнѣ первому, послѣ г. Прассе, будетъ предоставлена аудіенція Императора,—если, конечно, Его Величество король не соблаговолилъ одобрить мою мысль, высказанную мною въ частномъ моемъ письмѣ къ вашему превосходительству, и найдетъ нужнымъ продлить мое пребываніе здѣсь въ качествѣ посланника; надѣюсь, что на своей аудіенціи я не испытаю никакихъ непріятностей.

Мнѣ удалось, наконецъ, узнать, вслѣдствіе какой причины прекращено временное соглашеніе съ нами. Господа здѣшніе гольштинцы, которые интригуютъ противъ насъ и всячески губятъ (qui déclament contre nous и nous déchirent), а именно г.г. Бредаль, Сальдернъ и нѣкоторые офицеры невысокихъ ранговъ, убѣдили Императора въ томъ, что стоитъ ему только объявить договоръ, срокъ котораго уже истекъ, уничтоженнымъ, какъ тотчасъ же въ Киль явится изъ нашей арміи такое необычайное количество дезертировъ, что только изъ нихъ можно будетъ составить нѣсколько новыхъ полковъ. Эта мысль очень понравилась Императору, и онъ распорядился, чтобы г. Брокдорфъ на словахъ сказалъ мнѣ объ уничтоженіи соглашенія; Брокдорфъ, не желая передавать мнѣ объ этомъ устно, согласился исполнить порученіе Императора при условіи разрѣшенія увѣдомить меня нотой.

Находящійся здѣсь швейцарскій офицеръ, нѣкто г. Планта, обратился къ Императору съ предложеніемъ набрать на своей родинѣ три полка,—на что онъ надѣется получить согласіе кантоновъ,—для отправки въ Голштинію. Проектъ этотъ былъ одобренъ Императоромъ, а Планта отправится въ Швейцарію, чтобы выполнить принятое на себя обязательство. Спѣшу сообщить объ этомъ вашему превосходительству, добавивъ при этомъ, что слухъ о наборѣ въ Голштиніи восемнадцати полковъ упорно держится и представляется мнѣ довольно основательнымъ.

Положеніе г. Брокдорфа хуже, чѣмъ когда бы то ни было. Бредаль и Сальнернъ взяли надъ нимъ верхъ и торжествуютъ. Говорятъ, что Императоръ лишитъ его завѣдыванія голштинскими дѣлами и передастъ ихъ въ вѣдѣніе г. Вольфа и его помощника—Сальдерна.

---

[1]) Баронъ Корфъ, Іоганнъ Альбертъ, русскій посланникъ въ Даніи, дѣйствительный тайный совѣтникъ, р. 1697 г., ум. въ 1766 г.

Четыре дня, какъ Императоръ снова въ ссорѣ съ M-lle Воронцовой; она дуется на него, прикидывается больной и дѣлаетъ видъ, что она въ отчаяніи отъ ревности, которую она, будто-бы, возымѣла къ одной изъ фрейлинъ Чоглоковой [1]) (кузина покойной Императрицы, довольно красивая лицомъ, но горбатая), за которой Его Величество теперь сильно ухаживаетъ. Все это со стороны M-lle Воронцовой—одно притворство: она желаетъ убѣдиться въ своей власти и надѣется такими хитростями вернуть къ себѣ Императора; но такъ какъ она безобразна и глупа, то можетъ ошибиться и достигнетъ того, что Императоръ, склонный къ дурному расположенію духа, совсѣмъ ее броситъ.

Но пока онъ призывалъ къ себѣ, третьяго дня, отца своей возлюбленной и упрекалъ его за смѣхотворную ревность его дочери, приказывая, чтобы онъ образумилъ ее и заставилъ по-прежнему угождать ему.

Недавно, во время похороннаго шествія за гробомъ графа Шувалова, Императоръ, наблюдавшій похороны изъ оконъ дома графа Строганова, такъ былъ взбѣшенъ тѣмъ, что Ингерманландскій полкъ шелъ не въ ногу съ остальными полками, что, высунувшись изъ окна, наговорилъ тысячу ругательствъ по адресу офицеровъ и солдатъ этого полка, жестоко укоряя ихъ въ незнаніи своего дѣла.

Предполагаютъ, что г-жа Строганова—дочь канцлера,—довольно красивая женщина, также будетъ одной изъ султанскихъ любовницъ [2]).

Я забылъ сообщить вашему превосходительству о запрещеніи Императоромъ, тотчасъ по своемъ вступленіи на престолъ, реляціи о взятіи города Кольберга, печатавшейся въ день смерти Императрицы; небольшое количество экземпляровъ ея однако кое-гдѣ разошлись по рукамъ. Вслѣдствіе запрещенія документъ этотъ особенно усердно всѣми разыскивается, и многіе платили за него большія деньги. Императоръ приказалъ третьяго дня обыскать всѣ здѣшнія книжныя лавки и забрать

---

[1]) Екат. Ник. Чоглокова, род. 1745—1794. Вышла за одного изъ пособниковъ Екатерины II при вступленіи ея на престолъ. Сестра ея, Вѣра Николаевна, была впослѣдствіи предметомъ нѣжной привязанности Великаго Князя Павла Петровича.

[2]) Графиня Анна Михайловна Строганова, урожденная графиня Воронцова, впослѣдствіи разошлась со своимъ мужемъ, графомъ Александромъ Сергѣевичемъ.

оттиски реляціи,—если они будутъ найдены,—подъ угрозой строжайшаго наказанія за ихъ храненіе и обнародованіе.

Фельдмаршалъ князь Трубецкой, оказавшій такія важныя услуги Императору, находится теперь въ полномъ пренебреженіи, чѣмъ онъ очень недоволенъ. У него нѣтъ состоянія, и онъ надѣялся, что Императоръ, оцѣнивъ его усердіе, подаритъ ему значительную сумму денегъ, но денегъ онъ не получилъ ни гроша.

Г. Кейтъ проявилъ такую угодливость, что поцѣловалъ руку покойной Императрицы, что, однако, не сдѣлалъ ни одинъ иностранный посланникъ, даже изъ числа самыхъ слабохарактерныхъ. Для того, чтобы еще болѣе угодить Императору, (*конецъ шифра*) г. Кейтъ, единственный изъ всѣхъ посланниковъ, въ точности выполняетъ предписанный трауръ: онъ придерживается самаго глубокаго траура,—съ траурнымъ выѣздомъ и чернаго цвѣта ливреями. Шведскій и голландскій посланники и саксонскій резидентъ послѣдуютъ его примѣру. Испанскій посланникъ—также, за исключеніемъ черныхъ ливрей. Французскій посланникъ будетъ носить неглубокій трауръ, говоря, что онъ не имѣетъ права носить глубокій трауръ по иностранной государынѣ, не состоящей ни въ какомъ родствѣ съ его повелителемъ. Что касается меня, то я буду придерживаться траура, принятаго въ нашей странѣ,—если только король не распорядится иначе.

Долженъ сообщить вашему превосходительству, что глубокій трауръ начался сегодня. Всѣ публичныя празднества—свадьбы, зрѣлища, танцы,—запрещены на четыре мѣсяца.

Его Величество былъ такъ милостивъ и внимателенъ по отношенію къ тѣмъ изъ своихъ подданныхъ, которые имѣютъ честь быть родственниками покойной Императрицы, что приказалъ записать ихъ имена и объявить, что въ похоронномъ шествіи за гробомъ Императрицы они должны слѣдовать не по рангу, а по степени ихъ родства и свойства съ этой государыней; къ числу послѣднихъ принадлежатъ слѣдующія лица: оберъ-гофмаршалъ Скавронскій, двоюродный братъ покойной Императрицы, канцлеръ, супруга котораго—кузина этой государыни, оберъ-полицеймейстеръ баронъ Корфъ, умершая супруга котораго также была родственницей Императрицы, и графъ Гендриковъ, двоюродный братъ почившей. Тѣмъ же отличіемъ будетъ пользоваться и семья Нарышкиныхъ, такъ какъ къ ней принадлежала мать Императора Петра I, урожденная Нарышкина.

Его Величеству вѣчно будетъ принадлежать честь мѣропріятія, представляющаго неоцѣнимое благо для народа: Его Величествомъ изданъ приказъ объ удешевленіи соли, стоимость которой уменьшена вдвое. Этотъ приказъ принесетъ громадное облегченіе бѣднымъ людямъ, которые до сихъ поръ почти не въ состояніи были покупать себѣ соли и, вслѣдствіе недостатка этого благодѣтельнаго необходимаго для жизни продукта, очень многіе изъ нихъ умирали,—въ особенности постомъ.

Третьяго дня сюда прибылъ принцъ Георгъ Голштинскій. Его Величество оказалъ ему такое вниманіе, что выѣхалъ къ нему навстрѣчу за 25 верстъ, и обѣдалъ съ нимъ въ Красномъ Селѣ. Супруга принца, вслѣдствіе своего слабаго здоровья, дѣлаетъ небольшіе перегоны и пріѣдетъ сюда не такъ скоро.

Канцлеръ выздоравливаетъ, но не покидаетъ еще постели и чувствуетъ себя весьма слабымъ.

Здѣсь свирѣпствуютъ всевозможныя болѣзни; нѣкоторыя изъ нихъ—повальнаго свойства и уносятъ множество жертвъ.

Уже двѣ недѣли, какъ голландскій посланникъ опасно боленъ приступомъ подагры; почти нѣтъ надежды на его выздоровленіе.

Гакстгаузенъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Сообщилъ **Е. С. Шумигорскій.**

Изъ записокъ короля Станислава Августа Понятовскаго.

Послѣдній король польскій—Станиславъ-Августъ Понятовскій,—этотъ „природный Пястъ", получившій престолъ изъ рукъ Екатерины II, былъ совершенно неподготовленъ и не подходящъ для той роли, которую ему пришлось играть волею судебъ. Онъ былъ легкомысленъ, безбоженъ, преданъ веселой, развратной жизни, мало интересовался судьбою Польши и не съумѣлъ снискать расположенія поляковъ, которые, видя, что онъ смотрѣлъ совершенно равнодушно, какъ гибло польское государство, подъ конецъ возненавидѣли его.

Великая драма, разыгравшаяся въ Польшѣ во время его царствованія, не произвела на него никакого впечатлѣнія. Когда подготовлялся раздѣлъ Рѣчи Посполитой, у него не хватило мужества стать на сторону партіи патріотовъ и вступить въ открытую борьбу съ сосѣдними государствами; онъ только мечталъ о томъ, чтобы сосѣднія государства „оставили ему кусокъ земли величиною хоть въ треугольную шляпу, на которомъ онъ могъ бы прожить до конца дней своихъ". Эта мечта не осуществилась: послѣ отреченія отъ престола Понятовскому пришлось жить въ Петербургѣ; тутъ онъ и скончался 12 февраля 1798 г. въ Мраморномъ дворцѣ, гдѣ ему было отведено помѣщеніе по повелѣнію императора Павла; „Живя въ Петербургѣ, вдали отъ государственныхъ работъ, располагая своимъ временемъ, какъ частный человѣкъ, Станиславъ-Августъ началъ вести дневникъ, въ которомъ онъ тщательно отмѣчалъ все сдѣланное и все видѣнное имъ за день. Князь Адамъ Чарторый-

скій, проводившій зиму 1797—1798 г. въ Петербургѣ, видѣлъ его не разъ утрами, когда онъ нечесанный, въ халатѣ, писалъ свои мемуары“ [1]).

Кромѣ дневника послѣ Станислава-Августа осталось много всевозможныхъ бумагъ: писемъ, замѣтокъ, записокъ. Онъ всю жизнь отмѣчалъ событія, коихъ онъ былъ свидѣтелемъ, хранилъ свою корреспонденцію, записывалъ свои впечатлѣнія и на основаніи этихъ замѣтокъ составилъ впослѣдствіи свои записки, которыя были начаты имъ лишь въ 1771 г. и писались съ перерывами, болѣе или менѣе значительными въ теченіе десяти слишкомъ лѣтъ. Пролежавъ подъ спудомъ болѣе ста лѣтъ, онѣ издаются нынѣ иждивеніемъ Академіи Наукъ, при ближайшемъ участіи С. Горяинова, который въ обстоятельномъ предисловіи знакомитъ читателя съ исторіей этихъ объемистыхъ записокъ.

Онѣ писаны по-французски, подъ диктовку короля, его секретаремъ Христіаномъ-Вильгельмомъ Фризе, и снабжены и дополнены собственноручными замѣтками Станислава-Августа.

„По смерти короля, Фризе передалъ восемь переплетенныхъ томовъ князю Репнину, который препроводилъ ихъ по повелѣнію Императора Павла въ кабинетъ Его Величества, между тѣмъ какъ графъ Сергѣй Румянцевъ передалъ два непереплетенныхъ тома въ архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ“, откуда они перевезены впослѣдствіи вмѣстѣ съ прочими бумагами на храненіе въ московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

„Король, при жизни, давалъ нѣкоторымъ лицамъ для прочтенія отрывки изъ этихъ записокъ. Такъ напр. князь Адамъ Чарторыйскій упоминаетъ въ своихъ мемуарахъ, что у него былъ въ рукахъ тотъ томъ записокъ, въ которомъ повѣствуется о посольствѣ Станислава Понятовскаго въ Петербургъ въ царствованіе Августа III“.

„Въ первой части записокъ Понятовскій повѣствуетъ о своей молодости, о своемъ путешествіи въ Вѣну, Лондонъ и Парижъ и о первомъ посѣщеніи имъ Петербурга въ 1755 году. Во второй части онъ описываетъ свое пребываніе въ столицѣ, возложенную на него дипломатическую миссію и отъѣздъ изъ Россіи въ 1758 г. Третья часть относится къ годамъ, предшествовавшимъ его вступленію на престолъ (1759—1764). Въ четвертой части описываются первые годы царствованія, поку-

---

[1]) Mémoires du roi Stanislas-Auguste Poniatowski. Tome I, St. Pétersbourg. 1914. (720 + I—XV стр.).

шеніе на его жизнь 3 ноября 1771 г. и процессъ цареубійцъ. Въ пятой части описаны событія 1772—1773 г. Шестая заканчивается послѣднимъ засѣданіемъ сейма 11 апрѣля 1775 г. Въ седьмой описанъ сеймъ 1776 г. Восьмая заканчивается 1788 годомъ".

Изданный нынѣ первый томъ записокъ короля Станислава-Августа Понятовскаго содержитъ ихъ четыре первыя части. Описывая свое дѣтство и воспитаніе, которымъ руководила съ большой заботливостью его мать, „женщина во всѣхъ отношеніяхъ выдающаяся", придававшая огромное значеніе выработкѣ въ сынѣ нравственныхъ правилъ, Станиславъ-Августъ объясняетъ недостатки, которые обнаружились въ немъ впослѣдствіи слишкомъ строгими требованіями, которыя мать предъявляла къ нему съ ранняго дѣтства, изъ желанія, чтобы онъ былъ лучше сверстниковъ, чтобы онъ стоялъ выше ихъ нравственно.

„Видя недостатки умственнаго и нравственнаго воспитанія современной польской молодежи, мать требовала, пишетъ Понятовскій, чтобы я избѣгалъ говорить съ тѣми людьми, которые могли повліять на меня дурнымъ примѣромъ". Но это было обоюдоостро. „Сознаніе, что я не дѣлаю того, что считалось предосудительнымъ въ другихъ дѣтяхъ, развило во мнѣ гордость и самомнѣніе. Стараясь отыскать людей во всѣхъ отношеніяхъ безупречныхъ, я почти ни съ кѣмъ не говорилъ, и число лицъ, полагавшихъ, что я ихъ презираю, было такъ велико, что въ 15 лѣтъ я уже имѣлъ враговъ; это избавило меня, впрочемъ, отъ дурной компаніи, весьма вредной для молодыхъ людей, и я сталъ презирать все неискренное и двоедушное".

Преждевременно развитая разсудочность, отсутствіе свойственной дѣтямъ шаловливости и воспитанная съ дѣтства привычка относиться слишкомъ критически къ тому, что говорили и дѣлали окружающіе—таковы были свойства, привитыя Понятовскому воспитаніемъ, но это не спасло его отъ крайняго легкомыслія и не выработало въ немъ тѣхъ твердыхъ нравственныхъ правилъ, которыя старалась привить ему мать. „Принимая во вниманіе мои лѣта и мое положеніе", говоритъ Станиславъ-Августъ, „я вижу, что я слишкомъ рано сталъ относиться нетерпимо къ тому, что меня пріучили считать пошлостью и посредственностью, я, такъ сказать, слишкомъ рано пересталъ быть ребенкомъ. Теперь я вижу, что эта потеря невознаградимая, и очень горюю объ этомъ. Я думаю, что нѣкоторая склонность къ меланхоліи, которая часто гнететъ меня, есть слѣдствіе слишкомъ рано привитаго и не свойственнаго мнѣ отъ

природы благоразумія, что не спасло меня однако отъ многихъ ошибокъ".

„Въ шестнадцать лѣтъ я былъ прекрасно образованъ для своихъ лѣтъ: правдивъ, безпрекословно повиновался моимъ родителямъ, благоговѣлъ передъ ихъ душевными качествами, которыя по моему мнѣнію ни съ чѣмъ не могли быть сравнимы, и считалъ ничтожествомъ всякаго, кто не походилъ на Аристида или Катона.

„Что касается внѣшности, я былъ малъ ростомъ, коренастъ, неловокъ, слабъ здоровьемъ и во многихъ отношеніяхъ дикъ и чудаковатъ".

Такимъ изображаетъ себя Станиславъ Понятовскій морально и физически въ тотъ моментъ, когда онъ покинулъ впервые родительскій домъ.

Это было въ 1748 г. Въ то время 36 тысячный корпусъ русскихъ войскъ, подъ командою кн. В. А. Репнина, шелъ черезъ Польшу на помощь Маріи Терезіи. Отецъ Станислава-Августа хотѣлъ, чтобы его сынъ принялъ участіе въ походѣ, но его еще не успѣли снарядить, какъ были подписаны предварительныя условія Аахенскаго мира, окончившаго войну за австрійское наслѣдство. Тѣмъ не менѣе Понятовскій, по желанію отца, отправился, въ сопровожденіи маіора Кенигсфельда, въ главную квартиру фельдмаршала Левендаля—въ Маастрихтъ.

Отпуская сына въ заграничное путешествіе, родители взяли съ него честное слово въ томъ, что онъ „не будетъ играть въ азартныя игры, не будетъ пить вина и крѣпкихъ напитковъ вообще и не вступитъ въ бракъ до тридцатилѣтняго возраста".

Съ точки зрѣнія военной, заграничное путешествіе не принесло Станиславу-Августу никакой пользы, такъ какъ войска, въ то время какъ онъ доѣхалъ до Бельгіи, были уже распущены, но онъ съ большимъ увлеченіемъ и интересомъ осмотрѣлъ художественныя сокровищницы Фландріи.

По возвращеніи въ Варшаву, въ октябрѣ 1748 г., Станиславъ-Августъ былъ посланъ къ своему дядѣ, литовскому вицеканцлеру, князю Чарторыйскому. Человѣкъ высоко образованный, энергичный, пользовавшійся большимъ вліяніемъ, Чарторыйскій былъ въ то время однимъ изъ самыхъ видныхъ политическихъ дѣятелей Польши. Онъ велъ обширную переписку съ польскими общественными дѣятелями, которые собирались часто въ его домѣ и вели съ нимъ оживленныя бесѣды о современномъ состояніи Польши и о дѣлахъ общественныхъ, которыя такъ или иначе на него вліяли. Отецъ Станислава

считалъ пребыванiе въ домѣ Чарторыйскаго для своего сына наилучшей школой, гдѣ онъ могъ прiобрѣсти полезныя познанiя, ознакомиться съ положенiемъ страны, съ надеждами и чаянiями поляковъ и прiучиться къ письменнымъ дѣламъ.

„Пробывъ около года въ домѣ вицеканцлера, я не получилъ однако того политическаго воспитанiя, на которое расчитывали мои родители“, говоритъ Станиславъ-Августъ; я никогда не проводилъ время такъ праздно; дядя не давалъ мнѣ никакого дѣла и рѣдко справлялся о томъ, даетъ ли мнѣ работу его старшiй секретарь; онъ только наставлялъ меня, говоря со мною время отъ времени объ общихъ мѣстахъ; единственная польза, которую я извлекъ изъ этой школы, было знакомство со связями, какiя онъ поддерживалъ въ особенности въ Литвѣ“.

Слабый здоровьемъ, то и дѣло прихварывавшiй, Понятовскiй былъ вскорѣ по возвращенiи отъ дяди посланъ родителями въ Берлинъ къ тогдашней знаменитости, доктору Либеркюну. Благодаря протекцiи стараго друга его родителей, саксонскаго посланника при дворѣ Фридриха II Бюлова, который пользовался особымъ расположенiемъ короля, онъ былъ представленъ ко двору. Вотъ что записалъ Станиславъ-Августъ о своихъ берлинскихъ впечатлѣнiяхъ.

„Вдовствующая королева и супруга короля прусскаго принимала два раза въ недѣлю иностранцевъ, мѣстныхъ дамъ нѣмецкаго происхожденiя и немногочисленныхъ подданныхъ короля прусскаго, не состоявшихъ на военной службѣ; военные, всецѣло занятые военной муштрой, не имѣли времени бывать въ обществѣ; мнѣ говорили, будто королю прусскому извѣстно изъ минуты въ минуту, что дѣлаетъ каждый офицеръ; онъ не любитъ, чтобы они посѣщали общество. Въ силу этого и вслѣдствiе строгихъ требованiй службы, часы которой не совпадаютъ съ распредѣленiемъ дамскаго дѣла, большая часть прусскихъ офицеровъ предавалась отъ скуки пьянству и разгулу, и они становились грубiянами и крикунами“.

„Когда я прiѣхалъ въ Берлинъ, короля не было въ столицѣ; онъ вернулся только три недѣли спустя. Я видѣлъ его два раза, и онъ оба раза говорилъ со мной. Фридрихъ II производилъ впечатлѣнiе человѣка, который стѣсняется въ обществѣ, считаетъ долгомъ сказать что-либо умнѣе другихъ и боится, что это ему не удастся.

Онъ смотритъ угрюмо, блуждающимъ взглядомъ; въ немъ нѣтъ увѣренности въ себѣ; онъ одѣтъ грязно и въ его осанкѣ нѣтъ благородства; то же мнѣнiе о его наружности высказы-

вали многіе другіе... Я видѣлъ въ Санъ-Суси комнату, гдѣ онъ обыкновенно живетъ и работаетъ, въ ней царствовалъ величайшій безпорядокъ: книги, бумаги валялись гдѣ попало; вездѣ валялись бумажки съ написанными его рукою стихами, даже мебель была нагромождена кое-какъ; прислужницы, которыя показываютъ публикѣ королевскіе дворцы и называются кастеляншами, говорили мнѣ, что имъ строжайше приказано ничего не перекладывать съ мѣста на мѣсто, когда король выходитъ изъ комнаты; я видѣлъ напр. въ Шарлоттенбургѣ, подъ диваномъ, мраморный бюстъ Юлія Цезаря, и меня увѣряли, что его не тронутъ. Въ каждомъ дворцѣ, въ спальномъ покоѣ короля прусскаго висѣлъ расшитый кафтанъ изъ дорогой матеріи, но мнѣ говорили, что Фридрихъ никогда ихъ не носитъ. Я обратилъ вниманіе на эти кафтаны потому, что мнѣ казалось, что они висѣли только для вида и не гармонировали вовсе съ представленіемъ о домашнемъ нарядѣ философа-воина. Въ королевской спальнѣ въ Санъ-Суси я видѣлъ двѣ совершенно одинакія кровати, стоявшія рядомъ. Въ Берлинѣ злословили по поводу этихъ кроватей, но кастелянша увѣряла, что король переходитъ съ одной кровати на другую, когда его постель слишкомъ нагрѣтая; между тѣмъ онъ любитъ тепло. Комната, которую онъ занимаетъ лѣтомъ, расположена на югѣ, и однако ее топятъ чуть не круглый годъ ежедневно; говорятъ, что съ тѣми, кого король принимаетъ въ этой комнатѣ, не дѣлается дурно отъ жары".

Въ восторженныхъ выраженіяхъ описываетъ Понятовскій свое пребываніе въ Саксоніи, при дворѣ польскаго короля Августа III, гдѣ все дышало весельемъ, „всѣ были радостны и довольны и, повидимому, не имѣли иного дѣла, какъ веселиться".

Шесть недѣль, проведенныхъ имъ осенью 1750 года въ Губертсбургѣ, охотничьемъ замкѣ Августа III, Понятовскій называетъ „счастливѣйшимъ временемъ своей жизни". Въ охотничій сезонъ туда съѣзжались иностранные послы, аккредитованные при дворѣ короля польскаго, и всѣ знатные иностранцы, бывшіе въ то время въ Дрезденѣ; всѣмъ отводилось помѣщеніе и предоставлялось полное содержаніе отъ двора.

Великолѣпный лѣсъ, веселое, нарядное общество дамъ, составлявшихъ свиту королевы, любезное, привѣтливое обхожденіе короля, который въ Губерстбургѣ былъ доступенъ, разговорчивъ и ни чуть не походилъ на надменнаго, серьезнаго, угрюмаго, соблюдавшаго строгій этикетъ, Августа III, какимъ онъ держалъ себя въ столицѣ,—по вечерамъ спектакли, балеты,

ужины въ обширномъ, ярко освѣщенномъ, залѣ. Все это очаровало юнаго Понятовскаго.

Совершенно иное впечатлѣніе произвела на него послѣ Саксоніи Вѣна, съ ея импозантнымъ дворомъ, „о которомъ никто не позволялъ себѣ злословить"; тутъ, послѣ веселаго Губертсбурга, Понятовскій изрядно скучалъ.

По возвращеніи въ Варшаву, Станиславъ-Августъ, которому минуло тогда двадцать лѣтъ, былъ избранъ депутатомъ въ сеймъ, который долженъ былъ этотъ разъ состояться въ Гродно.

Быть избраннымъ въ депутаты было дѣломъ нелегкимъ: мало было имѣть друзей въ какомъ-либо избирательномъ округѣ; надобно было добиться того, чтобы противъ кандидата не было подано ни одного голоса, а для этого приходилось скрывать, гдѣ ставишь свою кандидатуру, чтобы личный врагъ или соперникъ не повредилъ.

„Быть депутатомъ было не особенно интересно, говоритъ Понятовскій, ибо всѣ знали напередъ, что всякій сеймъ будетъ сорванъ, что король сеймами не интересовался такъ же, какъ и большинство министровъ. Между тѣмъ чтобы добиться жалкаго званія депутата, приходилось каждые два года ухаживать за сотнею лицъ, которыя по своему происхожденію имѣли неоспоримое право именоваться шляхтичами и землевладѣльцами-избирателями, хотя половина ихъ была безграмотна и большинство, въ то время или прежде, находилось въ услуженіи у тѣхъ же вельможъ, которые добивались теперь, чтобы эти шляхтичи подали голосъ за нихъ или за ихъ сыновей. На шумныхъ собраніяхъ, именуемыхъ сеймиками, приходилось съ утра до вечера молоть вздоръ, восторгаться болтовней шляхтичей, дѣлать видъ, что восхищаешься ихъ остротами, и обнимать и лобзать ихъ грязныя, вшивыя персоны. Въ виду отдыха приходилось десять разъ въ день *совѣщаться* съ вліятельными горожанами, или, лучше сказать, выслушивать подробности ихъ семейныхъ дрязгъ, обсуждать съ ними вопросъ о томъ, кому изъ благородныхъ избирателей сколько заплатить; приходилось завтракать, обѣдать, закусывать, ужинать съ ними за грязными, плохо сервированными столами". Продѣлавъ всю эту скучную и тягостную процедуру, Станиславъ-Августъ былъ избранъ депутатомъ въ сеймъ и осенью 1752 г. отправился въ Гродно.

„Надобно представить себѣ эту, якобы вторую столицу, гдѣ кромѣ королевскаго дворца было всего на всего два каменныхъ дома; всѣ остальные были деревянные, на видъ очень ветхіе и убогіе; но ихъ внутреннее убранство претендовало на извѣстную

роскошь, которая поражала еще болѣе потому, что рядомъ были явные слѣды варварства и обнищанія. Ни одна гродненская дама не могла себѣ представить сколько-нибудь приличнаго существованія безъ огромнѣйшей, богато отдѣланной галунами постели, въ то время, какъ стѣны въ комнатахъ не были ничѣмъ оклеены. У одной шляхтянки, которая хотѣла перещеголять другихъ, въ двухъ комнатахъ стояли двѣ громадныя кровати: изъ нихъ одна подъ балдахиномъ, обтянутымъ дорогой парчей. Эта особа была предметомъ всеобщей зависти въ Гродно. Но въ этихъ деревянныхъ особнякахъ или скорѣе лачугахъ жили прехорошенькія женщины; ихъ мужья были гостепріимны и у нихъ въ домѣ ежедневно танцовали. Какъ провинціалы, жители Гродно относились къ варшавянамъ съ особымъ почтеніемъ".

Одновременно съ Станиславомъ Понятовскимъ пріѣхалъ въ Гродно сэръ Уильямсъ (Charles Hanburg Williams), великобританскій посланникъ при прусскомъ дворѣ, съ которымъ онъ познакомился въ бытность свою въ Берлинѣ и, несмотря на разницу лѣтъ и положеніе, сошелся такъ близко, что въ Гродно они помѣстились въ одномъ домѣ, а затѣмъ посланникъ, въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Варшаву, взялъ съ Понятовскаго слово, что если онъ поѣдетъ когда-либо въ Россію, то Станиславъ-Августъ будетъ сопровождать его.

Въ 1755 году Понятовскій получилъ отъ Уильямса письмо съ извѣщеніемъ, что онъ назначается посланникомъ при русскомъ дворѣ, и напоминаетъ о данномъ ему словѣ. Родители Станислава ухватились за случай послать сына въ страну, съ которой они давно считали нужнымъ познакомить его. Въ іюнѣ 1755 г. Понятовскій пріѣхалъ въ Петербургъ и помѣстился въ домѣ посланника.

„Время, проведенное мною въ домѣ Уильямса, было для меня хорошей школой, пишетъ онъ. „По дружбѣ и по довѣрію ко мнѣ, посланникъ давалъ мнѣ читать и расшифровывать самыя секретныя депеши. Это была своего рода наука, которую, при моемъ тогдашнемъ положеніи, я могъ пройти только въ его домѣ. Благодаря его дружескому ко мнѣ отношенію, мнѣ пришлось быть участникомъ въ одномъ анекдотѣ, настолько любопытномъ, что онъ можетъ заинтересовать дипломатовъ всей Европы.

„Дѣло въ томъ, что Уильямсу повелѣно было его правительствомъ начать переговоры о заключеніи союза съ Россіей, въ силу котораго русское правительство, за извѣстное вознагра-

жденіе, должно было предоставить въ распоряженіе англійскаго правительства 55 тысячный корпусъ сухопутнаго войска и извѣстное число военныхъ судовъ для дѣйствій противъ короля прусскаго; хотя его имя не упоминалось въ текстѣ договора, но границы его владѣній были обозначены такъ ясно, что недоразумѣній быть не могло. Вначалѣ переговоры шли весьма успѣшно, къ удивленію всѣхъ, кто зналъ, какъ медленно дѣлались въ то время дѣла при русскомъ дворѣ и какъ нерѣшительна была Императрица Елисавета Петровна. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ со времени пріѣзда Уильямса въ Петербургъ, какъ договоръ былъ подписанъ. Уильямсъ расчитывалъ получить соотвѣтственную благодарность, какъ вдругъ курьеръ, съ которымъ онъ ожидалъ получить ратификацію договора, привезъ ему письмо отъ статсъ-секретаря, въ которомъ тотъ писалъ: „Вы навлекли на себя неудовольствіе короля, унизивъ его достоинство тѣмъ, что ваша подпись стоитъ ниже подписи русскихъ министровъ; король не ратификуетъ подписаннаго вами договора до тѣхъ поръ, пока ошибка не будетъ исправлена“.

Пораженный этимъ извѣстіемъ, Уильямсъ тутъ только замѣтилъ ошибку, которая, собственно говоря, была не такъ велика, какъ полагали въ Англіи, но имѣла для посла роковыя послѣдствія. Оказалось, что его подпись стояла первой на томъ экземплярѣ, который остался въ рукахъ русскихъ дипломатовъ: ихъ же подписи стояли на первомъ мѣстѣ на экземплярѣ, посланномъ Уильямсомъ своему монарху. Уильямсъ, два русскихъ дипломата, два русскихъ секретаря, секретарь Уильямса и я— семеро лицъ, заинтересованныхъ въ успѣхѣ переговоровъ, всѣ одинаково были виновны въ ошибкѣ, совершившейся волею судебъ. Въ первый моментъ казалось, что дѣло не трудно будетъ исправить, русскіе министры, которымъ пришлось выслушать выговоръ Императрицы, тотчасъ согласились обмѣнять экземпляры договора, и курьеръ Уильямса отправился обратно въ Англію. Первый разъ ему удалось совершить путь быстро, теперь же онъ былъ задержанъ въ пути противнымъ вѣтромъ и разными неблагопріятными обстоятельствами, и когда онъ вернулся, наконецъ, въ Петербургъ съ ратификаціей договора, обстоятельства совершенно измѣнились и дѣло приняло иной оборотъ. Слухъ о переговорахъ, которые велъ Уильямсъ, дошелъ до свѣдѣнія короля прусскаго, а въ Англіи узнали въ это время, что Австрія и Франція начали переговоры о заключеніи союза; это побудило англійское правительство войти поспѣшно въ сношеніе съ королемъ прусскимъ и заключить съ нимъ

соглашеніе, коимъ Георгъ II обязался не допускать вступленія въ Пруссію иностранныхъ войскъ.

„Такимъ образомъ договоръ, заключенный Уильямсомъ, потерялъ всякій смыслъ, и опасность, угрожавшая Пруссіи отъ сближенія Россіи съ Англіей, была устранена. Неудача, постигшая англійскаго посланника, навлекла на него неудовольствіе Императрицы и совершенно разстроила его здоровье“.

Уильямсъ сыгралъ огромную роль въ судьбѣ Станислава Понятовскаго: онъ былъ въ Петербургѣ его „повѣреннымъ, его совѣтникомъ и пособникомъ“ въ сближеніи Понятовскаго съ великой книгиней Екатериной Алексѣевной, которая была въ ту пору въ самомъ расцвѣтѣ молодости и красоты.

„Какъ посланникъ, онъ могъ говорить съ личностью, къ которой я не имѣлъ возможности приближаться публично“, пишетъ Понятовскій, онъ облегчалъ наши сношенія.

„Ему же, Уильямсу, было поручено сообщить канцлеру Бестужеву тайну, которую тотъ не могъ вывѣдать болѣе полугода, несмотря на бдительность своихъ шпіоновъ и на свое страстное желаніе направлять по своему желанію симпатіи великой княгини, которую онъ боготворилъ и въ которую едва-ли не былъ влюбленъ самъ. Всѣ его старанія дать ей фаворита по своему выбору были тщетны; онъ обратилъ одно время свое благосклонное вниманіе на нѣкоего графа Lehndroff'а, который былъ представленъ ко двору въ одинъ день со мною, и въ тотъ же вечеръ услужливые царедворцы расхваливали его великой княгинѣ. На эти похвалы она отвѣчала, что изъ этихъ двухъ лицъ ей болѣе понравился полякъ. Это вскользъ брошенное слово, сказанное безъ всякаго умысла съ ея стороны, было подхвачено Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ, въ то время камергеромъ великой княгини. Онъ познакомился со мною, постарался сблизиться, передалъ мнѣ ея слова, то и дѣло сообщалъ мнѣ все то, что могло возбудить во мнѣ какія-либо надежды, но я дотого былъ напуганъ разсказами о придворныхъ козняхъ и интригахъ и въ особенности объ интригахъ при русскомъ дворѣ, что долгое время избѣгалъ слушать то, что онъ мнѣ говорилъ.

„Я наслушался разсказовъ о царствованіи Анны Іоанновны, одно имя которой заставляло русскихъ трепетать. Я зналъ, что моимъ предшественникомъ былъ Салтыковъ, котораго Императрица Елисавета Петровна удалила, возложивъ на него какую-то миссію въ Гамбургъ, впрочемъ, мнѣ было также извѣстно, что онъ далъ великой княгинѣ поводъ быть имъ недовольной. Мнѣ

казалось, что для нея, главное, было удовлетвореніе ея честолюбія, и что всѣ ея симпатіи были на сторонѣ Пруссіи; между тѣмъ мнѣ съ дѣтства была внушена антипатія ко всему прусскому—мнѣ казалось также, что она относилась съ презрѣніемъ ко всему, что было по уму ниже Вольтера, словомъ, она казалась мнѣ совсѣмъ не той, какою она была на самомъ дѣлѣ, поэтому я цѣлыхъ три мѣсяца не поддавался уговорамъ Нарышкина.

„Онъ велъ себя какъ царедворецъ, угадавшій тайну, которую ему повѣрили и питающій въ тайнѣ надежду, что ему будетъ поставлена въ заслугу смѣлость, съ какою онъ хотѣлъ ускорить развязку, какъ бы противъ воли той особы, которой онъ служилъ. Онъ столько разъ говорилъ мнѣ обо всемъ этомъ, что мнѣ захотѣлось, наконецъ, попытать счастья, и я рискнулъ написать записочку, на которую Нарышкинъ на другой же день принесъ мнѣ отвѣтъ. Прочитавъ этотъ отвѣтъ, я забылъ о томъ, что на свѣтѣ существуетъ Сибирь. Нѣсколько дней спустя, Нарышкинъ повелъ меня къ ней, предупредивъ ее объ этомъ только тогда, когда я очутился у дверей ея уборной. Былъ вечерній часъ; Великій Князь могъ каждую минуту появиться, и ей ничего не оставалось, какъ впустить меня къ себѣ и скрыть меня, иначе мы оба могли бы подвергнуться величайшей опасности.

Вотъ какъ описываетъ Понятовскій Екатерину Алексѣевну:

„Ей было 25 лѣтъ. Она только-что оправилась отъ первыхъ родовъ и была въ полномъ расцвѣтѣ своей обаятельной красоты. У нея были черные волосы, ослѣпительной свѣжести и бѣлизны цвѣтъ лица, большіе выразительные голубые глаза на выкатъ, черныя очень длинныя рѣзницы, нѣсколько заостренный носикъ, ротъ какъ бы созданный для поцѣлуевъ, очаровательная форма рукъ, гибкій, стройный станъ, быстрая и въ то же время благородная походка, пріятный тембръ голоса. Роста она была скорѣе высокаго, смѣялась заразительно. Живая и веселая отъ природы, она съ удивительной легкостью переходила отъ самой веселой чуть не дѣтской забавы къ умственной работѣ, какъ бы она ни была трудна. Стѣсненіе, въ какомъ она жила со времени своего замужества, отсутствіе подходящаго ей по уму общества, заставило ее пристраститься къ чтенію. Она обладала большими познаніями, была ласкова, привѣтлива, умѣла понять слабую сторону каждаго; она уже въ то время пролагала себѣ путь къ престолу, который она занимала впослѣдствіи съ такой славой.

„Такова была возлюбленная, ставшая властительницей моей

судьбы; я готовъ былъ посвятить ей всю жизнь, говорю это гораздо болѣе искренно, нежели это говорится обыкновенно въ такихъ случаяхъ. По странной случайности, несмотря на свои двадцать два года, я принесъ ей въ даръ свою невинность...

„Не могу отказать себѣ въ удовольствіи описать нарядъ, въ которомъ я засталъ ее въ тотъ день: на ней было короткое бѣлое атласное платье, скромно отдѣланное кружевами и розовыми лентами. Она не могла дать себѣ отчета, какимъ образомъ я очутился у нея въ кабинетѣ; да я и самъ проходя, впослѣдствіи въ дни пріемовъ, въ толпѣ придворной челяди, не разъ недоумѣвалъ, какъ я могъ проникнуть словно невидимкой въ тѣ мѣста, на которыя я не дерзалъ и взглянуть при постороннихъ.

„Выше я сказалъ, что Уильямсу было поручено сообщить Бестужеву объ участіи, которое принимала во мнѣ Великая Княгиня; это было необходимо, такъ какъ канцлеръ, пустившій въ ходъ всѣ пружины, чтобы вернуть Салтыкова изъ Гамбурга, гдѣ онъ проживалъ, долженъ былъ измѣнить свою тактику, ибо Великая Княгиня предпочитала высылать Салтыкову извѣстную сумму денегъ, нежели видѣть его въ Россіи. Кромѣ того нужно было склонить Бестужева воспользоваться вліяніемъ Императорскаго двора на Саксонскій кабинетъ и добиться моего назначенія въ Петербургъ въ какомъ-нибудь оффиціальномъ званіи.

„Четырехъ строчекъ, написанныхъ Великой Княгиней собственноручно, было достаточно, чтобы Бестужевъ обѣщалъ исполнить желаніе“.

А вотъ портретъ вліятельнаго въ то время канцлера Алексѣя Петровича Бестужева, набросанный Понятовскимъ.

„Если Бестужевъ не былъ заинтересованъ разговоромъ, онъ не могъ связать двухъ словъ и, казалось, будто онъ заикается; но какъ только бесѣда начинала интересовать его, изъ его устъ лились потоки словъ и цѣлыя фразы, построенныя впрочемъ не вполнѣ правильно, но полныя энергіи и огня; его маленькіе глазки начинали сверкать. Лицо его, багроваго цвѣта, было покрыто пятнами, которыя придавали ему очень страшный видъ, когда онъ сердился, что случалось частенько; смѣхъ его былъ сатанинскій.

„Онъ прекрасно говорилъ по-французски, но съ иностранцами, говорившими по-нѣмецки, предпочиталъ объясняться на этомъ языкѣ. Излагать свои мысли письменно онъ не умѣлъ ни на какомъ языкѣ и, не обладая, собственно говоря, никакими познаніями, только инстинктивно, но почти всегда пра-

вильно оцѣнивалъ трудъ другихъ людей. Онъ не имѣлъ никакой подготовки, чтобы судить о производствахъ искусства; между тѣмъ можно сказать навѣрняка, что изъ нѣсколькихъ рисунковъ онъ выбиралъ всегда самый красивый; такъ же точно онъ былъ способенъ оцѣнить благородство стиля въ архитектурѣ. Властвовать безъ помѣхи—было его страстью. Онъ могъ иной разъ поступить великодушно потому именно, что онъ чувствовалъ красоту во всѣхъ ея проявленіяхъ, но ему казалось столь естественнымъ устранять со своего пути все, что мѣшало осуществленію его намѣреній, что онъ никогда не стѣснялся средствами. Предлагая оказать какую-нибудь услугу тѣмъ, кого онъ величалъ своими друзьями, онъ находилъ страннымъ, если люди стѣснялись пользоваться тѣми неразборчивыми средствами, къ которымъ онъ готовъ былъ прибѣгнуть.

„Бестужевъ былъ всецѣло преданъ Австріи и рѣшительный противникъ Пруссіи; внося во все извѣстную долю страстности, онъ отказался отъ милліоновъ, предложенныхъ ему королемъ прусскимъ, но безъ церемоніи не только принималъ то, что ему предлагали посланники Австріи, Англіи, Саксоніи и другихъ дворовъ, сторону которыхъ онъ считалъ нужнымъ держать для блага Россіи, но въ бесѣдѣ съ ними даже самъ намекалъ на желательность получить отъ нихъ что-либо. Принять подарокъ отъ монарха дружественной державы было по его мнѣнію не только позволительно, но онъ считалъ это даже знакомъ уваженія, оказаннымъ могущественной странѣ, о славѣ которой онъ по-своему радѣлъ.

„По вечерамъ онъ обыкновенно напивался въ обществѣ одного или двухъ друзей. Ему случилось явиться выпивши къ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, что очень повредило ему, такъ какъ Государыня ненавидѣла этотъ порокъ.

„Подъ вліяніемъ гнѣва онъ могъ быть жестокъ, но въ отношеніи своей жены, которую онъ называлъ Ксантиппой, съ тѣхъ поръ, какъ кто-то разсказалъ ему исторію Сократа, онъ всегда былъ кротокъ и снисходителенъ. Бестужевъ познакомился съ ней и женился на ней въ Гамбургѣ. Она происходила изъ скромной семьи, была хороша собой, умна, обладала музыкальными способностями, но отличалась большими странностями. Она сумѣла взять верхъ надъ мужемъ, и я самъ, однажды, былъ свидѣтелемъ того, какъ за столомъ при постороннихъ, онъ молча выслушалъ цѣлый потокъ брани за то, что онъ порицалъ поведеніе ихъ сына; между тѣмъ, молодой человѣкъ былъ дѣй-

ствительно бездѣльникъ и сама Бестужева жаловалась на него посторроннимъ и говорила: кто имѣтъ такого сына — несчастье.

„Ко мнѣ Бестужева благоволила, говорила, что я приношу ей счастье въ картахъ, усаживала меня за столомъ подлѣ себя, и за вторымъ блюдомъ начинала разсказывать скандальную хронику двора, при чемъ называла всѣхъ поименно и говорила не стѣсняясь такъ громко, что я трепеталъ отъ страха, хотя не могъ удержаться отъ смѣха.

„Несмотря на то, что Бестужева такъ часто и такъ неосторожно злословила объ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, которой были извѣстны ея отзывы, Императрица относилась къ ней съ уваженіемъ“.

Подчиненіе, въ которомъ Императрица держала своего племянника, Великаго Князя Петра Ѳеодоровича, было такъ велико, что когда онъ пригласилъ Понятовскаго дня на два въ свой загородный дворецъ въ Ораніенбаумъ, то ему пришлось испросить особое разрѣшеніе на то, чтобы я и шведъ—графъ Горнъ, могли посѣтить его.

„Я былъ счастливъ провести тамъ два дня, говоритъ Станиславъ-Августъ, хотя шпіоны, которыхъ Императрица держала при молодомъ дворѣ, зорко слѣдили за мной. Мнѣ еще никогда не приходилось такъ много пользоваться обществомъ Великой Княгини и прелестью ея бесѣды.

„Во время моего пребыванія въ Ораніенбаумѣ, я имѣлъ возможность содѣйствовать сближенію сэра Уильямса съ Великой Княгиней, что въ связи съ дружественной поддержкой, оказанной въ то время Екатеринѣ Алексѣевнѣ королемъ англійскимъ, вѣроятно не мало способствовало ея симпатіи къ Англіи въ ущербъ Франціи“.

Въ бытность свою въ Петербургѣ Понятовскій заболѣлъ вѣтряной оспой; болѣзнь оказалась легкой и непродолжительной. „Когда я сталъ поправляться, говоритъ Понятовскій, меня навѣстила та личность, посѣщеніе которой было для меня особенно лестно; но послѣдствія, которыя могло имѣть это посѣщеніе, такъ страшили меня, что оно осуществилось противъ моего желанія; усугубивъ мою привязанность къ ней, оно вмѣстѣ съ тѣмъ усугубило и горечь предстоявшей разлуки.

„Я не могъ не повиноваться волѣ родителей, которые желали, чтобы я былъ, въ тотъ годъ, депутатомъ въ сеймѣ. Великая Княгиня пересилила себя и согласилась на это, но съ затаенной мыслью устроить дѣло такъ, чтобы я вернулся въ Петербургъ и занялъ тамъ болѣе опредѣленное положеніе, ко-

торое дало бы мнѣ возможность бывать въ кругу лицъ, составлявшихъ ея общество.

„Я уже говорилъ, какимъ образомъ исполненіе этой воли было возложено на Бестужева. Для того, чтобы я могъ убѣдиться въ искренности его желанія устроить это, онъ прислалъ ко мнѣ своего довѣреннаго секретаря, по фамиліи Канцлеръ, съ письмомъ къ графу Брюлю, которое Канцлеръ запечаталъ при мнѣ печатью Бестужева, послѣ того какъ я прочиталъ письмо.

„Сэра Ульямса случайно посѣтилъ въ тотъ день австрійскій посланникъ, графъ Эстергази; онъ зашелъ и въ мою комнату и засталъ у меня Канцлера; это обстоятельство, какъ онъ признался мнѣ впослѣдствіи, когда мы сошлись съ нимъ ближе подтвердило его подозрѣніе относительно моей связи и послужило пищей для толковъ, которые ходили на мой счетъ и доводились до свѣдѣнія Императрицы Елисаветы.

„Какъ бы то ни было, я уѣхалъ въ началѣ августа, вмѣстѣ съ графомъ Горномъ...

„На другой день по пріѣздѣ нашемъ въ Ригу, мнѣ доложили о пріѣздѣ какого-то офицера, который желалъ видѣть меня, и въ комнатѣ появился небольшого роста невзрачный господинъ, который съ самымъ почтительнымъ видомъ остановился, держа въ рукахъ полуоткрытый футляръ, въ которомъ сверкали брилліанты; онъ бормоталъ какое-то привѣтствіе; я ничего не могъ понять, пока онъ не подалъ мнѣ письмо отъ вице-канцлера Воронцова и отъ камергера Ивана Ивановича Шувалова, фаворита Императрицы Елисаветы Петровны, извѣщавшей меня о пожалованіи мнѣ подарка, привезеннаго этимъ офицеромъ".

„Я передаю эти ничтожныя подробности потому, что онѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что въ данномъ случаѣ ничто не могло смутить, а тѣмъ болѣе напугать меня, между тѣмъ какъ лица, старавшіяся повредить мнѣ въ мнѣніи Елисаветы Петровны, увѣрили ее, что при видѣ этого офицера я выказалъ величайшій испугъ, и изъ этого вывели заключеніе, что я имѣлъ причины бояться, а Императрица сказала на это: „знаетъ кошка чье мясо ѣла".

В. Т.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Сборникъ дипломатическихъ документовъ, касающихся событій на Балканскомъ Полуостровѣ [1]).

(Августъ 1912 г.—Іюль 1913 г.).

351 [2]).

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Букарестѣ.

С.-Петербургъ, 19 января 1913 г.

(Телеграмма).

Уполномочиваемъ Васъ категорически опровергнуть въ печати приписываемыя Вамъ угрожающія заявленія Румынскому Правительству и указать, что съ самаго возникновенія переговоровъ между Румыніей и Болгаріей Императорское Правительство не переставало давать дружескіе совѣты какъ въ Букарестѣ, такъ и въ Софіи, склоняя обѣ стороны къ примирительному разрѣшенію разногласій, въ видахъ установленія въ будущемъ возможно лучшихъ и прочныхъ отношеній между обоими единовѣрными съ нами Государствами.

(Подп.) *Сазоновъ*.

---

[1]) Обращаемъ особое вниманіе нашихъ читателей на этотъ сборникъ, который наглядно разъясняетъ ходъ событій на Балканскомъ полуостровѣ.

[2]) См. „Русская Старина", ноябрь 1915 г.

352.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Букарестѣ.

С.-Петербургъ, 20 января 1913 г.

(Телеграмма).

Ссылаюсь на Вашу телеграмму 18 января. Сдѣланныя Вами Г-ну Маіореско заявленія нами вполнѣ одобряются. Мы поручаемъ Вамъ передать ему, что мы не видимъ основанія новаго обращенія къ нашему посредничеству Румыніи, ибо таковое уже было сдѣлано, и мы не прекращаемъ нашихъ совѣтовъ и воздѣйствія на обѣ стороны, которое соотвѣтствуетъ нашей конечной цѣли установленія прочныхъ отношеній между обоими единовѣрными съ нами Государствами. Вслѣдствіе этого мы надѣемся, что Румынское Правительство не прекратитъ своихъ переговоровъ по полученіи болгарскихъ отвѣтныхъ предложеній, о которыхъ Вамъ упомянулъ Г-нъ Маіореско. Изъ бесѣды Вашей съ послѣднимъ мы съ удовольствіемъ заключаемъ, что Румынія оставила мысль о возможности насильственныхъ дѣйствій.

(Подп.) *Сазоновъ.*

353.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Софіи. Сообщается въ Букарестъ.

С.-Петербургъ, 21 января 1913 г.

(Телеграмма).

Согласно полученнымъ нами свѣдѣніямъ, Г-нъ Таке-Іонеско высказалъ нашему Посланнику въ Букарестѣ опасеніе, что отвѣтныя болгарскія предложенія не только не заключаютъ ничего новаго, но даже исключаютъ уступку форта Меджидіе-Табіа, что вызоветъ среди членовъ Букарестскаго Кабинета взрывъ негодованія.

Скажите Г-ну Гешову, что мы поручили нашему Посланнику заявить, что это конечно недоразумѣніе, и что, на осно-

ваніи полученнаго нами отъ Болгаріи положительнаго завѣренія, она соглашается на уступку форта Меджидіе-Табіа.

(Подп.) *Сазоновъ.*

354.

Посланникъ въ Букарестѣ.

23 января 1913 г.

(Телеграмма).

Г-нъ Маіореско ознакомилъ меня съ содержаніемъ протокола, подписаннаго въ Лондонѣ Г. Г. Даневымъ и Мишу.

Въ немъ упоминаются четыре извѣстные Вамъ пункта, но не упоминается о готовности Болгаріи уступить фортъ Меджидіе-Табіа. Г-нъ Маіореско, впрочемъ, заявилъ мнѣ, что онъ не придаетъ послѣднему обстоятельству особеннаго значенія такъ какъ передача четырехъ пунктовъ болгарскаго предложенія совершена была черезъ посредство Россіи. Румынскому Посланнику въ Софіи предписано запросить Софійскій Кабинетъ, гдѣ онъ желаетъ продолжать переговоры. Г-нъ Маіореско очень настаиваетъ на томъ, чтобы непосредственные переговоры между двумя Правительствами не прекращались, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, Румынскому Правительству очень трудно было бы сдержать возбужденное общественное мнѣніе. Главное затрудненіе, по словамъ Г-на Маіореско, заключалось теперь въ вопросѣ объ уступкѣ Силистріи.

(Подп.) *Шебеко.*

355.

Посланникъ въ Софіи.

25 января 1913 г.

(Телеграмма).

Получилъ Вашу телеграмму 21 января.

Я освѣдомился, что Болгарское Правительство предложило Румыніи продолжать переговоры въ Софіи, при чемъ болгарскимъ уполномоченнымъ долженъ быть Г-нъ Даневъ, вернув-

шійся сюда третьяго дня. Г-нъ Гешовъ показалъ мнѣ сегодня протоколъ, подписанный Г. Г. Даневымъ и Мишу. Въ немъ дѣйствительно не упоминается уступка Меджидіе-Табіи, но Г-нъ Гешовъ снова завѣрилъ меня, что Болгарское Правительство отъ даннаго намъ обѣщанія не отступится и, въ случаѣ формальнаго требованія со стороны Румыніи, уступитъ Меджидіе-Табію.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

356.

Посланникъ въ Софіи.

27 января 1913 г.

(Телеграмма).

Въ сегодняшней бесѣдѣ со мною Г-нъ Даневъ далъ мнѣ завѣреніе, что Болгарія не отказывается отъ уступки Меджидіе-Табіи и готова въ концѣ концовъ увеличить прибрежную полосу приблизительно до деревни Шабла. Онъ проситъ насъ воздѣйствовать на румынъ, дабы они предъявили съ самаго начала переговоровъ требованія меньшія, нежели тѣ, которыя значатся въ Лондонскомъ протоколѣ. Иначе съ первой же минуты получится огромное и трудно примиримое разногласіе. Румынскій Посланникъ въ Софіи получилъ сегодня предписаніе приступить къ переговорамъ и инструкціи.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

357.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Букарестѣ.

С.-Петербургъ, 28 января 1913 г.

(Телеграмма).

Не откажите заявить Министру Иностранныхъ Дѣлъ, что мы поддерживаемъ въ Софіи желаніе Румыніи, чтобы береговая полоса была расширена. Въ настоящее время, какъ видно изъ телеграммъ нашего Посланника въ Софіи, болгары сдѣлали означенныя уступки въ соотвѣтствіи съ нашими совѣтами.

Въ виду этого мы дружески совѣтуемъ Румынскому Правительству скорѣе принять предложенія Болгарскаго Правительства.

(Подп.) *Сазоновъ.*

358.

Посланникъ въ Букарестѣ.

30 января 1913 г.

(Телеграмма).

Я передалъ Министру Иностранныхъ Дѣлъ сообщеніе, изложенное въ Вашей телеграммѣ 28 января. Г-нъ Маіореско поблагодарилъ меня, но вмѣстѣ съ тѣмъ заявилъ, что Румынское Правительство рѣшило окончательно, въ виду возбужденія общественнаго мнѣнія страны, настоять на уступкѣ города Силистріи.

Съ своей стороны, считаю уступку хотя бы части города Силистріи въ настоящій моментъ единственнымъ выходомъ изъ положенія, грозящаго весьма опасными осложненіями.

(Подп.) *Шебеко.*

359.

Посланникъ въ Софіи.

30 января 1913 г.

(Телеграмма).

На сегодняшнемъ первомъ совѣщаніи между Румынскимъ Посланникомъ въ Софіи и Г-омъ Сарафовымъ, Князь Гика представилъ отъ имени своего Правительства слѣдующія предложенія касательно разграниченія: Болгарія должна уступить Румыніи города Силистрію и Балчикъ; граница должна пойти по линіи между Силистріей и Балчикомъ, оставляя городъ Добричъ за Болгаріей и городъ Каварну за Румыніей. Г-нъ Сарафовъ обѣщалъ представить болгарскій отвѣтъ въ возможно скорѣйшемъ времени.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

360.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Софіи.

С.-Петербургъ, 30 января 1913 г.

(Телеграмма).

По порученію своего Правительства, здѣшній Румынскій Посланникъ заявилъ мнѣ, что, въ виду возбужденія въ Румыніи и крайне труднаго положенія, создаваемаго въ силу этого для Правительства, послѣднія и окончательныя требованія Румыніи въ проведеніи пограничной полосы Силистрія — Балчикъ, со включеніемъ города Силистріи.

Я отвѣтилъ Г-ну Нано, что на уступку линіи Силистрія— Балчикъ болгарами румыны едва-ли могутъ разсчитывать.

Изъ совокупности данныхъ вывожу заключеніе, что въ обладаніи городомъ Силистріей заключается главная суть вожделѣній Румыніи.

Общее политическое положеніе, несомнѣнно осложнившееся за послѣдніе дни, въ связи съ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій и туго подвигающимися переговорами въ Лондонѣ, заставляетъ насъ желать скорѣйшаго мирнаго улаженія болгаро-румынскаго спора.

Какъ видно изъ передаваемыхъ Вами же свѣдѣній, болгары сами стремятся къ скорѣйшему прекращенію войны. Между тѣмъ неразрѣшенный споръ съ Румыніей уменьшаетъ шансы скораго заключенія мира.

Не найдутъ ли, въ виду этого, болгары сами правильнымъ пойти на уступку линіи Силистрія — Шабла, со включеніемъ города Силистріи.

(Подп.) *Сазоновъ*.

361.

Посланникъ въ Софіи.

31 января 1913 г.

(Телеграмма).

Получилъ Вашу телеграмму 30 января.

Г-нъ Гешовъ предупредилъ меня, что, при всемъ искреннемъ желаніи исполнить Вашъ совѣтъ, переданный ему сегодня

мною и Г-омъ Бобчевымъ, Болгарское Правительство не можетъ уступить румынамъ города Силистрiи. Послѣдняя уступка болгаръ будетъ сообщена Румынскому Посланнику въ Софiи послѣ завтра. Я добиваюсь, чтобы это было по крайней мѣрѣ линiя Меджидiе-Табiа-Шабла. Г-нъ Гешовъ предвидитъ, что румыны въ субботу не уступятъ, и переговоры будутъ ими же порваны. Весьма вѣроятно также, что при такомъ оборотѣ дѣлъ Кабинетъ подастъ въ отставку. Г-нъ Гешовъ и его коллеги были глубоко поражены сегодняшней телеграммой Болгарскаго Посланника въ Петербургѣ. Они, на основанiи прежнихъ донесенiй Г-на Бобчева, предполагали, что Россiя никогда не попроситъ ихъ уступить румынамъ Силистрiи и видятъ въ этомъ неожиданномъ оборотѣ банкротство ихъ политики.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

362.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Парижѣ и Лондонѣ.

С.-Петербургъ, 1 февраля 1913 г.

(Телеграмма).

Настроенiе въ Румынiи вновь обострилось за послѣднiе дни.

Въ виду этого мы опасаемся принятiя ею рѣшенiй, которыя приведутъ къ вооруженному конфликту съ Болгарiей.

Въ виду серьезныхъ осложненiй, которыя можетъ повлечь за собою подобный конфликтъ, полагаемъ желательнымъ скорѣйшее энергичное воздѣйствiе Французскаго и Англiйскаго Кабитовъ для его предотвращенiя въ Букарестѣ, и настоятельный совѣтъ въ Софiи пойти на уступку пограничной линiи Силистрiя-Шабла, со включенiемъ города Силистрiи.

(Подп.) *Сазоновъ.*

363.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Букарестѣ. Сообщается въ Софiю.

С.-Петербургъ, 2 февраля 1913 г.

(Телеграмма).

Ссылаюсь на телеграмму Посланника въ Софiи 31 января. Въ томъ случаѣ если, бы Софiйскiй Кабинетъ согласился

на линію Меджидіе-Табіа-Шабла, то Вы могли бы настоятельно посовѣтовать Г-ну Маіореско принять это предложеніе, заявивъ, что дальнѣйшее воздѣйствіе на болгаръ для насъ невозможно.

Каковъ бы ни былъ отвѣтъ Софійскаго Кабинета, разрывъ переговоровъ возложилъ бы на Букарестскій Кабинетъ серьезную отвѣтственность. Для него остается исходъ обращенія къ Совѣщанію Пословъ въ Лондонѣ.

Настояніе на незамедлительномъ отвѣтѣ отъ болгаръ затрудняетъ изысканіе удовлетворительнаго исхода изъ спора и Русское Правительство лишается возможности оказывать примирительное вліяніе на обѣ стороны.

(Подп.) *Сазоновъ*.

364.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Софіи.

С.-Петербургъ, 2 февраля 1913 г.

(Телеграмма).

Ваша телеграмма 31 января получена.

Если для болгаръ представляется неожиданнымъ нашъ совѣтъ уступить городъ Силистрію румынамъ и они видятъ въ этомъ банкротство своей политики, то въ этомъ отношеніи они правы, ибо, не будь промедленій съ ихъ стороны въ переговорахъ, положеніе не достигло бы нынѣшней остроты и Румынія удовлетворилась бы, вѣроятно, гораздо меньшими уступками.

Мы отнюдь не навязываемъ болгарамъ уступки города Силистріи и продолжаемъ отстаивать ихъ интересы въ Букарестѣ. Нашъ совѣтъ является лишь результатомъ оцѣнки создавшагося нынѣ опаснаго положенія.

(Подп.) *Сазоновъ*.

365.

Посланникъ въ Софіи.

2 февраля 1913 г.

(Телеграмма).

На сегодняшнемъ совѣщаніи делегатовъ, Румынскій Посланникъ въ Софіи представилъ требованіе: городъ Силистрія-

Балчикъ; болгаре ответили предложеніемъ: фортъ Меджидіе-Табіа-Шабла. Князь Гика заявилъ, что онъ передастъ это предложеніе, но что, по всему вѣроятію, въ Букарестѣ сочтутъ продолженіе переговоровъ излишнимъ. Какъ бы то ни было, переговоры еще не порваны.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

366.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Парижѣ, въ Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ и Римѣ.

С.-Петербургъ, 3 февраля 1913 г.

(Телеграмма).

Мы полагаемъ, что опасное положеніе, созданное румыно-болгарскими разногласіями, вынуждаетъ Державы принять быстрое рѣшеніе для предупрежденія остраго конфликта, могущаго повлечь за собою самыя серьезныя послѣдствія.

Благоволите предложить Правительству, при коемъ Вы аккредитованы, снабдить своихъ Представителей въ Софіи и Букарестѣ срочными указаніями принять участіе въ коллективномъ представленіи обоимъ Правительствамъ съ настоятельнымъ совѣтомъ, чтобы улаженіе возникшихъ между ними разногласій было ими передано на рѣшеніе Державъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

367.

Посланникъ въ Букарестѣ.

3 февраля 1913 г.

(Телеграмма).

Отвѣтныя болгарскія предложенія переданы Румынскому Правительству чрезъ Румынскаго Посланника въ Софіи. Они представляютъ линію Меджидіе-Табіа-Шабла. Я самымъ настоятельнымъ образомъ совѣтовалъ Г-ну Маіореско принять эти предложенія и, во всякомъ случаѣ, не принимать поспѣшныхъ рѣшеній. Г-нъ Маіореско заявилъ мнѣ, что принять болгарскія предложенія Румынія не можетъ, такъ какъ они не заключаютъ ни Силистріи, ни Кали-Акра, но что Букарестскій Кабинетъ не намѣренъ прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ,

не исчерпавъ предварительно всѣ мирныя средства воздѣйствія на Софійскій Кабинетъ. Для этого Румынское Правительство намѣрено, слѣдуя совѣтамъ Державъ, предоставить окончательное разрѣшеніе своего спора съ Болгаріей третейскому рѣшенію одной или двухъ Державъ, если Болгарія, съ своей стороны, также выразитъ согласіе прибѣгнуть къ такому рѣшенію вопроса. Г-нъ Маіореско обѣщалъ сообщить окончательное свое рѣшеніе послѣ обсужденія вопроса въ Совѣтѣ Министровъ, а именно въ понедѣльникъ или во вторникъ.

(Подп.) *Шебеко.*

368.

Посланникъ въ Софіи. Сообщается въ Букарестъ.

4 февраля 1913 г.

(Телеграмма).

Въ виду вѣроятной невозможности непосредственнаго соглашенія съ Румыніей, Болгарское Правительство было бы склонно принять медіацію Великихъ Державъ и даже таковую ищетъ. Оно прежде всего ходатайствуетъ, чтобы Державы добились въ Букарестѣ отсрочки всякихъ непоправимыхъ шаговъ; очень важно, чтобы румыны не отзывали своего Посланника изъ Софіи.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

369.

Посланникъ въ Софіи.

5 февраля 1913 г.

(Телеграмма).

Я замѣчаю за послѣдніе дни поворотъ въ сторону болѣе благоразумнаго отношенія къ румынскимъ притязаніямъ и имѣю основанія полагать, что Болгарское Правительство, если уже необходимо уступить Силистрію, не могло бы иначе сдѣлать этой уступки, какъ въ силу медіаціоннаго рѣшенія Державъ. Румынскій Посланникъ получилъ предписаніе оставаться въ Софіи въ ожидательномъ положеніи впредь до принятія въ Букарестѣ „окончательныхъ рѣшеній“. Весьма важно, чтобы до

принятія этихъ рѣшеній медіація была рѣшена и предложена обѣимъ сторонамъ.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

370.

Посланникъ въ Букарестѣ.

6 февраля 1913 г.

(Телеграмма).

Г-нъ Маіореско вчера заявилъ мнѣ, что Представители всѣхъ Державъ предложили медіацію ихъ Правительствъ для разрѣшенія спора Румыніи съ Болгаріей. Онъ выразилъ на это принципіальное согласіе, съ тѣмъ однако, чтобы Румынію не заставили отказаться отъ Силистріи, за которую Румынское Правительство готово ссудить Болгаріи крупную сумму денегъ. Г-нъ Маіореско къ этому прибавилъ, что Румынія обращается къ Императорскому Правительству съ просьбой принять на себя арбитражъ въ своемъ спорѣ съ Болгаріей. Если же, по какимъ-либо причинамъ, Россія не пожелала бы одна принять на себя роль арбитра въ этомъ вопросѣ, послѣдній могъ бы быть подвергнутъ медіаціи двухъ Державъ. Я отвѣтилъ Г-ну Маіореско, что передамъ Вамъ вышеозначенную просьбу, но считаю долгомъ замѣтить., что, обращаясь къ медіаціи Россіи или другихъ Державъ, Румынія не должна обусловливать это обращеніе удовлетвореніемъ главной своей претензіи.

(Подп.) *Шебеко.*

371.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Букарестѣ.

С.-Петербургъ, 6 февраля 1913 г.

(Телеграмма).

Ссылаюсь на Вашу телеграмму 6 февраля.

Мы вполнѣ одобряемъ Ваше заявленіе, что обращеніе Румыніи къ арбитражу не можетъ быть обусловлено предварительнымъ согласіемъ арбитровъ на удовлетвореніе претензіи Румыніи. Мы ставимъ полную свободу рѣшенія непремѣннымъ условіемъ нашего согласія участвовать въ арбитражѣ, единолично или совмѣстно съ другою Державою.

(Подп.) *Сазоновъ.*

372.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланникамъ въ Софіи и Букарестѣ.

С.-Петербургъ, 6 февраля 1913 г.

(Телеграмма).

Ссылаюсь на свою телеграмму 3 февраля.

Поручаемъ Вамъ сдѣлать въ этомъ смыслѣ представленіе Правительству, при коемъ Вы аккредитованы, какъ только Ваши иностранные сотоварищи получатъ соотвѣтственныя инструкціи.

(Подп.) *Сазоновъ.*

373.

Посланникъ въ Букарестѣ.

7 февраля 1913 г.

(Телеграмма).

Здѣшній Болгарскій Посланникъ, по порученію Г-на Гешова, обратился ко мнѣ съ просьбой убѣдить Румынское Правительство отказаться отъ двухъ проектированныхъ румынами мѣръ: вызова Румынскаго Посланника въ Софіи для устнаго доклада въ Букарестъ и призыва подъ знамена резервистовъ. Сегодня Министръ-Президентъ сообщилъ мнѣ, что онъ готовъ отказаться отъ предположенныхъ мѣръ.

(Подп.) *Шебеко.*

374.

Посланникъ въ Букарестѣ.

7 февраля 1913 г.

(Телеграмма).

Получилъ телеграмму 6 февраля.

Я сообщилъ Г-ну Маіореско условія, на которыхъ Россія согласна была бы принять участіе въ арбитражѣ. Министръ-Президентъ заявилъ мнѣ, что онъ не преминетъ представить вопросъ на рѣшеніе Короля и Совѣта Министровъ. Относи-

тельно полной свободы рѣшенія онъ не сомнѣвается, что Румынское Правительство приметъ точку зрѣнія Императорскаго Правительства.

(Подп.) *Шебеко.*

375.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Букарестѣ.

С.-Петербургъ, 9 февраля 1913 г.

(Телеграмма).

Наше согласіе на арбитражъ вызывается исключительно желаніемъ мирнаго исхода конфликта. Этому высшему соображенію мы подчиняемъ непріятныя для насъ стороны участія въ арбитражѣ, которымъ могутъ остаться недовольны обѣ стороны. Поэтому мы предпочли бы перенесеніе вопроса на рѣшеніе Лондонскаго совѣщанія.

(Подп.) *Сазоновъ.*

376.

Посланникъ въ Букарестѣ.

9 февраля 1913 г.

(Телеграмма).

Большинство Министровъ на послѣднемъ совѣтѣ высказалось противъ представленія рѣшенія румыно-болгарскаго спора на арбитражъ одной или всѣхъ Державъ, не обусловивъ этого обращенія уступкой Силистріи Румыніи. Совѣтъ Министровъ принялъ единогласно предложеніе подвергнуть вышеозначенное рѣшеніе медіаціи шести Великихъ Державъ, не обусловливая этого обращенія ничѣмъ кромѣ просьбы, чтобы Державы сами назначили срокъ, возможно короткій, въ который рѣшеніе было бы сообщено обѣимъ сторонамъ. Сообщая мнѣ вышеозначенное рѣшеніе Румынскаго Правительства, Г-нъ Маіореско передалъ мнѣ письменный текстъ, который я сообщаю Вамъ. Министръ-Президентъ къ этому прибавилъ, что Румынія желала бы, чтобы С.-Петербургъ былъ избранъ мѣстомъ медіаціи.

(Подп.) *Шебеко.*

377.

Communication Roumaine faite par écrit le 9 (22) Février 1913 à Bucarest par Mr. Maioresco au Ministre de Russie.

Le Gouvernement Roumain accepte la médiation offerte par la démarche du Ministre Anglais à Bucarest Sir George Barclay au nom de son Gouvernement, communiquée à Mr. Maioresco Vendredi le $^{1}/_{14}$ Février et dans laquelle l'Angleterre conseille „d'avoir recours à la médiation des Puissances ou à la médiation d'une des Puissances". A cette démarche anglaise s'est associé Mr. de Waldthausen Dimanche le $^{3}/_{16}$ Février, en lisant à Mr. Maioresco une communication de son Gouvernement d'appuyer la proposition anglaise. De Lundi le $^{4}/_{17}$ à Mercredi le $^{6}/_{19}$ Février Messieurs les Ministres Plénipotentiaires des autres quatre Grandes Puissances ont fait la même démarche.

La Roumanie accepte d'autant plus la médiation offerte par les six Grandes Puissances de l'Europe qu'elle a été heureuse de pouvoir s'associer, lors de la Conférence tenue à la Haye au mois d'Octobre 1907, à toutes les généreuses propositions des Puissances en faveur de la paix et que notammeut elle a signé avec elles le 18 Octobre 1907 la première Convention „pour le réglement pacifique des conflits internationaux" qui dans les articles 3 à 7 prévoit et précise une pareille médiation.

Dans le choix qui lui est laissé par la proposition anglaise, la Roumanie s'est décidée à accepter la médiation de toutes les six Grandes Puissances, et l'accepte sans autre condition, en ajoutant seulement un désir, justifié par les circonstances et du reste pouvant s'appuyer sur l'art. 8 de la dite Convention qui-bien que prévoyant une autre hypothèse-contient l'idée d'un terme nécessaire à prévoir pour les médiations; ce désir est que les Grandes Puissances médiatrices veuillent bien limiter elles-mêmes la durée de leur action et communiquer à la Roumanie le terme jusqu'auquel elles croient que leurs bous offices seront arrivés à un résultat.

378.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Софіи.

С.-Петербургъ, 21 февраля 1913 года.

(Телеграмма).

На просьбу Букарестскаго Кабинета, чтобы мѣстомъ медіаціи былъ выбранъ Петербургъ, мы отвѣтили, что въ принципѣ согласны на это.

(Подп.) *Сазоновъ.*

379.

Посланникъ въ Софіи.

25 февраля 1913 г.

(Телеграмма).

Болгарское Правительство готово принять медіацію Державъ на тѣхъ же условіяхъ, на коихъ приняла ее Румынія, и весьма удовлетворено тѣмъ, что мѣстомъ медіаціи выбранъ Петербургъ.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

380.

Посланникъ въ Софіи.

27 февраля 1913 г.

(Телеграмма).

Согласно сообщенію Г-на Гешова, Болгарское Правительство готово признать обязательнымъ рѣшеніе Державъ въ румыно-болгарскомъ спорѣ.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

381.

Сообщеніе печати.

2 апрѣля 1913 г.

Вслѣдствіе проникшихъ въ печать слуховъ о ходѣ работъ Конференціи Пословъ по румыно-болгарскому вопросу, Министерство Иностранныхъ Дѣлъ считаетъ долгомъ разъяснить нижеслѣдующее.

Основнымъ условіемъ, принятымъ всѣми участниками Конференціи, было обязательство ничего не сообщать печати о ходѣ ея работъ безъ общаго на то согласія.

Вслѣдствіе сего отрывочныя свѣдѣнія и слухи, проникающіе въ печать, не соотвѣтствуя дѣйствительности, могутъ быть приписаны только попыткамъ тенденціознаго освѣщенія ведущихся на Конференціи преній.

Не касаясь предмета послѣднихъ, Министерство Иностранныхъ Дѣлъ заявляетъ, что въ означенномъ спорѣ Россія съ самаго начала ставила себѣ задачей не защиту тѣхъ или иныхъ притязаній или желаній одной изъ сторонъ, а примиреніе между ними обѣими. Благодаря этому, Императорскому Правительству удалось, въ свое время, предотвратить опасное обостреніе отношеній между обоими сосѣдними, единовѣрными государствами. Признаніе примирительнаго и безпристрастнаго положенія, занятаго Россіей, и вызвало обращеніе къ ней обѣихъ сторонъ съ просьбой, чтобы мѣстомъ Конференціи былъ выбранъ Петербургъ.

Не предрѣшая того постановленія, которое будетъ вынесено, Министерство Иностранныхъ Дѣлъ можетъ заранѣе заявить, что Россія подпишетъ только такое рѣшеніе, которое завѣдомо пріемлемо для нихъ обѣихъ.

382.

Protocole de St. Pétersbourg du 26 Avril (9 Mai) 1913.

La Conférence des Ambassadeurs, réunie à Saint-Pétersbourg et à laquelle ont pris part, sous la présidence du Ministre Impérial des Affaires Etrangères de Russie, les Ambassadeurs d'Allemagne, d'Angleterre, d'Autriche-Hongrie, d'Italie et de France pour se prononcer sur le différend qui s'est élevé entre les Gouvernements Bulgare et Roumain au sujet de la frontière méridionale de la Dobroudja;

Après avoir examiné les revendications formulées par la Roumanie et les concessions offertes par la Bulgarie,

Décide:

1⁰—La ville de Silistrie doit être attribuée à la Roumanie.

La nouvelle frontière Roumano-Bulgare partira d'un point sur le Danube, à trois kilomètres environ, à l'Ouest de la périphérie de Silistrie, coupera la route de Choumla, puis la route de Varna,

également à trois kilomètres environ de la périphèrie de la ville, et gagnera directement la frontière actuelle.

Une commission mixte Bulgaro-Roumaine fixera sur les lieux, dans un délai de trois mois à dater de la présente décision, le tracé de la frontière.

Au besoin, elle pourra s'adjoindre des experts à nommer par les Puissances médiatrices.

2⁰—Le Gouvernement Roumain donnera une indemnité à ceux des sujets Bulgares habitant Silistrie, ou le territoire englobé dans la nouvelle frontière, qui auront fait connaître, dans un délai de six mois, à dater de la présente décision, leur désir de quitter la ville ou le territoire ci-dessus délimité.

Une commission mixte Bulgaro-Roumaine, après avoir constaté le dommage, fixera le montant de l'indemnité.

Au besoin, elle pourra s'adjoindre des experts à nommer par les Puissances médiatrices.

3⁰—Conformément à l'engagement qu'elle s'est déclarée prête à prendre, la Bulgarie n'élèvera aucune fortification le long de la frontière actuelle, du Danube à la mer Noire.

Une commission mixte déterminera dans un délai de six mois à dater de la présente décision la zone, à l'intérieur de laquelle la Bulgarie s'interdit de construire des ouvrages fortifiés et s'oblfge à démanteler ceux de ces ouvrages qui pourraient s'y trouver.

Au besoin, elle pourra s'adjoindre des experts à nommer par les Puissances médiatrices.

4⁰—La Conférence enregistre la déclaration faite à Londres par le délégué de la Bulgarie et consignée dans le protocole du 16/29 Janvier 1913, aux termes de laquelle „la Bulgarie consent à donner l'autonomie aux écoles et aux églises des Koutzo-Valaques se trouvant dans les futures possessions Bulgares, en tant que ces écoles seront fréquentées par les enfants Koutzo-Valaques, et à permettre la création d'un épiscopat pour ces mêmes Koutzo-Valaques, avec la faculté pour le Gouvernement Roumain de subventionner, sous la surveillance du Gouvernement Bulgare, les dites institutions culturelles".

Avant de se séparer, la Conférence a à coeur de rendre hommage aux dispositions connues de la Bulgarie à maintenir et resserrer ses liens d'amitié avec la Roumanie.

Ces dispositions ayant singulièrement facilité sa tâche, la Conférence exprime la conviction que les Puissances sauront gré à la Bulgarie des sacrifices qu'elle a été dans le cas de lui demander.

Fait en huit exemplaires à St.-Pétersbourg le 26 Avril (9 Mai) 1913.

L.S. (signé): *Sazonow.*
L.S. (signé): *F. Pourtalès.*
L.S. (signé): *George W. Buchanan.*
L.S. (signé): *D. Thurn.*
L.S. (singé): *A. Carlotti.*
L.S. (signé): *Delcassé.*

383.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланникамъ въ Софіи и Букарестѣ.

С.-Петербургъ, 27 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Я вручилъ сегодня здѣшнимъ Болгарскому и Румынскому Посланникамъ рѣшеніе совѣщанія Пословъ по болгаро-румынскому спору. Документъ этотъ можетъ быть оглашенъ лишь по предварительному уговору обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

384.

Посланникъ въ Букарестѣ.

10 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Болгарскій Посланникъ въ Букарестѣ, Г-нъ Калинковъ, вернувшись только-что изъ Софіи, сообщилъ мнѣ, что ему поручено выразить Румынскому Правительству согласіе Софійскаго Кабинета на сообщеніе Румынскому Парламенту въ секретномъ засѣданіи рѣшенія С.-Петербургской конференціи. Г-нъ Калинковъ передалъ мнѣ отъ лица Г-на Гешова глубокую признательность послѣдняго за роль Россіи въ Букарестѣ во время настоящаго кризиса.

(Подп). *Шебеко.*

385.

Посланникъ въ Букарестѣ.

16 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ просилъ меня передать Вамъ, что ему было особенно пріятно отмѣтить въ засѣданіи Сената доброжелательное къ Румыніи отношеніе Россіи въ самыя критическія минуты послѣдняго румыно-болгарскаго кризиса.

(Подп.) *Шебеко.*

386.

Посланникъ въ Букарестѣ.

18 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Сегодня Румынская Палата Депутатовъ приняла громаднымъ большинствомъ голосовъ рѣшеніе Петербургской Конференціи.

(Подп.) *Шебеко.*

387.

Посланникъ въ Букарестѣ.

18 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Мой Болгарскій Коллега сообщилъ мнѣ о полученномъ имъ изъ Софіи предписаніи увѣдомить Румынское Правительство, что при настоящихъ обстоятельствахъ Болгарское Правительство лишено возможности созвать Великое Народное Собраніе для ратификаціи уступки Силистріи. Оно, тѣмъ не менѣе, готово приступить немедленно къ работамъ по установленію новой границы и дать гарантію въ исполненіи постановленій Петербургскаго Протокола.

(Подп.) *Шебеко.*

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Переводъ документовъ, помѣщенныхъ въ Сборникѣ на французскомъ языкѣ.

209.

Телеграмма ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА Ихъ Величествамъ Царю Болгарскому и Королю Сербскому.

Москва, 26 мая 1913 г.

Извѣстіе о предложенномъ въ Салоникахъ свиданіи Министровъ-Президентовъ четырехъ союзныхъ государствъ, которые могли бы вслѣдъ за тѣмъ встрѣтиться въ С.-Петербургѣ, доставило Мнѣ живѣйшее удовольствіе, ибо намѣреніе это указываетъ на желаніе балканскихъ государствъ прійти къ соглашенію и закрѣпить союзъ, давшій до сихъ поръ самые блестящіе плоды.

Съ тяжелымъ чувствомъ узнаю Я, что это рѣшеніе еще не приведено въ исполненіе и что балканскія государства, видимо, готовятся къ братоубійственной войнѣ, способной омрачить славу, которую они совмѣстно стяжали.

Въ эту столь отвѣтственную минуту Мое право и Мой долгъ побуждаютъ Меня обратиться съ непосредственнымъ призывомъ къ Вашему Величеству. Россіи предоставили оба народа, Болгарскій и Сербскій, въ своемъ союзномъ договорѣ рѣшеніе всякаго спора, касающагося примѣненія положеній этого договора и относящихся къ нему соглашеній. Я прошу Ваше Величество остаться вѣрнымъ принятымъ на Себя обязательствамъ и положиться на Россію для рѣшенія настоящаго спора между Болгаріей и Сербіей.

Разсматривая функціи третейскаго судьи не какъ преимущество, но какъ тяжелую обязанность, отъ которой Я не признаю возможнымъ уклониться, Я считаю долгомъ предупредить Ваше Величество, что война между союзниками не можетъ оставить Меня равнодушнымъ.

Я признаю необходимымъ заявить, что государство, которое начало бы войну, будетъ отвѣтственнымъ за это предъ сла-

вянствомъ и что Я оставляю за Собою полную свободу опредѣлить, какое положеніе Россія заняла бы по отношенію къ возможнымъ послѣдствіямъ столь преступной борьбы.

377.

Письменное румынское сообщеніе, сдѣланное г-мъ Маіореско Русскому Посланнику въ Букарестѣ 9 (22) февраля 1913 г.

Румынское Правительство принимаетъ посредничество, предложенное Англійскимъ Посланникомъ въ Букарестѣ Сэръ Джорджъ Барклэй въ формѣ сообщенія, сдѣланнаго г-ну Маіореско отъ имени своего Правительства въ пятницу 1 (14) февраля, и въ которомъ Англія совѣтуетъ „прибѣгнуть къ посредничеству Державъ или къ посредничеству одной Державы". Къ этому англійскому шагу присоединился г-нъ фонъ-Вальдтхаузенъ въ воскресенье 3 (16) февраля, прочитавъ г-ну Маіореско сообщеніе своего Правительства о поддержкѣ англійскаго предложенія.

Отъ понедѣльника 4 (17) до среды 6 (19) февраля г. г. Посланники остальныхъ четырехъ Великихъ Державъ сдѣлали такіе же шаги.

Румынія тѣмъ охотнѣе принимаетъ посредничество, предложенное шестью Великими Европейскими державами, что на Гаагской Конференціи въ октябрѣ 1907 г. она съ готовностью присоединилась ко всѣмъ великодушнымъ предложеніямъ Державъ въ пользу мира и что 18 октября 1907 г. она подписала, совмѣстно съ ними, Первую Конвенцію „касательно мирнаго улаженія международныхъ споровъ", 3-я и 7-я статьи коей предвидятъ и опредѣляютъ подобное посредничество.

Пользуясь выборомъ, предоставляемымъ ей въ силу англійскаго предложенія, Румынія рѣшила принять посредничество всѣхъ шести Великихъ Державъ и принимаетъ его безусловно, выражая лишь одно пожеланіе, оправдываемое обстоятельствами и могущее, къ тому же, опереться на 8 ст. сказанной Конвенціи, которая, хотя и имѣя въ виду другую гипотезу, заключаетъ въ себѣ мысль о необходимости опредѣленія извѣстнаго срока для посредничества; означенное пожеланіе заключается въ томъ, чтобы Великія Державы-Посредницы сами соблаговолили огра-

ничить время своего посредничества и сообщили Румыніи, къ какому сроку онѣ предполагаютъ возможнымъ привести къ концу свои добрыя услуги.

382.

Протоколъ С.-Петербургскаго Совѣщанія отъ 26 апрѣля 1913 г.

Конференція Пословъ въ Петербургѣ, въ которой, подъ предсѣдательствомъ Россійскаго Императорскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ, приняли участіе Послы Германіи, Англіи, Австро-Венгріи, Италіи и Франціи, для произнесенія рѣшенія по поводу спора, возникшаго между Болгарскимъ и Румынскимъ Правительствами касательно южной границы Добруджи.

Разсмотрѣвъ требованія, формулированныя Румыніей, и уступки, предложенныя Болгаріей,

Постановляетъ:

1) Городъ Силистрія долженъ быть присужденъ Румыніи.

Новая румыно-болгарская граница пройдетъ отъ пункта на Дунаѣ, въ трехъ приблизительно километрахъ на западъ отъ периферіи Силистріи, пересѣкаетъ дорогу на Шумлу, затѣмъ дорогу на Варну, равнымъ образомъ въ трехъ приблизительно километрахъ отъ периферіи города, и прямо направляется къ нынѣшней границѣ.

Смѣшанная болгаро-румынская комиссія установитъ на мѣстахъ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со дня настоящаго рѣшенія, пограничную линію.

Въ случаѣ надобности эта комиссія можетъ приглашать экспертовъ по назначенію отъ Державъ-Посредницъ.

2) Румынское Правительство даетъ вознагражденіе тѣмъ изъ болгарскихъ подданныхъ, проживающихъ въ Силистріи и на территоріи, отмежеванной новою границею, которые, въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня настоящаго рѣшенія, заявятъ о своемъ желаніи покинуть сказанный городъ или вышеуказанную территорію.

Смѣшанная болгаро-румынская комиссія, установивъ убытки, опредѣлитъ размѣры вознагражденія.

Въ случаѣ надобности эта комиссія можетъ приглашать экспертовъ по назначенію отъ Державъ-Посредницъ.

3) Болгарія, согласно обязательству, которое она выразила

готовность принять, не будетъ возводить никакихъ укрѣпленій по линіи нынѣшней границы отъ Дуная до Чернаго моря.

Смѣшанная комиссія установитъ, въ теченіе шестимѣсячнаго срока со дня настоящаго рѣшенія, зону, въ которой Болгарія обязуется не возводить укрѣпленій и снести тѣ укрѣпленія, которыя расположены въ этой зонѣ.

Въ случаѣ надобности она можетъ приглашать экспертовъ по назначенію Державъ-Посредницъ.

4) Конференція зарегистровываетъ заявленіе, сдѣланное въ Лондонѣ Болгарскимъ Делегатомъ и занесенное въ протоколъ 16 (29) января 1913 г., согласно которому Болгарія соглашается предоставить автономію куцо-влашскимъ школамъ и церквамъ, имѣющимъ быть включенными въ будущія границы Болгаріи, поскольку эти школы будутъ посѣщаться куцо-влашскими дѣтьми, и разрѣшить учрежденіе епископства для тѣхъ же куцо-влаховъ съ предоставленіемъ Румынскому Правительству права оказывать, подъ наблюденіемъ Болгарскаго Правительства, пособіе сказаннымъ учрежденіямъ, преслѣдующимъ культурныя задачи.

Въ заключеніе Конференція отдаетъ должное проявленному Болгаріею расположенію сохранить и укрѣпить узы дружбы съ Румыніей.

Таковое расположеніе значительно облегчило задачу Конференціи, и послѣдняя выражаетъ убѣжденіе, что державы сумѣютъ оцѣнить принесенныя Болгаріей, въ соотвѣтствіи съ рѣшеніемъ Конференціи, жертвы.

Учинено въ восьми экземплярахъ въ С.-Петербургѣ 26 апрѣля (8 мая) 1913 года.

М. П. (Подп.) *Сазоновъ.*
М. П. (Подп.) *Ф. Пурталесъ.*
М. П. (Подп.) *Бьюкананъ.*
М. П. (Подп.) *Д. Турнъ.*
М. П. (Подп.) *А. Карлотти.*
М. П. (Подп.) *Делькассэ.*

(Окончаніе).

Изъ воспоминаній Евгенія Ивановича Ламанскаго.

(1840—1890 гг.).

(Окончаніе).

XVII [1]).

Экономическое и финансовое положеніе Россіи въ 60-хъ и 70-хъ годахъ.— Краткая характеристика результатовъ дѣятельности Государственнаго банка за этотъ періодъ времени.—Отношенія къ Государственному банку министровъ финансовъ: Рейтерна, Грейга, Абазы и Бунге.

Открытый правительствомъ въ 1862 году размѣнъ кредитныхъ билетовъ долженъ былъ быть, какъ мы видѣли выше, прекращенъ по политическимъ обстоятельствамъ и не привелъ къ намѣченной цѣли. Вмѣстѣ съ тѣмъ смуты въ Польшѣ, пріостановившія операцію размѣна, требовали отъ казны новыхъ расходовъ, новыхъ пожертвованій. Обстоятельства эти въ связи съ опасеніями европейской компликаціи дѣйствовали угнетающимъ образомъ на курсъ, и правительство было поставлено въ необходимость прибѣгать къ разнымъ искусственнымъ мѣрамъ для его поддержанія: къ новымъ займамъ и къ другимъ кредитнымъ операціямъ на короткій срокъ при посредствѣ иностранныхъ банковъ.

Словомъ, реакція, послѣдовавшая послѣ прекращенія размѣна — съ одной стороны, а съ другой стороны—оживленіе желѣзнодорожныхъ предпріятій и увеличеніе затратъ на нихъ, наконецъ, спекуляція, возбужденная выпускомъ бумагъ въ странѣ, еще мало для этого приготовленной—все это безспорно вело къ страшному кризису и потрясенію кредита. Въ 1866 году, вслѣдствіе политическихъ событій въ Европѣ, курсъ нашего кредитнаго рубля сильно поколебался, упавъ сразу до 266 сан-

---

[1]) См. „Русская Старина“ ноябрь 1915 г.

тимовъ за рубль. Положеніе министерства финансовъ дѣйствительно было довольно критическимъ. Наша публика начала уже недоброжелательно обсуждать дѣйствія этого вѣдомства, и одно время былъ очень серьезный разговоръ о томъ, что министръ финансовъ Рейтернъ оставляетъ свой постъ, вслѣдствіе распространявшихся тогда въ обществѣ неудовольствій на его систему веденія финансоваго управленія. Но въ защиту М. X. Рейтерна должно сказать, что какъ ни были затруднительны обстоятельства, онъ, тѣмъ не менѣе, велъ строго и послѣдовательно дѣло упорядоченія нашего государственнаго хозяйства. Государственный бюджетъ съ 1863 года началъ публиковаться, въ 1866 году появился первый отчетъ Государственнаго Контроля. Ежегодно собирался комитетъ для ограниченія государственныхъ расходовъ, хотя, несмотря на это, какъ сверхсмѣтные кредиты, такъ и чрезвычайные расходы, испрашиваемые въ теченіе года, все еще расшатывали нашу финансовую систему и ставили министерство въ критическое положеніе. Въ 1866 году Рейтернъ представилъ Государю докладъ, въ которомъ указалъ, въ видѣ программы своего министерства, на нѣкоторыя мѣры, которыя слѣдовало провести. Программа эта была одобрена Государемъ, и Рейтернъ рѣшился отдать всѣ свои силы для ея исполненія. Главная цѣль намѣченныхъ мѣропріятій состояла въ томъ, чтобы, сколько возможно, вызвать и оживить промышленныя силы Россіи, не останавливаясь предъ издержками производительнаго характера. Устройству желѣзныхъ дорогъ здѣсь отводилось главное мѣсто. Въ соотвѣтствіи съ этимъ былъ устроенъ комитетъ для составленія сѣти желѣзныхъ дорогъ, была принята система выпуска желѣзнодорожныхъ облигацій непосредственно отъ самаго правительства и были выработаны новыя условія выдачи концессій съ допущеніемъ состязаній, тогда какъ прежде концессіи выдавались просто по усмотрѣнію.

Въ 1866—1867 годахъ кончилась печальная операція поддержки вексельнаго курса, и правительство приступило, съ цѣлью дальнѣйшаго развитія постройки желѣзныхъ дорогъ, къ постоянному выпуску облигацій за границею. Продолжавшіеся изъ году въ годъ займы въ этомъ видѣ, простиравшіеся до ста и болѣе милліоновъ рублей, безспорно, не могли не имѣть вліянія на поддержку курса. Кромѣ того, отстроенныя уже желѣзныя дороги, соединивъ центры производства съ портами, открыли русскимъ произведеніямъ болѣе обширный, нежели прежде, сбытъ. Такъ, напримѣръ, въ это время получилъ серьез-

ное значеніе отпускъ нашего хлѣба съ волжскихъ пристаней черезъ Одессу за границу. Россія постепенно начинала пользоваться плодами своихъ затратъ.

Параллельно съ развитіемъ желѣзнодорожнаго строительства, Государственный банкъ, послѣ 1867 года, сталъ увеличивать число своихъ конторъ и отдѣленій въ разныхъ мѣстностяхъ государства. Эти учрежденія не могли, съ своей стороны, не вліять какъ на оживленіе торговли, такъ и на упорядоченіе самаго финансоваго хозяйства, потому что отдѣленія банка служили посредниками между центральною кассою министерства финансовъ и мѣстными уѣздными казначействами. Рядомъ съ Государственнымъ банкомъ возникли и частные банки; вслѣдъ за Петербургомъ начали открываться общества взаимнаго кредита и въ другихъ городахъ: въ Москвѣ, въ Харьковѣ, въ Одессѣ, въ Кіевѣ и т. д. Наконецъ, реформа, происшедшая въ податномъ дѣлѣ, уничтоженіе откуповъ, введеніе акцизной системы, нѣкоторыя облегченія для сахарозаводчиковъ—все это не могло не содѣйствовать обновленію хозяйственной жизни страны и къ возникновенію въ Россіи тѣхъ же явленій, которыя мы замѣчаемъ и въ другихъ странахъ. Духъ спекуляціи охватилъ, такъ сказать, всю Россію, и мы помнимъ, до чего доходило дѣло на биржѣ въ 1868 и 1869 годахъ. Всѣ акціи желѣзныхъ дорогъ, пароходствъ и другихъ предпріятій, выигрышные билеты и прочія бумаги стали пріобрѣтать такую значительную премію, что публика, даже не имѣвшая никакихъ капиталовъ, бросилась на пріобрѣтеніе ихъ, закладывая свои цѣнности въ банкахъ. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ самъ Государственный банкъ безспорно не принималъ никакого участія и не могъ, конечно, служить спекулятивной игрѣ на биржѣ, такъ какъ размѣръ ссудъ былъ крайне ограниченъ. Когда же въ 1868—1869 годахъ Петербургъ, Москва, Одесса—однимъ словомъ, всѣ главные города увлеклись биржевою игрою до нездоровыхъ размѣровъ, правительство принуждено было даже прибѣгнуть къ нѣкоторымъ стѣснительнымъ мѣрамъ: Государственный банкъ увеличилъ проценты по ссудамъ, ограничилъ ихъ извѣстными предѣлами, не принималъ залоговъ. Хотя эта послѣдняя операція и была предоставлена банку по уставу, но онъ имѣлъ полную возможность ее не производить, такъ какъ совершеніе всѣхъ вообще операцій составляло не обязанность, а только право банка. Тѣмъ не менѣе, мѣры эти вызвали значительное неудовольствіе, имѣли своимъ послѣдствіемъ паденіе бумагъ и потери со стороны спекулянтовъ. Для противодѣйствія

биржевой игрѣ министерство финансовъ рѣшилось на сокращеніе кредитныхъ билетовъ и на выпускъ спеціально для этой цѣли 5%-ныхъ банковыхъ билетовъ на сумму въ 15 милл. руб., дабы такимъ образомъ отвлечь капиталы отъ спекулятивныхъ бумагъ. Интересно отмѣтить, что, несмотря на полный успѣхъ подписки на этотъ заемъ, требованія на деньги до такой степени были значительны, что Государственный банкъ, въ теченіе слишкомъ года послѣ этого займа, не могъ накопить 12.000.000 руб. кредитными билетами, которые слѣдовало сжечь. Этотъ биржевой кризисъ былъ, можно сказать, и послѣднимъ.

Эпоха 1868—1870 г.г. составляетъ какъ бы переломъ: тутъ уже обнаружились плоды всѣхъ тѣхъ перемѣнъ, которыя послѣдовали съ начала шестидесятыхъ годовъ. Государственный бюджетъ приходилъ постепенно въ большій порядокъ. Съ другой стороны, пріобрѣтеніе золота съ выпускомъ за него кредитныхъ билетовъ держало твердо все это время нашъ курсъ и, несмотря на страшную войну, которая послѣдовала въ 1870 году между Франціей и Германіей, положеніе Россіи въ финансовомъ отношеніи, какъ и въ политическомъ, оставалось мало тронутымъ. Послѣ 1870—71 г.г., сопровождавшихся по всей Европѣ страшнымъ перемѣщеніемъ капиталовъ, чрезмѣрными займами, заключенными Франціею для уплаты контрибуціи Германіи, русскій денежный рынокъ все болѣе и болѣе упрочивался, благодаря развитію производительныхъ силъ Россіи.

Періодъ времени съ 1870 по 1876 годъ принадлежитъ къ самымъ цвѣтущимъ эпохамъ въ исторіи нашего экономическаго развитія. Государственные бюджеты обнаруживали признаки значительнаго улучшенія финансоваго хозяйства, торговля расширялась, промышленность сдѣлала крупные успѣхи, желѣзныя дороги приносили явные плоды и хотя требовали еще приплатъ по гарантіи со стороны правительства, но съ избыткомъ возмѣщали эти приплаты тѣми косвенными выгодами и пособіями, которыя доставляли казнѣ въ дѣлѣ перевозки почты и казенныхъ тяжестей, въ передвиженіи и размѣщеніи войскъ, наконецъ, даже въ облегченіи и усовершенствованіи дѣятельности самой администраціи, такъ какъ съ желѣзными дорогами была связана и телеграфная служба.

Возникшія въ 1876 году волненія на Балканскомъ полуостровѣ и, въ частности, движеніе въ Сербіи вызвали и въ Россіи подъемъ патріотическаго славянскаго чувства и, въ связи съ обнаружившимся у насъ недружелюбнымъ отношеніемъ къ предпринятымъ въ началѣ царствованія либераль-

ныхъ преобразованіямъ, угрожали затратами и потерями всѣхъ сдѣланныхъ до того пріобрѣтеній. Дѣйствительно, въ 1877 году Россія приняла прямое участіе въ войнѣ съ Турціею, которая обошлась намъ болѣе чѣмъ въ полтора милліарда рублей. Понятно, такія жертвы, если и не уничтожили всѣхъ тѣхъ плодовъ, которые доставили благодѣтельныя реформы шестидесятыхъ годовъ, то значительно ослабили ихъ и наложили на страну новое бремя расходовъ и долговъ, и по сію пору тяготѣющихъ на нашемъ финансовомъ положеніи. Но, несмотря на всю непроизводительность военныхъ расходовъ, вызывавшихся къ тому же не потребностями защиты своей чести или земли, а нашимъ вмѣшательствомъ въ судьбы славянскихъ народовъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ экономическими нуждами Россіи, тѣмъ не менѣе и въ это тяжелое для нашего отечества время результаты преобразованія кредитной системы и, въ частности, устройства Государственнаго банка проявились въ полномъ своемъ блескѣ. Хотя Россія вела войну не съ Западною Европою, а только съ Турціею, все же иностранные рынки оказались для насъ въ значительной степени закрытыми. Нечего было и думать о внѣшнихъ займахъ. Сдѣланная въ этомъ направленіи попытка не увѣнчалась успѣхомъ: внѣшній заемъ 1877 года, нынѣ (въ 1889 году) уже погашенный, былъ заключенъ на весьма тяжелыхъ и, можно даже сказать, неприличныхъ условіяхъ. Но государству необходимо было дѣлать дальнѣйшіе займы, и оно нашло почву для ихъ размѣщенія внутри страны. Всѣ восточные займы были осуществлены въ Россіи. Подобнаго рода операція, немыслимая при старыхъ кредитныхъ установленіяхъ, была совершена Государственнымъ банкомъ, который въ это время выпустилъ займовъ на сумму до 700.000.000 руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ, банкъ выпустилъ до 417.000.000 руб. кредитными билетами. Заслуживаетъ при этомъ особаго вниманія, что означенные билеты были записаны по счетамъ банка въ качествѣ долга Государственнаго казначейства, принимавшаго на себя, такъ сказать, обязательство погасить этотъ долгъ. Здѣсь вполнѣ ярко обнаружилась разница между прежними кредитными билетами и настоящими. Выпускавшіеся во время Крымской кампаніи кредитные билеты являлись долгомъ государства самому себѣ и не возлагали на правительство заботы о ихъ погашеніи. Что же касается до произведеннаго въ періодъ послѣдней войны выпуска въ 417 милл. руб., то эти билеты требовали своего погашенія, дабы выпустившій ихъ Государственный банкъ не лишился

характера торговаго, коммерческаго учрежденія. Безспорно, въ первые, послѣ войны, годы правительство не могло принять какихъ-либо мѣръ къ уменьшенію числа кредитныхъ билетовъ, пока не были уплачены всѣ вызванные войною расходы, но уже въ 1881 году, когда значительная часть военныхъ расходовъ была покрыта, правительство обнаружило заботу о сокращеніи числа кредитныхъ билетовъ, путемъ постепенной уплаты произведенныхъ позаимствованій Государственному банку, и 1 января 1881 года состоялось Высочайшее повелѣніе относительно условій погашенія долга государственнаго казначейства Государственному банку. Если же долгъ этотъ и до сего времени полностью еще не погашенъ, несмотря на прошедшія со дня Высочайшаго Указа 1 января 1881 года восемь лѣтъ, то все же правительство уже уплатило банку въ счетъ своего долга 151 милл. руб., а кредитные билеты на остальные 266 милл. руб. до сихъ поръ являются билетами временно выпущенными, которые казначейство, хотя и не считаетъ себя обязаннымъ немедленно уплатить, но тѣмъ не менѣе признаетъ ихъ своимъ долгомъ; рано или поздно они должны быть уплачены, консолидированы или какъ-либо иначе погашены и не могутъ оставаться постоянно въ балансѣ Государственнаго банка.

Вотъ первая услуга, оказанная переустройствомъ кредитныхъ учрежденій, въ чисто финансовомъ значеніи, въ отношеніи государственнаго казначейства. Но, кромѣ того, съ учрежденіемъ Государственнаго банка значительно облегчалось заключеніе государственныхъ займовъ. Однако, до конца 70-хъ годовъ Государственный банкъ участвовалъ въ выпускѣ займовъ только въ кредитной валютѣ, всѣ же другіе займы на звонкую монету или въ металлической валютѣ были заключаемы чрезъ посредство иностранныхъ банкирскихъ домовъ. Послѣдняго рода займы были выпускаемы всегда по низшей цѣнѣ противъ займовъ, совершаемыхъ въ Россіи, и налагали на государственное казначейство расходы по комиссіи, уплачиваемой банкирамъ. Первый опытъ привлеченія Государственнаго банка къ заключенію металлическихъ займовъ былъ сдѣланъ во время войны: Банку была предоставлена нѣкоторая часть займа 1877 года. По окончаніи войны, когда явилась необходимость реализовать облигаціи желѣзныхъ дорогъ во время министерства Грейга, какъ самъ министръ, такъ и я, въ качествѣ управляющаго банкомъ, настаивали на возможности сдѣлать заемъ въ металлической валютѣ безъ прямого посредства иностранныхъ банкирскихъ домовъ. И, дѣйствительно, Государственный банкъ при-

гласилъ нѣкоторые изъ частныхъ банковъ въ Петербургѣ открыть у себя подписку на этотъ заемъ съ предоставленіемъ имъ за ихъ хлопоты и труды по этой операціи только небольшого комиссіоннаго вознагражденія въ размѣрѣ $^1/_2$%. На такихъ же основаніяхъ были приглашены и иностранные банкирскіе дома, выступившіе не какъ участники, а просто какъ комисіонеры Государственнаго банка. Такимъ образомъ, банкъ покрылъ весь заемъ, не обременяя государственное казначейство расходами на крупное вознагражденіе банкировъ, которое по всѣмъ прежнимъ выпускамъ составляло отъ 2 до 3—4%.

Подобнаго рода операціею Государственный банкъ воочію доказалъ, что русскій кредитъ вовсе не нуждается въ какомъ-то особомъ воспособленіи со стороны иностранныхъ банкирскихъ домовъ и что операція займа, являясь операціею обоюдо выгодною, вовсе не вызываетъ необходимости прибѣгать къ помощи иностранныхъ торговыхъ домовъ и унижаться предъ ними. Пріемы эти давно оставлены тѣми государствами, которыя пользуются кредитомъ. Франція не дѣлаетъ иначе займовъ, какъ при помощи французскаго банка. Англійскіе билеты котируются между банкирскими домами: кто даетъ большую сумму, тотъ и пріобрѣтаетъ ихъ. Словомъ, и Франція и Англія обходятся безъ посредниковъ изъ среды частныхъ банкировъ. Только тамъ, гдѣ, по выраженію одного нѣмецкаго экономиста, финансы больны, являются доктора—банкиры, которые даютъ публикѣ биржу, сбываютъ облигаціи государственныхъ займовъ за бо́льшую цѣну противъ той, по которой они покупаютъ ихъ отъ правительства, и пользуются огромными процентами за комиссію. Къ сожалѣнію, эта система, только-что начатая Государственнымъ банкомъ, была вскорѣ оставлена. Преемникъ Грейга, министръ финансовъ Бунге даже маленькій заемъ въ 50 милл. руб. золотой 6%-ной ренты по курсу 98% не хотѣлъ предоставить Россіи и уступилъ его банкиру Мендельсону съ значительною выгодою. Въ данномъ случаѣ была примѣнена теорія заключать займы съ высшимъ процентомъ, но возможно ближе къ pari, такъ какъ заемъ, заключенный ниже pari, требуетъ, при конверсіи, прибавки къ капитальной суммѣ. По этому шаблону Бунге выпустилъ заемъ въ 6%, хотя могъ выпустить его и въ 5%. Но какъ бы то ни было и всѣ послѣдующіе затѣмъ займы на металлическую валюту продолжали дѣлать прежнимъ обычнымъ порядкомъ черезъ посредство иностранныхъ банкировъ и не вслѣдствіе отсутствія увѣренности

въ силѣ русскаго кредита, а потому, что иностранные банкиры слишкомъ заинтересованы, чтобы не потерять отъ Россіи такую выгодную комиссію, не говоря уже о другихъ почестяхъ, которыми покрываютъ господъ, дѣлающихъ операціи за счетъ русской казны и не рискующихъ потерею собственнаго капитала.

Въ третьихъ, можно сказать, что переустройство банковъ оказало значительное вліяніе на сокращеніе бывшихъ долговъ казначейства кредитнымъ установленіямъ. Сокращеніе это явилось результатомъ преобразованія и результатомъ, обусловленнымъ, такъ сказать, самою формою преобразованія. При упраздненіи прежнихъ кредитныхъ установленій въ рукахъ казначейства оказался остатокъ отъ капиталовъ Заемнаго и Коммерческаго банковъ, за отчисленіемъ 15 милл. руб. въ основной капиталъ Государственнаго банка. Остатокъ этотъ, а также нѣкоторые казенные вклады были обращены прямо на погашеніе части государственнаго долга кредитнымъ установленіямъ. Затѣмъ, на сокращеніе этого долга не могли не вліять увеличивающіяся съ каждымъ годомъ прибыли отъ коммерческихъ операцій банка и отъ ликвидаціи прежнихъ кредитныхъ установленій. Прибыль по ликвидаціонному балансу Государственнаго банка превышала въ 1880 году 100 милл. руб. и обѣщала въ концѣ концовъ достигнуть 300 милл. руб. Однако, ликвидаціонная операція не была доведена Государственнымъ банкомъ до конца, такъ какъ въ 1886 или 1887 году Бунге изъялъ ее изъ вѣдѣнія банка и перенесъ на счета государственнаго казначейства, возложивъ на послѣднее и уплату по 5%-нымъ банковымъ билетамъ. Подобнаго рода пріемъ, хотя онъ и объяснялся упрощеніемъ счетоводства, былъ совершенно неправиленъ. Вскорѣ затѣмъ и 5%-ные банковые билеты, погашеніе которыхъ было строго сообразовано съ постепенными платежами заемщиковъ банка, были разсрочены на новыя 37 лѣтъ для уменьшенія ежегодныхъ платежей погашенія. Словомъ, операція ликвидаціи билетовъ прежнихъ банковыхъ установленій не доведена была до конца, при чемъ подверглась извращенію положенная въ основу этой операціи первоначальная идея, выработанная наукою на западѣ.

Въ четвертыхъ преобразованіе банковъ облегчило совершеніе выкупной операціи и, въ частности, производство разсчетовъ по выдачѣ выкупныхъ ссудъ.

Наконецъ, въ пятыхъ, нельзя не упомянуть о тѣхъ заслугахъ, которыя банкъ оказалъ въ дѣлѣ облегченія перемѣщенія

суммъ изъ мѣстныхъ казначействъ въ главное казначейство въ Петербургѣ. Государственный банкъ исполняетъ всѣ требованія министерства финансовъ на мѣстахъ и въ Петербургѣ, безъ передвиженія, безъ пересылокъ денегъ для каждой отдѣльной выдачи.

Такимъ образомъ изъ этого краткаго обзора мы видимъ, что Государственный банкъ исполнилъ всѣ поставленныя ему задачи. Каждая изъ этихъ задачъ можетъ быть предметомъ болѣе подробнаго изслѣдованія; мною сдѣлана лишь главная характеристика того, что выполнилъ Государственный банкъ за время своего существованія. Цифровыя данныя о тѣхъ выгодахъ, которыя доставила государственному казначейству реформа банковой системы, можно найти въ таблицахъ прибылей банка.

Ограничиваясь главными выводами о дѣятельности Государственнаго банка и о принесенной имъ финансовому управленію пользѣ, я долженъ въ заключеніе сказать нѣсколько словъ объ отношеніи къ Государственному банку отдѣльныхъ министровъ финансовъ.

Самая реформа государственныхъ кредитныхъ установленій и учрежденіе Государственнаго банка состоялись во время управленія министерствомъ финансовъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника А. М. Княжевича. Хотя уставъ Государственнаго банка и былъ выработанъ въ особой комиссіи, но тѣмъ не менѣе проведеніе его лежало на А. М. Княжевичѣ—какъ на министрѣ финансовъ. Вскорѣ Княжевича замѣнилъ М. Х. Рейтернъ, который во все время своего продолжительнаго управленія министерствомъ вполнѣ точно поддерживалъ затѣянную реформу государственныхъ кредитныхъ установленій и не уклонялся отъ принятой системы. Хотя временныя финансовыя нужды казначейства и заставляли его иногда отступать отъ прямыхъ указаній устава Государственнаго банка и дѣлать нѣкоторыя нарушенія, но эти нарушенія носили лишь временный характеръ. Онъ не отступалъ отъ основныхъ началъ реформы и при благопріятныхъ условіяхъ приводилъ свои отношенія къ банку въ совершенный порядокъ. Всѣ позаимствованія, которыя государственное казначейство должно было сдѣлать изъ Государственнаго банка, къ 1870 году свелись къ нулю. Точно такъ же и въ отношеніи ссудъ изъ банка министръ финансовъ былъ крайне остороженъ, и только замѣшательство, вызванное военными дѣйствіями и опасеніями за потрясеніе русской торговли и русской промышленности, заставило его, да и не его

одного, а всѣ высшіе финансовые органы правительства, разрѣшить банку, съ особаго Высочайшаго соизволенія, нѣкоторыя отступленія отъ буквы устава. Такимъ образомъ, во время послѣдней войны, банкомъ выданы были нѣкоторыя особенныя исключительныя ссуды для поддержки или значительныхъ учрежденій или такой промышленности, которая имѣла въ глазахъ правительства особую государственную важность. Благодаря такому здравому взгляду на развитіе и поддержку промышленныхъ силъ, можно указать съ гордостью на то, что во время войны Россія не испытала никакихъ значительныхъ кризисовъ, ни потерь, ни банкротствъ, которыя были бы неминуемы безъ этихъ исключительныхъ пособій.

Вслѣдъ за окончаніемъ войны, когда Рейтернъ сошелъ со сцены, министерство финансовъ принялъ генералъ-адъютантъ Грейгъ, который слѣдовалъ вполнѣ политикѣ своего предшественника и даже, какъ мы указали выше, рѣшился проложить дорогу для новой системы металлическихъ займовъ безъ помощи и посредничества иностранныхъ банкировъ. Засимъ генералъ-адъютантъ Грейгъ ни въ чемъ не отступалъ отъ положенія, указаннаго Государственному банку его уставомъ, и являлся въ этомъ отношеніи продолжателемъ системы М. Х. Рейтерна.

Въ короткій періодъ управленія министерствомъ А. А. Абазы былъ изданъ замѣчательный указъ о расплатѣ Государственнаго казначейства съ Государственнымъ Банкомъ за выпущенные во время войны кредитные билеты съ подтвержденіемъ о прекращеніи на будущее время всякихъ позаимствованій Государственнаго казначейства изъ суммъ Государственнаго банка. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи Абаза всецѣло поддерживалъ тѣ положенія, которыя легли на основаніе Государственнаго банка при самой его реформѣ и отличали эту реформу отъ другихъ.

Со вступленіемъ въ управленіе министерствомъ финансовъ извѣстнаго въ педагогическомъ мірѣ профессора Бунге, бывшаго тоже однимъ изъ участниковъ комиссіи 59 года по реформѣ банковъ, начинается рядъ преобразованій, измѣнившихъ совершенно данный Государственному банку характеръ. Одна изъ главныхъ заботъ управленія банка, за все время его существованія, заключалась въ сколько возможно большемъ накопленіи золота, какъ въ размѣнномъ фондѣ, такъ и въ оборотной кассѣ банка. Въ періодъ войны министръ финансовъ имѣлъ нѣкоторое оправданіе продать часть золота для поддержанія вексельнаго курса. Но вслѣдъ за прекращеніемъ войны въ Государственномъ банкѣ

опять начали накопляться значительныя суммы въ звонкой монетѣ. Прискорбное событіе 1 марта 1881 года не могло, конечно, не отразиться на первыхъ же дняхъ быстрымъ пониженіемъ вексельнаго курса. Въ это время Государственный банкъ, располагая извѣстнымъ запасомъ звонкой монеты и стремясь противодѣйствовать паденію курса, приступилъ къ продажѣ извѣстной части золота. Потребность въ такой продажѣ не могла быть значительна, въ особенности, если имѣть въ виду послѣдовавшее вскорѣ за трагическою смертью Императора Александра II успокоеніе умовъ. Но какъ бы то ни было, Государственный банкъ не встрѣтилъ, при производствѣ этой операціи, никакого содѣйствія со стороны частныхъ кредитныхъ учрежденій. Основанные въ Петербургѣ частные банки съ теченіемъ времени приняли характеръ иностранныхъ банковъ и конторъ на акціяхъ, за исключеніемъ лишь Волжско-Камскаго банка, который являлся исключительно русскимъ кредитнымъ учрежденіемъ. Банки эти были въ ближайшихъ отношеніяхъ къ банкирскимъ домамъ иностраннымъ и даже производили много операцій за половинный счетъ, въ ущербъ русскому кредиту. Такъ было и въ разсматриваемомъ случаѣ. Вмѣсто того, чтобы ограничить требованіе на звонкую монету крайнимъ предѣломъ надобности, они усмотрѣли въ этой продажѣ золота новую выгодную для себя операцію. Продажа золота была разрѣшена въ извѣстной суммѣ и на извѣстный срокъ времени— кажется, на десять дней. Всѣ Петербургскіе банки въ первые дни были крайне осторожны въ пользованіи этимъ исключительнымъ предоставляемымъ имъ способомъ, отчасти, быть можетъ, и потому, что не были подготовлены въ своихъ средствахъ къ покупкѣ золота въ Государственномъ банкѣ. Но въ послѣдній день установленнаго для продажи золота срока, всѣ они захватили такія суммы, которыя явно превышали ихъ потребности, а, затѣмъ, съ прекращеніемъ выдачи золота, они стали продавать его за дорогую цѣну. Закъ взялъ больше всѣхъ; кажется, до 5.000.000 руб. Доказавъ этою операціею свое патріотическое настроеніе, Петербургскіе банки продолжали при новомъ министрѣ такого же рода эксплоатацію. Неизвѣстно по какой причинѣ министръ настаивалъ, чтобы Государственный банкъ продавалъ накопившуюся въ его распоряженіи звонкую монету, и когда управляющій банкомъ ограничивалъ продажи золота самыми небольшими суммами, чтобъ не ронять курса кредитнаго рубля, то министръ финансовъ прямо выразилъ свое неудовольствіе, находя, что банку не даютъ настоящей цѣны и

управляющій банкомъ не умѣетъ продавать золота. Неудовольствіе свое онъ вскорѣ осуществилъ на самомъ дѣлѣ, изъявъ изъ веденія управляющаго банкомъ весь запасъ золотой монеты и передавъ ее исключительно управляющему учетно-ссуднымъ банкомъ, который продавалъ золото уже по цѣнамъ неизвѣстнымъ Государственному банку и ставилъ выручаемыя суммы на счетъ государственнаго казначейства. Не говоря уже о томъ, что всякое вздорожаніе золота равнозначуще было паденію курса кредитнаго рубля, трудно объяснить себѣ пользу, которую подобнаго рода операція въ мирное время могла представить для насъ. Сколько мнѣ извѣстно, операція эта сослужила большую службу правительству Италіи, которое въ то время прибѣгло къ займу въ звонкой монетѣ и получило изъ одной Россіи до 60 милл. ф. полуимперіальной монеты.

Что касается отношеній Государственнаго банка къ Государственному казначейству, то главное стараніе новаго министра финансовъ заключалось въ приведеніи Государственнаго банка, сколько возможно ближе, къ типу казеннаго департамента финансоваго управленія. При немъ началось задержаніе распредѣленія прибылей согласно съ уставомъ; при немъ въ первый разъ мы встрѣчаемъ, что прибыли банка показываются за 4—5 лѣтъ въ балансѣ и, наконецъ, онъ же сталъ зачислять эти прибыли въ рессурсы Государственнаго казначейства. Всѣ эти мѣропріятія клонились видимо къ установленію большей и большей связи операцій Государственнаго банка съ операціями Государственнаго казначейства, словомъ сказать, къ уничтоженію того самостоятельнаго значенія, которое было положено въ основаніе Государственнаго банка при его учрежденіи. При томъ же министрѣ послѣдовало и совершенное устраненіе банка отъ возложенныхъ на него ликвидаціонныхъ операцій и сліяніе послѣднихъ со счетами Государственнаго казначейства.

Безспорно, эти преобразованія имѣли свое значеніе въ смыслѣ облегченія Государственнаго казначейства, но тѣмъ не менѣе они отнимали отъ Государственнаго банка характеръ будущаго сильнаго кредитнаго учрежденія, которое поддерживаетъ въ странѣ какъ самостоятельное развитіе торговли и промышленности, такъ и прочный государственный кредитъ, основанный на собственныхъ силахъ народа, а не на банковыхъ учрежденіяхъ, располагающихъ капиталами по довѣрію частныхъ лицъ. Однимъ словомъ, при введенныхъ министромъ финансовъ Бунге преобразованіяхъ Государственный банкъ принялъ

характеръ исключительно казеннаго учрежденія. Самое зачисленіе прибылей Государственнаго банка въ составъ статей государственнаго ежегоднаго дохода нельзя разсматривать иначе, какъ непосредственное вторженіе государства въ область частныхъ коммерческихъ интересовъ. Дѣйствительно, въ результатѣ приведенныхъ мѣропріятій государство является предпринимателемъ Государственнаго банка, приглашаетъ вкладчиковъ вносить свои деньги и само пускаетъ ихъ въ оборотъ, въ торговыя операціи, наживая, подобно всякому частному банку, на ихъ деньги прибыли и указывая ихъ какъ одну изъ статей государственныхъ доходовъ. Такимъ образомъ, вмѣсто прежняго положенія, когда государство, не считая возможнымъ допускать устройство банка на акціяхъ, приняло на себя, такъ сказать, надзоръ за установленіемъ, которое было отрѣшено отъ непосредственныхъ обязанностей удовлетворять государственные расходы, въ настоящее время обнаружилось другое явленіе: банкъ сдѣлался оброчною статьею въ государственномъ бюджетѣ, что ставитъ государство въ положеніе, несвойственное его государственной задачѣ. Однимъ словомъ, Государственный банкъ изъ спеціальнаго учрежденія, какимъ онъ былъ въ ряду казенныхъ спеціальныхъ учрежденій, сдѣлался общимъ государственнымъ достояніемъ съ возложеніемъ на него какъ отвѣтственности за потери и убытки, такъ и отвѣтственности за правильное и полезное для торговли и промышленности направленіе дѣла. Между тѣмъ, потребности государства или общегосударственныя надобности могутъ становиться и въ дѣйствительной жизни нерѣдко становятся въ противорѣчіе съ интересами торговли и промышленности. Для поддержанія послѣднихъ можетъ наступить нужда въ дешевомъ кредитѣ, въ уменьшеніи прибылей банка; но съ другой стороны заботы объ удовлетвореніи государственныхъ расходовъ будутъ ставить правительство въ необходимость повышать проценты по ссудамъ и по учету для увеличенія государственнаго дохода.

Такимъ образомъ, реформа, задуманная въ 1859 году, реформа, спасшая государство отъ тяжелаго кризиса, послужившая упорядоченію торговыхъ дѣлъ, развившая нашъ кредитъ, утратила задачу, которая была положена въ основаніе ея, и привела Государственный банкъ къ положенію дореформенныхъ банковъ.

Указъ 1881 года объ изъятіи выпущенныхъ во время войны кредитныхъ билетовъ въ теченіе восьми лѣтъ или объ уплатѣ этого долга Государственному банку взносомъ либо наличныхъ денегъ, либо билетовъ, которые банкъ могъ бы продать или

обмѣнять на наличныя деньги — указъ этотъ Бунге оставилъ вскорѣ безъ исполненія, сокративъ лишь нѣкоторую часть находившихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ. Въ уплату же остальной части долга Государственному банку выдавались ничего не стоющія обязательства съ обязанностью держать ихъ въ своемъ портфелѣ, не выпуская въ публику. Другими словами, этотъ долгъ, подлежащій погашенію Государственнымъ казначействомъ, переродился въ обязательства, означаемыя только по счетамъ банка, но неимѣющія никакой реальной цѣнности, и оставшіеся до сихъ поръ непогашенными кредитные билеты временнаго выпуска на общую сумму въ 266 милл. руб. ничѣмъ не отличаются въ настоящее время отъ тѣхъ билетовъ, которые принадлежатъ, такъ сказать, къ коренному выпуску.

1890 годъ.

Сообщ. дочь Е. И. Ламанскаго, **А. фонъ-Таль.**

Михаилъ Никифоровичъ Катковъ и графъ Петръ Александровичъ Валуевъ въ ихъ перепискѣ.

(1863—1879 г.г.).

XIII [1]).

Пятница, 16/XI 1863 г.

Вы мнѣ обѣщали, многоуважаемый М. Н., удовольствіе съ Вами свидѣться по возвращеніи моемъ въ Москву. Я вернулся и прошу позволенія напомнить о вышереченномъ обѣщаніи и вмѣстѣ съ тѣмъ просить васъ не отказать отобѣдать у меня запросто въ воскресенье 18-го въ 4½ ч. п.п. Я остановился въ томъ же Маломъ дворцѣ, но въ верхнемъ этажѣ. Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности. Валуевъ.

XIV.

С. П. Б. 30/XI 1863 г.

Благодарю васъ, многоуважаемый М. Н., за письмо отъ 28-го. Некогда писать къ вамъ подробно; но нѣсколько словъ всегда можно и всегда охотно. Не тревожьтесь на счетъ цензора, котораго я старался успокоить тѣмъ самымъ электрическимъ путемъ, которымъ я его встревожилъ. Кажется, что и онъ, и М. П. Щербининъ искали промахъ не тамъ, гдѣ онъ есть, а именно въ дѣлѣ Леонтьева, а не Ржевскаго [2]), котораго я тот-

---

[1]) См. „Русская Старина", ноябрь 1915 г.

[2]) Членъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ комиссіи кн. Оболенскаго по составленію цензурнаго устава.

часъ узналъ. У него на этотъ счетъ мозгъ давно сталъ бокомъ, и онъ здѣсь выкинулъ другую скриптуру подъ чужою подписью, которая еще хуже. Благодарю васъ за довѣріе, которое, конечно, заслуживаю. Къ сожалѣнію я имъ на сей разъ не могу пользоваться, потому что приказано спросить объ имени автора оффиціально. Скажу одно, что если бы не вы, я бы тотчасъ расчитался съ Ржевскимъ, потому что противъ моихъ англійскихъ началъ терпѣть, чтобы лицо, состоящее на службѣ, со стороны метало камушками въ правительство. Я нарочно не назвалъ его въ письмѣ къ Щербинину, чтобы не выходило изъ догадокъ, но приказаніе спросить получено вчера. Я приказалъ послать вамъ экземпляръ проекта устава о книгопечатаніи. Развѣ вы его не получили? Ваше замѣчаніе на счетъ выборныхъ вѣрно, и я воспользуюсь. Еще разъ обращаюсь къ вамъ съ призывомъ обратить вниманіе на различіе между двумя видами мѣръ на западѣ: временными и органическими. Не говорю о первыхъ; но вторыя не должны быть соціальнаго свойства [1]. Пора снять диѳирамбическую струну. Caveant consules caveatque vox qua implere vult forum. Казалось нѣсколько строкъ—вышло поболѣе.

Искренно преданный Валуевъ.

XV.

Москва, 2-го декабря 1863.

Милостивый Государь,

Петръ Александровичъ!

Сейчасъ М. П. Щербининъ передалъ мнѣ, что вы находите неудобнымъ допускать дальнѣйшую полемику по финляндскому вопросу съ Гельсингфорскими газетами [2]. Я получилъ это поразившее меня извѣстіе въ то самое время, когда начиналъ диктовать новую статью по этому важному дѣлу. Статейка, о

---

[1] Намекъ на энергичную дѣятельность М. Н. Муравьева въ Вильнѣ по раскрѣпощенію крестьянскаго населенія и улучшенію его экономическаго быта.

[2] Полемика была вызвана дебатами, начавшимися въ сеймѣ по вопросу о допустимости участія въ сеймѣ дворянъ, уроженцевъ Финляндіи состоявшихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, на русской государственной службѣ.— Дебаты эти были подхвачены газетами, расширившими поднятый вопросъ до обсужденія положенія о Финляндіи, какъ самостоятельномъ государствѣ, о финляндскомъ нейтралитетѣ и т. п.

которой вы упоминаете благосклонно, была написана наскоро, по первымъ, отрывочнымъ извѣстіямъ, дошедшимъ до насъ о толкахъ въ Гельсингфорскихъ газетахъ. Нашъ корреспондентъ, самъ финляндецъ, навѣрно скрывалъ отъ насъ въ чемъ дѣло. Но теперь мы получили его №№ газеты Helsingfors Dagbladet, гдѣ идетъ рѣчь объ особомъ государственномъ значеніи и нейтралитетѣ Финляндіи. Теперь слѣдуетъ только разобрать всѣ аргументы, которые повторяются и въ засѣданіяхъ сейма, и представить на видъ ихъ полную несостоятельность. Въ противномъ случаѣ насъ укорятъ въ сужденіяхъ слишкомъ поверхностныхъ. Боже мой! Что это за положеніе! Въ Гельсингфорсѣ, по-шведски, можно говорить противъ насъ все, что угодно, а русскимъ, въ Москвѣ, въ центрѣ Россіи, Русскаго государства, запрещается говорить отъ самого русскаго правительства. Я не знаю, какую статью финляндскіе публицисты прислали въ органъ Головина; не знаю, почему не пропустила ее цензура, но не вижу, почему вслѣдствіе этого должны молчать мы и подвергаться укоризнамъ. Если присланная изъ Гельсингфорса статья не противна основнымъ цензурнымъ правиламъ, то мнѣ думается, лучше разрѣшать печатаніе ея, если совѣсть русскаго журналиста можетъ снести ее, нежели запрещать московскимъ газетамъ защищать и разъяснять интересы и права Русскаго государства и оправдывать свою точку зрѣнія. Умоляю васъ, не препятствуйте этому. Я жду отъ васъ разрѣшенія, я долженъ предупредить обстоятельною статьей ожидаемыя возраженія Dagbladet'a. Цензоръ не пропуститъ ни одного слова послѣ вашего письма. Письменный отвѣтъ отъ васъ придти скоро не можетъ, а потому вы безконечно обяжете меня, если дадите ваше дозволеніе въ двухъ словахъ по телеграфу, по полученіи этого письма. Повѣрьте, что мы будемъ писать съ надлежащимъ тактомъ.

Спѣшу заявить вамъ о множествѣ жалобъ изъ „уѣздовъ“ по поводу назначенія уѣздныхъ начальниковъ. Вы мнѣ позволили говорить вамъ откровенно мое мнѣніе. Сколько мнѣ кажется, принципъ, принятый при назначеніи этихъ агентовъ,—невѣренъ. Теперь рѣчь идетъ о водвореніи у насъ мѣстнаго самоуправленія. Гораздо важнѣе парадныхъ формъ, долженствующихъ означать мѣстное самоуправленіе, гораздо важнѣе всѣхъ предполагаемыхъ мѣстныхъ земскихъ учрежденій (отъ которыхъ, какъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, ничего хорошаго ожидать нельзя), гораздо важнѣе духъ, истинная дѣйствительность этого начала. А что мы видимъ теперь? Первые агенты власти,

которые изъ-подъ дворянскихъ выборовъ поступили подъ правительственное назначеніе, являются живымъ отрицаніемъ всякаго духа мѣстной жизни и самоуправленія. Они большей частью посылаются, а не берутся изъ мѣстныхъ жителей. Даже французскіе мэры и тѣ, по закону, берутся изъ мѣстныхъ жителей. Этого мало; какъ нарочно во многихъ губерніяхъ большинство ихъ изъ поляковъ. И это теперь! Что глубже и рѣшительнѣе разрознитъ правительство и общество, какъ не подобная система. Вмѣсто того, чтобы пользоваться лучшими людьми въ каждой мѣстности и на нихъ основываться—предоставляютъ мертвому, бюрократическому механизму, по большей части правителямъ канцелярій, или начальникамъ отдѣленій, подъ условнымъ титуломъ *правительства*, посылать на разныя мѣстности чуждыхъ имъ исполнителей власти. Гдѣ же довѣріе между правительствомъ и обществомъ, откуда же возьмется та живая связь, которая должна тѣсно соединить ихъ, соединять до безразличія въ ихъ корняхъ и элементахъ государственной жизни? Вотъ это разрозниваетъ! Это организованное недовѣріе правительства къ народу, обособляющее ихъ и уподобляющее первое завоевательной дружинѣ. Истинный духъ самоуправленія требуетъ, чтобы правительство всѣхъ своихъ агентовъ, начиная отъ губернаторовъ, находило въ мѣстныхъ элементахъ.

Отъ всей души благодарю васъ за успокоительную депешу къ цензору. Онъ чуть не сдѣлался боленъ и теперь совершенно счастливъ, хоть еще не совсѣмъ оправился и страшно придирается къ намъ.

Искренно преданный вашему превосходительству
М. Катковъ.

XVI.

С. П. Б. 3/XII 1863.

Многоуважаемый
Михаилъ Никифоровичъ!

Я получилъ вчерашнее письмо ваше. Признаюсь, оно меня огорчило.—Неужели въ Россіи такъ трудно дѣлать дѣло, что даже и съ вами оно порою не дѣлается. Неужели,—хотя я и не Кесарь,—придется и вамъ сказать: et tu autem, Brute! Я началъ съ того, что, по телеграфу, предоставилъ Щербинину пропустить еще одну статью по финляндскимъ дѣламъ, это дока-

зательство моего уваженія къ вамъ. Но затѣмъ еще разъ напоминаю о пользѣ *паузы*. Кто вамъ мѣшаетъ обождать конца сейма? Но пока онъ въ сборѣ, неужели вы не видите тѣхъ неудобствъ, которыя могутъ возникнуть отъ всегда возможныхъ увлеченій полемики? Ваши статьи отчасти уже привели Helsengfors Dagbladet къ той чуши, которую онъ понесъ, или, по крайней мѣрѣ, дали ему предлогъ понести ее, будто бы отвѣчая вамъ. Неужели при нынѣшнемъ положеніи европейскаго горизонта, вы не признаете желательнымъ, чтобы сеймъ состоялся и окончился безъ непріятныхъ эпизодовъ? Вотъ почему я просилъ Щербинина вамъ передать мою просьбу, какъ можно менѣе говорить о Финляндіи, въ случаѣ надобности отвѣчать,— меня предварять. Статья здѣсь запрещенная,—переводъ статьи Ф. [1]). Пока есть цензура, она здѣсь пропущена быть можетъ. Перехожу къ уѣзднымъ начальникамъ и прямо скажу вамъ, что ваши свѣдѣнія невѣрны. Вы ихъ имѣете, между прочимъ, изъ одной недалекой отсюда губерніи, и я знаю, отъ кого и знаю почему. Полагаться на частные источники у насъ хуже, чѣмъ на оффиціальные, а это много значитъ. Изъ поляковъ съ моего вѣдома, назначено всего трое, и то изъ кавказскихъ ветерановъ, которыхъ никакое правительство, хранящее свое достоинство, не можетъ выбросить за окно, ради ихъ метрики. Михаилъ Никифоровичъ! Въ васъ много силы! Вы много сдѣлали! Не спускайтесь съ уровня „Теймса“ на уровень „Дня“. Васъ уважаютъ, но вспомните, что уважаемый призванъ къ тому, чтобы и кое-кому другому оказывать уваженіе. Неужели та борьба, которую я выношу ежедневно, невѣдома для многоглаголивой массы, будетъ борьбою безплодною? Неужели то глубокое отвращеніе, которое овладѣваетъ мною въ отношеніи къ дальнѣйшей общественной жизни, должно еще усиливаться огорченіемъ разномыслія съ вами? Я каждый день помышляю о томъ, чтобы все бросить и потомъ, со стороны, посмотрѣть, какъ другіе будутъ справляться. Взгляните вокругъ себя: много ли здоровыхъ? Все напряжено, все болѣзненно. Государственный дѣятель долженъ принимать это въ расчетъ, но не долженъ записываться больнымъ.

Искренно преданный Валуевъ.

---

[1]) Барона Фурси, писавшаго подъ псевдонимомъ Шедоферроти.

XVII.

С.П.Б. 5/XII 1863 г.

Многоуважаемый

Михаилъ Никифоровичъ.

Въ отвѣтъ на письмо ваше отъ 3-го спѣшу увѣдомить, что я, конечно, раздѣляю ваше мнѣніе относительно Ржевскаго [1] и надѣюсь, что дѣло такъ и устроится; но вѣдь я и сообщалъ вамъ, что съ моей стороны я имѣю поводъ упрекать его не только въ невѣрности сообщенныхъ вамъ свѣдѣній, но и въ другомъ писаніи, полуоффиціальнаго характера, которое гораздо менѣе извинительно, и котораго сочинять и пускать въ ходъ онъ конечно не долженъ былъ безъ моего вѣдома. Во всякомъ случаѣ благодарю васъ и за откровенное сообщеніе вашего мнѣнія и за совѣтъ. Повторяю, всегда желаю перваго и охотно пользуюсь вторымъ. Касательно Кіева я въ непродолжительномъ времени вамъ сообщу нѣкоторыя свѣдѣнія. Конечно, тамъ не безъ ошибокъ, но не довѣряйте вѣстямъ оттуда. Источники большею частью мутные, въ родѣ Г. Говорскаго. Относительно Вильно—органическія мѣры тѣ, которыя касаются распредѣленія, переоцѣнки и раздачи земель по чистому произволу *мѣстной*, а не *центральной* власти [2]. Подъ видомъ умиротворенія края, нарушаются всякія начала,—и порядка, и права, и справедливости. Процессъ нарушенія самый первобытный, временъ нашествія дикихъ племенъ Азіи.—Еще разъ прошу васъ, не сходите съ уровня „Теймса" къ уровню „Дня". Взвѣсьте значеніе разныхъ нынѣшнихъ словесныхъ ходящихъ монетъ. Взгляните на дѣятелей и потомъ оглянитесь на исторію. Нравствен-

---

[1] Ржевскій, членъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ комиссіи кн. Оболенскаго по составленію новаго цензурнаго устава, былъ сотрудникомъ „Моск. Вѣдомостей" и между прочимъ сообщилъ Каткову свѣдѣнія о назначеніи поляковъ уѣздными начальниками въ Западномъ и Юго-Зап. краѣ.

[2] Муравьевъ, находя, что оцѣнка земель, переходившихъ отъ помѣщиковъ къ крестьянамъ, произведена благодаря тенденціозной дѣятельности прежнихъ мировыхъ посредниковъ, состоявшихъ преимущественно изъ польскихъ помѣщиковъ—несправедливо переувеличена, настаивалъ на переоцѣнкѣ и измѣненіи размѣра надѣловъ крестьянъ, несмотря на утвержденіе уже уставныхъ грамотъ.

нымъ силамъ надо противопоставлять нравственныя же, а не однѣ матеріальныя силы. Да, въ концѣ вашего письма, вы указывали на правильный исходъ дѣла. Но неужели вы думаете, что съ вами согласились бы въ Вильно? Одно задавить мятежъ; другое—умиротворить и устроить край. Для этого нужно что-нибудь кромѣ того, что восхваляется гг. Кояловичами [1]), Гильфердингами [2]), Говорскими [3]) и гр. Блудовой [4]), Timeo Danaos et dona et carmina ferentes. Нужна невѣсомая сила. Безъ нея неразрѣшимъ польскій вопросъ. Прошу васъ и вы не сѣтуйте за откровенность. Можно связать Варшаву и Вильно съ Тамбовомъ, но сдѣлать изъ нихъ Тамбова нельзя!

Искренно преданный Валуевъ.

XVIII.

Милостивый Государь,

Петръ Александровичъ!

Я не могъ не отвѣтить на статью Гессе и долженъ былъ съ полною откровенностью выставить на видъ сущность дѣла. Я не имѣю никакого предупрежденія противъ кіевскаго генералъ-губернатора [5]) и даже не берусь судить: въ какой мѣрѣ виновенъ онъ во всемъ этомъ? Но я долженъ былъ говорить по чести и совѣсти. Въ сущности, какъ вы видите, генералъ Гессе [6]) смотритъ совершенно одинаково съ нами на положеніе края, въ которомъ занималъ важную административную должность, хотя и нападаетъ на насъ Богъ знаетъ за что.

Къ числу непростительнѣйшихъ промаховъ кіевской администраціи принадлежитъ слѣдующій казусъ, который я спѣшу заявить вамъ: въ редакторы Губернскихъ Вѣдомостей постав-

---

[1]) Профессоръ Петер. Духовной Академіи и авторъ цѣлаго ряда сочиненій публицистическаго характера, а также Исторіи Русскаго Самосознанія.

[2]) Извѣстный славистъ академикъ.

[3]) Говорскій, редакторъ Вѣстника С. Юго-Запад. Россіи.

[4]) Дочь президента академіи наукъ и извѣстнаго государственнаго дѣятеля царствованія Императоровъ Николая I, Александра II.

[5]) Генерала Анненкова.

[6]) Кіевскій губернаторъ, помѣстившій статью въ Русскихъ Вѣдомостяхъ № 59, въ защиту кіевскаго генералъ-губернатора, но съ указаніемъ на тревожное положеніе Юго-Западнаго края.

ленъ нѣкто Стояновъ, заклятый украйно-фильскій сепаратистъ, который въ этомъ, чисто оффиціальномъ изданіи, уже началъ ломать языкъ по-хохлацки. Я только сегодня узналъ это, хотя онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ издаетъ Губернскія Вѣдомости. Вы не можете все знать, вы не можете входить во всѣ мелочи, и честью увѣряю васъ, что это самое неблагоразумное назначеніе. Боже мой! дайте хоть сотнѣ Стояновыхъ право заводить на свой коштъ малороссійскія школы и издавать хохлацкія газеты и книги, но какъ отдавать имъ въ руки казенный листокъ! Какъ же правительству служить орудіемъ тенденцій, во всякомъ случаѣ не правительственныхъ! Уже онъ толкуетъ о южно-русскомъ народѣ; подъ видомъ отвѣтовъ на статистическіе вопросы, пишетъ разныя прибаутки и закидываетъ разныя штучки на этомъ скверномъ фабрикованномъ нарѣчіи. Вѣдь Губернскія Вѣдомости обязательно читаются въ волостяхъ. Какъ же Стоянову давать обязательныхъ читателей? Сейчасъ только я получилъ письмецо изъ Кіева; изъ него кое-что взято для Московскихъ Вѣдомостей, а слѣдующія строки я выписываю для вашего соображенія. Письмо это дѣльнаго человѣка, но не могу судить, въ какой мѣрѣ вѣрно это показаніе. Вотъ что онъ, между прочимъ, пишетъ: „По словамъ нѣкоторыхъ русскихъ помѣщиковъ здѣсь особенно слѣдовало бы обратить вниманіе на то, какія личности опредѣляются въ мировые посредники. Помѣщиковъ поляковъ устраняютъ отъ этихъ должностей и совершенно справедливо; но на мѣсто ихъ назначаютъ изъ русскихъ, но не помѣщиковъ, а разныхъ отставныхъ чиновниковъ, офицеровъ, изъ которыхъ многіе, какъ увѣряютъ, совершенно неспособны къ этой дѣятельности, а иные и того хуже“.

Въ какой мѣрѣ это справедливо, или въ какой мѣрѣ слѣдуетъ обратить на это вниманіе, вамъ судить лучше.

Примите увѣреніе въ искреннемъ моемъ почтеніи и преданности.

Вашего превосходительства покорный слуга
М. Катковъ.

Москва, 9-го декабря 1863 г.

XIX.

С. П. Б. 16/XII 1863.

Многоуважаемый

Михаилъ Никифоровичъ.

Вашъ оффиціальный отзывъ неудовлетворителенъ. На сей разъ дѣло могло обойтись такъ, потому, что благодаря особымъ обстоятельствамъ и тому и другому писанію, о которомъ я прежде упоминалъ, нужное свѣдѣніе имѣлось до Вашего отвѣта Предусматривая свойства сего послѣдняго, я предупредилъ его и тѣмъ устранилъ надобность въ настояніи. Для будущаго не мѣшало бы Вамъ быть осторожнѣе насчетъ отзывовъ о статьяхъ, которыя Вы себѣ усваиваете. Сожалѣю о Вашемъ отвѣтѣ Гессе [1]), но конечно сожалѣю стократъ болѣе о его статьѣ, которая неумѣстна по содержанію и по подписи. Неужели Вы не справитесь съ Гильфердингомъ [2]), который на счетъ существа „двузѣвнаго и лаяй" напечаталъ такой сумбуръ? Неужели Московскій „Teims" спуститъ ему и страсть къ „оплебеянію" во что бы то ни стало Россіи. Что за выгоды въ обращеніи всей массы органическихъ элементовъ Государства въ безразличное мѣсто, всего зданія въ бутъ? Это имѣетъ значеніе потому, что взглядъ „Инвалида" выражаетъ здѣсь вполнѣ взглядъ его патрона [3]). „Сѣверная Почта" должна молчать, потому что я не хочу представить публикѣ зрѣлище разлада и противорѣчія между двумя органами одного Правительства. Вы спрашиваете о судьбахъ закона печати? Не могу сказать о нихъ ничего опредѣлительнаго. Вѣроятно, противодѣйствія будетъ

---

[1]) О которой говорилось выше подъ письмомъ XVIII.

[2]) Статья Гильфердинга о задачахъ нашей политики въ Польшѣ въ Рус. Инвалидѣ за 1863, на которую Катковъ отвѣчалъ въ № 280 М. Вѣд. чудовищу „стозѣвну и лаяй", стерегущему предметъ, до котораго не даетъ другимъ касаться — Статья Гильфердинга указываетъ на двоякое рѣшеніе польскаго вопроса — одно — реальное, а другое во имя высшей справедливости; первое говоритъ за оставленіе Польши во власти Россійской Имперіи въ интересахъ крестьянства, изъ страха „Шляхетскаго духа" польскаго засилія и притѣсненія народныхъ массъ — главнымъ образомъ вредитъ крестьянству и государственности; второе за полную автономію Царства Польскаго.

[3]) Военнаго министра.

много. Вообще я его встрѣчаю вездѣ, благодаря собственно тому, что я служу своему Государству и Россіи какъ слѣдуетъ, т. е. правдою и безъ цвѣтныхъ очковъ. Однимъ я слишкомъ прогрессивенъ, другимъ слишкомъ арнемократофилъ, третьимъ слишкомъ независимъ отъ канцелярій и т. д. Много продѣлокъ весьма неприличныхъ. Напримѣръ, Вашъ пріятель „День“ безпрестанно задними крыльцами пускаетъ въ ходъ арію Don Basilio и Вамъ извѣстную. Пока я выдерживаю и охраняю ту temper. Но надолго ли? Не знаю и не отвѣчаю.

Преданный Вамъ Валуевъ.

„Моск. Вѣд.“ 7 декабря № 267.

П. П. *Секретно.* Остерегайтесь Г. Б., который выдаетъ себя всегда за человѣка мнѣ близкаго. Онъ весьма неблагонадежный.

XX

Милостивый Государь,

Петръ Александровичъ.

Кромѣ статьи Безобразова [1]), у насъ цензура задержала еще статью о современныхъ движеніяхъ въ расколѣ, которая отправлена Комитетомъ къ вамъ. Задержка этой послѣдней статьи поразила меня и совсѣмъ сбила съ толку. Прежнія статьи объ этомъ предметѣ, помѣщенная въ Русскомъ Вѣстникѣ, имѣли полезное дѣйствіе и были хорошо приняты правительствомъ. Мы усилили въ этомъ направленіи нашу дѣятельность. Употреблено было немало усилій на развѣдки. Это стоило и нѣкоторыхъ затратъ. Наконецъ, и самое писаніе статьи требовало труда и времени, и вотъ вдругъ, передъ самымъ выпускомъ книги, цензоръ запрещаетъ ее. Почему? Цензоръ и весь Комитетъ находятъ статью совершенно дозволительною и, дѣйствительно, она была бы еще полезнѣе, чѣмъ прежнія статьи по этому предмету; они не находятъ въ ней ни одного слова измѣнить или исключить. Въ чемъ же дѣло? Комитетъ получилъ предписаніе не пропускать статей о современномъ движеніи въ расколѣ, а пересылать ихъ на предварительный просмотръ въ Петербургѣ. Подобное стѣсненіе обыкновенно вызывается появленіемъ какой-нибудь вредной статьи, хотя и въ

[1]) Влад. Павловичъ, извѣстный экономистъ и публицистъ (род. 1828 † 1889 г.).

этихъ случаяхъ несправедливо ставить въ отвѣтственность всѣхъ за провинность одного; но въ настоящемъ случаѣ, напротивъ, вреднаго по этому предмету ничего не являлось (по крайней мѣрѣ въ Москвѣ), а статьи Русскаго Вѣстника заслужили еще одобреніе; за что же постигло насъ это стѣсненіе? Наконецъ, если оно уже непремѣнно должно было постигнуть насъ, то отчего же насъ не предупредили заблаговременно объ этомъ, чтобы мы могли прекратить напрасные труды, пріостановиться въ розыскахъ и въ писаніи статей. Вотъ чего у насъ не достаетъ — сколько-нибудь важнаго обезпеченія въ дозволительной и законной дѣятельности! Можетъ ли эта дѣятельность процвѣтать и имѣть правильный и полезный ходъ, не будучи обезпечена и увѣрена. Для прощалыгъ и негодяевъ это не чувствительно; но для людей сколько-нибудь порядочныхъ очень чувствительно. Я не ропщу, но вдаюсь, какъ видите, въ философію.

Осмѣливаюсь просить Васъ о возможно скорѣйшемъ разрѣшеніи намъ печатать отправленныя Вамъ статьи. Всѣ наши дѣла стоятъ теперь за ними

Примите увѣреніе въ истинномъ моемъ почтеніи и преданности Вашего Превосходительства покорный слуга.

М. Катковъ.

Москва. 26-го декабря 1863 г.

XXI.

С. П. Б. 26/XII 1863.

Многоуважаемый

Михаилъ Никифоровичъ.

Возвращаю въ Москву сегодня двѣ Ваши статьи, финансовую и раскольничью. Первая совершенно идетъ въ разрѣзъ моему личному взгляду и убѣжденію. Вы пособляете теоріямъ, разорившимъ и разоряющимъ Россію. Вы пишете или печатаете по-книжному, а не по-жизненному. Вы говорите о томъ, что у насъ много бумагъ вмѣсто того, чтобы сознавать, что у насъ мало металловъ; Вы съ пренебреженіемъ отталкиваете рессурсъ необходимый при нашемъ неустройствѣ,— оглянитесь,— при нашихъ разстояніяхъ,— взгляните на карту, при нашемъ малолюдствѣ,— возьмите календарь, при общей непотрясенной вѣрѣ

народа въ бумажные знаки, зайдите въ любую лавку въ гостиномъ дворѣ. Вы дѣлаете все это; во имя отвлеченности Вы убиваете суть. Но при всемъ томъ, такъ какъ я не раздражителенъ подобно Вамъ, не абсолютенъ, не одностороненъ — до veniam verbis, не упоренъ подобно Вамъ, Вы можете напечатать статью [1]). Я ей не мѣшаю. Нужно только, согласно съ Вашимъ собственнымъ предложеніемъ, смягчить рѣзкія мѣста и исключить то, что въ возвращаемомъ экземплярѣ отмѣчено (не многое) по желанію Министерства Финансовъ [2]). Вторая статья тоже можетъ быть напечатана *кромѣ текса посланія Бѣлокриницкаго Митрополита.* Сдѣлайте изъ него извлеченіе, если угодно, но *текстъ въ формѣ посланія и съ проклятіями и съ претензіями на характеръ Православной іерархіи* — печатать *неудобно.* Во всякомъ случаѣ если Вы недовольны Московской цензурой (едва ли Вы къ ней справедливы), на Петербургскую, кажется, Вамъ не слѣдуетъ сѣтовать. То, что извѣстное лицо Вамъ говорило о Кіевѣ [3]), на сей разъ большею частью совершенно точно; я же не могу Вамъ послать подробныхъ данныхъ, потому что мнѣ ихъ самому еще не доставили. Не знаю, о какомъ циркулярѣ говоритъ „Edwards". Никакого въ новѣйшее время не было. Въ августѣ 1861 года была дана инструкція Начальникамъ Западныхъ губерній, въ которой обращалось ихъ вниманіе на различные элементы населенія. Развѣ о томъ рѣчь; иначе я не догадываюсь. Прилагаю à propos Вашей статьи о Михаилѣ Архангелѣ въ № 25-го числа [4]), выписку изъ письма почтенной *русской дамы (между нами* Пущиной, жены Мих. Ив. Пущина) изъ Минской губ. Въ этомъ письмѣ болѣе правды, чѣмъ въ тонѣ современнаго оффиціальнаго писанія или современной печати. Въ послѣдній разъ позволяю себѣ предостеречь Васъ или просить предостеречься. Восхваляя нынѣшній Виленскій региментъ [5]), Вы хвалите ниспроверженіе всѣхъ началъ гражданственности и пособляете отодвигать надолго *то самое* развитіе, которое Вы желаете въ Россіи. Еще разъ à bon entendeur salut!

Искренно преданный Валуевъ.

---

[1]) Статья объ избыткѣ кредитныхъ билетовъ и необходимости внутренняго займа помѣщена въ № 2 „Моск. Вѣд." 1864 г.

[2]) Рейтерна.

[3]) Объ управленіи генералъ-адъютанта Анненкова.

[4]) Въ № 281 отъ 24 декабря а не 25-го.

[5]) Хвалебная статья о Муравьевѣ въ Моск. Вѣд. 1863 г. № 167 отъ 31 іюня, 141, и 149, а также въ № 281 отъ 24 декабря.— Послѣдняя статья говоритъ о корреспондентѣ Teims, которому петербургскіе либералы раз-

XXII.

Милостивый Государь,

Петръ Александровичъ!

Позволяю себѣ надѣяться, что объясненія мои на статью Сѣверной Почты [1]) приняты вами благосклонно. Во всякомъ случаѣ онѣ совершенно искренни. Въ замѣткѣ [2]) о столкновеніи

сказали о поднесеніи Муравьеву образа Архистратига Михаила, увѣривъ его, что этимъ хотѣли уподобить Муравьева—Архистратигу, по характеру его дѣятельности.

¹) Моск. Вѣд. 1863 г. № 71 отъ 28 марта.

²) Моск. Вѣд. 1863 г. № 56 отъ 10 марта. Вопросъ о треніяхъ между губернскими присутствіями и мировыми съѣздами, Катковъ затронулъ въ № 56 Моск. Вѣд. отъ 10 марта, укоряя первыхъ за стремленіе стѣснить и ограничить юрисдикцію мировыхъ съѣздовъ. Нельзя не посѣтовать, писалъ Катковъ, на обстоятельства, которыя вызвали этотъ вопросъ и угражаютъ окончательно разрушить мировыя учрежденія, это почти единственное у насъ исключеніе изъ всеобщаго бюрократическаго порядка. Не лежитъ ли отвѣтственность на губернскихъ властяхъ, спрашиваетъ Катковъ, за несправедливое и неправильное колебаніе единогласнаго рѣшенія мировыхъ съѣздовъ. Эта статья Каткова вызвала очень рѣшительную статью органа министра внутреннихъ дѣлъ Валуева—„Сѣверной Почты", отрицавшую подобную тенденцію губернскихъ властей и требовавшую отъ Каткова указаній на случаи, подавшіе ему поводъ къ такому обвиненію, а также подчеркивавшую измѣнившійся тонъ публициста слишкомъ якобы заносчивый, рѣзкій; Катковъ, въ № 71 отъ 28 марта приводя мотивы, заставившіе его выступить по указанному вопросу, писалъ—мы не измѣнились.—Можетъ быть намъ слѣдовало вовсе умолкнуть по отношенію къ тѣмъ предметамъ, которые въ прошломъ году были открыты для свободнаго обсужденія. Это другой вопросъ, на который не умѣемъ отвѣтить, и потому продолжаемъ нашу дѣятельность въ томъ смыслѣ и духѣ, какъ шла она до сихъ поръ; во всякомъ случаѣ намъ было бы гораздо легче вовсе умолкнуть, нежели измѣнить направленіе и характеръ нашихъ сужденій".

Желая смягчить приведенныя строки, Катковъ говоритъ нѣсколько комплиментовъ по адресу Валуева, какъ главы министерства внутреннихъ дѣлъ: „вѣдомство, органомъ котораго служитъ „Сѣверная Почта"— есть самое обширное и центральное; все въ немъ сходится или съ нимъ соприкасается, всѣ разнообразные и часто противоположные интересы огромной страны раскрываются и сталкиваются въ немъ, слѣдовательно, по преимуществу привлекающіе и общественное мнѣніе. Общій ходъ управленія по столь трудному и столь обширному вѣдомству, особенно въ крестьянскомъ дѣлѣ, не служитъ ли лучшимъ и безспорнымъ свидѣтельствомъ о его духѣ и не даетъ ли лучшаго отвѣта на возможность критики того или другого отдѣльнаго случая или другой частной мѣры?

между губернскими присутственными мѣстами и мировыми съѣздами—я былъ далекъ отъ мысли сказать что-нибудь непріятное вамъ или вашему управленію. Я ничего не зналъ о вашемъ мнѣніи по этому предмету и о томъ, какое положеніе намѣрены вы принять въ возбужденномъ вопросѣ. Во всякомъ случаѣ не предвидѣлъ, что интрига воспользуется этой замѣткой, чтобы повести противъ Васъ атаку. Не могу передать вамъ, какъ было досадно мнѣ читать выходки въ Р. Инвалидѣ со ссылками на Моск. Вѣд. Мнѣ часто приходится сожалѣть, что лишенъ возможности видѣться съ вами. Это въ настоящую пору имѣло бы большую важность и пользу.

На этихъ дняхъ явится къ вамъ пріятель мой, Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ [1]), который имѣлъ честь представляться вамъ въ прошломъ году, проѣзжая въ Варшаву, въ качествѣ нашего корреспондента. Эта поѣздка стоила ему дорого. Его теперь преслѣдуютъ и лишаютъ мѣста. Генералъ Исаковъ [2]) находитъ, что о немъ, какъ о человѣкѣ, компрометтировавшемъ себя корреспонденціями въ Моск. Вѣд., нельзя представлять для утвержденія въ должности инспектора одного изъ Петербургскихъ корпусовъ, куда ему слѣдовало поступить, за преобразованіемъ Александровскаго корпуса въ Москвѣ. И вотъ человѣкъ, служившій безупречно, лишается мѣста за то, что онъ, служа правительству, ѣздилъ въ Варшаву, въ качествѣ нашего корреспондента, и, кажется, ѣздилъ не безъ пользы! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ тѣхъ высшихъ сферахъ, на которыя при этомъ ссылаются, не можетъ быть никакого предубѣжденія противъ человѣка, который не написалъ ни одного печатнаго слова, ни одного слова, не внушеннаго долгомъ вѣрноподданническимъ и русскаго человѣка. Все дѣло объясняется придворными тонкостями ген. Исакова [2]), который надѣется сдѣлать нѣчто вредное или пріятное кому-то изгнаніемъ изъ своего вѣдомства бывшаго варшавскаго корреспондента Моск. Вѣд. Воронцова-Вельяминова приглашаетъ теперь Милютинъ [3]) въ Царство, предлагая тамъ какое-то значительное мѣсто. Отъ него требуютъ немедленнаго отвѣта. Но онъ можетъ принять это назначеніе только въ крайности. Не окажется ли вашему вѣдомству надобность въ его услугахъ. Вы нашли бы въ немъ

---

[1]) Впослѣдствіи попечитель Варшавскаго учебнаго округа.

[2]) Начальникъ военно-учебныхъ заведеній генералъ-адъютантъ Н. В. Исаковъ.

[3]) Н. А. Милютинъ, проводившій въ Царствѣ Польскомъ крестьянскую реформу.

человѣка умнаго и способнаго, какихъ, по всему вѣроятію, вы не встрѣтите въ избыткѣ. Онъ явится къ вамъ самъ и съ полною откровенностью объяснитъ свое положеніе и желанія.

Нашъ нигилизмъ начинаетъ понемногу отдыхать и въ обществѣ и въ литературѣ. Я боюсь, чтобы при обычномъ ходѣ дѣлъ нашихъ, мы вскорѣ не очутились бы въ положеніи можетъ быть еще худшемъ, чѣмъ то, отъ котораго освободились послѣднимъ кризисомъ [1]).

Многое имѣлъ бы высказать вамъ, но едва имѣю возможность дописать эти строки.

Въ надеждѣ на сохраненіе Вашей прежней благосклонности ко мнѣ, прошу васъ принять увѣреніе въ искреннемъ почтеніи моемъ и преданности.

Вашъ слуга М. Катковъ.

Москва, 2-го апрѣля 1864 г.

Сообщ. В. Мустафинъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Польскимъ мятежемъ.

Мои воспоминанія и размышленія [1].

(Посвящается женѣ и дѣтямъ, внукамъ и внучкамъ).

Вскорѣ затѣмъ въ концѣ марта пріѣхали къ намъ братья, чтобъ провести съ нами страстную и святую предъ далекимъ походомъ. Братъ Василій привелъ съ собою съ конюхомъ и своего верхового коня Аннибала и гарцовалъ на немъ передъ нами на дворѣ и разъѣзжалъ на немъ по Москвѣ на гулянья подъ Новинскимъ. Бѣдная maman, которая незадолго передъ тѣмъ причащалась св. таинъ и соборовалась и которой выпустили воду, чувствовала себя теперь лучше и очень радовалась, глядя на своего молодца-сына, который оказался уже очень хорошимъ кавалеристомъ. Послѣ праздниковъ, передъ походомъ ему пришлось хлопотать и о дѣлахъ и выдать засвидѣтельствованную въ Московской палатѣ гражданскаго суда 22 апрѣля 1848 г. довѣренность на имя Наденьки по дѣлу, какъ о вводѣ насъ въ наслѣдство послѣ покойнаго отца, такъ и по продажѣ дома, буде найдется выгодный покупатель. Наконецъ, наступило тяжелое для maman и для братьевъ время разлуки,—разлуки на вѣки, такъ какъ болѣзнь maman врачи считали неизлѣчимою и не ожидали, чтобъ она осталась въ живыхъ до зимы. Я провожалъ братьевъ до ихъ полка, который расположился недалеко отъ Москвы на дневку, и цѣлыя сутки провелъ въ полку. Впечатлѣнія были не очень-то свѣтлыя: все время шла между офицерами и юнкерами непрерывная попойка и игра въ карты, большею частью азартная. Я не могъ надивиться братьямъ, какъ они могли выносить такую жизнь съ ихъ

[1]) См. „Русская Старина“, ноябрь 1915 г.

образованіемъ, и съ горемъ замѣчалъ, что братъ Василій, привыкшій всегда и во всемъ первенствовать, и здѣсь никому не хотѣлъ уступать ни въ кутежахъ, ни въ картежи. Ночь пришлось провести въ избѣ, вмѣстѣ съ нижними чинами, тогда какъ днемъ братья-юнкера и я были все время въ обществѣ офицеровъ; не легка была для нихъ походная жизнь. Самъ я не спалъ совсѣмъ эту ночь. Раннимъ утромъ всѣ поднялись, изготовились къ походу и двинулись на западъ къ границѣ Пруссіи, въ Ковенскую губернію, а я возвратился въ Москву, скрывая отъ maman, но не отъ Наденьки, вынесенныя мною изъ этой дневки съ полкомъ впечатлѣнія и наблюденія. Я очень сожалѣлъ потомъ, что не скрылъ ихъ и отъ Наденьки, потому что она очень приняла ихъ къ сердцу и очень много плакала, опасаясь самыхъ худыхъ послѣдствій для брата Василія, а ей и безъ того приходилось много плакать и сокрушаться по поводу болѣзни maman и безпрерывно твердить мнѣ, что она не переживетъ maman, да и не желала бы пережить ее. А тутъ, на бѣду, maman возымѣла мысль написать свое духовное завѣщаніе, что для нея въ ея болѣзненномъ положеніи было дѣломъ очень нелегкимъ, заставлявшимъ ее много страдать физически, а Наденьку—нравственно. Maman сама составила и сама переписала свое завѣщаніе начисто очень красивымъ, стариннымъ и такимъ твердымъ почеркомъ, какъ-бы она была совсѣмъ здорова. Въ концѣ завѣщанія была слѣдующая статья, относительно похоронъ:

„Еще завѣщеваю, чтобы дѣти мои похоронили грѣшное тѣло мое безъ всякой пышности и церемоніи; чтобы гробъ и дроги были простые, безъ балдахина, запряженные парою лошадей, безъ факеловъ и пѣвчихъ, чтобы только нашъ одинъ священникъ сопровождалъ тѣло мое до вѣчнаго его жилища“.

9-го іюня 1848 г. духовное завѣщаніе было подписано, а 24-го іюня Наденьки, которая въ немъ была назначена душеприказчицей и которой было оказано нѣкоторое, вполнѣ справедливое, предпочтеніе передъ другими, не стало, и исполнять завѣщаніе въ свое время пришлось мнѣ: оно было въ точности исполнено по духу и буквѣ, за исключеніемъ послѣдней части его, относительно похоронъ ея, такъ какъ завѣщаніе въ свое время не было мною найдено, и эта часть его не сохранилась у меня въ памяти.

Лѣто 1848 г., по совѣту И. Т. Глѣбова и настояніямъ maman и Наденьки, я проводилъ въ подмосковномъ имѣніи Мельгуновыхъ—Таболовѣ, чтобы окончательно поправиться здоровьемъ

и укрѣпить свои нервы ежедневными купаньями въ протекающей близъ барскаго дома рѣкѣ, продолжая въ то же время свои уроки обѣимъ большимъ барышнямъ и ихъ кузинѣ отдѣльно. Впрочемъ, почти каждую недѣлю я ѣздилъ домой провѣдывать maman на день или на два. Оттуда всегда была легкая и удобная оказія, но туда приходилось у Рогожской заставы нанимать телѣгу у кого-либо изъ Таболовскихъ или сосѣднихъ крестьянъ. Разъ какъ-то привели мнѣ телѣгу, запряженную парой, сдѣлали въ ней переплетъ; я взялъ съ собой большой портфель съ бумагами и книгами и преспокойно выѣхалъ со двора нашего дома. Подъѣзжаемъ къ Рогожской заставѣ, мужикъ мой проситъ зайти на минуту въ кабакъ, чтобы запастись для деревни штофомъ водки. Я позволилъ. Мужикъ мой очевидно закусилъ и выпилъ, но немного, и поѣхалъ очень хорошо, чтобы наверстать время, проведенное имъ въ кабакѣ. Вскорѣ на пути попался намъ другой мужикъ, односельчанинъ, пѣшкомъ, остановился и принялся просить, чтобы я позволилъ ему сѣсть къ намъ въ телѣгу и ѣхать съ нами. Сталъ меня просить о томъ же и его землякъ. Что жъ, думаю, отчего же не сдѣлать ему этого одолженія, отчего же не довезти его вмѣсто того чтобы итти ему пѣшкомъ около 20 верстъ? Согласился. Проѣхали еще версты двѣ. Мужички мои стали просить моего разрѣшенія свернуть съ большой дороги на проселочную: дорога-де очень хорошая, лѣскомъ, а день былъ жаркій, они ее хорошо знаютъ, и мы выгадаемъ, такимъ образомъ, верстъ 5 или 6. Согласился я и на это. И, дѣйствительно, ѣхать было много пріятнѣе: воздухъ чудесный и совсѣмъ безъ пыли. Покачиваясь изъ стороны въ сторону, я началъ понемногу дремать и не замѣтилъ, какъ мои мужички одинъ за другимъ тянули водку изъ купленнаго въ кабакѣ штофа и до такой степени перепились, что одинъ изъ нихъ, котораго мы прихватили въ дорогу, подсѣлъ ко мнѣ и лѣзъ со мной обниматься и цѣловаться. Это до такой степени было противно, что я поднялся съ своего мѣста и изо всей силы оттолкнулъ его. Съ мѣста мнѣ удалось столкнуть его, но онъ остался у моихъ ногъ и началъ меня успокаивать, бормоча съпьяна, чтобы я не боялся, что хоть большой мой бумажникъ въ рукахъ у меня весь набитъ деньгами, но онъ его у меня не отберетъ, что онъ считаетъ себя моимъ гостемъ и меня не обидитъ, и т. д. Я прикрикнулъ тогда на хозяина телѣги, котораго для меня наняли, чего онъ не уйметъ своего земляка и позволяетъ ему безобразничать, что онъ будетъ отвѣчать и за него. Обра-

щеніе мое подѣйствовало, но очень неблагопріятнымъ для меня образомъ. Началась перебранка между обоими, сильно подпившими, мужиками, и, во время этой перебранки, оказалось, что коренная-то лошадь принадлежала путнику, котораго мы прихватили съ собой, и теперь онъ соскочилъ съ телѣги, остановилъ лошадей и принялся выпрягать свою лошадь, говоря, что онъ доѣдетъ на ней домой верхомъ, что мы сбились съ дороги и что тутъ верхомъ проѣхать можно, а въ телѣгѣ нельзя. Хозяинъ телѣги, который былъ меньше пьянъ, говорилъ, что это вздоръ, что ѣхать въ телѣгѣ все время будетъ можно, что они маленько сбились съ дороги, но что они сейчасъ попадутъ на нее, а что дорога пойдетъ тяжелая и на одной лошади ѣхать нельзя. Положеніе мое было отчаянное: я также соскочилъ съ телѣги и, поднявъ палку на выпрягавшаго свою лошадь мужика, принялся кричать и ругать его и готовъ былъ пустить палку въ ходъ. Это подѣйствовало: мужикъ сталъ просить одного, чтобы его лошадь, которая все время шла въ корню, была перепряжена въ пристяжку, чтобъ ей такимъ образомъ было полегче, а мы уже много болѣе половины всей дороги сдѣлали. Я нашелъ, что эту его просьбу можно уважить, и послѣ долгой перебранки между мужиками, которая, безъ моего посредства, перешла бы въ драку, такъ дѣло и было наконецъ улажено, и я благословлялъ свою судьбу, когда мы выѣхали на большую хорошо извѣстную мнѣ дорогу въ Таболово. Мужики мои совсѣмъ присмирѣли, завидѣвъ барскій домъ Таболова, и просили меня объ одномъ—простить ихъ и отпустить ихъ домой безъ всякаго взысканія. Ни о какомъ взысканіи я и не думалъ и винилъ себя въ томъ, что дозволилъ нанятому мною крестьянину зайти въ кабакъ, взять съ собою попутчика и ѣхать неизвѣстною мнѣ проселочною дорогою; отъ всѣхъ этихъ погрѣшностей юнаго либерализма я впослѣдствіи строго воздерживался и ѣздилъ въ крестьянскихъ телѣгахъ въ Таболово уже безъ всякихъ приключеній.

23-го іюня я пріѣхалъ въ Москву по той причинѣ, что, бросившись въ рѣку для купанья съ высокаго носа лодки, я, по неосторожности сильно ушибся, такъ что мнѣ было трудно ходить. На другой день были именины нашего доктора, добрѣйшаго Ивана Тимоѳеевича Глѣбова; но говорили, что онъ все-таки навѣститъ maman, какъ навѣщаетъ ее всегда ежедневно и что тогда я съ нимъ и могу посовѣтоваться. А между тѣмъ Наденька, которая просто обожала Глѣбова за его необыкновенное расположеніе и вниманіе къ maman, занята была вопро-

сомъ, что бы подарить ему на его именины, и такъ какъ жена его была большая охотница принимать гостей, то она остановилась на мысли купить для него хорошій чайный сервизъ съ подносомъ или безъ подноса, и съ этой цѣлью отправилась въ „городъ". День былъ чрезвычайно жаркій, душный, сильно парило и можно было ждать грозы. И, дѣйствительно, гроза разразилась жестокая, съ страшнымъ проливнымъ дождемъ. Бѣдная Наденька какъ разъ попала подъ этотъ проливной дождь на открытомъ извозчикѣ и пріѣхала домой, промокши, что называется, до костей. Сейчасъ ее переодѣли, вытерли водкой-перцовкой, какую тогда постоянно держали наготовѣ по случаю жестоко свирѣпствовавшей въ Москвѣ холеры. Наденька чувствовала себя, повидимому, хорошо и съ большимъ аппетитомъ кушала передъ чаемъ клубнику изъ нашего сада со сливками и потомъ чай. На другой день въ 6 часовъ утра старая няня, Анна Ѳедоровна, разбудила меня, говоря, что у насъ бѣда, что старшая барышня заболѣла и что у нея чуть-ли не холера и что она послала уже своего мужа за докторомъ Глѣбовымъ. Я сейчасъ же прошелъ къ Наденькѣ, не одѣваясь и не умываясь, накинувъ на себя только халатъ; сомнѣнія не могло быть, что у нея холера. Въ Таболовѣ, гдѣ также свирѣпствовала холера, я не мало видѣлъ холерныхъ больныхъ, посѣщая ихъ вмѣстѣ съ гувернеромъ Мельгуновыхъ Карломъ Андреевичемъ Козловскимъ и ухаживая за ними подъ его руководствомъ; я и съ собою привозилъ въ Москву на всякій случай Иноземцевскія капли противъ холеры, которыми меня снабжалъ добрѣйшій Карлъ Андреевичъ. И теперь я пустилъ ихъ въ ходъ вмѣстѣ со всѣми средствами, какія мы употребляли въ деревнѣ—растираніями, кувшинами съ кипяткомъ на животъ и къ ногамъ и т. д. Вернувшійся отъ Глѣбова Петръ сообщилъ, что Иванъ Тимоѳеевичъ ночевалъ у себя на дачѣ, но что его ждутъ часамъ къ 9-ти и что онъ, конечно, тотчасъ же къ намъ пріѣдитъ, а что купленный ему барышней подарокъ подносъ онъ, Петръ, отвезъ къ нему. Тогда я послалъ за ближайшимъ къ намъ докторомъ Воскресенскимъ и Влад. Мих. Смоличемъ, братомъ нашего пріятеля. Перваго не застали дома, второй сейчасъ же пріѣхалъ и вполнѣ одобрилъ мое лѣченіе; но, войдя со мною въ другую комнату, сказалъ мнѣ, что онъ считаетъ положеніе Наденьки совсѣмъ безнадежнымъ, что она по своему малосилію и малокровію не могла выдержать такого страшнаго приступа холеры, что прекращенію поноса и рвоты нельзя радоваться и что, по всей вѣроятности, къ вечеру ея

уже не станетъ. Вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ и Глѣбовъ, подтвердившій вполнѣ мнѣніе Смолича, но прибавившій, что все-таки мы будемъ бороться противъ болѣзни до конца, что мы не все сдѣлали, что предписываетъ намъ въ подобныхъ случаяхъ современная медицинская наука. Такъ жестоко страдавшая Наденька, уже почти почернѣвшая, все еще продолжала больше заботиться о другихъ, чѣмъ о себѣ, и первая заговорила съ Глѣбовымъ о моей болѣзни, чтобы онъ мною поскорѣе занялся. Глѣбовъ нашелъ, что мнѣ необходимо тотчасъ же поставить піявки, что иначе я сильно и надолго разболѣюсь. Я заявилъ ему, что ни за что не разстанусь съ сестрой и что піявки можно отложить на день или на два. „Пойдемте, сказалъ онъ, спросимъ вашу сестру, и какъ она рѣшитъ, такъ и будетъ“ Нечего и говорить, что Наденька отвѣчала, что она умоляетъ меня сейчасъ уйти къ себѣ въ кабинетъ и поставить піявки. Наденька лежала въ диванной, самой большой комнатѣ нашего дома, и я пытался убѣдить Глѣбова, чтобы меня положили въ той же комнатѣ и отгородили отъ сестры ширмами. Это было отвергнуто Глѣбовымъ съ большимъ негодованіемъ и даже съ гнѣвомъ. „Этого я ужъ никакъ не допущу: за кого это вы меня считаете?“ Такъ какъ и maman, и Наденька настаивали, чтобъ я ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, и тѣмъ временемъ пришелъ уже фельдшеръ съ піявками, и Глѣбовъ увѣрялъ меня, что черезъ часъ или два я могу возвратиться къ сестрѣ,—я принужденъ былъ подчиниться общему требованію. Но возвратиться къ ней не пришлось: какая-то піявка прокусила мнѣ вену, и я совсѣмъ исходилъ кровью. 3 или 4 стклянки гемостатина Нелюбова были изведены на меня, а кровь все еще продолжала течь: я приходилъ въ обморочное состояніе, и Глѣбовъ и maman столько же опасались за меня, сколько и за Наденьку, а Наденька не разъ посылала узнавать о моемъ положеніи. Наконецъ, какъ-то удалось остановить кровотеченіе, кажется съ помощью льда; но я такъ былъ слабъ и такъ у меня кружилась голова, что встать съ постели я уже не могъ, да и Наденька впала уже въ безсознательное состояніе, и изъ диванной доносились до меня ея глухіе стоны, которые становились все тише и тише и наконецъ совсѣмъ замолкли. „Скончалась“, пришелъ сказать мнѣ весь въ слезахъ добрѣйшій Иванъ Тимоѳеевичъ; онъ почти весь этотъ день, день своего ангела, провелъ въ нашемъ домѣ, переходя отъ Наденьки ко мнѣ и отъ меня къ Наденькѣ, и теперь, давъ всѣ необходимыя наставленія мнѣ,

maman и прислугѣ и принявъ всѣ нужныя мѣры предосторожности, уѣхалъ къ себѣ домой.

Было ровно 6 часовъ вечера, какъ Наденька скончалась, проболѣвъ всего 12 часовъ; но что съ нею сталось? Она была совсѣмъ неузнаваема, вся черная, вытянувшаяся, исхудавшая. Хоронили ее на другой день и отпѣвали за вечернею, и притомъ почему-то не въ нашей церкви Іакова Апостола, а въ ближайшей Николы Ковыльскаго, хоронили совсѣмъ запросто, провожали ее только сестры да няня; maman и я были только на выносѣ. Въ сохранившейся отъ того времени счетной книжкѣ значится, что похороны ея стоили всего 175 р. асс. (50 р. сер.), тогда какъ похороны отца безъ малаго за годъ предъ тѣмъ обошлись почти въ 600 р. асс.

Maman перенесла этотъ страшный ударъ какъ добрая христіанка, съ полною покорностью волѣ Божіей. Прощаясь съ ея прахомъ, она громкимъ и твердымъ голосомъ сказала: „До свиданья, до скораго свиданья, моя, дорогая, безцѣнная Наденька" такимъ голосомъ, который не допускалъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что свиданіе это дѣйствительно состоится и что состоится оно въ самомъ непродолжительномъ времени. И дѣйствительно maman пережила Наденьку только на 5 мѣсяцевъ.

Наденька скончалась 29-ти лѣтъ отъ роду. Смерти она нисколько не боялась и постоянно мнѣ твердила: „Я не переживу maman и не желаю ее пережить." И это были не слова только, а дѣйствительное душевное ея настроеніе. Послѣ нея осталась небольшая тетрадка ея стихотвореній, очень заунывныхъ, исполненныхъ глубокаго разочарованія въ жизни и въ людяхъ; но это мрачное настроеніе духа озаряется постоянно свѣтомъ вѣры, сіяніемъ собственнаго ея внутренняго міра и вдохновенія и любовью къ матери. При всей своей заунывной монотонности стихотворенія эти, не всегда удачныя и по своей внѣшней формѣ, отражаютъ въ себѣ ея внутреннюю жизнь, жизнь ея сердца. Вотъ два изъ этихъ стихотвореній, рисующія эти жизненныя черты.

I.

А . . . . . . скій монастырь.

Есть у меня родная сторона,
Не та, гдѣ я для жизни рождена,
Но та, гдѣ сердца жизнь проснулася во мнѣ,
Гдѣ счастье я извѣдала вполнѣ.

То было ужъ давно, давно прошло.
Ужъ много времени съ тѣхъ поръ ушло,
И мнится мнѣ, не сонъ ли это былъ,
Не сонъ ли душу дивно обольстилъ.
Теперь все измѣнилось въ жизни и въ мечтахъ,
Все измѣнилось и въ родныхъ мѣстахъ.
. . . .
. . . .
Теперь ужъ тамъ прекрасна, высока,
Обитель инокинь видна издалека,
И церковь бѣлая и куполъ золотой
. . . .
. . . .
И въ храмѣ женскій стройный хоръ поетъ,
Хвалу Творцу смиренно воздаетъ,
И кротки инокинь спокойныя черты:
Онѣ давно забыли міра суеты.
Ахъ, здѣсь и я хотѣла бъ ихъ забыть,
Вдали отъ смутной свѣтской бури жить,
И тихо кончивъ жизни грустный путь,
Здѣсь сладко бъ было вѣчнымъ сномъ заснуть
Подъ сѣнью мирною, священною, креста,
На берегу любимаго пруда...
И клиросъ дѣвъ торжественный, святой,
Пропѣлъ бы тихо мнѣ заупокой,
И не могильный холмъ муравчатой земли
Завѣтный лѣсъ глядѣлъ бы издали.

II.

Благовѣстъ къ обѣднѣ.

Когда я слышу зовъ смиренный,
Металла томный звонъ вдали,
Зовущій въ Божій домъ священный,
Отраду скорбныхъ всѣхъ земли;
Когда онъ, тихо замирая,
Обѣдни часъ благовѣститъ,
Къ молитвѣ грѣшныхъ призывая,
Святую радость имъ сулитъ,—
Тогда душа вдругъ встрепенется,
Желаньемъ пламеннымъ полна.

Туда невидимо несется
Нетерпѣливая она...
Туда, гдѣ ѳиміамъ курится
Передъ священнымъ алтаремъ,
Гдѣ сладко, сладко такъ молиться,
Упасть во прахъ передъ Творцомъ
Тамъ, гдѣ горитъ огонь лампадный
Неугасимою звѣздой
Передъ иконою отрадной,
Иконой Дѣвы Пресвятой;
Тамъ, гдѣ торжественно, спокойно,
Молебный тихій клиръ поетъ,
Душа вторитъ ему невольно
И съ нимъ мольбу свою сольетъ.
О, какъ тоска тамъ облегчится
Надеждой, вѣрою живой.
О, какъ отрадно тамъ молиться
За милыхъ сердцу, за него.

Наденька была не только чистое сердцемъ существо, любвеобильное, самоотверженное, глубоко религіозное, можно почти сказать, неземное существо; но она вмѣстѣ съ тѣмъ была и большая патріотка, націоналистка, по современному выраженію. Доказательствомъ можетъ служить послѣднее въ ея тетрадкѣ стихотвореніе. Вотъ оно:

Россія! родина! Я не люблю тебя,
Когда, забывши все, чѣмъ ты должна гордиться,
Все русское, свое, святое разлюбя,
Ты хочешь съ остальной Европою сравниться.
Что въ ней тебѣ, скажи! Завиденъ ли покой,
Когда она къ нему дошла стезей кровавой?
Къ чему ей подражать? Живи сама собой,
Будь самобытною, будь гордою державой,
Сама учи другихъ, сама пересоздай
На русскій образецъ Европу остальную,
И пусть съ тебя беретъ заморскій край,
Какъ надобно любить страну свою родную.
Къ чему на Францію Россіи походить?
И въ мысляхъ, и въ словахъ смѣшно тебѣ французить,
И нравы старые на новый ладъ кроить,

И прадѣдовъ кафтанъ во фракъ нескладный съузить.
Зачѣмъ на русскій снѣгъ французскіе цвѣты
Стараться насадить во что бы то ни стало?
Всѣ сѣномъ будутъ здѣсь. Зачѣмъ же хочешь ты,
Чтобъ солнце для тебя лишь съ Запада вставало?
Повѣрь, оно зайдетъ тамъ скоро, и тогда
Другое встанетъ, но съ Востока,
Готовься къ этому! настанутъ тѣ года,
И разростется Русь высоко и широко!
Останься жъ вѣрною обычаямъ святымъ!
Европѣ подражать не значитъ ли тиранить
Свой русскій духъ? Тебѣ ль гнушаться всѣмъ роднымъ
И западныхъ своихъ сосѣдей обезьянить?
Своей исторіи прочитывай листы,
Холодность ко всему чужому обнаружа,
Ты—самородная держава, и къ чему же
Тебѣ *Европой* быть, когда *Россія* ты!

Таковы были „Любимыя Мечты“ незабвенной Наденьки, какъ она назвала тетрадку своихъ стихотвореній, всѣхъ ихъ числомъ 53.

Недѣли полторы послѣ такой ужасной ея кончины, я оставался дома съ maman. Ни я и никто другой изъ ухаживавшихъ за нею не заразился отъ нея холерой, и только прачка Дарья, стиравшая ея бѣлье, заболѣла, и точно также въ одинъ день ея не стало. Холера продолжала жестоко свирѣпствовать въ Москвѣ, и maman такъ же, какъ и Глѣбовъ, настаивали, чтобъ я поскорѣе уѣхалъ въ Таболово и тамъ, на чистомъ деревенскомъ воздухѣ, набрался силъ къ новому учебному году. Я послѣдовалъ ихъ совѣту, какъ только убѣдился, что за maman будетъ достаточно хорошій уходъ. И сестры, и я пробовали замѣнить въ этомъ отношеніи Наденьку; но наиболѣе удалось это старой нашей нянѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ при помощи молодой горничной Наташи, но, конечно, только по части медицинскаго ухода. Maman сама такъ настаивала на моемъ скорѣйшемъ отъѣздѣ, что 5-го іюля я уже уѣхалъ въ Таболово.

А. Георгіевскій

(Продолженіе слѣдуетъ).

Межевой.

(Изъ жизни землеустроителей въ 90-годахъ).

IX [1]).

Послѣ отъѣзда Вершинина жизнь на работахъ вошла постепенно въ свою колею. Межевые засѣли, какъ сычи, въ своихъ углахъ, каждый надъ своимъ планшетомъ. Я проводилъ время въ ожиданіи плодовъ ихъ хожденія по полю, изрѣдка навѣщая. И навѣщалъ я ихъ не съ цѣлью провѣрки, ибо что я могъ провѣрить, никогда не бравъ въ руки мензулы? Для этого былъ Остапенко, возившійся съ ними... А ѣздилъ я къ нимъ, чувствуя непроходимую тоску одиночества... Одиночества вынужденнаго, насильственнаго, когда человѣкъ поставленъ передъ стѣной, и ему сказано, что онъ передъ этой стѣной долженъ просидѣть не день, не два, а не одинъ мѣсяцъ, пока „съемка дачи не будетъ закончена“. Окружающіе крестьяне были „чердаки“, почти и даже въ большинствѣ случаевъ вовсе не говорившіе по-русски, а только на своемъ непонятномъ нарѣчіи. Они испуганно и удивленно взглядывали на меня при встрѣчѣ на улицахъ или въ окрестностяхъ села Чусовскаго во время моихъ безцѣльныхъ прогулокъ, и при первомъ моемъ словѣ отвѣчали мнѣ на непонятномъ языкѣ, или же уходили, молча. Большею частью это былъ народъ угрюмый, забитый, чумазый, обросшій волосами и съ виду нечистоплотный. Женщины ихъ, носившія прическу „съ рогами“, были совсѣмъ дикія. Оставался одинъ Селиванъ, который былъ тоже не изъ разговорчивыхъ. Когда прошла суматоха „съ генераломъ“, онъ опять застылъ въ своей апатіи, обулся въ лапти и вонючую бѣлую рубаху и ограничивался только вопросомъ по утрамъ, „дѣлать ли бешметъ съ лукомъ“. Обыкновенно я махалъ рукой, со сло-

---

[1]) См. „Русская Старина“, ноябрь 1915 г.

вами „дѣлай что хочешь“. Тогда онъ смотрѣлъ на меня уныло своими безцвѣтными глазами безъ рѣсницъ и удалялся въ кухню. Примѣръ того, какъ съемка подвигалась, близясь къ концу, выплывали изъ всѣхъ щелей споры сосѣднихъ селеній изъ-за надѣловъ, получившихъ опредѣленныя границы при помощи межеванія. Являлись вопросы о дѣйствительномъ владѣніи и о тѣхъ расчисткахъ изъ-подъ лѣса, которыя крестьяне называли своими безъ всякихъ видимыхъ доказательствъ. Чисто инструкціонныя соображенія шли въ разрѣзъ съ интересами крестьянъ. Получалась путаница въ понятіяхъ о настоящемъ правѣ на старую землю, оставленную долгіе годы безъ всякаго призрѣнія и отстаиваемую ея владѣльцами въ силу давности и естественнаго права... При такихъ вопросахъ лицо, отъ котораго зависитъ первое рѣшеніе, ставится въ мучительно нерѣшительное положеніе. Въ такое положеніе всталъ и я. Единственнымъ облегченіемъ является при такомъ отвѣтственномъ дѣлѣ указаніе и разъясненіе со стороны, потому что, какъ ни рѣшай, а слѣдующая инстанція можетъ кассировать и въ случаѣ несоотвѣтствующаго заключенія получится изъ столицы нашлепка. И въ данномъ случаѣ интересы крестьянъ будутъ ни при чемъ, и нашлепка будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе нарушатся интересы казны, хотя бы и въ ущербъ крестьянскимъ. Какъ ни повернись, все кого-нибудь задѣнешь, либо обидишь. И „производитель“ мечется, какъ таракань на жару, ища указаній, строча въ губернію, которая обыкновенно молчитъ, какъ могила. О столицѣ и думать не смѣй... Передъ столицей поставлено рѣшето въ видѣ „старшаго чиновника“, предѣлъ коего не прейдеши и баста! Черезъ это рѣшето пропускаются всѣ соображенія, мысли и ламентаціи „мѣстныхъ чиновъ“ и преломляются, нерѣдко застревая и засоряя поры рѣшета, затянутаго пленкой халатности и рабьей трусости.

Погруженный въ невеселыя думы, съѣдаемый сомнѣніями и тоскою, я сидѣлъ однажды подъ вечеръ осенью у окна своей избы и смотрѣлъ на заборъ или лучше сказать плетень, сдѣланный изъ тонкихъ жердей, узкаго деревенскаго переулка. Сверху сыпалъ мелкій дождикъ, съ гладкихъ жердей капали тяжелыя дождевыя капли въ лужу, отражавшую сѣросвинцовое небо. У окна подъ навѣсомъ крыши, нахохлившись, сидѣли куры, изрѣдка испуская глухое кудахтанье, и словно сердились на дождикъ и ненастье. Въ такіе безпросвѣтные, „мокрые“, осенніе вечера, когда еще на улицѣ и на дворѣ ясно различимы предметы, пока еще не наступила ночная тьма, одиночество чувст-

вуется особенно остро. Эта сѣрая дождливая мгла, сквозь которую черезъ полуоткрытое окно раздаются отдѣльные шаги шлепающихъ по лужамъ деревенскихъ жителей, кажется непроницаемой завѣсой, отдѣляющей васъ отъ иного міра людей мысли, культуры и прогресса. Въ этотъ моментъ сознанія полной покинутости и заброшенности поднимается изъ нутра стремленіе выпорхнуть изъ этого полуоткрытаго окна, прорѣзать сверхъестественной силой сѣрую мглу и унестись далеко, далеко, въ знакомый міръ городской культурной жизни... Можетъ быть, эта культура и принесетъ глубокое разочарованіе, и эта мысль гдѣ-то въ уголкѣ сознанія теплится чуть замѣтной искрой, можетъ быть, эта культура и жизнь мыслящихъ людей доставитъ „милліонъ терзаній“, но въ такой мигъ одиночества, въ дождливый сумрачный вечеръ въ деревнѣ, одинокій „интеллигентъ“ стремится улетѣть изъ мирной тихой деревеннской жизни въ сумятицу большого города, стремится всѣмъ существомъ своимъ получить крылья, подняться изъ душной избы къ свинцовому небу и прорѣзать дождливую мглу мощнымъ полетомъ Вагнеровской валькиріи...

Скрипъ двери и шумъ шаговъ прервали мои „одинокія“ размышленія.

— Васъ, баринъ, какой-то пріѣзжій спрашиваетъ... послалъ меня къ вамъ съ земской фатеры, проговорилъ мужикъ, стоявшій у порога, помолясь предварительно на образа.

— Кто такой? Что тебѣ?—спрашивалъ я его, словно сваливаясь съ неба на землю и плохо соображая.

— На вѣстяхъ я, значитъ, стою при фатерѣ... Такъ пріѣзжій, говорю, посылаетъ меня сюда...

— Кто онъ такой?

— Землемѣръ, надо быть, старшій... Невысокій ростомъ, сѣденькій, плотный такой изъ себя, коренастый, съ животомъ, голова арбузомъ, говорилъ мужикъ, откашливаясь и отряхивая озямъ, подвязанный кушакомъ.

— Генералъ нашъ!—выпалилъ я, догадываясь, о комъ рѣчь идетъ.

— Не могимъ знать... а только на генерала не похожъ... Знаемъ мы генераловъ, видали, вотъ лонись [1]), какъ Питерскій генералъ пріѣзжалъ, такъ я ходилъ смотрѣть, у генерала красная лопать [2])... а у энтого ничего такого нѣтъ... спинжакъ на немъ сѣрой... голова арбузомъ...

---

[1]) „Лонись“—прошлый разъ.

[2]) „Лопать“—одежда.

Бердяева я засталъ удрученнымъ. Онъ топтался по комнатѣ въ своемъ неизмѣнномъ сѣренькомъ пиджакѣ и возился, кряхтя и пыхтя, со своими коробками и корзинками.

— Дождикъ... скверная погода... насилу доѣхалъ въ вашу трущобу... хотите чаю? Съ вареньемъ? У меня прекрасное малиновое варенье, и Бердяевъ, свернувъ губы трубочкой, причмокнулъ, и его удрученное, бритое лицо расплылось въ улыбку.

„Словно дитя", мелькнуло у меня въ головѣ, когда я взглянулъ на его большую круглую голову, имѣвшую дѣйствительно сходство съ арбузомъ.

За чаемъ съ „малиновымъ вареньемъ", которымъ набитъ былъ цѣлый огромный „туесъ" (иначе буракъ), я попробовалъ заговорить о дѣлахъ, о смущавшихъ меня вопросахъ, касающихся крестьянскаго землеустройства. Но только-что разговоръ сворачивался на эту тему, физіономія Бердяева становилась кислой, скучной, нижняя губа отвисала, онъ начиналъ кряхтѣть и сопѣть и заглядывалъ въ свои корзинки и коробки, которыми была уставлена вся неприхотливая мебель земской квартиры. Если же я сильно напиралъ на отвѣтъ съ его стороны, выжидая „разрѣшенія" вопроса, онъ съеживался, жевалъ губами, и, прищуривъ на меня свои рыбьи глаза, спрашивалъ: „а вы какъ думаете насчетъ этого?" Я излагалъ свои затрудненія, изъ которыхъ не было выхода.

— Ей Богу, П. И., не знаю, какъ вамъ тутъ посовѣтывать, лучше всего спросить департаментъ, говорилъ онъ съ гримасой.

— Но вѣдь этотъ запросъ задержитъ работы, надо сейчасъ дать распоряженіе межевымъ, горячился я.

— А что вамъ межевые? Пусть подождутъ, надъ нами не каплетъ...

— А какъ закаплетъ сверху?

— Гм... гм... потолкуемъ завтра... что-то меня сегодня разморило послѣ дороги и клонитъ ко сну, и онъ сладко зѣвнулъ.

Когда я упомянулъ про Вершинина, Бердяевъ нахмурилъ свои косматыя брови и началъ гремѣть коробками.

— Все съ маху... съ налету... думаетъ, тяпъ, ляпъ и вышелъ корабль... тоже гусь не малый,—ворчалъ онъ.

Я раскланялся до слѣдующаго утра. Межевые не были вызваны со своихъ мѣстъ, одинъ Остапенко только утромъ „докладывалъ" за всѣхъ и показывалъ планы, около которыхъ „генералъ" топтался и кряхтѣлъ, обращая вниманіе на мелочи и пустяки и упуская изъ виду все крупное и рѣшающее дѣло. Когда я опять къ нему „присталъ" съ земельными вопросами,

онъ махнулъ рукой, сказавъ обычную фразу: „дѣлайте, какъ знаете“, и выбѣжалъ въ сѣни, долго не появляясь. Вскорѣ были поданы лошади, и Бердяевъ, простившись, залегъ въ низенькую крестьянскую кибитку и, обложенный коробками и корзинками, выглядывалъ оттуда настоящимъ арбузомъ, пока ямщикъ собиралъ возжи и отворялись ворота. Затѣмъ укатилъ, оставивъ меня съ Остапенко въ недоумѣніи.

— Всегда такъ... покряхтитъ, ничего не скажетъ и уѣдетъ... и къ чему ѣздить?—разсуждалъ хохолъ, когда повозка скрылась изъ виду.

X.

Кончились работы. Межевые потянулись, какъ перелетныя птицы, въ городъ, на „теплое житье“, со своимъ скарбомъ, а нѣкоторые и съ семьями, за ними я въ свою „теплушку“, какъ я называлъ квартиру Звягиной. Послѣ работъ, возвратившись съ Урала, Вершининъ заглянулъ не надолго опять въ нашъ межевой муравейникъ. Онъ почему-то не остановился въ гостиницѣ, а занялъ комнату въ чертежной, пустую, предназначенную для съемочныхъ инструментовъ и помѣщавшуюся рядомъ съ „кабинетомъ“ Крючкова. Къ его пріѣзду она была обставлена лучшею мебелью, бывшею въ распоряженіи Ѳедора Ивановича. Самъ Крючковъ ходилъ какъ на пружинахъ, и я его засталъ въ необычайномъ настроеніи, не лишенномъ торжественности. На немъ былъ надѣтъ старый вицъ-мундирный фракъ. Въ петлицѣ болтался орденъ „за тридцати пяти лѣтнюю безпорочную службу“.

— Почему такой парадъ?—спросилъ я его.

— Такъ нужно-съ, отвѣтилъ Крючковъ, нервно затягиваясь папироской, генералъ не надолго сюда пріѣхалъ, онъ—тутъ за стѣной, завтра ѣдетъ въ Питеръ, и я долженъ съ нимъ имѣть сегодня рѣшительный разговоръ...

— По поводу чего?

— По поводу моей собственной судьбы и моей семьи, и онъ забѣгалъ по комнатѣ съ необычной для него быстротой.

— Неужели во время дороги и всей поѣздки, которую вы съ нимъ совершили по работамъ, вы не имѣли времени съ нимъ переговорить?

— Не могъ-съ... онъ хоть и слѣпой, но тонкій политикъ... на всѣ мои вопросы отвѣчалъ экивоками и мычаніемъ... а

теперь-съ... настала рѣшительная минута, и Крючковъ подошелъ къ стѣнѣ и приложилъ ухо.

— Что это вы?

— Тс... тс... я знаю, чѣмъ онъ занятъ теперь. Подъ диктовку его пишетъ секретарь, и Крючковъ поднялъ торжественно руку, генералъ диктуетъ смертный приговоръ нашему отряду... Что онъ рѣшитъ, такъ и будетъ...

— Какъ?

— Вы можете быть спокойны за себя (и Крючкова ротъ расплылся въ блаженную улыбку), васъ не оставятъ за штатомъ, а вотъ... и онъ судорожно вздохнулъ, тѣ, которые выслужили пенсію, тѣхъ участь виситъ на волоскѣ, и онъ забѣгалъ по комнатѣ.

— Но вѣдь генералъ вамъ обѣщалъ? Онъ васъ цѣнитъ, хотя... и я поникъ головой, вспомнивъ предательскій отзывъ Вершинина о Крючковѣ въ отсутствіи его.

— Обѣщалъ... цѣнитъ, ха, ха, ха, и Крючковъ закатился, дѣтямъ это говорите, а я ужъ старъ...

Въ этотъ моментъ вошелъ служитель.

— Васъ, Ѳедоръ Ивановичъ, проситъ генералъ къ себѣ.

— Во!—воскликнулъ Крючковъ, поднимая палецъ къ верху и таращa глаза изъ-подъ очковъ, — иду,—и, застегнувъ вице-фракъ и поправивъ болтавшійся орденъ, исчезъ за дверью. Аудіенція продолжалась долго. Я ушелъ домой, не дождавшись результатовъ, и не видалъ Ѳедора Ивановича до самаго отъѣзда Вершинина.

Провожали генерала подъ вечеръ на вокзалѣ желѣзной дороги. Онъ пріѣхалъ веселый, съ обѣда, даннаго ему мѣстнымъ управляющимъ, и во все время до отхода поѣзда съ его устъ не сходила очаровательная улыбка. „Производители“ были мрачно торжественны и держались въ сторонѣ кучкой. „Никита мокрый“ тянулся передъ высшимъ начальствомъ и ѣлъ его глазами.

— Не могу, братъ, я, шепнулъ онъ мнѣ, безъ страха смотрѣть на него, такъ вотъ поджилки и трясутся. Онъ вытягивалъ грудь, какъ на смотру, и пыхтѣлъ. Крючковъ словно окаменѣлъ. Его лицо застыло, принявъ вопросительно-глубокомысленный видъ.

— Ну, что, какъ?—спросилъ я его.

Онъ только крякнулъ и закутался въ свой енотъ.

— Плохо его дѣло, шепнулъ мнѣ Фелицынъ, который одинъ не терялъ смѣлости. Онъ храбро говорилъ, войдя въ генераль-

скую группу, составившуюся изъ Вершинина, Бердяева и управляющаго, очень скромнаго человѣка. Бердяевъ имѣлъ скорбный видъ, жевалъ губами, но храбрился и подшучивалъ, впадая въ общій тонъ разговора.

— Нѣтъ, вы представьте себѣ, говорилъ громко Вершининъ, какую штуку выкинулъ на этомъ вокзалѣ этотъ толстякъ межевой, ну, какъ его, забылъ фамилію, — Брюхинъ или Брюквинъ...

— Брюкинъ, подсказалъ Бердяевъ.

— Все равно, чортъ съ нимъ, какъ его зовутъ... Въ бытность мою здѣсь старшимъ чиновникомъ... Это нѣчто невозможное, ха, ха, ха, раскатывался Вершининъ и схватилъ за пуговицу управляющаго. Вообразите себѣ, Николай Васильевичъ, пріѣзжаетъ министръ О—скій, всѣ его встрѣчаютъ, я стою впереди во главѣ моего межевого войска, а этотъ толстый межевщикъ, какъ нарочно, вылѣзъ со своимъ громаднымъ пузомъ впередъ изъ всего ряда. Министръ здоровается за руку со мной, я ему представляю своихъ подчиненныхъ. Министръ подходитъ къ нимъ, а пузо претъ впередъ... Министръ вообразилъ, что это какой-нибудь важный чинъ, какой-нибудь старшій производитель, идетъ къ этой огромной фигурѣ и первому ему протягиваетъ два пальца... Тотъ же, этотъ кретинъ Брюкинъ, начинаетъ пыхтѣть, какъ паровозъ, и пятится назадъ.. вмѣсто того, чтобы протянуть руку министру, онъ обѣ свои потныя ручищи закладываетъ за спину, страшно вращая глазами... Если бы вы видѣли его фигуру въ то время.

— Воображаю! — воскликнулъ Бердяевъ и затрясся отъ смѣха.

— Министръ опустилъ руку и недоумѣвающе посмотрѣлъ на меня... Мое-то положеніе каково!

— Хуже губернаторскаго... и что же, Брюкинъ, этотъ? спросилъ управляющій.

— Imaginer-vous, mon cher Николай Васильевичъ, какой ловкости и усилій мнѣ стоило, чтобы вывести министра изъ неловкаго положенія, подставивъ подъ его руку какого-то ближайшаго производителя и оттѣснивъ этого глупаго толстяка... И потомъ, ха, ха, ха, когда я его спросилъ, почему онъ не подалъ руки министру... Брюкинъ сказалъ, краснѣя и пыхтя, что онъ боится щекотки, ха, ха, ха!

— Такъ онъ вообразилъ, что его будутъ щекотать!? спросилъ, усмѣхаясь, управляющій.

— Именно щекотать—сказалъ Вершининъ, громко хохоча.

Хохотали окружающіе... „Производители“, у большинства которыхъ скребли кошки на сердцѣ, силились изобразить улыбку. Крючковъ же не измѣнялъ своего каменнаго выраженія. Разговоръ былъ прерванъ вторымъ звонкомъ, послѣ котораго всѣ потянулись изъ зала 1-го класса на платформу къ вагонамъ. Послѣ третьяго звонка, простившись со всѣми, Вершининъ громко облобызался съ Бердяевымъ.

— Нашъ-то, нашъ въ засосъ цѣлуется, шепнулъ мнѣ Вершининъ, кивая на Бердяева, а тотъ ему яму ужъ вырылъ...

Вершинину помогли взобраться на площадку вагона. Когда поѣздъ тронулся, онъ махалъ фуражкой съ площадки и очаровательно улыбался.

XI.

Съ денежной стороны Ѳедоръ Ивановичъ считался зажиточнымъ среди межевыхъ, такъ какъ у него всегда можно было „перехватить“. Когда кто-нибудь изъ нихъ приходилъ къ Крючкову съ просьбой „одолжить“, то онъ никогда не спрашивалъ „зачѣмъ и на что“, а строго и сурово смотрѣлъ черезъ очки и спрашивалъ „сколько?“. Записавъ цифру въ особую книжку, съ которой онъ никогда не разставался, онъ вставалъ медленно со стула и шелъ къ своему огромному сундуку. Крышка поднималась, голова Крючкова опускалась, при чемъ его рѣдкіе, прилизанные съ проборомъ, волосы блестѣли, и требуемая сумма въ видѣ соотвѣтствующаго количества бумажекъ или металла, извлекалась. Никто не зналъ и не спрашивалъ, изъ какого источника ссужались деньги. И, въ свою очередь, когда Крючковъ приходилъ къ кому-нибудь и говорилъ: „мнѣ нужны-съ деньги (столько-то)“, ему безпрекословно давали, не спрашивая, зачѣмъ и на что, и знали, что онъ отдастъ точно и аккуратно. Всѣ беззавѣтно вѣрили въ денежную „непогрѣшимость“ и аккуратность Крючкова. Вѣра эта простиралась до подписи векселей, учитываемыхъ въ мѣстномъ банкѣ, гдѣ тоже отзывались, что „Ѳедоръ Иванычъ— вѣрный, обстоятельный человѣкъ“.

Послѣ отъѣзда Вершинина, Крючковъ сталъ на себя не похожъ. Его движенія сдѣлались порывистыми и нервными. По чертежной онъ не ходилъ, какъ прежде вкрадчивыми, нѣсколько, шлепающими шагами, а скорѣе бѣгалъ. Глаза его горѣли, и въ нихъ сквозила какая-то затаенная мысль. Голосъ его сдѣлался скрипучимъ и дребезжащимъ. Онъ говорилъ одно,

а думалъ другое. Среди разговора онъ часто „срывался“ съ мѣста и бѣгалъ по комнатѣ, засунувъ руки въ карманы брюкъ, словно въ припадкѣ острой зубной боли... Иногда останавливался среди комнаты или у окна и разводилъ руками, словно бесѣдуя съ кѣмъ-то. Нерѣдко межевые заставали его надъ какой-нибудь вѣдомостью или бумагой съ опущенной головой, погруженнымъ въ глубокую задумчивость...

XII.

...Сумерки. Морозитъ. Изъ-за двойныхъ оконныхъ рамъ съ улицы несется глухое скрипѣнье полозьевъ по крѣпкому и бѣлому, какъ сахаръ, снѣгу... Медленно двигаются возы съ дровами, слышится неясный говоръ, понуканье и сердитые окрики прозябшихъ мужиковъ. Въ моихъ комнатахъ полумракъ и тишина.

Свѣтъ зажигать еще рано, да и не хочется. Я лежу на кушеткѣ и смотрю на разрисованное ледяными узорами окно, на темнооранжевую полосу заката, виднѣющуюся надъ крышами деревянныхъ домовъ, и ни о чемъ не думаю... Въ тѣлѣ чувствуется истома, нѣтъ стремленій, нѣтъ желаній, организмъ находится въ періодѣ покоя... Ловишь звуки извнѣ, прислушиваешься къ жизни, къ біенію собственнаго сердца. Какая-то щемящая тихая грусть заползаетъ во внутрь, дѣлается чего-то жаль, прошлаго, неуловимаго. Ощущеніе сумерекъ... сожалѣніе о потухающемъ свѣтѣ, объ уходѣ жизненной энергіи, о замираніи... Часы въ сосѣдней половинѣ моей хозяйки Звягиной мѣрно и основательно тикаютъ, и въ этомъ глухомъ тиканьи чудится задумчивость надъ чѣмъ-то большимъ и важнымъ, неопредѣленномъ и вѣчномъ, какъ самая идея времени.

Въ сосѣдней комнатѣ раздается шорохъ осторожныхъ шаговъ.

— Кто тамъ?—спрашиваю я, не поднимаясь съ кушетки.

— Это я, П. И., слышится привѣтливый голосъ старушки Звягиной, вы не спите?

— Не сплю, Надежда Ивановна, а вставать не хочется...

— Ну и лежите, я пришла лампадку поправить, тухнетъ... морозъ какой на улицѣ, говорила она, заглядывая въ мою комнату, а у васъ тепло?

— Тепло, хорошо... скучно только немного.

— Жениться бы вамъ, сказала со вздохомъ старушка, и скука бы прошла, а то, что же такъ-то, одинокому-то...

— Невѣста не выросла, отшутился я.

— Сколько угодно ихъ, хоть прудъ пруди въ нашей провинціи, и она перешла на свою любимую тему, но, видя, что я лѣниво подаю реплики и виляю, махнула рукой.

— Не уговорить васъ!... А пирожки съ грибами сдѣлать вамъ на завтракъ? Праздникъ вѣдь завтра...

(Въ праздникъ почему-то подавались всегда пороги съ сушеными грибами).

— Сдѣлайте, по положенію.

— А про Ѳедора Ивановича Крючкова ничего не слыхали?

— А что?

— Да сегодня заходила ко мнѣ его свояченица и плакалась не него... Совсѣмъ не узнать... Началъ въ клубъ ходить, въ карты играть, выпивать... А дома задумывается все, а то такъ огрызается... Сказывала, какое-то извѣстіе получилъ непріятное по службѣ... За штатомъ будто бы его и многихъ въ вашемъ отрядѣ оставляютъ.

— Еще опредѣленнаго ничего нѣтъ, одни предположенія...

— Трудно съ такой семьей ему, старику...

— Вѣдь онъ, говорятъ, зажиточный...

— Какое! и Звягина махнула рукой. Долговъ у него и въ банкѣ, и повсюду, свояченица сказывала, пропасть, а если на пенсіи одной останется, какъ будешь жить съ такой аравой? а вѣдь онъ любитъ и людей принять, и самъ угоститься...

— Дда!...

— Спите-ка, я вамъ мѣшаю, пойти заказать тѣсто къ завтрому на пироги... Господи Іисусе, прости меня грѣшную!—и старушка поплелась на свою половину, зѣвая и громко вздыхая.

Сонъ бѣжалъ отъ меня. Въ комнатѣ стало темно, я сталъ смотрѣть на темный потолокъ, и мысль начала работать въ опредѣленномъ направленіи подъ вліяніемъ словъ Звягиной. „Положеніе“ Крючкова не выходило изъ головы. Какая-то туча зловѣщая надвигалась на этого оригинальнаго человѣка, представлявшаго собою цѣльный „типъ“, выросшій на своеобразной почвѣ межевой среды и впитавшій въ себя всѣ худыя и хорошія стороны окружающихъ условій жизни.

Мысли мои были прерваны сильнымъ звонкомъ изъ прихожей. Я вскочилъ и попалъ въ объятія Ватрушина, краснаго отъ мороза съ заиндевѣлыми рѣсницами.

— Зашелъ посмотрѣть, что умные люди въ сумеркахъ подѣлываютъ, говорилъ онъ, лобызаясь, по обыкновенію.

— Да ничего. Думалъ всхрапнуть...

— И не выгорѣло, докончилъ онъ, потирая озябшія руки. Я тоже, братъ, нынче не могу уснуть послѣ обѣда, хоть ты что хочешь... прежде, какъ колода... какъ ляжешь, такъ и провалишься въ бездну. А тутъ на-поди, и онъ крякнулъ, тепло у тебя, хорошо, а на дворѣ стужа... проговорилъ онъ, оглядывая комнату. Усѣлись.

— А у производителя бутылочки пивца не найдется, чтобы угостить товарища?—спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Найдется, сдѣлай одолженіе, и я позвонилъ.

— То-то... Разговоръ не клеился. Подали пиво.

— А я, братъ, сейчасъ сдѣлалъ одно дѣло, да и безпокоюсь. Ѳедоръ Иванычъ упросилъ меня поставить бланкъ на векселѣ въ 200 рублей, чтобы учесть его въ банкѣ. Подписалъ-то я подписалъ, а вотъ теперь и думаю, какъ это все выйдетъ. Что-то онъ какъ будто странный какой-то сталъ, задумывается, все говоритъ загадками... Не замѣчалъ ты, П. И.?

— Какъ не замѣчать...

— Ну а какъ онъ съ денежной стороны, на счетъ уплаты по векселю?

— Не знаю, милый, потому что самъ съ мѣсяцъ тому назадъ поставилъ свой бланкъ на векселѣ по его просьбѣ на бо̀льшую сумму, чѣмъ ты...

— Да ну?!—воскликнулъ „Никита мокрый“, и на его широкомъ гладкомъ лицѣ расплылась успокоительная улыбка.

— Что?! Легче стало?!

— Да какъ сказать, конфузливо проговорилъ онъ, ужъ вѣрно вдвоемъ придется отвѣчать своимъ карманомъ... да вдвоемъ ли? Можетъ, и со многими такъ?

— Не знаю...

— Да тебѣ что? Ничего, ну, потерялъ и баста! Ты человѣкъ одинокій, а вѣдь у меня жена въ больницѣ, ребенокъ растетъ...

— Да вѣдь ты съ ребенкомъ, кажется, немного няньчишься...

— Эхъ, братъ, не бывалъ ты въ моей шкурѣ... вотъ и разсуждаешь... И ребенка-то жаль, да и скука гнететъ непроходимая... тоска... Вотъ и маешься послѣ чертежной, какъ Каинъ какой по городу. Чтеніе въ голову не идетъ, да и какъ тутъ читать, когда все нутро въ разстройствѣ, ну и бродишь по пріятелямъ, чтобы у нихъ набраться веселья...

— Нашелъ средство... пріятели-то сами не знаютъ, куда отъ тоски дѣваться, отвѣтилъ я, подливая ему пиво въ огромную

кружку, которую онъ единымъ духомъ опрокидывалъ въ свою пасть.

— Сыграй-ка что-нибудь на фортопьянахъ, П. И., вѣдь ты мастеръ... на душѣ-то больно тоскливо, такъ кошки и скребутъ, сказалъ Никита, пришедшій понемногу въ лирическое настроеніе.

Я подошелъ къ своему роялю, единственному моему сокровищу и главному утѣшителю отъ острыхъ приливовъ гнетущей провинціальной тоски, среди одинокой жизни. Я сыгралъ одну изъ извѣстныхъ вещей Шумана („Aufschwung").

— А что, братъ, вѣдь это хорошо, ей Богу, хорошо! Только вѣдь я дуракъ неотесаный въ музыкѣ. Что это означаетъ? Ну какъ эту музыку можно перевести на человѣческій языкъ?

— Вотъ видишь, Никита Ивановичъ, бываетъ у человѣка сильный порывъ, подъемъ духа, стремленіе вырваться изъ-подъ гнета судьбы и обстоятельствъ, и онъ, махнувъ рукой на все, стремится летѣть куда-то, рвется неудержимо безъ оглядки, и ему не жаль прошлаго, а онъ видитъ передъ собой идеальную цѣль, которую онъ жаждетъ достичь всѣмъ существомъ своимъ.

— Такъ-съ, значитъ, завей горе веревочкой, такъ что-ли?..

— Пожалуй и такъ...

— Ну-ка, братъ, еще вали, крикнулъ мнѣ Никита, по сердцу словно масломъ полили.

Только-что я заигралъ, раздался звонокъ, и въ комнату вошелъ Ѳедоръ Ивановичъ.

— А вотъ и я... вижу огонекъ, музыку, и зашелъ къ вамъ... а у васъ хорошо, тепло, а у меня холодно, дѣти шумятъ, жена бранится, говорилъ онъ, здороваясь съ нами. Все это онъ проговорилъ какимъ-то надтреснутымъ голосомъ, съ блуждающей улыбкой. И намъ сдѣлалось неловко при немъ.

— Продолжайте, продолжайте, сказалъ онъ мнѣ, я прервалъ своимъ приходомъ музыку... а я люблю послушать... Я опять заигралъ.

— Счастливый вы человѣкъ, П. И., что можете играть, отъ многихъ горькихъ минутъ вы избавлены,—сказалъ задумчиво Крючковъ. Знаете что, Никита Иванычъ, когда ужъ мнѣ сдѣлается очень скверно, не вмоготу, я иду вотъ его слушать, (онъ указалъ на меня), и отойдешь.

— Да вотъ и у меня засвербило въ печенкѣ, добавилъ Никита, а теперь ничего, таково вольготно стало.

— А вы намъ, какъ добрымъ пріятелямъ, объясните при-

чину вашей тоски, и тогда можетъ и легче станетъ, сказалъ я Крючкову.

— Эхъ, господа, вы люди молодые, вы меня не поймете, у васъ вся жизнь впереди, а у меня ужъ все прожито и ничего впереди... а тутъ еще семья на шеѣ...

— Что вамъ Вершининъ сказалъ, Өедоръ Иванычъ, скажите, здѣсь люди свои, хорошіе, проговорилъ Ватрушинъ.

— Вершининъ... Вершининъ меня зарѣзалъ!! Я ли ему не служилъ? а онъ... рѣшилъ, что я довольно послужилъ... Сибирь, значитъ—тю-тю... и въ перспективѣ грошовая пенсія и нищета... съ восемью душами на плечахъ!!.

— Но вѣдь бумаги еще нѣтъ?

— Идетъ она... эта проклятая бумага... я чувствую, что она идетъ и зарѣжетъ не меня одного и другихъ тоже!—крикнулъ отчаяннымъ голосомъ Крючковъ и, затѣмъ, спохватившись, насупился.

...Вотъ видите, какъ я разъоткровенничался и распустилъ нюни, словно баба, до свиданія, господа!—и онъ протянулъ намъ жилистую руку.

— Куда, куда?.. Өедоръ Иванычъ, посидите...

— Нѣтъ-съ, говорилъ онъ въ прихожей, закутываясь въ свои еноты, не могу... сидѣть на одномъ мѣстѣ.

— Да куда вы пойдете на ночь глядя?—удерживалъ я.

— Послушалъ хорошую музыку, можетъ, въ послѣдній разъ, и довольно съ меня, а теперь... въ клубъ, въ карты играть... испытывать фортуну!—крикнулъ онъ и скрылся за дверью.

— Охъ, что-то не ладно съ нимъ!—застоналъ Никита, погружаясь въ пиво...

XIII.

Утромъ пришла злополучная „бумага" изъ Петербурга. Благодаря ей, выбрасывались за бортъ „службы" десятки людей, ничего за душой не имѣвшихъ кромѣ службы, привыкшихъ къ ней и отдавшихъ *всѣ силы свои* этому безжалостному Молоху бюрократіи. Это коварное и злое божество, которому добровольно отдаются на съѣденіе человѣческія жертвы, не щадитъ людей, унося изъ нихъ жизненные соки, калѣча здоровыхъ и цвѣтущихъ юношей, покрывая мохомъ и плѣсенью зрѣлыхъ людей... Сколько преждевременныхъ ревматизмовъ создала межевая служба, благодаря хожденію по болотамъ во всякую погоду, ночевкамъ въ полѣ подъ открытымъ небомъ! Сколько гемороевъ

она устроила, заставляя корпѣть надъ безконечными планами и планшетами и огромными таблицами вычисленій, въ которыя рѣдко кто заглядывалъ! Сколько преждевременной слѣпоты и, такъ называемой, „слабости зрѣнія“ она причинила людямъ, обладавшимъ острымъ, прекраснымъ зрѣніемъ, благодаря раскрашиванію и отдѣлкѣ этого огромнаго планового матеріала, на половину гніющаго въ бюрократическихъ архивахъ! И весь этотъ каторжный трудъ ложится тяжелымъ гнетомъ на маленькихъ людей, на „низшую братію“, нерѣдко выходящую изъ народа, промѣнявшую здоровый земледѣльческій трудъ на эфемерную перспективу „сдѣлаться бариномъ“, добиться кое-какихъ чиновъ и сомнительной репутаціи „служаки“ и „землемѣра“.

И все-таки эти несчастныя, оторванныя дѣти русскаго народа летятъ, какъ бабочки на огонь... несмотря на всѣ удары судьбы, идутъ толпами и лѣзутъ добровольно въ эту бездонную, межевую яму...

Въ этотъ роковой день разоренія Х-го отряда, я зашелъ въ чертежную. „Оставленные за штатомъ“ уныло сидѣли или, какъ мухи, опоенныя зельемъ, вяло передвигались съ одного мѣста на другое. Они съ завистью смотрѣли на „счастливчиковъ“, получившихъ новое назначеніе ходить и мѣрить забытые углы пространной земли русской, вязнуть по колѣно въ болотахъ подъ тучами комаровъ и мошекъ...

Бердяевъ вмѣстѣ съ „разрѣшительной“ бумагой, которою онъ также оставлялся за штатомъ, получилъ въ утѣшеніе звѣзду. Отъ такой неожиданности и такого противорѣчія онъ заплакалъ, какъ ребенокъ, и безпомощнымъ, слезливымъ голосомъ говорилъ ободрявшимъ его Фелицыну и Хмурову: „сдавайте за меня дѣла управляющему... я ничего не хочу знать... оставьте меня... не мучьте... все это свалилось, какъ снѣгъ на голову!“

— Да вѣдь вы должны были это предвидѣть, говорили ему.

— Развѣ такъ дѣлаютъ... сразу? А все Вершининъ... Богъ ему судья!—лепеталъ Бердяевъ.

— Настоящая баба, совсѣмъ раскисъ, пробурчалъ Агаѳонъ, выходя изъ кабинета уже теперь „заштатнаго“ генерала.

На лѣстницѣ, ведущей въ чертежную, меня встрѣтила Крючкова съ осунувшимся лицомъ, съ заплаканными глазами.

— Зайдите къ Ѳедору Ивановичу, онъ на себя не похожъ... словно его въ воду опустили... всѣ эти дни онъ пропадалъ, а сегодня, какъ пришла бумага, онъ какъ идолъ, сдѣлался... молчитъ и револьверъ зачѣмъ-то изъ сундука вытащилъ и вертитъ въ рукахъ и на него таково нехорошо смотритъ...

Боюсь, упаси Богъ, какъ бы чего не сдѣлалъ съ собой, говорила Крючкова, задыхаясь отъ волненія.

— Ну, что вы говорите, онъ вѣдь не юноша!

— Ну-да! Не знаете вы его, а я знаю... какой онъ!—и она, нервно всхлипнувъ, сбѣжала по лѣстницѣ.

Я прошелъ къ Ѳедору Ивановичу въ „кабинетъ". Онъ сидѣлъ у стола, задумавшись надъ спискомъ „заштатныхъ" и держалъ старый бульдогъ въ рукахъ.

— Зачѣмъ это вы достали?—спросилъ я его, указывая на револьверъ.

— А хороша штука, знаете, сказалъ онъ съ особенной улыбкой разсматривая оружіе, прижалъ собачку, наставилъ дуло... сюда, и нѣтъ человѣка!

— Бросьте эти мысли, Ѳ. И., вспомните свои лѣта..

— Вотъ я ихъ и помню...

Прибѣжалъ Фелицынъ.

— Отдайте эту игрушку мнѣ, настойчиво и строго сказалъ онъ.

— Дуд-ки-съ, господа! Вы, кажется, меня за ребеночка считаете, этотъ пріятель мнѣ вѣрно служилъ до сего дня въ моихъ поѣздкахъ, никому его не дамъ, и онъ быстрымъ движеніемъ спряталъ его въ столъ и, заперевъ ящикъ, сунулъ ключъ въ карманъ.

— А пока не мѣшайте мнѣ, господа, нужно составить вѣдомость... экстренно на завтра, и онъ углубился въ бумагу.

— Ну, пойцемъ, шепнулъ мнѣ Фелицынъ, мотнувъ головой.

— Нехорошъ онъ... надо отъ него отнять револьверъ, говорилъ Фелицынъ, идя по дорогѣ къ дому, онъ совсѣмъ запутался за послѣднее время въ деньгахъ... не знаю, какъ и раздѣлается... скверно, скверно, а жаль старика...

Проходя вечеромъ мимо зданія чертежной, въ верхнемъ этажѣ, гдѣ помѣщалась семья Крючкова, я увидалъ освѣщеніе во всѣхъ окнахъ. Меня потянуло туда. Крючкова я засталъ за карточнымъ столомъ, за любимымъ его преферансомъ (винта онъ не любилъ) въ компаніи Ватрушина и межевого Баснева. Около Крючкова сидѣлъ благообразный пожилой мужчина съ шапкою сѣдѣющихъ волосъ и окладистой бородой.

— Позвольте васъ познакомить, заговорилъ Ѳедоръ Иванычъ, поднимаясь со стула и съ изысканной любезностью обращаясь къ незнакомцу, нашъ молодой производитель работъ... а это наше свѣтило, попавшее въ трущобу въ силу судебъ, Иванъ Ивановичъ Большовъ... Мы пожали другъ другу руки.

Я еще ранѣе слышалъ про писателя Большова, сосланнаго за „политическія ошибки" въ Х—, но никогда его нигдѣ въ обществѣ не встрѣчалъ. Большовъ велъ замкнутую жизнь, избѣгая такъ называемаго „общества" губерніи, жилъ уединенно и появлялся только къ „особеннымъ людямъ" въ „особые" моменты.

— Тяжело, я думаю, вамъ жить въ нашей глуши, да еще подъ охраной, сказалъ я ему.

— Человѣку нигдѣ тяжело не должно быть, писателю же въ особенности, въ каждомъ некультурномъ центрѣ земли нашей имѣются и находятся люди, и на послѣднемъ словѣ Большовъ сдѣлалъ особое удареніе, сверкнувъ своими глубокими глазами.

— Иванъ Ивановичъ—свѣтлый человѣкъ и своими лучами стремится разсѣять мракъ нашихъ душъ, сказалъ Крючковъ, берясь за карты.

— Поиграйте, поиграйте, Өедоръ Ивановичъ, сказалъ загадочно Большовъ, иногда и карты помогаютъ разсѣяться и разогнать жизненныя тучи.

— Нѣтъ-съ—и Крючковъ вскочилъ со стула, порывисто бросая карты, такъ что вся колода разсыпалась, эти карты сослужили мнѣ скверную службу... когда-то мнѣ очень везло въ игрѣ, и я выигрывалъ иногда много денегъ, и, конечно, по молодости и легкомыслію, ихъ спускалъ между рукъ, и нынѣ я думалъ поправить свои денежныя дѣлишки картами и пошелъ въ клубъ искушать фортуну... и что жъ?

— Конечно, проиграли, сказалъ Большевъ, потому что хотѣли выиграть...

— Да!—и Крючковъ опустилъ голову... Мнѣ нуженъ былъ этотъ выигрышъ, какъ якорь спасенія, за который я хватался, и былъ моментъ, когда карта мнѣ пошла и у меня образовалась цѣлая куча радужныхъ, а потомъ... потомъ, я все спустилъ, и выигрышъ и всѣ деньги, которыя со мной были...

— Экая напасть! Экая бѣда! — воскликнули Ватрушинъ и Басневъ.

— Старая исторія, замѣтилъ Большовъ.

— Я знаю, что мнѣ осталось дѣлать, мрачно сказалъ Крючковъ, берясь за колоду и раскладывая пасьянсъ.

— Что же? — спросилъ Басневъ, ужъ не пугайте насъ, Өед. Ив...

— Чего вамъ пугаться, ваше дѣло сторона, вотъ если бы жена отъ меня сбѣжала, какъ отъ васъ, я бы не сталъ напу-

скать на себя михлюндію, какъ вы, а сказалъ бы: слава тебѣ, Господи!

Басневъ прикусилъ губу и сморщилъ брови, густо покраснѣвъ, уязвленный въ больное мѣсто.

— На вопросъ-то вы все-таки не отвѣтили, пробормоталъ онъ.

— Я знаю, что́ вы думаете сдѣлать, сказалъ Большовъ, почему и пришелъ по вашему письму къ вамъ, хоть тамъ и ничего не было сказано о вашемъ намѣреніи, но я чувствовалъ, угадалъ ваше настроеніе.

— Вамъ и книги въ руки, земной вамъ поклонъ за ваше посѣщеніе... вы зря, ни къ кому не пойдете, замѣтилъ прочувствованнымъ тономъ Крючковъ.

— Такъ вотъ видите, заговорилъ Большовъ, по моему мнѣнію, самоубійство самый плохой выходъ изъ трудныхъ положеній человѣческой жизни... Настоящій человѣкъ долженъ бороться съ жизнью до конца и чашу самой горькой жизни выпить до дна, въ этомъ его сила и величіе... Вы не можете себѣ представить, сколько я пережилъ и перестрадалъ въ одиночномъ заключеніи, тѣ безконечные дни, когда я метался, какъ звѣрь въ комнатѣ, длиною въ 5 аршинъ и шириною въ 3, съ однимъ окошечкомъ, со столомъ, привинченнымъ къ стѣнѣ, и парашей въ углу, никогда не изгладятся изъ моей памяти... Я былъ отрѣзанъ отъ міра, предоставленъ своимъ мыслямъ, мыслямъ мрачнымъ и отчаяннымъ, въ полномъ невѣдѣніи о своей дальнѣйшей судьбѣ и оторванный отъ семьи. Одиночное заключеніе—это пытка, хуже казни... Я первое время стукался головой объ стѣну буквально, а потомъ успокоился и взялъ себя въ руки, зная, что терять надежду на лучшее будущее и предаваться отчаянію—крайняя слабость... И, видите, я пережилъ, и опять существую и знаю, что еще могу быть полезенъ людямъ.

— Да, это вы, у котораго все будущее ясно и широко! а мнѣ что осталось... могила?—скорбно спросилъ Крючковъ.

— Жизнь, твердо сказалъ Большовъ. Вы еще не калѣка и должны жить и, на сколько позволяютъ силы, работать... мы всѣ, люди мысли, все равно, какъ рабочіе одной громадной фабрики... возьмите отъ какого-нибудь колеса или станка рабочаго, когда машина въ ходу, и можетъ выйти замѣшательство и задержка во всей машинѣ... Такъ и на фабрикѣ жизни. Каждый человѣкъ связанъ съ другими близкими ему. Вырвите его насильственно, и окружающіе пострадаютъ... А мы не должны только жить для себя...

— А когда ужъ чувствуешь себя негоднымъ для другихъ, что тогда? Лучше уйти отъ жизни, сказалъ Крючковъ.

— Малодушіе, и не вамъ это говорить, Өедоръ Ивановичъ.

— И не намъ слушать, добавилъ Ватрушинъ, вы еще конь.

— И другіе, вотъ окружающіе, могутъ выиграть, какъ бы продолжая свою мысль, сказалъ Крючковъ.

— Какъ это?

— А такъ, если человѣкъ живой не нуженъ, а сдѣлаетъ такъ, и онъ щелкнулъ по шеѣ и, вдругъ, полезнымъ окажется... Я за семью свою не опасаюсь. У меня есть племянникъ въ Москвѣ, профессоръ университета... Въ случаѣ чего онъ не оставитъ... Онъ тоже свѣтлый—и настоящій человѣкъ!—сказалъ увѣренно и съ удареніемъ Крючковъ.

— Отчего вы къ нему не обратитесь за помощью теперь?.. не мѣшало бы, проговорилъ Ватрушинъ, думая, какъ видно, о своемъ бланкѣ.

— Не хочу-съ! Хотя и знаю, что онъ имѣетъ состояніе... Я слишкомъ гордъ для этого, рѣзко отвѣтилъ Крючковъ.

Въ этотъ моментъ изъ дальней комнаты раздался громкій и жалобный плачъ ребенка. Послышался успокаивающій голосъ матери. Но плачъ не унимался, а дѣлался все сильнѣе.

— Мой крестникъ?—спросилъ я, взглядывая на Крючкова.

— Онъ самый, и Өедоръ Ивановичъ поникъ головой.

Всѣ опустили головы, прислушиваясь къ этому младенческому, надрывчатому плачу...

— Онъ молитъ васъ о жизни, зоветъ васъ къ ней, сказалъ Большовъ.

— Аа, застоналъ Крючковъ, схватившись за голову, если бы вы знали мои дѣла, мое настроеніе, мою душу... что тамъ творится!—и съ этими словами выбѣжалъ изъ комнаты.

— Что бы такое сдѣлать, чтобы разсѣять его, отвлечь отъ этой ужасной мысли, которая гвоздемъ засѣла въ его мозгу?— воскликнулъ я.

— Ничего не придумаете, спокойно сказалъ Большовъ, онъ слишкомъ цѣльная натура и съ такимъ характеромъ, что на него не подѣйствуютъ уговоры и рѣчи...

— Нужно упросить, умолить, волновался Ватрушинъ, нельзя же такъ оставить человѣка гибнуть...

— Господа, пойдемте закусить, торжественно, съ дѣланной улыбкой сказалъ Өедоръ Ивановичъ, появляясь на порогѣ комнаты.

Ужинъ былъ не веселый. Никому не пилось, не ѣлось. Самъ

Крючковъ былъ всѣхъ оживленнѣе, онъ, какъ видно, „крѣпился“ и бравировалъ. Жена его, какъ манекенъ, сидѣла съ красными глазами, глухо отвѣчая на вопросы и пристально взглядывая на меня, словно умоляя о чемъ-то.

— Хоть бы на крестника-то взглянули, насилу унялся, ревѣлъ все, какъ зарѣзанный, съ упрекомъ сказала она мнѣ. Я пошелъ въ дѣтскую, оставивъ собесѣдниковъ, и подошелъ къ кроваткѣ. Малютка, загнувъ одну ручепку за голову, другую высунувъ изъ-подъ теплаго одѣяла, безмятежно спалъ, улыбаясь во снѣ. Легкій румянецъ игралъ на пухленькихъ щечкахъ.

— Умаялся... спитъ, прошептала мать, наклоняясь надъ кроваткой.

— Что онъ видитъ во снѣ?

— Ангеловъ, сказала мать, и самъ похожъ на ангелочка— по щекѣ ея скатилась слеза.

— Револьверъ отняли у мужа?—спросила она громкимъ шепотомъ.

— Развѣ онъ отдастъ!.. заперъ его на ключъ, отвѣтилъ тихо я.

— А... Господи, спаси насъ!—и она вышла со мной изъ дѣтской.

— Онъ, кажется, успокоился... прошепталъ я.

Она сомнительно покачала говової.

— Я, господа человѣкъ Николаевскихъ временъ, заговорилъ Ѳед. Иван., а въ наше время съ людьми не церемонились, отцы не спрашивали дѣтей, куда хотятъ идти, что желаютъ дѣлать въ жизни, а просто приказывали и сами дѣтей опредѣляли. Вотъ и меня отецъ „опредѣлилъ“ въ лѣсной корпусъ, бывшій тогда военнымъ заведеніемъ; и по щучьему рѣшенью и отцовскому прошенію сдѣлался я „лѣшимъ“, какъ тогда звали лѣсныхъ кадетовъ, и насъ держали въ ежевыхъ руковицахъ, и воспитывали въ насъ эту „ежевость“, давили насъ, подъ прессомъ, чтобы и мы другихъ впослѣдствіи давили, на службѣ и въ жизни... И сколько я ни оглядываюсь на себя, на свою прошлую жизнь, вездѣ была одна давка другъ друга, и ни малѣйшаго проблеска свободы личности, никогда я не чувствовалъ себя человѣкомъ по всей широкой землѣ русской, которую и исходилъ и измѣрилъ собственными ногами... и въ другихъ мало уважалъ человѣка по этой въѣвшейся привычкѣ къ рабству... По отношенію къ начальству вездѣ я чувствовалъ себя скотиной, быдломъ, вьючнымъ верблюдомъ, на которомъ

можно, сколько угодно, ѣздить, безъ малѣйшаго сопротивленія... А для того, чтобы усладить свою подневольную жизнь, сдѣлать ее сколько-нибудь сносной, приходилось прибѣгать къ тысячѣ уловокъ, обходамъ, выдумкамъ и экивокамъ, и все дѣлалось, чтобы обмануть и провести это самое начальство... Поставили меня самого начальникомъ съемки, я тоже изощрялся, руководимый собственнымъ опытомъ, въ улавливаньи своихъ подчиненныхъ межевыхъ... Я видѣлъ, какъ меня они стремятся обмануть и провести въ служебномъ дѣлѣ, которое имъ опостылѣло... и старался ихъ накрыть, изловить... и по всей Руси идетъ такой взаимный обманъ служилыхъ людей... а почему? Потому что всѣ дѣла дѣлаются не по собственной охотѣ и сознанію, а изъ-подъ палки, ахъ, эта палка, сколько она вреда надѣлала и какъ мы къ ней привыкли!

— Хорошо-съ, Ѳед. Ив., все это правильно и глубоко вѣрно, что вы сейчасъ сказали, но теперь, уходя со службы, вы же освобождаетесь отъ этихъ ненавистныхъ условій давленія и должны не только грустить, но радоваться, замѣтилъ Большовъ.

— А жить чѣмъ? а кормить мою араву какъ? спросилъ Крючковъ.

— Да развѣ нѣтъ частной работы и службы?...

— А силы гдѣ?... Вѣдь у меня ужъ руки трясутся, я еле пишу... Вотъ тутъ-то и бѣда. Деспотизмъ воспитанія и вѣчное насиліе надъ личностью въ юные и рѣзвые годы службы вытравили во мнѣ „человѣка", годнаго для свободной и широкой дѣятельности...

— Да въ васъ широта такая, что для васъ сфера межевой дѣятельности слишкомъ узка... васъ въ клѣтку на всю жизнь заперли, вставилъ Большовъ.

— А разъ вытравили во мнѣ человѣческія качества, продолжалъ Ѳ. И., пропустивъ мимо ушей замѣчаніе Большова, трудно ихъ возстановлять въ 65 лѣтъ, нельзя заставить рѣку обратиться вспять, нельзя старому человѣку сдѣлаться юношей и начать жить сначала по-новому...

Всѣ задумались, каждый искалъ въ своей головѣ возраженія противъ этой неумолимой исповѣди, когда подводятся итоги жизни человѣка и этотъ человѣкъ себя безжалостно распластываетъ и обнажаетъ.

— То, что вы чувствуете, Ѳед. Ив., и говорите, можетъ быть, говорятъ и думаютъ большинство русскихъ чиновниковъ, а, если не скажутъ, то подумаютъ на склонѣ дней своихъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они должны себя немедленно уни-

чтожить въ моментъ такого сознанія своей горькой судьбы, являющейся слѣдствіемъ общаго строя русской жизни,—проговорилъ Большовъ послѣ тяжелой паузы.

— О семьѣ надо подумать... о семьѣ прежде всего, Ѳед. Ив., сказалъ Басневъ, до сихъ поръ молчавшій.

— Семья! да!—словно пробуждаясь отъ сна, воскликнулъ Ѳед. Ив. и оглянулся на двѣ кровати, гдѣ спали блаженнымъ сномъ его старшіе сыновья.

— Будетъ ли еще семьѣ моей хуже безъ меня, это вопросъ, и онъ задумался.

Всѣ встали изъ-за стола. Было поздно. Гости стали прощаться.

— Я васъ, господа, не задерживаю... Мнѣ еще нужно кое-что написать, поработать, завтра 20-е число, и онъ загадочно и натянуто улыбнулся.

— Прощайте, господа!—крикнулъ намъ Крючковъ съ порога и быстро захлопнулъ наружную дворь. Мы вышли на улицу съ тяжелымъ чувствомъ, но, какъ видно было, у каждаго изъ насъ тлѣлась на днѣ души слабая искра надежды, что этотъ человѣкъ, подводящій жизненные итоги, пробудился къ жизни, встрепенется и будетъ жить. Каждый пытался это по-своему высказать передъ разставаньемъ. Одинъ Большовъ только, пожимая намъ руки, проговорилъ, качая головой:

— Трудно, господа, человѣка уломать и выбить изъ него страшную мысль, гвоздемъ засѣвшую въ его подавленномъ мозгу...

XIV.

На другой день я всталъ съ больной головой, плохо проспавъ ночь, и мрачно пилъ утренній чай. Фелицынъ влетѣлъ въ мою комнату, какъ бомба, съ блѣднымъ, перекошеннымъ лицомъ.

— Говорилъ я вамъ, что онъ застрѣлится! Зачѣмъ вы не отняли у него револьверъ?

— Что вы говорите?—вскрикнулъ я, чувствуя, что морозъ по кожѣ пробѣгаетъ, и зубы начинаютъ стучать. То, чему я не вѣрилъ, что гналъ отъ себя всю ночь, какъ кошмаръ, случилось...

— Какъ?! Когда?—спрашивалъ я, хватая за руку Фелицына.

— Сегодня утромъ, въ десятомъ часу... Передъ раздачей жалованья за полчаса, пока еще межевые не собрались, онъ

легъ на кровать и выстрѣлилъ себѣ въ ротъ изъ того стараго револьвера, который онъ передъ нами вертѣлъ въ рукахъ... Ни кровинки не вышло...

— И тутъ же сейчасъ... смерть?

— Конечно... не пикнулъ... Пуля, должно быть, въ мозгахъ застряла... черепа не пробила... Прибѣжалъ „нашъ" Бердяевъ снизу на выстрѣлъ... жена обезумѣла... Открыли сундукъ съ деньгами, и тамъ ни копѣйки... Теперь жалованье не изъ чего выдавать, отрывисто говорилъ Фелицынъ.

— Бѣжимъ туда, крикнулъ я, и мы побѣжали съ Фелицынымъ по улицѣ.

Во мнѣ что-то оборвалось, что-то треснуло, мысли спутались, я ни о чемъ не думалъ, но мною овладѣло непреодолимое стремленіе быть на мѣстѣ катастрофы, увидать мертваго Крючкова, котораго ночью я видѣлъ живымъ, который такъ ясно и опредѣленно говорилъ о своей жизни... Мнѣ не вѣрилось, что я увижу трупъ... „ничто"... прахъ, мнѣ это казалось дикимъ, невѣроятнымъ, невозможнымъ... Я не могъ переварить идеи смерти, самоубійства. Я долженъ былъ видѣть, осязать...

Я вбѣжалъ въ кабинетъ и бросился къ постели, простой, деревянной постели, сдѣланной изъ двухъ козелъ, соединенныхъ досками, на которые былъ накинутъ матрасъ, покрытый старымъ, байковымъ одѣяломъ. Но кровать пуста была... только одѣяло было смято, какъ послѣ только-что лежавшаго на немъ человѣка.

— Куда Крючкова дѣвали?—крикнулъ Фелицынъ за моей спиной проходившему служителю.

— Въ больницу повезли... вскрывать, отвѣтилъ угрюмо служитель, вотъ здѣсь они и застрѣлили себя сразу, безъ муки, говорилъ онъ, показывая на смятую постель... Я убиралъ чертежную... слышу вдругъ шумъ, словно шкафъ большой упалъ здѣсь... бросился, какъ угорѣлый, сюда, а Ѳ. И. ужъ готовъ... глаза закрылъ, только изо рта капелька крови видна была и словно спитъ, револьверъ едва вынули изъ руки, такъ закоченѣла...

Изъ дальнихъ комнатъ слышалось всхлипыванье.

— Вдова плачетъ, тихо сказалъ Фелицынъ, надо идти къ ней... Я машинально двинулся за нимъ. Случившееся мнѣ казалось тяжелымъ сномъ... кошмаромъ. Я обернулся на порогѣ кабинета и взглянулъ назадъ. Около простого письменнаго стола стоялъ облѣзлый вѣнскій стулъ, подвинутый въ бокъ... Казалось, вотъ только-что на немъ сидѣлъ человѣкъ и всталъ

съ него, чтобы сдѣлать нѣсколько „послѣднихъ“ шаговъ къ ложу, черезъ минуту ставшему для него смертельнымъ... На столѣ стоялъ недопитый стаканъ чаю съ лимономъ, возлѣ— брошенный окурокъ папиросы, положенный на край стола... На столѣ запечатанныя письма... Былъ живъ человѣкъ, тутъ сидѣлъ, курилъ, пилъ чай и „куда-то ушелъ“... Куда? Я подошелъ къ столу и распечаталъ письмо, адресованное на мое имя. На сѣрой бумагѣ нетвердымъ, порывистымъ почеркомъ были написаны слѣдующія строки: „Простите мнѣ, П. И., если я чѣмъ-нибудь огорчилъ Васъ. Видитъ Богъ, что я любилъ васъ, какъ сына. Не судите меня строго за мой поступокъ. Засосала жизнь, служба, семья... все вмѣстѣ. *Здѣсь* я безполезенъ... Семья не должна погибнуть безъ меня, Если бы Вы знали, какъ мнѣ тяжело... Прощайте! Вашъ Ѳ. Крючковъ“.

Удручающе подѣйствовало на меня это краткое посланіе „ушедшаго“ изъ жизни человѣка. Взявъ письмо, какъ послѣдній слѣдъ души „конченнаго“ человѣка, я вышелъ къ вдовѣ... Фелицынъ ее по-своему утѣшалъ, строго, отрывисто. Она молча всхлипывала и сидѣла съ красными, испуганными глазами.

— Письмо вамъ оставилъ Ѳедоръ Иванычъ, прошептала она мнѣ, двигая побѣлѣвшими губами.

— Я прочелъ его, тихо отвѣтилъ я.

— Онъ цѣлую ночь писалъ письма, добавилъ Фелицынъ, даже Бердяеву нашему написалъ, а тотъ сильно встревожился... вѣдь Бердяевъ ему полный кредитъ передалъ за цѣлый годъ, теперь роется, растрачено болѣе 2.000, какъ разъ все жалованье межевымъ за мѣсяцъ... бѣгаетъ теперь...

— Ему бы только о деньгахъ думать, а что человѣкъ умеръ, ему не больно, глухо и сурово сказала Крючкова. Два маленькихъ мальчика и дѣвочка подростокъ (старшіе ушли въ гимназію) прижались по угламъ и, какъ воробьи, послѣ удара грома и ливня, нахохлившись, испуганно глядѣли, вздрагивая плечами.

— Старшіе-то не знаютъ еще?—спросилъ я, взглядывая на дѣтей.

— Послали за ними въ гимназію, отвѣтила Крючкова, стирая платкомъ глаза. Господи помилуй, какая бѣда! Старикъ, старикъ! и она заголосила...

Въ это время раздалось громкое топанье знакомыхъ шаговъ отъ наружной двери къ кабинету.

— Генералъ нашъ опять прибѣжалъ, сказалъ Фелицынъ.

— Онъ ужъ четвертый разъ бѣгаетъ сюда... все документовъ какихъ-то ищетъ, меня спрашиваетъ, а я почемъ знаю, пускай роется въ сундукѣ, говорила, словно жалуясь, Крючкова.

— Пойдемъ къ нему, посмотримъ, каковъ онъ, сказалъ Фелицынъ, дернувъ меня за рукавъ. Бердяевъ рылся въ сундукѣ, потный, съ всклокоченными сѣдыми волосами, небрежно одѣтый... Глаза его свирѣпо смотрѣли изъ-подъ очковъ, съѣхавшихъ съ носа.

— Какое свинство человѣкъ сдѣлалъ... старикъ... оставилъ семью голодную и казенныя деньги растратилъ, платить еще за него придется, накинулся Бердяевъ на насъ, точно виноватыхъ въ происшедшемъ.

— Да чего вы роетесь тутъ? спросилъ Фелицынъ.

— Надо тутъ... одну вѣдомость сыскать.

— Бросьте, посылайте скорѣй телеграмму министру о пособіи, да племяннику телеграфируйте въ Москву, совѣтовалъ категорически Фелицынъ. Бердяевъ, отойдя отъ сундука, задумался и оттопырилъ нижнюю губу.

— Что тутъ дѣлать? Не знаешь, за что взяться, голова кругомъ идетъ, проговорилъ онъ, безпомощно разводя руками.

— Дѣлайте такъ, какъ я вамъ говорю...

— Идемте составлять телеграмму... помогите, и онъ, умоляюще посмотрѣвъ на Фелицына, убѣжалъ, топая ногами.

— Совсѣмъ ребенокъ, страсть боится, что придется свои деньги платить за Крючкова, сказалъ Фелицынъ съ презрительной усмѣшкой и убѣжалъ вслѣдъ за Бердяевымъ.

XV.

Вечеромъ была панихида. Гробъ стоялъ на томъ длинномъ обѣденномъ столѣ, за которымъ мы, наканунѣ, ужинали съ покойнымъ Крючковымъ. Какая страшная перемѣна мѣста! Онъ лежалъ теперь неподвижно, отдѣленный гробовой гранью отъ его друзей, сослуживцевъ, семьи и всего живого люда. Осунувшееся лицо, приподнятое подушкой, хранило строгій, нѣсколько изумленный видъ. Словно его закрытые глаза видѣли передъ собой что-то новое, удивительное и высшее для земного пониманія.

Межевые и производители толпились въ большой комнатѣ чертежной. Пришелъ Бердяевъ, роздали восковыя свѣчи и стали ихъ зажигать.

— Теперь, братъ, смирно будешь лежать, не будешь гонять да подтягивать межевыхъ, прошипѣлъ Остапенко, зажигая отъ

моей свѣчи свою. На лицахъ межевыхъ, освѣщенныхъ горящими свѣчами, не было написано грусти, а скорѣе увѣренность, что „онъ не встанетъ и не распечетъ никого"... Одинъ Басневъ былъ грустенъ, да заштатные старики, удрученные мыслью, что и ихъ ожидаетъ та же дорога, были очень мрачны.

— Хорошій человѣкъ, говорилъ мнѣ Ватрушинъ послѣ панихиды, а вотъ не любили его межевые... да и на-поди... небось „ежовыми" рукавицами любви не пріобрѣтешь...

— По векселямъ-то вашимъ заплатилъ Крючковъ?—спросилъ насъ Фелицынъ.

— Слава тебѣ, Господи, заплатилъ, не оставилъ худой славы по себѣ, съ радостнымъ спокойствіемъ отвѣтилъ Ватрушинъ.

— А вотъ ему многіе остались должными изъ межевыхъ, замѣтилъ Фелицынъ, и документовъ нѣтъ, кромѣ записи въ книжкѣ.

И дѣйствительно сумма, щедрой рукой розданныхъ денегъ межевымъ, была немного менѣе разстраченной казенной суммы, какъ это выяснилось потомъ, изъ подсчета записной книжки. На другой день пришла къ вечеру чрезвычайно утѣшительная для Бердяева телеграмма. Племянникъ Крючкова, московскій профессоръ, перевелъ по телеграфу, разстраченную Крючковымъ, сумму казенныхъ денегъ. Его имя было совершенно реабилитировано... Другой телеграммой отъ Д—та назначалось крупное пособіе семьѣ. На выносѣ тѣла „генералъ" имѣлъ радостный видъ, куда дѣвалась его растерянность?

— Смотрите, какъ „нашъ-то" ожилъ, шепталъ мнѣ, показывая глазами на Бердяева, Фелицынъ.

— На долго ли?—спросилъ я.

— Да... отставку получитъ и капутъ... перестанетъ суетиться...

Отпѣваніе было торжественное. Медицинское вскрытіе констатировало, что, „самоубійство было совершено въ ненормальномъ состояніи" и въ мозгу оказались какія-то подозрительныя нити... Когда выносили тѣло изъ кладбищенской церкви, я, вмѣстѣ съ прочими сослуживцами, несъ гробъ... Ноги покойника, обутые въ новыя кожанныя туфли, ударялись около меня о стѣнку гроба съ деревяннымъ сухимъ стукомъ. Черезъ полчаса все было кончено. Вмѣсто Крючкова желтѣла глыба мерзлой, вновь насыпанной, земли. Встрѣтившись со мной на кладбищѣ, Большовъ спросилъ меня: „къ чему эта человѣческая жертва?"

Я затруднился что-нибудь ему отвѣтить.

П. И. Соколовъ.

Воспоминанія бывшаго штурманскаго офицера [1]).

Я слышалъ интересный разсказъ отъ Севастопольскаго защитника о выполненномъ имъ опасномъ порученіи. Какъ извѣстно, въ одинъ изъ періодовъ осады, у насъ были выстроены Камчатскій и Селенгинскій редуты, впереди крѣпостной ограды. Начальникъ оборонительной линіи замѣтилъ, что одинъ изъ редутовъ пересталъ отвѣчать на непріятельскіе выстрѣлы. Нужно было узнать причину подобнаго тревожнаго молчанія. Надо пояснить, что электрическаго телеграфа въ то время не было: въ Россіи дѣйствовалъ оптическій телеграфъ; поэтому чтобы получить объясненіе изъ редута, надо было послать туда надежнаго офицера. Слѣдуетъ замѣтить, что сообщеніе съ редутомъ было очень опасно, такъ какъ непріятель постоянно обстрѣливалъ сильнымъ огнемъ эти два земляныя укрѣпленія. Исполненіе предстоящаго рискованнаго порученія было возложено на молодого офицера, моего знакомаго. Отправляясь въ путь, офицеръ взялъ съ собою казака и объявилъ начальству, что полученныя отъ защитниковъ редута свѣдѣнія будутъ записаны на листѣ бумаги. Означенный листъ онъ положилъ въ обшлагъ своего рукава, такъ что, въ случаѣ его смерти, нужное сообщеніе найдутъ въ его сюртукѣ. Въ ночное время, пускаясь въ разныя перебѣжки, храбрый офицеръ достигъ благополучно редута. При опросѣ оказалось, что однѣ пушки не дѣйствуютъ, потому что подбиты непріятельскими выстрѣлами, другія прекратили стрѣльбу по неимѣнію снарядовъ; наконецъ, имѣлись готовые снаряды, но не было для нихъ орудій. Надо замѣтить, что земляная ограда Севастопольской крѣпости, представлявшая преграду для наступающаго

[1]) См. „Русская Старина“, ноябрь 1915 г.

непріятеля съ сухопутной стороны, была насыпана передъ самою осадою крѣпости и была вооружена орудіями, снятыми съ кораблей, поэтому неудивительно, что произошла путаница въ вооруженіи редута. Записавъ полученныя сообщенія, отважный воинъ вернулся тѣмъ же порядкомъ въ крѣпость, вполнѣ благополучно. Были и другія опасныя порученія, кои исполнялъ мой знакомый, получившій нѣсколько ранъ и контузій и какимъ-то чудомъ избавившійся отъ преждевременной смерти; но онъ не разсказывалъ мнѣ объ этихъ подвигахъ. Однако Георгіевскій крестъ, носимый имъ, указывалъ на отважную дѣятельность этого армейскаго офицера.

Изъ эпохи той же войны, еще до начала осады крѣпости, я слышалъ разсказъ другого рода. Въ то время наша армія стояла въ Румыніи и передовые посты были расположены на лѣвомъ берегу Дуная. На этихъ аванпостахъ несъ службу мой знакомый въ чинѣ должно быть прапорщика. Конечно, размѣщеніе войскъ было плохое, съ большими неудобствами; лишеній было много. Неожиданно, нашъ прапорщикъ получаетъ извѣстіе, что на дняхъ къ нему пріѣдетъ комиссія изъ штаба, для осмотра непріятельской позиціи и нашихъ аванпостовъ. Изъ сдѣланнаго сообщенія прапорщикъ увидѣлъ, что комиссія пробудетъ у него цѣлый день и что, значитъ, надо накормить чѣмъ-нибудь важныхъ гостей. Въ этомъ раздумьѣ, прапорщикъ обращается къ своему денщику съ извѣстіемъ о пріѣздѣ гостей и о необходимости приготовить для нихъ обѣдъ. Хозяинъ позиціи зналъ, что пищевыхъ продуктовъ имѣлось очень не много. „Чѣмъ же ты будешь угощать господъ?“—спросилъ онъ денщика. „Да ужъ вы, баринъ, не безпокойтесь—обѣдъ будетъ, только сами вы не ѣшьте“, отвѣчалъ денщикъ. Въ назначенный день пріѣхала комиссія, сдѣлала большой объѣздъ по берегу Дуная, осматривала позиціи, а потомъ остановилась для отдыха въ палаткѣ моего знакомаго. Денщикъ не замедлилъ подать обѣдъ. Всѣ насытились; и вскорѣ пріѣзжіе гости уѣхали обратно въ свой штабъ. Прапорщикъ удивился, что за обѣдомъ было подано жаркое. „Откуда ты взялъ мясо на жаркое?“ спросилъ онъ денщика. „Собаку зарѣзалъ и зажарилъ“, былъ отвѣтъ денщика. Тайна съѣденной собаки такъ и осталась нераскрытой.

Вспоминаю о несчастіи, случившемся въ нашемъ флотѣ, вскорѣ послѣ окончанія Крымской войны. Шла эскадра изъ Ревеля въ Кронштадтъ на зимовку. Вблизи острова Гогланда, при хорошей погодѣ и свѣжемъ вѣтрѣ, 80-ти пушечный корабль „Лефортъ“, бывшій въ эскадрѣ, сталъ крениться на одну сто-

рону; кренъ продолжался нѣсколько минутъ и все увеличивался, а затѣмъ, на глазахъ всей эскадры, корабль „Лефортъ“ пошелъ ко дну. Гибель судна произошла такъ быстро, что никто не могъ подать помощи погибающимъ, коихъ было нѣсколько сотъ человѣкъ: всѣ погибли. На мѣстѣ катастрофы глубина воды должно быть сажень двадцать. Причину случившагося несчастія относили къ неправильной нагрузкѣ судна, которая дѣлалась торопливо, такъ какъ спѣшили выйти въ море. Другую причину предполагали въ дурномъ прикрѣпленіи пушекъ къ бортамъ корабля: когда начался кренъ, пушки оторвались и перекатились на другой фортъ. Я думаю, что можно указать на третью причину: желаніе служащихъ людей угодить начальству, даже въ ущербъ сущности дѣла и полной безопасности. Говорятъ, что у насъ на флотѣ, еще въ недавнее время, существовало стремленіе угодить начальству съ такою силою, что торопясь окончить работу, замѣняли желѣзные болты и заклепки деревянными. Погибшій „Лефортъ“ покоится и въ настоящее время на днѣ морскомъ.

По возвращеніи съ промѣра въ Гидрографическій департаментъ, мы занимались составленіемъ морскихъ картъ, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ. Трудъ составленія и исправленія картъ медленный и кропотливый. Изготовленныя карты вырѣзывались на мѣдныхъ листахъ и затѣмъ перепечатывались на обыкновенную бумагу въ большомъ числѣ экземпляровъ. Въ числѣ служащихъ въ департаментѣ былъ тогда извѣстный штурманскій офицеръ-путеводитель кругомъ свѣта фрегата „Паллада“, обезсмертенный Гончаровымъ, въ описаніи плаванія этого судна. Тамъ онъ названъ „дѣдомъ“. У Гончарова была замѣтка про судового штурманскаго офицера, такого рода: увидалъ дѣдъ вѣху и обрадовался, какъ родной матери. По этому поводу, мы, молодежь, обратились къ почтенному человѣку за объясненіемъ. „Да“,—отвѣчалъ спрошенный,—„я очень обрадовался, увидавъ вѣху, потому, что этотъ знакъ обезпечивалъ путь фрегата и вмѣстѣ съ тѣмъ предохранилъ отъ опасности жизнь трехсотъ человѣкъ“. Что служба штурманскаго офицера на морѣ требуетъ много знанія, опытности, неослабнаго надзора и внимательнаго наблюденія, того не всѣ знаютъ. Оцѣнилъ хорошо службу штурмановъ бывшій министръ народнаго просвѣщенія Норовъ. Его мнѣніе я случайно услыхалъ, будучи дежурнымъ на корабельной верфи, въ устьяхъ Фонтанки, въ Петербургѣ. Время было начало польскаго возстанія. Пріѣхали въ каретѣ смотрѣть верфь два посѣтителя, изъ коихъ

одинъ былъ безъ ноги, въ штатскомъ платьѣ, а другой носилъ форму чиновника морского министерства. Я счелъ долгомъ провожать посѣтителей по верфи. Когда осмотръ былъ оконченъ и посѣтители собрались уѣзжать, безногій мужчина, видя на мнѣ мундиръ штурманскаго офицера, обратился ко мнѣ съ вопросомъ: развивается ли корпусъ флотскихъ штурмановъ? Я отвѣчалъ:—„Все въ Россіи развивается, развивается и корпусъ штурмановъ“.—Тогда Норовъ—это былъ онъ—обратился къ своему спутнику и сказалъ: какую тяжелую обязанность несутъ штурмана и какая страшная отвѣтственность на нихъ лежитъ. Подобное мнѣніе совершенно вѣрно. Къ сожалѣнію, несмотря на важную обязанность штурманскаго офицера на кораблѣ, штурмана не пользовались должнымъ почетомъ. Я помню, какъ ухаживалъ за штурманомъ капитанъ корабля во время нашего плаванія: почти ежедневно поручикъ завтракалъ съ капитаномъ, въ его каютѣ. Когда только корабль входилъ въ портъ и становился на якорь, штурманъ былъ забытъ командиромъ.

Одинъ изъ моихъ товарищей повелъ фрегатъ въ дальнее плаваніе, и потерпѣлъ неудачу. Скребцовъ, такова его фамилія, отличался въ нашемъ классѣ большимъ усердіемъ къ наукамъ и былъ первымъ ученикомъ въ классѣ. Бывало, съ трудомъ одолѣваешь урокъ географіи, въ которомъ перечислялись князья, кюрфюрсты, герцоги и другія владѣтельныя особы въ Германіи. Такихъ именъ значилось въ учебникѣ до сорока. Большинство учениковъ заучивали только половину именъ, но Скребцовъ задалбливалъ всѣ до одного имена. Я постоянно удивлялся его прилежанію. Въ виду отличныхъ успѣховъ въ наукахъ, Скребцова назначили въ кругосвѣтное плаваніе года за три до окончанія училищнаго курса. Конечно, и тамъ онъ выказалъ такое же усердіе, какое обнаруживалъ въ училищѣ. За такую отличную службу его произвели въ офицеры, раньше насъ, его товарищей, на $1^1/_2$ года. По возвращеніи изъ-за границы, Скребцовъ, по собственному желанію, опять пошелъ въ дальнее плаваніе, но уже въ качествѣ старшаго штурманскаго офицера. На этотъ разъ съ нимъ случилось несчастіе: фрегатъ, который онъ велъ, сѣлъ на мель въ Восточномъ океанѣ, гдѣ-то около береговъ Америки. Скребцовъ былъ преданъ суду. Морской судъ его оправдалъ. Но мой товарищъ, какъ неудачникъ въ плаваніи, не счелъ удобнымъ оставаться на службѣ и вышелъ въ отставку. Вскорѣ онъ померъ. Я всегда сожалѣлъ о рано погибшемъ моемъ товарищѣ.

Другой мой товарищъ Клыковъ, желая пополнить корпусное образованіе, началъ посѣщать университетъ и слушалъ тамъ лекціи. Но университетъ былъ вскорѣ закрытъ. Тогда Клыковъ перешелъ на службу на Дальній Востокъ. Путешествіе туда совершалось съ затрудненіями: моему товарищу пришлось проплыть въ лодкѣ по Амуру что-то около 1000 верстъ. „Однажды", писалъ онъ мнѣ,—„я проснулся отъ холоду: оказалось, что казаки не отлили воду изъ лодки и постель моя подмокла". „Въ Сибирскихъ городахъ" дичь летаетъ по улицамъ и сама натыкается на охотника. Служа на Востокѣ, Клыковъ побывалъ и въ Китаѣ, плавая на канонерской лодкѣ. Тамъ можно было безопасно ходить по улицамъ, если имѣешь пистолетъ въ карманѣ. Письма оттуда шли долго, иногда около 4-хъ мѣсяцевъ. Въ то время почта направлялась черезъ Сингапуръ, мысъ Доброй Надежды, Лондонъ, Петербургъ. Не франкированныя письма шли вѣрнѣе. Помню, какъ мнѣ пришлось однажды заплатить 80 коп. за полученное письмо, такъ что почталіонъ, принявшій отъ меня деньги, разсмѣялся.

Рѣка Амуръ въ своихъ весеннихъ разливахъ бываетъ очень не постоянна. Три, четыре года разливы идутъ одинаковаго размѣра, какъ вдругъ на пятый годъ разливъ дѣлается втрое большимъ. Мѣстные жители знаютъ это непостоянство; но новые пришельцы часто терпятъ разореніе.

Пробывъ на Амурѣ десять лѣтъ, Клыковъ перешелъ на службу въ Уральское казачье войско и обучалъ въ городѣ Гурьевѣ, на Уралѣ, мореходному искусству молодыхъ казаковъ. Онъ былъ преподавателемъ или начальникомъ тамошней мореходной школы. Уральскіе казаки имѣютъ особыя права на рыбную ловлю въ Каспійскомъ морѣ, а какъ этотъ промыселъ составляетъ важную статью дохода, то казаки держали особыя суда для надзора за ловлею рыбы. Съ цѣлью усилить надзоръ думали замѣнить парусныя суда—паровыми. Надо полагать, что мысль о паровомъ суднѣ подалъ Клыковъ, потому что ему поручено было составить проектъ подобнаго судна. Изготовленный проектъ былъ отправленъ въ Петербургъ, въ морское министерство, гдѣ, по надлежащемъ разсмотрѣніи и исправленіи, проектъ былъ одобренъ. Затѣмъ, въ Петербургѣ были произведены торги на постройку парового крейсера. Низшую цѣну объявилъ Абовскій заводъ, которому и поручена была эта постройка. Для надзора за постройкою былъ командированъ отъ Уральскаго войска мой товарищъ. Клыковъ прожилъ въ Або довольно долго. Со стороны завода были попытки подкупить надсмотрщика, но

подобныя попытки успѣха не имѣли. Надо замѣтить, что этому заводу было отдано предпочтеніе передъ другими конкуррентами по причинѣ краткости срока, имъ объявленнаго. Въ дѣйствительности же оказалось невозможнымъ исполнить постройку въ установленный короткій срокъ. Администрація завода пыталась склонить Клыкова поддержать ходатайство о продленіи срока постройки, но Клыковъ былъ неумолимъ. Тогда заводъ устроилъ фиктивный пожаръ въ зданіи чертежной, гдѣ сгорѣли чертежи проектируемаго крейсера. Конечно, безъ чертежей нельзя вести постройку, а потому заводъ получилъ нужную ему отсрочку. Такъ обманывали казну въ прежнее время. Постройка крейсера для казаковъ совпала съ введеніемъ на Волгѣ отопленія пароходовъ нефтью. Клыковъ возымѣлъ намѣреніе примѣнить это новое отопленіе. Помню, что я ему послалъ изъ Вильны въ Або какую-то статью по сему предмету, взятую изъ техническаго журнала. Должно быть, новое отопленіе было примѣнено на крейсерѣ. Съ окончаніемъ постройки судна, Клыковъ повелъ его изъ Або въ Кронштадтъ, а оттуда въ Петербургъ и затѣмъ на Волгу. По этой рѣкѣ онъ и прибылъ въ Каспійское море. Конечно, командиромъ новаго крейсера былъ назначенъ Клыковъ, который и принялся за исполненіе новой обязанности. Но недолго мой товарищъ защищалъ казацкіе интересы на морѣ: судьба рѣшила иначе! Такъ какъ р. Уралъ не судоходна по мелководью, то новый крейсеръ уходилъ ежегодно на зимовку въ Астрахань. Извѣстно, что въ Астрахани каждую весну, при вскрытіи рѣки, льдомъ уноситъ неосторожнихъ рыбаковъ въ море. Это обычное явленіе случилось и тогда, когда тамъ зимовалъ новый крейсеръ. Какъ только стало извѣстно о постигшей опасности рыбаковъ, такъ тотчасъ же Крыловъ на крейсерѣ развелъ пары и пошелъ въ море. Поиски его были удачны: много людей онъ спасъ отъ смерти, но самъ простудился. У него образовалось воспаленіе легкихъ, которое и свело его въ могилу. Такъ окончилъ жизнь свою мой добрый товарищъ, привыкшій не щадить своихъ силъ для пользы ближняго! Послѣ него осталась вдова съ ребенкомъ.

Немногіе изъ моихъ знакомыхъ увлеклись службою въ Сибири. Инженеръ К. уѣхалъ туда потому, что тайга представляла заманчивое мѣсто для охоты. На охотѣ инженеръ проводилъ по нѣсколько дней. Надо было опасаться въ лѣсу не только звѣрей, но и людей. „Если встрѣтишь въ лѣсу бѣглаго каторжника“, —говорилъ мой знакомый,—„то первый пріемъ взять въ руки ружье и прицѣлиться во встрѣченнаго человѣка, чтобы

остановить его. Обыкновенно подобный бѣглый нуждался въ пищѣ. Чтобы удовлетворить его голодъ, оставляешь ему кусокъ хлѣба, но близко къ себѣ не допускаешь. Тогда можно разойтись безъ бѣды. Совершалъ этотъ инженеръ плаваніе по Амуру, въ лодкѣ съ денщикомъ, что много способствовало удачной охотѣ. Разъ случился курьезъ. Плыветъ онъ по рѣкѣ. Денщикъ гребетъ веслами, поручикъ сидитъ на рулѣ. Хитрый солдатъ говоритъ: „Ваше Благородіе, вы не твердо держите руль, наша лодка виляетъ въ разныя стороны, мы такъ долго не доѣдемъ до мѣста“. Инженеръ согласился съ солдатомъ и въ устраненіе замѣченнаго неудобства самъ сѣлъ грести веслами, а денщика сажалъ на руль. Вотъ что значатъ дружескія отношенія охотниковъ между собою. Про Сибирь мнѣ разсказывалъ военный инженеръ, проводившій первый электрическій телеграфъ съ береговъ Восточнаго океана. Онъ шелъ по тайгѣ, съ командою матросовъ, вырубая просѣку и устанавливая въ ней телеграфные столбы. Разъ случилось, что змѣя укусила матроса за руку. Бывшій въ отрядѣ врачъ далъ какое-то лѣкарство противъ укуса, но оно не помогало. Опухоль руки увеличивалась. Тогда обратились за медицинскою помощью къ бывшему при отрядѣ китайцу. Тотъ отыскалъ въ лѣсу какую-то траву, приложилъ ее къ укушенной рукѣ, и трава подѣйствовала благотворно. Опухоль стала уменьшаться и часа черезъ два матросъ былъ здоровъ. Обратились къ китайцу съ просьбою указать лѣчебную траву, но получили отказъ. Такъ русскимъ осталось неизвѣстнымъ это врачебное средство. Въ Гидрографическомъ департаментѣ я служилъ недолго. Не могу не вспомнить о генералѣ Борисовѣ, гуманномъ человѣкѣ, относившемся съ деликатностью къ подчиненнымъ ему офицерамъ. Названный начальникъ составлялъ противоположность къ прежнему начальнику Рейнеке, смерть котораго офицеры встрѣтили безъ сожалѣнія: а одинъ офицеръ, къ моему удивленію, наклеилъ даже у себя въ комнатѣ вырѣзку изъ газеты, содержавшую объявленіе о кончинѣ генерала, гдѣ-то за границей. Одинъ изъ старыхъ штурманскихъ офицеровъ разсказалъ мнѣ, какъ при Императорѣ Николаѣ, они представляли на Высочайшее воззрѣніе, въ Зимнемъ дворцѣ, свои годичныя работы. Вновь составленныхъ и заново исправленныхъ морскихъ картъ было очень много, такъ что не хватало столовъ для ихъ укладки. Поэтому привезенныя во дворецъ карты расположили прямо на паркетный полъ, въ какомъ-то большомъ залѣ. Когда Императоръ вышелъ для осмотра выполненныхъ трудовъ, то онъ не

стѣснялся положенными морскими картами и шелъ прямо по этой расписанной бумагѣ. Я выразилъ сомнѣніе въ правдивости этого сообщенія; но мой собесѣдникъ настаивалъ на вѣрности своего разсказа, при чемъ нисколько не огорчался топтаніемъ ногами составленныхъ картъ.

Вспоминая свои юные годы, я отношусь съ чувствомъ благодарности къ училищу, меня воспитавшему. Хотя тогда было Николаевское время, когда дисциплина была желѣзная, но и въ то время проявлялись чувства гуманныя. Шагистика, маршировка, обученіе тихимъ шагомъ въ три пріема, ружейные пріемы,—вотъ что наполняло наше существованіе внѣкласснаго времени. Нашими учителями были штурманскіе офицеры съ добавленіемъ штатскаго элемента. Конечно, программы наукъ были не обширны; но математику, навигацію и морскую астрономію мы проходили основательно. Куреніе табаку составляло важный проступокъ. Я помню, какъ при директорѣ Давыдовѣ одного кадета высѣкли передъ фронтомъ за то, что онъ сдѣлалъ въ толстой книгѣ потайное помѣщеніе для табаку. За успѣшнымъ ученіемъ слѣдили строго и лѣнивыхъ часто сѣкли. Былъ обычай по субботамъ собирать въ ротахъ лѣнтяевъ: ихъ выстраивали въ шеренгу и по командѣ: „направо, къ розгамъ, маршъ“. Виновные шли въ сосѣднюю маленькую комнату, гдѣ и производилась экзекуція. Съ воцареніемъ Императора Александра II, строгій воинскій режимъ смѣнился на болѣе легкій. Въ классахъ иногда сверкали новыя идеи. Какъ-то шелъ разговоръ о военныхъ дѣйствіяхъ; о томъ, что воодушевляетъ солдатъ и дѣлаетъ ихъ героями. Разсказывая про какой-то случай, преподаватель прибавилъ: „тамъ нижній чинъ воодушевляется чувствомъ долга, а у насъ что долженъ чувствовать рядовой, находящійся въ строю; локоть своего сосѣда“. Такъ значилось въ воинскомъ уставѣ. Когда я достигъ старшихъ классовъ, то слышалъ совѣты: „идите въ университетъ“, говорили мнѣ, „тамъ вы узнаете, въ чемъ состоитъ достоинство человѣка“. Подобные совѣты приняты были мною къ исполненію, и я, по окончаніи кадетскаго курса, слушалъ лекціи въ университетѣ. Вспоминая про мое кадетское житье, я съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ негодованіемъ, прочелъ повѣсть извѣстнаго писателя Куприна, подъ заглавіемъ: „На переломѣ“. Въ этой повѣсти авторъ описываетъ кадетскій бытъ времени Императора Александра II и рисуетъ возмутительную картину класснаго обученія мальчиковъ. Купринъ изображаетъ преподавателя русскаго языка какимъ-то пьяницею, засыпающимъ въ

классѣ и рѣдко приходящимъ на урокъ въ трезвомъ видѣ. Учитель называетъ кадетъ учениками развращенными. Я, какъ бывшій кадетъ, протестую противъ подобнаго извращенія казеннаго воспитанія. Ничего подобнаго въ наше время не было. Никогда никакой учитель не появлялся въ классъ въ нетрезвомъ видѣ. Корпусъ, въ которомъ я воспитывался, носилъ названіе Штурманскаго училища, въ которое поступали дѣти не только потомственныхъ дворянъ, но и дѣти вообще офицеровъ и чиновниковъ. Доступъ же въ столичные корпуса былъ открытъ только для потомственныхъ дворянъ; слѣдовательно, корпуса стояли выше училища. Не можетъ быть, чтобы картина, описанная Купринымъ, существовала въ дѣйствительности.

Н. Наумовъ.

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны [1]).

1—5 августа. Письмо одного изъ нашихъ воителей съ фронта— „мы то несомнѣнно побѣдимъ нѣмца, а вотъ какъ вы-то, какъ у васъ внутри Россіи побѣдите нѣмца“,—ужъ стало общимъ достояніемъ. Дѣло побѣды нѣмцевъ внутри Россіи отъ этого нисколько не подвинулось впередъ. Нѣмецкое землевладѣніе остается; крупное нѣмецкое землевладѣніе бережно охраняется, а акціонерныя и торговыя предпріятія австро-германцевъ нагло процвѣтаютъ или самымъ ничтожнымъ образомъ устраняются. Просто противно смотрѣть, какъ подлы и низки русскіе нѣмцелюбы...

Какая громадная разница въ полной ликвидаціи всего нѣмецкаго въ Англіи, Франціи и у насъ; напримѣръ Московское нѣмецкое электрическое общество 1886 года имѣетъ такихъ могучихъ покровителей, что соединенныя силы всей Москвы не могутъ выбить нѣмцевъ изъ ихъ укрѣпленныхъ электричествомъ и чѣмъ-то другимъ позицій. Здѣсь, въ Петроградѣ, торговыя и акціонерныя нѣмецкія предпріятія открываютъ лазареты для раненыхъ, жертвуютъ на нужды войны сотни тысячъ (а высасываютъ отъ русскихъ десятки милліоновъ) и, наконецъ, они начинаютъ принимать самое горячее участіе въ мобилизаціи промышленности и изготовленіи заказовъ на армію. Простого обывателя беретъ оторопь, когда онъ посмотритъ на вывѣски Эйлерсовъ, Гановъ, Шукертовъ, Сименсъ и Гальске Зингеровъ, Копелей, Стеглау и другихъ, коимъ имя легіонъ. Западаетъ сомнѣніе вообще въ честность русскаго человѣка.

---

[1]) См. „Русская Старина“, ноябрь 1915 г.

Теперь уже совершенно ясно опредѣлилось, какъ надо составлять всѣ предположенія для дѣйствій противъ германцевъ. Ихъ надо бить собственнымъ оружіемъ. Чѣмъ наглѣе, чѣмъ дерзновеннѣй будетъ составленъ нашъ планъ, тѣмъ успѣшнѣе онъ будетъ проведенъ въ жизнь.

Въ Петроградѣ и всѣхъ окрестностяхъ оказывается недостатокъ мелкой, размѣной монеты, особенно мѣдной.

Изъ Прибалтійскаго края высланъ Руанскій пасторъ Баеръ, а изъ Псковской губ. пасторъ Драколеръ. Хороши служители церкви, которыхъ приходится выселять.

По словамъ „Новаго Времени", отъ 2 августа, нѣмецкихъ колонистовъ „Кронштадтской Колоніи", находящейся вблизи Ораніенбаума, передъ Кронштадтомъ, дѣйствительно, вначалѣ войны хотѣли выселить изъ прибрежной полосы. Но, конечно, нѣмцы сейчасъ же пустили въ ходъ связи, организовали депутацію въ Петроградъ, и, въ концѣ концовъ, были оставлены, какъ надежный элементъ въ охранѣ русскихъ береговъ отъ непріятеля.

Слышалъ разсказъ о томъ, куда уже достаточное количество времени уходили русскія золотыя монеты. Передавали, что нѣкоторые ювелирные магазины преисправно пускали ихъ въ издѣліе на золотыя вещи.

Г. Петровъ передаетъ [1]) дѣянія германцевъ надъ латышами въ Курляндскомъ селеніи К. М. „Тамъ германцы также заставляли все мужское населеніе работать надъ ихъ окопами, и латыши также отказывались. Тогда вильгельмовскіе гунны заперли ослушниковъ въ сарай и три дня морили ихъ голодомъ. Латыши голодали, но отъ рытья окоповъ нѣмцамъ отказывались. Гер-

[1]) „Русск. Слово", 1 августа с. г.

манцы рѣшились добиться послушанія. Для этого они выбрали тѣхъ, кто съ ними объяснялся болѣе упорно, и въ присутствіи ихъ женъ и дѣтей жестоко выпороли. Не помогло и это: латыши не хотѣли работать на нѣмцевъ. Тутъ германцы превзошли самихъ себя. Я передаю не сомнительный слухъ, а точно установленный, запротоколенный случай, дѣло, о которомъ передано въ слѣдственную комиссію по разбору германскихъ звѣрствъ. Раздраженное упорствомъ латышей, не желающихъ рыть германцамъ окопы, нѣмецкое начальство придумало новую мѣру воздѣйствія. Оно выбрало пятнадцать наиболѣе достойныхъ, отличившихся германскихъ солдатъ и въ награду имъ позволило по очереди, кинувъ жребій, выбрать себѣ пятнадцать латышскихъ дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ. Когда выборъ былъ сдѣланъ, „счастливцы", въ присутствіи отцовъ и мужей, не желавшихъ рыть нѣмецкіе окопы, изнасиловали латышекъ, а потомъ и мужчинъ и женщинъ, теперь всѣхъ уже вмѣстѣ, заперли въ сарай и сказали имъ, что въ каждаго, кто выглянетъ, будутъ стрѣлять. Несчастные,— голодные, опозоренные,—сидѣли еще сутки безъ хлѣба. На вторыя, не въ силахъ долѣе терпѣть, выглянули: германцевъ не было,—ушли. Отъ домовъ торчали однѣ печи съ трубами: все было сожжено".

Утромъ 2-го августа въ Павловскѣ умеръ Константинъ Александровичъ Варламовъ. Сцена Александринскаго театра, а равно, петроградскіе обыватели, а также и вся его почитавшая Россія понесли ужасную утрату. Своимъ могучимъ комическимъ талантомъ почившій заставлялъ слушателей забывать всѣ тяготы, невзгоды жизни, давалъ имъ чистое наслажденіе заразительнаго смѣха. Такимъ образомъ, устраняя тяжелое, печальное настроеніе, онъ удлинялъ жизнь своихъ слушателей.

Добрыя дѣла и хлѣбосольство его безграничны. Популярность его была громадна, и проводить его въ соборъ Новодѣвичьяго монастыря пришла масса народа. На глазахъ многихъ лицъ были самыя искреннія, неподдѣльныя слезы. Весь артистическій міръ и многія знакомыя называли его „дядя Костя". Съ такимъ же словомъ обращался къ нему почившій Великій Князь Константинъ Константиновичъ. К. А. Варламовъ передавалъ намъ такой разсказъ: Ѣду я на извозчикѣ по Гороховой. Вижу, идетъ мнѣ навстрѣчу, по тротуару, Великій Князь Константинъ Константиновичъ. Снялъ шляпу для привѣтствія

Его Высочества, а Великій Князь мнѣ въ отвѣтъ: Здравствуйте, дядя Костя! Слѣзъ я съ извозчика и поговорилъ съ Великимъ Княземъ. Затѣмъ, ѣду обратно на томъ же извозчикѣ и, подъѣзжая къ дому, прибавляю извозчику за остановку нѣсколько монетъ. На это мнѣ извозчикъ отвѣчаетъ: Покорнѣйше благодарю Ваше Императорское Высочество. Что ты! что ты, замахалъ я на него руками. Откуда это тебѣ въ голову пришли эти слова? Да какъ же мнѣ это не сказать, когда Великій Князь называлъ васъ дядя Костя, отвѣтилъ извозчикъ.

Намъ пришлось очень близко знать Константина Александровича и, за нѣсколько дней до его смерти, получить отъ него письмо о томъ, что ему нездоровится и что онъ никакъ не можетъ пріѣхать.

Въ полдень 2-го августа поѣхалъ его навѣстить и у воротъ дома встрѣтилъ извѣстнаго его карлика, который на нашъ вопросъ, дома ли Константинъ Александровичъ, отвѣтилъ: „Дома-то они дома, да они сегодня утромъ умерли".

Разсказываютъ, что нѣкоторые изъ нашихъ банковъ крайне щедро субсидируются Deutscher Banc'омъ и ведутъ съ Германіей торговыя сношенія.

Главными причинами дороговизны являются не столько вѣдомство путей сообщенія, сколько нѣкоторые оптовики, а главнымъ образомъ нѣкоторые банки, которые, вопреки устава, занимаются торговлей, выдаютъ подъ продовольственные запасы ссуды и задерживаютъ отъ разгрузки вагоны съ продовольственными запасами, спекулируя на нихъ. Для устраненія сего необходимо въ Петроградѣ поставить военную власть, съ военными полномочіями, которая могла бы принимать рѣшительныя мѣры, не стѣсняясь отвѣтственностью. Особенно вредоносна также дѣятельность синдикатовъ по топливу (Продуголь) и по желѣзу и чугуну (Продаметъ).

Для передачи торговыхъ и иныхъ свѣдѣній въ Германіи практикуется такой способъ. Лицо, которое въ семъ надобность имѣетъ, снабжается изъ Петрограда надлежащими для выѣзда документами, ѣдетъ въ Стокгольмъ, откуда передаетъ, что надо по телефону въ Берлинъ или другой Германскій городъ все, что считаетъ необходимымъ сообщить, а затѣмъ возвращается въ Петроградъ.

Повторяемъ еще разъ, что обмѣнъ съ Германіей инвалидами для насъ вреденъ: инвалидовъ мы ни на что не пристроимъ, а у нѣмцевъ всякій человѣкъ въ тылу на счету, и каждаго изъ своихъ инвалидовъ они приткнутъ къ дѣлу, а смѣненныхъ инвалидами пошлютъ на фронтъ.

Слышалъ разсказъ одного завѣдующаго передовымъ перевязочнымъ пунктомъ, который въ февралѣ работалъ безостановочно подъ Праснышемъ, сначала въ русскихъ войскахъ, потомъ въ нѣмецкихъ и затѣмъ опять въ русскихъ войскахъ. По его словамъ, всѣ дома этого города, переходившаго изъ рукъ въ руки, были переполнены русскими и нѣмецкими ранеными. Въ Праснышѣ нѣмцами былъ захваченъ въ плѣнъ тяжело раненый полковникъ съ нѣсколькими нижними чинами, такъ какъ остальные были всѣ перебиты. Лишь только нѣмцы превосходными силами окружили ничтожную команду, какъ полковникъ вынулъ револьверъ и застрѣлился.

Это же лицо передавало мнѣ, какъ одинъ извѣстный московскій хирургъ дѣлалъ безъ хлороформа очень тяжелую операцію одному солдату, у котораго было крайне слабое сердце.

Во все время тяжкой операціи солдатикъ не издалъ ни одного звука. А послѣ операціи, когдѣ вышелъ хирургъ вымыть руки, а раненаго хотѣли унести, послѣдній энергично воспротивился и сталъ просить придти хирурга. Когда докторъ возвратился, то раненый взялъ его руку, поцѣловалъ ее и сказалъ: „ну, теперь несите"!

Я слышалъ, что въ настоящее время германцы сильно озабочены, чтобы нѣмки въ будущемъ рожали возможно большее количество нѣмчатъ. Къ этому они пристраиваютъ прежде всего свою нѣмецкую церковь, и пасторы, въ киркахъ, должны будутъ поучать своихъ пасомыхъ, что каждому, любящему свою родину нѣмцу, обязательно необходимо имѣть свою семью. На холостяковъ будетъ гоненіе и съ большимъ на нихъ налогомъ. Заработная плата, какъ государственная, такъ и на частныхъ предпріятіяхъ, будетъ болѣе повышена для женатыхъ мужчинъ и замужнихъ женщинъ, а самая заработная плата будетъ увеличиваться, а налоги уменьшаться въ зависимости отъ числа дѣтей. Принятіе на нѣкоторыя мѣста нѣмокъ-весталокъ будетъ отмѣнено, и будутъ приняты особыя мѣры для уменьшенія смертности дѣтей.

Въ каждомъ нѣмецкомъ городѣ, для наблюденія за симъ дѣломъ, будетъ составлена особая, постоянно дѣйствующая комиссія изъ значительнаго числа членовъ, въ числѣ коихъ будутъ находиться профессора, врачи, попечители о бѣдныхъ и др.

Членомъ Г. Думы Я. Ю. Гольдманомъ внесенъ сегодня [1]) въ Г. Думу законопроектъ объ отмѣнѣ баронскихъ привилегій, подписанный членами Г. Думы въ количествѣ 204 человѣкъ.

Въ слѣдственную комиссію доставленъ протоколъ [2]) опроса судебнымъ слѣдователемъ рядового изъ крестьянъ Николая Дорожка, который показалъ слѣдующее. Нашъ полкъ находился на люблинскомъ направленіи. Первый бой, въ которомъ участвовалъ полкъ, произошелъ на разсвѣтѣ между Ивангородомъ и Новой Александріей. Послѣ прекращенія боя, полкъ расположился на отдыхъ, часть солдатъ полка и Дорожка стали помогать санитарамъ относить раненыхъ въ деревянный сарай. Часовъ около 11 ночи раздалась сильная ружейная стрѣльба. Оказалось, что деревня была окружена германцами. Наши начали отступать отъ деревни. Приблизительно въ верстѣ отъ нея Дорожка и два другихъ нижнихъ чина натолкнулись въ темнотѣ на германскій окопъ, были захвачены въ плѣнъ и доставлены въ ту деревню, отъ которой только-что отошли. Ихъ троихъ привели къ тому сараю, куда онъ, Дорожка, помогалъ носить раненыхъ, и поставили у глухой стѣнки сарая. Такъ они стояли минутъ 20. Подошедшій нѣмецкій офицеръ взялъ пукъ соломы, положилъ ее возлѣ угла сарая и поджегъ. Черезъ 2—3 минуты, когда пламя охватило крышу, изъ сарая раздались душу раздирающіе крики о помощи нашихъ раненыхъ. Въ это время къ одному изъ троихъ захваченныхъ въ плѣнъ подошелъ германскій офицеръ и выстрѣлилъ въ упоръ изъ револьвера въ плѣннаго. Тотъ свалился на землю. Тотъ же офицеръ чѣмъ-то полоснулъ по животу второго плѣннаго, и при свѣтѣ пожарища Дорожка увидѣлъ, какъ у его товарища, падавшаго на землю, вывалились изъ живота кишки. Послѣ этого Дорожка моментально метнулся въ сторону и побѣжалъ на гору. Въ догонку раздалось нѣсколько выстрѣловъ, но ни одна пуля не задѣла смѣльчака, и ему уда-

---

[1]) „Нов. Вр.“ 2 августа с. г.
[2]) „Нов. Вр.“ 3 августа с. г.

лось убѣжать къ нашимъ частямъ. Въ подожженномъ германцами сараѣ, по словамъ санитаровъ, находилось 66—68 нашихъ тяжело раненыхъ, которые сгорѣли.

Пріѣхавшіе изъ Риги разсказываютъ, что по лицамъ тамошнихъ нѣмцевъ можно составить понятіе о военныхъ дѣйствіяхъ германцевъ. Если лица радостны, то успѣхъ на сторонѣ германцевъ, если сумрачны—то успѣхъ на нашей сторонѣ.

Успѣшность дѣйствій германцевъ сопровождается нѣмецкимъ языкомъ на улицахъ и выставленіемъ въ витринахъ книжныхъ магазиновъ книгъ на нѣмецкомъ языкѣ.

Когда счастье склоняется на сторону Россіи, то нѣмецкія книги убираютъ и нѣмецкіе разговоры прекращаются.

Приводимъ интересный и трогательный разсказъ г. Михайлова [1]) про дѣянія одного изъ нашихъ полковыхъ священниковъ.

„Онъ былъ благочиннымъ одной изъ второочередныхъ пѣхотныхъ дивизій.

Когда онъ представлялся начальнику дивизіи, тотъ естественно спросилъ:

— А гдѣ, батюшка, ваши вещи? И какъ добрались вы къ намъ съ вокзала?

— Вещи? Да вотъ что на мнѣ и вотъ здѣсь,—указалъ онъ на маленькій узелокъ возлѣ себя.—А съ вокзала пришелъ пѣшкомъ.

— Ну, зачѣмъ вы, батюшка, такъ дѣлаете?! Мы экипажъ за вами выслали бы! Дождь, грязь!—заволновался генералъ.

— Ничего, мы къ этому привычны, вѣдь я же монахъ.

Это было первое съ нимъ знакомство.

А дальше рядъ путешествій по окопамъ подъ обстрѣломъ, панихиды на одинокомъ, уже покинутомъ нашими войсками кладбищѣ...

Все просто, тихо, незамѣтно...

Съ той простотой, незлобивостью и радостностью, что сохранилась во всемъ мірѣ только у нашего русскаго старенькаго и неизбалованнаго жизнью священника.

Жизнь наша, мелкая, эгоистичная, почти совершенно чужда имъ. Въ нихъ много дѣтскаго, чистаго...

---

[1]) „Веч. Вр.“ 4 авг. с. г.

Зато они больше нашего чувствуютъ ея правду.

Приходитъ, напримѣръ, какъ-то онъ къ генералу, немного взволнованный и растерянный:

— Ваше превосходительство, вы обязательно представьте меня къ кресту, къ ордену по-вашему, а то я получилъ письмо отъ своего настоятеля, онъ пишетъ, что я навѣрное плохо служу, если всѣ мои батюшки уже получили награды, а я нѣтъ! А я вѣдь ничего, ничѣмъ не провинился? Такъ представьте же, ваше превосходительство. А то негоже выходитъ.

Какъ хорошо, что онъ успѣлъ получить этотъ орденъ до своей смерти. Хотя теперь никто уже не скажетъ, что онъ плохо служилъ.

Узналъ я о его смерти въ походѣ, въ тяжелое время, когда всѣ помыслы были заняты своимъ дѣломъ. Тогда мнѣ это показалось совершенно ненужнымъ,—зачѣмъ мнѣ знать, что онъ убитъ?!

А сейчасъ... Но такія смерти нужны! Въ нихъ залогъ прекраснаго въ грядущемъ и величія въ настоящемъ! Иначе Господь не допустилъ бы ихъ!

Наша бригада съ полкомъ, гдѣ онъ былъ священникомъ, была придана сосѣднему корпусу. Корпусъ этотъ попалъ въ очень тяжелую обстановку и долженъ былъ отойти. Бригаду назначили аріергардомъ, задачей котораго было прикрыть отходъ всего корпуса. Нѣмцы давили со всѣхъ сторонъ. Ежеминутно можно было ожидать окруженія. Особенно худо пришлось полку, гдѣ былъ онъ. Полку нужно было начать отходъ днемъ, чтобы дѣйствительно не быть окруженнымъ и успѣть догнать корпусъ.

Въ цѣпяхъ съ солдатами лежалъ и батюшка.

Раздалась команда для атаки... Безъ короткаго удара отойти не было возможности. Первымъ изъ окоповъ поднялся батюшка. Повернувшись спиной къ врагу, осѣняя своихъ крестомъ, говорилъ солдатамъ онъ о трудной минутѣ, о побѣдѣ, а что ему самому негоже на старости лѣтъ попасться въ плѣнъ къ нѣмцамъ и что лучше умереть за Царя и родину.

Почти первой же вражеской пулей онъ былъ раненъ въ обѣ ноги. Упалъ со словами благословенія. А слѣдующимъ залпомъ былъ убитъ—пуля попала въ високъ.

Полкъ выполнилъ свою задачу и присоединился къ корпусу.

Батюшка въ плѣнъ не попалъ. Желаніе его исполнилось: онъ умеръ за Царя и родину. А свѣтлая память о немъ съ нами до побѣды и счастья Россіи, о которомъ онъ такъ любилъ говорить“.

Противъ того дома, гдѣ я живу въ Петроградѣ, въ музеѣ Штиглица помѣщается 3 мастерская сѣвернаго раіона Россійскаго общества Краснаго Креста.

Эта мастерская, для войсковыхъ потребностей, даетъ работу значительному количеству женскаго люда. Къ 9 часамъ утра къ дверямъ музея стекается масса женщинъ въ самыхъ разнообразныхъ одѣяніяхъ, въ шляпкахъ и платочкахъ, молодыхъ и пожилыхъ, красивыхъ и некрасивыхъ.

Въ часъ дня во время перерыва работы изъ дверей спѣшно выбѣгаютъ эти труженицы, и въ окрестныхъ булочныхъ нельзя достать ни одного кусочка хлѣба, все потребляется этими труженицами для войскъ. А когда въ седьмомъ часу вечера онѣ расходятся, то сразу вся улица заполняется женщинами. Къ зданію мастерской на подводахъ подвозятъ матеріалы и уже готовое бѣлье отвозятъ на грузовикахъ должностныя лица Краснаго Креста.

Разгрузку матеріаловъ производятъ служащіе и мальчики, при чемъ мальчики стараются набрать возможно больше матеріала и накладываютъ ношу на половину своего роста.

Иногда, въ теплую погоду, мальчики выносятъ машинки изъ мастерской на тротуаръ и наливаютъ въ нихъ масло.

Бытовая, красивая картинка, достойная, кисти художника.

Въ „Вечернемъ Времени“ отъ 5 іюня интересно описанъ нижеслѣдующій подвигъ подводной лодки „Окуня“:

„День 21 мая подходилъ къ концу. Море съ утра волновалось, но теперь понемногу успокаивалось, и заходящее солнце ярко блестѣло и искрилось на волнахъ, лѣниво догонявшихъ одна другую. На всемъ необъятномъ просторѣ ни одного парохода, ни одного паруса. Пустынно все кругомъ, и только одна точка, затерявшаяся въ открытомъ морѣ, гдѣ-то чернѣется вдали,—это подводная лодка русскаго флота, стоящая на стражѣ.

Два матроса и офицеръ съ биноклями находятся наверху и внимательно слѣдятъ за окружающимъ, не покажется ли на горизонтѣ дымокъ непріятельскихъ судовъ, не виденъ ли на водѣ перископъ вражеской подводной лодки, нѣтъ ли слѣда выпущенной ею мины и не видать ли вдали купающагося въ солнечныхъ лучахъ непріятельскаго гидроаэроплана.

Опасность грозитъ со всѣхъ сторонъ,—надо быть начеку.

Долгое томительное ожиданіе успѣло уже надоѣсть, но вотъ, гдѣ-то, на горизонтѣ, далеко, далеко къ югу, показался дымокъ.

Такъ и есть. Дымъ все гуще и больше, и видно идутъ не 2—3 корабля, а можетъ быть цѣлая эскадра.

Команда встрепенулась, на всѣхъ лицахъ выраженіе бодрости и крайняго интереса. Всѣ лѣзутъ наверхъ, всѣмъ хочется посмотрѣть непріятеля. Дымъ все растетъ и растетъ, первыя минуты всеобщаго подъема прошли, люди ушли внизъ дѣлать свое дѣло, захлопнулась крышка люка, и лодка, погрузившись въ глубину, пошла навстрѣчу судамъ.

Уже показались мачты и трубы кораблей,—ихъ такъ много, что нѣтъ буквально возможности на такомъ разстояніи сосчитать, сколько ихъ. Но всѣмъ ясно, что навстрѣчу идетъ цѣлая эскадра, и лодки, стерегущей случай, посчастливилось оказаться на ея пути.

Надо сказать, что нѣмцы, послѣ значительнаго перерыва, задумали произвести въ Балтійскомъ морѣ какую-то операцію и постарались обставить ее возможно лучше. Для этой цѣли, повидимому, и были высланы на помощь войскамъ, дѣла которыхъ въ то время въ Курляндіи обстояли весьма неважно, главныя силы германскаго флота.

Командиръ подводной лодки не отходилъ отъ перископа, противники сближаются и, наконецъ, онъ уже ясно видитъ, что навстрѣчу ему идутъ въ строѣ кильватера 10 линейныхъ кораблей типа „Брауншвейгъ“ и „Виттельсбахъ“, окруженные съ обѣихъ сторонъ роемъ миноносцевъ.

Эскадра направлялась на сѣверъ и насчитывала въ своемъ составѣ 30—40 судовъ.

Миноносцы, идя въ строѣ кильватера по обѣимъ сторонамъ линейныхъ кораблей, должны были защищать отъ нападенія подводныхъ лодокъ, но это имъ не удалось, несмотря на значительное количество миноносцевъ — 20 — 30, окружавшихъ нѣмецкую эскадру. Все вниманіе командира было обращено на линейные корабли и хотя до нихъ можно было добраться, только пройдя сквозь строй миноносцевъ, это его мало смущало. На миноносцы командиръ лодки, который уже себѣ намѣтилъ наиболѣе лакомый кусокъ въ видѣ линейнаго корабля, обращалъ вниманіе постольку, поскольку они могли мѣшать его намѣреніямъ.

Въ лодкѣ тишина; всѣ на своихъ мѣстахъ, и только жужжаніе электромотора да стрѣлка глубомѣра говорятъ, что лодка движется и идетъ на заданной глубинѣ.

— Аппараты готовь!—раздается команда; всѣ встрепенулись; значитъ, врагъ близко. Еще немного, и въ него понесутся наши

мины. Время тянется томительно медленно, почему же нѣтъ „пли“,—проносится въ умѣ.

Въ это время раздается голосъ командира: „Проходимъ въ 12—15 саженяхъ по лѣвому борту головного миноносца, который насъ не видитъ“.

Слышится работа его винтовъ. Лодка снова погружается и когда она на глубинѣ 50 футовъ, надъ ней проходитъ второй миноносецъ.

„Право. Всплывай!“

Лишь только перископъ показался на полфута надъ поверхностью воды, какъ командиръ увидѣлъ передъ собой въ 20 саженяхъ таранъ и часть борта головного линейнаго корабля, который вышелъ изъ строя, чтобы таранить подводную лодку. Разстояніе было настолько мало, что даже палубы таранящаго корабля не было видно. На лодку просто надвигалась стѣна, которая должна была ее немедленно раздавить.

„Пли“. „Право на бортъ“. „Погружайся“. „Полный ходъ впередъ!“ Вотъ только-что успѣлъ скомандовать командиръ, какъ суда уже столкнулись.

Передъ самымъ столкновеніемъ было слышно, какъ мины вышли изъ аппарата по направленію непріятельской эскадры. Раздался страшный грохотъ. Что-то ломалось, взорвалось, трещало, вся лодка дрожала, внутри летѣла посуда и всякая мелочь. Лодка накренилась на правый бортъ на 20—25 град., такъ что команда не могла стоять и держалась за что попало. Но команда оказалась на высотѣ. Всѣ приказанія были выполнены отчетливо и быстро.

Только благодаря этому, командиру удалось выйти изъ-подъ днища головного линейнаго корабля типа „Брауншвейгъ“. Пріемъ воды въ цистерны далъ возможность уйти, вѣрнѣе говоря, упасть на большую глубину, на 90 футовъ. Послѣ этого лодка поднялась до 75 футовъ, и въ это время раздался сильный взрывъ, сопровождавшійся лязгомъ желѣза. Звукъ былъ настолько силенъ, что вся команда подумала, что корпусъ лодки вѣроятно былъ поврежденъ при столкновеніи и теперь, не выдержавъ давленія забортной воды, разрывается. Предположенія однако не оправдались. Всѣ сильно обрадовались: не подлежитъ сомнѣнію, что одна изъ выпущенныхъ минъ попала и взорвала непріятельскій корабль.

Настроеніе сразу стало приподнятымъ, значитъ, не даромъ ходили и попали въ такую передрягу. Было желаніе посмотрѣть, въ чемъ дѣло, но лишь только лодка поднялась до 60 футовъ,

какъ надъ нею послышался приближающійся шумъ работающихъ гребныхъ винтовъ большого корабля, а потому, во избѣжаніе вторичнаго столкновенія, пришлось снова погрузиться.

Сколько разъ лодка ни пробовала подняться на поверхность, чтобы посмотрѣть, но изъ этого ничего не вышло, такъ какъ лишь только она подымалась до 50 футовъ, какъ надъ нею снова слышалась работа винтовъ, но теперь однихъ только миноносцевъ. Черезъ нѣкоторое время шумъ прекратился, и „Окунь", взявъ нужный путь, вышелъ изъ линіи непріятельскихъ кораблей. Судя по работѣ гребныхъ винтовъ, въ нѣмецкой эскадрѣ произошелъ полнѣйшій хаосъ и безпорядокъ. Суда въ паникѣ носились въ различныхъ направленіяхъ, артиллерійскаго огня, судя по всѣмъ даннымъ, не открывали,—на лодкѣ разрыва снарядовъ не было слышно. Благодаря отчетливому и немедленному исполненію командой всѣхъ приказаній, лодка быстро ушла изъ-подъ днища таранившаго линейнаго корабля и ему не удалось ее разрушить. Корпусъ лодки совершенно не пострадалъ и поврежденнымъ оказался только одинъ перископъ, который согнуло отъ удара на 90 градусовъ. (Онъ теперь на выставкѣ „Трофеи войны").

Лишь сальникъ перископа началъ пропускать воду въ лодку. Хотя вода и попадала въ небольшомъ количествѣ, все же это стало понемногу давать себя чувствовать и потому приходилось продувать воду изъ цистернъ и тѣмъ востановлять пловучесть. Въ 11 час. 30 мин. „Окунь" поднялся на поверхность, послѣ четырехчасового хода подъ водою на глубинѣ 80—60 футовъ.

Море оказалось совершенно пустынно, и, пользуясь лунной ночью, лодка, совершившая столь блестящее дѣло, пошла восвояси.

По приходѣ на мѣсто былъ произведенъ подробный осмотръ лодки, но никакихъ новыхъ поврежденій обнаружено не было. Перископъ тогда былъ замѣненъ запаснымъ, и „Окунь", со своей геройской командой, снова вошелъ въ строй, какъ ни въ чемъ не бывало. Старый же перископъ былъ отправленъ въ Петроградъ въ морской музей".

Большая каша заваривается на Балканскомъ полуостровѣ. Германцамъ дозарѣзу нужны на Балканахъ люди и возстаніе мусульманъ. Конечно, на первомъ планѣ это, ихъ союзники, турки; аппетиты нѣмцевъ желаютъ прихватить болгаръ, грековъ и румынъ.

Вездѣ въ этихъ странахъ правители нѣмцы, а королева греческая сестра кайзера.

На болгаръ намъ разсчитывать нельзя. Фердинандъ съ помощью нѣмецкихъ денегъ окончательно совратилъ ихъ для цѣлей Германіи. Болгарія и ея армія теперь для насъ потерянны. Но, и при такомъ положеніи, Россіи нельзя броситься съ ножемъ къ горлу на блудную свою дочь Болгарію.

Надо испытать всѣ средства, которыя надлежатъ примѣнить матери противъ блудной дочери.

Напрасно разные писаки порицаютъ дипломатію и рекомендуютъ ножевую расправу для Россіи. Для этого, вѣроятно, придетъ свое время, и болгарскія войска будутъ стрѣлять въ русскихъ изъ подаренныхъ Россіей орудій и берданокъ.

Другое дѣло Греція и Румынія. Съ ними языкъ долженъ быть другой; англо-французскій флотъ, не вошедшій за „Гебеномъ" и „Бреслау" въ Константинополь, долженъ блокировать и бомбардировать греческіе берега. Безъ этого средства намъ не помочь. Туфля Софіи Греческой придавила очень сильно своего супруга. Что же касается до Румынія, то прежній ходъ исторіи показываетъ ясно, что путь русской арміи на Балканскій полуостровъ всегда шелъ черезъ Молдавію и Валахію, именуемую нынѣ Румыніей. Веленій исторіи измѣнить нельзя никому.

Корреспондентъ „Новаго Времени", Яковлевъ, даетъ нижеслѣдующее картинное изображеніе того настроенія [1]), которое охватило населеніе провинціальной Франціи, при полученіи извѣстія о войнѣ съ Германіей:

Я былъ въ провинціи, въ маленькомъ городкѣ на берегу моря, когда начались толки о войнѣ, съ первой минуты война считалась неизбѣжной, и я долженъ сказать по совѣсти,—желательной. „Мы или они". Вотъ чувство, которое овладѣло всѣми. Слишкомъ издергала нервы французскаго народа долголѣтняя политика придирокъ, запугиваній и „угрозъ подъ условіемъ" со стороны Германіи. Чѣмъ больше ей уступали, тѣмъ наглѣе и придирчивѣе она становилась. Въ Берлинѣ явно играли на страхѣ всѣхъ передъ перспективой европейской войны, и форсировали эту игру до послѣдней степени. Въ послѣднихъ числахъ іюля нов. ст., Клемансо обнародовалъ свой разговоръ съ однимъ австрійскимъ политическимъ дѣятелемъ, который говорилъ: войны не будетъ. Но въ то время, какъ союзныя

[1]) „Нов. Вр.", 6 августа с. г.

правительства дѣлали послѣднія, отчаянныя усилія, чтобы отвести грозу, народъ своимъ чуткимъ инстинктомъ уже зналъ, что война будетъ, и что она неизбѣжна. Онъ понималъ, что уступить на этотъ разъ—значитъ фактически отказаться отъ своей національной самостоятельности, передать свои государственныя судьбы въ руки властолюбивой Германіи. Этого безъ боя французскій народъ допустить не могъ. И онъ заранѣе принялъ вызовъ.

Отъѣздъ резервистовъ сопровождался восторженными оваціями. Пѣлись патріотическія пѣсни, которыхъ я до того никогда не слыхалъ, развѣвались знамена, многократно повторялись крики: „Да здравствуетъ Франція!“ „Да здравствуетъ Россія!“

Совершенно не знали, выступитъ ли рядомъ съ нами Англія. Многіе въ этомъ открыто сомнѣвались. Но на Россію полагались, какъ на каменную гору. И эта увѣренность осталась незыблемой до настоящей минуты.

Когда телеграфъ принесъ извѣстіе, что Россіи объявлена война, въ маленькомъ городкѣ съ минуты на минуту нетерпѣливо и лихорадочно стали ждать декрета о мобилизаціи. Съ утра до ночи толпились на площади передъ мэріей, нарасхватъ читали газеты, собирались группами, безъ различія классовъ и партій, знакомые и незнакомые, на гуляньи вдоль морского берега, обмѣниваясь соображеніями и слухами. Лица, пріѣхавшія изъ Бордо, разсказывали, что тамъ арестовали трехъ нѣмцевъ, вооруженныхъ мѣшками съ пироксилиномъ, въ то время, какъ они собирались взорвать большой мостъ С.-Жанъ черезъ Жиронду, и что ихъ тутъ же разстрѣляли. За нѣмцами, которыхъ здѣсь, какъ вездѣ, было многое множество (въ день объявленія мобилизаціи, изъ Біарица и окрестностей выѣхало, по испанской границѣ, 800 нѣмцевъ), было устроено самое строгое наблюденіе. Одного нѣмца, швейцара въ большой гостиницѣ, который похвалялся, что его „соотечественники завоюютъ всю Францію, потому что всѣ французы трусы“, рыбаки избили до полусмерти. У всѣхъ была твердая увѣренность, которая и оправдалась, что Германія заготовила на всемъ пространствѣ французской территоріи своихъ агентовъ, чтобы начать „тыловую войну“, съ цѣлью помѣшать мобилизаціи. И если нѣмцамъ въ этомъ отношеніи нигдѣ не удавалось ничего сдѣлать, то это случилось только благодаря зоркой бдительности самого населенія...

Наконецъ, столь лихорадочно ожидаемый декретъ былъ полученъ. Это было въ часъ завтрака, когда на площади почти никого не было. Насъ было тутъ всего три—четыре человѣка, случайно задержавшихся. Подкатилъ мальчикъ-телеграфистъ, соскочилъ съ бициклета, и, быстро вбѣжавши по открытой каменной лѣстницѣ, исчезъ въ амбразурѣ большой двери мэріи. Минуту спустя, вышелъ мэръ, очень блѣдный, спустился внизъ и подалъ намъ роковой листокъ.

Его молча прочитывали. Вдругъ бывшій тутъ старый рыбакъ сказалъ:

— Что жъ, г. мэръ, надо бить въ набатъ.

Не дожидаясь отвѣта, онъ медленно поднялся по лѣстницѣ, на верху которой находился сводъ, въ видѣ воротъ, а подъ нимъ висѣлъ небольшой колоколъ, который когда-то сзывалъ монаховъ къ молитвѣ, потому что мэрія помѣщалась въ бывшемъ монастырѣ. Рыбакъ отвязалъ полусгнившую веревку, колоколъ покачнулся и зазвенѣлъ хрупкимъ, надтреснутымъ звукомъ. Нѣсколько мгновеній спустя, ему завторили съ церковной колокольни, и воздухъ наполнился частымъ, густымъ и тревожнымъ трезвономъ, который какъ-будто звалъ на помощь. Народъ сталъ сбѣгаться со всѣхъ сторонъ, возбужденный, взволнованный. Бѣжали босоногіе рыбаки, бѣжалъ мясникъ въ одной рубахѣ, съ засученными рукавами, бѣжали простоволосыя торговки и дамы въ шляпкахъ, почтенные старики, молодые щеголи и дѣти. Мигомъ образовалась толпа. Лица были встревоженныя, и глаза горѣли лихорадочнымъ блескомъ. Откуда-то появились два знамени, французское и русское. Грянуло: „Vive la Russie! Vive la France!“ Мощный, молодой голосъ затянулъ воинственный: „Allons, enfants, de la patrie“. Головы обнажились, и вся площадь, старые и молодые, женщины и дѣти подхватили воинственный гимнъ. И это пѣніе, подъ аккомпаниментъ колокольнаго звона, эти блѣдныя лица, и горѣвшіе рѣшимостью глаза, эти поднятые кверху кулаки и призывы къ оружію производили потрясающее впечатлѣніе.

Двѣ партіи раздѣляли до того маленькій городъ: партія мэра (республиканцы) и партія противъ мэра (консерваторы и клерикалы). Вражда между ними доходила дотого, что булочникъ, молочникъ, мясникъ и всякій другой торговецъ-консерваторъ, отказывались поставлять свои товары республиканцамъ и наоборотъ. Каждая партія имѣла свой оркестръ и праздновала свои праздники отдѣльно отъ другой.

Въ этотъ день вожакъ клерикальной партіи подошелъ, пу-

блично, на площади къ мэру и, протянувши ему руку, сказалъ:—Забудемъ раздоры. Будемъ помнить, что мы всѣ французы, и имѣемъ одинаковыя обязанности передъ отечествомъ.

Въ ознаменованіе состоявшагося союза въ этотъ вечеръ, оркестры враждебныхъ партій, еще утромъ, играли на площади гимны союзныхъ націй, и ораторы республиканцевъ и консерваторовъ призывали земляковъ къ борьбѣ съ общимъ врагомъ...

Не смѣйтесь. То, что произошло въ этотъ день въ этой крохотной ячейкѣ, произошло въ то же время на всемъ пространствѣ французской территоріи. Это былъ актъ того „union sacrée“, который только нѣсколько дней спустя былъ торжественно провозглашенъ въ историческомъ засѣданіи палаты и длится до сихъ поръ.

Нѣмцы, которые имѣли во Франціи столько соглядатаевъ, столько газетныхъ корреспондентовъ, которые десять разъ на день телеграфировали о самыхъ пустяковыхъ событіяхъ, и думали, что знаютъ Францію, не предвидѣли этого самаго крупнаго. Въ числѣ факторовъ, на которые они разсчитывали, чтобы побѣдить французовъ, не послѣднее мѣсто занималъ расчетъ на внутреннія междоусобія.

Японская газета „Ямато“ [1]) продолжаетъ настаивать на необходимости отправить Японскую армію въ Европу.

Нѣмецкое засилье на Руси, по земельному вопросу и нѣмецкимъ торговымъ и акціонернымъ предпріятіямъ, стоитъ попрежнему на мертвой точкѣ. Членъ Государственнаго Совѣта, кн. А. И. Лобановъ Ростовскій предлагаетъ [2]) создать особое высшее государственное установленіе: приходится теперь озаботиться созданіемъ такого высшаго государственнаго установленія, которому никакое правительственное мѣсто или лицо не даетъ предписаній и не можетъ требовать отъ него отчета, которое могло бы справиться съ трудной задачей борьбы съ вражескимъ засильемъ внутри страны. Такимъ установленіемъ могло бы быть пятое особое совѣщаніе, учреждаемое по образцу вышеприведенныхъ предлагаемыхъ Государственной Думой четырехъ особыхъ совѣщаній. Это пятое особое совѣщаніе, для

[1]) „Русск. Сл.“, 4 августа с. г.
[2]) „Нов. Вр.“ 6 августа 1915 г.

обсужденія и объединенія мѣропріятій по борьбѣ съ засильемъ въ Россіи подданныхъ воюющихъ съ ней державъ, могло бы состоять изъ предсѣдателя, назначеннаго по непосредственному избранію Государя Императора, и изъ членовъ, избираемыхъ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой изъ своей среды, а также и изъ сенаторовъ.

На-ряду съ этимъ должны быть образованы мѣстныя учрежденія для проведенія въ жизнь издаваемыхъ особымъ совѣщаніемъ мѣропріятій, подчиненныя въ порядкѣ надзора и руководства особому совѣщанію.

Жалобы и протесты, на рѣшенія мѣстнаго учрежденія, должны направляться въ особое совѣщаніе и имъ разрѣшаться окончательно.

Мѣстныя учрежденія должны состоять изъ начальниковъ отдѣльныхъ частей мѣстнаго управленія съ широкимъ привлеченіемъ въ ихъ среду представителей земства, городовъ, торговыхъ палатъ, биржевыхъ комитетовъ, кооперативныхъ союзовъ, сельскохозяйственныхъ обществъ и т. д., при чемъ эти мѣстныя учрежденія должны быть вооружены всѣми способами повѣрки доказательствъ, предоставленными судебнымъ установленіямъ. Допросы свидѣтелей подъ присягой, обыски, выемки, осмотры на мѣстѣ и допросы окольныхъ людей—все это нынѣ не можетъ быть достигнуто.

Вотъ какіе порядки были обнаружены въ маѣ текущаго года, въ митавской больницѣ общественнаго призрѣнія, при внезапномъ осмотрѣ больницы со стороны властей, не подчиненныхъ губернатору [1]).

„При осмотрѣ палатъ оказалось, что вмѣстѣ съ двумя германцами, въ одной палатѣ, находился нашъ больной солдатъ, котораго перевели въ другой лазаретъ; остальные наши раненые и больные солдаты въ числѣ 17 человѣкъ помѣщаются въ другихъ палатахъ. Германцы содержатся въ чистомъ бѣльѣ и бѣлыхъ чистыхъ повязкахъ и, несмотря на тяжкія раненія, имѣютъ здоровый и бодрый видъ. Даже раненый шпіонъ, благодаря хорошему уходу, совершенно оправился и можетъ быть удаленъ изъ больницы. Ничего хорошаго не замѣчено по отношенію къ нашимъ русскимъ солдатамъ: въ тифозномъ отдѣленіи помѣщается казакъ и другой солдатъ. Спятъ они на

---

[1]) „Нов. Вр.“, 5 августа с. г.

грязныхъ постеляхъ, покрывшись шинелями, никакого питья имъ не поставлено и въ палатѣ холоднѣе, чѣмъ въ другихъ. Изъ негласнаго опроса, обслуживающихъ больницу служителей, подтвердилось, что германцы и шпіонъ пользуются полнымъ вниманіемъ старшаго врача и сестеръ милосердія—нѣмокъ: если русскому отпускаютъ одно яйцо, то германцамъ и шпіону даютъ по четыре и т. п. Получаютъ (германцы) также шоколадъ, фрукты и виноградъ, и при нихъ дежурятъ поочередно сестры милосердія нѣмки".

Петроградскій обыватель не принадлежитъ ни къ правымъ, ни къ лѣвымъ, ни къ партіямъ центра Государственной Думы, а какъ подобаетъ безпристрастному сотруднику историческаго журнала, находится въ составѣ той необъятной партіи Россіи, которая больше всего на свѣтѣ любитъ свою родину. Поэтому ему, простому обывателю, не стѣсненному партійными шорами, старающимися смотрѣть на событія подъ опредѣленнымъ угломъ партіонныхъ взглядовъ, представляется гораздо легче разобраться въ томъ интересномъ историческомъ событіи, какъ проходилъ въ Государственной Думѣ вопросъ о нѣмецкомъ засильѣ. Прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что изъ всего числа членовъ Государственной Думы на заявленіи объ образованіи комиссіи для борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ и по дороговизнѣ подписалось всего только 37 человѣкъ. Цифра эта очень показательна. Данныя рѣчи въ Г. Думѣ по этому поводу, весьма искусно сгрупированныя и произнесенныя А. Н. Хвостовымъ съ большимъ подъемомъ и часто прерываемыя рукоплесканіями, уже неоднократно появлялись на страницахъ замѣтокъ петроградскаго обывателя; почему мы ихъ повторять не будемъ за исключеніемъ слѣдующаго мѣста, намъ совершенно неизвѣстнаго.

„Вся русская печать, отъ правыхъ до лѣвыхъ органовъ, указывала не разъ, какимъ путемъ ведется нѣмецкій шпіонажъ. Мясоѣдовъ устроилъ его по германскому рецепту, согласно которому во главѣ промышленныхъ и пароходныхъ предпріятій ставились преданныя, нужныя для шпіонажа лица. Вся печать требовала обратить вниманіе на германскія промышленныя предпріятія. Во Франціи и въ Англіи эти предпріятія секвестровали, а у насъ все ограничилось тѣмъ, что министръ финансовъ внесъ законопроектъ о прекращеніи выдачи промысловыхъ свидѣтельствъ. А какъ ликвидируются нѣмецкія пред-

пріятія,—вы, господа, сами знаете. Огромныя торговыя заведенія, съ полуторамилліоннымъ капиталомъ, сбываются чуть ли не за сто рублей какому-нибудь племяннику нѣмца-владѣльца, который продолжаетъ дѣло на прежнихъ основаніяхъ.

Промышленныя предпріятія министръ финансовъ находитъ необходимымъ оставить въ рукахъ нѣмцевъ, потому что они нужны, якобы, для работъ по государственной оборонѣ. Между тѣмъ, самъ министръ финансовъ указываетъ, что „находящіеся въ Россіи подданные воюющихъ съ нами державъ изобличаются во враждебныхъ ей дѣйствіяхъ, начиная отъ прямого шпіонажа и кончая возбужденіемъ разнаго рода неудовольствій среди рабочихъ". Такимъ образомъ, самъ министръ финансовъ признаетъ находящихся въ Россіи германскихъ подданныхъ вредными для Россіи, но далѣе онъ пишетъ: „Однако, разсматриваемыя мѣры (т.-е. конфискація или секвестрація этихъ предпріятій) существенно затрогиваютъ интересы русскихъ торговопромышленныхъ и банковыхъ круговъ, въ виду тѣсной ихъ связи съ германскими и австрійскими предпріятіями. Вслѣдствіе этого, эти предпріятія надлежитъ оставить въ покоѣ» [1]).

Во время преній по поводу рѣчи Хвостова факты нѣмецкаго засилья подтвердилъ извѣстный знатокъ прибалтійскихъ дѣяній кн. С. П. Мансыревъ.

Депутаты Ѳ. Адріановскій и М. А. Карауловъ привели возмутительные факты нѣмецкаго засилья на тѣхъ заводахъ, гдѣ на государственную оборону работаютъ нѣмцы, а крестьянскій депутатъ К. А. Тарасовъ свою рѣчь по этому поводу закончилъ такъ: „освобожденіе отъ нѣмецкаго засилья крестьяне приравниваютъ къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости".

Представители отъ правительства дали нѣкоторыя разъясненія по поводу нѣкоторыхъ фактовъ о нѣмецкомъ засильи.

По вопросу о нѣмецкомъ засильи думскій центръ безмолвствовалъ.

Со особой страстностью противъ смысла предложенія законопроекта о нѣмецкомъ засильи говорили кадеты, съ нѣкоторыми іезуитскими пріемами, и совершенно открыто крайніе лѣвые.

Общій смыслъ построенія всѣхъ этихъ рѣчей заключался въ извѣстномъ изреченіи Св. Евангелія: „Изъ Назарета можетъ ли быть что доброе".

---

[1]) „Русск. Слово" 4 августа с. г.

Предложеніе о нѣмецкомъ засильи внесено правыми, утверждавшими, въ прежнее время, судя по нѣкоторымъ, приведеннымъ въ рѣчахъ, фактамъ, о своей приверженности къ Германіи, а потому можетъ ли быть что доброе изъ Назарета. Далѣе очень тонко проводилась мысль о томъ, что обсужденіе нѣмецкаго засилья противорѣчитъ вопросу о равноправіи національностей, вѣротерпимости, и опасности для разрѣшенія аграрнаго вопроса отнятіемъ земель у нѣмцевъ.

Наиболѣе характерными были рѣчи Керенскаго и представителя прибалтійцевъ барона Мейндорфа.

Историческую дѣятельность нѣмецкихъ колонистовъ, о которыхъ, повидимому, не могло бы быть иной рѣчи, А. Ѳ. Керенскій характеризуетъ такъ [1]):

„Кто же эти нѣмецкіе крестьяне-колонисты? Тѣ ли это насильники, тѣ ли представители нѣмецкой политики, мысль которыхъ сковывала русскую политическую мысль, свободу и русскую государственность? Нѣтъ, это тѣ, которыхъ призвали Екатерина и Александръ I въ то время, когда херсонскія и крымскія земли лежали втуне, для того, чтобы они ихъ культивировали, создали хозяйство и богатство страны, которые 150 лѣтъ клали туда свою жизнь, свой трудъ, вмѣстѣ съ нами создали силу и мощь Русскаго государства“.

Депутатъ этотъ „отъ имени своихъ друзей рѣзко заявляетъ, что трудовая группа будетъ голосовать противъ предложенія правыхъ, о созданіи комиссіи для борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ, считая предложеніе это грубой и скверной демагогіей“.

Членъ Государственной Думы баронъ А. Ѳ. Мейндорфъ въ началѣ своей рѣчи заявляетъ радость по поводу учрежденія комиссіи борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ, такъ какъ у насъ будетъ и такая инстанція, передъ которой мы будемъ имѣть возможность излагать факты такъ, какъ они въ дѣйствительности есть [2]).

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣчь депутата касается прибалтійскаго засилья, его рѣчь очень слаба. Относительно рѣчи кн. Мансырева о прибалтійскомъ засильи баронъ говоритъ, что огромный процентъ фактовъ, которые онъ выдвигаетъ является недостаточно достовѣрнымъ. По нашему обывательскому мнѣнію прибалтійскому депутату надлежало сказать—это неправда, что нѣкоторые изъ прибалтійскихъ бароновъ съ радостью встрѣ-

[1]) „Рус. Сл.“ 4 августа с. г.
[2]) „Нов. Вр.“, 5 августа с. г.

чали германскія войска, это неправда, что нѣкоторые изъ прибалтійскихъ бароновъ давали цѣнныя свѣдѣній для германцевъ и теперь находятся среди германскихъ войскъ, это неправда, что нѣкоторые изъ братьевъ и сыновъ прибалтійскихъ бароновъ служатъ офицерами въ германскихъ войскахъ, это неправда, что нѣкоторые изъ прибалтійскихъ бароновъ воспретили своимъ работникамъ уничтожать посѣвы и т. д.

Но онъ этого сказать не могъ, а привелъ единичный фактъ, какъ дурно обращаются съ прибалтійскимъ барономъ, заподозрѣннымъ въ шпіонствѣ, о томъ, какъ поголовно выселяются въ Волынской губ. всѣ нѣмецкіе колонисты, и въ то же время забывается, что ихъ сыновья были взяты въ войска. Сыновья берутся, ими пользуются какъ военной силой, а всю семью высылаютъ. Но этого мало.

Трудно понять обывателю, что же надо дѣлать русскимъ властямъ: или не выселять колонистовъ или небрать колонистовъ на службу въ войска.

За то въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣчь шла о догматахъ кадетскаго исповѣданія, то она отличается двумя сильными мѣстами: бросьте русскому народу кость нѣмецкихъ колоній, бросьте ему кость добраго имени русскихъ нѣмцевъ, быть можетъ онъ на этомъ успокоится.

Подумайте одну минуту еще и о слѣдующемъ: многіе изъ васъ относятся снисходительно, а многіе одобрительно къ тѣмъ драконовскимъ мѣрамъ, которыя примѣняются къ русскимъ евреямъ. Выселеніе 500 тыс. человѣкъ—это мѣра драконовская и для меня въ высокой степени противная и отвратительная.

Эти мѣста произвели, повидимому, на многихъ членовъ Государственной Думы сильное впечатлѣніе: умѣнье дискредитировать среди присутствовавшимъ нежелательное предложеніе брошенной костью „добраго имени русскихъ нѣмцевъ“ и жгучимъ еврейскимъ вопросомъ.

Можно съ полной достовѣрностью предположить, что въ будущее время на платформахъ многихъ партій новыхъ думскихъ вѣяній борьбы противъ нѣмецкаго засилья не появится.

---

6 августа. „Латышская газета „Rigas Zinas“ сообщаетъ, что при вступленіи германцевъ въ им. В., владѣлецъ имѣнія, баронъ N, выслалъ навстрѣчу германскому отряду шесть вооруженныхъ

женныхъ колонистовъ, которые обязаны были, въ случаѣ встрѣчи съ казаками, выдать себя за латышскихъ работниковъ. По приказанію барона N., латыши принуждены были выдать всѣ велосипеды и оружіе; въ случаѣ отказа, баронъ пригрозилъ сжечь всѣ латышскія усадьбы“ [1]).

Въ комиссію слѣдственную доставленъ протоколъ опроса прапорщика Василія Ерункова, который показалъ слѣдующее. Онъ участвовалъ въ бояхъ въ Галиціи у селенія Татаринова. Въ саженяхъ 300 отъ селенія Татаринова, была обнаружена сгорѣвшая хата и среди сгорѣвшаго матеріала Еруновъ замѣтилъ около 30 труповъ, часть которыхъ такъ сильно обгорѣли, что нельзя было отличить ни лица, ни другихъ частей тѣла; у 5—6 труповъ, которые обгорѣли не такъ сильно, остались куски верхней одежды, по которымъ можно было опредѣлить съ достовѣрностью, что одинъ изъ труповъ былъ офицеръ, а остальные солдаты нашей арміи [2]).

---

7 августа. Въ „Вечернемъ Времени“ отъ 7 августа с. г. напечатанъ интересный документъ:

„Въ статьяхъ о Мясоѣдовѣ упоминалась между прочимъ фабрика, директоромъ которой онъ состоялъ. Къ намъ въ редакцію прислано печатное извѣщеніе „Русскаго акціонернаго общества целлюлозной фабрики Вальдгофъ“, которое считаемъ не лишнимъ привести дословно.

М. Г.

Правленіе русскаго акціонернаго общества целлюлозной фабрики Вальдгофъ симъ доводитъ до вашего свѣдѣнія, что общимъ собраніемъ акціонеровъ 2 сего ноября членами правленія избраны:

Тайный совѣтникъ Василій Петровичъ Назаровъ,

Дѣйств. стат. сов. Оттонъ Генриховичъ Фрейнатъ,

Тайный совѣтникъ Павелъ Викентьевичъ Кухарскій,

Генералъ-маіоръ Константинъ Дмитріевичъ Дуплицкій,

Личн. почетн. гражд. Альфредъ Ѳедоровичъ Тиме, а кандидатами въ члены правленія:

Дѣйств. стат. сов. Оскаръ Александровичъ Бракманъ,

---

[1]) „Нов. Вр.“, 6 августа сего года.

[2]) Тамъ же.

Полковникъ Сергѣй Николаевичъ Мясоѣдовъ.

Директорами-распорядителями нашего общества намѣчены:

Адольфъ Фридриховичъ Лембергъ и

Георгій Маврикіевичъ Россманъ.

Кромѣ того предоставлено право подписывать отъ имени общества:

Герману Андреевичу Іогансену и

Гуго Гуговичу Мюльбергу.

Завѣдывающими нашими лѣсными конторами назначены:

Въ гор. Петроградѣ—Бруно Георгіевичъ Прокопе.

Въ гор. Великихъ Лукахъ—Юліусъ Юльевичъ Мюллеръ и Германъ Андреевичъ Іогансонъ.

Въ гор. Архангельскѣ—Яковъ Алексѣевичъ Прокопьевъ и Гаральдъ Адольфовичъ Динесъ.

Въ гор. Онегѣ—Николай Ивановичъ Королевъ и

Въ гор. Сердоболѣ—Аксель Іоганновичъ Аньелинъ.

Обращаемъ вниманіе на, помѣщенныя на оборотѣ сего, подписи членовъ правленія, директоровъ-распорядителей, уполномоченныхъ и завѣдывающихъ конторами. Уполномоченные пользуются правомъ подписывать отъ имени общества лишь совмѣстно съ однимъ изъ членовъ правленія или директоровъ-распорядителей. Завѣдующіе лѣсными конторами будутъ подписывать самостоятельно на основаніи общей довѣренности.

Правленіе Русскаго Акціонернаго Общества Целлюлозной фабрики Вальдгофъ".

Перновъ, 15 ноября 1914 г.

9 августа. „По распоряженію главнаго начальника кіевскаго военнаго округа всякія суммы, принадлежащія компаніи Зингеръ, въ томъ числѣ платежи за проданныя въ разсрочку машины, должны вноситься въ казенную палату" [1]).

Таковы распорядки въ Кіевѣ, въ Петроградѣ иное: зданіе сей компаніи горделиво высится передъ Казанскимъ соборомъ и продажа производится немедленно и безпрепятственно каждому. Оно и не мудрено: компанія Зингеръ поставляетъ швейныя машины въ важныя учрежденія и важнымъ лицамъ.

---

10 августа. Въ Петроградѣ, на улицахъ, радостныя манифестаціи. Петроградъ проживаетъ радостное время при полу-

[1]) „Нов. Вр.", 9 августа сего года.

ченіи извѣстій о пораженіи германскаго балтійскаго флота, въ его полномъ составѣ, въ Рижскомъ заливѣ, съ потерями 11 германскихъ вымпеловъ. У насъ, въ неравномъ бою, погибла геройски канонерская лодка „Сивучъ".

---

11 августа. Читая непрестанныя описанія о чисто скотскихъ звѣрствахъ нѣмцевъ, всегда надо имѣть въ виду, что сказала одна высокопоставленная дама про нѣмцевъ. — Нѣмецъ это не человѣкъ—это чортъ; это былъ отвѣтъ на вопросъ, какъ могли культурные нѣмцы, обитатели страны Гете, Канта и Шиллера, снизойти до такихъ варварствъ. Намъ кажется, что наилучшей иллюстраціей души—чорта-нѣмца будетъ слѣдующее описаніе Н. Кравченко, разсказанное однимъ офицеромъ и воспроизведенное въ „Новомъ Времени" 11 августа сего года:

— Я нѣмца знаю. Я узналъ душу его уже давно, лѣтъ четырнадцать назадъ, еще будучи въ Китаѣ, и съ тѣхъ поръ кромѣ отвращенія эти люди не могутъ вызывать у меня иного чувства. Хотите разскажу?

У меня былъ великолѣпный австралійскій конь. Купилъ у какого-то англичанина. Рѣзвый, сильный, счастливо пережившій все время защиты Тяньцзина. Я его очень любилъ и вмѣстѣ съ нимъ проводилъ ежедневно по нѣсколько часовъ вдали отъ города, отъ той смѣшанной, многоязычной толпы, которой была набита вся европейская часть. Однажды, когда его чистили, во дворѣ, вбѣжала бѣшеная собака, бросилась на конюха, а затѣмъ на коня, вцѣпившись въ его ногу. Собаку убили. Всѣ врачи, узнавъ объ этомъ случаѣ, совѣтовали мнѣ поскорѣе кончить съ конемъ, который, взбѣсившись, могъ надѣлать много бѣдъ. Скрѣпя сердце, я, конечно, согласился, но старался отдалить эту тяжелую минуту. Ходилъ къ нему по утрамъ, ласкалъ, кормилъ его сахаромъ, смотрѣлъ въ его большіе красивые глаза, какъ-то особенно грустно смотрѣвшіе на меня, и съ тяжелымъ чувствомъ покидалъ его.

Какъ-то, утромъ, мой бой доложилъ мнѣ, что пришелъ какой-то нѣмецкій офицеръ. Щелкнувъ шпорами, онъ отрекомендовался. Пригласивъ его сѣсть, я спросилъ: чѣмъ могу служить?

Поминутно сбиваясь, онъ началъ говорить о случаѣ съ моей лошадью, о томъ, что всѣ говорятъ объ этомъ въ концесіи и т. п. Мнѣ непріятно было продолжать разговоръ на эту тему, и я сухо спросилъ его: чего онъ собственно хочетъ? Лицо его сдѣлалось серьезно и, глядя на меня, онъ сказалъ:

— Я хотѣлъ бы просить у васъ, господинъ капитанъ, разрѣшить мнѣ убить вашу лошадь.

Неожиданность такой фразы заставила меня всего передернуться.

Молча и въ недоумѣніи просмотрѣлъ я ему въ глаза, въ эти бездушные сѣрые зрачки, которые такъ упорно уставились на меня.

— Вѣдь все равно—сегодня или завтра вамъ придется это сдѣлать, продолжалъ онъ, выждавъ нѣсколько секундъ. Я слышалъ, что вы любили вашего коня, и съ удовольствіемъ избавлю васъ отъ необходимости самому его убить.

Я согласился, и онъ ушелъ. Не буду вамъ говорить, что я чувствовалъ съ этого момента, но какое-то странное, тревожное чувство не давало мнѣ покоя и, въ тотъ день, когда это должно было совершиться, я поѣхалъ за ипподромъ, гдѣ должны были закопать моего коня, поѣхалъ раньше — хотѣлъ проститься съ нимъ...

Но я опоздалъ. Еще издали я видѣлъ толпу китайцевъ и китайчатъ вмѣстѣ съ нѣсколькими солдатами, окружившими моего бѣднаго коня, привязаннаго къ столбу. Я вылѣзъ изъ рикши и незамѣтно подошелъ къ своему конюху, стоявшему немного дальше. Въ это время нѣмецъ осторожно оглаживалъ храпѣвшаго и пугливо на него оглядывавшагося коня, хлопалъ его по лоснящейся упругой шеѣ и расправлялъ гриву.

— Отъ,—сорвалось у моего вѣстового, изъ глазъ котораго текли слезы.—Только мучаетъ.

Спазмы сдавили и мое горло. Я хотѣлъ было повернуть назадъ и не могъ,—точно меня приковали къ землѣ.

Нѣмецъ отошелъ шаговъ на тридцать назадъ, все время не спуская своихъ глазъ съ дрожавшаго коня, не глядя, взялъ изъ рукъ своего денщика двуствольный штуцеръ и приложился. Потомъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, приложился опять, мучительно долго прицѣливался и... выстрѣлилъ...

Мой бѣдный конь взвился на дыбы. По груди потекла струйка темной крови. Онъ сталъ бросаться изъ стороны въ сторону, но оторваться не могъ. Нѣмецъ нѣсколько разъ прикладывался, потомъ подбѣжалъ къ нему ближе и, какъ-то странно подпрыгивая, что-то говорилъ. Я не замѣтилъ, какъ растолкалъ толпу и вышелъ впередъ, весь дрожа и готовый каждую минуту броситься на этого палача, въ глазахъ котораго явилось какое-то дикое, злобное выраженіе.

Улучивъ минуту, когда конь твердо сталъ на всѣ четыре

ноги, нѣмецъ, не обращая вниманія на то, что передъ нимъ были китайцы, выстрѣлилъ еще разъ. Конь упалъ. Но сейчасъ же сталъ на переднія ноги и тихо заржалъ. Мнѣ показалось, что изъ глазъ его потекли слезы, а можетъ—онъ просто вспотѣлъ, не знаю.

Проклятый нѣмецъ, что-то бормоча себѣ подъ носъ, полѣзъ дрожащей рукой въ карманъ за патронами и сталъ заряжать свой штуцеръ. Но я опередилъ его: довольно грубо оттолкнувъ, подбѣжалъ къ моему бѣдному Васькѣ, прижалъ его вдругъ притихшаго, голову къ себѣ, поцѣловалъ въ челку и, сунувъ дуло браунинга въ ухо, выстрѣлилъ. Онъ взметнулся кверху, упалъ на бокъ и сталъ вытягивать свои упругія ноги...

Ни на кого не глядя, я прошелъ къ рикшѣ и въ тотъ же день уѣхалъ въ Артуръ. Съ тѣхъ поръ я никогда не бывалъ среди нѣмцевъ".

12—15 августа. Оригинальное отношеніе Италіи къ нашему союзу. Италіанцы воюютъ съ австрійцами и не воюютъ съ германцами; говорятъ, что, переодѣтые австрійцами, германцы воюютъ въ австрійскихъ войскахъ противъ италіанцевъ.—Это предположеніе имѣетъ полный характеръ достовѣрности, такъ какъ теперь германцы не пускаютъ нигдѣ самостоятельно сражаться австрійцевъ и вездѣ часть офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и германскихъ солдатъ влѣзаютъ въ видѣ кадра въ каждую австрійскую часть.

Въ это же время германскій посланникъ мирно живетъ въ Римѣ и по германскому обычаю изощряется въ шпіонскихъ дѣяніяхъ. Довольно странная картина. Италія по сіе время также въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Турціей; тоже изумительно.

Въ „Вечернемъ Времени" отъ 12 августа, такъ описывается неравный, геройскій бой „Сивуча" 6 августа с. г.

Изъ всей нашей эскадры, работавшей въ Рижскомъ заливѣ, „Сивучъ" и „Кореецъ" обладали наименьшей скоростью хода, что въ значительной степени затрудняло совмѣстныя дѣйствія канонерокъ съ миноноснымъ флотомъ. Малочисленность нашихъ силъ кромѣ того заставила наши миноносцы дѣлать быстрые переходы съ одного мѣста на другое, чтобы парализовать дѣйствія нѣмцевъ. Поэтому „Кореецъ" и „Сивучъ" предоставлены

были самимъ себѣ и должны были надѣяться на свои силы, если поблизости не оказывалось поддержки со стороны нашихъ быстроходныхъ судовъ.

На мостикѣ „Сивуча“ и „Корейца“ стояли командиры съ биноклями въ рукахъ. Дозорные слѣдили, не покажутся ли на горизонтѣ дымки, не скользнетъ ли гдѣ подводная лодка.

Ничего не было видно. Выжидательное настроеніе слегка улеглось. Машинамъ дали средній ходъ. Люди разбрелись по каютамъ, кромѣ часовыхъ, и потихоньку разговаривали о нѣмцѣ.

„Сивучъ“ съ „Корейцемъ“ сговорились идти вмѣстѣ, другъ за другомъ, при чемъ „Сивучъ“ пошелъ впереди.

До 8 часовъ вечера шли среднимъ ходомъ по пустынному морю. Отъ Риги осталось разстояніе 60 миль, до берега было 25 верстъ. Шли почти посрединѣ Рижскаго залива.

Стало уже темнѣть, и началъ спускаться легонькій вечерній туманъ. Сквозь него все-таки можно было различить линію горизонта. Ходу не прибавляли. Къ вечеру настроеніе опять сдѣлалось тревожнымъ. Подходили какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ утромъ предполагались непріятельскія суда.

Стали внимательнѣе всматриваться въ туманъ. Люди попритихли.

— На горизонтѣ дымокъ виденъ въ туманѣ!—пронеслось по всей командѣ.

Солнце зашло, стало темнѣть, туманъ сгущался.

— Показалось! — подумали всѣ, напряженно всматриваясь въ указанную сторону.

Вдругъ сбоку полилась свѣтлая лента сквозь туманъ и стала щупать по всѣмъ направленіямъ море.

Съ вышки донесли, что сквозь туманъ едва виденъ крейсеръ. Не могли только различить яснѣе. Кажется, трехтрубный.

Нашъ или не нашъ? Можетъ быть, въ подмогу идутъ.

Минуты двѣ жуткая свѣтлая лента описывала гигантскіе круги отъ центра, повыше горизонта.

Двѣ минуты еще, и ослѣпительный огненный глазъ мигнулъ на „Корейца“, остановился. Видно было, что онъ быстро приближался.

— Нѣтъ, не нашъ! нѣмецъ!

— Полный ходъ впередъ, орудія готовься!

Крейсеръ шелъ на „Корейца“ съ кормы, нѣсколько сбоку. Блеснули огни, раскатился первый залпъ. Надъ „Корейцемъ“ пролетѣли съ визгомъ снаряды и упали за бортомъ, поднявъ столбы воды.

— Господи, благослови!—пронеслось по командѣ.

Раздался второй залпъ. Снаряды опять дали перелетъ. „Кореецъ“ далъ полнаго хода впередъ. Но 12 узловъ и 28 ясно показывали, что нашему удальцу не уйти. Надо было принять бой.

— Бѣглый огонь всѣхъ орудій пли!—скомандовалъ командиръ, когда крейсеръ подошелъ ближе. „Кореецъ“ задрожалъ, загудѣлъ, запѣли его снаряды. Остовъ судна дрожалъ отъ стремительнаго напряженія котловъ. Былъ данъ полный паръ.

Однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ носовой пушки „Корейца“ разбили глазъ нѣмецкаго великана. На крейсерѣ показалось пламя: на кормѣ вспыхнули электрическіе провода.

„Иду къ вамъ“, сообщилъ „Сивучъ“. Онъ ушелъ далеко впередъ и теперь, видя, что нѣмецъ нагналъ „Корейца“, сворачивалъ вправо и шелъ назадъ на помощь „Корейцу“.

Съ праваго борта миноносцы! Изъ тумана вынырнули три германскихъ миноносца. Это было неожиданно, но „корейцы“ не растерялись. Заговорилъ правый бортъ. Подоспѣлъ „Сивучъ“ и тоже началъ огонь по миноносцамъ и крейсеру.

Но было ясно, что участь нашихъ удальцовъ рѣшена.

Огромный трехтрубный нѣмецкій крейсеръ подошелъ на 4 кабельтовыхъ и буквально ревѣлъ, а не стрѣлялъ. Бѣглымъ огнемъ онъ непрерывно сыпалъ градъ снарядовъ, точно изъ пулемета. Шестидюймовые снаряды ложились все ближе и ближе. Съ другой стороны летѣли снаряды съ миноносцевъ.

Боялись минъ. Внимательно слѣдили, не заборроздятъ ли грядки воды, чтобы увернуться отъ пущенной мины. Но минъ нѣмцы не пускали. Все равно, рѣшили, и такъ добьютъ.

„Кореецъ“ рванулся впередъ, „Сивучъ“ обогнулъ его корму и пошелъ сзади. Крейсеръ подошелъ еще ближе къ „Сивучу“—на 200 саженъ и стрѣлялъ въ упоръ, „Кореецъ“ уходилъ, совѣтуя „Сивучу“ также дать полный ходъ. Нѣмцы сосредоточили весь огонь на „Сивучѣ“. Съ „Корейца“ видно было, какъ корпусъ „Сивуча“ вздрогнулъ, ходъ его уменьшился, и онъ остановился.

Нѣмецкіе снаряды разбили его машину, „Сивучъ“ былъ обреченъ. Казалось, что онъ развалится отъ своей же стрѣльбы. Маленькій герой не стрѣлялъ, а буквально надрывался отъ стрѣльбы.

Но это былъ предсмертный бой...

Видя, что „Сивуча“ не спасти, „Кореецъ“ далъ полный ходъ впередъ. На кормѣ столпились люди и, несмотря на

страшный адъ артиллерійскаго огня, наблюдали за сверхгеройскими усиліями „Сивуча“.

Сердце разрывалось отъ боли при видѣ гибели его и при видѣ предсмертной борьбы. Помочь нельзя было. Спасти когонибудь,—объ этомъ не могло быть и рѣчи. Вокругъ „Сивуча“ море пѣнилось и бурлило, какъ бурный потокъ, осколки, снаряды, обломки судна разлетались страшными брызгами далеко впередъ.

Мигъ—и не стало трубъ, точно срѣзало ихъ. Мачты рухнули, какъ перышки, съ палубы были снесены борта. Залпъ за залпомъ били нѣмцы крошечное судно.

Взрывы, дымъ, столбы пламени. Изрѣдка среди ада пламени рева и дыма мелькала человѣческая фигура. Наблюдателямъ видно было, что дѣлалось на суднѣ.

„Сивучъ“ сдаться не хотѣлъ. Но какъ онъ боролся!

Была ли когда-нибудь такая борьба? Врядъ ли. Моря не видали „этого“. У нѣмца сшибли прожекторъ. Стало темно. Вдругъ сверху полился снопъ ровнаго свѣта.

— Аэропланы!.. Пулеметы, пли! На „Корейцѣ“ заработали пулеметы. Въ первый моментъ напряженные нервы поддались обману.

Ошиблись. Нѣмцы пустили нѣсколько ракетъ-фонарей, когда у нихъ сшибли прожекторъ.

„Сивучъ“ былъ въ огнѣ, загорѣлся. На немъ былъ вихрь обломковъ и осколковъ. Онъ шатался и уже началъ опускаться медленно внизъ.

Но стрѣлялъ еще сильнѣе. Видно было, какъ у орудій суетились люди, стрѣляли, падали, исчезали въ пламени.

Вода уже поднимается къ бортамъ „Сивуча“. Залпъ съ него, и два миноносца запылали, пробовали бѣжать, но какъ-то неуклюже, зарываясь въ воду. Взрывъ, другой, и они пошли ко дну.

„Сивучъ“ отмстилъ за себя...

Еще пара залповъ, и на нѣмецкомъ крейсерѣ свалилась труба, взвился градъ обломковъ.

Вода на „Сивучѣ“ подымалась къ бортамъ. Люди были въ водѣ. По колѣно уже. Еще одинъ залпъ блеснулъ изъ уцѣлѣвшихъ орудій. Оставшіеся въ живыхъ, люди ни на секунду не потерялись. Стоя въ водѣ, еще заряжали орудія, наводили и стрѣляли.

Третій нѣмецкій миноносецъ ударился въ бѣгство, хотя агонія „Сивуча“ и могла бы воодушевить его...

Крейсеръ умѣрилъ нѣсколько стрѣльбу, когда „Сивучъ“

сталъ кормой погружаться въ воду. Орудія стрѣляли почти изъ воды.

Вотъ уже носъ поднялся кверху, корма скрылась подъ водой.

Съ кормы уходящаго „Корейца" видно было въ бинокль, какъ „Сивучъ" погружался. Сорокапятиминутный бой заканчивался...

Изъ воды уже смотритъ только конецъ носа съ пушкой на немъ.

Вдругъ почти изъ воды изъ носовой пушки блеснулъ выстрѣлъ.

„Сивучъ" палъ. Послѣдняя черточка его носа ушла въ воду.

Послѣдній выстрѣлъ былъ прощальнымъ салютомъ.

На „Корейцѣ" плакали, видя гибель судна, крестились.

Взвился столбъ воды, поднятый уходящимъ внизъ „Сивучомъ", и надъ нимъ по морю разошлись круги...

Надъ его вѣчнымъ покоемъ...

Вѣчная память, вѣчный покой и вѣчная слава героямъ „Сивуча".

Очевидцы съ „Корейца", передавшіе намъ свои впечатлѣнія, разсказывали, что нѣмецкій крейсеръ пустился за ними въ погоню, но потерялъ ихъ. Черезъ нѣсколько часовъ онъ былъ взорванъ англійской подводной лодкой,—ходятъ такіе слухи.

Тогда „Сивучъ" отмщенъ вдесятеро"...

Въ крѣпости Ковно въ нѣкоторыхъ подвалахъ обнаружены подземные телефоны, которыми очевидно нѣмцы искусно пользовались для веденія переговоровъ черезъ границу. Въ домахъ нѣкоторыхъ бывшихъ германскихъ подданныхъ, внезапно уѣхавшихъ передъ самымъ объявленіемъ войны, надо полагать, были оборудованы станціи безпроволочнаго телеграфа.

Нѣмцами въ большихъ размѣрахъ предпринята колонизація занятой части Курляндіи, не только либавскаго и виндавскаго раіоновъ, но и раіона между Митавой и Муравьевомъ. Пріѣзжимъ колонистамъ даются усадьбы крестьянъ-латышей. Колонисты спѣшно заняты уборкой ржи и пшеницы. Изъ Германіи присланы машины. Оставшимся крестьянамъ колонисты говорятъ, что все будетъ отобрано отъ нихъ и дано колонистамъ въ вѣчное владѣніе [1]).

---

[1]) „Бирж. Вѣд.", 13 августа с. г.

По сообщенію газеты „Jaunais Wahrds", арестованъ баронъ Рейнхардъ Фрейтагъ фонъ-Лорингове́нъ, проживавшій въ своемъ имѣніи "Скулте", Лифляндской губ., Вольмарскаго уѣзда. Еще прошлою осенью, какъ извѣстно, бывшій лифляндскій губернаторъ, Звегинцевъ, подвергъ административному взысканію многихъ латышей, которые, участвуя въ патріотической манифестаціи, съ пѣніемъ русскаго національнаго гимна, проходя мимо дачи барона Фрейтага фонъ-Лоринговена, осмѣлились закричать: „долой Германію". Два другихъ Фрейтага фонъ-Леринговенъ—лейтенанты германской арміи и сражаются въ настоящее время на прибалтійскомъ фронтѣ. Пять лѣтъ тому назадъ по воскреснымъ днямъ въ имѣніи Лоринговена „Скулте" проповѣдывалось ученіе, основная идея котораго заключалась въ томъ, что скоро съ запада явится новый король и свой народъ присоединитъ къ своему государству. Тѣ же проповѣди часто повторялись въ Нейбаденѣ въ извѣстной общинѣ „Бетанія" (Betanija). Сообщенія газетъ тогда ни къ чему ни привели. Новая вѣра уже проникла въ мѣстныя нѣмецкія школы, которыя на счастье быстро закончили свое существованіе. Все это такъ мало похоже на завѣреніе барона Мейндорфа [1]).

За свои рѣшительныя выступленія и призывы къ борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ кн. С. П. Мансыревъ былъ вынужденъ покинуть фракцію к.-д. не по своему желанію.

На дняхъ князь Мансыревъ вступилъ во фракцію прогрессистовъ, куда онъ принятъ былъ даже безъ баллотировки, такъ какъ ни одного возраженія противъ вступленія его въ ряды фракціи не было сдѣлано [2]).

Вчера въ залѣ Петровскаго училища состоялось 4-е чрезвычайное общее собраніе членовъ общества 1914 года, для обмѣна мнѣній по вопросу о способахъ борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ [3]).

Собраніе, открытое предсѣдателемъ совѣта общества В. П. Кочубеемъ, единогласно избрало своимъ предсѣдателемъ члена Гос. Думы кн. С. П. Мансырева и секретаремъ В. А. Бѣляева.

---

[1]) „Новое Время", 13 августа с. г.

[2]) „Нов. Вр.", 15 августа с. г.

[3]) „Веч. В.", 15 августа с. г.

Въ вступительномъ словѣ кн. Мансыревъ ознакомилъ собраніе съ дѣятельностью Гос. Думы за послѣднее время и отмѣтилъ инертное отношеніе всѣхъ фракцій Гос. Думы къ образованной комиссіи для борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ, которое, по мнѣнію князя, является одной изъ главной причинъ полной дезорганизаціи нашего тыла и неприспособленности въ дѣлѣ снабженія арміи всѣмъ необходимымъ.

Послѣ рѣчи кн. Мансырева, покрытой бурными аплодисментами, на каѳедру вошелъ Л. Д. Рума, доложившій собранію о нѣмецкомъ засиліи въ области финансовъ, торговли и промышленности.

Затѣмъ, послѣ выступленія ряда ораторовъ, отдѣльными фактами, выяснившими нѣмецкое засиліе во всѣхъ областяхъ нашей жизни, слово было предоставлено члену Гос. Думы М. А. Караулову, который въ небольшой, красивой рѣчи призывалъ членовъ общества къ немедленной активной дѣятельности.

Промедленіе времени—смерти, безвозвратной, подобно есть,— вспомнилъ Карауловъ изреченіе Петра Великаго,—а потому немедленно принимайтесь за работу.

Комиссія Гос. Думы, по борьбѣ съ нѣмецкимъ засиліемъ, можетъ работать продуктивно только въ томъ случаѣ, если члены общества будутъ ей дѣятельно помогать.

16—18 августа. Законопроектъ о нѣмецкомъ засильѣ, предложенный кн. Лобановымъ-Ростовскимъ въ Государственномъ Совѣтѣ, для немедленнаго обсужденія по статьямъ, приравнявъ его къ задачамъ четырехъ, уже проектированныхъ, совѣщаній, отвергается Государственнымъ Совѣтомъ, принявшимъ предложенія кн. А. Д. Оболенскаго обсуждать постатейно законопроектъ, безъ всякихъ ограниченій, представляющихся спорными, а бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклаковъ голосуетъ противъ этого законопроекта, считая его малополезнымъ и непріемлемымъ.

По вопросу о ликвидаціи земель нѣмецкихъ колоній въ Таврической губерніи, по словамъ „Новаго Времени" отъ 17 августа с. г.: „неожиданно выяснилось благожелательное отношеніе къ нѣмецкимъ жалобамъ со стороны Правительствующаго Сената. А такъ какъ оно сдѣлалось извѣстно для нѣмцевъ заранѣе и прежде кого бы то ни было,—прежде даже назначенія къ слушанію перваго нѣмецкаго дѣла,—то Сенатъ и оказался заваленнымъ жалобами о надѣльныхъ земляхъ".

Разсказываютъ, что на стратегической линіи жел. дор. Кіевъ, Сарны, Ковель и Кіевъ, Коростель, Житоміръ, въ поселкахъ Ворзель и Кичево за долго до войны образовались германскія колоніи. Часть нѣмцевъ съ начала войны бѣжала въ Германію, другая часть остается, частью въ Кіевѣ, частью въ поселкахъ, гдѣ на нѣкоторыхъ дачахъ устроены бетонныя площадки и вышки. Одинъ поселенецъ изъ этой германской стаи Шмидтъ, при одной побѣдѣ германцевъ, бѣгалъ на Кичеву и кричалъ: Да здравствуетъ Германія! Да здравствуетъ кайзеръ Вильгельмъ.

Ну мыслимое ли такое явленіе у нашихъ союзниковъ?

Разсказываютъ, что германцами скупается шерсть въ Монголіи въ громадномъ количествѣ и перевозится по Кит. Вост. дорогѣ.

---

19 августа. По Балтійской дорогѣ отъ Петрограда до Ораніенбаума на 30 верстъ спрессованы 10 нѣмецкихъ колоній, а Александринская и Самсоніевская колоніи непосредственно сливаются съ Н. Петергофомъ. Такъ какъ нѣмцы эти живутъ по линіи стратегической желѣзной дороги и весной этого года предержащія власти склонны были ликвидировать эти нѣмецкія земли и даже воспретили посѣвы, но сильные нѣмецкіе заступники повернули это дѣло въ обратную сторону и г.г. колонисты поставляютъ нѣсколько сотенныя дачи для петроградцевъ, выручаютъ громадныя деньги на садахъ, огородахъ, засѣвахъ и по извозному промыслу, платятъ небольшой государственный налогъ, 2 р. 50 коп. квартирнаго налога, дома говорятъ исключительно по-нѣмецки и празднуютъ взятіе русскихъ крѣпостей. А уже давно, давно поселились нѣмцы эти въ Россіи.

Казалось бы, съ ними надо прикончить. Къ этимъ свѣдѣніямъ надо добавить два пикантныхъ разсказа, о двухъ садоводахъ-нѣмцахъ, живущихъ въ Новомъ Петергофѣ и получающихъ изъ русской казны деньги, сообщенныхъ въ корреспонденціи „Новаго Времени" отъ 19-го сего августа. Одинъ изъ этихъ нѣмцевъ Асмусъ, который ухитряется получать казенное содержаніе, служитъ у знаменитаго ссыльнаго Шпана, недавно выбранилъ рабочихъ словами: „мало васъ бьютъ нѣмцы". Дѣло о семъ предержащими было направлено къ прекращенію.

У другого садовода, Гауклера, два сына сражаются противъ

Россіи и передъ войной пріѣзжали къ своему папенькѣ въ Петергофъ на побывку.

Сомнѣваемся, чтобы подобные факты были возможны въ Германіи, въ Англіи и Франціи.

Австро-германскимъ плѣннымъ, находящимся въ Россіи, разрѣшается прогулка по улицамъ, а русскимъ плѣннымъ въ германіи никогда, такъ какъ они живутъ какъ въ тюрьмѣ. Неужели никто не додумается, изъ власть имущихъ, примѣнить этотъ режимъ у насъ къ германцамъ.

20—22 августа. „Утро Россіи" и „Новое Время" отъ 19 августа сообщаютъ о лояльномъ дѣяніи барона Фрейтага слѣдующее:

„Имѣніе и дачи барона Фрейтага находятся недалеко отъ морского берега, между Царникау и Гайнажемъ. Въ послѣдніе дни, когда пришло извѣстіе о входѣ непріятельской эскадры въ Рижскій заливъ, окрестные крестьяне замѣчали по ночамъ (тогда стоялъ густой туманъ) въ паркѣ имѣнія Фрейтага яркій свѣтъ. Это на высокомъ столбѣ горѣла громадная газовая лампа, напоминающая своимъ свѣтомъ маякъ. Раньше эта лампа стояла безъ употребленія. Явленіе это, говорятъ, продолжалось нѣсколько ночей и исчезло, когда къ имѣнію приблизились власти для ареста барона".

Латышская газета „Dzimlans Wahstnesis" отъ 20 августа и „Новое Время" отъ 21 августа тоже не скупятся свѣдѣніями о лояльности барона Радена и фонъ-Сильвіо-Бредерихъ; бывшій гольдингенскій и тукумскій уѣздный начальникъ, баронъ Раденъ, по распоряженію высшихъ германскихъ властей, назначенъ гольдингенскимъ уѣзднымъ начальникомъ.

Личность барона Радена была ярко обрисована курляндскими депутатами въ Государственной Думѣ: баронъ Раденъ сорвалъ погоны съ своего стражника, пожелавшаго пойти добровольцемъ на войну. Еще интереснѣе другое назначеніе: бывшій чинъ курляндской администраціи и талантливѣйшій колонизаторъ Прибалтійскаго края, влад. им. Курмаленъ, фонъ-Сильвіо-Бредерихъ назначенъ германцами на постъ гольдингенскаго городского головы.

Наконецъ таки, 20 сего августа, состоялось, такъ страстно ожидаемое, понимающими военное дѣло людьми, назначеніе генерала-отъ-инфантеріи Алексѣева начальникомъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго. Бывшій начальникъ штаба назначенъ помощникомъ намѣстника на Кавказъ. Много пришлось пострадать и русской арміи и Россіи, прежде нежели это назначеніе состоялось. Невольно припомнился намъ тотъ разговоръ, который имѣлъ петроградскій обыватель съ лицомъ, имѣющимъ вліяніе на назначенія въ прошломъ. Дѣло было еще тогда, когда генералъ Жилинскій былъ назначенъ командующимъ войсками Варшавскаго военнаго округа и освободился высокій постъ начальника генеральнаго штаба. Петроградскій обыватель поѣхалъ тогда къ вышеупомянутому лицу и сказалъ ему слѣдующее:

„Въ настоящее время освободился постъ начальника генеральнаго штаба, и всѣ, знающіе русское военное дѣло люди, просятъ, чтобы на этотъ постъ былъ назначенъ генералъ Алексѣевъ, который вполнѣ этого достоинъ и имѣетъ на то всѣ права".

На эти слова былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ:

— Генералъ Алексѣевъ не можетъ быть назначенъ!

— Почему?

— Онъ не знаетъ языковъ. Ну, какъ же онъ поѣдетъ во Францію на маневры,—и какъ онъ одинъ будетъ разговаривать съ начальникомъ французскаго генеральнаго штаба?

На эти слова петроградскій обыватель возразилъ: никакъ не полагалъ, что назначеніе начальника генеральнаго штаба зависитъ отъ языка. Слова эти были прерваны этимъ лицомъ, рѣзко заявившимъ: Вопросъ рѣшенный и назначеніе генерала Алексѣева не состоится.

22-го августа. Бѣломъ залѣ Зимняго Его Величества дворца, подъ личнымъ его Величества Государя Императора предсѣдательствомъ [1]), состоялось открытіе особыхъ совѣщаній для обсужденія объединенія всѣхъ мѣропріятій по оборонѣ государства, по обезпеченію топливомъ, путей сообщенія, государственныхъ и общественныхъ учрежденій и предпріятій, работающихъ для цѣлей государственной обороны, по продовольственному дѣлу и по перевозкѣ топлива, продовольствія и военныхъ грузовъ.

---

[1]) „Бирж. Вѣд." 22 августа с. г.

Засѣданіе открылось слѣдующей рѣчью Государя Императора:

„Дѣло, которое поручено особому совѣщанію по оборонѣ государства—самое главное и самое теперь важное. Это—усиленное снабженіе арміи боевыми припасами, котораго только и ждутъ наши доблестныя войска, чтобы остановить иноплеменное нашествіе и вернуть успѣхъ нашему оружію.

Созванныя Мною законодательныя учрежденія твердо и безъ малѣйшаго колебанія дали Мнѣ тотъ единственный, достойный Россіи отвѣтъ, какого Я ожидалъ отъ нихъ: война—до полной побѣды.

Я не сомнѣваюсь, что это голосъ всей Русской земли.

Но принятое великое рѣшеніе требуетъ отъ насъ и величайшаго напряженія силъ. Это стало уже общей мыслью.

Но мысль эту надо скорѣе воплотить въ дѣло, и къ этому призвано прежде всего ваше совѣщаніе.

Въ немъ объединены для общаго дружнаго труда и правительство, и избранники законодательныхъ и общественныхъ учрежденій, и дѣятели нашей промышленности—словомъ, представители всей дѣловой Россіи.

Съ полнымъ довѣріемъ предоставивъ вамъ исключительно широкія полномочія, Я все время буду съ глубокимъ вниманіемъ слѣдить за вашей работой и въ необходимыхъ случаяхъ Самъ приму личное въ ней участіе.

Великое дѣло передъ нами. Сосредоточимъ на немъ одномъ одушевленныя усилія всей страны. Оставимъ на время заботы о всемъ прочемъ, хотя бы важномъ, государственномъ, но не насущномъ для настоящей минуты. Ничто не должно отвлекать мысли, воли и силъ нашихъ отъ единой теперь цѣли: изгнать врага изъ нашихъ предѣловъ.

Для этой цѣли мы должны, прежде всего, обезпечить дѣйствующей арміи и собираемымъ новымъ войскамъ полноту боевого снаряженія. Эта задача отнынѣ ввѣрена вамъ, господа. И Я знаю, что вы вложите въ ея исполненіе всѣ свои силы, всю свою любовь къ родинѣ.

Съ Богомъ, за дѣло!“

Затѣмъ произнесли рѣчи управляющій военнымъ министерствомъ ген. А. А. Поливановъ, предсѣдатель Г. Совѣта А. Н. Куломзинъ и предсѣдатель Г. Думы М. В. Родзянко.

Первыя три четверти текущаго августа были на театрѣ войны самой тяжелой страдой, какую только переживала Россія

за все время великой войны. Незначительное количество боевыхъ запасовъ заставило армію совершить значительный отходъ вглубь страны. Значительная часть территоріи была потеряна, за то армія была сохранена.

За это время непріятель овладѣлъ Ковной и Новогеоргіевскомъ. Были очищены со взрывомъ крѣпостныхъ верковъ и орудій Осовецъ, Гродно и Брестъ-Литовскъ. Противникъ продвинулся по направленію къ Ригѣ и Двинску и отодвинулъ насъ на правый берегъ Двины у Фридрихштадта. Къ востоку и юго-востоку отъ Гродно противникъ развивалъ свои наступленія. Соотвѣтственно отодвинулся нашъ центръ и лѣвый флангъ по направленію на Ровно и Дубно, а въ Галиціи по Серету и Днѣстру.

Дѣйствія нашего флота были успѣшны въ Рижскомъ заливѣ гдѣ былъ разбитъ непріятельскій флотъ съ потерей 11 вымпеловъ и на Черномъ морѣ былъ лихой бой нашихъ миноносцевъ съ крейсеромъ Гамидіе у Зунгулака.

На Кавказѣ происходили незначительныя столкновенія съ турками.

---

23 августа. Заносимъ на наши страницы знаменательныя событія Верховодительства арміей и флотомъ Его Величества; Государь Императоръ изволилъ прибыть 23 сего августа въ дѣйствующую армію [1]).

Приказъ арміи и флоту. 23 августа 1915 года. Сего числа Я принялъ на Себя предводительствованіе всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Съ твердою вѣрою въ милость Божію и съ непоколебимой увѣренностью въ конечной побѣдѣ будемъ исполнять нашъ святой долгъ защиты Родины до конца и не посрамимъ Земли Русской.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ".

Ставка.

---

[1]) „Русск. Инв.", 25 августа. с. г.

Указъ Правительствующему Сенату. Принявъ на Себя Верховное командованіе войсками дѣйствующихъ армій, Всемилостивѣйше повелѣваемъ Нашему генералъ-адъютанту, Верховному Главнокомандующему, генералу-отъ-кавалеріи Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу быть намѣстникомъ Нашимъ на Кавказѣ, главнокомандующимъ Кавказскою арміею и войсковымъ наказнымъ атаманомъ кавказскихъ казачьихъ войскъ съ оставленіемъ Нашимъ генералъ-адъютантомъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ".

Въ Ставкѣ.
23 августа 1915 года [1]).

Слышалъ многочисленные разсказы о томъ, съ какимъ необычайнымъ радушіемъ и гостепріимствомъ встрѣчаютъ плѣнныхъ германцевъ, поселенные въ XVIII столѣтіи, нѣмецкіе колонисты на Волгѣ, тѣ самые колонисты, которые, по словамъ депутата Государственной Думы Керенскаго, ковали силу и мощь Россіи. Вотъ эти господа колонисты не наговорятся съ дорогими имъ германцами о своемъ, миломъ, германскомъ фатерландѣ и неизмѣнно злобно относятся къ Россіи и русскимъ. Приводить разсказы о томъ, что они говорятъ о Россіи и какъ они ей доброжелательствуютъ,—это значитъ всѣ замѣтки обывателя заполнить безчисленными, о сихъ дѣяніяхъ, разсказами. Тутъ только неизмѣнно подтверждается пословица: какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ.

Передавали про одно изъ безконечныхъ дѣяній юго-западныхъ нѣмецкихъ и иныхъ колонистовъ, о которыхъ такъ печаловался въ Государственной Думѣ баронъ Мейендорфъ, что ихъ безжалостно выселяютъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сыновей ихъ берутъ въ солдаты.

Дѣло было на Влодавскомъ фронтѣ. Г.г. колонистами были заблаговременно построены батарея и блиндажъ, и укрѣпленія для наступленія на Влодаву. Сооруженія эти были прекрасно маскированы и давали возможность незамѣтно подойти къ линіи

[1]) „Русск. Инв.", 26 августа сего года.

нашихъ укрѣпленій. Они были закончены передъ приходомъ нашихъ войскъ, такъ какъ земля была свѣжа и не засохла. Укрѣпленія эти были осмотрѣны войсковой комиссіей, которая составила о семъ надлежащій актъ.

Земля, гдѣ находились эти сооруженія, была во владѣніи нѣмцевъ-колонистовъ, выселенныхъ изъ Волынской губерніи. Какъ же по мнѣнію барона Мейендорфа надлежало этихъ господъ выселять или нѣтъ?

О томъ, какъ эти господа нѣмецкіе колонисты обращаются съ русскими рабочими, свидѣтельствуетъ постоянный сотрудникъ „Рѣчи", В. В. Хиженковъ въ его интересной книгѣ „Положеніе рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ" 1899 г., изданной Херсонской губернской земской управой.

Мы позволимъ себѣ извлечь нѣсколько данныхъ изъ этой книги. Положеніе нашихъ рабочихъ у нѣмцевъ хозяевъ хуже всего, они выматываютъ изъ рабочихъ послѣднія жилы; проработать все лѣто у нѣмцевъ можетъ не каждый рабочій, а лишь только тотъ, кто обладаетъ особенной силой и выносливостью. Нѣмцы нерѣдко жестоко избиваютъ нашихъ рабочихъ, которыхъ кормятъ тушами, павшихъ отъ заразныхъ болѣзней, животныхъ. Цѣлый рядъ случаевъ такого кормежа со смертельнымъ исходомъ приводится изъ практики экономіи Л. А. Эслингера и Шварца, гдѣ рабочихъ кормили, павшими отъ сибирской язвы, животными.

А въ одной нѣмецкой колоніи нѣмка варила въ котлѣ обѣдъ (для рабочихъ), а вечеромъ ставила его (котелъ) въ избу въ мѣсто ночной посуды для дѣтей.

Тяжело больныхъ рабочихъ нѣмцы вывозятъ въ степь и бросаютъ. Таковы нравы почтенныхъ колонистовъ нѣмцевъ въ Херсонской губерніи, тѣхъ нѣмцевъ, въ защиту которыхъ подвизаются г.г. Крымы и К°.

Если бы другіе изслѣдователи имѣли такое гражданское мужество, какъ г. Хиженковъ и для другихъ губерній, занятыхъ нѣмецкими колоніями, то картина бы получилась значительно ярче и сильнѣй.

Текущая сессія Государственной Думы ознаменовалась страстнымъ, достойнымъ великаго русскаго народа порывомъ къ единенію для окончательной цѣли побѣды надъ дерзкимъ вра-

гомъ. Она всколыхнула всѣ общественныя и промышленныя организаціи для неотложной подготовки матеріальныхъ средствъ борьбы и въ этомъ ея несомнѣнная заслуга. Забывъ партійныя распри, могучій союзъ центральныхъ силъ Государственной Думы образовалъ такъ называемый прогрессивный блокъ съ призывомъ къ общему единенію всей Россіи.

---

25 августа. Подъ Тарнополемъ былъ большой успѣхъ противъ 3-й гвард. и 48 германскихъ дивизій, при чемъ взято въ плѣнъ 200 офицеровъ, 8 т. ниж. чин. и 30 орудій, и на Серетѣ у Трембовли взято 150 офицеровъ и 7 т. ниж. чиновъ. На Серетѣ 27 августа еще захвачено 160 офицеровъ и 5 т. ниж. чиновъ. На Рижскомъ раіонѣ отбиты атаки непріятеля. Значительныя силы непріятеля наступаютъ отъ Вилькомира на Свенцяны. Въ центрѣ и на южномъ фронтѣ наступленіе противника пріостановлено.

Г. Петровъ въ „Русскомъ Словѣ" отъ 27 и 28 августа въ двухъ приводимыхъ сценахъ талантливо изображаетъ послѣдніе дни Новогеоргіевска:

„Въ Новогеоргіевскѣ, какъ уже оффиціально было сообщено, комендантомъ состоялъ генералъ Бобырь, подлинный герой русской боевой закваски. Герой съ головы до ногъ. Скромный, дѣловой. Родной, близкій солдату. Онъ былъ душою обороны Новогеоргіевска. Настойчиво твердилъ своимъ войскамъ:

— Помните главное: не укрѣпленія должны защищать васъ, а вы должны собою охранять крѣпость. За вашею спиною отходятъ главныя силы русской арміи, основная надежда Россіи. Каждый лишній день, который вы удержите на себѣ непріятеля, дальше и дальше отводитъ нависшую надъ ними грозу. Вы—громоотводъ всей русской арміи. Не дайте врагу вышибить пробку изъ русской бочки, пока оттуда не выкачали дорогое русское вино. Помните, что чѣмъ дольше и больше вы оттянете на себя непріятельскихъ силъ, тѣмъ легче будетъ нашимъ собраться съ силами позади насъ. Не думайте же о себѣ! Думайте о русской арміи, о Россіи! Если намъ и суждено будетъ погибнуть, то пусть наши тѣла будутъ углями въ томъ горнѣ, въ которомъ будетъ готовиться полная русская побѣда надъ сильнымъ врагомъ.

Бобырь первый показывалъ, что онъ не помнитъ о себѣ, а думаетъ лишь объ успѣхѣ борьбы съ германскимъ Змѣемъ-Горынычемъ. Онъ дни и ночи былъ среди войскъ. Являлся въ самыя опасныя мѣста. Лично рѣшалъ, окончательно ли безнадежна судьба разгромленнаго германскими „Бертами" форта, и самъ наблюдалъ за полнымъ уничтоженіемъ всего на покидаемомъ нами фортѣ. На одномъ изъ такихъ фортовъ герой новогеоргіевской обороны, генералъ Бобырь, и былъ сраженъ.

Почти уже недѣлю двумя тысячами орудій германцы громили окопы и форты Новогеоргіевска. Выкорчевали снарядами цѣлыя десятины лѣса. Вспахали, не оставивъ и слѣда травинки, поля и луга вокругъ крѣпости. Истолкли чуть не въ порошокъ саженной толщины бетонные своды на иныхъ фортахъ, а защитники крѣпости, какъ и въ первый день осады, вслухъ и про себя твердили одно:

— Наша судьба рѣшенная,—только бы заставить германцевъ дороже заплатить за нее.

И они, подъ ураганомъ стальныхъ чудищъ, мѣняли подбитыя орудія, тащили на себѣ снаряды:

— Тяжело, но удобнѣе, — говорили они. — Лошади — тѣ пугаются, не выносятъ ливня снарядовъ кругомъ, да и мало ихъ, лошадей-то.

Таяли подъ ударами непрерывныхъ 10—15-ти германскихъ атакъ роты и батальоны, — на пополненіе ихъ спокойно шли другіе. Шли, прощаясь съ остающимися. Цѣловались, оставляли письма на родину. Остающіеся, пока крестили отходящихъ вслѣдъ, добавляли:

— Мы придемъ на смѣну вамъ.

Уходящіе крестили остающихся:

— Заплатите за насъ германцамъ. Постойте за Россію до послѣдняго.

Идя сами безъ надежды вернуться, они завѣщали товарищамъ одно:

— Постойте за Россію до послѣдняго!

Какъ бились въ окопахъ, какъ продавали послѣдніе часы жизни подъ развалинами фортовъ,—того нельзя и приблизительно описать. Подбираешь слова для описанія и чувствуешь, что словно обкрадываешь людей. Безсиленъ передать красоту и величіе ихъ подвиговъ.

Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ многихъ самыхъ разнообразныхъ по героизму случаевъ. Цѣлый рядъ фортовъ доживаетъ послѣдніе часы. Всѣ прикрытія уже разгромлены, орудія почти

сметены, люди перебиты. Германская пѣхота заливаетъ собою злосчастный участокъ. Колонны ея густыми рядами идутъ справа, слѣва, прутъ прямо стѣною.

На одномъ изъ фортовъ уцѣлѣла горсть защитниковъ. Одинъ уголъ, заваленный обломками развалинъ форта, какъ оскаленная челюсть, бился еще жизнью. Начальникомъ тамъ былъ поручикъ М. Кусокъ пространства сзади оставался еще свободнымъ, и поручикъ М., собравъ людей, могъ возвратиться въ крѣпость. Но тутъ заговорило безумство храбрыхъ. Поручикъ обратился къ оставшимся солдатамъ:

— Братцы, рѣшайте! Скажете: итти,—уйдемъ, а я предлагаю остаться. Пулеметы и легкія орудія у насъ еще работаютъ, снарядовъ много, хватитъ надолго. Примемъ „гостей" у себя на форту, угостимъ ихъ досыта. Только знайте, что тогда ужъ намъ не уйти, можетъ-быть, никому отсюда; нѣмцы окружатъ и ни живьемъ не выпустятъ, ни въ плѣнъ не возьмутъ. Какъ думаете?

— Что думать? — заговорили солдаты.—Въ крѣпости—тоже не въ деревнѣ. Только отсрочка. Тамъ завтра смерть, послѣзавтра, а здѣсь сегодня. Остаемся. Погуляемъ зато на „германской свадьбѣ". Въ упоръ, лицомъ къ лицу! Нахлещемъ ихъ вѣниками.

— Твердо рѣшили?—спросилъ М.

— Твердо.

Сняли шапки, перекрестились. Обняли другъ-друга, какъ братья, и крѣпко перецѣловались. Поручикъ М. взялъ телефонную трубку и по подземному проводу сообщилъ въ крѣпость рѣшеніе своей части остаться.

— Будемъ держаться до конца, а можетъ-быть, вы и сможете еще притти къ намъ на помощь, освободите насъ.

Начался послѣдній бой горсти съ нѣсколькими колоннами. Люди цѣлыя сутки творили живую пѣснь безумству храбрыхъ. Германцы, обходя развалины форта справа и слѣва, не могли и думать, что тамъ ждетъ ихъ кучка „безумныхъ". Лились потоками дальше. Вдругъ развалины заговорили. Пулеметы брызнули градомъ свинца вправо и влѣво. Нѣсколько орудійныхъ снарядовъ полетѣло въ глубь германскихъ колоннъ. Германцы озвѣрѣли.

— Это еще что такое?.. Обломки дерутся? Добить ихъ!

Кинулись къ остаткамъ форта,—тотъ, какъ нефтяной фонтанъ, жжетъ. Отхлынули германцы, дали знать назадъ. Тамъ забухали тяжелыя пушки. На фортѣ тучи пыли, щебня, но

фортъ стрѣляетъ. Поручикъ М. подробно телефонитъ въ крѣпость:

— Насъ окружили! Мы ожгли ихъ. Кладемъ густо. Отошли. По насъ стрѣляютъ. Мы сидимъ внутри, въ казематѣ. Грохотъ наверху кончился, сейчасъ германцы пойдутъ въ атаку. Ждемъ ихъ, приготовились... Стрѣляемъ, стрѣляемъ, стрѣляемъ. Накосили здорово. Солдаты радуются. Благодарятъ, что надоумилъ остаться. У васъ какъ? Что на другихъ участкахъ? Какъ думаете: отгонятъ германцевъ или нѣтъ? Мы ждемъ васъ... Простите: некогда, опять германцы идутъ на насъ.

Спустя полчаса снова телефонъ:

— Молотятъ по насъ, своды выдерживаютъ. Германцы не оставляютъ насъ въ покоѣ,—опять идутъ. Снаряды есть. Много еще. До васъ продержимся.

Черезъ часъ радостный голосъ:

— Ну, и праздникъ: кругомъ усѣяно германцами. Они бѣсятся. Кидаются на насъ, какъ голодныя крысы, а мы—что ежъ: колемся. Бьемъ навѣрняка... Есть, есть снаряды.

Но вотъ тревожный звонокъ:

— Германцы заливаютъ насъ. Не успѣваемъ стрѣлять. Валимъ десять,—на ихъ мѣсто двадцать. Косимъ двадцать—черезъ ихъ трупы новые сорокъ... Германцы ворвались въ фортъ... Слышно, какъ топаютъ по сводамъ нашего каземата. Мы стрѣляемъ по тѣмъ, что бѣгутъ кругомъ еще по полю... Бьютъ чѣмъ-то поверху, ломаютъ входъ. Мы стрѣляемъ. Не слышу ничего: вой кругомъ. Германцы снаружи заваливаютъ наши амбразуры для стрѣльбы. Мы стрѣляемъ въ упоръ. Стрѣля...

Телефонъ оборвался. Германцы заняли казематъ.

Подавляющія во всемъ силы германцевъ дѣлали свое. Кольцо осады суживалось и желѣзными тисками все тѣснѣе и тѣснѣе стягивало защитниковъ. Падали одинъ за другимъ наши форты: смолкали, а потомъ, безмолвные, переходили въ руки врага. Все чаще и ближе къ крѣпости приходилось отходить нашей пѣхотѣ изъ окоповъ. Наконецъ, стало ясно, что дни крѣпости сочтены. Гарнизону героемъ-комендантомъ было еще разъ предложено на выборъ: пробовать пробиться,—тогда они могутъ быть взяты въ плѣнъ и уцѣлѣть военноплѣнными,—или остаться внутри до послѣдняго, смертнаго боя.

Защитники рѣшили биться въ крѣпости до послѣдней возможности:

— Набьемъ напослѣдокъ цѣну. Пусть германцы знаютъ,

чего стоятъ русскія крѣпости, когда ихъ приходится брать начистоту.

Летчикамъ было приказано готовить аппараты къ полету: нужно было отправить съ ними важныя бумаги крѣпости и святыню ея—штандартъ. На случай возможной гибели летчика съ отчетомъ о дѣйствіяхъ крѣпости отчеты были заготовлены въ нѣсколькихъ экземплярахъ и розданы по разнымъ рукамъ. Наиболѣе важное для передачи было сообщено устно.

Летѣть днемъ не было никакой возможности: германскіе снаряды крыли воздухъ, рвались вокругъ самолетовъ сплошными тучами. Была бы неизбѣжная смерть. Рѣшили поодиночкѣ летѣть ночью, когда пальба вообще замѣтно стихала, и сотрясеніе воздуха было слабѣе, да и самолеты были невидимы. На случай же, если какой-нибудь летчикъ или нѣсколько ихъ, даже всѣ, были бы подбиты, то чтобы при паденіи ихъ на землю бумаги крѣпости не попали въ руки врага, летчики сами привязали къ самолетамъ мины и приспособили ихъ такъ, что при ударѣ упавшей машины о землю мина взорвалась бы сама и уничтожила бы трупъ летчика съ важными бумагами".

* * *

„Настала ночь, — было около двѣнадцати. Машины были готовы къ полету. Кругомъ нихъ все гудѣло. Самолеты дрожали. Новогеоргіевскъ зловѣще горѣлъ. Съ фортовъ и даже уже отъ нутра крѣпости, изъ цитадели, доносился глухой ревъ: тамъ бились грудь съ грудью. То нервно трещала ружейная пальба, то стихала, и на смѣну ей, нарастая, поднимались неясные, дикіе вопли и крики. Порою выдѣлялись отдѣльные, одиночные голоса. Покрывали общій гулъ и снова тонули въ немъ. Неслось только:

— А-а-а-а-а! А-а-а-а-а! А-а-а-а-а!

— А-а-а! А-а! А!

Гдѣ-то крики обрывались. Но тутъ снова начиналась ружейная и пулеметная трескотня. И опять щемило за душу далекое:

— А-а-а-а! А-а-а-а! А-а-а! А!

Летчики сидѣли со своими помощниками-механиками. Такъ много работали вмѣстѣ, столько пережили сообща, а теперь надо было разставаться: одни улетали, а другіе оставались. Сидѣли другъ противъ друга, согнувшись, съ опущенными на колѣни руками, и молчали. Что было говорить? Всякія слова были жалки и нищенски-бѣдны.

Зная, что со стоянки самолетовъ сегодня улетаютъ наши летчики съ послѣдними вѣстями изъ крѣпости, раненые офицеры и солдаты, кто только могъ, къ полуночи стали брести и ползти сюда. Сотнями легли вокругъ самолетовъ по полю и ждали отлета ихъ. Незнакомые офицеры и солдаты подходили къ летчикамъ и крестили ихъ на дорогу, жали имъ руки, цѣловали, гладили ихъ одежду.

— Летите?

— Да.

— Храни васъ Богъ! Счастливо долетѣть. Кланяйтесь нашимъ. Поцѣлуйте за насъ родную землю,—намъ уже не видать ея. Скажите арміи, чтобы бились съ германцемъ до конца. Это—нашъ послѣдній завѣтъ... Не за миръ, а за побѣду надъ врагомъ умираемъ здѣсь. Скажите, что не жалѣемъ жизни, не боимся умереть. Дѣло свое сдѣлали. Кланяйтесь тамъ. Передайте нашъ общій поклонъ родной землѣ.

Къ послѣднему самолету, въ хвостѣ очереди, подошелъ механикъ, рослый, здоровый человѣкъ, припалъ къ нему, обнявъ, и плакалъ. Подошелъ товарищъ-летчикъ. Молча обнялъ и поцѣловалъ его въ голову. Механикъ обернулся, смахнулъ слезу и твердымъ голосомъ сказалъ:

— Запомните! Скажите тамъ, что мы здѣсь умерли хорошо. И добавьте: „Не жалѣя“. Прощайте, милый! Живите еще долго.

— И ты служи,—какъ человѣку, сказалъ механикъ самолету.—Хорошій альбатросъ,—дѣловито добавилъ онъ.

— Пора летѣть! Первый! Чья очередь?—послышался громкій приказъ.

Зажужжалъ аппаратъ, побѣжалъ, оторвался отъ земли, и вслѣдъ ему застонало поле:

— Храни Господь! Цѣлуйте родину! Кланяйтесь... Скажите... Нашъ завѣтъ... До конца!..

— Второй!.. Третій!.. Четвертый!.. Пятый!.. Шестой!.. Седьмой!.. Всѣ!—слышалась команда.

Поле внизу крестилось. Никто болѣе ничего не кричалъ вслѣдъ. Люди творили каждый про себя общую великую молитву. А вокругъ крѣпости и внутри ея грохотали взрывы, гулъ орудій смѣнялся ружейной трескотнею, и въ разныхъ концахъ зловѣще стонало и выло:

— А-а-а-а! А-а-а-а! А-а-а! А!

— Не хотѣлось летѣть отъ своихъ, — говорили послѣ въ штабѣ товарищамъ летчики.—Такъ тянуло назадъ, приземлиться и раздѣлить со всѣми общую ихъ судьбу. Но нужно было до-

ставить важныя бумаги и сообщенія... Вылетѣли-было за полосу боя въ крѣпости и... какъ сговорившись, каждый по очереди поворачивалъ свой самолетъ назадъ.

Летчики сдѣлали послѣдній кругъ надъ обреченною крѣпостью: прощались съ нею.

Внизу зарево пуще охватило крѣпость. Все было въ огнѣ. И воздухъ вдругъ до верха самолетовъ затрясся отъ новыхъ,— можетъ-быть, послѣднихъ,—взрывовъ крѣпости: Новогеоргіевскъ палъ.

Я точно знаю, что уцѣлѣвшіе отъ послѣдняго, смертнаго боя защитники Новогеоргіевска къ 20-му августа были уже доставлены плѣнными въ Страсбургъ. Что творилось въ павшей крѣпости послѣ отлета нашихъ крылатыхъ вѣстниковъ,—повѣдаютъ намъ послѣ войны невольные гости Страсбурга".

Странная судьба постигаетъ у насъ борьбу съ нѣмецкимъ засильемъ. Ко дню открытія представительныхъ учрежденій въ концѣ лѣта этого года, она находилась на точкѣ замерзанія, и думалось, что съ созывомъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта проглянетъ свѣтъ на этотъ темный и непонятный застой.

Въ нашихъ замѣткахъ указано на ту страстную борьбу, которая постигла законопроектъ о нѣмецкомъ засильѣ въ обѣихъ нашихъ Государственныхъ палатахъ.

Обѣ состязающіяся стороны въ Государственной Думѣ преподносили другъ другу весьма пикантныя разоблаченія.

Лѣвые говорили правымъ: „Вы, приверженцы Германіи, ваши представители выступаютъ теперь противъ Германіи. Говорили прежде по адресу Германіи слѣдующее:

„Всегдашніе защитники нѣмца-управляющаго, это именно, господа, правые". „Въ 1905 году генералъ-губернаторъ Скалонъ, обращаясь къ графу Тышкевичу, осмѣлившемуся заговорить о польскихъ правахъ, заявилъ: противъ васъ есть императоръ Вильгельмъ. Онъ придетъ и усмиритъ васъ". Не припомнятъ ли также господа депутаты, сидѣвшіе здѣсь и во время третьей Думы, одной любопытной фразы, брошенной съ правой скамьи: „если бы вамъ удалось это сдѣлать, то императоръ Вильгельмъ съ бронированнымъ кулакомъ поставитъ васъ на мѣсто".

Представитель правыхъ говорилъ: ни для кого не тайна, какое огромное вліяніе оказываютъ нѣмцы на выборы въ Государственную Думу.

„Передъ самой войной, когда здѣсь былъ Пуанкаре, когда Австрія готовилась уже нанести ударъ Сербіи, „Земщина“, отражающая мнѣнія сидящихъ на правыхъ скамьяхъ депутатовъ, писала: „Французскіе государственные умы поймутъ, наконецъ, что только тѣсная связь Россіи съ Германіей для Франціи выгодна и прочна. И какая можетъ быть мысль о морской конвенціи съ Англіей? Англія никогда не рискнетъ изъ-за Россіи сцѣпиться на морѣ съ Германіей. Пора намъ перестать разыгрывать роль спасителей Европы, а тѣмъ болѣе Англіи. У насъ своихъ дѣлъ немало, да и враговъ внутри Россіи немало, чтобы еще создавать себѣ новаго врага изъ ближайшихъ дружественныхъ намъ сосѣдей“. То же самое писало „Русское Знамя“.

Отъ этихъ самыхъ разнообразныхъ мнѣній, законопроекту о нѣмецкомъ засильѣ сильно не повезло въ Государственной Думѣ, несмотря на то, что лидеръ одной изъ вліятельныхъ партій утверждалъ, что этотъ вопросъ трудный и больной и что у него масса писемъ о томъ, какъ глубоко вопросъ о нѣмецкомъ засильѣ охватилъ наше населеніе.

Это не помѣшало ему и прочимъ лидерамъ сильныхъ партій Государственной Думы провалить вопросъ о нѣмецкомъ засильѣ, такъ какъ въ программѣ прогрессивнаго блока вопросъ о нѣмецкомъ засильѣ не значился. Онъ признанъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, непріемлемымъ, и на всѣ запросы по этому поводу въ Государственной Думѣ слѣдовало гробовое молчаніе.

Въ Государственномъ Совѣтѣ вопреки желанію кн. Лобанова Ростовскаго, желавшаго выдѣлить этотъ законопроектъ съ особо выдающимся значеніемъ, на высокое мѣсто полномочій другихъ 4-хъ комиссіей, онъ былъ принятъ для обсужденія постатейно, какъ самый заурядный законопроектъ.

Въ глубокихъ народныхъ массахъ, въ сердцахъ и умахъ обыкновенныхъ обывателей, вопросъ о нѣмецкомъ засильѣ рѣшается очень просто: надо во что бы то ни стало уничтожать эту заразу россійскаго организма, не такъ просто рѣшается онъ у предержащихъ, у лицъ и съ партійными шорами на глазахъ и у нашихъ нѣмцелюбовъ.

Невольно является вопросъ, почему борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ такъ не повезло и въ нашихъ законодательныхъ палатахъ? Почему во Франціи, въ Англіи борьба съ нѣмцами дается такъ легко, а у насъ совсѣмъ не удается? Неужели мы, русскіе, такъ глупы и такъ безхарактерны?

На нашъ обывательскій взглядъ вся неудача происходитъ оттого, что, во-первыхъ, вопросъ не достаточно уясненъ всѣми, что онъ слагается изъ двухъ данныхъ: а) борьба съ германскимъ засильемъ, б) борьба съ прибалтійскимъ засильемъ, занявшимъ вліятельные административные, промышленные и представительные посты и въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ.

Недавнія событія въ Курляндіи уже достаточно опредѣленно разъяснили ихъ лояльныя бравады.

Пора, наконецъ, Россіи понять, откуда и какъ надо начинать эту упорную и длительную борьбу.

П. В.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 23-го іюня по 15-е августа 1915 г.

Фоминъ, А. Г., Дукмейеръ, К., Эллисъ, Г., Мартенсъ, А. и Іенсенъ, А. Матеріалы по библіографіи о Ломоносовѣ на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ и шведскомъ языкахъ. Императорская Академія Наукъ, состоящая подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительствомъ. Выставка „Ломоносовъ и Екатерининское время". Томъ VII. ПГ. 1915. Тип. Импер. Акад. Наукъ (В. О., 9 лин., 12). 8° (20×26). 215 стр. Вѣсъ 1 Ф. 4 л. 512 экз.

Экзаменныя требованія по методологіи исторіи. П. Г. 1615. Тип. В. Безобразовъ и К°. Вл. Н. П. Зандманъ (В. О. Больш., 61). 8° (15×20). 7 стр. Вѣсъ 1 л. 500 экз.

Энциклопедія Славянской филологіи. Подъ ред. орд. акад. И. В. Ягича. Вып. 11. А. А. Шахматовъ. Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка. П. Г. 1915. Тип. Импер. Акад. Наукъ (В. О. 9 лин., 12). 8° (20×27). XXVIII+4+367 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 14 л. 1213 экз.

Этнографическая карта польской и нѣмецкой населенности части Восточной Пруссіи. Варшава. 1915. Тип. В. Глувчевскаго (Хмѣльная., 18). 8° (58×94). 1 листъ. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Яснопольскій, Н. П., проф. Рецензія на изслѣдованіе П. А. Ковалько: „Реформа 19-го февраля 1861 года и ея послѣдствія съ финансовой точки зрѣнія". (Оттискъ изъ „Университетскихъ Извѣстій" за 1915 г.). Кіевъ. 1915. Тип. Акц. Об-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (18×25). 45 стр. Вѣсъ 6 л. 200 экз.

Боратынскій, Е. А. Полное собраніе сочиненій. Томъ II. Подъ ред. и съ примѣчаніями М. Л. Гофмана. ПГ. 1915. Изд. Разряда изящной словесности Имп. Ак. Наукъ. Тип. Импер. Акад. Наукъ и Государственная. 8° (16×22). VI+359 стр. съ 1 порт. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 7.000 экз.

Гоголь, Н. В. Сочиненія. Подъ ред. В. В. Каллаша. Томъ 1—10. ПГ. 1915. Изд. и Тип. Акц. общ. Брокгаузъ-Ефронъ (Прачешный пер., 6). 8° (14×21). Т. 1—4 нен. + XXIII + 4 нен. + 375 стр. съ портр. и рис. Т. 2-й XV + 338 стр. съ портр. и рис. Т. 3-й 2 нен. + V + 336 стр. съ портр. Т. 4-й 2 нен. + XXIV + 319 стр. съ рис. Т. 5-й 2 нен. + VI + 436 стр. съ рис. Т. 6-й 2 нен. + XII + 377 стр. съ порт. Т. 7-й 2 нен. + VIII + 1 факсим. + 379 стр. съ портр. и рис. Т. 8-й 2 нен. + III + 361 стр. съ портр. Т. 9-й 3 нен. + 301 стр. съ портр. и рис. Т. 10-й 3 нен. + 250 стр. съ портр. и рис. Вѣсъ 15 ф. 9 л. 5.000 экз.

Григоровичъ, В. И. Донесенія о путешествіи по Славянскимъ землямъ. Казань. 1915. Изд. Отдѣленія русскаго языка и словесности

Императорской Академіи Наукъ. Тип. Университета. 8⁰ (17 × 25). VIII + 256 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 29 л. 400 экз.

Двадцатипятилѣтіе Красноярскаго городского музея (1889—1914). (Красноярскій подъотдѣлъ В. С. Отдѣла Императорскаго Русскаго географическаго общества). Красноярскъ. 1915. Тип. Енисейская губернская. 8⁰ (17 × 25). 166 стр. съ рис. Вѣсъ 21 л. 1.000 экз.

Денике, Б. О памятникахъ культуры и искусства Турфана. (Результаты экспедиціи А. Лекока въ Китайскій Туркестанъ). (Отд. оттискъ изъ XXX-го т. „Извѣстій об-ва Археологіи, Исторіи и Этнографіи" за 1915 годъ. Казань. 1915. Тип. Университета. 8⁰ (17 × 25). 11 стр. Вѣсъ 1 л. 50 экз.

Древности восточныя. Труды восточной комиссіи Императорскаго Московскаго археологическаго общества. Томъ V. Подъ ред. гр. П. С. Уваровой. М. 1915. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. пер., 9). 4⁰ (26 × 36). 151 стр. + 108 листовъ рис. Вѣсъ 5 ф. 7 л. 500 экз.

Замотинъ, И. И., проф. Сороковые и шестидесятые годы. Очерки по исторіи русской литературы XIX столѣтія. ПГ. 1915. Изд. 2-е просм. и доп. и тип. Т-ва М. О. Вольфъ (В. О., 16 линія, 5—7). 8⁰ (16 × 23). 435 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 2.000 экз.

Записки Императорскаго Новороссійскаго университета историко-филологическаго факультета. Вып. IX, изданный подъ редакціей и. д. орд. проф. А. П. Доброклонскаго. Одесса. 1915. Тип. Техникъ (Екатерининская, 58). 8⁰ (18 × 26). XXXIII + 710 стр. Ц. 4 р. 35 к. Вѣсъ 2 ф. 27 л. 300 экз.

Записки флота капитанъ-лейтенанта Егора Метаксы, заключающія въ себѣ повѣствованіе о военныхъ подвигахъ Россійской эскадры, покорившей, подъ начальствомъ адмирала Өедора Өедоровича Ушакова, Іоническіе острова при содѣйствіи порты оттоманской въ 1778 и 1794 годахъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями В. Ильинскаго. ПГ. 1915. Тип. Морского Министерства (въ Главномъ Адмиралтействѣ). 8⁰. (16 × 24). IX + 243 стр. Вѣсъ 27 л. 225 экз.

Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1915 годъ. Томъ XX, книжка I-я. Содержаніе. Петровскій, Н. М. Библіографическія мелочи. Харьков. періодич. печать. Виноградовъ, Н. Н. Костромичи. Пиксановъ, Н. К. По поводу отзыва объ изданіяхъ А. С. Грибоѣдова. Перфецкій, Е. Ю. Религіозное движеніе въ Угорской Руси. Виноградовъ, Н. Н. Историко-литер. замѣтки. Святскій, Д. О. Астрономическія явленія. Виноградовъ, Н. Н. Гиливонскіе Алеманы. Соболевскій, А. И. Древнерусская литература. Марковъ, А. В. Обзоръ трудовъ В. Ө. Миллера. ПГ. 1915. Тип. Императорск. Академіи Наукъ (В. О. 9 лин., 12). 8⁰ (18 × 26). 366 стр. съ карт. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 813 экз.

Императорскій С.-Петербургскій Ботаническій Садъ за 200 лѣтъ его существованія (1713—1913). Часть III. Подъ ред. А. А. Фишера-фонъ-Вальдгейма. ПГ. 1913—1915. Тип. Акц. Тип. Дѣла въ Петрогр. (7 Рота, 26). 4⁰ (26 × 34). 582 стр. съ портр. Вѣсъ 9 ф. 16 л. 660 экз.

Коваленскій, М. Н. Русскій ученый XVIII вѣка. Страницы изъ жизни Ломоносова. Къ 150-лѣтнему юбилею. (Русская Исторія въ культурно-бытовыхъ очеркахъ подъ ред. В. Я. Уланова). М. 1915. Изд

и тип. К. Ф. Некрасова въ Ярославлѣ. 16° (14 × 19). 126 + 2 нен. стр. съ рис. + 1 портр. Ц. 45 к. Вѣсъ 9 л. 2.500 экз.

Комаровскій, Василій, графъ. Таблица главныхъ живописцевъ Европы 1200—1800 г.г. ПГ. 1915. Тип. Сиріусъ (Рыночная, 10). f° (150 × 148). 1 листъ. Вѣсъ 17 л. 600 экз.

Комаровскій, Василій, гр. Указатель къ таблицѣ главныхъ живописцевъ Европы. Съ 1200 по 1800 годъ. ПГ. 1915. Тип. Сиріусъ (Рыночная, 10). 16° (14 × 19). 50 + 2 нен. стр. Вѣсъ 6 л. 600 экз.

Крупенко, А. Д. Очеркъ научной дѣятельности М. В. Ломоносова. (1711—1765 г.). Харьковъ. 1915. Тип. Работникъ (Петровскій, 13). 8° (17 × 26). 11 стр. Вѣсъ 2 л. 500 экз.

Курмояровъ, И. Что писали о казакахъ въ войну 1914—1915 г.г. ПГ. 1915. Тип. „Грамотность" (5-я Рождеств., 44). 8° (16 × 23). 136 стр. Вѣсъ 14 л. 2.000 экз.

Къ исторіи колонизаціи Таврической губерніи. ПГ. 1915. Тип. Научное Дѣло. 4° (22 × 35). 24 стр. Вѣсъ 7 л. 150 экз.

Латышевъ, В. В. Къ начальной исторіи гор. Маріуполя (Отд. оттискъ изъ XXXII тома „Записокъ Имп. Одесскаго об-ва исторіи и древностей"). Одесса. 1915. Тип. Е. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 8° (22 × 27). 25 стр. Вѣсъ 5 л. 52 экз.

Мережковскій, Д. С. Завѣтъ Бѣлинскаго. Религіозность и общественность русской интеллигенціи. ПГ. 1915. Изд. кн-ва Прометей Н. Н. Михайлова (Поварск., 10). Тип. Акц. Общ. Дѣла (7 рота, 26). 8° (16 × 22). 43 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 7 л. 3.100 экз.

Наши враги. Очерки. Ковалевскій, П. И. Нѣмцы. Сыромятниковъ, С. Н. (Сигма). Изъ русско-германскихъ отношеній. Михайловъ, А. М. О нѣмецкой наукѣ и нѣмецкомъ гипнозѣ. (Библіотека „Голоса Руси". Вып. I). ПГ. 1915. Тип. Содружество (Гончарная, 24). 8° (14 × 21). 72 стр. Вѣсъ 6 л. 2.000 экз.

Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Сенатскомъ Архивѣ. Отдѣлъ I. Томъ III. Часть 2-я (указатели и приложенія). ПГ. 1915. Тип. Сенатская. 8° (18 × 27). 412 + II стр. Вѣсъ 1 ф. 21 л. 300 экз.

Островскій, Д., свящ. Выговская пустынь и ея значеніе въ исторіи старообрядческаго раскола. Петрозаводскъ. 1914. Тип. Олонецкая губернская. 8° (18 × 26). 137 стр. Вѣсъ 20 л. 500 экз.

Платоновъ, С. Ѳ., проф. Лекціи по русской исторіи. ПГ. 1915. Изд. 9-е испр., Ив. Блинова. Тип. Сенатская. 8° (18 × 27). II + 743 стр. Ц. 3 р. 90 к. Вѣсъ 2 ф. 22 л. 5.000 экз.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданное по Высочайшему повелѣнію Императорскою Археографическою Коммиссіею. Томъ четвертый. Часть первая. Новгородская четвертая лѣтопись. Вып. первый. ПГ. 1915. Тип. М. А. Александрова (Надеждинск., 43). 4° (27 × 36). IX + 320 стр. Вѣсъ 2 ф. 16 л. 500 экз.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Подъ ред. В. Строева. ПГ. 1915. Тип. Государственная. 8° (19 × 26). IV + 263 стр. Вѣсъ 2 ф. 8 л. 600 экз.

Сборникъ Новгородскаго общества любителей древности. Вып. 7. Новгородъ. 1915. Тип. Губернская. 8° (17 × 24). 195 + 39 + 55 стр. съ 1 портр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф.

Серебренниковъ, И. И. Покореніе и первоначальное значеніе Иркутской губерніи. Иркутскъ. 1915. Изд. В. Ѳ. Хардина. Тип. И. П. Казанцева. 16º (12 × 17). 80 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 3 л. 1.500 экз.

Систематическій указатель статей, помѣщенныхъ въ журналѣ „Труды Императорской Кіевской духовной академіи“ за 1905—1914 г.г. Кіевъ. 1915. Тип. Акц. о-ва Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8º (17 × 25). 38 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 9 л. 300 экз.

Соколовъ, В. П. Саратовскія Епархіальныя Вѣдомости за 50 лѣтъ ихъ существованія іюнь 1865—май 1915 годъ. Историческій очеркъ. Саратовъ. 1915. Тип. Союза печ. дѣла. 8º (17 × 26). 81 стр. Вѣсъ 15 л. 100 экз.

Суворовскій музей. ПГ. 1915. Тип. Имп. Ник. Воен. Акад. (Сувор. пр., 32-в). 8º (14 × 22). 7 стр. Вѣсъ 1 л. 3.000 экз.

Сушицкій, Ѳ. П. Изъ лекцій по литературѣ Южной и Западной Руси XV—XVIII вв., читанныхъ на Высшихъ Веч. Женскихъ Курсахъ въ гор. Кіевѣ, въ весеннемъ семестрѣ 1914—5 уч. г. Очеркъ I. О западно-русскихъ лѣтописяхъ. Кіевъ. 1915. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 8º (18 × 27). 46 стр. Вѣсъ 7 л. 500 экз.

Тельбергъ, Георгій, проф. Россія и проливы. (Русская политика въ вопросѣ о Босфорѣ и Дарданеллахъ). Томскъ. 1915. Тип. Сибирское Товарищество Печатнаго Дѣла (уг. Двор. и Ямск. пер., с. д.). 8º (11 × 22). 19 стр. Вѣсъ 2 л. 60 экз.

Анофріевъ, Г. В. О причинахъ войны 1914 года. Калуга. 1915. Тип. Довѣріе (Никитскій п.) 8º (15 × 22). 13 стр. Вѣсъ 2 л. 2.000 экз.

Бинштокъ, В. И. и Новосельскій. С. А. Матеріалы по естественному движенію европейскаго населенія и Европейской Россіи за 40 лѣтъ 1867—1906 гг.). (Труды об-ва охраненія здоровья еврейскаго населенія. Вып. III). ПГ. 1915. Тип. т-ва печ. и изд. дѣла Трудъ, (Кавалергардская, 40). 8º (19 × 24). XXXVII+77 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 10 л. 700 экз.

Вейнбергъ, Л. О. Критическое пособіе. Сборникъ выдающихся статей русской критики за 100 лѣтъ. (Кирѣевскій—Айхенвальдъ) Томъ V. Вып. II. (Русскіе критики послѣ Бѣлинскаго). М. 1915. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина, (Пятницкая, с. д.). 8º (17 × 24). 420 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 3.500 экз.

Григорьевъ, Ал. Дм., проф. Къ исторіи Яблочинскаго Свято-Онуфріевскаго монастыря Холмской губерніи. (Оттискъ изъ „Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстій“ за 1915 г.). Варшава. 1915. Тип. Варшав. учебнаго округа (Краковское Предм., 3). 8º (17 × 26). 84 стр. Вѣсъ 10 л. 400 экз.

Извѣстія Таврической ученой архивной коммиссіи (Годъ двадцать восьмой) № 52. Подъ ред. предсѣдателя коммиссіи Арс. Ив. Маркевича. Симферополь. 1915. Тип. Таврич. Губ. Земства. 8º (18 × 28). II—277 стр. Вѣсъ 1 ф. 7 л. 350 экз.

Карцовъ, Ю. С. За кулисами дипломатіи. ПГ. 1915. Изд. 2-е Тип. А. Н. Лавровъ и Кº (Улица Гоголя, 9). 8º (15 × 23). 67 стр. съ 1 порт. Ц. 75 к. Вѣсъ 8 л. 500 экз.

Кузминская, Т. Отношеніе графа Льва Николаевича Толстого къ войнѣ вообще. ПГ. 1915. Тип. Т-ва А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 16º (12 × 18). 35 стр. Вѣсъ 3 л. 30 экз.

Кутовая, Л. Г. Нѣсколько словъ о копныхъ судахъ въ Малорос-

сіи. (Оттискъ изъ XI вып. Трудовъ Черниговской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи). Черниговъ. 1915. Тип Г. М. Веселой 8° (17 × 23). 50 стр. Вѣсъ 3 л. 50 экз.

Левшиновскій, М. С. Спорные вопросы русской нумизматики. ПГ. 1915. Тип. Т-ва газ. Свѣтъ (Невскій, 136). 8° (17 × 23). VI+258 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 25 л. 510 экз.

Малиновскій, І. А. Война и судъ. (По поводу юбилея судебной реформы въ 1864 года). (Оттискъ изъ „Варшавск. Универс. Извѣстій" за 1915 г.). Варшава. 1915. Тип. Варшав. Учебнаго Округа, 8° (16 × 25) 19 стр. Вѣсъ 3 л. 150 экз.

Марусинъ, К. Походъ въ Турцію Кубанскихъ казаковъ. Екатеринодаръ. 1915. Изд. Д. К. Запорожца. Тип. Т-ва Печатникъ. 16° (14 × 18). 17 стр. Вѣсъ 1 л. 500 экз.

Орловъ, П. Н. Вскрытіе и замерзаніе рѣки Сѣверной Двины въ гор. Архангельскѣ по даннымъ за 1734—1915 гг. Архангельскъ. 1915 Тип. Губернская 16° (12 × 18). 14 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 2 л. 720 экз.

Отчетъ совѣта общества Друзей Румянцовскаго музея. Годъ II (17-го марта 1914 г.—17-го марта 1915 г.). М. 1915. тип. Т-ва А. А. Левенсонъ, (Трехпрудный пер., с. д.). 8° (16 × 25). 27 стр. съ 2 портретами Вѣсъ 7 л. 300 экз.

Пажитновъ, К. Н. Г. Чернышевскій, какъ первый теоретикъ кооперацiи въ Россіи. (Библіотека кооператора. № 10). М. 1915. Изд. Москов. съѣзда потребительныхъ обществъ. Тип. Т. Д. Печатникъ, (Хапиловская 54). 8° (16 × 23). 24 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 3 л. 3.000 экз.

Прохоровъ, Гр. М. Ю. Лермонтовъ и его значеніе въ исторіи русской литературы. (Историко-литературный очеркъ). ПГ. 1915. Тип. М. Меркушева (Невскій пр. 8). 8° (16 × 24). 172 стр. Вѣсъ 25 л. 200 экз.

Санъ-Сальваторъ, гр. Польскій король Августъ Сильный. По историческимъ матеріаламъ современниковъ. М. 1915. Изд. Кн-ва Звѣзда Н. Н. Орфенова (М. Никитская, 14). Тип. Г. Ламбертъ. 8° (15×21), 334 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 30 л. 1.000 экз.

Сахаровъ, А. Русская колонизація Астрабадской провинціи въ Персіи. ПГ. 1915. Изд. Переселенч. Упр. Гл. Упр. Землеустр. и Земледѣл. Тип. Содружество (Гончарная, 24). 8° (18 × 26). 75 стр. Вѣсъ 11 л. 300 экз.

Трубецкой, Е. Н., кн. Война и мировая задача Россіи. Война и культура. М. 1915. Изд. 2-е. Тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (16 × 21). 28 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 4 л. 2.000 экз.

Уставъ Историческаго Общества при Императорскомъ Петроградскомъ Университетѣ. ПГ. 1915. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (13 × 20). 9 стр. Вѣсъ 2 л. 1.000 экз.

Александровъ, Якимъ. Идеалистъ 30-хъ годовъ XIX вѣка. (Къ 75-лѣтію со дня кончины—25-го іюня—Н. В. Станкевича 1840—1915 г.г.). Казань. 1915. Тип. В. Еремѣева и А. Шашабрина. 16° (8 × 20) 16 стр. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Архангельскій, Н. В. Новооткрытыя Звѣринскія пещеры въ Кіевѣ. (Древняя обитель св. Михаила). Кіевъ. 1915. Тип. Первой Кіевской Артели печ. дѣл. (Трехсвят., 5). 8° (17 × 25). 31 стр. съ 10 рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 6 л. 5.000 экз.

Бречкевичъ, М. В. Великая европейская война, ея историческія

основы и смыслъ. Публичная лекція, прочитанная 2-го ноября 1914 года. М. 1915. Изд. 2-е А. С. Понафидиной (Лялинъ п., с. д.) Тип. Русск. Т-ва (Мыльниковъ п., с. д.). 8° (16×24). 48 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 6 л. 3.000 экз.

Бѣлоликовъ, В. З. Инокъ Никодимъ Стародубскій. (Его жизнь и литературная дѣятельность). Кіевъ. 1915. Тип. Акц. об-ва Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (16×27). XXIII+470+59+3 стр. Ц. 4 р. Вѣсъ 2 ф. 8 л. 350 экз.

Война, хроника и отклики. № 8. ПГ. 1915. Изд. Историческаго Вѣстника. Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8° (16×25). 62+19—24 стр. Съ рис. Вѣсъ 8 л. 1.000 экз.

Гладкій, А. Мистицизмъ въ философіи Платона и отзвуки его въ русской поэзіи. (Отд. оттиски изъ журнала „Вѣра и Разумъ" за 1915 г.) Харьковъ. 1915. Тип. Епархіальная. 8° (15×23). 33 стр. Вѣсъ 4 л. 75 экз.

Годовой отчетъ о состояніи русской публичной библіотеки въ городѣ Юрьевѣ съ 1 января 1914 г. по 1 января 1915 г. Юрьевъ. 1915. Тип. К. Сеетъ. 16° (11×18). 15 стр. Вѣсъ 1 л. 300 экз.

Діаконенко, Н. П. Земскій Сборникъ Черниговской губерніи. Вып. I-й. Черниговъ. 1915. Тип. Губ. земства. 8° (14×21). 115 стр. Вѣсъ 9 л. 1.800 экз.

Дмитрію Васильевичу Айналову отъ учениковъ къ двадцатипятилѣтію его ученой дѣятельности ПГ. 1915. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 4° (20×29). 140 стр. съ портр. и рис. + XXIX табл. Вѣсъ 1 ф. 21 л. 100 экз.

Доисторическіе памятники на восточномъ берегу Онежскаго озера. Къ статьѣ А. Ѳ. Шидловскаго. Петрозаводскъ. 1914. Тип. Олонецкая губернская. 8° (18×25). 2 стр. Вѣсъ 1 л. 115 экз.

Достоевскій, М. М. Собраніе сочиненій. Томъ II. ПГ. 1915. Изд. Пантеонъ Литературы. Тип. М. Пивоварскаго и Ц. Типографа (Моховая, 8). 8° (15×21). 279 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 26 л. 3.000 экз.

Ефимовъ, Н. И. Народная словесность. Программа конспектъ лекцій, читанныхъ на Юрьевскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ въ 1914—1915 акад. году. Юрьевъ. 1915. Тип. Цирка (Рыцарская, 24—26). 8° (15×23). 40 стр. Вѣсъ 4 л. 300 экз.

Житковъ, К. Адмиралъ Н. О. фонъ-Эссенъ. ПГ. 1915. Тип. Морск. Мин. въ Главн. Адмиралтействѣ. 8° (16×23). 43 стр. Съ портр. Вѣсъ 7 л. 1.000 экз.

Записки отдѣленія русской и славянской археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Томъ Х. ПГ. 1915. Тип. М. А. Александрова (Надеждинск., 43). 4° (20×29). IV + 137 стр. съ табл. и рис. Вѣсъ 1 ф. 16 л. 500 экз.

Каганъ, Миронъ. „Воевода" А. Н. Островскаго и „Разбойники" Ф. Шиллера. Кіевъ. 1915. Изд. Н. Я. Оглоблина. Тип. В. П. Бондаренко и П. Ф. Гнѣздовскаго. 8° (16×23). 24 стр. Вѣсъ 5 л. 200 экз.

Каталогъ Музея. Черниговскій Соединенный Историческій Музей Городской и Ученой Архивной Комиссіи въ память 1.000-лѣтія лѣтописнаго существованія г. Чернигова. Черниговъ. 1915. Тип. Губ. Земства. 8° (17×25). IV+86 стр. Вѣсъ 8 л. 600 экз.

Макэйль, I. В. Русскій Даръ Міру. Русскій вкладъ въ мировую культуру въ оцѣнкѣ 20 англійскихъ ученыхъ. Пер. съ англійск. И. Д

ПГ. 1915. Тип. Постимесъ (Юрьевъ). 8° (14×22). 55 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 6 л. 10.000 экз.

Марксонъ, А. Е. Каталогъ изданій по печатному дѣлу. ПГ. 1915. Изд. 2-е. Тип. Ред. період. изд. М-ва Финансовъ. 16° (13×18). 32 стр. Вѣсъ 4 л. 500 экз.

Новый Энциклопедическій Словарь. Двадцать четвертый томъ. Ламбертъ-Лубоиды. ПГ. 1915. Изд. и тип. Акц. Общ. Издательск. дѣло Брокгаузъ-Ефронъ (Прачешный пер., 6). 8° (19×27). 960 стр. съ рис. Вѣсъ 2 ф. 27 л. 16.000 экз.

Обозрѣніе преподаванія наукъ на историко-литературныхъ высшихъ женскихъ курсахъ въ Петроградѣ въ 1915—16 учебномъ году. ПГ. 1915 Тип. А. Лавровъ и Ко. (Ул. Гоголя, 9). 8° (14×21). 15 стр. Вѣсъ 3 л. 600 экз.

Окуневъ, Н. Крещальня Софійскаго собора въ Кіевѣ. ПГ. 1915. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 4° (20×28). 25 стр. Съ VIII табл. Вѣсъ 12 л. 100 экз.

Описаніе жизни старца Реконской пустыни, схимонаха О. Амфилохія. Въ память 50-лѣтія со дня его смерти. ПГ. 1915. Тип. „Общ. Польза" (Б. Подъяческая, 39). 8° (16×22). 24 стр. Съ портр. Ц. 10 к. Вѣсъ 2 л. 5.000 экз.

Отчетъ филіальнаго отдѣленія Воронежской публичной библіотеки имени И. С. Никитина. За 1914 годъ. Воронежъ. 1915. Тип. П. Т. Наумова (Мясницкая). 8° (17×25). 18 стр. Вѣсъ 3 л. 27 экз.

Памятка о Борисо-Глѣбской церкви въ г. Новогрудкѣ, Минской губерніи. Новогрудокъ. 1915. Тип. Д. Х. Гинзбурга. 16° (11×18). 10 стр. Вѣсъ 1 л. 200 экз.

Покровскій, В. И. Николай Васильевичъ Гоголь, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1915. Изд. 4-е, доп. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. п., с. д.). 8° (17×25). 447 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 6.000 экз.

Помяловскій, М. Славянское возрожденіе XIX вѣка и движенія, съ нимъ связанныя. Публичная лекція, читанная въ пользу семействъ участниковъ войны. Великій-Устюгъ. 1915. Изд. Пог. Поп. В. Устюгск. м. г. Я. Г. Долбышева. Тип. П. Н. Лагирева. 8° (16×22). 28 стр. Вѣсъ 5 л. 1.000 экз.

Сборникъ Учено-Литературнаго общества при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Томъ XXI. Юрьевъ. 1915. Тип. К. Маттисена. 8° (17×24). 238+LVIII+40+46 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 16 л. 425 экз.

Семинарій по древне-русской литературѣ. Вып. 3. Повѣсть о бѣсноватой женѣ Соломоніи. Московскіе высшіе женскіе курсы. Сергіевъ Посадъ. 1915. Тип. И. И. Иванова. 8° (16×24). 19 стр. Вѣсъ 7 л. 1.000 экз.

Семинарій по древне-русской литературѣ. Вып. 4. Русскія статьи старѣйшей редакціи Пролога. Московскіе высшіе женскіе курсы. Сергіевъ Посадъ. 1915. Тип. И. Иванова. 8° (16×24). 12 стр. Вѣсъ 2 л. 1.000 экз.

Сергіевскій, Н. Н. Записки плѣнника. Два съ половиной мѣсяца въ плѣну у нѣмцевъ. ПГ. 1915. Изд. журн. „Наша Старина". Тип. Сельскаго Вѣстника (Мойка, 32). 8° (16×24). 114 стр. съ рис. Ц. 80 к. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Труды Воронежской ученой архивной комиссіи. Вып. V. Подъ ред.

прот. Ст. Звѣрева. Воронежъ. 1915. Тип. т-ва Н. Кравцовъ и К° (Б. Двор., д. Сомова). 8° (16 × 27). 708 стр. Вѣсъ 2 ф. 500 экз.

Труды Вятской ученой архивной комиссіи. 1915 годъ. Вып. I. Вятка. Тип. губернская (Вятка). 8° (16 × 24). III+II+X+76+145+IV+1 нен.+112+84 стр. съ рис. Вѣсъ 1 ф. 2 л. 350 экз.

Ященко, А. Русская библіографія по исторіи древней философіи. (От. изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго Университета"). Юрьевъ. 1915. Тип. К. Маттисенъ. 8° (17 × 24). IV+126 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 14 л. 300 экз.

Андреевъ, Ѳ. Критика. Сочиненія Константина Сергѣевича Аксакова. Томъ I. Редакція и примѣчанія Е. А. Ляцкаго. (Отд. оттискъ изъ „Богословскаго Вѣстника". Май 1915 г.). Сергіевъ посадъ. 1915. Тип. Св.-Троицкой Сергіевской лавры. 8° (16 × 23). 22 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Библіографическій указатель литературы по народной словесности на русскомъ языкѣ. Вып. III. 1913 годъ. М. 1915. Изд. Комис. по нар. слов. при этн. отд. И. О. Л. Е. А. и Э. Тип. А. И. Снегиревой. 8° (16 × 24). 64 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 7 л. 500 экз.

Богатенко, Я. Воскрешеніе древности (по поводу послѣдняго концерта Синодальнаго хора). (Отд. оттискъ изъ журн. „Старообрядческая Мысль" № 5 и 6, 1915 г.). М. 1915. Тип. И. М. Машистова (Б. Садовая, с. д.). 8° (17 × 26). 5 стр. Вѣсъ 1 л. 30 экз.

Богословскій, М., проф. Учебникъ русской исторіи. Курсъ VI класса гимназій и реальныхъ училищъ. М. 1915. Изд. и Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (15 × 22). 150 стр.+2 картин. Ц. 65 к. Вѣсъ 18 л. 5.000 экз.

Бѣляевъ, М. По славянскому вопросу. (Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссіи). Ставрополь. 1915. Тип. Губ. правленія. 8° (18 × 27). 20 стр. Вѣсъ 3 л. 400 экз.

Высоцкій, Н. Г. Первый скопческій процессъ. Матеріалы, относящіеся къ начальной исторіи скопческой секты. М. 1915. Тип. А. И. Снегиревой. 8° (18 × 27). XIX+364+1 нен. стр. Вѣсъ 1 ф. 31 л. 200 экз.

Гешовъ, И. Е. Балканскій союзъ. Воспоминанія и документы ПГ. 1915. Тип. Научное дѣло (Загородный пр., 74). 8° (17×26). 110 стр. Вѣсъ 23 л. 3.000 экз.

Диль, Э. В. Ольвійская чашка съ наговоромъ. ПГ. 1915. Тип. Главнаго Управленія Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (19×27). 17 стр. Съ рис. Вѣсъ 6 л. 100 экз.

Евдокимовъ, Л. В. „Бѣлый генералъ" М. Д. Скобелевъ, въ народныхъ сказаніяхъ. ПГ. 1915. Изд. 2-е доп. и испр. Скобелевск. Комитета. Тип. Якорь (Б. Болотная, 10). 8° (18 × 24). 36+1 нен. стр. съ рис. Ц. 40 к. Вѣсъ 6 л. 3.000 экз.

Забѣлинъ, Иванъ. Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст. Томъ I. Ч. II. М. 1915. Изд. посмертное. Тип. Синодальная. 8° (17 × 26). XX + 900 стр. съ 1 портр. + 2 плана. Ц. 6 р. Вѣсъ 3 ф. 18 л. 2.000 экз.

Загорская, В. Отчетъ о дѣятельности Ставропольской ученой Архивной Комиссіи за 1911 годъ (Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссіи). Ставрополь. 1915. Тип. Губернскаго Правленія. 8° (17×27). 15+7 нен. стр. Вѣсъ 3 л. 400 экз.

Записки Императорскаго Московскаго Археологическаго Института

Имени Императора Николая II. Изд. подъ ред. А. Н. Успенскаго. Томъ XXXVII. М. 1915. Тип. А. И. Снегиревой. 8° (18×27). XIX+346 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 500 экз.

Императорское общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящее при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Отчетъ за 51-й годъ существованія об-ва (15-го окт. 1913 г.—14-го окт. 1914 г.) (Отд. от. изъ отчета И. М. У. за 1914 г., ч. II). М. 1915. Тип. А. И. Снегиревой (Остоженка, Савеловскій пер.). 8° (15×23). 36 стр. Вѣсъ 3 л. 300 экз.

Каталогъ № 578. Антикварная книжная торговля В. И. Клочкова. ПГ. (Литейный пр., 55). ПГ. 1915. Тип. Арнгольда (Литейный пр., 59). 8° (16×23). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 1.200 экз.

Ключевскій, В., проф. Курсъ русской исторіи. Часть IV. М. 1915. Изд. 2-е Тип. Т-ва Рябушинскихъ. 8° (15×23). 495 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 1.000 экз.

Книга для чтенія по древней исторіи. Ч. III. Римъ — имперія. Для III—IV классовъ средне-учебныхъ заведеній. Сборникъ статей. Подъ ред. А. М. Васютинскаго, М. Н. Коваленскаго, В. Н. Перцова и К. В. Сивкова. Историческая комиссія Учебнаго отдѣла О. Р. Т. З М. 1915. Изд. Задруги (М. Никитская, 29). Тип. Т-ва Рябушинскихъ (Страстной бульваръ, Путинковскій пер., с. д.). 8° (17×24). 420+1 нен. стр. съ рис.+15 лист. рис. Ц. 2 р. 10 к. Вѣсъ 1 ф. 21 л. 5.100 экз.

Краткая исторія Пріамурскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго общества за 20 л. его дѣятельности. 1893 $\frac{20}{XI}$ 1913 годъ. Хабаровскъ. 1915. Тип. Канцеляріи Пріамурскаго Ген. Губернатора) 8° (17×26). 30 стр.+1 табл. Вѣсъ 7 л. 300 экз.

Недовичъ, Д. Апокалипсисъ Дюрера. (Отдѣльный оттискъ изъ записокъ Имп. Москов. Археологическаго института). М. 1915. Тип. Печатня А. Снегиревой (Остоженка, Савелов. пер.). 8° (18×26). 21 стр. + 7 табл. рис. Вѣсъ 9 л. 100 экз.

Прозрителевъ, Г. Н. Кавказское оружіе. (Оружіе кавказскихъ горцевъ). Ставрополь. 1915. Изд. Ученой архивной комиссіи. Тип. Губ. правленія. 8° (18×28). 18 стр. Вѣсъ 3 л. 400 экз.

Семеновъ, Леонидъ. М. Ю. Лермонтовъ. Статьи и замѣтки. I. М. 1915. Тип. В. М. Саблина (Петровка, 26). 8° (17×25). 294 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 1.500 экз.

Числовъ, П. И. Курсъ исторіи русскаго права. Вып. II. Исторія институтовъ права. Книга 1-я. Исторія государственнаго права. М. 1915. Тип. А. И. Снегиревой. 8° (18×26). 161—366 стр. Ц. 1 р. 20 к. Вѣсъ 25 л. 200 экз.

Шендрикова, К. Смерть въ художественномъ изображеніи Л. Н. Толстого. Бійскъ. 1915. Тип. Товарищества. 16° (11×18). 39 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 2 л. 1.000 экз.

Шугаевскій, В. Краткій обзоръ монетныхъ находокъ Черниговской губерніи. Черниговъ. 1915. Тип. Губ. земства. 8° (16×24). 8 стр. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Адресъ-Календарь Тверской губерніи на 1915 г. Тверь. 1915. Изд. Тверского Губернск. Статист. Комитета. Тип. Губернская. 8° (17×26). 60 + 154 + 98 + 28 + 18 + XVI + 4 нен. стр. Вѣсъ 1 ф. 1.300 экз.

Алферовъ, А. и Грузинскій А. Сборникъ вопросовъ по исторіи Русской литературы (курсъ средней школы) М. 1915. Изд. 10-е, К-ва Школа. (Спиридоновка, 14). Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж., 9). 8° (15 × 22). XVI+86 стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 9 л. 6.000 экз.

Бивенъ, Моррей, проф. Политика Австріи послѣ 1867 года. Пер. І. А. Маевскаго. (Международная библіотека войны). М. 1915. Изд. Кн-ва І. А. Маевскаго (Скатертный п., 27). Тип. А. И. Мамонтова (Филипповскій п., 11). 16° (13 × 17). 28 + 4 нен. стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 2 л. 3.000 экз.

Верещагинъ, В. А. Старый Львовъ. ПГ. 1915. Тип. Сиріусъ (Рыночная, 10). 8° (18 × 26). 140 + 1 нен. стр. съ рис. Вѣсъ 1 ф. 26 л. 1.000 экз.

Виноградовъ, А. Къ археологіи Весьегонскаго уѣзда. (Археологическое изслѣдованіе кургановъ по рѣкѣ Ренѣ. Тверь. 1915. Изд. Тверск. учен. архивн. комиссіи Тип. М. В. Блинова. 8° (17 × 25). 52 + І таблица. Вѣсъ 5 л. 1.000 экз.

Евдокимовъ, архіеп. По церковно-общественнымъ вопросамъ. Доброе прошлое Императорской Московской Духовной Академіи. (Къ столѣтнему юбилею Академіи). Сергіевъ посадъ. 1915. Тип. Св. Тр.-Сергіевской Лавры. 16° (13 × 18). 319 + 1 нен. стр. Ц. 80 к. Вѣсъ 17 л. 1.500 экз.

Жуковскій, В. А. Орлеанская дѣва. Со вступительною статьею и примѣчаніями П. Н. Сакулина. Историко-Литературная библіотека. Подъ ред. Иванова-Разумника № 28. ПГ. 1915. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 лин., 28). 16° (13 × 17) XIX + 192 + 3 нен. стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 13 л. 5.000 экз.

Жуковскій, В. А. Стихотворенія. Со вступительною статьею и примѣчаніями П. Н. Сакулина. Историко-Литературная библіотека. Подъ ред. Иванова-Разумника № 27. ПГ. 1915. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 16° (13 × 17). XVIII+390+3 нен. стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 22 л. 5.000 экз.

Извѣстія Вологодскаго общества изученія Сѣвернаго края. Вып II. Вологда. 1915. Тип. П. А. Цвѣтова. 8° (17 × 25). 194 стр. Вѣсъ 23 л. 500 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Вып. 12. М. 1915. Изд. т-ва Міръ. Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовск., с. д.). 8° (18 × 27). 33—112 стр. Вѣсъ 13 л. 1.700 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Вып. 14. М. 1915. Изд. т-ва Міръ. Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (18 × 27). 193—272 стр. съ портр. Вѣсъ 16 л. 1.700 экз.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ, подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге, Николая Морозова и проф. О. М. Шимкевича. Кн. XXXIV. Томъ XI. М. 1915. Изд. т-ва Міръ (Знаменка, 9). Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (19 × 28). 128 стр. съ 6 иллюстр.+8 портр. Вѣсъ 1 ф. 6 л. 3.800 экз.

Морганъ, Ф. и Дэвисъ, Х. Политика Франціи съ 1871 г. (Международная библіотека войны). М. 1915. Изд. кн-ва І. А. Маевскаго (Ска-

тертный п., 27) Тип. Т-ва А. И. Мамонтова (Филипповскій пер., 11). 16° (13 × 17) 26+6 нен. стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 2 л. 3.000 экз.

Орловскій, Петръ. Св. Софія Кіевская, нынѣ Кіево-Софійскій Каѳедральный соборъ. Кіевъ. 1915. Изд. Кіево-Софійскаго Каѳедральнаго собора. Тип. Кіево-Печерской Лавры. 16° (15 × 23). 78 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 1 л. 200 экз.

Памятная книжка для слушателей Императорскаго Московскаго Археологическаго Института имени Императора Николая II. М. 1915. Тип. Печатня А. И. Снегиревой (Остоженка, Савелов. п.). 16° (13 × 17). 32 + 8 нен. стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 4 л. 600 экз.

Платоновъ, С. Ѳ., проф. Сокращенный курсъ русской исторіи для средней школы ПГ. 1915. Изд. 2-е, Я Башмакова и К° (Итальянская, 31). Тип. М. А. Александрова (Надежд., 43). 8° (16 × 22). IV + 436 стр. съ 8 картами. Ц. 1 р. 80 к. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 30.000 экз.

Программа для собиранія свѣдѣній объ инородцахъ Поволжья (Отд. оттискъ изъ 4-го вып. XXIX тома Извѣстія Общества Археологіи и Этнографіи за 1915 годъ). Казань. 1915. Тип. Университета. 8° (17 × 24) 15 стр Вѣсъ 2 л. 200 экз.

Пылаевъ, В. Старая Русса. Первая часть. Историческій очеркъ города. Сергіевъ Посадъ. 1916. Тип. Св. Тр.-Сергіев. Лавры. 8° (17 × 24). 247 + 3 нен стр. Съ рис. + 1табл. Ц. 1 р. 20 к. Вѣсъ 26 л. 2.000 экз.

Русская энциклопедія. Томъ 11-й. Кровникъ до Максентій. ПГ. Изд. акц. о-ва „Муравей". Тип. Кюгельгенъ, Гличъ и К° (Екатерингофск. пр., 87). 8° (19 × 26). 472 стр. съ рис., табл., геогр. карт. и план. Вѣсъ 4 л. 6.000 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Т. I, вып. 2-й. Русская литература съ XI до XVIII в. ПГ. 1915. Изд. Я. Башмакова и К°, 9-е. Тип. Шмидта (Звенигородская, 20), 8° (16 × 24). 268+3 нен. стр Ц. 1 р. 10 к. Вѣсъ 28 л. 7.000 экз.

Смирновъ, Я. И. Устюжское изваяніе Святого Георгія Московскаго Большого Успенскаго собора. (Оттискъ изъ XXV тома „Древностей"). М. 1915. Тип. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиженск. пер., 9). 4° (26 × 34). 118 стр.+3 табл. рис. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 100 экз.

Соловьевъ, Сергѣй Михайловичъ. (Записки). Мои записки для дѣтей моихъ, а если можно и для другихъ. ПГ. 1915. Изд. кн-ва Прометей (Поварской пер.. 10). Тип. т-ва Общественная Польза (Б. Подъяч., 39). 8° (17 × 23). 174 стр. съ 1 портр. Ц. 2 р. Вѣсъ 23 л. 4.000 экз.

Толстой, Левъ Николаевичъ. Дѣтство, отрочетво и юность. Повѣсть. Съ рис. А. П. Апсита. Подъ ред. и съ примѣчаніями П. И. Бирюкова. М. 1915. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина, (Пятницкая, с. д.). 8° (17 × 23). 384 стр. съ рис. Вѣсъ 1 ф. 22 л. 5.000 экз.

Фарфаровскій. О лабораторномъ преподаваніи исторіи въ старшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній. (Отд. оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ образованія и воспитанія" за 1915 г. № 4). Казань. 1915. Тип. Центральная. 8° (17 × 27). 22 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Ярошевскій, В. О духовныхъ исканіяхъ среднихъ вѣковъ. Рѣчь, сказанная на литературномъ утрѣ въ Кіевской 7-й гимназіи. Кіевъ. 1915. Тип. И. Н. Кушнеревъ и К°. 8° (17 × 26). 7 стр. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Адріанъ, архим. Св. Равноапостольный Князь Владиміръ. (Къ 900-лѣтію со дня его кончины 15-го іюля 1015 г.—15-го іюля 1915 г.).

Историческій очеркъ. Симферополь. 1915. Тип. Таврическая губернская 8° (16 × 22). 17 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Айвазовъ, И. Г. Христовщина. Т. II. (Матеріалы для изслѣдованія русскихъ мистическихъ сектъ. Вып. первый). ПГ. 1915. Тип. К. А. Четверикова (Караванная ул., 7). 8° (17 × 26). VII + 583 стр. Вѣсъ 2 ф. 13 л. 1.000 экз.

Алтаевъ, Ал. Пѣвецъ страданія и свободы. Жизнь М. Ю. Лермонтова. ПГ. 1915. Изд. „Жизнь и Знаніе". Тип. Л. Я. Ганзбурга 8° (15 × 22). V + 325 + 48 стр. Съ портр. и рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 5 ф. 6.200 экз.

Арсеньевъ, Ю. К. Дѣдиловскія отказныя книги XVII вѣка (1664—1702). Тула. 1915. Тип. Е. И. Дружининой (Кіевская, 18). 8° (18 × 26) 96 стр. Вѣсъ 10 л. 100 экз.

Багрій, А. В. М. Ю. Лермонтовъ въ юбилейной литературѣ 1914 г. Библіографическій обзоръ съ указателемъ. ПГ. 1915. Тип. Сенатская. 8° (17 × 26). 51 стр. Вѣсъ 5 л. 400 экз.

Базилевичъ, В. М. Нѣсколько документовъ къ исторіи Веневскихъ засѣкъ въ XVII вѣкѣ. Тула. 1915. Тип. Е. И. Дружининой (Кіевская, 18). 8° (17 × 26). 32 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Бѣлоцерковскій, Г. М. Изъ Тульской старины. Тула. 1915. Тип. Е. И. Дружининой (Кіевская, 18). 8° (17 × 25). 32 стр. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Дмитріевскій, Іоаннъ, свящ. Война; Германія и Россія въ созерцаніяхъ Ѳ. М. Достоевскаго и въ мысляхъ другихъ писателей. Харьковъ. 1915. Тип. Епархіальная (Каплуновская, 2). 8° (15 × 23). 41 стр. Вѣсъ 4 л. 300 экз.

Журналы и мемоpіи Общаго Собранія Государственнаго Совѣта по крестьянскому дѣлу. (Архивъ Госуд. Совѣта), (Съ 28-го января по 14-е марта 1861 года). ПГ. 1915. Тип. Государственная. 8° (18 × 27). VI + 1 нен. + 399 + XLI стр. Съ 7 портр. Вѣсъ 1 ф. 19 л. 1.515 экз.

Журналы Секретнаго и Главнаго Комитетовъ по крестьянскому дѣлу (Архивъ Госуд. Совѣта). Томъ первый (Съ 3 января 1857 года по 30 ноября 1860 года). ПГ. 1915. Тип. Государственная. 8° (18 × 27). 8 + XVI + 1 нен. + 522 + III стр. съ 7 портр. Вѣсъ 1 ф. 29 л. 1.515 экз.

Журналы Секретнаго и Главнаго Комитетовъ по крестьянскому дѣлу (Архивъ Госуд. Совѣта). Томъ второй (съ 10 октября 1860 года по 13 февраля 1861 года). ПГ. 1915. Тип. Государственная. 8° (18 × 27). III + 1 нен. + 450 + 1 нен. стр. съ 7 портр. Вѣсъ 1 ф. 19 л. 1.515 экз.

Исторія великой войны. Т. I. Подъ ред. А. Д. Шеманскаго, М. В. Князева. проф. А. А. Пиленко, проф. И. Х. Озерова, К. А. Военскаго, Ив. Лазаревскаго. М. 1915. Изд. Т-ва Н. В. Васильева (Б. Дмитровка, 17). Тип. Русск. Т-ва печат. и изд. дѣла (Мыльниковъ пер., с. д.), 8° (22 × 29). II + 335 стр. Съ портр. и рис. Вѣсъ 5 ф. 2 л. 3.200 экз.

Коринскій, Н. М. Славянская палеографія. Лекціи, читанныя въ Императорскомъ Археологическомъ Институтѣ ПГ. 1915. Изд. „Наука и Жизнь". Тип. В. Д. Смирнова (Екатерининскій кан., 45). 8° (18 × 26). 56 стр. съ табл. Ц. 1. р. Вѣсъ 8 л. 1.000 экз.

Курцъ, Б. Г. Сочиненіе Кильбургера о русской торговлѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Вып. VI. Кіевъ. 1915. Изд. Студ. истор. этногр. кружка при унив. св. Влад. Тип. И. И. Чоколова (Б. Житомірская, 20). 8° (16 × 23). VII + 607 стр. Ц. 5 р. Вѣсъ 1 ф. 28 л. 600 экз.

Маньковскій, Н. И. Слово о полку Игоревѣ. Лирическая поэма Внука Боянова. Текстъ памятника и переводъ съ примѣчаніями и родословной таблицей потомковъ Владиміра Святаго. Житоміръ 1915. Тип. М. Дененманъ. 8° (14×22). 115 стр. + 1 табл. Вѣсъ 13 л. 200 экз.

Минцловъ. С. Р. Поддѣлки старины. Памятка любителямъ и собирателямъ ея. Конотопъ. 1915. Тип. Ш. А. Левина. 16° (13×17). 15 стр. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Нуссбаумъ, И. Избранныя страницы русской литературной критики. Вып. I. Лишніе люди и женскіе типы въ произведеніяхъ Грибоѣдова, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Гончарова, Островскаго. Кіевъ. 1915. Изд. 2-е, доп., кн-ва И. И. Самоненко (Крещатикъ, 29). Тип. Акц. Об-ва Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (16×24). 75 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 8 л. 2.000 экз.

Перетцъ, В. Н., акад. Отчетъ объ экскурсіи семинаріи русской филологіи въ Петроградъ 30 января—7 февраля 1915 года. Кіевъ. 1915. Тип. Акц. Об-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (18×27). 44 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 12 л. 200 экз.

Писцовыя книги Тульскаго края. Часть II. 1 Гремячевъ. 7135 г. 2. Кашира. 7161 г. (Копіи сняты съ подлинниковъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, подъ наблюденіемъ поч. чл. Ком. И. С. Бѣляева). 3. Новосиль. 7189 г. (Изъ архива В. С. Арсеньева). Тула. 1915. Тип. Е. И. Дружининой (Кіевская, 18). 8° (17×25). 19 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Приложенія къ журналу Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу. (Архивъ Госуд. Совѣта). ПГ. 1915 Тип. Государственная. 8° (18×27). IV + 55 + 1 нен. стр. Вѣсъ 1 ф. 25 л. 1.515 экз.

Савинъ, А. Н., проф. Война имперій и міръ ислама. Публичная лекція. М. 1915. Изд. к-ва Трудъ. Тип. И. Ефимова (Б. Якиманка, 32). 8° (15×23). 24 стр. Вѣсъ 2 л. 1.500 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая Хрестоматія по исторіи русской словесности. Т. 1 вып. 1-й (Народная словесность). ПГ. 1915. Изд. 2-е, Я. Башмакова и К°. Тип. А. Бенке. (Новый пер., 2). 8° (16×23). VII + 252 стр. Ц. 1 р. 10 к. Вѣсъ 26 л. 7.000 экз.

Титовъ, Ѳ. И., пр. Объ историческомъ значеніи церковно-государственной дѣятельности св. равноапостольнаго князя Владиміра. 1015—VII. 15—1915. Кіевъ. 1915. Изд. кіевскаго епархіальнаго свято-владимірскаго братства. Тип. акц. об-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (17×25). 39 стр. Вѣсъ 4 л. 1.100 экз.

Аменицкій, Д. А. Анализъ героя „Мысли" Л. Андреева. (Къ вопросу о народной психопатіи). (Отд. оттискъ изъ журн. „Современная Психіатрія". № 5. 1915 г.). М. 1915. Тип. Штаба Моск. Военн. Округа. 8° (16×26). 29 стр. Вѣсъ 5 л. 25 экз.

Бенуа, Александръ. Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. Часть первая. Пейзажная живопись. Вып. 17. ПГ. 1915. Изд. Шиповникъ. Тип. Сиріусъ (Рыночная, 10). 4° (20×29). 88 стр. съ рис. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 7.300 экз.

Годъ войны съ 19 іюля 1914 г. по 19 іюля 1915 г. Высочайшіе Манифесты. Воззванія Верховнаго Главнокомандующаго. Донесенія: отъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, отъ Штаба Главнокомандующаго Кавказской арміей, отъ Морского Штаба. Предисловіе А. Оглина.

М. 1915. Изд. Д. Я. Маковскаго. Тип. Т-ва А. И. Мамонтова. 8° (14 × 20). 588 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 15 л. 5.000 экз.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге, Николая Морозова и О. М. Шимкевича. Кн. XXXV. М. 1915. Изд. Т-ва Міръ (Знаменка, 9). Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 8° (19×28). 129—256 стр. съ 6 иллюстр. Вѣсъ 30 л. 3.800 экз.

Кистановъ, Р. Историческій сборникъ о безпрерывномъ потомствѣ истинныхъ православныхъ христіанъ, (наз.) старо-поморскаго согласія, въ связи съ Соловецкою обителію и Преображенскимъ кладбищемъ въ Москвѣ. М. 1915. Тип. Печатня (Преображенскъ, ул. 9-я рота, 24). 8° (14 × 22). 85 стр. Вѣсъ 8 л. 1.000 экз.

Кобловъ, Н. П. Сборникъ постановленій Орловскаго губернскаго земскаго собранія за 47 лѣтъ (1866—1912) т. II. Медицина и общественное призрѣніе. Орелъ. 1914. Тип. В. С. Зайцева. 8° (17 × 25). IV + 500 стр. + III табл. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 2 л. 1.000 экз.

Корольковъ, К. Н. Отечественная война 1812 года. ПГ. 1915. Изд. Комиссіи по завѣдыванію капиталами имени графа С. А. Строганова. Тип. Т-ва А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8° (18 × 28). 252 стр. Съ рис. и 1 портр. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 3.000 экз.

Краткій историческій очеркъ Петроградскаго Зоологическаго сада. 1865—1915 г. ПГ. 1915. Тип. Н. Г. Мазуръ (Садовая, 61). 16° (11 × 18). 14 стр. съ рис. Вѣсъ 2 л. 8.000 экз.

Лапчинскій, В. П. Миніатюры, рукописи „Чистое зерцало сердца". (Изъ записокъ Имп. Москов. Археологич. Института). М. 1915. Тип. Печатня А. И. Снегиревой (Остоженка, Савелов. п.). 8° (18 × 26). 23 стр. съ рис. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Мухинъ, К. Музей древностей во дворцѣ св. Царевича Димитрія въ Угличѣ. Угличъ. 1915. Тип. М. Н. Мѣховой. (Спасская). 16° (11 × 18). 64 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Обозрѣніе преподаванія въ университетѣ Св. Владиміра на 1915—1916 учебный годъ. По историко-филологическому факультету. Съ приложеніемъ расписанія лекцій. Кіевъ. 1915. Тип. акц. об-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (17 × 25). 38 стр. + 1 табл. Вѣсъ 5 л. 500 экз.

Обозрѣніе преподаванія наукъ на историко-филологическомъ факультетѣ Императорскаго Петроградскаго университета въ осеннемъ полугодіи 1915 года и въ весеннемъ полугодіи 1916 года. ПГ. 1915. Тип. Б. М. Вольфа (В. О., Волховскій пер., 4). 8° (16 × 22). 44 стр. + 1 табл. Ц. 20 к. Вѣсъ 5 л. 1.500 экз.

Отчетъ по Кавказскому музею и Тифлисской публичной библіотекѣ за 1912 годъ. Извѣстія Кавказскаго Музея. Томъ VIII, вып. 3—4. Тифлисъ. 1915. Тип. Канцеляріи Намѣстника Е. И. В. 8° (17 × 24). 280 стр. + 7 табл. Ц. 1 р. Вѣсъ 24 л. 250 экз.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записной книжки „Русской Старины“.

Императоръ Александръ I играетъ на скрипкѣ.

Выпущенный изъ инженернаго училища шестнадцатилѣтнимъ офицеромъ, Александръ Андреевичъ Половцевъ разсказывалъ, какъ ему пришлось стоять на дежурствѣ у дворца, гдѣ проводилъ лѣто Государь Александръ I.

Когда забили зорю, одно изъ оконъ дворца вдругъ быстро распахнулось, и юный офицеръ увидѣлъ появившуюся во весь ростъ фигуру Государя, въ бѣломъ полотняномъ халатѣ; онъ, видимо, наслаждался свѣжестью ранняго утра; потомъ, обернувшись, Государь взялъ скрипку въ одну руку, въ другую смычокъ, и вдругъ раздались пріятные, мягкіе звуки, которые долго лились въ тишинѣ свѣжаго лѣтняго утра. Онъ долго игралъ, увлекаясь музыкой, которая, видимо, ни мало его не утомляла.

Часы, проведенные Александромъ Андреевичемъ у дворца, глубоко врѣзались въ его память; они доставили ему такое наслажденіе, что онъ часто вспоминалъ о нихъ въ продолженіе всей своей жизни.

Сообщ. **А. А. Половцева.**

Редакторъ-издатель **П. Н. Вороновъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1915 г.

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и воспоминанія.

СТРАН.

I. Изъ воспоминаній Е. И. Ламанскаго. Сообщ. дочь Е. И. Ламанскаго, А. фонъ-Таль. 58—68, 203—213, 402—415

II. Мои воспоминанія и размышленія. А. Георгіевскаго. . . . . . . 80—90, 252—257, 431—440

III. Воспоминанія бывшаго штурманскаго офицера. П. Наумова. . . . . 288—297, 466—474

IV. Изъ записокъ короля Станислава Августа Понятовскаго. В. Т. . . . . 365—378

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы.—Матеріалы и замѣтки.

СТРАН.

I. А. Ѳ. Кони (къ 50-лѣтію его литературной и общественной дѣятельности. П. Воронова I—IV (окт.).

II. Сборникъ дипломатическихъ документовъ, касающихся событій на Балканскомъ полуостровѣ . . . . 5—24, 185—202, 379—401

III. Письма съ войны подпоручика л.-гв. пѣхотнаго полка къ отцу. П. М.-М. . . . . . . 26—29

IV. Императоръ Александръ въ Голландіи и

СТРАН.

Саардамѣ въ 1814 г. Сообщ. А. С. Лацинскій. . . . . 40—57, 223—246
V. Жизнь Императора Александра II-го на южномъ берегу Крыма. В. Х. Кондараки. 69—79, 258—272
VI. Михаилъ Никифоровичъ Катковъ и графъ Петръ Александровичъ Валуевъ въ ихъ перепискѣ. Сообщ. В. Мустафинъ. 91—95, 247—251, 416—430
VII. Прекратившійся родъ. А. Д. Бутовскаго. 96—146
VIII. Межевой (изъ жизни землеустроителей въ 90-хъ годахъ). П. И. Соколова. 147—155, 273—287, 441—465
IX. Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны. В. П. 156—202, 298—328, 475—522
X. Политика Фердинанда Болгарскаго относительно Россіи. В. Перетолчина. . . . . 175—184
XI. Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—78 г.г. Е. А. Рогозиной. 214—222, 351—358
XII. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 7-го апрѣля по 23 іюня 1915 г. 329—348
XIII. Донесенія датскаго посланника Гакстгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 г. Сообщ. Е. С. Шумигорскій. . . . . . 359—363
XIV. Изъ записной книжки „Русской Старины“: Императоръ Александръ I играетъ на скрипкѣ. Сообщ. А. А. Половцева. I (дек.) . . . 537

Приложенія:

I. Портретъ Анатолія Өедоровича Кони (при 10-й книгѣ).
II. Портретъ Евгенія Ивановича Ламанскаго (при 11-й книгѣ).
III. Портретъ Николая Ивановича Юденича (при 12-й книгѣ).

Библіографическій листокъ.

1. В. В. Есиповъ, проф. Милость и правда въ тюрьмѣ. Тюрьма русская и германская. Петроградъ. 1914. Ц. 30 к. (на обложкѣ октябрьской книги).

2. Собраніе сочиненій Аполлона Григорьева, подъ редакціей В. Ѳ. Саводника. Выпуски 1-ый, 3-ій и 5-ый. Автобіографія („Мои литературныя и нравственныя скитальчества“), съ біографическимъ очеркомъ. Развитіе идеи народности въ нашей литературѣ со смерти Пушкина. Горе отъ ума. Ц. 60 к., 50 к. и 15 к. Изд. бр. Башмаковыхъ. 1915 г. (тамъ же).

3. Марко П. Цемовичъ. Современныя славянскія проблемы. Петроградъ. 1915. Ц. 1 р. (на обложкѣ ноябрьской книги).

4. Римская исторія, изложенная по Моммсену Н. Д. Чечулинымъ. Съ указателемъ личныхъ именъ. Изданіе кн. А. К. Горчакова. Изданіе второе. Петроградъ. 1914. Ц. 1 р. (тамъ же).

5. Дмитріевскій соборъ въ губ. гор. Владимірѣ. Составилъ протоіерей В. В. Косаткинъ. Изд. Владим. Учен. Архивн. Комиссіи. Владиміръ. 1914 г. (тамъ же).

6. Е. С. Шумигорскій. Тѣни минувшаго. Историческіе повѣсти и разсказы. Петроградъ. 1915 г. (на обложкѣ декабрьской книги).

7. Мемуары графини Потоцкой (1794—1820), переводъ съ французскаго А. И. Кудрявцевой (тамъ же).

8. Д. Ѳ. Кобеко. Первый директоръ Царскосельскаго лицея. Петроградъ. 1915 г. (тамъ же).

9. Записки жены декабриста П. Е. Анненковой (тамъ же).

10. В. В. Есиповъ. Германцы. I. Жестокій народъ. II. Жестокое право. Варшава. 1915 г. Ц. 40 к. (тамъ же).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ
ВЪ 157—160 ТОМАХЪ
„РУССКОЙ СТАРИНЫ"
изд. 1914 года.

А.

Абаза, Алсд. Аггеевичъ, мин. фин. 1880 г., т. CLXIV, дек., 411.
Абамеликъ, кн., ген.-м. 1877 г., т. CLXI, янв., 236, мартъ, 680, 684, 685.
Абрамовъ, контр-адм. 1915 г., т. CLXII, май, 398.
Авдѣевъ, Никол., прапорщ. 1915 г., т. CLXIII, авг., 250.
Авенаріусъ, г.-м. 1915 г., т. CLXII, май, 397.
Адашевъ, кн., 1860 г., т. CLXI, янв., 59. 63, февр., 283, 285.
Адлербергъ, гр., Алсд. Вл., мин. двора, † 1889 г., т. CLXIII, авг. 293.
Адріановскій, О., чл. Госуд. Думы, т. CLXIV, дек., 493.
Айвазовскій, Ив. Конст., художн. 1863 г., т. CLXIV, окт., 74, 75.
Акимовичъ, вице.-конс. въ Баязидѣ 1912 г., т. CLXII, апр., 128.
Аксаковъ, И. Сц. † 1886 г., т. CLXIII, сент., 410, 411, т. CLXIV, нояб., 248.
Алдатовъ, ротм. 1877 г. т. CLXII, іюнь, 533, 535.
Александра Іосифовна, вел. княгиня, т. CLXI февр., 427.
Александръ I, императоръ, т. CLXI, янв., 160, 162, 168, 170, февр., 437, т. CLXII, май, 326—337, т. CLXIII, іюль, 133. т. CLXIV, окт., 40—57, нояб., 223—246.
Александръ II, императоръ, т. CLXI, янв., 163, февр., 239, 304, 365, 311--323, 373, 374., мартъ, 580, 588, 598, т. CLXII, апр, 145, 153—155, май, 300, іюнь, 520, т, CLXIII, іюль, 83. 602, авг., 251—278, 281, сент., 459—474, т. CLXIV, окт. 69—79, нояб., 181, 258-272, дек., 412.
Александръ III, императоръ, т CLXI, янв., 22, февр., 424, т. CLXII, апр. 139, 144, 146, 148, 149, т. CLXIII, сент. I, т. CLXIV, окт., 166, нояб., 176, 178.
Алексѣевъ, Мих. Вас., ген. отъ инф., 1915 г., т. CLXII, апр., I—III, т. CLXIV, дек., 509.
Алексѣевъ, подполк. 1877 г., т. CLXVII, іюль, 95.
Алексѣевъ, адм., ком. войск. 1904., т. CLXII, іюнь, 502, 510.
Алексѣевъ, ген., команд. С-З. фронтомъ 1915 г., т. CLXIV, нояб. 326.
Алексѣй Александровичъ, вел. князь, т. CLXII, апр., 146, 154., т. CLXIV, окт., 77.
Али-Паша, янинскій 1798 г., т. CLXI, февр., 252—273.
Алопеусъ, послан. въ Берлинѣ, т. CLXI, янв., 168.
Альбединскій, П. Н. Вилен. ген. губ. † 1883 г.. т. CLXII, іюнь, 479, 480, 482.
Амосовъ, кап. 1877 г., т. CLXIII, іюль, 98.
Анатолій, еписк. одесскій, 1915 г., т. CLXIII, іюль, 38.
Андреевскій, Е. К., сообщ: „Изъ записокъ 1877—78 г.," т. CLXII, апр., 152—155, май, 299--304, іюнь., 529--537, т. CLXIII, іюль, 75—78, авг. 301—309, сент. 452—458.
Андреевъ, В. И., предсѣд. попечит. о бѣдныхъ, 1915 г., т. CLXII, май, 379.
Андреевъ, О. М. старобряд., 1906 г. т. CLXII, іюнь, 490.
Андріановъ, кап. ген.-штаба, 1877 г. т. CLXIII, іюль, 88, 89.

Андро-де-Бюи Гинглаттъ. Виталій, сообщ: „Къ 50-лѣтію дня кончины наслѣдника цесаревича вел. кн. Николая Александровича," т. CLXII, апр., 144—151.
Анненковъ, Никол. Ник., Кіевск. ген.-губ., † 1865 г., т. CLXIII., авг., 287, т. CLXIV, дек., 422, 427.
Антингъ, худож., 1791 г., т. CLXIV, окт., 125.
Антоній, митроп. спб., 1845 г., т. CLXI. янв., 74, т. CLXII, іюнь, 555.
Антушевичъ, подполков., 1876 г. т. CLXI, февр., 395, 396.
Аньелинъ, Іоганъ, т. CLXIV. дек, 497.
Апухтина, Соф. Ил., въ зам. Георгіевская, т. CLXII, іюнь, 460.
Апухтинъ, од., 1877 г., т. CLXIII, іюль, 90.
Аракчеевъ, гр., Алексѣй Андр., р. 1769 † 1834 г., т. CLXII, май, 337.
Арсеньева, К. С., рожд. Шевырева, т. CLXIII, сент. 416.
Арсеньевъ, кап. 1-го ранга, 1863 г., т. CLXIV, нояб., 266.
Архидіаконскій, педаг., 1845 г, т. CLXII, іюнь, 455, 456.
Аршинина, арт-ка, 1845 г., т. CLXI, янв., 12.
Асмусъ, т. CLXIV, дек. 507.
Ахматова, Елис. Ник., писат-ца, 1860 г., т. CLXII, май, 266, 269.
Афанасьевъ, подполков., 1877 г., т. CLXI, янв., 232., т. CLXII, апр., 167, т, CLXIII, іюль, 96.
Афанасьевъ, Евг. Ив., проф., мед., 1889 г., т. CLXII, апр., 165.
Аѳанасьевъ, (псевд. Аѳанасьевъ—Чужбинскій), Алсд. Степ., писат., т. CLXIV, окт., 109, 113, 136.
Аѳанасій Дроздовъ, рект. спб. дух. акад., 1841 г., т. CLXI, янв. 102.
Аѳанасій, архіеп. Ростовск. и Ярославск., 1767 г., т. CLXII, апр., 48.

Б.

Бабенко, пор. 1904 г., т. CLXII, іюнь, 497, 503.
Бабухинъ, проф. 1862 г., т. CLXI, мартъ, 519.
Багаевъ, г.-м. 1915 г., т. CLXII. май, 398.
Багалѣй, Д. И., проф. т. CLXI. мартъ, 568.
Бажановъ, В., его стихотв. на кончину вел. кн. Николая Александровича, т. CLXII, апр., 151.
Базилевскій, Ков. губернат. 1875 г., 1875 г. т. CLXII, іюнь, 479.
Базили, атташе рус. посольст. въ Константинополѣ 1878 г., т. CLXI, мартъ, 502.
Балкъ, полков. 1877 г., т. CLXIII, іюль, 81.
Барановскій, врачъ 1889 г., т. CLXII, апр., 158.
Баратынскій, Евг. Абрам., поэтъ, † 1844 г., т. CLXI, янв., 117—146.
Бартеневъ, П. И., изд. рус. Архива, т. CLXII, май, 269.
Бартеневъ, Ю. С., 1846 г., т. CLXIII, сен., 417.
Баршевъ, Серг. Ив., рект. москов. унив. 1862 г., т. CLXI, мартъ, 519.
Барятинскій, кн., Алсд. Ив., намѣстн. кавказ., † 1879 г., т. CLXIII, сент., 409.
Батюшковъ, Дм. Ник., т. CLXII, май, 357.
Бахметевъ, ген. м. 1801 г., т. CLXIII, іюль, 133.
Бахтинъ, Н. Н., педаг.-писат., 1910 г., т. CLXI, февр., 448.
Бебутовъ, кн., редакт. Тифлис. Вѣстн. 1876 г., т. CLXI, февр., 394.
Беєръ, проф. хирургъ 1876 г., т. CLXI, февр. 397, 402.
Безакъ, Н. А., артил. т. CLXII іюнь, 529.
Безобразова, Марія Влд., † 1914 г., т. CLXI, мартъ, 630—641, т. CLXIII, сент., 443—451.
Безобразовъ, Вл. Пав., публицистъ, р. 1828 † 1889 г., т. CLXIV, 425.
Безсоновъ, Н. А., проф. 1847 г., т. CLXIII, сент., 419.
Беклемишевъ, Петр. Алсд., 1878 г., т. CLXII, май, 303, 304.
Бенкендорфъ, графъ, посолъ въ Лондонѣ 1912 г., т. CLXII, май, 259, іюнь, 423, 424, 434, 437, 448, 452, т. CLXIII, іюль, 7, 10, 12, 13, 14, т. CLXIV, нояб., 187.
ф. Бергъ, бар., управл. имѣн. 1915 г., т. CLXIV, окт., 167.
Бердяевъ, ген. т. CLXIV, дек., 444—464.
Березина, Ек. Дм., въ зам. Пирогова, † 1846 г., т. CLXII, май, 265, 269.
Березина, Ек. Ннк., рожд. гр. Татищева, т. CLXII, май, 271.
Березовскій, полит. преступ. 1867 г., т. CLXIII, ав., 261.
де Бермуденъ, испан. повѣрен. въ дѣлахъ въ Спб. 1811 г., т. CLXII, май, 331.
Бернацкій, В. А., сообщ: „Изъ писемъ артиллер. офицера съ австрійскаго фронта," т. CLXII, апр., 96-112, „Памятникъ А. И. Кушелеву," т. CLXIII, іюнь, 132—134.

Бернгардтъ, педагогъ 1846 г., т. CLXI, янв., 190.
Берновъ, полков., воен. судья 1876 г., т. CLXI, февр., 390.
Беръ, бар., Алсд. 1915 г., т. CLXIV, окт. 171.
Бестужевъ, гр., Алексѣй Петр., канцл., † 1767 г., т. CLXIV, дек., 373—378.
Бильбасовъ, Вас. Алексѣев., историкъ, т. CLXIV, окт., 120.
Биронъ, Іоганнъ-Эрнстъ, герцогъ курляндскій, † 1772 г., т. CLXI, мартъ, 543.
Бисмаркъ, германск. политич. дѣятель, т. CLXI, янв., 29, февр., 239.
Бистромъ, Алсд. Антон., въ зам. Пирогова, т. CLXII, май, 264—290.
Битяговскій, 1591 г., т. CLXI, мартъ. 604, 608.
Благосвѣтловъ, Григ. Евл., писат., † 1880 г. т. CLXI, мартъ, 642—647.
Блахинъ, кап. 1904 г., т. CLXII, іюнь, 497.
Блудова, гр-ня, Антонина Дм. фрейлина † 1891 г., т. CLXII, апр., 161.
Блудовъ, гр., Дм. Никол., мн. вн. дѣлъ † 1864 г., т. CLXI, янв., 17, т. CLXIV, дек., 422.
Бобриковъ, Ник. Ив., ген.-лей т., 1889 г., т. CLXII, апр., 161, 162.
Бобырь, ген. 1915 г., т. CLXIV дек., 514—515.
Боголюбовъ, художн. 1863 г., т. CLXIV, окт., 74.
Бодянскій, О. М., проф., † 1878 г., т. CLXIV, сент., 417, 424, 425.
Болонинъ, полковн. 1915 г., т. CLXII, май, 398.
Боратынскій, см. Баратынскій.
Борисъ, княжичъ болгарскій, т. CLXIV, ноябр., 180, 182.
Борисовъ, С., ген. 1812 г., т. CLXI, февр., 442.
Бороздинъ, Алексѣй Ник., нововилейск. уѣзда. предвод. дворян., т. CLXIII, авг., 279.
Боткинъ, Серг. Петр., лейбъ-мед., проф., † 1889 г., т. CLXIII, сент., 442.
Бочкаревъ, В., сообщ: „Культурные запросы русскаго общества начала царствованія Екатерины II по матеріаламъ Законодательной коммиссіи 1767 года,“ т. CLXI, янв., 64—72, февр., 324—342, мартъ, 561—575, т. CLXII, апр., 38—59, май, 312—325.
Бракманъ, Оскаръ Алсд., д. ст. сов. т. CLXIV, дек., 496.
Брандорфъ, 1846 г., т. CLXIII, сент., 433.
Брандтъ, Е. Е., учредит. частн. Коммерг. банка 1864 г., т. CLXII, май, 345, т. CLXIV, нояб., 209.
Браше, О. Р., членъ Гос. Думы 1915 г. т. CLXII, май, 412.
Бревернъ, К. Ю., членъ Гос. Думы 1915 г., т. CLXII, май, 412.
Бревернъ, Магн. Ив., нач. артил. гв. корп. 1877 г., т. CLXII, Іюнь., 529.
де Бретейль, франц. послан. 1792 г., т. CLXI, февр., 276, мартъ, 541, т. CLXII, апр., 35, май., 295, т. CLXIV, дек., 359.
Брешко-Брешковскій, корресп. „Бирж. Вѣд.,“ 1915 г., т. CLXIV, окт., 162.
Бритневъ, 1871 г., т. CLXIV, нояб., 204, 205, 206, 207.
Брозинъ, фл. ад. 1814 г., т. CLXIV, окт., 40.
Брокъ, Петръ Ѳед., мин. финанс., † 1875 г., т. CLXI, янв., 83, 8
369, 373, мартъ, 583, т. CL
338.
Броневскій, В., морск. оф. 1836 г., т. CLXI, мартъ, 500.
фонъ-Брюммеръ, г.-л. 1915 г., т. CLXII, май, 397.
Брюстъ, воен. прокур. 1876 г., т. CLXI, февр., 390, 395, 411.
Брянчаниновъ, ротм. 1877 г., т. CLXII, апр., 170, 172. 174.
Будановъ, В. П., т. CLXI, февр., 498.
Будбергъ, полков. 1762 г., т. CLXIV, окт., 121.
Бульмерингъ, инж. полковн. † 1877 г., т. CLXI, февр., 401, 409, 413.
Бунге, Ник. Христ., мин. фин. † 1895 г., т. CLXII, апр., 62, май, 350, т. CLXIV, дек., 408, 411, 415.
Бургоэнъ, гр., франц. посолъ 1830 г., т. CLXI, февр., 416, 418. 423, мартъ, 590, 591, 592.
Буслаевъ, Ѳед. Ив., проф. 1860 г., т. CLXII, май, 355.
Бутковъ, Вл. Петр., госуд. секрет., † 1881 г., т. CLXI, янв., 19, 85.
Бутовская, Над. Петр., въ зам. Ивахненкова, т. CLXIV, окт., 99.
Бутовская, Ольга Дм., въ зам. Коренева, т. CLXIV, окт., 107.
Бутовскій, А. Д., сообщ.: „Въ вагонѣ августѣйшаго главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній,“ т. CLXIII, ав., 181—208, сент. 475, „Прекратившійся родъ,“ т. CLXIV, окт., 96—146. Упом. февр., 448.
Бутовскій, Дм. Петр., † 1865 г., т. CLXIV, окт., 99.
Бутовскій, Н., воен. писат. 1915 г., т. CLXIII, іюль, 156.
Бутовскій, Петръ Данил., т. CLXIV, окт., 133.
Бутовскій, директ. деп. мануф. и торговли 1859 г., т. CLXII, апр., 62.

Бутурлинъ, гр., Петръ Алсд., р. 1734 † 1777 г., т. CLXI, февр., 278, мартъ, 536.
Буцковскій, Никол. Андр., т. CLXI, янв., 17, 18, 20, 23.
Бѣлинскій, Вис. Григ., писат. † 1848 г., т.CLXIII, сент., 443.
Бѣлинскій, полковн., † 1877 г., т. CLXI, февр., 405.
Бѣлова, Н., сообщ.: „Неизданныя письма Фридриха Великаго о его отношеніяхъ къ Россіи,“ т. CLXI, мартъ, 515—518, упом. февр., 274—282, мартъ, 532—544, апр., 33—37, май, 295—298, т. CLXIV, дек., 359—363.
Бѣлуха-Кохановскій, Мих. Андр., 1861 г., т. CLXIV, окт., 105.
Бѣляевская-Гурылева, 1914 г., т. CLXIV, нояб., 316.
Бѣляевъ, В., А., т. CLXI, дек., 505.
Бѣляевъ, И. С., сообщ.: „Угличское слѣдственное дѣло о смерти царевича Димитрія 15 мая 1591 г., т. CLXI, мартъ, 600—615.
Бьюкэненъ, Дж., англ. послан. 1915 г., т. CLXIII, іюль, 41, т. CLXIV, дек., 401.

В.

Валуевъ, гр., Петръ Алсд. мин. вн. дѣлъ, † 1890 г. „Переписка съ Катковымъ, т. CLXIII, авг., 279—300, сент., 403—413. т. CLXIV, окт., 91—95, нояб., 247—251, дек., 416—430.
Вальтеръ, лютеран. священ. 1915 г., т. CLXIV, нояб., 317.
Ванновскій, Петръ Степ., воен. мн-ръ, † 1904 г., т. CLXII, апр., 195, т. CLXIII, авг., 187.
Варвинскій, Іосифъ Влад., врачъ 1863 г. т. CLXIII, сент., 442, т. CLXIV, нояб., 256.
Варгунинъ, коммерс. 1871 г., т. CLXIV, нояб., 209.
ф. Варденбургъ, Е., ст. сов., лѣсничій 1915 г., т. CLXIV, нояб., 317.
Варламовъ, Конст. Алсд., артистъ, † 1915 г., т. CLXIV, дек., 477.
Варунъ-Секретъ, тов. предсѣд. Гос. Думы 1915 г., т. CLXIII, іюль, 37.
Васильева, Натал. Кирил., рожд. Горбунова, сообщ: „Воспоминанія объ императорѣ Александрѣ II“, 1864—1881 г. г., т. CLXI, февр., 311—323.
Васильевъ, М. Н., проф. живоп. 1890 г., т. CLXI, февр., 321.
Васильевъ, прап. 1915 г., т. CLXII, май, 409.
Васильчиковъ, А. В, новгород. губернат. 1812 г., т. CLXI, февр., 439.
Вачнадзе, кн., полковн. † 1876 г., т. CLXI, февр., 405.
Введенскій, предсѣд. совѣта философ. об-ва 1910 г., т. CLXI, мартъ, 639.
Веллингъ, О., сестра милосерд. 1915 г., т. CLXIV, нояб., 323.
Венедиктъ, архіеп. Олонец. 1843 г., т. CLXII, іюнь, 554.
Веревкинъ, прап. 1877 г., т. CLXIII, іюль, 88, 99.
Верещагинъ, Вас. Вас., художн. † 1904 г. т. CLXIII, іюль, 105.
Вернадскій, И. В., проф., 1858 г., т. CLXI, февр., 370, 371, т. CLXIII, сент., 474.
Вернандеръ, инж. ген. 1915 г., т. CLXIII, сент. 514.
Вершининъ, ген. 1890 г., т. CLXIV, окт., 148, нояб., 279—287, дек., 441—454.
Вессель, Н. Х., педагогъ—писат., р. 1834 † 1906 г., т. CLXI, февр., 444, 447.
Вильгельмъ I, императоръ германскій, т. CLXI, февр, 239, 470, 471, мартъ, 653, т. CLXII, апр., 208, май, 389.
Вильгельмъ II, императоръ германскій, т. CLXI, февр., 238, т. CLXIII, іюль, 161, 165, авг., 328, сент. 517.
Вилье, бар., Яковъ Вас., лейбъ—мед. † 1854 г., т. CLXIV, окт. 40.
Вишневецкій, Іеремія, гетманъ, † 1651 г., т. CLXIV, окт., 135.
Вишневскій, В. П., 1915 г., т. CLXII, май, 387.
Владиміръ Александровичъ, вел. князь, † 1909 г., т. CLXII, апр., 146, 154, т. CLXIII, авг., 270, 271, 273, сент., 459, 463.
Войцеховичъ, 1843 г., т. CLXII, іюнь, 552, 554.
Волжинскій, г.-м. 1915 г., т. CLXII, май, 398.
Волохова, Василиса, мамка царевича Димитрія, т. CLXI, мартъ, 604, 608.
Волковъ, Алсд. Павл., полтав. губерн. 1861 г., т. CLXIV, окт., 105.
Волковъ, Дм. Вас., государ. секрет. 1762 г., р. 1718 † 1785 г., т. CLXI, мартъ, 534.
Волконскій, кн., Д. М., правит. Грузіи 1804 г., т. CLXIII, іюль, 134.
Волконскій, кн., депут. законод. комис. 1767 г., т. CLXII, май, 318.
Волконскій, кн., ген. ад. 1814 г., т. CLXIV, окт., 40.
Волхонскій, издат. „Свободной Россіи,“ 1893 г., т. CLXII, май, 376.

Волынцевичъ, В. В., педаг.—писат. 1910 г., т. CLXI, февр., 449.
Вольноходовъ, А., сообщ. „Послѣдніе дни и послѣдні‌я письма героя Шипки Ѳ. Ѳ. Радецкаго,“ т. CLXII, апр., 156—165.
Вольфъ, бар., деп. Гос. Думы 1915 г., т. CLXII, май, 412.
Вонлярлярскій, оф. 1877 г., т. CLXIII, іюль, 82.
Воронова, Евг. Никол., † 1913 г., т. CLXI, мартъ, 637.
Вороновъ, П. Н., сообщ. „Изъ записной книжки „Рус. Старины,“ Имп. Александръ III и Вильгельмъ II,“ „Имп. Александръ III и кн. Бисмаркъ,“ т. CLXI, янв., 29, „Необнародованная телеграмма Государя Императора Императору Вильгельму отъ 16 іюля 1914 г.,“ февр. I, „Вильгельмъ I, Бисмаркъ и Мольтке въ Петербургѣ въ 1873 году,“ февр., II, „Къ портрету М. В. Алексѣева,“ т. CLXII, апр., I-III, „Анат. Ѳед. Кони. Къ 50 л. его литерат. и обществ. дѣятельности,“ т. CLXIV, окт., I-IV.
Воронцова, 1763 г., т., CLXI, февр., 278, т. CLXII, апр., 33, май, 296, т. CLXIV, дек., 361.
Воронцова, княгиня, 1867 г., т. CLXIII, авг., 273.
Воронцовъ, гр., Мих. Иллар., Госуд. канцл. † 1767 г. т. CLXI, февр., 274, 279, т. CLXIV, дек., 378.
Воронцовъ, гр., Романъ Иллар., ген.-аншефъ, р. 1707 † 1783 г., т. CLXI, мартъ, 534, 536.
Воронцовъ-Вельяминовъ, Н. П., попечит. Варшав. учеб. окр., т. CLXIV, дек., 429.
Воронцовъ-Дашковъ, гр., намѣстн. на Кавказѣ 1915 г., т. CLXII, апр., 131.
Воронцовъ, кн., владѣт. Алупки 1867 г., т. CLXIII, авг., 265.
Врангель, бар., г.-м. 1915 г., т. CLXII, май, 397.
Востросаблинъ, оф. 1877 г., т. CLXIII, іюль, 105.
Вронченко, Ѳ. П., мин. финанс. † 1853 г., т. CLXI, янв., 83, 84, 85, 86.
Вурцель, И. А., чиновн. рус. посольст. въ Константиноп. 1878 г., т. CLXI, мартъ, 502.
Вырубовъ, проф. 1865 г., т. CLXI, мартъ, 524.
Вышнеградскій, Ив. Алексѣев., мин. фин., т. CLXII, апр., 161, т. CLXIII, сент., 482.
Вяземскій, кн. Петръ Андр., писат., † 1878 г., т. CLXI, янв., 131, т. CLXIII, сент., 461.

Г.

Габерландтъ, педагогъ 1846 г., т CLXI янв., 190.
Гавріилъ, архіеп. херсон. 1861 г., т. CLXIII, іюль, 113.
Гагаринъ, кн., предсѣд. верховн. слѣдств. комис. 1847 г. т. CLXI, янв., 79, 81, 82.
Гагемейстеръ, директ. канц. по кредитн. части 1859 г., т. CLXII, апр. 62, 68, май, 338, 339.
Газенкампфъ, полков. 1877 г., т., CLXII, май, 303.
Гакстгаузенъ, датскій послан. 1762 г., т. CLXI, февр. 274—282, мартъ, 532—544, т. CLXII, апр. 33—37, май, 295—298, т. CLXIV, дек., 359—363.
Галахова, Зин. Львов., т. CLXIV 254.
Галаховъ, Алексѣй Дм., профес., р. 1807 † 1892 г., т. CLXIV, нояб., 254.
Галлъ, ген. 1877 г., т. CLXII, апр., 182, 183, май 301, 302.
Гамильтонъ, В. А. артил. 1877 г., т. CLXII, іюнь, 529.
Ганецкій, ген. 1878 г., т. CLXII, апр., 154, т, CLXIII, іюль, 80.
Ганьковъ, капит. 1915 г. т. CLXIII, ав., 249.
Гарри, корреспондентъ 1915 г., т. CLXII, сент., 507.
Гартвигъ, послан. въ Бѣлградѣ 1912 г., т. CLXII, май, 235, 237, 246, іюнь, 427, т. CLXII, іюль, 27, 35, 36, авг., 210, 217, 224, 227, 230, 237, 240, Сент., 372. 383—402.
Гартманъ, лейбъ-мед. 1863 г., т., CLXIV, нояб., 268.
Гейденъ, гр., 1876 г., т. CLXII, іюнь 523.
Гедеонъ, еписк. полтавск. 1843 г., т. CLXII, іюнь, 555.
Гейкингъ, бар., помѣщ. 1915. г., т. CLXIII, авг., 362.
Гейманъ, ген. 1877 г., т. CLXI, февр., 413.
Гендриковъ, гр., т. CLXIV, дек., 362.
Георгіевская, Над. Ив., т. CLXIII, сент., 428, 441, т, CLXIV, нояб., 252, дек., 431—440.
Георгіевская, Соф. Вл., см. Апухтина.
Георгіевская, Соф. Дм. рожд Чугаевичъ, т. CLXI, февр., 356.
Георгіевскій, Алсд. Ив., проф, сенат., р. 1830. г., † 1911 г., его записки, т. CLXI, февр., 343-362, т. CLXII, апр., 72-89, май, 353-366, іюнь, 453-471, т. CLXIII, сент. 414-442, т. CLXIV, окт., 80-90. нояб., 252-257, дек., 431—440.

Георгіевскій, Васил. Ив. т. CLXI, февр., 347, т. CLXII, апр., 72, май, 358, 360, 362, 465, т. CLXIII. сент., 416, 438, 440, 441, т. CLXIV, нояб., 252, дек., 431, 432.
Георгіевскій, Дм. Ив., т. CLXI, февр., 347, 349, т. CLXII, апр., 72. 73, май, 355, іюнь 460, 465, т. CLXIII, сент. 416, 441.
Георгіевскій, Ив. Васил., докт. мадиц. 1825 г. т. CLXII, февр., 351-355.
Георгіевскій Левъ Алсд. сообщ: записки А. И. Георгіевскаго „Мои воспоминанія и размышленія." т. CLXI, февр., 343—362, т. CLXII, апр., 72—89, май, 353—366, іюнь, 453—471, т. CLXIII, сент. 414—442, т. CLXIV, окт. 80—90, нояб. 252—257.
Герве, лект. англ. яз. москов. унив. 1846 г., т. CLXIII, сент., 428, 430.
Германсонъ, Гуго, управл. имѣніемь 1915 г., т. CLXIII, авг., 359.
Гернгросъ, 1861 г., т. CLXIV, нояб., 210.
Герценъ, Ал. Ив., писатель, † 1870 г., т. CLXI, февр., 372, 373, мартъ, 524, т. CLXIII, сент., 417.
Гершельнъ, артил. 1877 г., т. CLXII, апр., 166.
Гессе, т. CLXIV, дек., 424.
Гизенъ, Августъ Матв., 1863 г., т. CLXIV, окт., 91.
Гильденштубе, ген.-ад., 1877 г., т. CLXI, янв., 235.
Гильфердинъ, екад., т. CLXIV, дек., 422, 424.
Гинденбургъ, главноком германск. войск. 1915 г., т. CLXI, янв. 212, 221, февр., 451, т. CLXII, май, 382, т. CLXIII, іюль, 169, авг. 328, т. CLXIV, нояб., 315, 326.
Гирсъ, Ник. Карл., мин. ин. дѣлъ, † 1895 г., т. CLXII, апр., 161, т. CLXIII, іюль, 9.
Гирсъ, посолъ въ Турціи 1912 г., т. CLXII, апр., 113—135, май, 231—260, іюнь, 426, 429, 432, 447, 449, 450, т. CLXIII. іюль, 9, 10, авг. 223, сент. 375, т. CLXIV, окт. 16, нояб. 182.
Гладстонъ, англ. госуд. дѣятель т. CLXII, апр., 138, 139, 140, май, 375, 377, іюнь, 525—528.
Глазенапъ, Богд. Алесд., кап. лейт., т. CLXII, май, 271, 272, 283, 285.
Глазенапъ, Г. А., артил. 1877 г., т. CLXII, іюнь, 529.
Глазенапъ, гл. команд. Черноморск. флота 1863 г., т. CLXII, авг., 268, сент. 465.
Глазовъ, депут. законодат. комис. 1767 г., т. CLXI, янв., 71, т. CLXII, апр., 53, 54.
Глѣбовъ, Ив. Тим. проф., медикъ т. CLXI, февр., 358, т. CLXIII. сент., 439, 442, т. CLXIV, нояб., 255, 256, дек., 432—436.
Глѣбовъ, Серг., священ., 1903 г., т. CLXI, янв., 204.
Глѣбовъ, об. прокур. 1760 г. т. CLXI. мартъ, 543.
Говорскій, ред. „Вѣстн. Юго и Сѣв. Зап. Россіи" 1863 г., т. CLXIV, нояб., 248, дек., 421, 422.
Годуновъ, Борисъ, царь, т. CLXI, мартъ, 604,6 05, 606, 608, 615.
Гозадино, Алсд. Антон., т. CLXIII, іюль 115.
Гозадино, Игнатій (въ мірѣ Іаковъ Конст.) митроп. Готфейскій и Кефайскій, † 1786 г., т. CLXIII, іюль, 111—131.
Гозадино, Конст. Им. т. CLXIII, іюль, 115.
Гозадиновъ, Ант. Конст., т. CLXIII, іюль, 115.
Гозадиновъ, Алексд. Игнатьев. т. CLXIII, іюль, 115.
Гозадиновъ (Гозадино), Ив. Ант. 1777 г., т. CLXIII, іюль, 112, 115, 127,
Гозадиновъ, Игн. Ив. † 1865 г., т. CLXIII, іюль, 111—131.
Гойнингенъ-Гюне бар., О. Ф., 1915 г., т. CLXIII, авг., 359.
Голицынскій, капит., 1876 г., т. CLXI, февр. 399, 400.
Голицынъ, кн. Алсд. Мих., вице канцл., р. 1723 † 1807 г., т. CLXI, февр., 280.
Голицынъ, Алед. Ник. мин. дух. цѣлъ и просв., † 1844 г. т. CLXII, май, 327—337, т. CLXIII, сент. 417.
Голицынъ, кн., полковн. 1915 г., т. CLXII, май, 398.
Головинъ, Петр. Петр. воевода 1608 г., т. CLXI, февр., 435.
Головкинскій, попечит. харьков. учебн. окр. 1845 г., т. CLXI, янв., 199., 200,
Головинъ, Ив. Гавр., публицистъ, 1860 г. т. CLXIV, дек., 418.
Головнинъ, Алсд. Вас. мин. просв., † 1886 г., т. CLXIII, ав., 281, 291, 292.
Голофѣевъ, полков. 1877 г., т. CLXII. апр., 174.
Голощаповъ, воспит. москов. дворян. инст. 1839 г., т. CLXIII, апр., 73, 74,
Гольдъ, докт. 1889 г., т. CLXII, апр., 158, 159.
Гольдманъ. Я. Ю., чл. Госуд. Думы 1915 г., т. CLXIII, авг., 361, т. CLXIV, нояб., 311, 312, дек. 480.
фонъ-деръ-Гольцъ, герман. фельдмарш., 1915 г., т. CLXI, янв., 212.
Голштейнъ—Бекскій, принцъ Петръ-Августъ, р. 1697 г., т. CLXI, февр., 278, 279.

Горбуновъ, К. А. художн. 1864 г., т. CLXI, февр., 313.
Горемыкинъ, предсѣд. сов. ,мин. въ 1915 г., т. CLXIII, іюль, 43—46.
Горленко, Анна Вас., въ зам. ф.-Райзеръ, т. CLXIV, окт., 98.
Горленко, Вас. Пав., т. CLXIV, окт., 98.
Горленко, Дм. Вас., 1834 г., т., CLXIV, окт., 98, 110.
Горова, Нат. Ник., въ зам. Скарятина, т. CLXI, янв., 50—63, февр., 284—296, мартъ, 544—560, т. CLXII, апр., 24—32, май, 305—311.
Горовъ, Никол. Алексѣев., т. CLXI, янв., 50—63, февр., 284—296, мартъ, 544—560.
Горчаковъ, кн., Ал. Мих., канцлеръ, † 1883 г., т. CLXI, янв., февр., 299—310, 163, мартъ, 502, т. CLXII, апр., 90, май, 300, т. CLXIV, нояб., 248, 249.
Горчаковъ, Алексѣй Ив., ген.-лейт., т. CLXI, февр., 438, 442.
Горчаковъ, кн., Мих. Дм., главноком. Крымск. арм., † 1861 г., т. CLXI, янв., 5.
Гофманъ, М. Л., сообщ.: „Поэмы Боратынскаго“, т. CLXI, янв., 117—146.
Грабе, ген.-лейт., 1876 г., т. CLXI, февр., 400, 401, 405, 410.
Грановскій, Тим. Ник., проф. т. CLXII, іюнь, 467, 468, 469, 470, т. CLXIII, сент., 422, 438.
Гревеницъ, бар., дипломатъ, т. CLXI, янв., 85.
Грейгъ, морск. мин. 1855 г., т. CLXI, мартъ, 579, т. CLXIV, дек., 408.
Грессеръ, спб. градонач. 1889 г., т. CLXII, стр., 161.
Григорій, Воиновъ, орх. 1870 б., т. CLXI, янв., 88, 110.
Григорій, митроп. спб., 1852 г. т. CLXI, янв., 110.
Григоровичъ, Викт. Ив., проф., 1846 г., т. CLXIII, сент., 425.
Грингмутъ, публицистъ, т. CLXII, іюнь, 525.
Гриневъ, чинов. рус. посопьст. въ Константиноп. 1878 г., т. CLXI, мартъ, 502.
Громанъ, педаг. 1860 г., т. CLXII, май, 361.
Громачевскій, педаг.-писат., т. CLXI, февр., 446.
Гудовичъ, 1762 г. т. CLXI, мартъ, 532.
Гулакъ-Артемовская, т. CLXIV, окт. II.
Гурдовъ, Пав. Вас., шт.-кап. 1915 г., т. CLXII, май, 394, 401.
Гурко, І. В., Варшав. ген.-губ. 1890 г., т. CLXII, апр., 154, 158, май, 301, т. CLXIII, іюль, 143, 144, сент. I.
Гурій, архіерей 1867 г., т. CLXIII, авг., 266.
Гурьевъ, гр. мин. фин., т. CLXI, янв. 162, 168.
Гучковъ, Алсд. Ив., главноуполном, Кр. Крсста 1915 г., т. CLXI, февр. 452, т. CLXII, іюнь, 594, т. CLXIII. іюль, 149, т. CLXIV, нояб., 321.

Д.

Давыдовъ, И. И., проф. 1846, г. т, CLXI, мартъ, 519, т. CLXIII сент., 420.
Данилевскій, Григ. Петр., т. CLXII, май, 350, іюнь, 453, 454, 455, 461.
Даниленко, корресподентъ 1915 г., т. CLXIII, авг., 331.
Даниловичъ, Г. Г. воспитат. императора Николая II, т. CLXI, февр., 445.
Дашковъ, ин., капит. 1762 г., т. CLXI, мартъ, 536.
Дежарденъ, Артуръ, чл. акад. наукъ, т. CLXI, фев., 416.
Деллинсгаузенъ, бар., Карлъ, помѣщ. 1915 г., т. CLXIII, авг., 359.
Деллингсгаузенъ, бар., завѣд. воен.-Конскимъ участк. Везенбергск. уѣзда 1915 г., т. CLCIII, Іюль, 163.
Делькасе, фр. Госуд. дѣят. 1915 г., т. CLXIV, дек., 401.
Дель, семейство 1785 г., т. CLXIV, окт., 123.
Деляновъ, Ив. Давид., мин. нар. просв., † 1898 г., т. CLXII, май, 362.
Демидовъ, послан. въ Аѳинахъ 1912 г., т. CLXII, май, 247, т. CLXIII, іюль, 21—34, авг., 218—238, сент. 372, 384, 391, 399, 401.
Дзичканецъ, ген. отъ инф. 1915 г., т. CLXII, май, 397.
Дзѣвчопольская, А. В., см. Коренева.
Дибичъ-Забалканскій, гр. Ив. Ив., фельдмарш., † 1830 г., т. CLXI, мартъ, 593, 596.
Димитрій, царевичъ † 1591 г., т. CLXI, мартъ, 600—615.
Дипесъ, Геральдъ Адольф., т. CLXIV, дек., 497.
Диринъ, эскадрон. команд. 1915 г., т. CLXIII, авг., 246.
Дишколіани, кн.. полковн. †1877 г. т CLXI, февр., 405.
Долгорукій, кн., Вас. Влд., ген-поруч. † 1782 г., т. CLXI, февр., 275.
Долгорукій, кн., ген. лейт., т. CLXI, мартъ, 485.

Долгорукій, кн., кап. гвард. 1762 г., т. CLXI, мартъ, 535.
Долгоруковъ, кн., Вас. Андр., воен. мин., впосл. шефъ жанд., р. 1804, † 1868 г., т. CLXIII, сент., 409, т. CLXIV, нояб., 249.
Долгоруковскій, попечит. харьков. учеб. окт., 1847 г., т. CLXI, янв., 199, 200, 201, 202.
Долина, Мар., Ив., рожд. Горленко, артистка 1915 г., т. CLXI, янв., 211, т. CLXII, іюнь, 575, 576.
Доманскій, публицистъ 1915 г., т. CLXIII, авг., 336.
Доможировъ, кап. 1-го ранга 1904 г., т. CLYII, іюнь, 501, 503.
Домонтовичъ, Конст. т. CLXI, мартъ, 586.
Достоевскій, Ѳед. Мих., писат. † 1881 г., т. CLXIII, сент., 447.
Дохтуровъ, ген., 1877 г., т. CLXI, мартъ, 683, т. CLXII, апр., 173, т. CLXIII, іюль, 80—95.
Драгомировъ, М. И., ген. 1878 г., т. CLXII, май, 302.
Драшковскій, Мих. Никол., ген., 1900 г., т. CLXIII, авг., 182, 184, 188.
Драшусова, Ел. Ал., см. Ошанина.
Драшусовъ, В. Н., 1846 г., т. CLXIII, сент., 417.
Дрентельнъ, Алсд. Роман., г-ад. 1878 г., т. CLXI, мартъ 684, 685, т. CLXII, апр., 155.
Дрентельнъ, Н. С., педаг.-писат. 1910 г., т. CLXI, февр., 448.
Друцкій-Любецкій, Кн. членъ Гос. Сов., 1848 г., т. CLXI, янв., 83.
Дуббельтъ, Леонт. Вас., шефъ жанд., т. CLXI, янв., 80, 81.
Дуплицкій, Конст. Дм., ген.-маіоръ 1915 г., т. CLXIV, дек., 496.
Дурново, Ив. Ник., ст. секрет. 1889 г., т. CLXII, апр., 160, 161.
Дуровъ, членъ кружка Петрашевскаго 1847 г. т. CLXI, янв., 77, 78.

Е.

Евгеній, архіеп. ярослав. 1848 г. т. CLXI, янв., 106, 107, 108, 109, 110.
Егоровъ, Ник., прапорщ. 1915 г., т. CLXIV, нояб., 298.
Екатерина I, императрица, т. CLXI, мартъ, 484.
Екатерина II, императрица, т. CLXI, янв., 64—72, 160, февр., 279—282, 324—342, мартъ, 501, 517, 561—575, т. CГXII, апр., 38—59, май, 312—325, іюнь, 517, іюль, 125, 133, т. CLXIV, окт. 121. 122, дек., 361—363, 364—378.
Елагинъ, депут. законодат. Комис. 1767 г., т. CLXI, янв., 71.
Елисавета Петровна, императрица, т. CLXI, февр., 275, 276, 277, т. CLXIV, окт.. 166, дек. 362, 376, 378.
Елисѣевъ, коммерс. 1871 г. т. CLXIV, нояб., 209.
Елпидифоръ, еп. вятскій 1859 г., т. CLXI, янв., 111.
Ермолинскій, Ник. Ник., шталмейст., 1915 г., т. CLXIII, авг., 182.
Ермоловъ, Алекс. Петр., ген. † 1861 г., т. CLXII, іюнь, 557, т. CLXIV, нояб., 313.
Ерунковъ, Вас. прап. 1915 г. т. CLXIV, дек., 496.
Ефремовъ, А. М., т. CLXI, февр., 358.
Ефремовъ, проф. 1840 г., т. CLXIII, сент., 425.

Ж.

Жеребцовъ, депут.-законодат. комис. 1768 г., т. CLXI, янв., 71, т. CLXII, апр., 50—56, май, 319.
Жилинскій, ген. 1915 г., т. CLXIV, дек., 506.
Житомірскій, К. Г., педаг.-писат. 1910 г., т. CLXI, февр., 448.
Жоффръ, главноком. фр. арміей 1915 г., т. CLXI, февр., 469—470.
Жуковскій, Вас. Андр., писат. † 1852 г., т. CLXI, янв., 128, мартъ, 580.
Жукъ, докт. 1915 г., т. CLXII, май, 399.
Сенъ-Жюльенъ, австр. повѣрен. въ дѣлахъ съ Спб. 1811 г. т. CLXII, май, 330—332.

З.

Заблоцкій-Десятовскій, Андр. Пареен., ст. секрет. † 1881 г., т. CLXI, февр., 368.
Завріевъ, докт. медиц. 1912 г., т. CLXII, апр., 120.
Загоскинъ, прап. 1877 г., т. CLXIII, іюль, 101.
Зайковскій, Дм. Ефим., инспект. унив. 1846 г., т. CLXII, іюнь, 465, 466, 467, т. CLXIV, окт., 81.
Закревская, гр-ня, А. Ѳ., т. CLXI, янв., 135.

Закъ, банкир. 1881 г., т. CLXIV, дек., 412.
Замятнинъ, Дм. Мик., Нин.-юстиц. т. CLXI, янв., 19.
Заруцкій, Ив., 1590 г., с. CLXI, февр., 436.
Зарудный, Серг.-Ив., т. CLXI, янв., 17, 18, 20, 23.
Засуличъ, Вѣра, т. CLXIV, окт., II.
Захарьинъ, проф., мед., 1862 г. т. CLXI, мартъ, 519.
Звегинцевъ, лифлян. губернат. т. CLXIV, дек., 505.
Здекауеръ, Н. Ф., проф., мед., т. CLXII, апр., 144, май. 271, 283, 285.
Зейдлицъ, Алсд. Карл., педагог. 1840 г., т. CLXII, апр., 78, 79, 80.
Зеленой, Алекс. Алексѣев. мин. Госуд. имущ. † 1880 г., т. CLXIII, сент., 409.
Зеленой, Илья Алсд., гофмейст. 1905 г., т. CLXIII, авг., 184.
Земацкій, проф., 1915 г., т. CLXII, май, 378.
Зиминскій, ген.-м., воен. юристъ 1876 г., т. CLXI, февр., 390.
Зингеръ, комп. швейн. мащинъ, т. CLXIV, дек. 497.

И.

Ивановскій, И. А., проф. 1842 г., т. CLXI, янв., 74.
Ивановъ, ген.-ад. 1915 г., т, CLXII, апр., II.
Ивановъ, кап. уссурійск. жел. дор. бат. 1904 г., т. CLXII, іюнь, 502.
Ивахненковъ, Гр. Ив., т. CLXIV, окт., 99, 130.
Игнатій, архим., настоят. Сергіев. пустыни 1870 г. т. CLXIII, сент., 474.
Игнатьева, гр.-ня, супруга гр., Н. П. Игнатьева, т. CLXII, апр., 141, т. т. CLXIII, авг., 273.
Игнатьевъ, гр., Н. П., его записки: „Путешествіе гр. Н. П. Игнатьева изъ Константинополя въ Петербургъ послѣ Константинопольской конференціи,“ т. CLXI, янв., 30 46, февр., 297—310, мартъ, 616—662, т. CLXII, апр., 14—23, упом. февр., 363, мартъ, 503, 616, апр., 153, май 291, 292, 299, 300, 303, 304, 377, іюнь, 518, 529, 530, іюль, 274, авг., 266, 267, сент., 461, 463, т. CLXIV, нояб., 266.
Извольскій, посолъ во франц. 1913 г., т. CLXII, апр., 128, 133, май, 248, 252, 260, іюнь, 435, т. CLXIII, іюль, 17.
Иконниковъ-Галицкій, Петръ Серг., Чл. Гос. Думы 1915 г., т. CLXIII, іюль, 38.
Икскуль, бар., послан. въ Римѣ 1877 г., т. CLXI, янв., 31.
Иліодоръ, арх. курскій 1845 г., т. CLXI, янв., 104, 105, 106.
Илларіоновъ, полков. священ 1915 г., т. CLXIII, авг., 247.
Ильинскій, В., сообщ: „Русскіе у береговъ Эпира. 115 лѣтъ тому назадъ,“ т. CLXI, февр., 251—273, мартъ, 492—501.
Имеретинскій, кн., ген. 1877 г., т. CLXII, іюнь, 530.
Иннокентій, архіеп. херсон. и таврич., т. CLXIII, іюль, 114.
Иннокентій, митроп. москов., т. CLXI, янв., 94.
Исаковъ, Н. В., ген.-ад., попечит. москов. окр. † 1891 г. т. CLXI, февр., 444, 445.
Исаковъ, Я. А., книготоргов. 1871 г., т. CLXIV, нояб., 203, 204, 205.
Ито, маркизъ 1915 г., т. CLXIII, сент. 500.

I.

Іессенъ, вице-адм. 1915 г., т. CLXII. май, 397.
Іоаникій, архим., рект. Ярослав. семин. 1850 г., т. CLXI, янв., 107.
Іогансенъ, Герм. Андр., т. CLXIV, дек., 487.
Іосифъ, Семашко, Митр. литовс., 1839 г., т. CLXII, іюнь, 554.

К.

Кавелинъ, П. А., директ. москов. театровъ 1877 г., т. CLXI, янв., 235.
Кадмина, Евлалія Павл., артистка, 1865 г., т. CLXI, февр., 290.
Казанцевъ, Ив. Ив., дьячекъ 1803 г., т. CLXI, янв., 89.
Кальмыковъ, генер. консуль въ Ускюбѣ 1912 г, т. CLXII, май, 254—257.
Канкрина, гр-ня, Ек. Захар., рожд. Муравьева, т. CLXI, янв., 84.
Канкринъ, гр., Егоръ Франц., мин. финанс. † 1845 г., т. CLXI, янв., 83, 84, февр., 419, мартъ, 582.
Каньяръ, полков. 1866 г., т. CLXIII, авг., 268.

Капгеръ, банкиръ 1860 г., т. CLXII, май, 339.

Капнистъ, гр., попеч. москов. окр., 1885 г., т. CLXI, мартъ, 527.

Каподистрія, гр., Іоаннъ, госуд. дѣят. † 1831 г., т. CLXI, янв., 162.

Каптеревъ, П. Ф., писат., 1910 г., т. CLXI, февр., 448.

Каракозовъ, политич. прест. 1866 г., т. CLXIII, авг., 257.

Карамзинъ, Ник. Мих., историкъ, † 1826 г., т. CLXI, мартъ, 602.

Карауловъ, М. А., Чл. Гос. Думы 1915 г., т. CLXIV, дек., 493, 506.

Карвовскій, врачъ 1889 г., т. CLXII, апр., 158.

Каргановъ, подполков. 1877 г., т. CLXIII, сент., 456.

Карель, лейбъ-мед. 1863 г., т. CLIV, ноябрь, 268.

Карлотти, италіан. посолъ 1915 г., т. CLXIV, дек., 401.

Карльгофъ, Елис. Алексѣев., рожд. Ошанина, т. CLXIII, сент. 417, 419, 423, 426, т. CLXIV, нояб., 252.

Карповъ. кап.-лейт. 1863 г., т. CLXIV, окт., 77.

Карцевъ, инж. 1876 г., т. CLXI, февр., 402, 403, 404.

Касаткинъ, 1871 г., т. CLXIV, 204—205, 206.

Каткова, рожд. княж. Шаликова, т. CLXIII, авг., 296.

Катковъ, Андр. Мих., т. CLXIII, авг. 279.

Катковъ, Мих. Никиф., публицистъ † 1887., переписка съ Валуевымъ т. CLXIII, авг., 279—300, сент. 403—413, т. CLXIV, окт. 91—95, нояб., 247—251, дек., 416—430. Упом. февр., 344, 350, 358, май, 355, іюнь, 525, авг., 417—428, окт. 80—85, нояб., 253—257.

Каула, помѣщ. 1915 г., т. CLXIII, авг., 362.

Кауфманъ, Анжелика, художница, т. CLVI, нояб., 262.

Кауфманъ, Мих. Петр., г.-ад. 1889 г., т. CLXII, апр., 160.

Качуринъ, А. Ѳ., подполков., 1915 г., т. CLXII, апр. 97—99, 102—103.

Квитницкій, ген. 1878 г., т. CLXII. апр., 154.

Квицинскій, воспит. москов. двор. инст. 1839 г., т. CLXII, апр. 73, 74.

Кейтъ, англ. послан. 1762 г., т. CLXI, мартъ, 541, т. CLXII, апр., 33, 34, 35, т. CLXIV, дек., 362.

Келлеръ. подполк. 1904 г., т. CLXII, іюнь, 497.

Келлеръ, гр., нач. штаба 1877 г., т. т. CLXIII, іюль, 109.

Кеппенъ, П. И., 1856 г., т. CLXI, февр., 368, 369.

Керенскій, А. Ѳ., чл. Госуд. Думы 1915 г., т. CLXIV, нояб., 310, дек., 494, 512.

Кириллъ, еписк. подольск. 1840 г., т. CLXI, янв., 95, 96.

Кирѣевскій, И. В., т. CLXI, янв., 119, 138.

Кирѣевъ, Алсд. Алексѣев., ген., т. CLXII, апр., 136, 139.

Кирѣевъ, Никол. Алексѣев., т. CLXII, апр., 136, іюнь, 523.

Кирьякова, Нат. Серг., рожд. Плетнева, т. CLXIV, окт., 133, 134.

Кирьяковъ, Степ. Григ., помѣщ., т. CLXIV, окт., 132, 133, 139.

Киселевъ, гр., Пав. Дм., мин. госуд. имущ. † 1872 г., т. т. CLXI, февр., 371.

Киселевъ, Ѳед. Ѳед., 1861 г., т. CLXIV, окт., 105.

Кистеръ, бар., контролеръ мин-ва имп. Двора 1871 г., т. CLXIV, нояб., 205.

Киттары, М. Я., проф. хим., 1859 г., т. CLXI, мартъ, 522.

Кламротъ, К. А., скрипачъ, 1870 г., т. CLXI, мартъ, 522

Клейнъ, В. К., 1913 г., т. CLXI, мартъ, 600—615.

Клейнмихель, гр., Петр. Андр., † 1869 г., т. CLXI, янв., 86, 87.

Клементина, принцесса, мать Фердинанда Болгарскаго, т. CLXIV, нояб., 175—177, 180.

Клешнинъ, бояринъ 1591 г., т. CLXI, мартъ, 604.

Клименко, вице-конс. въ Адріаноп. 1913 г., т. CLXII, іюнь, 441—446.

Клыковъ, штурман. оф., т. CLXIV, дек., 470, 471.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы.

съ 20 нояб. по 10 дек. 1914 г.—кн. янв., 473—477
„ 10 дек. „ 28 янв. 1915 „— „ март., 686—698
„ 28 янв. „ 26 февр. „ „— „ апр., 217—223
„ 26 февр. „ 4 март. „ „— „ май. 414—416
„ 4 март. „ 18 „ „ „— „ іюнь, на обл.
„ 11 „ „ 18 „ „ „— „ іюль, „ „
„ 1„ „ „ „ „ „ „— „ авг. „ „
„ 18 „ „ 19 апр. „ „— „ сент. 535—540
„ 7 апр. „ 23 іюня „ „— „ нояб. 329—348
„ 23 іюня „ 5 сент. „ „— „ дек., 523—537

Княжевичъ, А. М., т. CLXII, февр., 368. 373, т. CLXII, апр., 68, май, 338, 340, 341, т. CLXIV, дек., 410.

Кобіевъ, ген.-лейт., коменд. Александрополя 1876 г., т. CLXI, февр., 389, 399, 411.

Ковалевская, Соф. Василь., математикъ, т. CLXI, мартъ, 630—632.

Кованько, С. И., учит. геогр. 1847 г., т. CLXI, янв., 201.

Кожинъ, депут. Кошинск. Дворян. Законодат. комис. 1767 г., т. CLXI, янв., 71, мартъ, 567, т. CLXII, май, 317, 318.
Козельскій, депут. Законодат. комис. 1767 г., т. CLXI, янв., 71.
Козенъ, Евгенія Өедоровна, т. CLXII, май, 281, 283.
Козловскій, Карлъ Андр., т. CLXIV, дек., 435.
Козловъ, подпоруч. 1915 г., т. CLXII, апр., 100.
Кокошкинскій, попечит. харьков. учеб. окр., 1852 г., т. CLXI, янв. 199.
Колеровъ, секрет. синода 1843 г., т. CLXII, іюнь, 552.
Комендантовъ, полковн. 1915 г., т. CLXII, май, 398.
Коммисаровъ-Костромской 1866 г., т. CLXIII, авг. 257.
Компасси, Ферд., пѣвецъ 1764 г., т. CLXI, февр., 278.
Кондараки, В. Х., сообщ.: „Жизнъ Императора Александра II на южномъ берегу Крыма". т. CLXIII, авг., 251—278, т. CLXIII, сент., 459—474, т. CLXIV, окт., 69—79, нояб., 258—272.
Кони, Ирина Семен., т. CLXIV, окт. I.
Кони, Анат. Өед.. сенат. сообщ.: „Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля", т. CLXI, янв. 5—28, упом. окт. I—IV.
Кони, Өед. Алексѣев., ред. изд. Пантеона, т. CLXIV, окт., I—IV.
Константинъ - Константиновичъ, вел. князь, главн. начальн. воен. учебн. заведеній, † 1915 г., т. CLXIII, авг., 181—208, т. CLXIV, дек., 477.
Константинъ Николаевичъ, вел. князь, т. CLXI, февр., 314, 369, 372, т. CLXIII, авг., 258, 282, 291. сен. 409, 465, т. CLXIV, окт. 136, нояб., 262, 264.
Коренева, Анна Вас., въ зам. Дѣвчопольская, т. CLXIV, окт., 111.
Коренева, О. Д., см. Бутовская.
Кореневъ, Вас. Алсд., кавалерійск. оф. 1834 г., т. CLXIV, окт. 99, 104, 105, 107, 110.
Кореневъ, Ник. Вас., оф. 1865 г., т. CLXIV, окт., 105.
Корниловъ, ген. 1915 г., т. CLXIII, іюль, 176.
Корнушенко, подполк. 1877 г., т. CLXIII, іюль, 104.
Короевъ, шт.-кап. 1915 г., т. CLXII, апр. 102.
Королевъ, Ник. Ив., т. CLXIV, дек., 497.
Корончицъ, д. ст. сов., 1876 г., т. CLXI, февр., 390.
Корфъ, бар., Іоган. Альбертъ, послан. въ Даніи, р. 1697 † 1766 г., т. CLXIV, дек., 360.
Корфъ, об. полицейм. 1763 г., т. CLXI, февр., 279, т. CLXII, май, 298, т. CLXIV, дек., 362.
Корфъ, ген. поруч. 1792 г., т. CLXI, февр., 277.
Кохановъ, Виленск. ген.-губ., съ 1884—1893, т. CLXII, іюнь, 479, 483.
Коцебу, супруга ген.-губ., 1867 г., т. CLXIII, авг., 273.
Коцебу, гр. Пав. Евстаф., ген.-губ. Новорос. Края † 1884 г., т. CLXIII, сент., 459, 463, 465, т. CLXIV, окт., 70.
Кочетовъ. протоіер. 1840 г., т. CLXI, янв., 74.
Кочубей, В. И., предсѣд. общ. по борьбѣ съ нѣмец.засиліемъ 1915 г., т. CLXIV, 505.
Кочубей, кн., Левъ Викт., Полт. губерн. предвод. двор. 1861 г., т. CLXIV, окт., 142.
Кошелевъ, Род. Алсд., мистикъ, р. 1749 † 1827 г., т. CLXII, май, 326—337.
Кояловичъ, проф. духов. акад. 1863 г., т. CLXIV, дек., 422.
Краббе, Ник. Карлов., морск. мин., 1867 г., т. CLXIII, авг., 277.
Кравченко, ген. 1876 г., т. CLXI, февр., 394.
Кравченко, кoресп. 1915 г., т. CLXIV, дек, 498.
Кравчинскій, (Степнякъ), журналистъ, 1893 г., т. CLXII, май, 376.
Крамеръ, инж. 1877 г., т. CLXIII, іюль, 101.
Красевъ, А., сообщ.: „На пути въ святую землю. По наблюденіемъ епископа Порфирія Успенскаго", т. CLXII, іюнь, 538—556, т. CLXIII, іюль, 56—74, авг., 310—326.
Краузе, директ. москов. двор. инст 1839 г., т. CLXII, апр., 72, 80, май, 356.
Крестовниковъ, Г. А., предсѣд. московск. бирж. комит. 1915 г., т. CLXIII, авг., 331, 333.
Криднеръ, ген. 1877 г., т. CLXII, іюнь, 530.
Кропачева, В. Н., 1915 г., т. CLXII, май, 379.
Круковскій, Андр., сообщ.: „Забытые русскіе люди", т. CLXII, іюнь, 477—493.
Крымской, юристъ 1864 г., т. CLXI, янв., 27.
Крючковъ, Ө. Ив., Межевой чиновн. т. CLXIV, окт., 148, 151, нояб., 279—287, дек., 445—465.
Ксюнинъ, А., корресп. „Нов. Времени", 1915 г., т. CLXII, май, 390.

Кудрявцевъ, Ник. Дм., чл. Гос. Думы 1915 г., т. CLXIII, іюль, 38.
Кудрявцевъ, П. Н., проф., т. CLXII, нояб., 254, май, 355 т. CLXIII, сент., 423, т. CLXIV, нояб., 254.
Куломзинъ, А. Н., т. CLXIV, дек., 510.
Купринъ, писат., т. CLXIV, дек. 473, 474.
Куракинъ, кн., Алсд., послан. въ Парижѣ 1812 г., т. CLXI, янв., 168.
Куропаткинъ, Алексѣй Ник., главноком. 1904 г., т. CLXIII, іюль, 89.
Кутейниковъ, фл.-ад. 1877 г., т. CLXII, апр., 174, 179.
Кухарскій, Пав. Викент., тн. сов. 1915 г., т. CLXIV, дек., 496.
Кушелевъ, Алсд. Ив., р. 1783 † 1804 г., камеръ-юнкеръ, гвардіи поруч. CLXIII, іюль, 132—134.
Кушелевъ, Ив. Ив., сенат. † 1816 г., т. CLXIII, іюль, 132.
Кюстеръ, г.-л. 1915 г., т. CLXII, май, 397.

Л.

Лабзинъ, А. Ѳ., изд. „Сіонскаго Вѣстника,“ т. CLXII, май, 326, 337.
Лавровъ, проф., художн. 1870 г., т. CLXIII, сент., 474.
Лагоріо, Карлъ Феликс., г-м. 1889 г., т. CLXII, апр., 160.
Ладыгина, Варв., Петров., т. CLXIV, окт., 126.
Лазаревскій, управ. Ливадійск. дворца 1862 г., т. CLXIII, сент., 468.
Лазаревъ, Мих. Петр., адм., † 1851 г., т. CLXIII, сент., 465.
Лазаревъ, ген-лейт. 1877 г., т. CLXI, февр., 405, 412, 413.
Лалаевъ, М. С., ген., т. CLXI, февр., 447.
Ламанскій, Евг. Ив., его воспоминанія, т. CLXI, янв., 79—87, февр., 367—375, мартъ, 576—589, т. CLXII, апр, 60—71, май, 338—352, т. CLXIII, сент., 475—500. т. CLXIV, окт., 58—68, нояб., 203—213, дек., 402—415.
Ламанскій, Порф. Ив., т. CLXI, янв., 78, 79, 80.
Ламбина, Алексд. Петр., въ зам. Орлова, клас. дама Смольнаго инст. 1864 г., т. CLXI, февр., 312.
Лангъ, полковн. 1814 г., т. CLXIII, авг., 242.
Ландсбергъ, т. CLXIV, окт., II.
Лапшинъ, Гр. Ив., т. CLXII, май, 362.
Ларіоновъ, депут. законодат. коммис. 1768 г., т. CLXI, янв., 71, т. CLXII, апр., 52.
Ласковскій, полков. 1877 г., т. CLXIII, іюль, 90.
Лацинскій, А. С., сообщ: „Императоръ Александръ въ Голландіи и Саардамѣ въ 1814 г.,“ т. CLXIV, окт., 40—57, нояб., 223—246.
Лачиновъ, Мих. Ѳед., Чл. Госуд. Думы 1915 г., т. CLXIII, іюль, 38.
Лебедева, Сераф. Петр., см. Радецкая.
Лебедева, Тат. Петр., т. CLXII, апр., 158.
Леваковская, О. Н., сообщ: „Воспоминанія Н. Леваковскаго,“ т. CLXI, янв., 188—202.
Леваковскій, Н., его воспоминанія, 1845 г., т. CLXI, янв., 188—202.
Левашева, Ел. Степ., т. CLXIV, окт., 83.
Левашевъ, К. А., т. CLXI, февр., 351.
Левенъ, ген.-м., шефъ лейбъ-кирасир. полка 1762 г., т. CLXI, мартъ, 538.
Левицкій, ген. 1877 г., т. CLXIII, іюль, 82.
Левъ, XIII, папа римскій, т. CLXIV, нояб., 179, 180, 181, 183.
Левшинъ, Алексѣй Иракл., Тов. мин. вн. дѣлъ † 1879 г., CLXI, февр., 368.
Ледоховскій, кардиналъ 1894 г., т. CLXIV, нояб., 175—178.
Лееръ, Генр. Ант., г.-лейт., т. CLXII, апр., 161.
Лейхтенбергскій, герцогъ, Г. Н., сообщ: „Правила обученія и наставленія рекрутъ и рядовыхъ л. гв. Коннаго полка, 1788 г.,“ т. CLXI, мартъ, 506—514.
Лембергъ, Адольфъ Фридр., директ.-акц. общ. Вальдгофъ, т. CLXIV, дек., 496.
Леонтовичъ, Степ. Гавр., помѣщ. 1877 г., т. CLXI, янв., 235.
Леонтьева, Мар. Павл., нач-ца Смольн. инст. 1864 г., т. CLXI, февр., 311.
Леонтьевъ, Е. А., артил. 1877 г. т. CLXII, іюнь, 529.
Леонтьевъ, П. М., проф., р. 1802 г., † 1875 г., т. CLXII, май, 355, іюнь, 454, т. CLXIII, авг., 291, 295, сент., 417—421, т. CLXIV, дек., 416.
Лешковъ, проф. 1864 г., т. CLXI, янв., 27.
Лжедимитрій, 1605 г., т. CLXI, февр., 431, мартъ, 609, 615.
Ливенъ, кн., послан. въ Англіи т. CLXI, мартъ, 590, 597.
Ливенъ, кн., тов. мин. ин. дѣлъ 1830 г., т. CLXI, февр., 419, 420.
Литвинова, Анаст. Алексѣев., т. CLXIV, окт., 107, 108.

Литвинова, Е. Ф., т. CLXI, мартъ, 636.
Литвинова, Мар. Алексѣев., въ зам. ф. Райзеръ, † 1835 г., т. CLXIV окт., 99, 107, 114.
Литке, гр., Ѳед. Петр., презид. акад. наукъ, адм., † 1882 г., т. CLXI, февр., 371.
Литошенко, 1915 г., т. CLXII, іюнь, 566.
Лишинъ, атташе рус. посольст въ Константиноп. 1878 г., т. CLXI, мартъ, 502.
Лобановъ-Ростовскій, кн., А. Н., Чл. Госуд. Сов. 1915 г., т. CLXII, май, 383, т. CLXIV, дек., 490, 506, 521.
Логофетъ, Д. М., корреспонд. 1915 г., т. CLXIII, іюль, 173.
Лодыгина, Ек. Петр., въ зам. ф. Райзеръ, т. CLXIV, окт., 98.
Лозинскій, Е. І., педаг.-писат. 1910 г., т. CLXI, февр., 448.
Лопухинъ, В. А., вологод. губернат. 1915 г., т. CLXIII, сент., 513.
ф. Лоринговен, бар., Рейнхардъ, помѣщ. 1915 г., т. CLXIV, дек. 505.
Лорисъ-Меликовъ, гр., Мих. Таріел., г.-ад., † 1888 г., т. CLXI, февр., 388, 412 т. CLXII, іюнь, 530, т. CLXIII, авг., 282, сент., 455, 456.
Лорихъ, Анна Ив., см. ф. Райзеръ.
Лошкаревъ, ген.-м. 1877 г., т. CLXI, янв., 232, т. CLXII, апр., 167, 169, 178, 179, 181, т. CLXIII, іюль, 80, 82, 92—94, 96,
Лубяковскій, сенат. 1845 г., т. CLXI, янв., 76.
Лузинъ, прап. 1915 г., т. CLXII, май, 409, 410.
Любавцевъ, депут. законодат. комис. 1768 г., т. CLXI, янв., 71, т. CLXII, апр., 50—53.
Любимовъ, г.-м. 1915 г., т. CLXII, май, 397.
Люповъ, Алекс. Ник.. его ст: „Забытое дѣло,“ т. CLXII, іюнь, 494—513.
Люповъ, С. Н., полк. 1913 г., т. CLXII, іюнь, 494.
Лысаковскій, повѣрен. въ дѣлахъ въ Бухарестѣ 1912 г., т. CLXIV, окт., 17.
Львова, Д. А., нач-ца Смольн. инст., 1881 г., т. CLXI, февр., 318, 319.
Львова, Марія Алсд., въ зам. память. Голицына-Прозоровская, т. CLXIV, окт., 85.
Львова, рожд. гр-ня Мордвинова, т. CLXIV, окт., 85.
Львовъ, Алсд. Ник., т. CLXIV, окт., 85.
Львовъ, кн., Г. Е., земск. дѣят. 1915 г., т. CLXI, янв., 217, 218, февр. 452.
Ляпуновъ, Н. Н., артил. 1877 г., т. CLXII, іюнь, 529.
Лясковскій, проф. 1862 г., т. CLXI, мартъ, 519.

М.

Майдель, бар., г-м. 1915 г., т. CLXII, май, 397.
Майнардъ, г-м. 1915 г., т. CLXII, май, 397.
Макаровъ, ген. 1877 г., т. CLXIII, іюль, 80.
Маклаковъ, Н., А. мин.-вн. дѣлъ 1914 г., т. CLXIV, дек., 506.
Маковъ, Л. С., мин. вн. дѣлъ, т. CLXIII, авг., 279.
Максимовъ, чинов. рус. посольст. въ Константиноп. 1878 г., т. CLXI, мартъ, 502.
Макшеева, И. А., сообщ: „М. В. Безобразова. Очеркъ ея философской дѣятельности“, т. CLXIII, сент., 443—451.
Макѣевъ, чин. рус. посольства въ Константиноп. 1878 г., т. CLXI, мартъ, 502.
Малиновская, Варв. Антон., т. CLXI, февр., 350, 356, т. CLXIII, сент., 436.
Малово, Апол., т. CLXII, май, 353.
Мансуровъ, чл. госуд. Думы 1914 г., т. CLXIII, іюль, 38.
Мансыревъ, кн., депут. Гос. Думы 1915 г., т. CLXII, апр., 196, т. CLXI, дек, 493, 505, 506.
Мантейфель, бар., офиц. 1915 г., т. CLXIII, авг., 364.
Ману, ген. 1877 г., т. CLXII, апр., 174.
Марина, Мнишекъ, жена перваго Самозванца, т. CLXI, февр., 435, 436.
Маринъ, Н., корреспонд. 1915 г., т. CLXIII, іюль, 166.
Марія Александровна, императрица, † 1880 г., т. CLXII, апр., 147, т. CLXIII, авг., 251—278, сент., 470, т. CLXIV, окт., 69—79, нояб., 261—272.
Марія Александровна, вел. княг., герцогиня Эдинбургская, т. CLXI, февр, 313, 322, т. CLXII, іюнь, 514, т. CLXIII, авг., 267, 271, сент., 463, т. CLXIV, окт., 72, нояб., 266, 269.
Марія Николаевна, вел. княгиня, въ зам. герцог. Лейхтенбергская † 1879 г., т. CLXI, февр., 122, т. CLXII, апр. 145.
Марія Ѳеодоровна, императрица 1900 г., т. CLXIII, авг., 251—278, т. CLXIV, окт., 73.

Марія Өеодоровна, императрица † 1828 г., т. CLXI, янв., 170, февр., 314, т. CLXIII, іюль, 125.
Марковъ, И. К., сообщ: „Неизданная статья епископа Никодима Казанцева о митрополитѣ московскомъ Филаретѣ,“ т. CLXI, янв., 88—116.
Марксъ, 1871 г., т. CLXIV, нояб., 210.
Мартыновъ, Н. Н., артил. 1877 г., т. CLXII, іюнь, 529.
Масюкова, рожд. княж. Вяземская, т. CLXI, февр., 345.
Матусевичъ, гр., послан. въ Лондонѣ 1829 г., т. CLXI, февр., 420, 421—423, мартъ, 592, 596, 597.
Махотинъ, ген., т. CLXIII, авг., 185, 187.
Медемъ, бар., Лифл. помѣщ. 1915 г., т. CLXIII, іюль, 177, авг., 362, 363.
Межениновъ, депут. законодат. комис. 1767 г., т. CLXI, янв., 71, мартъ, 575.
Мейндорфъ, бар. Чл. Гос. Думы, 1915 г., т. CLXIV, 494, 505, 512, 513.
Меликовъ, кн., полков. † 1877 г., т. CLXI, февр., 405.
Меллеръ, полков. 1904 г., т. CLXII, іюнь. 513.
Меллеръ-Закомельскій, бар., ген. отъ инф. 1915 г., т. CLXII, май, 397.
Мельгунова, Екат. Петр., т. CLXIV. окт., 83.
Мельгунова, Екат. Степ., т. CLXIV, окт., 83.
Мельгунова, Н. А., рожд. княжна Щербатова, т. CLXIV, окт., 83.
Мельгунова, Нат. Степ., т. CLXIV, окт., 83.
Мельгунова, Соф. Степ., т. CLXIV, окт., 83.
Мельгуновъ, ген. 1762 г., т. CLXII, апр., 33.
Мельницкій, Н., сообщ.: „Среди казаковъ. Правдивый разсказъ ирландца Ф. Мккулаха, пробывшаго съ казаками всю русско-японскую войну,“ т. CLXI, янв., 203—208.
Мельницкій, Ковен. губ., т. CLXII, іюнь, 483.
Меншиковъ, кн., Алексд. Данил., сподвижникъ Петра I, † 1729 г., т. CLXI, февр., 245.
Меншиковъ, кн., Алексд. Серг., морск. министръ, † 1869 г., т. CLXI, янв., 16, 84—87, мартъ, 583.
Меньшиковъ, Арсен. Ив., проф. 1846 г., т. CLXIII, сент., 427.
Мерцаловъ, И, сообщ.: „Мимоходомъ. Нѣчто о Тертіи Ив. Филипповѣ,“ т. CLXII, іюнь, 472—476.
Мессъ, педаг. 1840 г., т. CLXII, апр., 81, 82.
Метакса, Егоръ кап. лейт. флота, участн. похода 1798—1800 г., т. CLXI, февр., 251—273, мартъ, 492—501.
Мещерскій, кн., Влад. Петр., писат., издат. „Гражданина,“ т. CLXIII, сен., 403.
Микулисъ, Матеушъ, государств. преступ. 1915 г., т. CLXIV, нояб., 327.
Микуцкій, студ., 1846 г., т. CLXIII, сент., 429, 430.
Миллеръ, д. ст. сов. 1863 г., т. CLXIII, сент., 468, 469—471.
Миллеръ, камерг. 1867 г., т. CLXIII, авг., 263.
Миллеръ, полков. 1877 г., т. CLXIII, іюль, 79, 80.
Милорадовичъ, Родіонъ Никол., 1861 г., т. CLXIV, окт., 105.
Милюковъ, Пав. Ник., чл. госуд. Думы 1915 г., т. CLXIV, нояб., 316.
Милютинъ, Вл. Алексѣев., † 1853 г., т. CLXI, февр., 367.
Милютинъ, Дм. Алексѣев., воен. министръ, † 1912 г., т. CLXI, февр., 368, 444, т. CLXII, апр., 154, 155, май, 357, т. CLXIII, авг., 281, 282, 291, сент., 409, т. CLXIV, окт., I
Милютинъ, Ник. Алексѣев., тов. мин. вн. дѣлъ, † 1872 г., т. CLXI, февр. 368, мартъ, 586, т. CLXII, апр., 62 т. CLXIII, сент. 409, т. CLXIV, дек., 429.
Минихъ, фельдм., 1763 г., т. CLXII, май, 298.
Минцлова, М. С., составленный ею, подъ ред. С. Р. Минцлова, „Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, писемъ и путешествій, относящихся къ исторіи Россіи и напечатанныхъ на рус. яз.,“ прилож. къ кн. іюнь, іюль, авг., сент.
Мисюра, Анд. Прокоф., помѣщ., т. CLXIV, окт., 130.
Митрофанія, игуменья, т. CLXIV, окт., II.
Михаилъ Александровичъ, вел. кн., т. CLXIV, окт., 162, 163.
Михаилъ Михаиловичъ, вел. князь, 1862 г., т. CLIXII, авг., 275.
Михаилъ Николаевичъ, вел. князь, намѣстн. Кавказскій, т. CLXI, февр., 316, 388, 389, 412, т. CLXII, апр., 160, т. CLXIV, авг., 259, 275, сент. II, 457, 460, 461, т. CLXIV, окт. 73, нояб., 270.
Михаилъ Өеодоровичъ, царь, т. CLXI, февр., 435, мартъ, 609.
Михайловъ, оф. 1915 г., т. CLXIV, дек., 441.
Михневичъ, Н. П. адъют. штаба войскъ гвардіи 1889 г., т. CLXII апр., 161.
Мишо, графъ 1892 г., т. CLXII, апр., 137, 139,

Мккулахъ, Ф., сотр. „Новаго Края" 1904 г., его разсказъ изъ русско-японской войны, т. CLXI, янв., 203—208.
Модзалевскій, педаг.-писат., т. CLXI, февр., 446.
Мойеръ, Ек. Ив., т. CLXII, май, 269.
Мойеръ, И. Б., проф. т. CLXII, май, 269.
Моллеръ, Өедоръ Амосов., художн., т. CLXII, май, 271.
Мольтке, фельдмарш. 1873 г., т. CLXI, февр., 239.
Монигетти, архитекторъ 1863 г., т. CLXIII, сент., 468.
Моренгеймъ, бар., Артуръ Павлов., посолъ въ Парижѣ т. CLXII, апр., 85, май, 357.
Морозова, В., предсѣ-ца Московскаго психологич. общ. 1910 г., т. CLXI, мартъ, 639.
де Мортмаръ, герцогъ, франц. послан. 1830 г., т. CLXI, февр, 418.
Мотоно, японск. послан. 1912 г., т. CLXIII, авг., 368.
Мудровъ, врачъ, т. CLXI, февр., 355.
Муравьевъ, Мих. Ник., ген.-губ. сѣв.-зап. края, мин. госуд. имущ. † 1866 г., т. CLXI, февр., 367, 368, 371, 373, 374, 375, мартъ, 585, т. CLXII, апр., 66, іюнь, 482, т. CLXII, авг., 282, 287, 288, 292, сент., 408, 409, 410, т. CLXIV, нояб., 248, дек., 417, 421, 427, 428.
Муравьевъ, Ник. Мих., Ковенск. губернат., т. CLXII, іюнь, 478.
Муравьевъ, мин юстиц., впосл. посл. въ Римѣ 1895 г., т. CLXI, авг., 22.
Мусина-Пушкина, Прасков. Иван., 1812 г., т. CLXI, февр., 345.
Мустафинъ, В., сообщ: и Мих Никиф. Катковъ и гр. Петръ. Алсд. Валуевъ въ ихъ перепискѣ, 1863—1879 г. г. т. CLXIII, авг., 279—300, сент. 403—413, т. CLXIV, окт., 91—95, нояб. 247—251.
Мухинъ, врачъ, т. CLXI, февр., 355.
Мюльбергъ, Гуго Гуговичъ, т. CLXIV, дек., 497.
Мюпперъ, Юл. Юл., дек, 497.
Мясоѣдова, Клара, т. CLXIV, нояб. 327.
Мясоѣдовъ, госуд. преступн. 1915 г., т. CLXIV, нояб., 326. дек., 496, 497.
Мятлевъ, полковн. 1915 г., т. CLXII, май, 398.

Н.

Набоковъ, Коменд. спб. Крѣп. 1847 г., т. CLXI, янв., 79, 81, 82.
Нагой, Андр. Алсд., 1591 г., т. CLXI, мартъ, 602.
Нагой, Мих., 1591 г., т. CLXI, мартъ, 609, 612.
Назарорѣ, Вас. Петр., тн. сов., 1915 г., т., CLXIV, дек. 496.
Назарьинъ, нач. почтово-телегр. станц. Онежск. тракта, 1901 г., т. CLXIII, іюль, 167.
Нарышкина, Мар. Ант., рожд. княж. Четвертинская, р. 1779 † 1854 г., т. CLXII, май, 329.
Нарышкина, Нат. Кирил . мать Петра I, т. CLXIV, дек., 362.
Нарышкинъ, Алсд. Львов., т. CLXI, февр., 437.
Нарышкинъ, Левъ Алсд., гофм. р. 1733 † 1779 г., т. CLXI, февр., 276, 278, мартъ, 543, т. CLXIV, дек., 373, 374.
Нарышкинъ, депут. законодат. комис. 1767 г., т. CLXII, май, 318.
Наумовъ, П., сообщ: „Воспоминанія бывшаго штурманскаго офицера," т. CLXIV, нояб., 288—297 ,дек., 466—474.
Нихимовъ, Плат. Степ., инспект. студ., 1846 г., т. CLXII, іюнь, 467, 471, т. CLXIII. сент. 441.
Небольсинъ, чинов. мин. фин. 1859 г., т. CLXII, апр., 62.
Невѣровская, Елис. Алексѣев., рожд. Мусина Пушкина, т. CLXI, февр., 345.
Недзвѣцкій, В. И., писат. 1910 г., т. CLXI, февр., 448.
Неклюдовъ, послан. въ Софіи 1913 г., т. CLXII, май, 236, 243, 260, іюнь, 435, 441, 451, т. CLXIII, іюль, 11—32, авг., 214—238, сент., 371—398, т. CLXIV, окт., 10—24, нояб., 186—198, дек., 382—393.
Нелидовъ, дипломатъ 1878 г., т. CLXI, мартъ, 502.
Немировичъ-Данченко, В. И., корреспондентъ „Рус. Слова" 1915 г., т. CLXI, янв., 213, февр., 459., т. CLXII, апр., 186, 195, т. CLXIII, іюль, 85, 140, 158, 160, сент. 511, 528. т. CLXIV, нояб., 318.
Непокойчицкій, Арт. Адам., ген., т. CLXII, май, 303, іюнь, 530, т. CLXIII, іюль, 87.
Наратовъ, управл. мин. вн. дѣлъ 1912 г., т. CLXII, май, 234—245, т. CLXIII, авг., 226—234.
Нерлингъ, дворянинъ 1915 г., т. CLXIII. авг., 359.
Нессельроде, гр., Карлъ Засил., канл., † 1862 г., т. CLXI, янв., 160—165, февр., 419, 420, мартъ, 592, 595, 597, т. CLXII, май, 339.
Несельроде, гр., Вильгельмъ, полномч-мин. при Португ. и Герман. дворахъ, т. CLXI, янв., 166—170.

Нессельроде, гр-ня, рожд. Гурьева, т. CLXI, янв., 168, 170.
Неустроевъ, депут. законодат. комис. 1768 г., т. CLXI, янв., 71.
Нечаевъ, Тверской город. голова 1877 г., т. CLXI, янв., 234.
Нидермиллеръ, ген.-отъ инф., 1915 г., т. CLXII, май, 397.
Никаноръ, архіеп. варшав. 1843 г., т. CLXII, іюнь, 555.
Никаноръ, митроп. спб. 1856 г., т. CLXI, янв., 109.
Никитенко, Алсд. Вас., профес. † 1877 г., акад., т. CLXIII, авг., 290, 292, 293, сент., 409.
Никитина, Анна Никол., 1914 г., т. CLXI, мартъ, 640.
Никитина, Ольга Никол., 1914 г., т. CLXI, мартъ, 640.
Николай I, императоръ, т. CLXI, янв., 9, 76, 84, 85, 86, 160, 163, февр., 238, 314, 368, 414—423, мартъ, 579, 580, 581, 582, 583, 590—599, т. CLXII, май, 345, іюнь, 515, 518, 522, 523, т. CLXIII, сент., 424, т. CLXIV, дек., 472.
Николай II, императоръ, т. CLXI, февр., 464, мартъ, 648, 655, т. CLXII, апр., 140, т. CLXIII, іюль, 37, 139, 149, т. CLXIV, дек., 509—512.
Николай Александровичъ, вел. князь, † 1865 г., т. CLXII, апр., 144—151, т. CLXIII, авг., 251—261.
Николай Константиновичъ, вел. князь, т. CLXIII, авг., 258.
Николай Михаиловичъ, великій князь, писатель-историкъ 1914 г., т. CLXII, май, 326—337, т. CLXIII, авг., 275.
Николай Николаевичъ, великій князь, р. 1831 † 1891 г., т. CLXII, май, 299—304, т. CLXIII, іюль, 81—110, сент., 456, 461.
Николай Николаевичъ, Великій Князь, главнокомандующій 1914 г., т. CLXII, май, 303.
Никитинъ, Андр., Аѳанас., ст.-секрет. дап-а госуд. экономіи 1846 г., т. CLXI, янв., 75.
Ниловъ, адм. 1876 г., т. CLXII, іюнь, 523.
Нильсенъ, проповѣдникъ 1840 г., т. CLXII, май, 281.
Нисси-Токузиро, японск. послан. въ Россіи, † 1912 г., т. CLXIII, авг., 368, 369.
Новикова, Ольга Алексѣев., рожд. Кирѣева, т. CLXI, февр., 424—430, мартъ, 623—629., т. CLXII, апр., 136—143, май, 367—377. іюль, 514—528,
Новиковъ, Петръ Сосипатр., Чл. Госуд. Думы 1915 г., т. CLXIII, іюль, 38.
Норовъ, тайн. сов. 1847 г., т. CLXI янв., 85.

О.

Обермиллеръ, Алсд. Леонт., лейбъ-мед. 1878 г., т. CLXII, май, 303, 304.
Обнинскій, П. Н., судебный дѣятель, т. CLXI. янв., 9, 10.
Обнорскій, повѣрен. въ дѣлахъ въ Цетинье 1913 г., т. CLXIII, авг., 228, сент., 377, 397.
Ободовскій, Вас. Сем., чл. Гос. Думы 1915 г., т. CLXIII, іюль, 38.
Оболенская, княг., Адел. Петр., см. Шелашникова.
Оболенскій, кн., А. Д., Пгр. градонач. 1915 г., т. CLXIV, дек., 506.
Оболенскій, кн., Андр. Петр., попеч. москов. учеб. окр. 1817 по 1825 г., т. CLXI, февр., 355.
Оболенскій, кн., Васил. Петр., ген.-м. 1825 г., т. CLXI, февр., 354,
Оболенскій, Ковенск. губернат., т. CLXII, іюнь, 481.
Обручевъ, Н. Н., нач. гл. штаба 1889 г., т. CLXII, апр., 161, 195. т. CLXIII, сент., I, II.
Овсянниковъ, коммерсантъ, т. CLXIV, окт., II.
Оглоблинъ, педаг. 1845 г., т. CLXII, іюнь, 456.
Огонь-Дагановская, Е. Н., т. CLXII, май, 266, 268.
Одоевскій, князь, нач. стрѣльцовъ 1614 г., т. CLXI, февр., 435, 436.
Озерова, фрейлина, т. CLXI, февр., 389.
Окуневъ, священ. 1915 г., т. CLXIV, окт., 168,
Олсуфьевъ., гр., Алексѣй Васил., ген. 1878 г., т. CLXII май, 239.
Олсуфьевъ, полков. Воронеж. полка 1762 г., т. CLXIV, окт. 120.
Олсуфьевъ, 1792 г., т. CLXI, февр., 276.
Ольга Константиновна, вел. княжня, въ зам. королева греческая, т. CLXI, февр., 299, т. CLXIII, авг., 261.
Ольга Николаевна, вел. княж. 1915 т. CLXII, апр., 199.
Ольга Николаевна, великая княгиня, въ зам. королева Виртембергская, т. CLXII, май, 272.
Ольга Ѳеодоровна, великая княгиня, т. CLXI, февр., 389, 396, т. CLXIV, окт., 73.
Ольхинъ, г.-л., 1915 г., т. CLXII, май, 397.

Ону, дипломатъ 1878 г., т. CLXI, мартъ, 503, т. CLXII, апр., 90.
Оржевскій, Виленск. ген.-губ., т. CLXII, іюнь, 479, 484.
Орловскій, Ник. Осип., г.-лейт., 1889 г., т. CLXII, апр., 160.
Орловъ, гр. Алексѣй Ѳед., шефъ жанд., р. 1787 † 1862 г., т. CLXI, янв., 85, мартъ, 595, 596.
Орловъ, Петръ, депут. законод. комиссіи 1767 г., т. CLXI, янв., 71, т. CLXII, апр., 45, 53.
Острогорскій, А. Н., педагогъ, т. CLXI, февр., 447, 448.
Офросимовъ, ген.-отъ-инф. московскій ген.-губ. т. CLXIII, сент., 406.
Ошанина, Елис. Алексѣев., въ зам. Карльгофъ, по 2 браку Дришусова, т. CLXI, февр., 358.

П.

Павелъ I, императоръ, т. CLXI, янв., 166, 167, 169, 170, февр., 281, т. CLXIV, окт., 124, дек., 361, 365, 365.
Павелъ Александровичъ, вел. кн., т. CXLI, февр., 313, т. CLXIII, авг., 258, 259, сент., 465, т CLXIV, окт. 76, нояб., 266.
Павинскій, врачъ 1889 г., т. CLXII, апр., 158.
Павловскій, Дм. Мих., директ. корп., т. CLXIII, авг., 188.
Павловскій, еписк. католич. церкв. въ Россіи 1843 г., т. CLXII, іюнь, 556.
Павловъ, г.-л., нач. шт. кавказ. арміи 1876 г., т. CLXI, февр., 392, 395, 398, 412.
Павловъ, оберъ-секрет. синода 1862г., т. CXLI, янв., 113.
Павскій, протоіер., т. CLXII, іюнь 555.
Пайдаси, Іорданъ, священ. 1866 г., т. CLXIII, авг., 266.
Пако, проф. 1846 г., т. CLXIII, сент., 428.
фонъ-деръ-Паленъ, комиссаръ, Вольмарск. уѣзда 1915 г., т. CLXIII, сент., 515.
Палеологъ, Морисъ, французскій посолъ 1915 г., т. CLXIII, іюль, 40, 41.
Палицынъ, Авраамій, писат., т. CLXI, мартъ, 602, 603.
Пальмъ, А. И. 1847 г., т. CLXI, янв., 77, 78.
Панинъ гр., Викт. Никит., мин. юстиц., † 1874 г., т. CLXI, янв., 11, 167.
Панинъ, гр., Никита Ив. † 1783 г. т. CLXI, мартъ, 535.
Панинъ, об.-гофм. 1762 г., т. CLXI, февр., 280.
Панкратовъ, корресп. 1915 г., т. CLXIV, нояб., 327.
Панферовъ, лейтен. 1863 г., т. CLXIV, окт., 77.
Панютинъ, полков. 1877 г., т. CLXIII, іюль, 85.
Паприковъ, ген. 1912 г., т. CLXII, май, 232
Паскинъ, Алек. Степ., чл. Гос. Думы, 1915 г., т. CLXIII, іюль, 38.
Паульсонъ, Вас. Ив., помѣщ., т. CLXIV, окт., 132—140.
Паульсонъ, Соф. Антон., т. CLXIV, окт., 135.
Пашковъ, Алексѣй Мих., т. CLXI, янв., 149, 151.
Пашкова, Над. Серг. т. CLXI, янв., 149—159.
Перевлѣсскій, П. М., педаг., т. CLXII, іюнь, 455, 456.
Перетолчинъ, В., сообщ.: „Политика Фердинанда Болгарскаго относительно Россіи“, т. CLXIV, нояб., 175—184.
Перовскій, гр., 1865 г., т. CLXII, апр., 144.
Петрашевскій, Мих. Вас., † 1867 г., т. CLXI, янв., 77, 78, 79.
Петровскій, Петръ Ѳед., 1862 г., т. CLXIV, окт., 105.
Петровъ, Пав. Сем., чл. Гос. Думы 1915 г., т. CLXIII, іюль, 38.
Петровъ, корресп. „Рус. Слова“, 1915 г., т. CLXIII, авг., 332—364, сент., 505, т. TLXIV, окт., 156, нояб., 324, дек., 476, 514.
Петрушевскій, А. Ѳ., историкъ, т. CLXII, іюнь, 596.
Петръ I, императоръ, т. CLXI февр., 243—250, мартъ. 483—491, 501, т. CLXII, апр., 5—13. май, 227—230, т. CLXIV, окт., 122, 123, нояб., 223—246, дек., 362,
Петръ III, императоръ т. CLXI, февр., 274—282, мартъ, 532,—544, т. CLXII, апр., 33—37, май, 295—298. т. CLXIV, окт., 119—121, дек., 361—363, 377.
Печаткинъ, мичманъ 1915 г., т. CLXIII, сент., 525.
Пиларъ-фонъ-Пильхау, баронесса, 1863 г., т. CLXIV, нояб., 266.
Пиларъ-фонъ-Пильхау, бар., чл. Госуд. Сов. 1915 г., т. CLXIV, нояб., 310, 311, 312.
Пинкорнелли, Ив. Ѳед., плацъ-адъютант. Петропав. крѣп. въ птр 1855 г., т. CLXIV, окт. 123.

Пинкорнелли, Никол. Өед., шт.-оф. полтав. кадет. корп., 1845 г., т. CLXIV, окт., 123.
Пинкорнелли, Петр. Өед., батал команд. петров. полтав. кад. корп. 1845 г., т. CLXIV, окт., 123.
Пинкорнелли, городничій въ Лубнахъ 1785 г., т. CLXIV, окт., 123.
Пирогова. Алсд. Антонов., см. Бистромъ.
Пирогова, Анна Ив., т. CLXII, май, 278.
Пирогова, Ек. Дм., см. Березина.
Пирогова, Елиз. Ив. рожд. Лукутина, р. 1776 † 1850 г., т. CLXII, 269.
Пироговъ, Вл. Ник., проф., р. 1846 † 1914 г., т. CLXII, май, 264—290.
Пироговъ, Ник. Ив. хирургъ, р. 1800 † 1881 г., т. CLXI, февр., 344, т. CLXII, апр., 145, май, 264—290.
Пироговъ, Н. Н., р. 1843 † 1891 г., т. CLXII, май, 269.
Писемскій, Алексѣй Өеофилакт., писат., р. 1820 † 1881 г., т. CLXI, янв., 56, 57.
Ванъ-деръ-Плаатъ, ген. голланд. службы 1814 г., т. CLXIV, окт., 44, 45.
фонъ-Пистольконсъ, г.-м. 1915 г., т. CLXII, май, 397.
Пій IX, папа римскій, т. CLXIV, нояб., 179.
Плетнева, Нат. Серг., въ зам. Кирьякова, т. CLXIV, окт., 133.
Плетневъ, Адріанъ Серг., т. CLXIV, окт., 133.
Плещеевъ, С. И., мистикъ, т. CLXII, май, 326.
Побѣдоносцевъ, Конст. Петр., об. прокур. синода, т. CLXI, янв., 14, февр., 428, т. CLXIII, авг., 296, 300.
Погодинъ, Мих. Петр., историкъ, р. 1800 † 1875 г., т. CLXI, мартъ, 601, т. CLXIII, сент., 410, 417.
Погребовъ, Н. И., коммерсантъ, 1871 г., т. CLXIV, нояб., 207.
Подбережскій, А. А., управл. имѣніемъ гр.-ни Понятовской, т. CLXIV, нояб., 267.
Подгурскій, шт.-кап. 1914 г., т. CLXI, мартъ, 667.
Позенъ, т. CLXI, мартъ, 586.
Позенъ, ст. секрет., 1845 г., т. CLXI, янв., 76.
Познанскій, чл. Полтавск. губ. земск. собр. 1861 г., т. CLXIV, окт., 141, 142.
Поклевская-Козелъ, М. И., сообщ., „Воспоминанія ген.-лейт. Николая Константинов. Языкова о кампаніи 1877 года", т. CLXI, янв., 231—237, мартъ, 674—685.
Полежаевъ, коммерс. 1871 г., т. CLXII, нояб., 209.
Поливановъ, Алексѣй Андр., воен. мин., 1915 г., т. CLXIII, іюль, 149. сент., I—II, 519, т. CLXIV окт. 162, дек., 510.
Половцевъ, госуд. секрет., 1889 г., т., CLXII, апр., 160.
Полторацкій, А. В., педаг.-писат. 1910 г., т. CLXI, февр., 448.
Полянская, С. Гр., въ зам. Рехневская, т. CLXIII. сент., 417.
Полянскій, И. И., педаг.-писат. 1910 г., т. CLXI, февр, 448.
Понятовскій, см. Станиславъ-Августъ.
Попруженко, М. Г., педаг.-писат. 1910 г., т. CLXI, февр., 448.
Порфирій Успенскій, епископъ Чигиринскій, † 1885 г., т. CLXII, іюн., 538—556, т. CLXIII, іюль, 56—74, авг., 310—326.
Потаповъ, Виленскій., ген.-губ., 1865 г., т. CLXII, іюнь, 479.
Потемкинъ, князь Григ. Алсд., † 1791 г., т. CLXII, іюнь, 516, т. CLXIII, іюль, 125.
Потемкинъ, депут. законодат. комис. 1767., т. CLXI, янв., 71.
Поццоди-Борго, графъ, послан. въ Парижѣ 1830 г., т. CLXI, февр., 418, 419, 420, мартъ, 597.
Пржевальскій, Мих., ген.-м. 1915 г., т. CLXII, апр., 203.
Пржецлавскій, чл. совѣта по дѣламъ печати 1865 г., т. CLXIII, авг., 290, 291.
Прокопе, Бруно, т. CLXIV, дек. 497.
Прокоповичъ, упр. Ковенск. казен. палат., т. CLXII, іюнь, 482.
Прокопьевъ, Яковъ Алексѣев., т. CLXIV, дек., 497.
Простъ, учит. 1915 г., т. CLXIII, іюль, 168.
Протасовъ, гр., Никол. Алсд., об. прокур. синода. р. 1799 † 1855 г., т. CLXI, янв, 90, 91, 93, 95, 96, 99, 101, 105, т. CLXII, іюнь, 549, 550—554.
Пузыревъ, Н. А., предсѣд. Петроградской мясной биржи 1915 г., т. CLXIII, іюль, 171.
Пузыревскій, полков. 1866 г., т. CLXIII, авг., 268.
Пуришкевичъ, Вл. Митр., чл. Госуд. Думы 1915 г., т. CLXIV, нояб., 316 321.
Пурталесъ, германск. послан., 1915 г., т. CLXIV. дек., 401.
Пушкинъ, Алсд. Серг., р. 1799 † 1837 г., т. CLXI, янв., 120—122, 130, 135, 137, 142, 146.
Пущина, т. CLXIV, дек., 427.

Пущинъ, Ив. Ив., р. 1798 † 1859 г., т. TLXI, янв., 10.
Пущинъ, Мих. Ив., т. CLXIV, дек., 427.
Пфуль, бар., ген.-л. 1814 г. т. CLXIV, окт., 40.
Пѣвницкій, Петръ Ив., педаг., т. CLXII, май, 363.
Пѣшкова-Толивѣрова А., сообщ.: „Памяти М. В. Безобразовой," т. CLXI, мартъ, 630—641.
Пятковскій, Алсд. Петр. писат., т. CLXI, мартъ 642—643.

Р.

Рагодинъ, Алсд. Серг., проф. московск. консерват.. т. CLXI, янв.. 60—63., февр., 284—296, мартъ, 559,
Рагозина, Е. А., сообщ.: „Дѣла давно минувшихъ дней", т. CLXI, янв., 147—159. „Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной въ 1877-1878 г. г.", т. CLXI, февр. 363—366. март., 502—505. т. CLXII, апр., 90—95, май, 291—294 т. CLXIV, нояб., 214—222, дек., 351—358.
раденъ, бар., Тукумск. уѣздн· нач. 1915 г., т. CLXIV, дек., 508.
Радецкая. Нат. Ѳед., т. CLXII., апр., 158, 159.
Радецкая, Сераф. Петр. рожд. Лебедева, т. CLXII, апр., 157—165.
Радецкій, К. К., т. CLXII., апр., 161.
Радецкій, Ѳед. Ѳед., ген., р. 1820 † 1890 г.. его предсмертныя письма, т. CLXII, апр., 156—165, упом. апр., 154, май, 301, 304, т. CLXIII, іюль., 88, 90, 95.
Радко-Дмитріевъ, ген. 1914 г., т. CLXI, мартъ, 663, т. CLXII, апр., 104, т. CLXIII, іюль, 172—174, авг., 342, т. CLXIV, окт., 165, нояб., 326
Разумовскій, гр., Кириллъ Григ., гетманъ † 1803 г., т. CLXI, февр., 278.
ф.-Райзеръ, семья, т. CLXIV, окт., 97—146.
ф.-Райзеръ, Алсд. Степ., т. CLXIV, окт., 114, 115.
ф.-Райзеръ, Алек. Степ. † 1882 г. т. CLXIV, окт.. 99—146.
ф.-Райзеръ, Анаст. Вильгел. въ замуж. Коренева, т. CLXIV, окт., 98, 101, 104—107.
ф.-Райзеръ, Анна Ив., рожд. Лорикъ, т. CLXIV, окт., 123, 124, 125,
ф.-Райзеръ, Викент. Викент., фл.-ад. Петра III, впосл. ген.-поруч. т. CLXIV. окт., 119—123—125.
ф.-Райзеръ, Вильг. Викент., т. CLXIV., окт., 98, 102—107, 123, 125.
ф.-Райзеръ, Винцентъ, вице-през. бергъ.-коллегіи † 1775 г., т. CLXIV, окт., 119.
ф.-Райзеръ, Екат. Викент., см. княг. Циціанова.
ф.-Райзеръ, Ек. Вильгельм., въ зам. Горленко, т. CLXIV, окт., 98, 109, 110.
ф.-Райзеръ, Ек. Ник., см. Скаржинская.
ф.-Райзеръ, Ек. Петр., см. Лодыгина.
фонъ-Райзеръ, Мар. Алекс., см. Литвинова.
фонъ-Райзеръ, Мар. Степ. † 1888 г., т. CLXIV, окт., 146.
фонъ-Райзеръ, Надежд. Степ., въ зам. Бутовская, т. CLXIV, окт. 99.
фонъ-Райзеръ, Никол. Вильг., т. CLXIV, окт., 98—101, 110—118, 126.
фонъ-Райзеръ, Степ. Викентьев., р. 1776 г., CLXIV, окт., 98, 99, 107, 109, 110, 111, 115, 123, 124, 125.
Рако, Н. И., 1865 г., т. CLXII, апр., 144.
фонъ-Раммъ, помѣщ. 1915 г., т. CLXIII, авг., 359.
Раусманъ, прап. 1877 г., т. CLXIII, іюль, 102.
Рафаловичъ, 1871 г., т. CLXIV, нояб., 209.
Рахманиновъ, 1846 г., т. CLXII, іюнь., 464,
Рачинскій, Серг. Алсд., проф., т. CLXI, февр., 428, т. CLXII, май, 266.
Ребиндеръ, 1762 г., т. CLXIV, окт., 121.
Резановъ, А. С., авт. соч. „Нѣмецкое шпіонство", т. CLXIII, іюль, 180.
Рейнботъ, подполковн. 1877 г., т. CLXI, мартъ, 678., апр. 166, т. CLXIII, іюль, 87.
Рейпольскій, врачъ 1846 г., т. CLXI, янв., 193.
Рейтернъ, Мих. Христоф., Мин. финанс. р. 1820 † 1890 г., т. CLXI, янв., 73, мартъ, 586, т. CLXII, апр., 62, май, 338, 339, 345, т. CLXIII, сент., 475, 477, т., CLXIV, окт., 64, нояб., 209, 211, дек., 411, 427.
Рейхманберхъ, Анна Анисов., сестра милосерд. 1915 г., т. CLXIV, нояб., 322, 323.
Ренненкампфъ, ст.-секр. 1889 г., т. CLXII, апр., 159.
Репнинъ, кн., В. А. ген. 1748 г. т. CLXIV, дек., 367.

Реткинъ, депут. законод. комис. 1767 г., т. CLXII, май, 318.
Ржевскій, Влад. Конст., инспект. москов. дворян. инст. 1840 г., т. CLXII, апр., 80, 84, 85, май, 353, 354.
Ржевскій, гл. комис. по сост. ценз. устава 1863 г., т. CLXIV, 416—421.
фонъ-Риттергольмъ, полковн., 1915 г., т. CLXII, май, 398.
Риттихъ, Ѳед. Алсд., г.-м., инспект. Пажеск. корп. 1915 г., т. CLXIII, авг., 182.
Рихтеръ, г.-ад. 1889 г., т. CLXII, апр., 157, 159, 160, 163.
Ровинскій, Дм. Алсд., юристъ, р. 1824 † 1895 г., т. CLXI, янв., 7, 17, 20, 24.
Рогозинниковъ, корреспонд. 1915 г., т. CLXIII, іюль, 146.
Рогускій, А. В., минный офиц. 1915 г., т. CLXII, май, 385.
Родзянко, М. В., предсѣд. Гос. Думы 1915 г., т. CLXIII, іюль, 36—55, т. CLXIV, нояб., 309. 310. дек., 510.
Родиславскій, В. И., 1845 г., т. CLXII, іюнь, 461.
Родичевъ, чл. Гос. Думы 1915 г., т. CLXIV, нояб., 309.
Родичевъ, Никол. Дм., майоръ 1846 г., сент., 440.
Рождественскій, Ив. Ник., законоучит., 1845 г., т. CLXII, апр., 86, іюнь, 458, т CLXIII, сент.,440.
Розальонъ-Сошальскій, Д. Г., см. Сошальскій
Розановъ, А. С., писат. 1915 г., т. CLXIII, авг., 335.
Розановъ, В. В., публицистъ, 1914 г., т. CLXI, мартъ, 630-632.
Розенгеймъ, поэтъ, т. CLXIII, авг., 275.
фонъ-деръ-Роопъ, бар., помѣщ. 1915 г., т. CLXIII, авг., 363.
Роопъ, Х. Х., ген.-отъ-инф., 1889 г., т. CLXII, апр., 158.
Ронцевичъ, І. М., инспект., т. CLXII, май, 354, т. CLXIII, сент., 433, 436.
Рорбекъ, чинов. мин. фин., 1859 г., т. CLXII, апр., 62.
Рославлевъ, ген.-м., 1876 г., т. CLXI, февр., 392, 393.
Россманъ, Георг. Мавркк., директ. акц. общ. Вальдгофъ, т. CLXIV, дек., 497.
Ростовцевъ, Алсд. Ив., управл. экспедиц. госуд. кредитн. билетовъ 1860 г., т. CLXII, апр., 68.
Ростовцевъ, гр. Як. Ив., р. 1803 † 1860 г., т. CLXI, янв., 79, 81, 82, февр., 368, мартъ, 585.
Рубини, Джузеппе, лект. итал. яз. москов. унив. 1846 г., т. CLXIII, сент., 428, 430.
Рубинштейнъ, Ник. Григ., проф. муз. т. CLXI, янв., 59, 60, февр., 285, 289.
Рудановскій, ген. 1900 г., т. CLXIII, авг., 183.
Рузскій, ген. 1915 г., т. CLXII, апр., I.
Румпе, Д, сестра милосерд. 1915 г., т. CLXIV, нояб., 323.
Румянцевъ, гр., Никол. Петр., канцлеръ, р. 1754 † 1826 г., т. CLXII, май, 330—333.
Румянцевъ, Петръ Алсд., фельдм., р. 1725 † 1796 г., т. CLXI, февр., 278, т. CLXII, май, 296, т. CLXIII, іюль, 111.
Румъ, Л. Д., т. CLXIV, дек., 506.
Русинъ, А. И., вице-адм. 1915 г., т. CLXII, май, 411, іюнь, 594.
Рыжевъ, Алексѣй Ив., студ. 1846 г., т. CLXIII, сент., 432.
Рѣдкинъ, П. Гр., проф., т. CLXIII, сент., 414.
Рѣпнинъ, ген.-м., т. CLXI, мартъ, 486.
Рюмшинъ, врачъ, 1915 г., т. CLXIV, окт., 168.

С.

Сабинина, Марія Войцѣх., обществен. дѣят., т. CLXI, мартъ, 636.
Савельевъ, Алсд. Ив., оф. 1889 г., т. CLXII, апр., 160.
Саввинъ, Н. А., педаг.-писат. 1910 г., т. CLXI, февр., 448.
Савинъ, Петръ Ѳед., шт.-кап. 1878 г., т. CLXII, апр., 155.
Савицкій, учит. рисов. 1846 г., т. CLXI, янв., 191.
Савовъ, ген. 1913 г., т. CLXIV, нояб., 179.
Садовскій, Провъ Мих., артистъ, р. 1818 † 1872 г., т. CLXIII, сент., 417.
Сазоновъ, С. Д., мин. ин. дѣлъ, 1915 г., т. CLXI, янв. 211, мартъ, 656, т. CLXII, апр., 116—135, май, 232—263, 410, іюнь, 420—452, т. CLXIII, іюль, 5—36, 46—55, авг., 209—240, сент., 374—400, т. CLXIV, окт. 7—24, нояб., 187—202, дек., 379—401.
Салтыковъ, гр., Петръ Семен., р. 1700 † 1772 г., т. CLXI, февр., 276.
Салтыковъ, П. М., чинов. особ. поруч. при вилен. ген. губ., т. CLXII, іюнь, 482.

Самаринъ, Ю. Ѳ., р. 1819 † 1876 г., т. CLXIII, сент. 411, 532.
Самойловъ, депут. законодат. комис. 1767 г., т. CLXI, янв., 71, т. CLXII, апр., 58, май, 320.
Санковская, Юлія Осиповн. т. CLXIV, окт., 115.
Санти, графъ, т. CLXIV, окт., 103.
Сарандинаки, кап. 1-го ранга 1800 г., т. CLXI, мартъ, 498.
Сафоновъ, М., сообщ.: „За рѣшеткой. Изъ тюремн. воспом. конца прошлаго вѣка“, т. CLXI, янв., 171—187, февр., 376—387.
Саханскій, пед. 1840 г., т. CLXII, апр., 81.
Сахаровъ, педаг. 1840 г., т. CLXII, апр., 80, 81.
Сачковскій, инж. мех., т. CLXIII, сент., 525.
Свербеевъ, послан. въ Берлинѣ 1913 г., т. CLXII, іюнь, 435, 437, 439, т. CLXIII, сент., 376.
Свищевскій, полков. 1877 г., т. CLXIII, іюль, 93.
Свѣтловъ, кап. генер. штаба 1915 г., т. CLXII, апр., 196.
Свѣчинъ, ген.-л. 1915 г., т. CLXII, май, 397.
Святополкъ-Мирскій, князь, Ник. Ив., ген. 1877 г., т. CLXIII, февр., 398, т. CLXII, іюнь, 536, т. CLXIII, іюль, 95.
Селивановъ, депут. законодат. коммис. 1768 г., т. CLXI, янв., 71, т. CLXII, апр., 51.
Семигановскій, учит. чистопис. 1886 г., т. CLXI, янв., 191.
Сенковскій, Ос. Ив. писат. р. 1800 † 1858 г., т. CLXII, май, 265.
Сентъ-Илеръ, Адел. Карловн., инспектрисса, Смольн. инст. 1864 г., т. CLXI, февр., 311.
Сенявинъ, Д. Н., адм., 1806 г., т. CLXI, мартъ, 500.
Серафимъ, митр., Спб. † 1843 г., т. CLXI, янв., 92, 95, т. CLXII, іюнь, 546.
Серафимовъ, С., прот. 1862 г., т. CLXIII, іюль, 113, 114.
Сербиновскій, подпоруч. 1915 г., т. CLXII, апр., 100.
Сергѣева, Н. Б., 1915 г., т. CLXII, май, 379.
Сергѣй Александровичъ, вел. князь, † 1905 г., т. CLXI, фев., 313, т. CLXIII, авг., 189, 258, 259, сент., 463, 464, т. CLXIV, нояб., 266.
Сеславинъ, Дм, т. CLXI янв., 10.
Сидо, художн. 1791 г., т. CLXIV, окт., 125.
Сильвіо-Бредерихъ, помѣщ. 1915 г., т. CLXIV, дек., 508.
Симоновъ, И. С., редакт. „Педагогическій сборн“. 1910 г., т. CLXI янв., 494, февр., 448.
Синявинъ, директ., азіат. деп. 1845 г., т. CLXII, іюнь, 547, 548, 549.
Скавронскій, об.-гофмаршал. т. CLXIV, дек., 362.
Скалонъ, Дм. Антон., ген., 1878 г., т. CLXII, апр., 152, май, 303.
Скальковскій, ст. сов. 1862 г., т. CLXIII, іюль, 113, 114.
Скаржинская, Ек. Ник., рожд. ф.-Райзеръ. т. CLXIV, окт., 98, 109.
Скарятина, Елена Ив., т. CLXI, мартъ, 544—560.
Скарятина, Над. Алсд., т. CLXI, февр., 295.
Скарятина, Нат. Ник., см. Горова.
Скарятинъ, Андр. Алсд., т. CLXI, янв., 59, 63, 283, 285, 295, мартъ, 545, 547, т. CLXII, апр., 24—32, май, 305.
Скарятинъ, В. Я., попечитель Смольн. инст. 1881 г., т. CLXI. февр., 319.
Скобелевъ, Дм. Ив., ген.-лейт., р. 1821 † 1880 г., т. CLXII, май, 300. 301, т. CLXIII, іюль, 79.
Скобелевъ, Мих. Дм., ген. р. 1843 † 1882 г., т. CLXI, февр., 413, 461, т. CLXII, апр., I, II, 154, іюнь, 530, т. CLXIII, іюль, 84—109.
Скрябинъ, г.-м., 1915 г., т. CLXII, май, 397.
Славянисъ, ксендзъ 1915 г., т. CLXIII, авг., 247.
Слезкинская, З., сообщ.: „Неудачная опека“, т. CLXI, февр., 437—443.
Смирновъ, И. И., 1863 г., т. CLXIV, окт., 64.
Смирновъ, Ник. Вас., педагогъ, 1845 г., т. CLXII, іюнь, 456. 457, 463.
Смирновъ, Яков. Вас., педаг., т. CLXII, май, 363.
Смирновъ, пор., 1904 г., т. CLXII, іюнь, 497, 503.
Смоличъ, Петр. Мих., т. CLXII, іюнь, 463, т. CLXIV, нояб., 254.
Соколовъ, П. И., сообщ.: „Межевой“ повѣсть изъ жизни землеустроителей 90 г. г., т. CLXIV, окт., 147—155, нояб., 273—287, дек., 441—465.
Соколовъ, сборщ. податей въ Калишѣ 1914 г., т. CLXIII, авг., 244.
Соловьевъ, Вл. Серг., философъ, р. 1853 г., т. CLXI, мартъ, 586, т. CLXIII, сент., 443.
Соловьевъ, С. М., историкъ, р. 1820 † 1879 г., т. CLXI, мартъ, 602, т. CLXII, май, 355, т. CLXIII, сент., 417, 422, 423.

Соловьевъ, ген.-лейт. 1877 г., т. CLXI, февр., 405, 412, 413.
Сорохтинъ, шт.-кап., 1877 г., т. CLXIII, іюль, 96.
Соханскій, педаг., 1845 г., т. CLXII, іюнь, 456.
Сошальскій, Д. Г., 1889 г., т. CLXII, апр., 161.
Спалайковичъ, серб. послан., 1914 г., т. CLXI, мартъ, 656.
Спасовичъ, Вл. Данил., юристъ, р. 1829 г., т. CLXI, янв., 20, 24.
Сперанскій, Мих. Мих., госуд. секрет., т. CLXI, февр., 438, 439—442, т. CLXII, май, 337.
Сперанскій, врачъ 1877 г., т. CLXIII, іюль, 83.
Средневскій, В. И., т. CLXII, май, 268.
Стакельбергъ, гр., г.-л. 1915 г., т. CLXII, май, 397.
Станиславъ-Августъ Понятовскій, кор польскій, † 1798 г., его записки, т. CLXIV, дек., 364—378.
Станкевичъ, А., т. CLXII, іюнь, 478, т. CLXIII, сент., 443.
Станиславскій, М. В., сообщ.: „Имп. Николай I, какъ носитель идеи франко-русскаго союза", т. CLXI, февр., 414—423, мартъ, 590—599.
Старожукъ, Вл., санитаръ 1915 г. т. CLXIV, нояб., 323.
Степановъ, г.-лейт. 1915 г., т. CLXIII. авг., 335.
Стояновскій, Ник. Ив., юристъ, р. 1820 г., т. CLXI, янв., 19, 22.
Стояновъ, ред. Кіев. Вѣд. 1863 г., т. CLXIV, дек., 423.
Стрекалова, Над. Евдок., 1846 г., т. CLXIII, сент., 433, 434.
Стрекаловъ, сенат. 1846 г., т. CLXIII, сент., 434.
Стрильманъ, шт.-кап. 1877 г., т. CLXIII, іюль, 102.
Строганова, гр. Анна Мих., рожд. гр-ня Воронцова. т. CLXIV, дек., 361.
Строгановъ. гр. Алсд. Серг., т. CLXIV, дек., 361.
Строгановъ, гр., Серг. Григ., попеч. москов. окр., р. 1793 † 1882 г., т. CLXII, апр., 84, май, 354, 355, іюнь, 455, т. CLXIII, сент., 425, 429,
Строгановъ. депут. законодат. комис. 1768 г., т. CLXI, янв. 71. т. CLXII, май, 317, 318.
Строгановъ, гр., 1768 г., т. CLXII, апр., 52, май, 298.
Струковъ, ген., 1878 г., т. CLXII, май, 300, т. CLXIII, іюль, 96—110.
Стэдъ, т. CLXI, февр., 425—430, т. CLXII, апр., 140, іюнь, 521, 525, 526.
Суворова, Елена Алсд., рожд. Нарышкина, т. CLXI, февр., 437.
Суворовъ, Алсд. Аркад., спб. воен. губерн. † 1882 г., т. CLXIV, окт. 62.
Суворовъ. Алсд. Вас., генералис., р. 1729 † 1800 г., т. CLXI, февр., 437, т. CLXII, іюнь, 596, 597, т. CLXIII, іюль, 122, 123, 126, 127.
Суворовъ, Аркад Алсд. † 1811 г., т. CLXI, февр., 437—443.
Суворовъ, Ив., собщ.: „Объ упорядоченіи монастырской жизни" (1670 г.), т. CLXIII, іюль, 135—136.
Сумарокова-Эльстонъ, гр., 1867 г., т. CLXIII, авг., 273.
Сумскій, корреспонд., т. CLXIII, іюль, 77.
Сухомлиновъ, воен. мин. 1915 г., т. CLXIII, сент., 514, 519, т. CLXIV, окт., 162.
Сухоручкинъ, присяж. повѣрен. 1877 г., т. CLXI, янв., 234.

Т.

ф-Таль, А. Е., рожд. Ламанская, сообщ.: „Изъ воспоминаній Евгенія Иванов. Ламанскаго" 1840—1890 г., т. CLXI, янв., 73—87, февр., 367—375, мартъ, 576—589, т. CLXII, апр., 60—71, май., 338—352, т. CLXIII, сент., 474—500, окт., 58—68, т. CLXIV, нояб., 203—213, дек., 401—515.
Танѣевъ, А. С., ст.-секрет. 1840 г., т. CLXI, янв., 76, 77.
Тарасовъ, К. А., чл. Гос. Думы 1915 г., т. CLXIV, дек., 493.
Тарновская, П. Н., т. CLXI, мар., 636.
Татаринова, Ек. Фил., т. CLXII, май, 327.
Татариновъ, В. А., т. CLXII, май, 346.
Татищевъ, посолъ въ Вѣнѣ, т. CLXI, мартъ, 597.
Тепловъ, казнач. рус. посольст. въ Константиноп. 1878 г., т. CLXI, мартъ, 502.
Тергукасовъ, ген.- лейт., 1877 г., т. CLXI, февр., 412, мартъ, 524.
Тернеръ, Ѳ. Г., т. CLXI, февр., 370, т. CLXIII, сент., 475.
Терновскій, свящ. 1845 г., т. CLXII, іюнь, 466, т. CLXIII, сент., 431, 432.

Тиме, Адольфъ Өед., гл. правл. фабр. Вольфъ, т. CLXIV, дек., 496.
Тимошевскій, Григ. Ив., директ. маріуп. гимназ., 1892 г., т. CLXIII, іюль, 113.
Тимощукъ, Вѣра Вас., сообщ.: „Императоръ Александръ I и Р. А. Кошелевъ", т. CLXII, май, 326—337. „Изъ записокъ короля Станислава Понятовскаго" т. CLXIV 364—378.
Титовъ, послан. въ Турціи, 1843 г., т. CLXII, іюнь, 551.
Толмачевъ, депут. законодат. комис. 1767 г., т. CLXI, янв., 71.
Толстая, гр-ня, фрейлина 1867 г., т. CLXIII, авг., 266, т. CLXIV, нояб., 266.
Толстая, гр-ня, т. CLXII, апр., 141.
Толстой, гр., Алексѣй, т. CLXII, апр., 141.
Толстой, гр., Дм. Андр., мин. просв. внутр. дѣлъ, р. 1823 † 1889 г., т. CLXIII, авг., 281, 293.
Толстой, гр., Левъ Никол., писат. † т. CLXI, февр., 430.
Толстой, гр., об.-гофмарш. 1814 г., т. CLXIV, окт., 40.
Толстопятова, Е., сообщ.: „Памяти профес. М. А. Толстопятова", т. CГXI, мартъ, 519—531.
Толстопятовъ, Мих. Алсд., проф. минерал. † 1890 г., т. CLXI, мартъ, 519—531.
Таль, А. Я., артил. 1877 г., т. CLXII, іюнь, 529.
Торніелли, гр-ня, Ольга, рожд. гр-ня Ростопчина, т.CLXII, апр., 141.
Торчиловскій, ген. 1877 г., т. CLXIII, іюль, 85.
Тотлебенъ, гр. Эд. Ив., воен. инж., р., 1818 † 1884 г., т. CLXI, мартъ, 544, т. CLXII, апр., 179, іюнь, 482, т. іюль, 81, сент. 463.
Тохателовъ, подп. 1904 г., т. CLXII, іюнь, 496, 497, 513.
ф-Транзе, Гастонъ, помѣщикъ 1915 г., т. CLXIII, сент. 515.
Трей, Карлъ, пасторъ 1915 г., т. CLXIV, окт., 167.
Троцкій, Виленск. ген. губ. т. CLXII, іюнь, 479, 484.
Трощинскій, ст.-секрет. 1796 г., т. CLXIV, окт., 124.
Трубецкой, кн., Никита Юрьев., ген. фельдм., р. 1699 † 1766 г., т. CLXI, февр., 276, т. CLXIV, дек., 362.
Тургеневъ, А. И., т. CLXI, янв., 131.
Тургеневъ, Ив. Серг., писат., р. 1818 † 1883 г., т. CLXI, мартъ, 644, 645.
Турнъ, австр. посолъ 1915 г., т. CLXIV, дек., 401.
Турчаниновъ, полков. 1915 г., т. CLXIII, авг., 249.
Тютчевъ, Өед. Ив., писат., р. 1803 † 1873 г., т. CLXI, февр., 344.,
Тяжельниковъ, г.-лейт. 1889 г., т. CLXII, апр., 158.

У.

Уваровъ, гр., Серг. Сем. мин. нар. просв., + 1855 г., т. CLXI, янв., 74, т. CLXIII, сент., 424.
Уваровъ, Өед. Петр., команд. гвард. корп., р. 1769 † 1824 г., т. CLXIV, окт., 40.
Уильямсъ. англ. посл. 1750 г., т. CLXIV, дек., 371—373.
Ульманъ, докт. 1915 г., т. CLXIII, авг., 359.
Унгернъ-Стенбергъ, депут. законодат. комис. 1767 г., т. CLXII, май, 323.
Унковскій, А. М., юристъ, т. CLXI, янв., 23.
Унтербергеръ, инж. ген., сенат. 1915 г., т. CLXII, май, 397.
Урусовъ, кн., Алсд. Петр., чл. гос. Думы 1915 г., т, CLXIII, іюль, 38.
Урусовъ, кн., оф. 1863 г., т. CLXIII, сент., 460.
Урусовъ, кн., повѣрен. въ дѣлахъ въ Аөинахъ, 1912 г., т. CLXII, май, 241.
Усовъ, С. С., 1845 г., т. CLXII, іюнь 461.
Уцміевъ, кн., Ханъ Карабахскій, т. CLXII, іюн, 533.
Ушаковъ, Ө. Ө., адм. 1798 г., т. CLXI, февр., 251, 273, мартъ, 492, 498, 499, 500.
Ушинскій, К. Д., педагогъ, т. CLXI, февр., 445, 449.

Ф.

Фабриціусъ, Авг. Карл., педаг., 1860 г., т. CLXII, май, 358, 359, 363.
Фалькъ, Робертъ, Госуд. преступн. 1915 г., т. CLXIV, нояб., 326.
Фелькерзамъ, бар., чл. Госуд. Думы 1915 г., т. CLXIV, нояб., 312, 318.
Фердинандъ, царь Болгарскій 1915 г., т. CLXIV, 175—184.
Ферзенъ, бар., Куртъ Никол., 1915 г., т. CLXIII, авг., 357.

Ферморъ, ген. 1762 г., т. CLXI, мартъ, 544.
Филаретъ, митроп. кіевскій, т. CLXI, янв., 101.
Филаретъ (Дроздовъ), митроп., москов. р. 1783 † 1867 г., т. CLXI, янв., 74, 88—116, т. CLXIII, сент. 431, 432.
Филатовъ, ген. 1812 г., т. CLXI, февр., 438, 442.
Филимоновъ, Георг. Дм., 1845 г. т. CLXII, іюнь, 460, 461, 463.
Филиповичъ, докт. 1889 г., т. CLXII, апр., 159.
Филипповъ, художн., 1863 г., т. CLXIV, окт., 74.
Фиилипповъ, Тертій Ив., госуд. контрол., т. CLXII, іюнь, 472—476, т. CLXIV, нояб., 255, 256.
Филисофовъ, В. Д., т. CLXI, февр., 388, 390.
Фирксъ, бар., Фридр. 1915 г., т. CLXIII, сент., 509.
Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ, деканъ москов. унив. 1862 г., т. CLXI, мартъ, 521.
Флавицкій, подпор. 1904 г., т. CLXII, іюнь, 502.
Фонъ-фокъ, дворянинъ 1915 г., т. CLXIII, авг., 359.
Фотенгауеръ, г-л. 1915 г., т. CLXII, май, 397.
Фотій, (Петръ Никит. Спасскій). настоят. Новг.-Юрьевскаго монаст., р. 1792 † 1838 г., т. CLXII, май, 337,
Франкъ, бар., офиц. 1876 г., т. CLXI, февр., 397, 399, 400, 401, 405, 409.
Фредериксъ, бар., Б. В., попечит. Смольн. инст. 1881 г., т. CLXI, февр., 319.
Фрейдбергъ, Борисъ, госуд. преступн. 1915 г., т. CLXIV, нояб., 326.
Фрейнатъ, Отто, Генр. д. ст. сов., т. CLXIV, дек., 496.
Фрейтагъ, бар. помѣщ. 1915 г., т. CLXIV, дек., 508.
Фрезе, П. Ѳ., педагогъ 1877 г., т. CLXI, янв., 234.
Френкель, бар., финанс. дѣятель 1867 г., т. CLXIII, авг., 289.
Фридрихъ Великій, кор. прусскій, т. CLXI, 515—518.
Фуадъ-паша, турецк. госуд. дѣятель, 1878 г., т. CLXI, февр., 306.
Фуксъ, Э. Я., предсѣд. Харьков. судебн. окр., т. CLXI, янв., 24.

Х.

Хворостининъ, кн., Ив. Дм., т CLXI, февр., 433.
Хвостовъ, А. Н., мин. вн. дѣлъ 1915 г., т. CLXIV, дек., 492, 493.
Хитрово, Н. П., сообщ: „Послѣдній штурмъ крѣпости Карса въ 1877 г., и предшествовавшія взятію этой крѣпости событія въ дѣйствующей Кавказской арміи и на Кавказѣ", т. CLXI, февр., 388—413.
Ванъ-деръ-Ховенъ, Ф. А., 1915 г., т. CLXIII, сент., 521.
Хомутовъ, вице-адм. 1915 г., т. CLXII, май, 397.
Хомяковъ, Алексѣй Степ., проф. писат., р. 1804 † 1860 г., т. CLXI, янв., 5, т. CLXIII, сент., 417.
Хохловъ, Васил., стрѣлецк. голова 1604 г., т. CLXI, февр., 435.
Хрептовичъ, гр., послан. въ Англіи, 1856 г., т. CLXII, іюнь, 517.

Ц.

Цвернеръ, Д., фабрикан. 1915 г., т. CLXIV, окт. 169.
Церпицкій, г.-лейт. 1904 г., т. CLXII, іюнь, 497, 498, 499, 504.
Циммерманъ, Юлій Генрихъ, влад. музык. фирмы 1915 г., т. CLXIV, окт., 170.
Циммерманъ, докт. 1865 г., т. CLXII, апр., 144.
Цитовичъ, издатель „Берега", т. CLXIII, авг., 281.
Циціанова, княг., Екат. Викент., рожд. ф.-Райзеръ, т. CLXIV, окт., 123.
Циціановъ, кн., Дм. Мих., CLXIV, окт., 123.
Циціановъ, кн., П. Д., главноком. на Кавказѣ 1801 г. т. CLXIII, іюль, 133.

Ч.

Чавгавадзе, кн. ген.-лейт. 1876 г., т. CLXI, февр., 405.
Чарторыйскій, кн., Адамъ, т. CLXIV, дек., 364.
Чарторыйскій, вице-канцл. Литовскій 1748 г., т. CLXIV, дек., 367.
Чарыковъ, гофм., диплом. 1912 г., т. CLXII, апр., 113.

Чевbooжевскій, В. С. сообщ: „Письмо въ редакцію“, (по поводу кончины японск. послан.) т. CLXIII, авг., 368, 369.
Чевкинъ, Ник. В., предсѣд. департ. Госуд. экономіи, 1863 г., т. CLXIII, сент., 407, 480.
Черепановъ, нач. штаба дивизіи 1877 г., т. CLXIII, іюль, 81, 83, 93.
Черкасскій, кн., т. CLXI, мартъ, 586.
Черновъ, Алсд. Осип., пед., 1845 г., т. CLXII, іюнь, 459.
Чернушевичъ, ген.-лейт. 1915 г., т. CLXII, май, 397.
Чернышевъ, гр., Алсд. Ив., воен. мин. † 1852 г., т. CLXI, февр., 419., мартъ, 590, 595, 596.
Чернышевъ, гр., Захаръ Григ., Москов. главноком., т. CLXI, февр., 356, т. CLXIII сент., 437.
Чернышевъ, гр., Петръ Григ., послан., въ Парижѣ 1762 г., т. CLXI, мартъ, 536.
Черняевъ, Мих. Григ., ген. р. 1828 г., т. CLXI, февр., 363.
Чертковъ, Азовск. губер. 1778 г., т. CLXIII, іюль, 123.
Чивилевъ, проф., т. CLXII, май, 354.
Чивилевъ, проф., т. CLXIII, сент., 429, 433, 434.
Чоглокова, Вѣра Ник., т. CLXIV, дек., 361.
Чоглокова, Ек. Ник., фрейл. р. 1745 † 1794 г., т. CLXIV, дек., 391.
Чугаевичъ, Соф. Дм., см. Георгіевская.
Чулковъ, маіоръ 1877 г., т. CLXIII, іюль, 101.
Чхеидзе, чл. Госуд. Думы 1915 г., т. CLXIV, нояб., 310.

Ш.

Шавельскій, Георгій, священ. 1915 г., т. CLXII, апр., 206.
Шаликовъ, кн., 1863 г., т. CLXIII, авг., 296, сент. 406.
Шафировъ, бар., Петръ Павл., вице-канцл., р. 1670 † 1739 г., т. CLXII, май, 228, 485.
Шаховской, князь, Влд. Алсд., 1905 г., т. CLXIII, авг., 182.
Шаховской, князь Яковъ Петр., ген.-прокур., р. 1706 † 1707 г., т. CLXI, февр., 281.
Шаховской, князь кап. гвардіи 1762 г., т. CLXI, мартъ, 535.
Шварцъ, помѣщ. 1915 г., т. CLXIV, дек., 513.
Шведе, контр.-адм., 1915 г., т. CLXII, май, 398.
Шверинъ, гр., Аксель, авт. записокъ, 1915 г., т. CLXIII, іюль, 164, 165.
Шебеко, послан. въ Букарестѣ 1913 г., т. CLXIII, іюль, 25, авг., 217, 232, 240, сент., 377, 391, 394, 402, т. CLXIV, окт., 5, нояб., 185—201, дек., 381—397.
Шевыревъ, Степ. Петров., проф., р. 1806 † 1864 г., т. CLXII, іюнь, 455, 467, т. CLXIII, сент., 414—422, т. CLXIV, нояб., 255.
Шелашникова, Адел. Петр., въ зам. княг. Оболенская, т. CLXI, февр., 359.
Шелашникова, Соф. Петр., въ зам. баронесса ф.-Гюнтероде, т. CLXI, февр., 358.
Шелашниковъ, Валент. Петр., 1846 г., т. CLXIII, сент., 430.
Шельтемъ, Яковъ, составл. имъ описан. пребыв. имп. Александра I, въ Голландіи въ 1814 г., т. CLXIV, ноябр., 223—236.
Шереметевъ, Борисъ Петров., ген.-фельдм., р. 1652 † 1719 г., т т. CLXI, мартъ, 485.
Шереметевъ, гр., Петръ Борис., об.-камергеръ, р. 1713 † 1788 г. т. CLXI, февр., 278.
Шереметевъ, Ѳед. Ив., воевода. 1608 г., т. CLXI, февр., 433, 434.
Шестаковъ, Сергѣй Дм., проф. 1846 г., т. CLXIII, сент., 427.
Шестаковъ, контръ-адм. 1863 г. т. CLXIII, сент., 465.
Шидловскій, поруч. 1915 г., т. CLXII, май, 398.
Шиллингъ, бар., чл. Гос. Сов. 1915 г., т. CLXIV, нояб., 303.
Шингаревъ, А. И., членъ Госуд. Думы 1915 г., т. CLXII, май, 269.
Шишко, подполков., 1862 г., т. CLXIII, сент., 460.
Шлиппенбахъ, ген.-м. 1716 г., т. CLXI, мартъ, 486.
Шмидтъ, кап., морск. оф. 1863 г., т. CLXIV, окт., 71.
Шпангенбергъ, педаг., 1840 г., т. CLXII, апр., 82.
Шпанъ, К. К., директ. рус. общ. для изготовл. снарядовъ 1915 г., т. CLXIII, сент., 520, 521.
Шпицеръ, С., сообщ.: „Письмо Г. Е. Благосвѣтлова“, т. CLXI, мартъ, 642—647.
Штакельбергъ, гр., Густавъ Оттонов., послан. въ Вѣнѣ 1811 г, т. CLXI, янв., 168, т. CLXII, май, 330—332.

Штакельбергъ, баронъ, А., 1915 г., т. CLXIV, нояб., 303.
Штакельбергъ, г.-лейт. 1908 г., т. CLXII, іюнь, 497.
Штиглицъ, бар., управл. Госуд. Банк. 1862 г., т. CLXIII, сент., 479, 480, т. CLXIV, окт., 61.
Штоквичъ, ген., т. CLXI, мартъ, 524.
Штрайхъ, С., сообщ.: „Письма Н. И. Пирогова къ невѣстѣ". т. CLXII, май, 264—290.
Шуваловъ, гр., Андрей Петр., управл. госуд. ассигнац. банкомъ, р. 1744 † 1789 г., т. CLXI, февр., 280.
Шуваловъ, Ив., камерг. 1761 г., т. CLXI, мартъ, 543.CLXIV, дек., 378.
Шуваловъ, гр., Петръ Андр., дипломатъ, р. 1827 † 1889 г., т. CLXI, янв., 38, мартъ, 543, т. CLXII, май, 300.
Шуваловъ, гр., Петръ, фельдм. † 1762 г., т. CLXI, февр., 280.
Шуваловъ, камергеръ 1762 г., т. CLXI, февр., 275, 281.
Шуваловъ, гр., варшав. ген.-губ., 1890 г., т. CLXIII, іюль, 144.
Шуйскій, Василій, царь, т. CLXI, февр., 434, мартъ, 601—615.
Шульгофъ, піанистъ, т. CLXIV, окт., 134.
Шульцъ, 1915 г., т. CLXIII, іюль, 168, 169.
Шумахеръ, сенаторъ 1865 г., т. CLXIII, авг., 282.
Шумигорскій, Евгеній Севаст. сообщ.: „Одинъ изъ ревностнѣйшихъ насадителей нѣмецкаго засилья въ Россіи. Графъ Карлъ Васильевичъ Нессельроде", т. CLXI, янв., 160—165. „Изъ неизданныхъ записокъ гр. Ѳ. Г. Головкина. Гр. Вильгельмъ Нессельроде", 166—170. „Донесенія датскаго посланника Гакстгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 года", февр., 274—282, мартъ, 532—544, т. CLXII, апр., 33—37, май, 295—298, т. CLXIV, дек., 359—364.

Щ.

Щеголевъ, ген. 1878 г., т. CLXII, апр., 154.
Щелкановъ, 1847 г., т. CLXI, янв., 77, 78.
Щелкуновъ, Іоаннъ, священ., сообщ.: „Житье-бытье Петра Великаго въ Даніи", т. CLXI, февр., 243—250, мартъ, 483—491, т. CLXII, апр., 5—13, май, 227—230.
Щепина, Ольга Вас., т. CLXIV, окт., 84.
Щербатовъ, кн., депут. Ярослав. дворян. въ законод. комис. 1767 г., т. CLXI, янв., 71, т. CLXII, май, 323.
Щербатовъ, кн., М. М., историкъ, т. CLXI, февр., 332.
Щербинскій, М. П., т. CLXIV. дек., 416—420,
Щтиглицъ, бар., банкиръ, т. CLXI, мартъ, 582, т. CLXII, май, 338, 339, 340, 347, 351.
Щербининъ, М, П., сенат., нач. гл. управл. по дѣламъ печати, т. CLXIII, сент. 405, 408.
Щуровскій, Григ. Ефим., проф. 1862 г., т. CLXI, мартъ, 519, 521, 524.

Э.

Ф.-Экеспарре, О., Э. чл. Гос. Сов. 1915 г., т. CLXIV, нояб., 317.
Ф.-Экеспарре, X. О., помѣщ. 1915 г., т. CLXIV, нояб., 317.
Энгельгардтъ, Б. А., бар., деп. Гос. Думы 1915 г., т. CLXII, май, 412.
Энгельгардтъ, Вас. Пав., астрономъ † 1915 г., т. CLXII, іюнь, 596—598.
Энгельгардтъ, Н. Л., т. CLXI, янв., 122.
Энгельгардтъ, баронес. Соф. Мих., рожд. Каткова, т. CLXIII, авг., 279.
Энгельгардтъ, управл. Ковен. казен. палат., т. CLXII, іюнь, 478.
Эргардтъ, медикъ 1863 г., т. CLXIV, окт., 75.
Эслингеръ, Л. А., помѣщ. 1915 г., т. CLXIV. дек., 513.
Эссенъ, адм. † 1915 г., т. CLXII, май, 410, т. CLXIII, авг., 345.
Эттеръ, совѣтн. посол. въ Лонд. 1913 г., т. CLXII, іюнь, 440.

Ю.

Юденичъ, Ник., г.—л., 1915 г., т. CLXII, апр., 203.
Юдинъ, И., сообщ.: „Лихолѣтье на Кавказскомъ рубежѣ", т. CLXI, февр., 431—436.

Юрьевъ, С. А., 1845 г., т. CLXII, іюнь, 461.

Юрьевъ, Ѳед. Филип., управл., банкомъ † 1860 г., т. CLXII, апр., 67, 68.

Я.

Языкова, М. Д., сообщ.: „Воспоминанія г.-л. Николая Константиновича Языкова о кампаніи 1877 г.", т. CLXIII, іюль, 79—110.

Языковъ, М. Д., сообщ.: „Воспоминанія г.-л. Николая Конст. Языкова о кампаніи 1877 г.", т. CLXI, янв., 231—237, мартъ, 674—685, т. CLXII, апр., 166—184.

Языковъ, Никол. Конст., ген.-лейт. 1877 г., т. CLXI, янв., 231—237, мартъ, 674—685 г., т. CLXII, апр., 166—184.

Якимовскій, полков. священ. 1915 г., т. CLXIII, авг., 248.

Яковлева, Евд. Анд., т. CLXIV, нояб., 253, 254.

Яковлевъ, Ив. Як., учит. рисов. 1863 г., т. CLXIV, нояб., 253.

Яковлевъ, кореcп. Нов.-Врем. т. CLXIV, дек., 487

Яковлевъ, атташе рус. посольства въ Константинополѣ 1878 г., т. CLXI, мартъ, 502.

Ѳ.

Ѳеодоръ Іоанновичъ, царь, т. CLXI, мартъ, 604, 605.

Ѳеодосій, архіеп., т. CLXI, мартъ, 486.

Ѳеодотій, архіеп. симбирск. 1848 г., т. CLXI, янв., 106.

Ѳеофилъ, Кіевск. митроп. 1877 г., т. CLXI, янв., 235.

Указатель состав. В. В. Тимощукъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1916 г.

НА СТАРѢЙШІЙ изъ ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“.

52-й годъ изданія.

Выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 5 до 12 печатныхъ листовъ.

Въ неофиціальной части **1914** года были, между прочимъ, помѣщены статьи: **Н. С. Дрентельнъ.** Изъ бесѣдъ съ учащимися и ученическіе вопросы. **В. Л. Розенбергъ** О динамическомъ измѣреніи силъ и принципѣ равенства дѣйствія и противодѣйствія. **Н. К меньщиковъ.** Астрономическія задачи изъ литературныхъ произведеній. **Евгеній Лозинскій.** Воспитаніе въ борьбѣ съ вырожденіемъ. **К. Евсѣевъ.** Вопросъ о литературныхъ бесѣдахъ въ русской педагогической литературѣ. **К. М. Лѣпиловъ.** Педагогическое рисованіе. **В. Волынцевичъ** Новости иностранной педагогической литературы. **А В. Полторацкій.** Международный конгрессъ по физическому воспитанію въ Даніи въ 1911 году. **А. Щепинскій.** Кинематографъ со школьной точки зрѣнія.

Въ неофиціальной части **1915** года были, между прочимъ, помѣщены статьи: **Н. С. Браиловскій** Старое и новое въ методикѣ сочиненій по русскому языку въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. **Алексѣй Флеровъ.** Замѣтки личнаго опыта. **В. Селиновъ.** Современные вопросы „теоріи историческаго званія“ въ связи съ задачами методики исторіи и состояніемъ нашей учебной исторической литературы. **М. Г. Попруженко.** Темы по математикѣ. **И. И. Полянскій.** Историко-критическій обзоръ основныхъ моментовъ методики начальнаго естествовѣдѣнія. **В П. Будановъ.** Школьные географическіе кабинеты и ихъ оборудованіе. **А. Д. Бутовскій.** Воспитаніе и тѣлесные упражненія въ англійскихъ школахъ. **Н. С. Дрентельнъ.** Въ дебряхъ нашей популярно-научной литературы. **Э. Кревинъ.** Руссо-источникъ новѣйшихъ теченій въ нѣмецкой педагогикѣ. **И. С. Симоновъ.** Записки К. Д Кавелина о преподаваніи „законовѣдѣнія“ въ русскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ. **Борисъ Флейшеръ** О желательности нѣкоторыхъ мѣропріятій въ интересахъ большаго развитія самодѣятельности нашихъ кадетъ. Статьи, замѣтки и рецензіи: **Ал. Ник. Острогорскаго, П. Ф. Каптерева, Ап. Ник. Макарова, А. Постникова, М. Гр. Попруженко, Н. С. Дрентельна, А. С. Рождествина, В. Л. Розенберга, И. И. Полянскаго, М. В. Соболева, Н. Н. Бахтина, К Лѣпилова, В. П. Буданова, С. Бернштейна, Н. Саввина, А. Налимова, А. П. Флерова, М. Д. Приселкова, С. А. Переселенкова, Н. П. Покотило, Евг. Лозинскаго, К Житомірскаго, Вл. Шидловскаго, Е. Е. Семашкевича, Н. К. Михайловскаго, Б. Флейшера, А. С. Аварьева, С. Траилова,** и др. Въ приложеніи къ журналу печатается „**Краткій отчетъ дѣятельности Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній**“ за очередный годъ, включающій работы отдѣловъ: 1) **Русскаго языка**, 2) **Математикѣ**, 3) **Физики, механики и космографіи**, 4) **Естествовѣдѣнія**, 5) **Географіи**, 6) **Графическихъ искусствъ** и 7) **Иностранныхъ языковъ** (разборъ учебныхъ программъ, пособій и книгъ, обмѣнъ мнѣній преподавателей-практиковъ. и ученыхъ-спеціалистовъ) вообще по всѣмъ вопросамъ преподаванія въ средней школѣ.

Подписная цѣна съ доставкой 5 р. Иногородніе адресуютъ въ редакцію: *Петроградъ, Тучковъ пер., д. 11, кв. 11.*

Редакторъ **И. С. Симоновъ.**

Доктора медицины А. П. ЗЕЛЕНКОВА:

1) „Вегетаріанство какъ средство для лѣченья и предупрежденья болѣзней“. 20 коп. 2) „О самозащитѣ человѣческаго организма. О воздушно-солнечномъ купаньи и проч.“ 40 коп.

Подъ редакціей д-ра мед, А. П. Зеленкова:

„Я НИКОГО НЕ ѢМЪ!“

III-е изданіе, 13-я тысяча экземпляровъ.

365 вегетаріанскихъ меню (по временамъ года) и руководство для приготовленія

1500 вегетаріанскихъ кушаній

Авторъ (жена д-ра мед. О. К. Зеленкова: Петроградъ, Шпалерная 44-б, кв. 23) высылаетъ налож. платежемъ. Цѣна 2 р., въ переплетѣ. Пересылка 35 коп., иногороднымъ 55 коп.

О. К. Зеленкова: „НѢЧТО О ВЕГЕТАРІАНСТВѢ“.

4 первыхъ выпуска 60 коп.

Содержаніе: Гр. Л. Толстой, о вегетаріанствѣ. Удобоисполнимость вегетаріанскаго режима. Доводы за вегетаріанство: Проф. Бекетовъ, Peterson, Platen, Д-ра мед.: Ybaig, Suchier, Schweninger. „Орденъ траппистовъ“ подтверждающій фактически раціональность вегетаріанскаго режима. О вредѣ мясной пищи, рыбы, пряностей, кофе, чая, бульона. Вегетаріанство въ древности. Ростъ вегетаріанскаго движенія во Франціи. Вегетаріанство, какъ источникъ выносливости и силы и какъ средство для лѣченья и предупрежденья болѣзней. О вредѣ алкоголя, корсета. Вода, воздушно-солнечное купанье. Гигіена спальни и проч.

Продаются и въ книжн. магаз. „Новаго Времени“: Невскій 40.